

Н И Коржанский
(Киев – Украина)

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Т. 4

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В Г Павлов
(Санкт-Петербург)

А И Рарог
(Москва)

Издание профессора Малинина
Санкт-Петербург
2005

ББК 67.408
Э 687

Рецензенты:

кафедра уголовного права Санкт-Петербургского университета
МВД России;

кафедра уголовно-правовых дисциплин Межрегионального
института экономики и права.

Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. –
Издание профессора Малинина, СПб., 2005.

ISBN 5-91005-001-X
ISBN 5-91005-004-4 (т.4)

Предлагаемая «Энциклопедия уголовного права» – первое издание
подобного рода. В нем будут рассмотрены практически все проблемы
Общей и Особенной частей уголовного права, проблемы
квалификации преступлений, уголовное право зарубежных стран и др.

Рассчитана она прежде всего на преподавателей юридических
вузов, а также на аспирантов, соискателей, молодых ученых..

Четвертый том "Энциклопедии" посвящен составу преступления.
В нем рассматривается понятие состава преступления и его элементы:
объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона.

ISBN 5-91005-001-X
ISBN 5-91005-004-4 (т.4)

ББК 67.408
Э 687

ГЛАВА I ПОНЯТИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1 Понятие и значение состава преступления

1.1 Развитие понятия состава преступления

Еще в эпоху Средневековья, как отмечалось в предшествующих главах, шла борьба за установление элементарной законности в судопроизводстве. Демократические слои общества, вдохновляемые идеями просветителей, требовали стабильности законодательства, отмены практики произвольных арестов и неопределенных приговоров, непредсказуемых решений властей, которые к тому же имели обратную силу. Все возраставшая активность привела в дни Великой Французской революции к признанию принципа, известного еще римлянам – "nullum crimen sine lege" (нет преступления без указания закона), который был, наконец, провозглашен в Декларации прав человека и гражданина 1789г., а затем записан в ст.1 УК Франции 1810 г. Впоследствии он вошел и в кодексы других стран.

Но этого было недостаточно – по крайней мере, в двух отношениях. С одной стороны, оставалось неясным, можно ли признавать преступлением "опасные мысли", не выраженные в каком-либо запрещенном действии (а ведь именно такова была практика инквизиции). С другой стороны, можно ли считать преступным действие (бездействие), причинившее вред, но совершенное без умысла или неосторожности. А такие решения, хотя и не повсеместно, принимались нередко как церковными, так и светскими судами.

Иначе говоря, теоретическая мысль, да и юридическая практика нуждались в более точном определении преступления, в перечислении всех составляющих его элементов и неотъемлемых признаков, при отсутствии которых наказание человека было бы недопустимым.

Постепенно европейские юристы пришли к выводу, что всякое преступление включает четыре элемента: объект посягательства, субъекта (преступника), объективную и субъективную стороны его деяния. Но этого было недостаточно, так как оста-

валось неясным, чем наполнены эти элементы. Требовалась детальная конкретизация признаков любого преступления.

На этой основе возникли попытки вначале хотя бы сформулировать в теоретических трудах обязательные признаки различных преступных деяний, а затем и попытаться закрепить их в законе. Речь шла, как легко понять, о создании конструкции, которую мы теперь называем *составом преступления*. Для этого потребовалось более сотни лет.

В данном Курсе мы не станем излагать всю сложную историю развития этого института. Выдающийся российский юрист Н.С. Таганцев довольно подробно описал вклад ряда ученых (в основном немецких) в разработку данной проблемы и дал определение состава преступления как "совокупности характеристических признаков преступного деяния"¹ – определение, весьма близкое к тем, что используются в наше время.

Из отечественных юристов надо, прежде всего, упомянуть А.Н. Трайнина, который создал фундаментальный труд о составе преступления, где рассмотрел взгляды многих ученых: А.Фейербаха, Штюбеля, Белинга, Миттермейера, Менгера, Гарро, Бернера, Кестлина, а также отечественных юристов Белогриц-Котляревского, Кистяковского и др.²

Исследования состава преступления, начавшиеся в конце XVIII в. и продолжающиеся до сих пор, привели к группе сходных конструкций этого понятия и вместе с тем обнажили ряд существенных не вполне ясных деталей (например, о логической и правовой природе состава, его разграничении со смежными составами, о соотношении состава и диспозиции правовой нормы, о разновидностях составов и природе образующих их признаков). Этим и другим спорным вопросам мы и посвятили дальнейшее изложение.

В дополнение к сказанному надо подчеркнуть, что состав преступления как определенный правовой институт признается законодательством и юридической практикой большинства стран европейской правовой ориентации (в УК РФ 1996 г. понятие состава преступления упомянуто в ст.8). Но юристы англосаксонского направления не употребляют этот термин, хотя со-

ответствующие требования к конструкции и признакам преступного деяния очень схожи с соответствующими положениями других правовых систем. Правда, по англосаксонской традиции, они отражены, в основном, в уголовно-процессуальных нормах.

1.2 Преступление и состав преступления

Прежде всего, думается, необходима полная ясность по вопросу о соотношении близких понятий: преступления и состава преступления. В книге А.Н.Трайнина такой ясности достигнуто еще не было.

В известной мере это объясняется тем, что слово "преступление" в русской юридической лексике употребляется по меньшей мере в четырех значениях. Во-первых, преступление — это то фактическое действие (или бездействие), которое совершил человек, нарушивший уголовный закон. Например, некто Иванов в пылу ссоры застрелил своего приятеля Петрова из охотничьего ружья. Это реальный факт, подлежащий расследованию и судебному рассмотрению, а совершивший преступление — заслуженному наказанию. Преступление в этом его реальном виде юристы, рассматривающие уголовное дело, не наблюдали и наблюдать не могут: ведь оно уже в прошлом, и далее речь может идти лишь о доказательствах, его подтверждающих или отрицающих.

Три следующих словоупотребления термина "преступление" суть не реальные поступки, а понятия о них. Нижний уровень — понятие того деяния, которое совершил Иванов. Оно содержится в ст.105 УК РФ, которая гласит: "Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому лицу". Это понятие о преступлении определенного вида (видовое понятие) содержит довольно мало признаков содеянного. Так же или почти так же обстоит дело и с понятиями (определениями) других видов преступлений, обозначенных в Кодексе.

Второй, более высокий уровень абстракции — это *родовое* понятие о преступлениях определенной группы (например, понятие хищения, охватывающее ряд преступлений, предусмотренных УК, — см. примечание к ст. 158 УК РФ). Родовое понятие

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Общая часть. Т.1. СПб., 1902. С.22-33.

² Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С.17.

преступлений против военной службы сформулировано в ст.331 УК РФ.

Накопец, самый высокий уровень – это общее понятие преступления. Оно дается в ст. 14 УК РФ: "Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания". Более конкретных признаков оно не содержит. Поэтому, используя его, невозможно, например, отграничить одно преступление от другого. Для этой и многих других целей необходимо иное, более развернутое понятие. Таким понятием и является "состав преступления", который определяется разными авторами, в сущности, одинаково (с незначительными отличиями). Вот несколько примеров.

А.Н.Трайнин считал, что "состав преступления есть совокупность всех объективных и субъективных признаков (элементов), которые согласно советскому закону определяют конкретное общественно опасное для социалистического государства действие (бездействие) в качестве преступления"³.

Спустя 20 лет современные авторы дают более лаконичное определение: состав – это "законодательное понятие о преступлении, указывающее на те признаки, которые закреплены в уголовном законе"⁴. Пожалуй, более точно говорится, что состав – "совокупность установленных законом объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как конкретное преступление"⁵. Но каковы эти признаки? Рассмотрим подробнее этот вопрос.

1.3 Содержание состава преступления

В литературе неоднократно указывалось, что в состав как элемент уголовно-правовой нормы законодателем включаются лишь те признаки, которые в своей совокупности характеризуют сущность преступления данного вида, свидетельствуют о нали-

³ Там же. С.59-60.

⁴ *Игнатов А.Н., Костарева Т.Д.* Уголовная ответственность и состав преступления. Лекция 4 //Уголовное право. Общая часть: Курс лекций //Под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1996. С.26.

⁵ Юридическая энциклопедия. М., 2001. С.1019.

ции, характере и, в общих чертах, степени его общественной опасности.

Я.М. Брайнин расширил эту формулировку. Он правильно отметил, что "сведение роли состава преступления исключительно к роли характеристики общественной опасности деяния суживает его значение"⁶. Признаки состава в действительности характеризуют не только общественную опасность деяния, но и вину лица. Они отличают одно преступление от другого. В связи с этим более правильными представляются те определения состава, в которых подчеркивается, что это совокупность признаков общественно опасного деяния, определяющих его согласно уголовному закону как преступное и уголовно наказуемое⁷.

В отличие от понятий о преступлениях, о которых говорилось выше, в составе преступления признаки перечислены в некоторой жесткой последовательности, они сгруппированы, привязаны к определенным элементам преступления, а для понятия преступления это отнюдь не характерно. Иными словами, состав и понятие преступления различаются по их внутренней структуре, по степени упорядоченности одних и тех же признаков. Как пишет Н.Ф. Кузнецова, состав преступления является "своего рода ядром и структурой (скелет, остов)"⁸ преступления определенной категории.

Состав – это не только совокупность, а строгая система признаков преступления. Состав отражает характерные для преступления внутренние связи образующих его элементов. Большой заслугой науки уголовного права было обнаружение единой общей структуры всех преступлений и построение на этой основе состава каждого преступления из четырех основных групп признаков, характеризующих объект, субъект, объективную и субъективную сторону преступления. Структурный характер состава преступления имеет принципиальное значение для ква-

⁶ *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 94.

⁷ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.2. / Под ред. А.А. Пионтковского. М., 1970. С. 89; Российское уголовное право. Общая часть. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. С. 84.

⁸ *Кузнецова Н.Ф.* Преступление, состав преступления, диспозиция уголовно-правовой нормы // Вестн. МГУ. Сер. Право. 1967. № 54. С. 40; *Жеребкин В.Е.* Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 62.

фикации, ибо дает возможность выработать некоторые общие принципы.

Состав преступления представляет собой систему таких признаков, которые необходимы и достаточны для признания, что лицо совершило соответствующее преступление. Они необходимы в том смысле, что без наличия всех признаков состава в их совокупности лицо не может быть обвинено в преступлении, а следовательно, и привлечено к уголовной ответственности. Они достаточны потому, что нет необходимости устанавливать какие-либо дополнительные данные, чтобы иметь основание предъявить соответствующему лицу обвинение в совершении преступления. В связи с этим нелишне отметить, что реальное преступление содержит множество признаков, безразличных для уголовного права.

1.4 Информационно-логическая природа состава преступления

В известном смысле состав преступления можно рассматривать как упрощенную модель реального преступления. Остановимся на этом подробнее.

Моделирование широко используется во всех науках, в том числе и в праве. Чем, как не созданием модели совершенного преступления занимаются следственные и судебные органы, изучающие и решающие уголовное дело?

Модель обычно определяют как искусственно созданный объект, который, будучи в главном аналогичен исследуемому объекту, отображает и упрощенно воспроизводит структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого объекта, непосредственное изучение которого затруднено или недоступно. Есть и более краткое, хотя и менее точное определение модели как упрощенной символической схемы, предназначенной для объяснения какой-либо реальности⁹.

Моделирование при изучении преступного поведения вполне возможно и осуществимо. Более того, оно имеет несомненные преимущества перед многими другими методами исследования.

Дело в том, что с преступностью и иными антиобщественными поступками практически невозможно экспериментировать, да и изучать уже совершившиеся правонарушения приходится только спустя какое-то время. Моделирование же дает возможность в какой-то степени восстановить условия совершения конкретного поступка или комплекс факторов, повлиявших на всю совокупность правонарушений. Подчеркивая важность этого метода, С.Е.Вицин писал, что "преступность как предмет криминологической науки не может изучаться без использования методов моделирования, ибо сама по себе она не может быть непосредственно воспринята, а даже простейшее представление о преступности как о какой-то статистической совокупности (например, обычное обозначение количества преступлений) является результатом восприятия не самой преступности, а ее количественной модели¹⁰.

Виды моделей разнообразны. С одной стороны, их можно разделить на описательные (словесные), схематические (графические), символические (знаковые), в том числе математические, и предметно-подобные (вещественные), с другой – на количественные и качественные. Подробную классификацию моделей проводит С.Е.Вицин¹¹. В уголовном праве в большинстве случаев используются качественные модели, которые не содержат цифровых данных, но дают представление о взаимосвязях различных преступлений их структур, разновидностях и тем самым наглядно поясняют социальные и психологические механизмы поведения людей и основания ответственности.

Можно сказать, что состав является информационной моделью преступления определенного вида, закрепленной в уголовном законе¹². Эта модель образуется в результате обобщения признаков всех преступлений данной разновидности. В резуль-

¹⁰ Вицин С.Е. Моделирование в криминологии. М., 1973. С. 23. О моделировании преступности в криминалистике см., также: Криминалистика. Учебник / Под ред. П.П.Яблокова. М., 1996. С. 88.

¹¹ Вицин С.Е. Моделирование в криминологии. С. 13-14. См. также: Антонян Ю.М., Блувштейн Ю.Д. Методы моделирования и изучении преступника и преступного поведения. М., 1974. С. 11.

¹² Игнатов А.Н., Костарева Т.А. Уголовная ответственность и состав преступления. С. 27. См. также: Уголовное право России. Общая часть. / Под ред. Кругликова. М., 1999. С. 112-113.

⁹ Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 292.

тате мы получаем экономное, краткое и достаточно четкое описание их основных свойств.

Иллюстрируем это положение примером из другой области знаний. Предположим, существует дом (реальный предмет). Но есть еще и чертеж или план этого дома, который, собственно, является его графической моделью. Если чертеж хорош, на нем отражены все существенные признаки дома, необходимые и достаточные для его постройки и эксплуатации. Так дело обстоит и с моделью преступления, содержащейся в его составе. Если совершенное преступление есть реальный фактор, то состав с логической точки зрения есть суждение об этом факте (модель, схема, структура — можно найти и другие слова).

В практической деятельности юриста информационная модель преступления играет двойную роль. С одной стороны, она дает юристу представление о требованиях закона. Например, мы говорим, что состав убийства, предусмотренный ст. 105 УК РФ, включает такие-то признаки этого преступления.

С другой стороны, эта модель дает нам информацию о свойствах совершенного конкретного деяния, которые мы "должны" обнаружить при расследовании дела (предмет доказывания). Соединение, совпадение информации первого и второго рода и происходит при квалификации преступления.

В связи с двойной информационной функцией состава возникает вопрос о терминологии. Так, в литературе иногда используются понятия "законного" и "фактического" составов преступления¹³. А.А.Пионтковский утверждал, что "понятием состава преступления юристы пользуются как для обозначения совокупности признаков, характеризующих определенное преступление по уголовному законодательству, так и для обозначения конкретного деяния, соответствующего этим признакам"¹⁴.

Действительно, такое смешение имеет место. Но, видимо, поддерживать его, как это делает Н.Ф.Кузнецова¹⁵, не следует. Дело в том, что признаки, содержащиеся в норме и в конкрет-

ном деянии, строго говоря, не одни и те же: они даже не равноценные. Признаки, содержащиеся в уголовно-правовой норме, являются обобщенными, лежат на более высоком уровне абстракции, чем признаки единичного явления — конкретного преступления. Можно лишь говорить о соответствии тех и других — в том смысле, что признаки конкретного преступления входят в соответствующие классы признаков, содержащихся в норме права. Поэтому целесообразно пользоваться понятием состава преступления только в одном — нормативном — смысле. Тогда вместо так называемого фактического состава правильнее говорить о "фактических признаках" или об "элементах" конкретного преступления.

Касаясь соотношения состава преступления и диспозиции, мы все время имели в виду диспозицию уголовно-правовой нормы, а не отдельной статьи Особенной части УК. Различая эти понятия, авторы Курса российского уголовного права (2001) верно отмечают, что состав шире, чем диспозиция статьи УК. "Если состав преступления можно рассматривать как логическую конструкцию, как суждение законодателя о преступлении определенного вида, то диспозиция — это только грамматическая форма, как правило, неполная, выражение указанной мысли, так как существуют еще нормы Общей части УК, а многое просто подразумевается"¹⁶. Но об этом ниже.

1.5 Правовое значение состава преступления

Отмеченные свойства состава определяют и его правовое значение. Прежде всего, оно заключается в том, что состав служит юридическим основанием привлечения лица, совершившего преступление, к законной ответственности. Как гласит ст.8 УК РФ, "основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом".

Уже говорилось, что если каждый признак конкретного преступления входит в обобщенный признак состава, соответствует ему так же, как единичный предмет относится к определенному классу предметов, мы говорим, что в действиях этого лица име-

¹³ См., напр.: *Браинин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. С. 116; *Ненов И.* Преступление и состав преступления // *Известия на правления института.* Кн. 1-2. София, 1955. С. 116.

¹⁴ *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении. М., 1961. С. 115.

¹⁵ *Кузнецова Н.Ф.* Преступление, состав преступления, диспозиция уголовно-правовой нормы. С. 36-38.

¹⁶ Курс российского уголовного права / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и А.В. Наумова. Общая часть. М., 2001. С.165.

ется состав преступления. При расхождении хотя бы одного признака основание для наступления уголовной ответственности отсутствует. Как известно, уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению во всякой стадии процесса за отсутствием в деянии состава преступления. Ответственность наступает по определенной статье Особенной части уголовного законодательства. Именно в этом смысле состав преступления следует считать необходимым и единственным основанием уголовной ответственности, а поэтому и юридическим основанием квалификации преступлений.

Следствием указанных свойств состава преступления является и то, что он обеспечивает *разграничение* преступлений различных категорий.

Вполне понятно, что не могут существовать два абсолютно одинаковых (идентичных) состава; все составы преступлений различаются между собой хотя бы одним признаком. Отсутствие различий между составами означало бы невозможность разграничения смежных преступлений.

Разграничительная функция состава имеет важное практическое значение, так как она позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от степени общественной опасности различных преступлений, избирая те правовые последствия, которые законодатель считает наиболее эффективными для борьбы с данным видом преступлений.

В составе преступления нет таких признаков, которые не играли бы разграничительной роли. Каждый из них либо отделяет данный вид преступления от других видов, либо отграничивает преступление от иных правонарушений или общественно опасных действий.

Анализируя разграничительные функции состава, можно заметить, что подавляющее большинство его признаков выполняет первую функцию или одновременно обе. Например, понятие "тайное" (хищение) в составе кражи отделяет кражу от грабежа. Все остальные признаки этих составов совпадают, но зато отделяют кражу и грабеж от иных видов преступлений. Понятие "хищение" не только отграничивает кражу и грабеж от некоторых преступлений против собственности (например, от уничтожения имущества), но и отделяет их от гражданских правонарушений.

В той совокупности признаков, которая в настоящее время включается в содержание понятия состава преступления, имеется, видимо, только один признак, не играющий роли для отграничения одного преступления от другого. Это – вменяемость, которая с юридической точки зрения одинакова для всех преступлений без исключения.

Если в уголовно-правовой норме выделить гипотезу как одинаковую для всех преступлений совокупность условий их совершения, то вменяемость могла бы быть вынесена в гипотезу. Этому с научной точки зрения препятствует то, что вменяемость как признак субъекта преступления тесно связана с формами психического отношения лица к своему поведению. Кроме того, вменяемость отграничивает преступление от общественно опасных действий, не влекущих уголовной ответственности. Поэтому в дальнейшем мы будем ее рассматривать как признак состава, делая в случае необходимости соответствующие оговорки.

Абстрактность состава, его обобщающий характер имеют и определенную отрицательную сторону. Она состоит в том, что закон предусматривает уголовную ответственность только при наличии определенной совокупности признаков, не учитывая множества других обстоятельств. Закон как бы говорит: если есть "тайное хищение имущества, то основание для наступления уголовной ответственности налицо", хотя имеется целый ряд обстоятельств, свидетельствующих о положительных качествах личности обвиняемого, особенностях личности потерпевшего и т.д., которые могли бы делать нецелесообразным привлечение к уголовной ответственности именно этого лица. Как известно, всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям.

Однако абстрактность состава и отмеченный выше формализм юридической нормы имеют не только отрицательную сторону, которая должна преодолеваться, но и положительную, вполне искупающую эти недостатки.

В чем состоит эта положительная сторона? В первую очередь, в единстве и определенности требований, предъявляемых законом ко всем гражданам. Все они равны перед законом независимо от национальных, социальных, религиозных и прочих различий. Этот конституционный принцип имеет и уголовно-правовое значение. Он, в частности, проявляется в том, что уголовное законодательство, как и другие отрасли права, предъявляет ко всем лицам единые требования. Состав кражи одинаков

для всякого, кто бы ее ни совершил, и это имеет важное предупредительное и воспитательное значение. Состав преступления, лишенный многих конкретных деталей, формулирующий преступление в обобщенной, абстрактной форме, дает возможность с необходимой последовательностью и определенностью проводить в жизнь законность в деле борьбы с преступностью.

Основное условие преодоления отрицательной стороны абстрактности состава заключается в правильном построении уголовно-правовой нормы. Норма должна с наибольшей точностью и полнотой отражать тот, и только тот круг общественно опасных деяний, который стремится предусмотреть и запретить законодатель,

Однако и при хорошей редакции закона возможно возникновение противоречий между абстрактным требованием нормы и конкретными особенностями жизненной ситуации. В таких случаях это преодолевается посредством норм Общей и Особенной частей УК, специально предусматривающих то особое стечение обстоятельств, которое исключает уголовную ответственность.

В Общей части УК такое значение имеют ст. 31 ("Добровольный отказ от преступления"), 40 ("Физическое или психическое принуждение"), 41 ("Обоснованный риск"), 75—78 (виды освобождения от уголовной ответственности) и др.

В Особенной части такими нормами являются, например, примечание к ст. 275 (освобождение лица, способствовавшего предотвращению дальнейшего ущерба интересам РФ), примечание к ст. 291 (освобождение взяточника от уголовной ответственности), и др.

Особенно много возможностей для учета конкретной ситуации имеется у суда при решении вопроса о мере наказания виновному. Рассмотрение всех этих случаев выходит за пределы темы этой книги. Здесь мы должны отметить лишь следующее.

Во-первых, преодоление формализма состава, как явствует из сказанного, происходит на основе и в рамках закона, который сам предоставляет достаточные возможности для учета конкретной ситуации¹⁷.

Во-вторых, характерной чертой нашего уголовного права является то, что особенности конкретной ситуации при решении вопроса о наличии состава преступления могут учитываться лишь в пользу обвиняемого.

Уголовный закон знает ряд обстоятельств, исключающих как признание наличия в действиях лица состава преступлений, так и уголовную ответственность. В нашем уголовном законодательстве нет норм, которые допускали бы привлечение к уголовной ответственности при отсутствии состава преступления. В этих положениях ярко проявляются принципы законности и гуманизма, присущие демократической правовой системе.

§ 2 Состав преступления и диспозиция нормы

2.1 Понятие диспозиции

Определяя состав преступления как совокупность всех признаков преступления, следует и точных для привлечения лица к уголовной ответственности, необходимо ответить на вопрос, где эти признаки содержатся. Ответ, казалось бы, прост: в уголовно-правовой норме (ст. 1 УК РФ).

Норма — это правило поведения, не всегда полностью совпадающее с текстом статьи закона. Уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за определенный вид преступления (например, за кражу), не только означает запрещение совершать соответствующее деяние (диспозицию), но и устанавливает санкцию за его совершение, а также предусматривает условия для ее применения (гипотеза нормы)¹⁸.

включая нормы о назначении наказания и об освобождении от уголовной ответственности. Поэтому возражение Н.Д. Дурманова не достигает цели.

¹⁸ Существуют и другие точки зрения на конструкцию уголовно-правовой нормы. Согласно одной из них, уголовно-правовая норма состоит из гипотезы (описание признаков преступления) и диспозиции (мера наказания), санкции же в ней нет. Норма обращена не ко всем гражданам, а к юристам, следователям, судьям, прокурорам (см.: Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 34).

---

¹⁷ Отрицая формализм состава, Н.Д. Дурманов писал, что "в действующем законодательстве, которое надо рассматривать как единое целое, а нормы его как взаимосвязанные, вообще нет формализма" (Советское государство и право, 1964. № 3. С. 151). Это в известной степени верно, но у нас говорится о формализме только самого состава, а не всей системы уголовного права в целом,

Состав преступления как по объему, так и по содержанию является более узким по сравнению с понятием уголовно-правовой нормы. Во-первых, за пределами состава находится санкция нормы. Во-вторых, он не включает гипотезу нормы. Если придерживаться распространенной точки зрения, что в уголовно-правовой норме гипотеза и диспозиция сливаются¹⁹, то состав будет более узким понятием, ибо он явно не включает некоторых условий наступления уголовной ответственности (например, положений УК о пределах действия уголовных законов во времени и пространстве, ст. 94 УК о давности уголовного преследования и т.д.). Если же выделить гипотезу в самостоятельную часть уголовно-правовой нормы, то состав, не включая гипотезы, будет по содержанию очень близок к диспозиции или даже совпадать с ней. Но здесь вновь возникает вопрос о неоднозначном определении понятий. Идет ли речь о диспозиции нормы или диспозиции статьи УК РФ? Понятно, что следует различать диспозицию нормы и диспозицию статьи (части статьи) Особенной части уголовного закона, т.е. текст, в котором описаны признаки соответствующего преступления²⁰. Например, диспозиция ч. 1 ст. 158 УК РФ гласит: "Кража, то есть тайное хищение чужого имущества". В данном случае речь идет именно о диспозиции статьи закона.

Точка зрения, что состав полностью описан в диспозиции статьи УК, представляется на первый взгляд убедительной. Что может быть понятнее и проще для любого юриста-практика: прочитал текст статьи УК и действуй. Удобно и просто пользоваться любым законодательным актом, если исходить из того, что все признаки деяния перечислены исчерпывающим образом в этом акте, и притом в нем одном.

¹⁹ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. / Под ред. А.А. Пионтковского. М., 1970. С. 180-182.

²⁰ Так понимал диспозицию, например, А.Н.Траинин (Общее учение о составе преступления. С.259). Аналогичный смысл вкладывался в понятие диспозиции авторами учебника "Советское уголовное право. Часть Общая". М., 1959. С. 61; "Курса советского уголовного права. Часть Общая". Т.1. / Отв.ред. Н.А.Беляев, М.Д.Шаргородский. Л., 1968, С. 76.

К сожалению, указанная точка зрения не отражает действительности. Уже А.Н.Траинин подчеркивал, что в статьях Особенной части, как правило, нет указаний на объект преступного посягательства²¹. К этому можно добавить, что в большинстве статей УК не говорится о субъекте преступления и о субъективной стороне. В диспозиции статьи описываются в основном признаки лишь объективной стороны преступления, да и то не в полном объеме. Авторы одного из учебников уголовного права судят даже более категорично: "Ни одна диспозиция не содержит описания всех признаков состава преступления"²².

В самом деле, например, приведенный выше текст диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ (кража) не раскрывает всего содержания этого состава преступления. Он непосредственно говорит лишь о двух группах признаков – объективной стороне (тайное хищение) и предмете посягательства (чужое имущество).

Для полного представления о составе кражи обязательно следует выяснить содержание и других признаков состава – субъекта и субъективной стороны. Для этого необходимо обратиться к такой статье Общей части УК, как ст. 19 и 20 УК РФ. Из них видно, что субъектом кражи может быть любое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Субъективная сторона кражи может быть раскрыта лишь на основе анализа других элементов состава и всего деяния в целом. В частности, из этого анализа вытекает, что хищение имущества может быть только умышленной деятельностью, направленной на изъятие чужого имущества (завладение) в целях обращения с ним как со своим собственным, для того чтобы извлечь материальную выгоду для себя или других лиц. В результате толкования закона устанавливаются и другие признаки состава кражи: причинение потерпевшему материального ущерба, безвозмездность изъятия и отсутствие у виновного в момент совершения преступления намерения возратить это имущество (примечание 1 к ст.158 УК РФ).

²¹ Траинин А.Н. Общее учение о составе преступления. С. 260-261.

²² Уголовное право. Часть Общая. / Под ред. В.Д. Меньшагина. М., 1969. С. 87.

Если теперь попытаться собрать все эти признаки воедино, то можно было бы сказать, что кража есть противоправное, безвозмездное, тайное, умышленное изъятие чужого имущества из владения отдельных лиц в целях обращения его в свою собственность, совершенное вменяемым лицом, достигшим 14-летнего возраста.

Приведенный пример достаточно наглядно свидетельствует о том, что состав преступления — гораздо более глубокое понятие, чем диспозиция статьи Особенной части. Как отмечает Н.Ф.Кузнецова, в статье Особенной части указаны обычно только признаки, "специфичные для тех или иных составов... Признаки составов, общие для всех преступлений, вынесены законодателем в Общую часть УК, ибо именно в этом состоит ее назначение".

Восполнение диспозиции нормы происходит не только путем использования статей Общей части, но и посредством анализа системы норм уголовного законодательства в целом.

Из положений Общей части вытекают следующие признаки составов преступления, отсутствующие в диспозициях статей Особенной части:

- 1) признаки, характеризующие объект преступления:
  - а) общий перечень объектов (ст. 2 УК).
- 2) признаки, характеризующие объективную сторону:
  - а) внешняя форма общественно опасного деяния (действие и бездействие) – (ст. 5 УК);
  - б) признаки неоконченного преступления (ст. 29 УК);
  - в) признаки совершения преступления в соучастии (ст. 32 УК).
- 3) признаки, характеризующие субъекта преступления:
  - а) наличие определенного возраста – не менее 14 или 16 лет (ст. 20 УК);
  - б) вменяемость (ст. 19 УК).
- 4) признаки, характеризующие субъективную сторону:
  - а) прямой и косвенный умысел (ст. 25 УК);
  - б) формы неосторожности — самонадеянность и небрежности (ст. 26 УК).

В настоящее время, судя по литературе, подавляющее большинство отечественных юристов разделяет мнение, что состав преступления содержится в диспозиции нормы, а не статьи УК²³. Но есть и иные взгляды. Так, в учебнике под редакцией Л.Л.Кругликова говорится, что норма уголовного права — это "общеобязательное правило, сформулированное в статье (части) УК".²⁴ И далее: "Под диспозицией статьи (части) УК понимают ту ее часть, в которой дается описание или характеристика объективных и субъективных признаков отдельного вида деяния признаваемого преступлением"²⁵.

Соотношение понятий состава преступления, диспозиции уголовно-правовой нормы, диспозиции статьи Особенной части УК, положений статей Общей части, гипотезы уголовно-правовой нормы, а также санкции как частей нормы и статьи объясняется главным образом недостаточно четким определением этих понятий в науке уголовного права (в законодательстве же почти все эти понятия отсутствуют).

В табл.1 сделана попытка сопоставить между собой все смежные понятия, применявшиеся в этом параграфе.

Во второй вертикальной колонке в качестве примера приведены признаки состава кражи, санкция этой нормы, а также правовые условия для наступления уголовной ответственности за это преступление. В последующих столбцах даются различные обозначения частей нормы и статьи УК .

²³ Юридическая энциклопедия. С. 804-805; *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть. М., 1999. С.149; *Общая теория государства и права. Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. Т. II. М., 2001. С.279.*

²⁴ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Л.Л. Кругликова. С.51.

²⁵ Там же.

Таблица 1

Состав преступления кражи и смежные понятия

I	II	III	IV			V
			по общей теории права	по Н.Д. Дурманову	по В.Г. Смирнову	
Символические обозначения	Содержание норм	Статьи УК	Структура нормы			Предпосылки и основания ответственности
M ₂	Совершение преступления на территории РФ в период действия УК 1996 г.	ст.ст. 9 и 11 УК	гипотеза нормы	—	—	предпосылки ответственности
P	при отсутствии обстоятельств, исключающих уголовную ответственность	гл. 8 УК	диспозиция нормы	гипотеза нормы, слитая с диспозицией	гипотеза нормы	состав преступления
M ₁	вменяемым лицом, достигшим	ст. 19 УК				
V						
T						
Q		ст. 20 УК				

M ₄	14-летнего возраста умышленного хищения чужого имущества в целях обращения его в свою собственность без квалифицирующих обстоятельств	диспозиция статьи Особенной части (ч.1 ст.158 УК)							
	наказывается штрафом, либо обязательными работами, либо исправительными работами, либо арестом, либо лишением свободы без применения дополнительных наказаний	санкция ч.1 ст. 158 УК	санкция нормы	санкция нормы	диспозиция нормы	реализация ответственности			
		ст. 45 УК							

Мы считали целесообразным использовать при этом пять наиболее распространенных в нашей литературе классификаций: по элементам нормы, включая классификации и Н.Д. Дурманова и В.Г.Смирнова; по основаниям и предпосылкам уголовной ответственности; по статьям Общей и Особенной частей УК. В таблице в первой колонке приводятся также необходимые для последующего изложения символические обозначения различных признаков. Пунктиром в таблице показаны линии разграничения признаков, не имеющих общепринятого толкования.

Из этой таблицы видно соотношение состава преступления со смежными понятиями. Его можно выразить и с помощью средств математической логики.

Так, если основание (состав) и предпосылки (гипотезу) уголовной ответственности обозначить буквами M_1 и M_2 , обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, – буквой M_3 , а санкцию – буквой M_4 , то можно сказать, что

$$(M_1 + M_2 + M_3) \rightarrow M_4 \quad (1)$$

M_1 в свою очередь состоит из ряда элементов. При этом возможно было бы деление состава в зависимости от основных элементов преступления (объект, субъект, объективная и субъективная стороны), однако нам представляется более удобным деление, показанное в таблице, в зависимости от структуры уголовного законодательства. При этом делении прежде всего следует указать на элементы состава, нашедшие отражение в диспозиции статьи Особенной части (Q). В статьях Общей части УК применительно к анализируемому составу кражи находят отражение вменяемость (V), возраст субъекта (T) и обстоятельства, исключающие уголовную ответственность (P)²⁶. Таким образом,

$$M_1 = Q \cdot V \cdot T \cdot \bar{P}. \quad (2)$$

Это означает, что состав кражи включает признаки, обозначенные в диспозиции ч.1 ст.158 УК РФ, а также признаки субъекта преступления, предусмотренные в статьях Общей части (вменяемость и возраст), и, кроме того, не содержит обстоя-

²⁶ Предлагаемые символические обозначения были разработаны совместно с А.А.Эйсмано.

тельств, исключающих уголовную ответственность. Поэтому P помещено в формулу со значком -, означающим отрицание.

Дальнейшая расшифровка этих элементов приведенной формулы дает возможность конкретно обозначить каждый признак состава соответствующего преступления (см. § 3 настоящей главы).

2.2 О языке закона

Из приведенной выше табл.1 видно, что состав преступления и диспозиция статьи Особенной части УК лежат в несколько различных плоскостях. Если состав преступления можно рассматривать как логическое суждение о преступлении определенного вида, то диспозиция статьи закона содержит лишь словесную форму выражения указанного суждения, да и то не в полной мере²⁷. Естественно, что одно и то же понятие может быть выражено в различной словесной форме и от этого оно не изменится, а тем более не изменятся реальные признаки деяния, образующие его состав.

Потребность четко и кратко изложить признаки состава в диспозиции статьи УК вызывает необходимость в ряде случаев прибегать к специальной терминологии. Юристов часто упрекают в том, что они выражаются сложным языком, не вполне ясным для неспециалистов.

Однако создание различных специализированных языков вытекает из потребностей развития науки и практики. В литературе подчеркивается, что наиболее точные и "короткие описания мы получаем благодаря использованию специализированные языков, принципиально непригодных для более широкого круга вопросов"²⁸. Вместе с тем при подготовке нового закона приходится учитывать, что он должен быть понятным для любого гражданина. Необходимость совмещения двух этих требований

²⁷ А.С. Шляпочников правильно писал, что "не только возможно, но в ряде случаев и неизбежно несовпадение словесного выражения мысли и внутреннего содержания... не говоря уже о том, что многие слова могут выражать разные понятия". (Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона. М., 1970. С.156).

²⁸ Бонгард М.М. Проблема узнавания. М., 1967. С.74.

также нередко приводит к неполному совпадению состава и текста диспозиции.

С позиций теории информации диспозицию можно рассматривать как сообщение об отличительных признаках состава. Как и при всякой передаче информации, при изложении признаков состава в тексте диспозиции могут быть допущены пробелы и неточности. Например, часть признаков состава может не найти отражения в диспозиции, и о них придется только догадываться. Напротив, в других случаях имеет место так называемая избыточность информации, которая в тексте уголовного закона выражается в использовании слов, без которых при изложении признаков состава можно было бы обойтись.

Так, в ст.150 УК РФ говорится о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления "путем обещаний, обмана, угроз". Эти слова, строго говоря, излишни, так как далее сказано "или иным способом". Обширные перечни, перекрываемые далее общим термином, содержатся во многих статьях гл.26 УК ("Экологические преступления").

Избыточность информации может сыграть полезную роль при передаче сообщений, которые могут быть утрачены или плохо поняты. Но приведенные примеры скорее свидетельствуют о другом — о попытке законодателя сочетать краткость диспозиций с понятностью ее для граждан. В самом деле, перечни приемов вовлечения в преступление или названий водоемов и водных источников помогают лучше понять требования закона, хотя они вовсе не нужны грамотному юристу.

Иногда в тексте диспозиции допускаются неоправданные неточности, которые вскоре выявляются на практике. Это не всегда проходит безболезненно. Достаточно вспомнить о многочисленных трудностях, возникших в следственной и судебной практике по делам о хулиганстве. Неясное упоминание о "применении или попытке применения" оружия вызвало самые различные толкования. В новом УК слова "попытка применения" исключены; уточнено и понятие "предметов, используемых в качестве оружия". Подчас в законодательстве употребляются омонимы и синонимы, в которых нет большой нужды. Только для обозначения физического ущерба от преступлений УК

РСФСР 1960 г. прибегал к 13 различным лексическим выражениям. Не соблюдается единство терминологии в нормах Общей и Особенной частей нового УК.

Неполное совпадение признаков состава преступления со словесной формулировкой диспозиций не является какой-то чертой, специфически присущей нормам уголовного права. Эта проблема относится к семиотике, различающей языковые единицы (слова) и их смысловое значение²⁹. Слова отражают понятия, а через них — реальные свойства вещей и явлений (в том числе преступлений). Однако следует иметь в виду, что в юридической науке и в законодательной деятельности, как нигде, должны достигаться наибольшая точность определений и описаний, наибольшее взаимное соответствие буквы и смысла закона. Ведь от этого подчас может зависеть судьба человека.

Я.М.Брайнин в содержательной монографии "Уголовный закон и его применение" уделял большое внимание вопросу конструирования диспозиции закона. Он подчеркивал, в частности, недопустимость употребления в диспозициях разных частей УК одних и тех же слов в различном смысле. А между тем такое словоупотребление встречается не так уж редко. Например, по-разному толкуется признак вооруженности в статьях о бандитизме, о разбое и о хулиганстве. Различный смысл вкладывается в ряде статей УК в термин "насилие" и во многие другие понятия. Это затрудняет понимание закона и применение его на практике;

Чтобы избежать подобных недостатков, необходимо тщательнее разрабатывать уголовно-правовую терминологию и строго придерживаться ее при издании новых законов.

---

²⁹ Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968. С. 28.

§ 3 Виды составов преступлений

3.1 Конституция состава

Так как любой состав преступления имеет определенную структуру, ему должна быть присуща та или иная конституция, под которой следует понимать характер, тип связей между образующими его признаками, а также разновидность их "набора" или сочетания. Признаки составов различны и находятся между собой в разных комбинациях; а это приводит к многообразию конструкций составов преступлений.

Во многих случаях несколько признаков составов группируются одинаковым образом; иными словами, есть типичные варианты построения отдельных частей состава преступления. Например, одинаковые конструкции имеют составы кражи и грабежа или соответственно составы убийства и умышленного причинения легкого вреда здоровью.

В то же время, многие составы различаются между собой по конструкциям. Так, состав умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), отличается от состава убийства не только признаками объекта, объективной и субъективной сторон, но и особенностями своего строения: в нем предусмотрено наступление двух видов вредных последствий (тяжкий вред здоровью и смерть) и имеется смешанная форма вины. Зато для состава убийства характерна сложная структураотягчающих обстоятельств.

Из этого примера видно, что различия в конструкциях составов определяются не только содержанием отдельных признаков, а скорее, более крупными образованиями – группами признаков, характеризующих определенный элемент преступления. Образно говоря, если состав преступления есть здание, состоящее из крупных типовых блоков, то конструкция определяется набором этих блоков.

Я.М. Брайнин писал: "Структурную основу состава преступления образует система его элементов: объекта, объективной

стороны, субъекта и субъективной стороны"³⁰. Правильная по существу, эта мысль нуждается в терминологической уточнении. Во избежание путаницы следовало бы термином "элемент" обозначать только четыре части преступления (объект преступления, субъект и т.д.), а применительно к содержанию состава использовать слова "признак"³¹ или "группа признаков". С этой точки зрения состав содержит четыре группы признаков, характеризующих четыре соответствующих элемента преступления; это и является его структурной основой.

Однако ограничиться этим недостаточно. Конструкцию состава образуют и более мелкие группы его признаков. Такие группы представляют собой обобщенные характеристики отдельных признаков составов, присущих всем или многим преступлениям. Это не сами содержательные признаки, а их категории или классы³².

Например, объективная сторона преступления включает действие или бездействие, вредные последствия и т.д. "Действие (или "бездействие") есть класс (категория), включающий разнообразные формы поведения. О некоторых категориях признаков, характеризующих субъекта (вменяемость, возраст), уже говорилось.

Наличие тех или иных категорий признаков, подобных перечисленным выше, еще не служит достаточно полной характеристикой состава, поскольку категории указывают на родовую принадлежность признаков и не обладают необходимой конкретностью: для обрисовки какого-либо состава нужно не только указать на то, что в него, например, входит вообще "действие", но и раскрыть содержание этого обобщенного признака, т.е. определить, идет ли речь о тайном похищении имущества или, например, о нарушении правил борьбы с эпидемиями. Следовательно, перечисление категорий признаков, входящих в со-

³⁰ Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. С 162.

³¹ Курляндский В.И. Вопросы основания уголовной ответственности // Вопросы уголовного права. М., 1966. С.39.

³² Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971. С. 214.

став, еще не раскрывает его содержания, но зато указывает на его конструкцию.

Прежде чем рассмотреть разновидности конструкций составов, приведем общий перечень категорий признаков и их символических обозначений.

Таблица 2

Основные категории признаков состава преступления

Элементы преступления	Категории признаков состава	Возможные значения признаков		
Объект	B	непосредственный объект преступления	v	$b_1 \dots b_n$
		предмет преступления	e	$e_1 \dots e_n$
Субъект	S	вменяемость	V	V, V'
		возраст	T	t', t''
		специальный субъект	S	$s_1 \dots s_n$
Объективная Сторона	G	действие (бездействие) обстановка совершения преступления	A	$a_1 \dots a_n$
			H	$h_1 \dots h_n$
		вредное последствие возможность вредных последствий	R	$r_1 \dots r_n$
			L	$l_1 \dots l_n$
Субъективная Сторона	C	умысел	U	$u_1 \dots u_n$
			N	n', n''
		неосторожность смешанная вина	C'	c
			I	$i \dots i_n$
		мотив и цель сильное душевное волнение	J	j

В таблице 2 мы видим три степени абстракции признаков состава.

Самая высокая степень абстракции – это характеристика элементов преступления (B, S, G, C).

Далее идут категории признаков – непосредственный объект, предмет преступления, вменяемость, возраст и т.д., еще не "привязанные" к определенному виду преступления.

Наконец, третья ступень – различные значения признаков (они обозначены малыми буквами латинского алфавита).

Из последнего столбца этой таблицы видно, что различные признаки составов преступлений могут принимать одно, два или несколько значений. Одно значение имеет V – вменяемость. Но ст.22 УК РФ предусматривает и "уменьшенную вменяемость" – V', отсутствие вменяемости исключает наличие состава преступления.

Признак j – сильного душевного волнения – один и тот же во всех составах.

Два значения принимает признак T – возраст. Если по закону достаточен 14-летний возраст, мы обозначим этот признак символом t', а возраст 16 лет и старше – t''.

По два значения принимают также признаки U (умысел) и N (неосторожность). Имеются в виду прямой и косвенный умысел, самонадеянность и небрежность.

Многие признаки составов могут принимать большое количество значений в зависимости от вида преступления.

Каждый элемент преступления характеризуется группой признаков.

Например, совокупность признаков, характеризующих субъекта преступления, состоит из признаков вменяемости и возраста, а также из признаков специального субъекта (не во всех случаях):

$$S = V \cdot T \cdot (S' \vee \overline{S'}) \quad (3)$$

Знак $\vee$ обозначает дизъюнкцию (разъединение), которой соответствует слово "или".

Для состава преступления определенного вида, например, для присвоения имущества, совершенного лицом, с использованием своего служебного положения (ч.3 ст.160 УК РФ), набор

признаков субъекта будет более конкретным (специальных субъектов этого преступления мы обозначим S'_{285} и S'_{160}).

$$S'_{160} = V \cdot t'' \cdot (S'_{160} \vee S'_{285}) \quad (4)$$

Это означает, что субъект данного преступления – вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, которое является либо должностным лицом, либо лицом, которому вверено имущество, с учетом его служебного положения.

3.2 Комбинации категорий признаков

Обратим теперь внимание на то, что все имеющиеся в законодательстве составы преступлений образуются из комбинации приведенных в табл. 2 категорий признаков.

Конечно, количество возможных комбинаций признаков для разных элементов преступления различно.

Например, для признаков объекта и предмета преступления возможны две комбинации:

$$B = b \vee (b \cdot e) \quad (5)$$

Эта формула означает, что объект как признак состава может быть выражен самостоятельно или в сочетании с предметом преступления.

При характеристике субъекта возможны следующие две комбинации:

$$S = (V \cdot T) \vee (V \cdot T \cdot S') \quad (6)$$

Это означает, что субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, в сочетании с признаками специального субъекта или без такого сочетания.

Небольшое преобразование этой формулы дает возможность выделить из нее обязательные и факультативные признаки, т.е. вернуться к формуле (3).

Объективная сторона более многообразна. В ней возможны восемь комбинаций следующих категорий признаков: действие

(бездействие), обстановка совершения преступления (в том числе время и место преступления), последствия и (или) возможность их наступления. Преобразованная формула конструкции объективной стороны будет такой:

$$G = A \cdot (H \vee \overline{H}) \cdot (R \vee \overline{R}) \cdot (L \vee \overline{L}) \quad (7)$$

Обязательными являются лишь признаки действия (бездействия), прочие факультативны.

Субъективная сторона включает девять комбинаций, образующихся из сочетания умысла с мотивом и целью, а также с неосторожной виной:

$$C = U \vee N \vee C' \vee (N \cdot i) \vee (C' \cdot i) \vee (U \cdot j) \vee (C' \cdot j) \vee (U \cdot I \cdot j) \vee (C' \cdot i \cdot j) \quad (8)$$

Однако последние три сочетания в действующем законодательстве не встречаются. Преобразованная формула такова:

$$C = U \cdot (i \vee \overline{i}) \cdot (j \vee \overline{j}) \vee N \vee C' \quad (9)$$

Итак, в результате мы имеем две комбинации категорий признаков, характеризующих объект, четыре – субъекта, восемь – объективную и девять – субъективную сторону преступления. Их произведение дает общее число возможных комбинаций признаков состава, названных в табл. 2.³³ Оно равно 576.

Следовательно, при том "наборе" признаков, которым характеризуется состав преступления, согласно указанным обозначениям, теоретически возможны 576 различных конструкций состава. Но практически это число во много раз меньше, так как многие комбинации в законе не встречаются.

Известно, что число составов в действующем УК не превышает 300, а ведь многие из них имеют одинаковую конструкцию.

Заметим, кстати, что число 576, отражающее возможные комбинации признаков состава, в свою очередь значительно

³³ Естественно, что признаки, указанные в табл. 2, могут быть разукрупнены (например, отдельно обозначены цель и мотив), и тогда число комбинаций будет больше

меньше максимального количества комбинаций признаков, если бы эти комбинации были произвольным (например, в случае предположения, что состав преступления не обязательно содержит четыре группы признаков, т.е. признаки субъекта, субъективной стороны и т.д.). В табл. 2 мы перечислили 15 категорий признаков.

По формуле $C = 2^n - 1$, где n – число элементов, нетрудно подсчитать, что из 15 признаков можно построить свыше 30 тысяч вариантов.

Уголовное законодательство не использует и одного процента из этого разнообразия.

Одно из ограничений, налагаемых законом на теоретически мыслимое количество комбинаций признаков, состоит в том, что некоторые категории признаков являются обязательными атрибутами любого состава. Из приведенных выше формул видно, что к ним относятся: непосредственный объект (В), вменяемость (V), возраст (Т), деяние (действие или бездействие - А) и вина (U V N).

Таким образом, "минимальный" по своей конструкции состав выглядит следующим образом (включая указание на отсутствие обстоятельств, исключающих уголовную ответственность):

$$M_1 = B \cdot V \cdot T \cdot A \cdot (U \vee N) \cdot \bar{P} \quad (10)$$

"Максимальная" конструкция состава может включать все 14 категорий признаков, перечисленных в табл. 2.

Ограничение возможного числа конструкций определенными пределами имеет важное значение при уяснении содержания уголовного закона.

Если конструкции состава обладают определенностью и число их ограничено, мы легко можем представить себе, какие же категории признаков состава прямо не описаны в той или иной диспозиции статьи Особенной части и требуют "восполнения" путем толкования закона.

3.3 Смежные составы

В связи с анализом конструкции состава необходимо еще раз вернуться к вопросу о соотношении состава преступления и ста-

ти Особенной части УК. В данном случае нас будет интересовать, где проходит граница между несколькими смежными составами: там же, где граница смежных статей УК, или они не совпадают? Иначе говоря, соответствует ли каждый состав преступления статье Уголовного кодекса, или их соотношение является иным: например, один состав соответствует одной части статьи УК, а, может быть, напротив, – нескольким статьям?

В теории обычно принято считать, что данное соотношение может быть различным. Вероятно, это правильно, но возникает вопрос: что же и в каких случаях считать критерием для практического определения границ состава? Особенно неясно это в связи с тем, что существуют составы с так называемыми альтернативными признаками³⁴.

Известно, что в ряде уголовно-правовых норм предусматриваются "варианты" преступного поведения, описанные в одном тексте. Например, в ст.160 УК РФ говорится о присвоении или растрате, в ст.164 УК РФ – о хищении предметов или документов, в ст.165 УК РФ – о причинении ущерба собственнику или иному владельцу имущества.

В ст.158 УК РФ приводится семь квалифицирующих обстоятельств кражи, а в ст. 111 УК РФ – ряд признаков умышленного причинения тяжкого вреда здоровью.

Можно привести большой перечень подобных примеров.

Для всех них характерно, что признак, употребляемый со словом "или" (либо с равноценными обозначениями, выражающими дизъюнкцию $\vee$), может быть заменен другим признаком, также указанным в этой же статье закона.

Так, виновный в фальшивомонетничестве (ст.186 УК РФ) мог, конечно, подделывать одновременно банковские билеты Центрального банка РФ, металлическую валюту, ценные государственные бумаги или иностранную валюту, но все же чаще встречается либо один, либо другой из этих вариантов, и для ответственности они равноценны.

³⁴ В них "для обоснования уголовной ответственности нужно наличие не всех названных в законе элементов состава, а одних или других" (Трайнин А.Я. Общее учение о составе преступления. С. 109). Следует добавить, что в уголовном праве альтернативными считаются не только два (как в логике), но и более признаков, взаимно заменяющих друг друга.

Структура нормы и состав преступления

При этом в деянии обязательно должен быть хотя бы один из перечисленных альтернативных признаков, чтобы это деяние можно было считать содержащим состав данного преступления.

Применительно к некоторым из приведенных примеров как будто бы бесспорно, что речь идет не об одном составе, а о нескольких. Например, общепризнанно, что потеря зрения, слуха и другие разновидности тяжелого вреда здоровью образуют один состав.

Относительно других статей УК вопрос представляется не таким простым.

Например: один или несколько составов содержится в ст.256 УК РФ?

Иными словами, содержит ли формулировка "незаконная добыча рыбы, морского зверя и иных водных животных или промысловых морских растений" альтернативные признаки одного состава, или здесь этих составов четыре?

А ст.263 УК РФ – нарушение правил "движения" и "эксплуатации" транспорта (к тому же транспорта разных видов)?

Если считать, что все это разные составы, то тогда надо полагать, например, что и ст.158 о краже содержит не один, а по крайней мере восемь составов (кража простая; кража, совершенная группой лиц по предварительному договору; кража в крупном размере и т.д.).

Такой вывод получается при "разукрупнении" составов путем избавления от альтернативных признаков.

Если же пойти по другому пути и, не боясь большого числа альтернативных признаков, называть составом более широкую совокупность, то придется признать, что существует, например, всего лишь один состав убийства, а ст. 105—108 УК РФ предусматривают его альтернативные разновидности.

Все эти трудности связаны с тем, что различия между близкими вариантами преступного поведения имеют различную степень глубины и определенности. Можно построить шкалу, на одном конце которой будут слабые различия между разновидностями преступного поведения, на другом же конце шкалы различия будут существенными (например, по элементам преступления).

Структура нормы	Диспозиция	Санкция	Граница состава	Пример
Степень различия	1	2	3	4
Различие по одному признаку	1. Оба различающих признака содержатся в одной части	одинаковая	один состав с альтернативными признаками	ст.167 ч.1 – уничтожение или повреждение имущества
	2. Каждый признак в отдельном пункте статьи	" – "	" – "	ст. 105 ч. 2 – (убийство): а) двух и более лиц; д) совершенное с особой жестокостью
	3. Каждый признак в отдельной части статьи	разная	один состав с разновидностями	ст. 158 ч. 1 – кража "простая", или ч. 2 – кража, совершенная группой лиц по сговору
Различие по нескольким признакам	4. Каждый признак в отдельной статье	" – "	разные составы	ст. 105 ч. 2 – убийство двух или более лиц; ст. 106 – убийство матерью новорожденного ребенка

	5. Все различающиеся признаки в одной части статьи	одинаковая	—	ст. 211 ч. 1 – угон судна, а равно захват судна
	6. Различающиеся признаки в разных частях одной статьи	разная	—	ст. 249 ч. 1 – нарушение ветеринарных правил; ч. 2 – нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений

В таблице сделана попытка показать нарастающие (слева направо) различия, а также привести наши соображения о том, где должна проходить граница между одним и несколькими составами преступления. Естественно, могут быть и иные решения.

Как видно из нее, две разновидности преступного поведения, предусмотренные в законе, можно считать входящими в один и тот же состав, если они идентичны по большинству признаков (и, видимо, во всех случаях – по непосредственному объекту, субъекту и форме виновности), и притом предусмотрены в одной статье Особенной части УК. Различия между ними в рамках одного состава могут касаться лишь признаков предмета преступления и объективной стороны.

Напротив, следует говорить о наличии нескольких составов в трех следующих случаях:

а) две разновидности преступного поведения предусмотрены разными статьями УК. С этой точки зрения ст. 105 и 106 УК РФ предусматривают два различных состава умышленного убийства;

б) разновидности преступных деяний предусмотрены в одной статье УК, но различаются между собой по непосредственному

объекту, субъекту или форме виновности (а тем более по нескольким из этих признаков одновременно). С этой позиции имеются два состава в ст. 249 УК РФ (нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями растений);

в) две разновидности преступления предусмотрены в одной статье, различаются только по признакам объективной стороны или (и) предмета преступления, однако различия эти существенны (например, различны способы действия, последствия и т.д.). Так, в ст. 211 УК РФ имеется, видимо два состава – угон судна и его захват.

Отсутствие категоричности в наших выводах объясняется неразработанностью этого вопроса: еще не созданы критерии для более четкой формализации указанных различий. Вместе с тем представляется, что эти различия имеют серьезную криминологическую и социально-правовую основу. Так, если преступные посягательства направлены против различных общественных отношений (неодинаковые непосредственные объекты) или степень общественной опасности лица существенно различна (статья предусматривает не единые субъект или форму виновности), есть основания усматривать два разных состава. Напротив, различные способы действий или предметы посягательства при одинаковых прочих признаках могут трактоваться как альтернативные варианты поведения в рамках одной криминологической и уголовно-правовой формы.

3.4 Состав и его последствия

Выделение различных конструкций составов — только один из видов их классификации. Подходы здесь могут быть самые различные. Большое внимание вопросу о видах составов преступлений уделял А.Н. Трайнин, который рассматривал составы общие и специальные, конкретизированные и обобщенные, простые и сложные (в том числе альтернативные составы, составы с двумя действиями, с двумя формами вины с двумя объектами и др.)³⁵. Это деление было повторено в Курсе советского уголовного права (т.2. М., 1970). В ленинградском Курсе

³⁵ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления С.97-117.

выделен параграф "Виды составов преступлений" в котором наряду с классификацией А.Н. Трайнина указывается на составы материальные, формальные и усеченные³⁶.

Остановимся на этом вопросе несколько подробнее. Уже в первых отечественных учебниках по уголовному праву проводилось различие между составом преступления, одним из признаков которого является наступление тех или иных вредных последствий, и составом, о последствиях не упоминающем. Первый вид получил название "материального", а второй – "формального" преступления (состава).

Разумеется, безвредных преступлений не бывает – все они либо причиняют вредные последствия людям, имуществу, безопасности государства и т.д., либо, по крайней мере, создают такую опасность. Конечно, при этом мы имеем в виду "цивилизованное" законодательство, которое криминализирует действительно опасные для общества деяния, а не, скажем, вызывание духов или поклонение сатане, за что в свое время люди отправлялись на костер.

Так, вот, по вопросу о том, все ли составы преступлений включают вредные последствия и не следует ли делить их на "материальные" и "формальные", возникла дискуссия, не закончившаяся и по сей день³⁷.

Такое деление поддерживали большинство советских криминалистов, но у них были и противники, в частности А.Н. Трайнин, который писал: "Как нет преступления без объекта... так нет и преступления без последствия как элемента состава"³⁸. Его горячо поддерживала Н.Ф.Кузнецова и некоторые другие авторы. Даже в Курсе 1999 г. утверждалось, что "общественно-опасные последствия, будучи обязательным элементом всех преступлений и их составов, участвуют в квалификации престу-

плений"³⁹. Но в учебнике 2001 г.⁴⁰ такого категорического утверждения мы уже не обнаружили.

Тем не менее различие между двумя упомянутыми видами составов бросалось в глаза. С одной стороны, около половины норм Уголовного кодекса определенно указывает на вредные последствия. Например, в ч.1 ст.141 УК РФ сказано о нарушениях правил охраны труда, "если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека", а в ч.2 речь идет уже о "смерти человека". Это, разумеется, признаки состава и их наличие или отсутствие необходимо доказывать в суде.

То же можно сказать о лжепредпринимательстве (ст.173 УК РФ), которое наказывается, если оно причинило "крупный ущерб гражданам, организациям или государству". Не вызывает сомнений наличие вредных последствий в составах убийства (ст.105 УК РФ), причинения смерти по неосторожности (ст.109) и многих других составах, которые и называют "материальными".

С другой стороны, в не менее многочисленной группе преступлений упоминания о последствиях нет. Наглядный пример: в статье о нарушении правил международных полетов (ст.271 УК РФ) ни о каких последствиях не говорится: Как, вероятно, помнит читатель, в 1987 г. молодой немецкий пилот-самоучка Руст пролетел без всяких разрешений из Германии в Россию и посадил самолет около Красной площади в Москве. Полет Руста не только не причинил каких-либо вредных последствий, но даже не был замечен соответствующими службами стран, через которые он пролетал. И все же Руст был осужден (и правильно) за свое деяние, которое сторонники упомянутого деления признали бы "формальным" преступлением.

Можно привести и иные примеры. Скажем, не упоминается о последствиях в статьях о незаконном пересечении Государственной границы (ст.322 УК РФ), о разглашении тайны усыновления (удочерения) – ст.155 УК РФ и многих других. В суде не нужно доказывать отсутствие последствий, хотя А.В.Наумов правильно замечает, что если они все же наступили (например, разглашение факта усыновления сильно травмировало психику

³⁶ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т.1 / Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. С.270, Российское уголовное право. Общая часть. / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. С.87.

³⁷ Неудачность этих терминов признают все специалисты, но иного пока не предложено.

³⁸ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. С.140.

³⁹ Курс уголовного права Часть общая. Т.1. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой и И.М.Тяжковой. М., 1999.С.184.

⁴⁰ Российское уголовное право / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой и А.В.Наумова..М., 2001 С 106.

ребенка), то это обстоятельство, не являясь признаком состава, должно быть учтено при определении меры наказания виновному⁴¹.

Почему же законодатель во многих нормах не упоминает о последствиях, хотя выше мы исходили из того, что безвредных (безопасных) преступлений не существует? Изучение этого вопроса привело к выводу, что для такого законодательного решения (т.е. построения состава без упоминания о последствиях) есть несколько причин:

а) преступление таково, что последствия могут в некоторых случаях наступить, а в других – нет. Кроме случая с нарушением правил международных полетов, приведенного выше, можно указать, например, на ст.322 УК РФ (незаконный переход границы): ведь неизвестно — крадется ли это террорист или ищет свою корову жительница пограничной деревни; на ст.237 УК РФ (сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей) и др.

Кстати, чтобы подчеркнуть *возможность* серьезного вреда, он часто прямо упоминается в диспозиции нормы и тем самым становится признаком состава, подлежащим показыванию (ст.215 УК РФ – нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики, "если это могло повлечь смерть человека или радиоактивно заражение окружающей среды", ст.217 УК РФ – то же на взрывоопасных объектах, ст.247 УК РФ – нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, "если эти деяния создали угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде", и т.д.);

б) последствия могут быть крайне разнообразными, и их невозможно заранее перечислить в законе. Такова, например, ситуация при нарушении равенства прав и свобод человека и гражданина (ст.136 УК РФ). К чему оно может привести? К ограничению поступления в институт? К запрету занятия хорошей должности? К отказу во вступлении в политическую партию или в спортивный клуб? Или "всего лишь" к ущемлению личного достоинства гражданина? Могут быть и другие вредные послед-

ствия. Поэтому состав сконструирован без перечня предполагаемого вреда;

в) последствия, скорее всего, наступят, но неизвестно когда, возможно, через очень отдаленное время (ч.2 ст.253 УК РФ – исследование или разведка естественных богатств континентального шельфа РФ);

г) существует процессуальная трудность установления факта наступления некоторых последствий (ст.137 УК РФ – нарушение неприкосновенности частной жизни). Сама попытка установить, были ли вредные последствия и в чем они заключались, может быть чревата моральной травмой для потерпевшего. То же можно сказать и о клевете (ст.129 УК РФ);

д) последствия наступают неизбежно уже при совершении преступного действия, они, можно сказать, "слиты" с ним. Что такое кража: действие или следствие? И то, и другое. Переход чужой вещи во владение вора есть действие (и следствие) для вора, а для потерпевшего это — следствие. В большинстве случаев они неотделимы, хотя при развитии финансовых технологий и процедур иногда может образоваться и разрыв во времени между действиями преступника и получением им желаемого имущества. В таком случае кражу и многие другие имущественные (экономические) преступления надо причислить к "материальным".

Но вот иные примеры. Действие и следствие совпадают в таких преступлениях, как изнасилование (ст.131 УК РФ), похищение человека (ст.126 УК РФ), оскорбление (ст.130 УК РФ), отказ свидетеля от дачи показаний (ст.308 УК РФ) и др. Соединение в одном акте действия (бездействия) и последствия изучено недостаточно и выводы о природе таких составов делать пока рано.

Думается, что есть и иные причины невключения в состав преступления признака "вредные последствия".

Резюмируя, можно сделать вывод, к которому, несмотря на его первоначальную позицию, цитированную выше, пришел (в той же книге) А.Н.Трайнин: "Подобно тому, как суд не во всех случаях особо устанавливает наличие объекта посягательства, так нет необходимости по каждому делу устанавливать наличие конкретного последствия"⁴². О чем и речь!

⁴¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. С.174. — автором приводится иной пример того же характера.

⁴² Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. С.151.

Добавим, что у противников "формальных" составов есть еще один "последний редут". Последствием всякого преступления, говорят они, является сам факт нарушения правовой нормы – властного предписания государства, а следовательно, нарушение правопорядка⁴³. Но на этот аргумент еще сто лет назад ответил Н.С.Таганцев: "Если, конечно, понимать под последствиями преступной деятельности самое посягательство на правовую норму, то такое идеальное последствие присуще всякому преступному посягательству, но тогда этот признак теряет практическое значение"⁴⁴.

§ 4 Уяснение содержания состава

4.1 Форма и содержание

Конструкция состава преступления есть лишь его форма, а для применения закона необходимо глубоко знать содержание состава и каждого из его признаков.

Под содержанием состава мы понимаем всю совокупность образующих его признаков.

Для уяснения содержания состава необходимо прежде всего определить его конструкцию, т.е. выяснить, какие вообще категории (классы) признаков в него включены (например, есть ли указание на последствия, на специальный субъект и т.д.).

Затем следует установить конкретные характеристики каждого признака, отличающие данный состав от другого состава аналогичной конструкции.

Существует и третья проблема: уяснение содержания отдельного признака, но ее мы рассмотрим в следующей главе.

Процесс уяснения содержания состава может быть рассмотрен с логической, психологической и правовой точки зрения.

Что касается логических приемов уяснения содержания состава, то они частично были освещены в предыдущих параграфах.

Если диспозиция статьи Особенной части не описывает тех признаков состава, которые вытекают из его конструкции, мы должны обратиться к Общей части.

Так как конструкция любого состава включает указание на возраст, вменяемость, отсутствие обстоятельств, исключающих ответственность, то эти признаки должны быть непременно установлены; описание их имеется в Общей части уголовного кодекса.

Но при этом возникает трудность, состоящая в том, что некоторые категории признаков, входящие в конструкцию состава, в Общей части хотя и упомянуты, но не раскрыты: например, из нее мы не сможем узнать, какова форма виновности при загрязнении морской среды (ст.252 УК РФ).

Узнать о том, что тот или иной признак должен быть в данном составе, мы можем из его конструкции. Однако конкретно охарактеризовать его на основе одной лишь конструкции невозможно.

Так, если в диспозиции описаны признаки последствия, а признаки действия (бездействия) и субъективной стороны не упомянуты, мы можем судить о конструкции данного состава. В частности, мы знаем, что этот состав включает действие (или бездействие), что форма виновности должна быть сложной (по отношению к действию (бездействию) и к последствиям) и что требуется установление причинной связи (мы ее при перечислении признаков состава считали необходимым атрибутом последствия). Однако при этом конкретного описания каждого признака состава мы еще не имеем.

Для того чтобы получить это конкретное описание, т.е. полностью уяснить содержание состава, необходимо обратиться к системе норм уголовного законодательства либо к официальному (легальному или судебному) толкованию закона. Если же и эти источники не раскроют в достаточной мере содержание состава, то придется основывать решение на неофициальном уяснении его содержания. При этом необходимо использовать выводы юридической науки.

Приведем несколько иллюстраций к сказанному.

Сопоставительный анализ системы норм закона предполагает сравнение анализируемой нормы с другими нормами и выявление тех признаков, которые свойственны данному составу.

⁴³ Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С.46.

⁴⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Общая часть. С.654.

Именно из сравнения нескольких составов мы делаем выводы о присущих им признаках.

Характерным примером может служить установление на основе УК РСФСР 1960 г. субъективной стороны кражи, в частности решение вопроса о том, присуща ли ей определенная цель.

Дело в том, что в прежнем УК субъективная сторона кражи и других преступлений против собственности не была указана. По этой причине было необходимо обращаться либо к учебникам и комментариям, либо к толкованию нормы или же к судебной практике (нередко противоречивой). Юристы-практики и ученые использовали все эти пути. В частности, в Комментариях к УК РСФСР, вышедшем в 1980 г., прямо говорилось, что мотив и цель кражи имеют корыстную направленность⁴⁵.

Использовалось и сравнительное толкование.

Сопоставим, например, кражу и угон автомашины.

Объективная сторона, субъект и предмет этих преступлений могут быть совершенно идентичными. Об объекте мы заранее сказать ничего не можем, так как он определяется в данном случае целями преступника. Субъективная сторона и при краже, и при угоне автомашины характеризуется умыслом. Разница может быть лишь в цели виновного: обратить автотранспортные средства в свою собственность или использовать их временно, как говорилось тогда в законе — "без цели хищения" (ст. 212-1 УК РСФСР)⁴⁶.

Если бы кража не характеризовалась специальной (корыстной) целью, то, как видно, она ничем не отличалась бы от угона. В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 октября 1969 г. "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушениями, правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их угонем" (ст. 211-212¹ УК РСФСР) было подчеркнуто, что при рассмотрении дел об угоне машин "суды должны в каждом случае тщательно выяснить, какую цель преследовал виновный, совершая угон"⁴⁷. Таким образом, признак состава кражи (цель) уяснялся с помощью систематического толкования закона.

⁴⁵ Комментарий к УК РСФСР. / Под ред. Ю.Д.Северина. М., 1980. С.172-175,276.

⁴⁶ Там же. С.407.

⁴⁷ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1970. №1. С.7.

С принятием УК РФ 1996 г. эта проблема сильно упростилась: появилось примечание к ст.158, где прямо сказано, что все виды хищения совершаются с корыстной целью.

А в ст.166 УК РФ об угоне подчеркнуто: "без цели хищения". Путем толкования статей УК в системе Особенной части уясняются многие признаки.

Сравнение двух или более составов между собой выявляет различие между ними, а это различие и выражается в том или ином конкретном признаке.

Может ли производиться сопоставительный анализ правовых норм вне рамок уголовного законодательства? Представляется, что может, но лишь в том случае, если речь идет не о разграничении преступлений внутри Особенной части УК, а об уяснении признаков состава преступления, отличающих его от других правонарушений (гражданско-правовых, административных и др.).

В качестве примера использования положений науки для уяснения состава сошлемся на установление признаков преступного бездействия. Из теории уголовного права известно, что для всякого случая преступного бездействия характерным признаком состава является возможность совершить требуемое от данного лица действие. Нередко закон прямо указывает на это, употребляя такие выражения, как "имел возможность оказать помощь" (ст. 125 УК РФ), "помощь могла быть оказана" (ст. 270 УК РФ), или ссылаясь на необходимость установления отсутствия "уважительных причин" (ст. 337 УК РФ). Но в большинстве статей УК, предусматривающих ответственность за преступное бездействие, подобных указаний нет. Тем не менее и в этих случаях возможность совершить общественно полезное действие подразумевается как необходимое условие наступления уголовной ответственности за преступное бездействие, а следовательно, является признаком состава преступления. Это отчасти вытекает из толкования ст. 24 и 28 УК РФ, устанавливающих ответственность только за такие общественно опасные действия и бездействие, которые совершены по воле виновного. Более строго это требование сформулировано в теории уголовного права⁴⁸.

⁴⁸ Пионтковский А.А. Учение о преступлении. С.250. – См. также современные учебники.

Примером объективной невозможности исполнить требуемое действие служит следующее дело.

Получив в период отбывания наказания в местах лишения свободы разрешение на краткосрочный выезд домой, С. не явился в исправительно-трудовое учреждение по окончании 12-дневного отпуска и был за это осужден (по ст. 181-1 УК РСФСР). Однако выяснилось, что он не мог вернуться в срок, потому что был задержан во время отпуска по подозрению в совершении преступления. Кассационная инстанция отменила приговор за отсутствием состава преступления⁴⁹.

4.2 Смысл закона

Вопрос о том, можно ли уяснить содержание состава, опираясь не только на прямо выраженные в законе признаки (в Особенной части, в Общей части или хотя бы в системе норм УК), но и на "подразумеваемые" или "латентные" (неявные) признаки, которые устанавливаются при толковании закона или научными исследованиями⁵⁰, – это вопрос не простой, тем более что он имеет социально-политическое значение.

С точки зрения задач укрепления законности целесообразно, чтобы все без исключения признаки состава были указаны в уголовном законе⁵¹.

Если исходить из этой позиции, то вне правовых предписаний признаки состава установлены быть не могут.

Непременным условием признания тех или иных обстоятельств признаками состава преступления должна служить ссылка на закон, из которого они вытекают.

Однако для проведения такой категорической позиции в следственной и судебной практике необходимо, чтобы закон был достаточно совершенен. Поскольку, как отмечалось выше, это имеет место далеко не во всех случаях, уяснение "латентных" и "подразумеваемых" признаков состава пока является неизбежным. В свою очередь это приводит к необходимости обра-

титься для уяснения признаков состава к области уголовной политики, идеологии, социальной психологии и общественной практики.

Иногда утверждают, что содержание признаков состава должно вытекать "из смысла" закона.

О необходимости выявить социально-политический смысл уголовно-правовой нормы, ее целенаправленность говорится в ряде работ.

Полагая, что квалификация не может сводиться к установлению "формального совпадения или несовпадения признаков деяния и той или иной правовой нормы", Г.А.Левицкий, например, писал, что она предполагает "раскрытие действительной общественно-политической сущности совершенного деяния и подлинного политического смысла применяемого закона"⁵².

В работе, специально посвященной толкованию закона, А.С.Шляпчиков отмечал: "Задача толкования советского уголовного закона заключается в том, чтобы установить его смысл и этим выявить воплощенную в нем волю законодателя"⁵³.

Эти положения, взятые в контексте указанных работ, представлялись в то время очевидными, но когда к ним обращаешься сегодня, они выглядят слишком идеологизированными. Дело в том, что политика не должна доминировать над правом, определять его содержание. В приведенных высказываниях верно лишь то, что для уяснения содержания закона необходимо подчас мысленно выйти за рамки правовой нормы и осознать социальные причины и предпосылки ее издания (в частности, путем исторического, логического и систематического толкования).

Выше отмечалось, что нормы права создаются не произвольно. Они отражают объективные закономерности общественного развития. Выяснить смысл правовой нормы – это значит раскрыть, какие именно общественные явления, объективные исторические закономерности лежали в основе создания данной нормы, какую цель хотел достичь законодатель ее установлением. Только тогда мы можем правильно представить, система каких именно юридических признаков отвечает этой цели, как надо понимать те или иные выражения из текста закона.

⁴⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. №4. С.14.

⁵⁰ Андреев И. называет их "предполагаемыми" признаками..

⁵¹ Кузнецова Н.Ф. Преступление, состав преступления, диспозиция уголовно-правовой нормы. С.46.

⁵² Правоведение. 1962. №1. С.142-143.

⁵³ Шляпчиков А.С. Толкование уголовного закона. С.8.

Выяснение смысла закона не может и не должно приводить к расхождению его с текстом статей уголовного закона.

Если мы стремимся к строгому соблюдению законности, термин "раскрытие смысла закона" следует понимать лишь как наиболее глубокое и правильное уяснение его буквы.

Нельзя забывать, что, в конечном счете, применению подлежит закон, а не мотивы закона, не намерения законодателя. Только законодатель вправе корректировать закон, приводя устаревший или неточный текст в соответствие со смыслом правового акта, с целью, преследовавшейся при издании нормы.

Представляется, что в интересах строжайшего соблюдения законности не следует хотя бы в малейшей степени поступаться этим правилом.

"Смысл нормы" не существует помимо закона: он всегда воплощен в совокупности признаков уголовно-правовой нормы (системы норм). Выяснение смысла закона должно приводить к более правильному и полному пониманию всех признаков данного состава преступления.

Смысл нормы, безусловно, влияет на квалификацию, но влияет не непосредственно, а через конкретные признаки состава. Поэтому выяснение смысла закона служит лишь первоначальным этапом поиска и уяснения конкретных юридических признаков, в которых этот смысл и находит свое прямое выражение.

Может быть, слишком категорично, но по существу правильно писал Б.С. Никифоров: "Дух закона выражается в его букве и ни в чем другом выразиться не может"⁵⁴.

В иностранной правовой литературе встречаются различные позиции.

Наряду с прагматическим пониманием признаков нормы, при котором они отождествляются с буквальным текстом закона, существует иное истолкование этого соотношения, которое особенно характерно для английского права. Смысл нормы понимается как нечто неуловимое и неопределенное, существующее вне ее текста. Юрист, применяющий закон, должен приблизить-

ся к пониманию этого смысла, опираясь на обычай и судебный прецедент⁵⁵.

Понимание содержания состава при уяснении смысла уголовно-правовой нормы, как и всякое познание, углубляется, становится более полным. Это, однако, означает, по нашему мнению, не проникновение в какую-то субстанцию, не имеющую отношения к закону, а более глубокое уяснение существенных свойств преступных деяний, существующих в реальной действительности и отраженных в правовых нормах.

Такой подход к уяснению состава тесно связан с задачей строгого соблюдения и дальнейшего укрепления законности.

В настоящее время, когда в нашем уголовном законодательстве последовательно проведен принцип: "нет преступления без указания в законе", признаки состава не могут быть добавлены или исключены из него по воле лица, применяющего закон.

Иное решение этого вопроса означало бы, что суд стоит выше закона.

4.3 Логические и правовые аспекты уяснения содержания состава преступления

Логические и правовые аспекты уяснения содержания состава отражают общие механизмы мыслительной деятельности человека, но при этом, однако, они не учитывают особенностей личности конкретного следователя, прокурора и судьи, не раскрывают содержания психических процессов, протекающих в его сознании, не дают представления о реальной мыслительной деятельности. А между тем именно знание этих процессов дает возможность более глубоко понять причины ошибок, допускаемых при применении закона, и способствовать улучшению практической деятельности.

С точки зрения психологии процесс уяснения содержания состава входит в содержание мыслительной деятельности юриста, применяющего закон, и, следовательно, подчиняется всем присущим этой деятельности закономерностям. Вместе с тем в нем есть некоторые особенности, отличающие его от других форм

⁵⁴ Никифоров Б.С. Правовая культура и закон // Известия. 1962, 22 мая.

⁵⁵ Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949; Дженкс Э. Английское право. М., 1947

мыслительной деятельности юриста (например, от процесса выбора и назначения меры наказания).

Специфика здесь заключается не только в особом содержании разрешаемой задачи, но и в тех операциях, которые обычно при этом применяются. Наиболее характерной из них является сравнение, протекающее в рамках так называемого узнавания (опознания образов).

Предварительным этапом для узнавания является обучение, К нему относится и уяснение содержания нормы.

Процесс обучения включает:

- а) ознакомление человека с объектами (классами объектов), которые он должен научиться различать и опознавать;
- б) выделение отличительных признаков этих классов;
- в) сравнение этих признаков и соответственно разграничение классов объектов, которым они принадлежат;
- г) запоминание признаков соответствующих классов⁵⁶.

Усвоение признаков (обучение) происходит как в результате целенаправленного педагогического процесса, так и стихийно. При целенаправленном обучении (например, при получении юридического образования) юрист овладевает сразу обобщенными и суммированными сведениями о признаках различных составов преступлений.

Так, в процессе изучения курса уголовного права студент усваивает классификацию преступлений (разделение их по главам и статьям Особенной части Уголовного кодекса) и запоминает их основные признаки. Тем самым достигается основная цель обучения – формирование представлений о том, чем именно различные классы объектов различаются между собой.

Стихийное обучение (например, в практической деятельности юриста) происходит более сложным путем. При наблюдении различных классов объектов – разных видов преступлений человек сам устанавливает их признаки, выделяет повторяющиеся существенные, а также отделяет те классы объектов, в которых эти признаки не встречаются. Общее представление о содержании состава того или иного преступления и его отличии от других составов складывается постепенно. Для этого необходимо изучить достаточно большое число преступлений, относящихся к различным видам. "Следует учитывать не только разнообразие

характеристик объектов разных классов по данному признаку, но и степень однообразия характеристик объектов одного и того же класса"⁵⁷. Лишь в результате такой достаточно сложной мыслительной работы формируются общие представления о содержании состава того или иного преступления.

В настоящее время, когда почти все юристы-практики имеют высшее образование, стихийное обучение в чистом виде почти не встречается. Однако процесс усвоения признаков составов преступлений далеко не сводится и к одному целенаправленному обучению. Уже в вузе студент усваивает признаки уголовно-правовых норм не только из специальной литературы или лекций преподавателя, но и из собственного опыта во время посещения судебных заседаний, чтения уголовных дел, прохождения производственной практики и др. Стихийное обучение вступает в свои права во время практической работы следователя, судьи и прокурора. Однако здесь в свою очередь имеются и элементы целенаправленного воздействия как в форме разъяснений вышестоящих судебных и прокурорских органов по конкретным делам или категориям дел, так и в виде различных мероприятий производственной учебы (лекции, семинары, краткосрочные курсы и т.д.)

Всякое обучение предполагает следование определенным образцам поведения или получения собственного опыта в результате «проб и ошибок». Целенаправленное обучение контролируется педагогом. В стихийном процессе такой контроль осуществляется самой практикой. Представление о содержании того или иного состава преступления может закрепиться в сознании и превратиться в эталон лишь тогда, когда оно будет проверено и каким-либо путем подтверждено.

Для практического работника юстиции наилучшим подтверждением обычно служит решение вышестоящей инстанции, согласившейся с его выводами по уголовному делу. Впрочем, отмена или изменение их вышестоящим органом тоже определенный урок, подчас свидетельствующий о неправильном усвоении содержания состава.

⁵⁶ Шехтер М.С. Психологические проблемы узнавания. М., 1967. С.10.

⁵⁷ Бонгард М.М. Проблема узнавания. С.42.

Таким образом, роль "учителя" для юриста-практика выполняет не столько ученый-специалист, сколько повседневная юридическая практика⁵⁸.

Материал обучения во время практической работы юриста пополняется и изменяется, что приводит в свою очередь к изменению "эталонов" – представлений о признаках различных видов преступлений.

Не всегда эти представления становятся более точными и правильными; иногда, к сожалению, происходит обратный процесс — утрата некоторых существенных признаков. Отрицательную роль при этом играет, в частности, известное "однообразие" практики, в результате чего возникают упрощенные, шаблонные представления, неточно отражающие действительное содержание состава того или иного преступления.

Например, если в течение ряда лет среди преступлений, квалифицируемых по ст. 160 УК РФ, встречались только хищения, совершенные должностными лицами, у конкретного следователя, прокурора или судьи может образоваться суженное, неполное представление о содержании этой нормы как якобы не предусматривающей хищения, совершенного частным лицом, которому было вверено государственное имущество. Это свидетельствует о том, что у таких лиц "эталон" состава в свое время, возможно, правильно усвоенный в вузе, с течением времени искажился, и, если подобный случай хищения вдруг встретится в жизни, квалификация его может вызвать неожиданные затруднения.

Гарантией глубокого усвоения требований права является соединение теории и практики. У юриста постоянное совершенствование практической деятельности должно сочетаться с повышением теоретических знаний, с ознакомлением со всеми достижениями юридической науки.

⁵⁸ П. 18 постановления Верховного Суда РФ №5 от 10.10.2003 г. "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и между народных договоров Российской Федерации".

§ 5 Признаки состава преступления

5.1 Понятие признака состава

То, что мы называем "признаком состава", есть, точнее говоря, признак преступления, включенный в состав, или, по образному выражению А.Н. Трайнина, "возведенный в ранг" признака состава преступления.

Словом "признак" обычно обозначают свойство, черту, особенность предмета или явления, по которым можно его узнать, отличить от других⁵⁹. Развитие учения о признаках в теории познания, логике, а также в такой специальной дисциплине, как криминалистика, дало возможность выделить ряд категорий признаков и особенностей их построения. Различают, например, признаки полезные, устойчивые, существенные, достаточные, необходимые, специфические, отличительные, обобщенные, индивидуальные и др.⁶⁰. Все эти характеристики могут быть приложены и к признакам состава преступления. Как уже говорилось ранее, в составе содержатся такие признаки преступления, которые являются существенными, отличительными, необходимыми и достаточными для квалификации преступлений, а потому их уяснение нужно для практической деятельности юриста.

Каждая классификация явлений преследует определенную цель.

Для подробного анализа признаков состава целесообразно выделить те их стороны, которые, с нашей точки зрения, имеют важное значение для правильного понимания и применения уголовного закона.

При правильном построении законодательства признаком состава преступления следовало бы считать такое качество (свойство, черту, особенность) преступления, которое удовлетворяет следующим требованиям:

⁵⁹ Кондаков Н.И. Логика. М. 1954. С. 473; Курляндский В.И. Вопросы основания уголовной ответственности. С. 40

⁶⁰ Эйсман А. Л. Заключение эксперта С. 36; Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. М., 1969. С. 92.

а) вместе с другими признаками определяет общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость деяния;

б) выражает его отличие от других преступлений и правонарушений;

в) прямо указано в законе или однозначно вытекает из него при толковании;

г) не является производным от других признаков;

д) присуще всем преступлениям данного вида.

Остановимся вкратце на этих требованиях, многие из которых уже были рассмотрены в предыдущей главе.

А) Все признаки состава в совокупности характеризуют соответствующее деяние как общественно опасное, противоправное, виновное и наказуемое, причем отсутствие хотя бы одного признака нарушает эту характеристику. Нужно лишь отметить, что вряд ли есть основания связывать каждый признак одновременно со всеми условиями уголовной ответственности. Например, вменяемость лица как признак состава имеет непосредственное отношение к вине и наказуемости, но общественная опасность деяния этим признаком вряд ли определяется (так как и невменяемые могут совершать общественно опасные действия). В то же время, наступление тяжких последствий влияет на определение степени общественной опасности деяния, но вовсе еще не свидетельствует о виновности лица в отношении последствий (последствия могут быть причинены умышленно, по неосторожности или без наличия вины). Лишь система признаков состава определяет общественную опасность, виновность и наказуемость (уголовную противоправность) деяния в целом.

Многие признаки, для того чтобы войти в состав преступления, должны обладать, так сказать, определенной степенью интенсивности. Это обстоятельство тесно связано с положением ч. 2 ст. 14 УК РФ, согласно которой малозначительное деяние не является преступлением. Рассмотрение понятий малозначительности выходит за рамки настоящей работы, однако надо сказать, что деяние может оказаться малозначительным в результате "неполноценности" различных признаков (например, невысокая степень тяжести последствий, неполнота возможного предвидения при небрежности, слабая степень легкомыслия при самонадеянности и др.). Некоторые признаки имеют жесткие границы, у них нет таких количественных градаций, которые могут сде-

лать деяние малозначительным, например, вменяемость, возраст, должностное положение лица и др. Эти признаки изменяются "скачками", по принципу "да" – "нет" (субъект вменяем либо невменяем; лицо является должностным или не является и т.д.).

Б) Признаки состава выражают отличие одного преступления от других преступлений и правонарушений. Нет двух составов, все признаки которых совпадали бы полностью: они различаются между собой хотя бы одним признаком. Кроме того, нет признака, который не отличал бы данный состав от какого-либо из иных составов преступлений или правонарушений.

В) Признаки состава должны быть указаны в законе или однозначно вытекать из него, причем это должно быть ясно при толковании закона. Кроме законодателя, никто не может "добавить" или "исключить" тот или иной признак из состава преступления. Выше уже отмечались те трудности и недостатки, которые проистекают из несоблюдения этого требования.

Г) Признаком состава преступления должно служить такое свойство, которое не является производным от других свойств, не может быть выведено из других признаков состава и потому подлежит всякий раз установлению в уголовном процессе. Этим достигается "экономность" состава, его лаконичность.

Так, известно, что объект — сложный элемент всякого преступления. Тем не менее далеко не все признаки объектов некоторых преступлений входят в соответствующие составы. Ряд признаков объекта являются производными: их нетрудно вывести из имеющихся в составе других признаков объекта или предмета преступления. Например, в составе кражи не содержится указаний на то, что это преступление посягает на собственность. Но зато имеется указание на предмет преступления – "имущество", а в примечании 1 и на вредные последствия – причинение материального ущерба собственнику. С установлением наличия этих двух признаков состава отпадает необходимость в самостоятельном обосновании того факта, что объектом преступления является собственность.

К сожалению, иногда в УК (особенно в новых поправках к нему) встречаются ситуации, когда трудно решить, какой из признаков является независимым, а какой — производным и потому излишним. Приведем пример. Статья 158 в редакции 2003 г. имеет такой квалифицирующий признак: "кража, совер-

шенная с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище" (п."б" ч. 2). Сочетание слов "помещение" и "хранилище" вызывает определенные трудности.

Что здесь является более общим и соответственно независимым признаком, а что производным? Если независимый признак "помещение", то зачем писать еще "иное хранилище", оно ведь – тоже помещение? Или, наоборот, более широкое понятие – "хранилище". Но тогда зачем нужно слово "помещение"? Возможны и другие комбинации, но их сочетание никак не проясняет дела.

Производность некоторых признаков преступления (например, объекта) отнюдь не свидетельствует о меньшей степени их важности. Нередко именно самые существенные свойства преступления находятся "в глубине", а их доказывание производится опосредствованно, через другие, более "доступные" свойства и качества, которые закреплены в виде признаков состава преступления. В суде должно быть доказано наличие только признаков состава преступления (мы имеем в виду цели квалификации). Производные его свойства не требуют доказывания: они либо неопровержимо презюмируются законодателем, либо вытекают из признаков состава, устанавливаемых по делу. Однако следует учитывать, что некоторые признаки состава могут рассматриваться под углом зрения так называемых фактических презумпций. Например, не требуется доказывать по каждому уголовному делу вменяемость субъекта; она презюмируется. Но эта презумпция является опровержимой, и если психические способности обвиняемого вызывают сомнения, они должны быть всесторонне проверены. Свойства преступления, рассматриваемые с использованием фактических презумпций, являются признаками состава, потому что они не производны от других признаков, порядок же их установления является специфическим.

Д) Признак присущ всем преступлениям данного вида. Это требование необходимо толковать с учетом высказанных выше соображений об альтернативных признаках и разновидностях состава. Если рассматривать все содержащиеся в составе альтернативы как один сложный признак, то приведенное выше требование выполняется достаточно точно.

В отношении понятия «альтернативный признак» надо сделать два замечания. Во-первых, в уголовном праве понятие

"альтернатива" предполагает не только две возможности (как в логике), но и более. Достаточно сослаться на ст. 169 УК РФ "Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности" (в ред. 2003 г.). В ней альтернативных признаков семь⁶¹. Назовем их в произвольном изложении: 1) отказ в регистрации предпринимателя; 2) уклонение от нее; 3) отказ в выдаче лицензии; 4) уклонение от выдачи; 5) ограничение прав лица; 6) ограничение его самостоятельности; 7) иное вмешательство в его деятельность.

Во-вторых, так же в отличие от логики, при совершении преступления даже из этого большого перечня вовсе не обязательно должен быть выбран только один признак. Ведь возможно, что воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности происходит путем отказа и в регистрации, и в выдаче лицензии, и во вмешательстве в законные действия лица. И хотя эти особенности расходятся с общепринятым логическим употреблением слова "альтернатива", они привились в юриспруденции, и с этим надо считаться.

5.2 Содержание признаков

Признак состава характеризует одно из свойств преступления. Но чем характеризуется он сам? Как раскрыть его содержание?

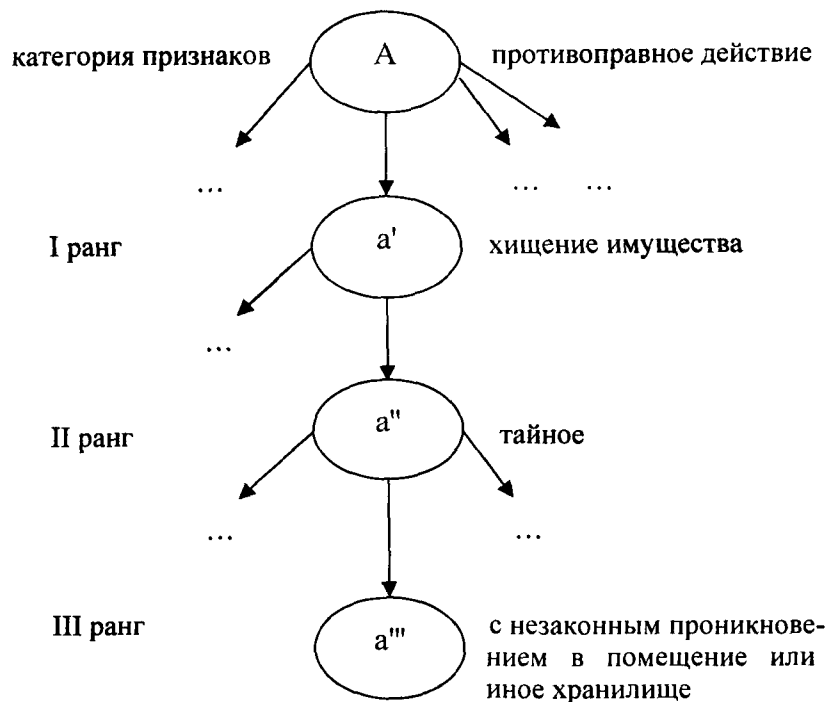
Для ответа на эти вопросы следует обратить внимание на то, что содержащиеся в составе признаки неодинаковы по степени абстракции и многие из них находятся в определенной связи между собой (хотя их нельзя признать зависимыми друг от друга). В группе признаков, относящихся к объективной стороне состава кражи, есть, например, такие, как "хищение" и "тайное". Второй признак уточняет, детализирует первый; они неравноценны по уровню обобщения, хотя и тот и другой входят в один состав.

В общей форме следует сказать, что в большинстве случаев признаки состава относятся к различным ступеням абстракции и

⁶¹ А в ч.2 ст. 188 "Контрабанда" содержится 29 альтернативных признаков предметов, запрещенных для перемещения через границу.

нередко могут быть представлены в виде иерархической системы – "деревя" признаков, взаимосвязанных между собой и расположенных по "рангам" – от высшего к низшему. Так, если в группе признаков объективной стороны состава квалифицированной кражи (ч. 2 ст. 158 УК РФ) наиболее высокой степенью абстракции можно считать понятие "противоправное действие" (категория признаков), то далее идут такие признаки: "хищение имущества" (I ранг), "тайное" (II ранг), "с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище" (III ранг). Это "дерево" изображено на следующем рисунке.

Рисунок 1.

Из схемы видно, что признак каждого последующего ранга раскрывает, поясняет предыдущий. Боковые стрелки указывают, что могут существовать и другие признаки нижестоящего ранга.

Например, понятие "хищение имущества" может быть разложено на разновидности – "тайное" и "открытое" и т.д.

Наивысшая степень рассматриваемой абстракции есть категория (класс) признаков, определяющая конструкцию состава. Конкретизация этого класса начинается с признаков I ранга и продолжается до нижних пределов, обусловленных содержанием состава.

При этом возникает вопрос: следует ли считать признаком состава свойство только одного какого-либо ранга, или все ранги представляют собой качества, заслуживающие наименования признака состава? Ответ на этот вопрос вытекает из сформулированных выше требований к признаку состава. В частности, если отмеченные свойства не производны и отграничивают это преступление от других деликтов, то мы имеем дело с признаками состава.

В данном случае свойства I, II и III рангов, несомненно, являются признаками кражи. Убедимся в этом, исходя из приведенных критериев:

а) производны ли эти признаки, т.е. вытекает ли однозначно признак нашего ранга из высшего или наоборот? По-видимому, нет. Хищение имущества (I ранг) не обязательно может быть тайным (II ранг), и, наоборот, какое-либо тайное действие отнюдь не всегда является хищением имущества. То же и с соотношением признаков II-III рангов. Каждый высший ранг предполагает ряд вариантов низшего;

б) все признаки I, II и III рангов состава квалифицированной кражи необходимы для ее отграничения соответственно от уничтожения имущества; от грабежа; от кражи без отягчающих обстоятельств. Значит, и второму требованию — отграничению от иных деликтов — они удовлетворяют.

Как уже сказано, самая низкая степень абстракции признаков (на рисунке 1 — III ранг) обычно используется для характеристики обстоятельств, разграничивающих разновидности одного состава. Разумеется, возможны не только три ранга признаков, но и больше и меньше. Во многих составах мы встречаемся с одним-двумя рангами. Так, в составе убийства без отягчающих обстоятельств, предусмотренном ч. 1 ст. 105 УК РФ, можно выделить только один ранг (по объективной стороне) — причинение смерти.

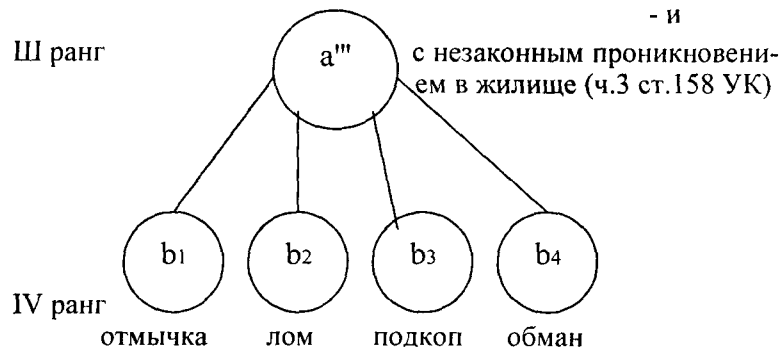
5.3 Раскрытие содержания признаков

Что произойдет, если попытаться продолжить конкретизацию признака состава? Например, построить продолжение схемы, приведенной на странице 58, разложив признак "а" – "с незаконным проникновением в помещение" на такие разновидности: b_1 – с при применении отмычки; b_2 – с применением лома; b_3 – путем подкопа; b_4 – путем обмана (рис. 2).

Рисунок 2.

Разновидности средств и способов проникновения в помещение

- и

Очевидно, в принципе такая конкретизация возможна и даже полезна, ибо она помогает раскрыть содержание этого признака. Но надо сразу сказать, что этот IV ранг абстракции (или, скорее, последовательной конкретизации) не образует новых признаков, состава, потому что перечисленные в его пунктах свойства не ограничивают кражу от других преступлений. Хотя они дают нам дополнительную информацию о данном преступлении, для квалификаций такая информация уже не нужна. "Как ни парадоксально это звучит, – замечает М.М. Бонгард, – но основная задача узнающей системы... вовсе не в сохранении всей инфор-

мации, а в максимальном сокращении несущественной информации о каждом объекте"⁶².

Ненужное для уяснения состава деление признака на составляющие его элементы есть, однако, полезная форма описания его содержания, что необходимо для криминалистов и оперативных работников.

Как известно, содержание понятия может быть раскрыто двумя способами – путем определения его через ближайшие род и видовое отличие или через перечисление образующих его элементов⁶³. Содержание признака состава можно раскрыть обоими способами. С одной стороны мы можем понятие "проникновение в помещение" определить первым путем, сказав, например, что это – незаконное проникновение субъекта преступления в закрытое строение. С другой стороны, можно дать перечень различных средств и способов проникновения в помещение и иные хранилища, хотя он вряд ли будет исчерпывающим. Это ведет к дальнейшей конкретизации соответствующего признака.

Описание (раскрытие) признаков состава нередко дается в самой диспозиции уголовного закона. Так, перечисленные в ст.262 УК РФ виды особо охраняемых территорий (заповедники, заказники, национальные парки, памятники природы) – это альтернативные признаки состава, которые поглощаются более общим определением. Еще более наглядным примером может служить ч.1 ст.111 УК РФ, в которой понятие тяжкого вреда здоровью раскрывается посредством перечисления нескольких альтернативных признаков. При этом названные в статье "потеря зрения", "потеря слуха", "психическое расстройство несостоятельными признаками состава данного преступления не являются. Это лишь расшифровка альтернативного признака "расстройство здоровья, соединенное со значительной стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть". Строго говоря, указание на них излишне, их можно было бы не перечислять в законе, а оставить в инструкции для определения степени тяжести телесных повреждений.

⁶² Бонгард М М Проблема узнавания. С.39.

⁶³ Такие элементы, разумеется, тоже представляют собой логические признаки, однако не признаки состава преступления.

Описание содержания признака надо отличать от альтернативных признаков состава. При этом следует исходить из различной логической природы этих явлений. Если признаки низшего ранга полностью исчерпывают все содержание "вышестоящего" признака, то это есть описание (раскрытие) его содержания; если же не исчерпывают, то мы имеем дело с самостоятельными (альтернативными) признаками. Напомним, что альтернативные признаки состава отграничивают данное преступление от других; раскрытие же содержания понятия к этому не приводит.

В формулах математической логики это различие выглядит следующим образом. Обозначим признак вышестоящего ранга символом a' , нижестоящего $-a''$. Тогда описание (раскрытие) признака a' через признак a'' полностью укладывается в следующую формулу:

$$a' = a''_1 \cdot a''_2 \quad (11)$$

При этом a''_1 и a''_2 представляют собой взаимные дополнения⁶⁴, т.е.

$$\begin{aligned} a''_1 &= \overline{a''_2}, \\ a''_2 &= \overline{a''_1} \end{aligned} \quad (12)$$

Если же признаки нижестоящего ранга являются альтернативными, то они в совокупности не исчерпывают содержание вышестоящего признака:

$$a' = a''_1 \cdot a''_2 \cdot x \quad (13)$$

"Остаток" x не входит в число признаков данного состава и характеризует иное преступление, правонарушение или деяние, безразличное для права.

Проиллюстрируем сказанное на двух примерах.

В части 2 ст.120 УК РФ "Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации" имеется понятие "зависимость от виновного". Оно раскрывается посредством указа-

ния на две формы такой зависимости – "материальная" (a''_1) или "иная" (a''_2) зависимость. Очевидно, эти формы исчерпывают все возможные варианты зависимости и не дают никакой дополнительной информации для отграничения данного преступления от других. В этом случае мы имеем дело не с альтернативными признаками, а с раскрытием содержания понятия "зависимость" (a').

Иначе обстоит дело с формулировкой в ч. 1 той же статьи: принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное "с применением насилия либо с угрозой его применения". Нетрудно видеть, что эти два выражения не исчерпывают всех способов принуждения (могут быть еще угрозы уничтожением имущества, сообщением компрометирующих сведений и т.д.). Следовательно, "насилие" и "угроза его применения" являются альтернативными признаками, которые отграничивают это преступление от действий, не предусмотренных данной статьей.

5.4 Роль судебной практики в раскрытии содержания признаков состава преступления

Раскрытие (описание) содержания признака состава большей частью производится не в законе, а в руководящих разъяснениях пленумов Верховных Судов (СССР и союзных республик) и в судебных решениях.

Например, Уголовный кодекс не раскрывает понятия "близкие лица", хотя часто его употребляет.

Как разъяснил Верховный Суд РФ по одному делу, "по смыслу закона круг близких потерпевшему лиц не ограничен перечнем близких родственников... Как видно из материалов дела, Н. и ее дочь К. совместно с потерпевшим Д. проживали с 1989 г., Н. считала и называла его своим мужем, а К. — отцом. Д. и Н. имели общего ребенка"⁶⁵. Таким образом, понятие "близкие ли-

⁶⁴ Дополнением к классу N называется класс $\bar{N}$, который при сложении с N образует универсальный класс, т.е. всю совокупность рассматриваемых объектов.

⁶⁵Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 11. С. 9.

ца" истолковано как более широкое по сравнению с "близкими родственниками".

Конкретизация признака, разложение его на составные элементы, необходимые для его описания, теоретически могут продолжаться неограниченно долго⁶⁶. Ведь можно подвергнуть подобному анализу каждый из терминов самого описания (например, раскрыть, что означает понятие "транспортное средство" или "судно").

Иногда законодатель или орган, толкующий закон при его применении, намеренно "прерывает" возможности для подобного анализа, например прямо указывает, кто должен считаться "лицом, достигшим определенного возраста"⁶⁷, исключая различные толкования. Это делается главным образом в тех случаях, когда возможный разнобой в следственной, судебной и прокурорской практике при разрешении соответствующего вопроса более опасен, чем известный формализм такого законодательного решения.

Бывает, что закон не дает окончательного определения того или иного постоянного признака и в судебных решениях его содержание не прокомментировано. В таком случае практический работник органов следствия, суда или прокуратуры вынужден истолковывать содержание признака, основываясь на собственном понимании данной нормы. При этом приобретает существенное значение правосознание следователя, прокурора, судьи. Однако его роль, как справедливо писал В.И. Шанин, "выражается не в том, что оно исправляет закон своими критериями, лежащими вне действующего права, а в том, что оно помогает

---

⁶⁶ *Ветров А.Л.* Семиотика и ее основные проблемы. С. 171; *Никитин Е.П.* Объяснение – функция науки. М., 1970. С. 255. — Процесс описания, по мнению этих авторов, прекращается там, где мы приходим к "чувственным образам" либо к устоявшимся определениям (постулатам).

⁶⁷ Развернутые соображения по этому вопросу были высказаны в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу К. (см.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1959 № 4. С. 32-34).

⁶⁸ *Шанин В.И.* Роль социалистического правосознания в укреплении советской законности // Труды ВПА им. В.И. Ленина. Вып. 24. М., 1958. С. 179.

преодолеть отрыв в сознании толкователя применяемой нормы от системы данной отрасли права или права в целом, обеспечивает неразрывную связь толкуемого закона с другими нормами и институтами права, помогает уяснить его общественно-политическое значение, раскрыть подлинный смысл и конкретное содержание закона в применении к конкретному случаю"⁶⁸.

5.5. Позитивные и негативные признаки состава преступления

Большинство признаков состава сформулировано в законе в позитивной форме: в виде указания на те или иные качества (свойства) преступления. Многочисленные примеры этих признаков были приведены выше. Все эти признаки можно назвать позитивными. С логической точки зрения они выражаются в так называемых положительных понятиях⁶⁹.

Вместе с тем при описании некоторых составов встречаются признаки, которые выражаются в отрицательных понятиях⁷⁰. Например, в ст. 322 УК РФ говорится о пересечении охраняемой Государственной границы РФ "без действительных документов либо без надлежащего разрешения", а в ст. 112 УК РФ – о причинении вреда здоровью, "не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в статье 111 настоящего Кодекса". Такие признаки состава можно назвать негативными. Они указывают на отсутствие тех или иных качеств, свойств, особенностей деяния, признаваемого преступлением.

Негативные признаки играют в составе преступления такую же роль, что и позитивные. Они в полной мере могут использоваться при квалификации. При уяснении содержания негативных признаков иногда возникают трудности, связанные с тем, что они не содержат положительного описания соответствующего

---

⁶⁹ "Понятия, в которых отражаются признаки, присущие предмету, называются положительными" (*Ивлев Ю.В.* Логика. М., 1967. С. 33).

⁷⁰ "В отрицательных понятиях признаком, по которому обобщаются предметы, служит отсутствие у них тех или иных качеств, свойств, отношений" (там же).

щих явлений. В связи с этим следует рассмотреть природу негативных признаков несколько более подробно.

Прежде всего надо отметить, что негативные признаки, как и позитивные, могут быть различного уровня, разной степени обобщения. Например, в УК 1960 г. было несколько статей, где негативные признаки формулировались в самом общем виде. Например, в ст.268 УК РСФСР "Дурное обращение с военнопленными" говорилось: "...при отсутствии признаков более тяжкого преступления".

Цель включения в состав таких обобщенных негативных категорий состояла в том, чтобы способствовать отграничению данного состава от смежных составов преступлений. Строго говоря, подобные признаки могли бы и не содержаться в законе. Разграничение преступлений происходит по определенным правилам независимо от того, имеется ли такой "отсылочный" негативный признак в самой диспозиции статьи. Понятно, например, что по ст.166 деяние квалифицируется тогда, когда угон не является хищением, и писать в этой статье, что завладение автомобилем совершается "без цели хищения", в общем, логически и юридически излишне. Следовательно, приведенные негативные признаки представляют собой избыточную информацию, которая имеет для юриста нейтральный характер (если не считать, что полезно всякое лишнее напоминание о том, что существуют смежные составы).

В новом Уголовном кодексе 1996 г. таких случаев стало очень немного. Если и есть негативные признаки, то они сформулированы достаточно конкретно и не несут избыточной информации. Например, в ст.235 УК РФ говорится о занятии частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью "лицом, не имеющим лицензии на избранный вид деятельности", а в ст.238 УК – о выполнении работ или об оказании услуг, "не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей".

Во всех подобных случаях при уяснении требований закона может возникнуть необходимость раскрыть содержание негативного признака более подробно. Как это сделать? Нельзя ли, в частности, заменить его позитивным?

"Всякое утверждение в одном отношении есть отрицание в другом отношении"⁷¹. Поэтому в принципе такая замена возможна, хотя не всегда технически удобна, так как предполагает длинное объяснение существа дела. Например, в ст.112 УК РФ говорится о причинении "средней тяжести вреда здоровью», не опасного для жизни человека". Признак негативный, но чтобы раскрыть его содержание, пришлось бы процитировать, по меньшей мере, медицинскую энциклопедию.

Иногда законодатель находит более простой выход. Например, ст.123 УК РФ гласит: "Незаконное производство аборта". Тоже негативный признак. Но он тут же отчасти переводится в позитивную форму в самой диспозиции этой статьи: "Производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля". Отчасти – потому что слова "не имеющим" и т.д. – тоже признак негативный.

Нередко перевод негативного признака в негативный вызывает непреодолимые препятствия, которые хорошо объясняются известной русской пословицей: "Овчинка выделки не стоит".

Например, чтобы определить, что означают в ст.234 УК РФ сильнодействующие или ядовитые вещества, "не являющиеся наркотическими", надо было бы дать в законе список всех существующих ядовитых и сильнодействующих веществ, за исключением входящих в них наркотических веществ. Эта задача трудновыполнима, помимо прочего, еще и в силу изменчивости самого такого перечня. Такой же неудачной была бы, например, попытка перейти к позитивному определению лица, "не имеющего высшего медицинского образования" (ст.123 УК): пришлось бы привести весь список имеющихся на свете дипломов о высшем образовании, не являющемся медицинским.

Из сказанного можно сделать вывод о допустимости пользования негативными признаками как таковыми, без их перестройки в позитивные. Вместе с тем, когда возникает трудность с уяснением их содержания, надо иметь в виду, что в принципе многие из них можно перевести в позитивные признаки.

Иногда, напротив, целесообразно как раз иное: осмыслить позитивный признак через соответствующее ему негативное дополнение. Что значит "тайное" хищение? Очевидно, "не открытое". Анализ особенностей открытого хищения и последующее

⁷¹ Там же. С.70.

их отрицание дают возможность легко понять признаки тайного похищения имущества. Это гораздо проще и понятнее, чем подыскивать позитивные признаки данного преступления.

Указание на отсутствующие (негативные) признаки имеет важное значение для разграничения преступлений.

Обычно при квалификации мы используем как позитивные, так и негативные признаки, устанавливая наличие определенного состава преступления и отделяя его от смежных составов.

Конечно, недопустимо ограничиваться установлением одних только негативных признаков и. таким образом, квалифицировать преступление "путем исключений". Вряд ли нашелся бы судья, который осудил бы человека за убийство только на том основании, что в совершенных им действиях нет признаков разбоя, ни бандитизма, ни телесного повреждения, ни изнасилования, ни дезертирства. Дело в том, что хотя нередко удается подобрать пару таких признаков, которые вполне дополняют и исключают друг друга ("открытое" хищение – значит, не "тайное", и наоборот), но в большинстве случаев у нас нет гарантии, что мы предусмотрели все возможные варианты (невозможно утверждать, например, что если данное преступление посягает не на имущество, то, значит, – на личность). Как отмечается в психологической литературе, люди с большим трудом работают с отрицательными понятиями, чем с положительными, "поскольку они предпочитают извлекать информацию из положительных событий"⁷². Поэтому именно позитивные признаки являются основой построения состава, а потому и основой квалификации.

5.6. Постоянные и переменные признаки состава преступления

Деление признаков состава можно произвести по степени их неизменности, устойчивости. Это – деление признаков на постоянные и переменные.

Под постоянными понимаются такие признаки, содержание которых остается неизменным в течение всего времени действия

данного уголовного закона и не зависит существенным образом от конкретных обстоятельств совершенного преступления. Соответственно переменными следует называть признаки, содержание которых может измениться без изменения текста диспозиции статьи Особенной части уголовного кодекса.

К постоянным можно, например, отнести все признаки, указанные в диспозиции п. "г" ст.105 УК РФ ("убийство... женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности"). Пока эта норма, а также ее положение в системе Особенной части Уголовного кодекса не изменилась, все признаки данной нормы (понятие "убийство", понятие "состояние беременности" и т.д.) остаются стабильными и значение их применительно к каждому конкретному случаю совершения преступления одно и то же.

Постоянные признаки состава обычно предусмотрены самой уголовно-правовой нормой без ссылок на какие-либо нормы других отраслей права.

Постоянными являются не только признаки, прямо указанные в диспозиции статьи Особенной части. Как отмечалось выше, некоторые признаки состава отражены и в статьях Общей части УК. Они в большинстве случаев также бывают постоянными для данного вида преступления или даже для всех преступлений (например, возраст).

Постоянный признак состава стабилен как во времени (не изменяется, пока не изменится закон), так и в пространстве (означает одно и то же на всей территории действия данной нормы независимо от местных условий). Применительно к таким признакам задача органов следствия и суда в процессе квалификации обычно ограничивается тем, чтобы правильно уяснить их содержание и точно установить, имеются ли они в действиях обвиняемого. Если этот факт достоверно установлен, то тем самым определена и правильная квалификация содеянного. Игнорирование предусмотренных законом постоянных признаков состава или произвольное их истолкование при применении нормы является грубой ошибкой.

Постоянные признаки характеризуют такие свойства преступления, которые существенным образом не зависят от изменений конкретной обстановки. Например, "злоупотребление доверием или обман" как признак мошеннического посягательства на имущество представляет общественную опасность независи-

⁷² Хант Э., Марин Дж., Стоун Ф. Моделирование процесса формирования понятий на вычислительной машине. М., 1970. С. 68. не имеющим" и т.д.

мо от того, совершено ли это преступление в городе или в деревне, днем или ночью, в отношении малолетнего или старика, в 1965 г. или в 2005г. Конечно, степень общественной опасности конкретных деяний может быть различной, но это учитывается уже посредством других признаков состава – переменных.

Постоянные признаки состава в большинстве случаев относятся к объекту преступления, субъекту, субъективной стороне. Эти элементы преступления обычно испытывают наименьшее влияние изменяющейся конкретной обстановки. Как отмечал Я.М. Брагинин, признаки состава описываются: а) общеупотребительными терминами (например, имущество); б) научно-техническими выражениями (например, эпизоотия); в) специальными юридическими терминами (например, хищение)⁷³. Это в полной мере относится к постоянным признакам состава.

Одним из постоянных признаков ряда преступлений является "опасность для жизни". Верховный Суд РФ не признал разбоем нападение с применением газового баллончика, указав, что "нет каких-либо данных о степени опасности для жизни и здоровья потерпевшего в результате применения газового баллончика при нападении". Преступление было переквалифицировано на грабеж⁷⁴.

Постоянные признаки стабильны лишь в пределах действий конкретного уголовного закона. Стоит измениться закону — и соответствующий признак будет заменен другим или приобретает иное содержание. Так произошло, например, с признаками кражи, когда вместо "тайного или открытого" похищения, предусмотренного Указом от 4 июня 1947 г., этот состав преступления стал охватывать только "тайное" похищение чужого имущества.

Возможны и такие случаи, когда текст статьи УК сам по себе не изменился, а тем не менее содержание нормы стало иным в связи с изменением смежных уголовно-правовых норм и понятий. Так, понятия тяжкого и легкого телесных повреждений после вступления в силу УК РСФСР 1960 г. приобрели иное содержание, чем в УК 1926 г., потому что появилось промежуточное понятие менее тяжкого телесного повреждения (ст. 109 УК РСФСР). Они изменились и в УК 1996 г.

⁷³ Брагинин Я.М. Уголовный закон и его применение. С. 59-63.

⁷⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 5. С. 17.

И все-таки на протяжении того периода времени, когда закон действует без изменений, постоянные признаки состава также не меняют своего содержания. Единообразное понимание этих признаков всеми органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и судами имеет важное значение с точки зрения соблюдения законности и организации успешной борьбы с преступностью. Такое единообразное понимание обеспечивается толкованием закона, относящимся к компетенции высших органов власти, а также изданием постановлений пленумов Верховного Суда.

Иллюстрировать сказанное можно следующим примером.

В нескольких статьях УК РФ (11,12,355,356) используется понятие "международный договор РФ", но расшифровка его не дается. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении № 35 от 10 сентября 2003 г. "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации" разъяснил это понятие. Пленум указал, что "под международным договором Российской Федерации надлежит понимать международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (например, конвенция, пакт, соглашение и т.п.)".

В одном из судебных решений Верховный Суд РФ разъяснил понятие субъекта преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ (неуплата налога). Им является "физическое лицо (гражданин РФ, иностранный гражданин, лицо без гражданства), достигшее шестнадцатилетнего возраста, имеющее облагаемый налогом доход и обязанное в соответствии с законодательством представлять в целях исчисления и уплаты налога в органы налоговой службы декларацию о доходах"⁷⁵. Надо полагать, что в данном случае тоже разъяснен постоянный признак.

Когда закон действует уже сравнительно продолжительное время, возникает вопрос: применительно к какому периоду вре-

⁷⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 9. С. 4.

мени следует давать его толкование — времени издания или времени применения закона?⁷⁶ Если иметь в виду постоянные признаки, то этот вопрос в значительной мере утрачивает актуальность: так как признак постоянен, он сохраняет то свое значение, которое в него было вложено при издании закона. Какая бы то ни было "модернизация" постоянного признака недопустима.

Исходя из этих соображений, мы полагаем, что М.Д.Шаргородский был не прав, когда писал: "Суд должен стремиться установить не волю закона, что пропагандирует нормативная теория права, не волю законодателя времени издания закона, что никогда не может привести к правильному решению конкретного вопроса, а то, что фактически всегда имело и имеет место: закон толкуется и должен толковаться в соответствии с волей законодателя времени применения закона"⁷⁷. Это утверждение неверное, если речь идет о постоянных признаках состава; оно может считаться обоснованным лишь для переменных признаков.

Вторая группа — это переменные признаки. Как отмечено выше, их содержание может измениться на протяжении действия данного уголовного закона. Это означает, что содержание признаков определяется не только текстом статьи, но и какими-то другими моментами. Переменные признаки имеют две основные разновидности — бланкетные и оценочные.

Большинство переменных признаков состава сформулированы в законе как бланкетные. Это означает, что конкретное их содержание зависит от другой, в большинстве случаев подзаконной нормы, относящейся к иной отрасли права. Например, способ преступного действия (бездействия), предусмотренного ст.263 УК РФ, является переменным признаком, потому что уголовный закон предусматривает ответственность за "нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта", не раскрывая, в чем конкретно заключается это нарушение. Правила же безопасности движения и эксплуатации транспорта установлены административными актами и периодически изменяются.

---

⁷⁶ Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона. М., 1970. С. 106.

⁷⁷ Шаргородский М.Д. Закон и суд / Ученые записки ЛГУ. Вып. 8. 1956. С. 18.

Переменный признак состава внешне как бы стабилен: текст соответствующей статьи Особенной части на протяжении ряда лет остается прежним. Однако в действительности содержание этого признака состава может существенно измениться из-за изменений подзаконной нормы. Характерным примером могут служить правила движения автотранспорта, которые периодически пересматриваются. При этом то, что по старым правилам являлось противоправным, может допускаться новыми правилами, и наоборот, хотя бы сама уголовно правовая диспозиция не изменялась.

В условиях быстрого развития техники количество бланкетных диспозиций неуклонно возрастает. В ряде отраслей хозяйства только детализированные правовые акты, вроде правил по технике безопасности, могут предусмотреть разнообразные виды общественно опасных действий⁷⁸. Следует учитывать, что условия работы различных механизмов существенно изменяются, а это ведет и к изменению правил поведения людей, их обслуживающих. Никакой уголовный закон не в состоянии предусмотреть эти изменения. Он может в лучшем случае дать лишь общую формулу, охватывающую все возможные нарушения в совокупности. Поэтому существование норм, содержащих переменные признаки состава, неизбежно.

Уголовный кодекс включает большое количество бланкетных норм, например, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст.263 УК РФ), нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст.264 УК РФ), нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации и ремонте магистральных трубопроводов (ст. 269 УК РФ), нарушение правил международных полетов (ст.271 УК РФ), многие экологические преступления (гл.26 УК), а также преступления против общественной безопасности (гл.24 УК).

Необходимо отметить, что известная "бланкетность" имеется и в ряде других диспозиций, обычно не называемых бланкетными. Так, в некоторых статьях Особенной части содержатся указания на "незаконность" того или иного действия. Что означают эти ссылки?

---

⁷⁸ Сахаров А.Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. М., 1958. С. 62.

Рассмотрим, например, диспозицию ч.1 ст.301 УК РФ, которая гласит: "Заведомо незаконное задержание". Указание на "незаконность" здесь означает, что под эту статью УК подпадает не всякое задержание, а лишь такое, которое не предусмотрено в качестве правомерного уголовно-процессуальным законодательством. В данном случае слово "незаконное" является негативным бланкетным признаком, по существу имеющим переменное содержание, так как конкретные условия производства задержания могут меняться в зависимости от изменения уголовно-процессуального законодательства по этому вопросу⁷⁹.

Разъяснение содержания бланкетных признаков дано в ряде руководящих постановлений судебных органов. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 октября 1969 г. разъяснялось понятие "транспортные средства". Пленум указал, что под ними "следует понимать автотранспортные средства, подлежащие регистрации в Государственной автомобильной инспекции, пассажирские и грузовые трамваи и троллейбусы, все виды тракторов, а также дорожные, строительные, уборочные, сельскохозяйственные и тому подобные специальные самоходные машины"⁸⁰.

Слова "тому подобные" весьма характерны. Дело не только в том, что исчерпывающий перечень был бы очень велик, но и в том, что он не может быть стабильным. Ведь этот признак бланкетный, он будет меняться по мере развития техники, и Пленум не вправе вводить перечень в жесткие рамки, потому что законом они не установлены.

Уяснение содержания переменных признаков в отличие от постоянных не может базироваться лишь на анализе уголовно-правовых норм. Оно часто требует соответствующего толкования не только уголовного закона, но и подзаконных актов. Такое толкование также нередко осуществляется в судебной практике.

---

⁷⁹ Вполне возможно, что это законодательство будет изменяться реже, чем уголовное. Но на таком основании указанный признак нельзя назвать постоянным, поскольку суть дела состоит в том, что он может измениться независимо от нормы УК.

⁸⁰ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1970. № 1. С. 5. — В примечании 1 к ст. 264 УК РФ 1996 г. вместо "тому подобных" говорится об "иных" самоходных машинах.

При уяснении содержания рассматриваемой разновидности переменных признаков роль правосознания юриста мало отличается от того, что имеет место при применении признаков постоянных. Как там, так и здесь задача состоит в правильном понимании смысла закона (или подзаконного акта). "Исполнитель закона не вправе, ссылаясь на правосознание, изменять смысл и содержание толкуемого закона. Чтобы правильно уяснить подлинный смысл закона, толкователь может подняться до уровня законодателя, но, находясь на этом уровне по развитию своего политического и правового сознания, он не превращается в законодателя и не перестает быть только исполнителем. Его деятельность подзаконна, и данное им толкование не обязательно для других"⁸¹.

5.7. Оценочные признаки состава преступления

Вторая разновидность переменных признаков характеризуется тем, что их содержание в значительной мере определяется правосознанием юриста, применяющего закон, с учетом требований УК и обстоятельств конкретного дела. Эти переменные признаки еще более приближены к изменяющейся обстановке, которую оценивают органы следствия, прокуратура и суд. Поэтому с известной условностью их можно назвать оценочными признаками.

Типичным примером оценочного признака может служить указание на "существенное нарушение" прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства при злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Ни Уголовный кодекс, ни какой-либо иной акт не раскрывает этого понятия. Окончательно решить вопрос, является ли причиненный вред "существенным" или нет, может только суд применительно к данному конкретному делу.

Оценочные понятия отражают отношения между предметами

---

⁸¹ Шанин В.И. Роль социалистического правосознания в укреплении советской законности. С. 183-184.

(явлениями), характеризуют результат сопоставления некоторого предмета с образцом (стандартом, эталоном)⁸².

Производя операцию оценки данного символического содержания, человек в результате приходит к установлению некоторого отношения этого содержания к определенному стандарту. При этом стандарт, используемый применительно к оценочным понятиям, весьма специфичен.

Для уяснения этой специфики сравним два понятия, например, "деревянный" и "хороший". В употреблении этих прилагательных мы можем заметить существенную разницу. Утверждая, что "этот дом деревянный", мы пользуемся термином — определенным эталоном ("деревянный"), не выработанным для данного конкретного случая, а имеющим общепринятое и одинаковое значение. Другое дело, если мы скажем: "Этот дом — хороший", Здесь, конечно, тоже используется известный эталон, т.е. представление о том, какие дома могут быть охарактеризованы как хорошие. Однако важно то, что этот эталон неоднозначен. Он может быть выработан только для данного случая, и притом тем самым лицом, которое его применяет. Поэтому и вывод — оценка дома — может быть различным: дом, хороший для одной цели (летний отдых), может оказаться плохим для другой (производственное помещение). В данном случае термин "хороший" можно называть оценочным⁸³.

Следовательно, "оценочные" понятия характеризуются тем, что субъект, который их использует, осуществляет две функции: он не только сравнивает рассматриваемое явление с некоторым общим понятием, но и формулирует (конечно, в определенных

---

⁸² Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970. С. 25, 31. См. также: Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. С. 136.

⁸³ Условность оценочного понятия нетрудно заметить. Если существует определенный стандарт, соблюдение которого принято считать показателем "хорошего" качества предмета, то это понятие уже теряет характер оценочного.

пределах) содержание самого этого общего понятия⁸⁴.

При этом следует иметь в виду, что "оценки изменяются не только от человека к человеку, но и одного и того же человека с течением времени"⁸⁵. Поэтому мы и вправе отнести оценочные признаки к числу переменных.

Эти соображения имеют важное значение для квалификаций. Из них вытекает, что в тех случаях, когда признак состава преступления является оценочным, суд должен не только установить совпадение фактических обстоятельств дела с этим признаком но и прежде всего определить, что имеется в виду под самим этим признаком. Для того чтобы установить, например, является ли причиненный злоупотреблением властью ущерб существенным, необходимо в первую очередь решить, что мы вообще в современных условиях понимаем под "существенным ущербом". Решение этого вопроса законодатель относит к компетенции юристов, применяющих закон.

В действующем уголовном законодательстве оценочных понятий немало. Типичные примеры таких понятий имеются в составе хулиганства. Статья 213 УК РФ определяет это преступление как "грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу". Что значит "грубое"? Когда неуважение к обществу следует считать "явным"? Эти вопросы в каждом уголовном деле решает суд, исходя из своего правосознания, основываясь на понимании требований права, на знании жизни, практики.

Оценочные понятия имеются в статьях и Общей, и Особенной частей УК. Например, в ч.2 ст.14 УК РФ оценочным является понятие "малозначительность" деяния, в ч.2 ст.37 — "явное" несоответствие защиты характеру и опасности посягательства. Ряд таких понятий содержится также в ст.61 и 63 УК РФ (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность).

В Особенной части оценочные понятия нетрудно усмотреть в следующих выражениях: особая жестокость при убийстве (п."д" ст.105 УК РФ); тяжкое оскорбление (ст.107 УК РФ); сведения,

---

⁸⁴По мнению У. Рейтмана, такие понятия можно назвать открытыми, ибо они включают "один или более параметров, значения которых остались незадаанными в тот момент, когда задача для решения дается системе извне" (Рейтман У. Познание и мышление. М., 1968. С. 200).

⁸⁵ Ивин А.А. Основания логики оценок. С. 33.

порочащие честь и достоинство другого лица при клевете (ст.129 УК РФ); неприличная форма при оскорблении (ст.130 УК РФ); злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей (ст.157 УК РФ); хищение предметов или документов, имеющих особую ценность (ст.164 УК РФ), и т.д. Оценочные понятия крупного размера в УК 1996 г. пояснены в ряде примечаний к статьям .

Существование в законодательстве оценочных понятий объясняется тем, что они дают возможность хорошо учитывать социальную обстановку, специфические обстоятельства дела, которые "обладают многообразным содержанием и в конкретном своем проявлении выступают в различной форме"⁸⁶. В силу этого указанные обстоятельства не всегда возможно отразить и закрепить в законе или подзаконном акте. Общественные отношения в период действия уголовно-правовой нормы постоянно подвержены изменениям, они развиваются, усложняются. Суд должен иметь возможность в определенных пределах учитывать эти изменения, происходящие в жизни. Такую возможность и обеспечивают оценочные понятия.

Существование оценочных понятий в законе неизбежно. Они полезны, если устанавливаются для тех случаев, когда это необходимо и когда правильно применяются на практике. Вот почему важно подчеркнуть, что употребление этих понятий ни в коем случае не должно порождать произвол. Оценочные суждения должны основываться на реальных фактах, отражать требования закона, истолковываться во взаимосвязи с другими институтами и понятиями права.

На какой основе уясняется содержание оценочного понятия?

Отечественные юристы не разделяют мнения о том, что якобы при выяснении решения судья должен "опуститься в глубины своего существа" и с помощью тех "человеческих, духовных сил, которые мы называем чувством, решать вопрос там, где разум отказывается дать ответ"⁸⁷. Любое судебное решение, связанное с употреблением оценочных понятий и суждений, должно быть мотивировано, основано на законе и на доказанных по

делу фактах и может подлежать проверке со стороны вышестоящих судебных органов.

В случаях применения оценочных понятий роль правосознания юриста, расследующего и разрешающего уголовное дело, достаточно велика. Если при анализе постоянных, а также бланкетных признаков состава его значение состоит главным образом в обеспечении правильного уяснения текста закона, то в данном случае на правосознание возлагается и дополнительная задача: определить содержание соответствующего общего понятия, исходя из требований закона, правильного понимания целей и задач уголовного законодательства.

Мнение юриста о содержании понятия имеет под собой объективные основания – действительные свойства этого предмета или явления, не зависящие от нашей оценки. Ошибочными являются представления некоторых философов и юристов об оценочных понятиях, например, мнение Карнапа, что "оценочное суждение... ничего не утверждает и не может быть ни доказанным, ни отвергнутым"⁸⁸. Как и всякое другое, оценочное суждение также может быть проверено путем выяснения объективных свойств соответствующего явления или предмета.

Как отмечает логик А.А. Ивин, "неясность многих стандартов и отсутствие устоявшихся представлений о том, какими должны быть вещи некоторых типов, не означают, конечно, что все оценки с точки зрения стандартов лишены истинного значения"⁸⁹. Если такой "стандарт", даже для данного дела, определен (например, установлено понятие "крупный размер"), то применение этого понятия к конкретным фактам может быть правильным или неправильным, истинным или ложными. Конечно, необходимо всегда иметь в виду, что по сравнению с другими суждениями оценочное суждение содержит большую опасность отрыва от реальной действительности, поскольку общая посылка в нем формируется самим лицом, применяющим это суждение. Это свойство оценочного суждения и преувеличивают идеалисты.

Обеспечение единства мнений работников следственных, судебных и прокурорских органов о содержании тех или иных оценочных признаков состава производится различными спосо-

⁸⁶ *Брайнин Я.М.* Уголовный закон и его применение. С.63.

⁸⁷ *Нибман Н.*, *Naturrecht und Rechtgefühl //Archiv für die civilische Praxis*, 1954. S.297.

⁸⁸ *Шишкин А.* Основы коммунистической морали. М., 1955. С. 10.

⁸⁹ *Ивин А.А.* Основания логики оценок. С. 45.

бами. Рассмотрим это на примере оценочного понятия "тяжкие последствия".

Какие последствия могут считаться тяжкими? Очевидно, это является вопросом факта, решение которого входит в компетенцию суда.

Возлагая на следственные, судебные и прокурорские органы как оценку степени тяжести фактически наступивших последствий, так и решение вопроса о том, какая степень тяжести этих последствий достаточна для наступления уголовной ответственности, законодатель исходит из того, что лишь в практической деятельности можно наиболее правильно и всесторонне учесть изменяющиеся условия общественной жизни.

Вместе с тем исходные позиции для оценки степени тяжести последствий содержатся все же в законе. Здесь мы укажем на два основных обстоятельства.

Во-первых, в ряде статей УК частично раскрывается понятие тяжких последствий, приводится их примерный перечень. Например, признание тяжким последствием лишения жизни человека или причинения ему тяжких телесных повреждений вытекает из тех статей УК, в которых такие последствия признаются разновидностью тяжких последствий. Так, в п."в" ст.333 УК РФ устанавливается ответственность за сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы, совершенные "с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо иных тяжких последствий". Подобным же образом ст.334 УК РФ характеризует квалифицирующие обстоятельства насильственных действий в отношении начальника, а в ст.351 УК РФ "Нарушение правил полетов и подготовки к ним" и 352 УК РФ "Нарушение правил кораблевождения" упоминаются "смерть человека или иные тяжкие последствия". В этих случаях понятие тяжкого последствия истолковать уже легче.

Во-вторых, уяснить степень тяжести последствий в известной мере можно с помощью сравнения санкций, установленных за совершение различных преступлений. Если, например, ч.2 ст.251 УК РФ "Загрязнение атмосферы" предусматривает причинение вреда здоровью человека по неосторожности и устанавливает за это максимальную санкцию в виде лишения свободы на срок до двух лет, то для уяснения признака состава "причинение вреда здоровью" полезно сравнить эту норму со статьями

о преступлениях против личности. За причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью ст.118 УК РФ устанавливает максимальную санкцию в виде ареста на срок от 3 до 6 месяцев. Явно меньше чем по ст.251. Отсюда легко сделать вывод, что ст.251 УК РФ имеет в виду любой вред, в том числе тяжкий (но не смерть человека, ибо санкция в этом случае была бы гораздо выше, чем ч.3 ст.251 УК РФ).

Разумеется, подобные выводы, которые делаются на основании сопоставления санкций, отражающих степень общественной опасности не только деяния, но и личности преступника, могут носить лишь приблизительный характер.

Наконец, некоторые самые общие правила оценки степени тяжести последствий даются уголовно-правовой теорией. Н.Ф. Кузнецова справедливо указывала в этой связи на два момента: 1) тяжесть последствий зависит исключительно от характера и степени вредных изменений в объекте, другие элементы состава (умысел или неосторожность, способ действия, субъект) непосредственно не влияют на эту оценку; 2) единицы изменения ущерба должны быть общими как для простого, так и для квалифицированного по тяжести последствий состава преступления⁹⁰.

В целях обеспечения единого понимания оценочных понятий Пленум Верховного Суда систематически разъясняет их в руководящих постановлениях и отдельных решениях.

Разъясняя понятие особой жестокости при убийстве, Верховный Суд РФ указал, что этот признак "будет, в частности, в случае, когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного был связан с причинением потерпевшему особых страданий, например, сожжение заживо". Как было установлено по комментируемому делу, Э. во время ссоры с К. нанес ей ряд ударов по голове, а затем сбросил в подвал, облил бензином и поджег, отчего потерпевшая скончалась⁹¹.

Оценочным является и понятие оскорбления.

В деле К. пришлось давать оценку понятию "оскорбление судьи". Областной суд, а затем и Верховный Суд РФ пришли к выводу, что дважды повторенное заявление обвиняемого К. в адрес

⁹⁰ Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. С. 106.

⁹¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 5. С. 11.

судьи "Вы - преступник!" является оскорбительным и за это К. осужден правильно⁹².

Иногда учитываются особенности конкретного случая, которые вряд ли можно распространить на другие уголовные дела. Так, Верховный Суд РФ признал наличие "беспомощного состояния" потерпевшей при изнасиловании, исходя из того, что ей было 13 лет, она находилась в сильном алкогольном опьянении, а также отличалась повышенной внушаемостью и не могла оказать сопротивление в ситуации воображаемого или реального насилия⁹³. Здесь разъяснение оценочного признака имеет значение лишь для данного уголовного дела.

В тех случаях, когда по тем или иным причинам трудно обеспечить единство в применении оценочного понятия, законодатель, если это возможно, идет по пути замены оценочных признаков постоянными. Характерным примером может служить статья о нарушении правил движения на транспорте. В ч.2 ст.59³ УК РСФСР 1926 г. содержалось понятие "злостное нарушение" правил, которое было типично оценочным. Суды, оценивая нарушения правил, по-разному понимали термин "злостное", в результате судебная практика не была стабильной. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. из аналогичных норм, предусматривающих ответственность за транспортные преступления, это понятие было исключено. В ст.85 и 211 УК 1960 г. вместо него указаны конкретные признаки: крушение, авария, смерть потерпевшего; причинение ему тяжкого телесного повреждения и др. Этот принцип сохранился в УК 1996 г.

Отмечая положительное значение оценочных признаков, следует признать, что сокращение их числа в законодательстве способствует укреплению законности. Конечно, это в известной мере суживает пределы судебного усмотрения, дает прокурорам и судьям меньше возможностей для самостоятельной оценки при квалификации преступления. Но, на наш взгляд, в этом нет большой беды. В статье "Дебаты по поводу закона о краже леса" К. Маркс писал: "Я вообще не думаю, что личности долж-

ны служить гарантиями против законов; я, наоборот, думаю, что законы должны служить гарантиями против личностей"⁹⁴.

При большом количестве оценочных признаков закон начинает выполнять роль орнамента, упорядочивающего то, что создает правосознание судьи или прокурора. Чтобы этого не произошло, необходимо обеспечить унификацию законодательной терминологии, в том числе описывающей оценочные признаки состава, а также "направить усилия на то, чтобы по мере возможности заменить некоторые существующие в действующем уголовном законодательстве оценочные понятия более точными"⁹⁵.

Четкое определение в законе признаков состава преступления обеспечивает более последовательное и строгое его выполнение, более полное осуществление норм права.

В заключение надо заметить, что избавиться в законе от неопределенных выражений практически невозможно. Возьмем такую статью, как 237 УК РФ "Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей". Что понимать под этой информацией? То ли серьезные стихийные бедствия (наводнение, снежные обвалы и т.д.), то ли нападение террористов, то ли вспышку эпидемического заболевания? И как (и кому) оценить серьезность этой сокрытой информации и степень опасности ее сокрытия?

При рассмотрении уголовного дела по данной статье суду не обойтись без одной или нескольких экспертиз, официальных сообщений, откликов прессы и в конце концов оценки случившегося по собственному внутреннему убеждению.

Применительно к оценочным признакам допустимо и даже необходимо учитывать волю законодателя "времени применения закона", конкретные исторические условия, новые задачи и требования, выдвигаемые перед органами правосудия.

При этом, конечно, нельзя изменять содержание оценочных признаков вопреки их смыслу. Как отмечали М. Шаргородский и О. Иоффе, "если в процессе его применения в закон привно-

⁹² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 11. С. 10.

⁹³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 9. С. 18.

⁹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 140.

⁹⁵ Брайнин Я. М. Уголовный закон и его применение. С. 65.

сится новый смысл вопреки действующей системе права, наличие нарушение законности"⁹⁶.

Воля законодателя времени применения закона учитывается в тех пределах, в каких это допускает текст закона, и постольку, поскольку она не расходится с системой законодательства и с целенаправленностью данной нормы, имевшей место при ее издании. При таком подходе к толкованию и уяснению уголовно-правовой нормы обеспечивается, с одной стороны, стабильность в понимании и применении закона, а с другой – эффективное реагирование на изменения в исторической обстановке, происшедшие ко времени совершения преступления. При любом толковании норм, в том числе ее оценочных признаков, должна быть непременно обеспечена устойчивость основных правовых принципов, характерных для данной отрасли законодательства и тем более для права в целом.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Андронов И.А. Соотношение категории предмета доказывания и состава преступления // Межвузов. сб. науч. статей / Международная академия бизнеса и банковского дела. Тольятти, 1997. № 1.
2. Бажанов М.И. К вопросу о функциях состава преступления // Сборник кратких тезисов докладов и научных сообщений научно-практической конференции по итогам научно-исследовательских работ, выполненных профессорско-преподавательским составом Украинской юридической академии в 1992 г. Харьков, 1993.
3. Гатауллин И.М. Состав преступления. Домодедово, 2001.
4. Карлов В.В. Повышенная общественная опасность – основной критерий отбора квалифицированных составов преступлений. Свердловск, 1987.
5. Карлов В.В. К вопросу о критериях отбора квалифицированных составов преступлений // Уголовное право в борьбе с преступностью. Свердловск, 1987.

⁹⁶ Шаргородский М., Иоффе О. Вопросы теории права. М., 1961. С. 50.

6. Козаченко И.Я., Костарева Т.А., Кругликов Л.Л. Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка. Екатеринбург, 1994.

7. Коняхин В.П. Состав преступления и нормы Общей части УК Российской Федерации // Реализация уголовной ответственности: материально-правовые и процессуальные аспекты: Межвуз. сб. науч. трудов. Самара, 1992.

8. Коняхин В.П. Уголовно-правовые нормы Общей части и состав преступления // Юридическая наука в Кубанском государственном университете: Сб. науч. трудов. Краснодар, 1995.

9. Костарева Т.А. О правилах уголовно-правовой оценки преступлений с квалифицированными составами // Проблемы совершенствования правоприменительной деятельности: Тезисы IV межвуз. науч. конференции молодых ученых-юристов. Воронеж, 1990.

10. Костарева Т.А. О законодательной технике конструирования квалифицированных составов преступлений // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994.

11. Кругликов Л.Л. Квалифицирующие обстоятельства как признаки состава преступления // Уголовно-правовые и процессуальные проблемы реализации уголовной ответственности. Куйбышев, 1986.

12. Кругликов Л.Л. О конструировании квалифицирующих составов преступлений // Правоведение, 1989. № 2.

13. Кузнецова Н.Ф. Преступление, состав преступления, диспозиция уголовно-правовой нормы / Вест. МГУ. Серия Право. 1967. № 54.

14. Кузнецова Н.Ф. Состав преступления: спорные вопросы // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1987. № 4.

15. Кузнецова Н.Ф. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. 2000. № 1.

16. Мальков В.П. Состав преступления в теории и в законе // Государство и право. 1996. № 7.

17. Метельский П.С. Состав преступления. Новосибирск, 2000.

18. Назаренко Г.В. Состав преступления. Орел, 2000.

19. Пермяков Ю.Е. Функции состава преступления // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации. Самара, 1990.

20. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961.

21. Поливцев А.В., Соловьев А.Н., Ставило С.П. Состав преступления: структура и характеристика элементов. Краснодар, 1999.

22. Слободянюк Г.Г. Понятие специального состава преступления и исполнения уголовного наказания // Повышение эффективности исполнения уголовных наказаний в свете решений XXVII съезда КПСС. Рязань, 1988.

23. Тенчов Э.С. Состав преступления и его функционирование // Проблемы уголовной политики и уголовного права. М., 1991.

24. Ткаченко В.И. Составы преступления с отягчающими обстоятельствами // Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. М., 1988.

25. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957.

26. Фесенко Е.В. Смежные составы преступлений и их разграничение // Проблемы правоведения. Вып. 49. Киев, 1988.

27. Шарапов Р. Классификация составов преступлений на формальные и материальные: миф или реальность? // Уголовное право. 2000. № 3.

28. Якубов А.Е. Состав преступления и обратная сила уголовного закона // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1997.

ГЛАВА II ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1 Общее определение объекта преступления

Учение об объекте преступления в науке уголовного права является одним из главных, основных и наиболее сложных ее разделов.

В уголовно-правовой литературе объектом преступления называются субъективные права лица⁹⁷, правовые нормы в их реальном существовании⁹⁸, ценности как условие здорового существования общества⁹⁹, защищаемые правовыми нормами жизненные интересы¹⁰⁰, правовые блага¹⁰¹ и другие подобные явления¹⁰².

Известный русский юрист Н.С.Таганцев считал, что объектом преступления всегда является юридическая норма в ее реальном бытии. Определяя таким образом объект преступления, Н.С.Таганцев тем не менее возражал против признания объектом преступления субъективного права, как это делал А.Фейербах.

Причинение вреда обладателю реального права, писал Н.С.Таганцев, составляет только средство, а не сущность преступления. Оно играет в праве уголовном роль второстепенную, так как сущность преступления составляет выраженная этим путем решимость воли нарушить требования государства о неприкосновенности юридического порядка, а поэтому и страдает от преступления всегда государство, как охранитель господства

---

⁹⁷ Feuerbach A. Lehrbuch des gemeinem in Dentscheand gültigen Peinlichen Rechts. Lissen, 1847. S.45.

⁹⁸ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. СПб., Т.1.1902. С.47, 51.

⁹⁹ Binding K. Die Normen und ihre Ubertretung. Leipzig, 1922. B.1. S. 329.

¹⁰⁰ Liszt F. Lehrbuch des Deutschland Strafrechts. Berlin, 1911. S.143.

¹⁰¹ Welzel H. Das Deutschen Strafrechts. Berlin, 1958. S.4.

¹⁰² В работах по уголовному праву нередко вообще не содержится определения объекта преступления, иногда о нем даже не упоминается. См., напр.: Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871; Кенни К. Основы уголовного права. М., 1949.

права¹⁰³. Исходя из этого, Н.С.Таганцев приходил к выводу, что, признавая объектом преступления реальные блага и интересы, мы не будем в состоянии разъяснить юридическую природу тех деяний, при которых уничтожение какого-либо блага не считается противозаконным¹⁰⁴. Здесь Н.С.Таганцев уже близко подходил к выявлению сущности объекта преступления.

В.М.Хвостов признавал, что правонарушительное деяние направлено «против власти права», что оно должно расцениваться как «деяние, подрывающее авторитет права и государства и поэтому имеющее общественный характер»¹⁰⁵.

Уголовное законодательство, начиная с французского Уголовного Кодекса 1810 г., и наука уголовного права определяли преступление как деяние, запрещенное законом под страхом наказания. В борьбе против произвола феодально-полицейского уголовного права такое формальное определение преступления было прогрессивным. Хотя и формальное, оно предполагало элементы законности. Различного рода попытки «материализовать» понятие преступления и с этой целью ввести в его определение таких признаков, как «посягательство на элементарные социально-этические ценности», «социально-вредное деяние», «поведение, нежелательное для народа» и т. п., не изменили его формального существа. В результате криминалисты пришли к выводу о невозможности вообще выработать в науке и в законе общее понятие преступления¹⁰⁶. Например, Ф.В.Тарановский писал: «...трудно и даже невозможно дать исчерпывающее определение материального критерия, в силу которого правонарушение облагается наказанием и приобретает уголовный характер»¹⁰⁷.

До начала XX столетия наука уголовного права не могла дать ответа на вопрос, почему одни поступки человека для уголовного права безразличны, а за другие установлена уголовная ответ-

ственность, и они подлежат уголовному наказанию. Определить материальный критерий разграничения преступного и не преступного криминалистами того времени оказалось не под силу. Н.Д. Дурманов справедливо отметил, что в науке этому основному вопросу уголовного права уделено в курсах и монографиях лишь несколько маловразумительных фраз или туманных положений¹⁰⁸.

В последние годы отдельные правоведы пытаются найти социальные основания права, выявить объект преступления. Например, В.Майхофер, Х.Коинг, А.Кауфман (ФРГ) считают, что право обусловлено «природой вещей», которую составляют свойства отношений и объектов, а также общественные интересы и поведение субъектов правового регулирования¹⁰⁹.

Наиболее ярко выраженной представляется концепция В.Майхофера, у которого общественные отношения выступают в виде общественных ролей (Lebensroller), а в них естественным путем приобретаются интересы оценки, ожидания и, следовательно, определенные права и обязанности. Таким образом, право, по Майхоферу, охраняет не интерес господствующего класса, а естественно приобретенное положение в обществе¹¹⁰.

Строго научное определение понятия преступления с указанием на объект его посягательства дала наука уголовного права во второй половине XX столетия.

В русском уголовном праве под объектом преступления понимаются охраняемые уголовным законом общественные отношения¹¹¹. Развитие и совершенствование общественных отно-

¹⁰⁸ Дурманов Н.Д. Указ. соч. С.68.

¹⁰⁹ Die ontologische Begründung des Rechts. Hamburg, 1965. S.52-508.

¹¹⁰ См.: Majhofer W. Die Natur der Sache. Die ontologische Begründung des Rechts. S.52.

¹¹¹ Загородников Н.И. Понятие объекта преступления в советском уголовном праве //Труды ВЮА. Вып. XIII. М., 1951. С.32-46; Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления. //Советское государство и право. 1951. № 8; Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве //Вестник Московского университета. Серия общественных наук. 1955. № 1. С.111-124; Федоров М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву //Ученые записки Пермского университета. Т. XI. Вып.4. Кн.: 2. Пермь, 1957. С.180-194; Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960; Фролов Е.А.

¹⁰³ Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн.1: Учение о преступлении. СПб., 1874. С.175.

¹⁰⁴ Там же. С.175.

¹⁰⁵ Хвостов В.М. Общая теория права: Элементарный очерк. М., 1914. С.138.

¹⁰⁶ Более подробно о формальном определении преступления в уголовном праве. См.: Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.-Л., 1948. С.68; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. 1969. С.151 и др.

¹⁰⁷ Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 289.

шений является неперенным условием прогресса современного общества. Это обстоятельство объясняет постоянную заботу общества и государства об охране существующих общественных отношений от преступных посягательств на них.

Посягательство на общественные отношения, их преступное изменение потому и признается общественно опасным и наказуемым деянием, что нарушает установленные в интересах трудящихся общественные отношения. Именно ради охраны существующих общественных отношений издаются уголовно-правовые нормы, устанавливаются уголовно-правовые запреты.

Признание общественных отношений объектом преступления является всеобщим как в науке российского уголовного права, так и в российском уголовном законодательстве. Так, например, уже «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» 1919 г., определяя преступление как «действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений» (ст. 6), ставили задачу посредством уголовных репрессий «охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в постгосподствующий класс» (ст. 3), обеспечить «данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)» (ст. 7).

Все уголовно-правовые акты Советского государства независимо от их редакции и времени издания в определении преступления неизменно указывали на его материальный признак — общественные отношения социалистического общества.

Общественные отношения признают объектом преступления и криминалисты зарубежных стран¹¹².

При определении объекта преступления в уголовно-правовой литературе зарубежных государств иногда встречается указание на охрану общественных отношений в интересах трудящихся. Например, Ф.Полячек указывает, что объектом преступления являются общественные отношения, существующие в народно-

демократическом государстве и охраняемые в интересах трудящихся уголовным законом¹¹³. На наш взгляд, указание на охрану общественных отношений «в интересах трудящихся» излишне, так как в охраняемых уголовным законом общественных отношениях закреплены интересы всего общества. Поэтому охрана общественных отношений и есть охрана интересов трудящихся.

Таким образом, уголовное право объектом преступления признает общественные отношения. Вместе с тем некоторые авторы, признавая общим объектом общественные отношения, считают, что непосредственным объектом преступления выступают не общественные отношения, а те или иные государственные интересы¹¹⁴, либо материальное выражение соответствующих общественных отношений,¹¹⁵ либо имущество в смысле совокупности вещей¹¹⁶, либо сами вещи, материалы или люди¹¹⁷.

Общепризнанное положение об объекте преступления для некоторых авторов носит чисто декларативный характер. Признавая его в общем виде, во многих случаях от него отступают и называют объектом преступления имущество, вещи, материальные предметы и т.п.

Эти отступления, как отметил М.И.Федоров, сводятся в основном к двум разновидностям: дополнению понятия объекта посягательства иными, кроме общественных отношений, явлениями, общественными отношениями не являющимися (например, имуществом, вещами, условиями, учреждениями, инвентарем, урожаем на корню и т.п. материальными объектами)¹¹⁸.

Прежде всего отметим, что такое определение объекта преступления страдает существенным логическим пороком, так как известно, что суждение, верное в общем, является верным и в

Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. Сборник ученых трудов. Свердловск, 1969; Каиржанов Е. Интересы трудящихся и уголовный закон. Алма-Ата, 1973; Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979.

¹¹² Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния. М., 1960. С. 23; Реннеберг И. Объективная сторона преступления. М., 1956. С.30.

---

¹¹³ Полячек Ф. Состав преступления по чехословацкому уголовному праву. М., 1960. С.63.

¹¹⁴ Уголовное право. Общая часть. / Под ред. Н.Д. Дурманова. М., 1943. С.111.

¹¹⁵ Уголовное право. Общая часть. / Под ред. А.А. Герцензона. М., 1948. С.291.

¹¹⁶ Михайлов М.П. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой. М., 1958. С.46; Утевский Б.С., Вышинская З.А. Практика применения законодательства по борьбе с хищениями социалистического имущества. М., 1954. С.21.

¹¹⁷ Курс советского уголовного права. Т.4 / Под ред. А.А.Пионтковского. М., 1970. С.163, 313, 318.

¹¹⁸ Федоров М.И. Указ. соч. С.181.

частности. Если общим объектом всякого преступления признаются общественные отношения, то нельзя одновременно признавать объектом отдельных преступлений те или иные предметы материального мира. Кроме того, такое понимание объекта вызывает возражения и по существу. Тем не менее в юридической литературе значительное распространение получило мнение, что непосредственным объектом преступления могут быть и не общественные отношения.

Наиболее распространенным является суждение, что непосредственным объектом посягательства на собственность являются не только отношения собственности, а имущество, вещи¹¹⁹.

Профессор А.А.Пионтковский, например, утверждал, что всякое преступление, совершенное в стране, прямо или косвенно посягает на общественные отношения и что объектом преступления могут быть любые общественные отношения, охраняемые уголовным законом¹²⁰, но в ряде случаев непосредственным объектом преступления могут быть не общественные отношения, а имущество, физическое лицо (гражданин)¹²¹, продукты сельского хозяйства, инвентарь, урожай на корню¹²².

Не признавая непосредственным объектом преступления общественные отношения, А.А.Пионтковский полагал, что незаконная разработка недр, незаконное пользование землей, незаконная рыбная ловля, незаконные лесорубки и т. п. преступления не могут квалифицироваться как преступления против собственности (как хищения). В таком общем виде это положение не бесспорно, так как незаконный лов рыбы может быть и хищением её, т. е. посягательством на отношения собственности¹²³. Различная квалификация аналогичных деяний определя-

ется различием конкретных общественных отношений, выступающим объектом этих посягательств. Без указания на эти общественные отношения невозможно объяснить — почему преступное посягательство на одни материальные объекты признается хищением, а посягательство на другие таковым не является.

Поскольку А.А.Пионтковский называл предмет посягательства его объектом, то это вынуждало его каждый раз указывать на то, что за непосредственным объектом преступления стоит конкретное общественное отношение, которое ещё необходимо вскрыть, чтобы более глубоко понять истинное общественно-политическое значение преступления¹²⁴.

Такое удвоение объекта преступления необоснованно, ибо оно создает представление о существовании двух различных видов объектов посягательства и не указывает, какой из этих двух объектов следует считать объектом посягательства в конкретном случае совершения преступления.

В действительности непосредственным объектом преступления являются именно общественные отношения, т. е. преступление всегда направлено на изменение общественных отношений, а не на причинение вреда чему-то иному. Всякое преступление прямо, а не косвенно посягает на общественные отношения. В противном случае мы должны констатировать наличие какого-то иного объекта посягательства, не являющегося общественным отношением.

Нечеткое различение предмета и объекта преступления, признание непосредственным объектом преступления не общественных отношений, а иных явлений приводит сторонников этой концепции к неверным практическим выводам при квалификации отдельных преступлений. Например, А.А.Пионтковский считал, что когда проводник вагона в поезде продал несколько проездных билетов пассажирам по повышенной цене, обратив таким образом в свою пользу деньги, излишне взысканные с пассажиров, то всё совершённое представляет собой злоупот-

¹¹⁹ Уголовное право. Общая часть. / Под ред. А.А. Герцензона. С.291–292; Курс советского уголовного права. Т. 4. / Под ред. А.А. Пионтковского. С.312; Михайлов М.П. Указ. соч. С. 45, 52.

¹²⁰ Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С.132; Курс советского уголовного права. Часть Общая. С.111.

¹²¹ Курс советского уголовного права. Т.2 / Под ред. А.А. Пионтковского. С.116.

¹²² Курс советского уголовного права. Т.4. / Под ред. А.А. Пионтковского. С.318.

¹²³ Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законодательства об охране природы» от 3 июня 1977 г. //

Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1977. М., 1978. С.73); Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Ф. и П. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1969 № 12. С.10.

¹²⁴ Курс советского уголовного права. Т. 2./ Под ред. А.А. Пионтковского. С. 120.

ребление служебным положением, предусмотренное ст. 170 УК РФ. Объект преступления в этом случае — личное имущество отдельных граждан, которое проводник, используя своё служебное положение, обращал в свою собственность, сообщая пассажирам неверные сведения о стоимости билетов¹²⁵.

Такая квалификация названных действий вызывает возражение. Если объект данного посягательства — личное имущество граждан, то почему эти действия необходимо квалифицировать по ст. 170 УК как должностное преступление, а не по статье о преступлениях против собственности? Очевидно, что в данном случае виновное лицо посягает не только на собственность, но и на иные общественные отношения. Однако основным объектом, на который направлено данное посягательство, являются отношения собственности. С учётом способа причинения вреда такие действия надлежит квалифицировать как мошенничество. Для квалификации этих действий как должностное преступление нет оснований, так как продажа гражданину одного или даже нескольких проездных билетов по повышенной цене не может причинить ему существенного вреда, который является обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 170 УК РСФСР.

Кроме того, проводник вагона, не обладая признаками, указанными в примечании к ст. 285 УК, не может быть признан должностным лицом, т. е. он не может быть субъектом этого преступления.

Но основное и решающее значение для правильной квалификации этих действий имеет их направленность на определённый объект. В данном случае основным непосредственным объектом посягательства выступают отношения собственности. Использование проводником своего служебного положения является лишь способом совершения мошенничества. И поскольку такое злоупотребление служебным положением не причиняет существенного вреда, то дополнительной квалификации по другим статьям УК оно не требует.

Критикуя утверждение А.А. Пионтковского о том, что непосредственный объект в большинстве случаев не является общественным отношением, Я.М.Брайнин правильно отмечал, что

---

¹²⁵ Курс советского уголовного права. Т.4. / Под ред. А.А. Пионтковского. С. 316–317.

это утверждение усложняет проблему объекта преступления, так как создаёт разрыв между понятием непосредственного и понятием родового и общего объекта преступления¹²⁶.

Представляется, что в каком бы смысле ни понимать термин «имущество» — как равнозначный понятию «вещь»¹²⁷, или как совокупность имущественных прав и обязанностей¹²⁸, или как материальное благо¹²⁹ — имущество не может быть признано объектом преступления. Имущество не является объектом преступления потому, что виновный посягает не на имущество и вред преступлением причиняется не имуществу, не вещи. Даже и в тех случаях, когда вещь, предмет уничтожаются или повреждаются при совершении преступления, то и в этих случаях социальный вред причиняется не вещи, предмету, а их собственнику или обладателю. Понятие имущества хотя и тесно связано с понятием собственности, но по своим социальным свойствам общественным отношением оно не является и не может рассматриваться как явление, тождественное отношениям собственности.

Имущество не может быть объектом посягательства потому, что в общественной жизни людей существуют отношения не между человеком и вещью, а отношения между людьми по поводу вещей¹³⁰. Правомочию собственника (владеть, пользоваться, распоряжаться) не имеется соответствующей обязанности вещи — предоставлять себя в его владение, пользование и распоряжение. Этому праву собственника соответствует обязан-

---

¹²⁶ Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и её основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 168.

¹²⁷ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР. М., 1966 С. 99, 168.

¹²⁸ Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права. Ученые труды Свердловского юридического института. Т.1. Серия «Гражданское право». Свердловск, 1959. С. 19.

¹²⁹ Кригер Г.А. Борьба с хищениями социалистического имущества. М., 1965. С. 61; Сергеева Т.А. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. С. 29.

¹³⁰ Как правильно писал Ф.В.Тарановский, «вещь есть объект юридических отношений, в которых состоят друг к другу люди. Отношение лица к вещи имеет хозяйственное, техническое значение» (Тарановский Ф.В. Указ. соч. С.158, 159).

ность всех других лиц не препятствовать собственнику во владении, пользовании и распоряжении вещью. Следовательно, отношение существует только между людьми по поводу вещей, а не между лицами и вещами.

Собственность, отношения собственности не есть отношение человека к вещи. Только идеалисты исходили из гегелевского понимания собственности не как определённого общественного отношения, а как отношения человека к вещи¹³¹.

Поскольку «отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи», то это внешне вещественное проявление общественных отношений собственности иногда принимается за сами общественные отношения. Но очевидно, что не в этом суть явления. Поскольку собственность — это отношения между людьми по поводу их отношения к вещам, имуществу, являющимся свойствами, сторонами общественных отношений, то чужое имущество является предметом посягательств на собственность, а не объектом этих преступлений.

Б.С.Никифоров правильно писал, что в уголовно-правовом смысле нельзя не различать собственность как объект ряда преступлений, и имущество как предмет этих преступных посягательств¹³².

Родовым объектом хищений чужого имущества Г.А.Кригер обоснованно называл отношения собственности и считал, что признание непосредственным объектом хищения отдельных вещей или имущества противоречит самому понятию объекта и способно лишь запутать вопрос об объекте преступления¹³³.

Признание имущества объектом хищения не позволяет объяснить, почему в одних случаях деяния по поводу имущества квалифицируются как хищения, а в других — по поводу этого

же имущества — как самоуправство. Смещение объекта и предмета преступления не позволяет сторонникам этого взгляда найти различие между хищением и самоуправством, например, при незаконном лове рыбы или при незаконной порубке деревьев.

Смещение объекта и предмета посягательства на собственность приводит к неправильной социально-политической оценке и юридической квалификации деяния, так как не всякое деяние в отношении имущества или по поводу имущества представляет собой преступление против личности. Это могут быть и хищения, и самоуправство, и дача либо получение взятки, и контрабанда, и другие деяния.

Невозможно, оперируя только определенной вещью или конкретным предметом, определить объект посягательства, понять суть преступления, его социальную направленность. Без уяснения тех общественных отношений, вещественным выражением которых являются предмет, вещь, невозможно ни понять преступления, ни оценить его общественную опасность, ни дать ему правильную юридическую квалификацию.

Иногда непосредственным объектом преступления называют не общественные отношения, а их материальное выражение или субъектов этих отношений¹³⁴. Такое понимание непосредственного объекта ущербно в том, что оно, кроме отмеченных выше недостатков, необоснованно выводит субъекта общественных отношений за границы самих общественных отношений¹³⁵ и не позволяет выявить особенностей различных посягательств на личность. В частности, в литературе указывается, что преступление посягает на жизнь, здоровье и вместе с тем на общественные отношения¹³⁶.

¹³¹ «Присвоить себе, — писал Г. Гегель, — следовательно, означает, в сущности говоря, манифестировать верховенство моей воли в отношении к вещи и обнаружить, что последняя не есть в себе и для себя, но есть самоцель». (Гегель Г. Философия права. М.—Л., 1934. С. 72).

¹³² Никифоров Б.С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР. М., 1954. С.10. В дальнейшем, правда, Б.С.Никифоров несколько изменил свою точку зрения (см.: Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С.130).

¹³³ Кригер Г.А. Указ. соч. С.45; его же. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С.28, 30.

¹³⁴ Уголовное право. Общая часть. / Под ред. А.А. Герцензона. С.291; Дубовец П.А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М., 1964. С.13.

¹³⁵ Аниязи М.К. Ответственность за преступления против жизни. М., 1964. С.17; Кузнецов А.В. Уголовное право и личность. М., 1977. С.56,61.

¹³⁶ Например, в «Курсе советского уголовного права» читаем: «Непосредственным объектом преступлений против личности является жизнь, здоровье, свобода, достоинство советских граждан. Но вместе с тем эти преступления нарушают общественные социалистические отношения социалистического общества, поскольку они представляют собой посягательства не на изолированного человека — «Робинзона», а на человека-субъекта общественных отно-

Такое понимание объекта преступления можно признать правильным, если исходить из того, что жизнь, свобода, достоинство — это и есть общественные отношения. Без общества есть «Робинзон», но нет личности, нет чести, свободы, достоинства. Есть материальный объект, но нет объекта преступления — общественных отношений. Там, где нет общества, нет и личности, а значит, нет и общественных отношений, т. е. нет ни общего, ни непосредственного объекта преступления, а есть живое существо, которое только в условиях общества и только благодаря ему выступает как совокупность общественных отношений. В то же время в человеке следует видеть и его биологическую сущность, живую биологическую особь. Однако объектом посягательства может выступать только личность как совокупность общественных отношений.

Если признать объектом преступления не личность как совокупность общественных отношений, а человека как биологическое существо, то невозможно будет объяснить правомерность лишения жизни человека при необходимой обороне, при крайней необходимости, так как объект не может быть поставлен под защиту уголовного закона и в то же время не защищаться им. Очевидно, что объектом при посягательстве на жизнь, здоровье, честь, свободу и достоинство является не человек в его биологической сущности, а личность как совокупность общественных отношений, на которые и совершается посягательство. Эти посягательства имеют различную юридическую квалификацию. Например, лишение жизни может быть квалифицировано по ст. 105, 106, 107, 108, 205, 206, 209, 277, 295, 317 и другим статьям УК в зависимости от того конкретного общественного отношения, которое было объектом посягательства.

Поскольку при лишении жизни или причинении тяжких повреждений, например, в состоянии необходимой обороны объект уголовно-правовой охраны отсутствует¹³⁷, то уголовная ответственность в этих случаях исключается именно потому, что вред причиняется не общественным отношениям, а человеку как биологическому существу. Следовательно, нарушение общест-

венных отношений, направленных на охрану жизни, это как раз то, что отличает убийство от правомерного лишения жизни человека. Значит, именно общественные отношения и являются объектом преступления, а не человек как биологическое существо. Отсюда следует вывод, что объектом преступления является не жизнь как совокупность биофизиологических процессов, а жизнь как совокупность общественных отношений, обеспечивающих индивидууму возможность жить, пользоваться благами жизни.

Нет оснований для включения в объект преступления наряду с общественными отношениями и их правовых форм. Правовая форма общественных отношений преступлением не изменяется. Например, право собственности на похищенную вещь из-за хищения не аннулируется. Собственник вправе в любое время истребовать эту вещь от похитителя или недобросовестного приобретателя, т. е. право собственности всегда сохраняется за собственником. Оно не может быть похищено и, по общему правилу, не отчуждаемо без его воли. В связи с этим нельзя признать правильным встречающееся выражение «хищение чужой собственности», так как собственность как общественное отношение не может быть похищенной.

Признание нормы права объектом преступления является отражением нормативистской теории уголовного права. Эта теория несостоятельна потому, что она вольно или невольно отрывает юридическую форму явления от его материального содержания. Для нормативистов «юридическая форма кажется всем, а экономическое содержание ничем».

Нормы права не могут быть признаны объектом посягательства потому, что, во-первых, преступление в некоторых случаях посягает на такие общественные отношения, которые правом не регулируются (некоторые половые отношения, общественный порядок и т. п.), и, во-вторых, общественные отношения, урегулированные нормами уголовного права, т. е. уголовные правоотношения, не существуют до момента совершения преступления, как не существует и объекта этого правонарушения. Объект преступления, напротив всегда существует до совершенного на него преступного посягательства и независимо от этого последнего. Иное решение (уголовно-правовая норма охраняет объект, которого не существует) приводит к абсурду.

шений» (Курс советского уголовного права. . Т.2. / Под ред. А.А. Пионтковского. С. 120).

¹³⁷ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С.135.

Ю.А. Демидов, говоря об объекте посягательства, употребляет для его обозначения термин «ценности». Из этого можно сделать вывод, что он не различает объекта и предмета посягательства. Хотя автор и называет объектом преступления общественные отношения, однако, касаясь их классификации, утверждает, что «ценности могут быть социальными, материальными и др.»¹³⁸ Но ведь общественные отношения не могут быть материальной ценностью. Ею может быть только предмет. Поэтому такое наименование объекта преступления неточное. Ю.А. Демидов прав в том, что ценностный подход к проблеме преступления требует прежде всего пристального внимания к объекту преступления с точки зрения его ценности. Выяснение ценности объектов уголовно-правовой охраны имеет действительно важное значение. Однако для этого необходимо иметь ясное представление о том явлении, ценность которого требуется изменить.

В признании общественных отношений общим объектом преступления содержится положительный вывод о том, что всякое преступление посягает на общественные отношения. Поскольку верно, что все преступления посягают на общественные отношения, то также верно и то, что каждое из них в отдельности так же посягает на общественные отношения.

Без признания общественных отношений объектом преступления невозможно объяснить общественную опасность деяния. Остаются без ответа вопросы, почему преступление является общественно опасным и в чем его общественная опасность, чем вызывается необходимость применения к лицу, его совершившему, мер уголовного наказания.

Признание общественных отношений объектом преступления в русском уголовном праве показывает его открытый характер, подчеркивает общественную сущность преступления, обосновывает важность и необходимость охраны основных общественных отношений уголовно-правовыми средствами. Если признать объектом хотя бы и некоторых преступлений нечто отличное от общественных отношений (вещи, деньги, урожай и т. п.), то становится невозможным обосновать уголовную ответст-

венность за завладение этими предметами либо за их потребление, уничтожение, передачу третьим лицам и т.п. действия.

Объект преступления — это общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона, путем нарушения которых причиняется социально опасный вред.

Объект преступления — это мишень, по которой бьет всякое преступление. Такой мишенью являются общественные отношения. Там, где нет посягательства на общественные отношения, где путем изменения общественных отношений не причиняется социальный вред, нет преступления.

При этом объектом преступления выступают только общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона. Отношения, которые находятся вне сферы правового регулирования (моральные, внутрипартийные и т. п.), а также правом запрещенные (соглашения между правонарушителями и т. п.), объектом преступления быть не могут.

Изложенное дает основание для вывода: объектом преступления по русскому уголовному праву являются существующие общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств.

Общее определение объекта преступления как общественных отношений является исходной позицией для выявления признаков и сущности самих общественных отношений и определения объекта преступления на уровне конкретного посягательства.

Конкретизация объекта преступления в свою очередь позволяет выявить степень и социальные свойства причиняемого преступлением общественно опасного вреда, выработать основания и критерии выбора объектов уголовно-правовой охраны и средств их защиты, а также общие правила построения уголовного законодательства и квалификации преступлений.

Решение многих проблем уголовно-правовой охраны зависит прежде всего от выяснения сущности объекта преступления и определения его понятия.

Вместе с тем в последние годы в специальной и учебной литературе появились утверждения о том, что общественные отношения не есть объект преступления или что они не единственный объект преступления¹³⁹.

¹³⁸ Демидов Ю.А. Юридическая и моральная оценка преступления // Советское государство и право. 1970. № 2. С.91.

¹³⁹ Гавриш С.Б. Уголовно-правовая охрана природной среды Украины: Проблемы теории и развитие законодательства. Харьков, 1994. С.25–52; Уголов-

Решительно и категорически в своей работе С.Б.Гавриш заявляет о том, что общественных отношений как таковых не существует, поскольку они «представляют собой всего лишь определенную форму научной абстракции. Поэтому сами по себе они не существуют...»¹⁴⁰.

При этом С.Б. Гавриш не приводит никаких доказательств такого категорического вывода и не разъясняет, что он вкладывает в содержание «жизнь», «здоровье» и как он их понимает в качестве объектов преступных посягательств? Ведь «жизнь» и «здоровье» как явления очень по-разному понимаются врачом и судьей¹⁴¹.

Путанно и туманно определяется объект преступления и в учебнике по уголовному праву. «Объект преступления — тот, против кого оно совершается, т. е. отдельные лица или какое-то множество лиц, материальные или нематериальные ценности которых, будучи поставленными под уголовно-правовую охрану, подвергаются преступному воздействию, в результате чего этим лицам причиняется вред или создается угроза причинения вреда»¹⁴². Автор этого раздела учебника считает, что объектом преступления всегда выступают люди, о чем он и утверждает в пункте 2 своих выводов: «объект — это всегда люди (отдельное лицо или группа лиц), и только они»¹⁴³. А как же быть с государственными, экологическими, должностными преступлениями? На кого посягает жестокое обращение с животными (ст. 245

УК РФ), вандализм (ст. 214 УК РФ), побег из места лишения свободы (ст. 313 УК РФ)? Ответов нет и быть не может, поскольку такое определение объекта преступления неправильно, порочно.

Все попытки опровергнуть правильное определение объекта преступления как общественных отношений вызваны двумя прямо противоположными тенденциями: первая — положительная — углубление, развитие и усовершенствование понятия, функций, роли и значения для практического понимания объекта преступления, хотя при этом нередки ошибки, заблуждения. И вторая — юридическая неграмотность, невежество, нежелание уяснить эту сложную субстанцию — общественные отношения, которые составляют основу и сущность всей общественной жизни. Врач, учитель, судья, президент, пешеход, зритель — это все общественные отношения, это и есть социальные свойства личности, человека.

Это и есть совокупность общественных отношений.

§ 2 Понятие непосредственного объекта преступления и его признаки

Исследование общественных отношений как объекта преступления в науке уголовного права большей частью ограничивалось общим определением понятия объекта преступления и классификацией его видов. Для выяснения социальной сути объекта преступления и его практической роли этого недостаточно. Общее указание на то, что объектом преступления являются общественные отношения, не обеспечивает ни законодательной, ни правоприменительной практики. Поэтому важно выяснить, что собой представляют общественные отношения, каково их содержание, и на этой основе определить объект преступления на уровне конкретного посягательства. Наиболее плодотворным в решении этой задачи может быть исторический подход. Надёжным критерием для этого является выяснение того, как известное явление в истории возникло, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем оно стало теперь. Исторической и философской науками генезис общественных отношений изучен достаточно глубоко. Основные положения этих наук о

ное право. Общая часть. М., 1997./ Отв. ред. Н.И. Ветров, Ю.Н. Ляпунов. С.25–135; Новоселов Г.П. Объект преступления // Уголовное право. Общая часть. М., 1999. С.125–144; Пащковская А.В. Объект преступления // Курс уголовного права. Общая часть. Т.1: Учение о преступлении. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С.209. Авторы учебника «Курс российского уголовного права / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова (М., 2001. С.91-92) считают, что общественные отношения не могут быть единственной и универсальной характеристикой объекта преступления, поскольку они не охватывают таких личных благ человека как его жизнь и здоровье.

¹⁴⁰ Гавриш С.Б. Указ. соч. С. 28.

¹⁴¹ Более подробно см.: Коржанский М.И. Ще раз про объект злочину.

// Нариси уголовного права. Київ, 1999. С.156–160.

¹⁴² Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. / Под ред. Л.Л.Кругликова. М., 1997. С.135.

¹⁴³ Там же. С. 133.

генезисе общественных отношений сводятся к тому, что история возникновения и развития общественных отношений есть история возникновения и развития человеческого общества. Научкой доказано, что превращение первобытного человеческого стада в человеческое общество происходило в процессе длительного формирования труда как производственной деятельности людей, что человек и общество могли быть созданы только в процессе совместной трудовой деятельности. Процесс формирования и возникновения общества есть в то же время и процесс становления и формирования личности человека. Это двуединый, неразрывный процесс. «В формирующемся обществе — первобытном стаде — жили формирующиеся люди»¹⁴⁴.

Наряду с формированием людей формировались их человеческие потребности, а также способы и формы их удовлетворения. Новые возникающие потребности люди уже не могли удовлетворить тем, что они находили готовым в окружающей их природе. Возникла необходимость производства, а оно в одиночку невозможно. Производственная и всякая иная совместная деятельность людей приводит к тому, что удовлетворение потребностей отдельного индивида есть вместе с тем и удовлетворение потребностей других членов общества. Возникают взаимосвязь и взаимозависимость между членами общества. Исторической и философской науками доказано, что социальная жизнь людей начинается с возникновения связей между членами определённой общности людей, с того момента, когда человек осознал себя находящимся в связях с другими членами общности.

Все исследователи общественных отношений отмечают, что общество не может существовать, не регулируя взаимоотношений между своими членами, не направляя поведение людей. Никакая совместная жизнь людей невозможна без её регламентации. Любое конкретное общество есть социальный организм, в котором всегда существует целая система социальных норм и правил поведения, существует определённый механизм контроля за поведением его членов.

¹⁴⁴ Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966. С. 12,33; его же: Происхождение брака и семьи. М., 1974. С.64.

Общество навязывает своим членам свою волю, осуществляет над ними свою власть, принуждая их к соблюдению социальных норм, к определённому поведению.

Общественная воля обуславливается общественными интересами. Но общественная воля не сводится к сумме волей членов общества, и общественные интересы не сводятся к совокупности интересов отдельных личностей. Общественная воля определяет волю отдельных членов общества в соответствии с общественными интересами, которые могут быть реализованными и реализуются только при определённом поведении членов общества. Общественно значимое поведение, в котором проявляются, реализуются или нарушаются общественные интересы, составляет главную заботу общества и всегда направляется в определённом для него направлении. Общество направляет поведение своих членов прежде всего путём формирования их воли, выработки у них определённых стимулов и мотивов поведения¹⁴⁵.

Основным средством регулирования поведения людей в обществе с самого начала его существования являются социальные нормы, которые первоначально возникают в результате стихийно-массового процесса опытно-практического поиска, отбора определённых форм поведения и закрепления их в общепринятые образцы и обязательные для всех нормы¹⁴⁶.

С возникновением общества возникает взаимная зависимость индивида и общества. Во-первых, индивид только в обществе может стать личностью, только общество может обеспечить развитие личности, во-вторых, кем личность является, зависит всецело от того общества, членом которого она состоит, в-третьих, человек зависит от общества и от обязанности повиноваться его велениям.

¹⁴⁵ Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. С.64–65.

¹⁴⁶ Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974. С.460, Лапина Т.С. Социальные функции морали //Мораль и этическая теория. М., 1974. С. 75 и далее; Дроздов А.В. Человек и общественные отношения. Л., 1966. С. 28; Пеньков Е.М. Социальные нормы—регуляторы поведения личности: Некоторые вопросы методологии и теории. М., 1972. С. 20–21; Гринберг Л.Г. Нравственные отношения. Л., 1971. С.13.

Человеческое общество — это не только совместное существование людей. Главное и основное в обществе — это взаимодействие его членов, их совместная деятельность, общение, сотрудничество и взаимопомощь. Становление общества начинается с вытеснения биологического индивидуализма общественным коллективизмом. Жизнь и деятельность каждого члена общества обеспечивается жизнью и деятельностью других членов общества. И уже не биологические инстинкты являются главенствующей силой в поведении индивида, а социальные условия и общественные обязанности, осознанная необходимость и принудительная сила общества. Наиболее существенной особенностью общественной жизни становится принуждение к определённому поведению. Регламентация всех сторон жизни индивидов и принуждение их к определённому поведению уже в самом начале человеческой истории были такими глобальными, что первобытный человек был ещё менее свободен, чем раб: он был скован по рукам и ногам невидимыми цепями родоплеменных установлений, традиций, обычаев и представлений¹⁴⁷. И всё это ради достижения единственной цели — обеспечить необходимое и выгодное для общества поведение индивидов и социальных групп.

Изложенные нами положения философской и исторической наук необходимы для обоснования важного для данного исследования вывода о том, что общественно значимое поведение — это поведение, регулируемое и направляемое в интересах общества его принудительной силой. Регулируется, направляется поведение членов общества социальными нормами, первыми из которых были нормы-запреты (табу). Социальные нормы наряду с другими объективными факторами, главным из которых является производство, связывали общество в единый коллективный организм. Жизнедеятельность такого организма всецело зависела от уровня его сплочённости. Выживали и продолжали развитие только те объединения предлюдей, которые оказывались способными к постоянному повышению своей сплочённости¹⁴⁸

¹⁴⁷ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С.50.

¹⁴⁸ Семёнов Ю.И. Происхождение брака и семьи. С. 68.

и упрочению связей между своими членами и общностью в целом.

Таким образом, поддержание и упрочение общественных отношений является объективной необходимостью развития человеческого общества.

Общественные отношения представляют собой определённые виды и формы поведения индивидов, групп, классов в процессе производства, общения, познания.

Социальными являются такие отношения, которые определяют собой специфическое содержание социального взаимодействия — обмен деятельностью общественных индивидов. В философской литературе общепризнано, что основу общественных отношений составляет общественная деятельность людей, под которой понимают единственно возможный способ бытия социальной действительности, всей материально-духовной культуры человечества¹⁴⁹, проявление социальной активности человека¹⁵⁰, непрерывный переход от одной потребности к другой, проявляющий себя, с одной стороны, в удовлетворении данной и порождении новой потребности, с другой стороны, в реализации и развитии имеющихся способностей человека¹⁵¹, деятельность и поведение реальных индивидов¹⁵².

Определение содержания общественных отношений как человеческой деятельности даже и в самом широком, философском её смысле не может удовлетворить, ибо оно оставляет за его пределами социально значимое бездействие.

Между тем нетрудно увидеть, что содержание многих общественных отношений заключается в воздержании от активных действий, в бездействии: например, принцип невмешательства

¹⁴⁹ Дроздов А.В. Указ. соч. С.21–22; Батищев Г.С. Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблемы человека в современной философии. М., 1969. С.89.

¹⁵⁰ Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. М., 1971; Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974. С.42; Арефьев Г.С. Социальная активность. М., 1974. С. 28.

¹⁵¹ Перфильев М.Н. Общественные отношения. Л., 1974. С.76.

¹⁵² Макронос Г.В. Методологические проблемы исследования общественных отношений. Свердловск, 1972. С.14–15.

во внутренние дела государства в международных отношениях, неприпятствование собственнику владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом в экономических отношениях собственности и др.

Поэтому содержание общественных отношений можно определить как социально значимое поведение, которое включает все виды социального поведения: как активную человеческую деятельность, так и запрещаемое или требуемое обществом бездействие. Общественные отношения — это специфическая форма всей жизнедеятельности людей. Эта сама жизнедеятельность, ибо каковы индивиды, составляющие общество, таков характер и содержание общественных отношений. Каковы общественные отношения, таковы качества, свойства, типичные черты самих индивидов¹⁵³.

Б.С. Никифоров, обстоятельно исследовавший содержание общественных отношений, отмечает, что они представляют собой деятельность его участников или определённое положение людей по отношению друг к другу или и то и другое одновременно¹⁵⁴. Представляется, однако, что и в основе «положения» людей по отношению друг к другу лежит их определённое поведение. Положение человека по отношению к другим людям определяет его социальный статус, в котором преобладает активная, поведенческая сторона, т. е. его возможность вести себя определённым образом. Значительно реже встречающаяся статистическая сторона общественных отношений представляет собой социальное состояние¹⁵⁵, которое не охватывает всего отношения, а является лишь частью его. Основу же общественных отношений составляет их активная сторона — социальное поведение субъектов отношения. Реальным базисом личности человека является, — пишет А.Н. Леонтьев, — является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру,

---

¹⁵³ Там же. С.72.

¹⁵⁴ *Никифоров Б.С.* Объект преступления. С. 64.

¹⁵⁵ Социальным состоянием мы называем соответствующую интересам участников собственной жизни форму их жизнедеятельности (состояние неприкосновенности личности, территории государства, состояния здоровья, пребывания в живом состоянии и т. п.).

но отношений, которые реализуются: а они реализуются его деятельностью, точнее, совокупностью его многообразных деятельностей¹⁵⁶.

Общественные отношения — это всегда определённое поведение личности, совокупность разнообразных видов поведения. Именно из действий личности слагаются общественные отношения. Вне общественных отношений личность не может ни существовать, ни действовать. Совместная деятельность людей невозможна без её организованности, без определённых требований к каждому члену общества, без соблюдения определённых правил поведения по отношению друг к другу и ко всей общности.

При этом социальное поведение одного субъекта отношения обеспечивает определённое состояние другого субъекта отношения. Например, состояние отдельного индивида, обеспечивающее ему возможность жить и пользоваться здоровьем, благами жизни, требует от других членов общества такого поведения, которое не нарушало бы это состояние. Состояние государственной обороноспособности (боеготовности) требует определённого поведения граждан, призванных на действительную военную службу, владеющих сведениями, составляющими государственную тайну и т.д. (нести службу, охранять тайну и т.п.).

Характер и направленность общественного поведения личности небезразличны обществу и отдельным его членам. Общество заинтересовано в социально полезном поведении личности. Направленность этого поведения определяется видом общественных отношений и закрепляется в социальной норме. Общественные отношения всегда включают в себя оценочный момент и носят нормативный характер. При этом социальные оценки поведения и социальные нормы так тесно взаимосвязаны и так проникают друг в друга, что во многих случаях их невозможно даже различать¹⁵⁷. Социальные нормы как общие правила обще-

---

¹⁵⁶ *Леонтьев А.Н.* Деятельность и личность // Вопросы философии. 1964. № 4. С.96.

¹⁵⁷ *Ивин А.А.* Основания логики оценок. М., 1970. С.169-174. — «Эволюционный процесс создания и развития человеческого общества, — пишет Д. Льюис, — характеризуется не только завоеваниями науки, достижениями искусства и литературы, но также и выработкой человеческих оценок жизни». — *Льюис Д.* Человек и эволюция. М., 1964. С.75.

ственного поведения людей в их взаимоотношениях друг с другом требует от индивида определённого общественного поведения.

Ещё римские юристы отмечали, что социальные нормы требуют поведения трёх видов: 1) что-либо сделать (*facere*) — передать вещь купившему, оплатить работу, возратить долг и т. п.; 2) чего-либо не делать (*nonfacere*) — не оскорблять чужой чести, не препятствовать собственнику владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом и т. п.; 3) что-либо терпеть (*pati*) — терпеть пользованием другим лицом вещью, переданной ему в наём, терпеть наложенными компетентными лицами или органами власти взыскание или наказание и т. п.

Такого же взгляда на содержание социальной нормы придерживались и русские дореволюционные юристы¹⁵⁸. Развитие юридической мысли подтвердило обоснованность этой классификации. В современном праве все разнообразие правовых норм тоже принято делить на три вида: запрещающие, уполномочивающие и обязывающие¹⁵⁹. Хотя между вторым и третьим видом обязательного поведения имеются некоторые различия, однако и тот и другой вид обязанности (как «чего-либо неделание», так и «терпение») являются именно определённым поведением, а не положением или состоянием.

Наиболее существенной особенностью общественных отношений является обязательность определённого поведения взаимосвязанных индивидов. Без обязанностей вести себя определённым образом нет общественных отношений¹⁶⁰. Обществен-

---

¹⁵⁸ *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. С. 69–71; *Тарановский Ф.В.* Указ. соч. С.156–157.

¹⁵⁹ *Общая теория советского права.* М., 1966. С.213; *Марксистско-ленинская общая теория государства и права.* Социалистическое право. М., 1973. С. 253–254.

¹⁶⁰ Эту особенность общественных отношений не учитывает В.К. Глистин, полагая, что, «занимаясь антисоветской пропагандой, преступник вступил в данной форме в отношения с другими субъектами» - *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С.102). Такой социальный контакт пропагандиста и его слушателя никакой социальной связи не порождает. Общественные отношения при этом не возникают как раз потому, что такой контакт не содержит ничего обязательного для них, вытекающего из данного контакта. Здесь возникают только отношения по поводу совер-

ные отношения именно потому и признаются общественными, что они возникают в обществе, выражают его интересы, что в требуемом поведении состоящих в связи субъектов (индивидов, групп, коллективов) заинтересовано общество, и что общество ожидает от них именно такого поведения и требует его. Отношения господства и подчинения, мужа и жены, ученика и учителя, дружбы, товарищества, собственности и т. п. — все они предполагают обязательное соблюдение определённых велений общества о должном, дозволенном или запрещённом поведении. Обязательность необходимого поведения закрепляется в социальной норме, которая представляет собой веление, выработанное массовым, миллиарды раз повторенным отношением и закрепляемое в виде правила. Именно благодаря осознанию человеком своего отношения к другим людям, к социальной общности возникли образцы (нормы) общественного поведения. В социальной норме только закрепляются те веления к поведению, которые предопределяются отношениями. Регламентация социальной жизни людей с самого возникновения человеческого общества начиналась с возникновения общественных отношений. Определённую общность людей можно назвать человеческим обществом, очевидно, только с момента возникновения в этой общности общественных отношений между её членами. С развитием цивилизации общественные отношения и вытекающие из них веления начинают играть всё большую роль в жизни людей. С возникновением государства и права часть этих связей подвергается правовому регулированию, а их обязанность становится правовой обязанностью или правом (правоотношение). Таковы, например, отношения собственности, трудовые, гражданские, семейные и др. Некоторая часть социальных связей и в условиях государства не подвергается правовой регламентации и правоотношениями не является (например, отношения друж-

---

шения преступления между пропагандистом и государством в лице специальных органов. Однако эти отношения не являются объектом уголовно-правовой охраны, и данное преступление посягает на них. На с. 60 своей работы В.К. Глистин правильно утверждает, что «социально значимая связь порождается действием или бездействием только тогда, когда деяние создаёт связь, по крайней мере, между двумя субъектами».

бы, некоторые половые отношения). Тем не менее общество не снимает с этих отношений требования обязательности и нарушение дозволенного или запрещённого поведения, вытекающего из этого отношения, осуждается общественным мнением. С развитием культуры общественное мнение вновь увеличивает силу и приобретает важную роль общественных отношений.

Обязательность социальной связи в древние времена закреплялась различными символическими обрядами. Так, например, у северогерманских народов обязывающемуся связывали руки, которые держал тот, в чью пользу возникало обязательство; у славянских народов таким символом было «битьё по рукам», что нашло своё закрепление в древних памятниках права¹⁶¹.

С учётом названных признаков общественные отношения как объект правовой охраны и предмет правового регулирования можно определить как возникающие и устанавливаемые в интересах групп, классов, общества, регулируемые социальными нормами и принудительной силой общества социальные институты поведения. Упрощённо эту сторону общественных отношений можно определить как общественное поведение, которое представляет собой систему поступков социальных субъектов, направленных на реализацию общественных интересов.

Отношение человека, отношения между людьми это не что иное, как его (их) поведение. Вне поведения никакие отношения немислимы, невозможны. Какую бы сферу общественной жизни ни взять, в чём бы ни проявлялось отношение человека к миру, к другим людям, оно всегда выражается в его определённом поведении. Поведение людей и есть общественные отношения, а отношения между людьми и есть их социальное поведение. Такое определение общественных отношений наиболее полно соответствует научному пониманию общественных отношений как специфической формы, в которых люди осуществляют свою деятельность. Встречающиеся в литературе утверждения о том,

что общественные отношения охватывают не только действия отдельных лиц, но и социальные связи, предпосылки и условия возникновения этих связей и поведения людей¹⁶², необоснованы. В философской литературе общепризнано, что социальные связи по объёму шире общественных отношений, так как есть социальные связи, которые общественными отношениями не являются: например, связь производительных сил и производственных отношений¹⁶³. Предпосылками и условиями возникновения социальных связей являются, в частности, сам человек и окружающая его природная среда, которые, очевидно, общественными отношениями не являются.

Качество отношений всегда определяется соответствием поведения взаимосвязанных общественных субъектов их интересам. «Хорошие», «натянутые» отношения между государствами, классами, индивидами, как и всякая иная их оценка, зависят от того, насколько поведение определённых субъектов отношения соответствуют их интересам.

Каждый институт социального поведения возникает в обществе или создаётся господствующими классами для осуществления какого-либо отдельного общественного интереса. Социальное назначение институтов поведения (общественных отношений) состоит в том, чтобы обеспечить реализацию общественных интересов, поскольку они без определённого поведения (дозволенного в одних случаях и запрещённого в других) не могут быть реализованы.

При этом необходимо подчеркнуть, что в общественных отношениях закрепляются и реализуются прежде всего интересы общества или его господствующих классов. Интересы индивидов отражаются в общественных отношениях лишь в той части, в которой они совпадают с общественными интересами. Очевидно, что интересы представителей господствующего класса

¹⁶¹ Статья 32 Псковской судной грамоты («... истец, по ком рука дана...»), ст. 24 Новгородской грамоты («да и по руцъ ему ударити с истцом своим»). Отсюда, как считают некоторые исследователи, и произошло название «поручи», «поручительство», т. е. принятие на себя определённой обязанности, выраженной в рукопожатии или битьё «по рукам».

¹⁶² Общая теория советского права. С.16; *Витченко А.М.* Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974. С.9.

¹⁶³ *Плетников Ю.К.* Указ. соч. С.47, *Вырелкин В.П.* Общественные отношения как категория марксистской социологии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1969. С.7.

наиболее полно отражаются в существующих в данном обществе отношениях, а интересы представителей эксплуатируемых классов отражаются в этих отношениях только лишь в самой незначительной части. Вместе с тем сказанное вовсе не означает независимости общественных интересов индивидов или их противопоставления. Общественные интересы представляют собой совокупность интересов определённой общности индивидов.

В условиях общества нет полного совпадения общественных и личных интересов. Такое несоответствие называется различными объективными причинами, которые проявляются в том, что некоторые члены общества не осознают своих действительных интересов либо противопоставляют свои личные интересы общественным. Несовпадение общественных и личных интересов вызывает необходимость общественной регламентации, направления общественных отношений нормами поведения. Если бы интересы индивидов и общества совпадали, то общественная регламентация была бы излишней. Нормативность общественных отношений как раз и вызывается разрывом между интересами общества и его членов, поведение которых составляет содержание общественных отношений.

Общественные отношения не могут существовать без социальных норм, их регулирующих. Без социальных норм нет и общественных отношений. Но общественные отношения — это не сами национальные нормы. Общественные отношения — это фактическое, действительное поведение, а социальные нормы — это требуемое поведение, точнее требования, веляния к будущему поведению. Социальные нормы выражают волю общества. В общественном отношении выражается воля его субъектов, действующих индивидов, групп, классов. При реализации общественных отношений в соответствии с регулируемыми их нормами воля общества и воля индивида совпадают.

Противопоставление воли индивида воле общества приводит к нарушению социальной нормы и изменению общественных отношений. Это случаи отклоняющегося поведения, которое социальными нормами запрещается и положительно не регулируется. Нет, например, социальных норм, определяющих порядок хищения или убийства, регулирующих порядок и условия создания преступных сообществ и т. п. Такое поведение является также социально значимым, ибо оно имеет непосредственное отношение к интересам общества.

В большинстве случаев отклоняющееся поведение противоречит общественным интересам, нарушает их — это случаи патологии социального поведения. Вместе с тем не всякое отклоняющееся поведение противоречит общественным интересам, не всегда является социально отрицательным. Официально отклоняющееся поведение признаётся антиобщественным (например, деятельность запрещённых партий, революционеров, преступность). Действительно антиобщественным является только регрессивное поведение, противоречащее прогрессивному развитию общества.

Изложенное выше показывает, что в общественных отношениях тесно взаимосвязаны интересы общества и социально значимое поведение, в котором эти интересы выражаются. Эта связь настолько существенна, что она даёт основание назвать общественные отношения общественными интересами в динамике, в действии. Общественные отношения — это форма реализации общественных интересов. Без общественных отношений общественные интересы не могут быть реализованы¹⁶⁴. Осуществление интересов определённого класса требует соответствующей системы общественных отношений. В пределах же одного типа общественных отношений могут быть реализованы только определённые общественные интересы.

Реализуются общественные интересы через соответствующее поведение субъектов общественных отношений. Поэтому общество и обеспечивает индивидам, группам, классам возможность определённого поведения и охраняет как само поведение, так и его возможность, а всякое поведение, противоречащее его интересам, запрещает. При этом, как правильно заметил Е.А. Фро-

---

¹⁶⁴ Место и роль общественных интересов в системе объекта преступления обстоятельно рассмотрены Е.А. Фроловым. См.: *Фролов Е.А.* Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Свердловск, 1971. С.18–21 и Е. Каиржановым (см.: *Каиржанов Е.* Указ. соч. С. 36–56) Заметим только, что Е. Каиржанов, на наш взгляд, необоснованно отождествляет интересы с общественными отношениями. Общественные отношения — это не сами интересы, а лишь форма и способ их существования. Ликвидация отношений не ликвидирует интересов.

лов, важно выделить статику и динамику общественных отношений¹⁶⁵. Для общественных отношений характерно постоянное их изменение, отмирание старых и возникновение новых отношений. В то же время им присуща и определённая устойчивость, неизменность. Направляя в соответствии с общественными интересами поведение людей в обществе, социальные нормы (в том числе и право) воздействуют на динамическую сторону общественных отношений. В этом регулятивная функция социальных норм (права).

Вместе с тем для реализации общественных интересов необходимо обеспечить стабильность общественных отношений как условие их реализации. Возникает социальная необходимость охраны общественных отношений, которая заключается в поддержании их статической стороны, в обеспечении их устойчивости, стабильности. Потому общественные отношения в качестве объекта преступления должны рассматриваться как неизменные. Их изменение в этом аспекте нарушает общественные интересы, причиняет социально опасный вред, а потому общество вынуждено осуществлять охрану общественных отношений.

Общественные отношения представляют собой фактическое, действительное поведение участников общественной жизни, которое направляется социальными нормами, а в отдельных случаях и принудительной силой общества. Вместе с тем социальные нормы обеспечивают возможность этого поведения. Фактическая реализация общественных интересов всегда находится под охраной общества.

Социальные институты определённого поведения групп, классов общество охраняет различными средствами, в том числе и правовыми. Те из них, которые поставлены под охрану уголовного закона, являются объектами уголовно-правовой охраны.

Социальная функция и служебная роль уголовного права заключаются, главным образом, в охране общественных отношений, в обеспечении возможности реализации общественных интересов.

---

¹⁶⁵Фролов Е.А. Объект правовой охраны и общее понятие хищения социалистического имущества. «Сборник учёных трудов СЮИ». Свердловск, 1969. С.66–67.

Следовательно, объектом преступления является обеспеченное обществом соответствующее его интересам поведение или состояние субъектов общественных отношений.

Поэтому объект преступления можно определить как обеспеченная обществом субъектам общественных отношений возможность соответствующего интересам общества поведения его членов, групп, классов и их состояния.

Эта возможность определённого поведения или состояния является содержанием, ядром общественных отношений и основным признаком объекта преступления.

Преступление полностью или частично, временно или навсегда затрудняет реализацию социальных возможностей участников общественной жизни либо делает такую реализацию невозможной. Ради охраны этих возможностей существует уголовное право, создаются уголовно-правовые запреты или устанавливаются новые возможности определённого поведения (необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника). При этом необходимо подчеркнуть, что объектом преступления могут быть только действительные, реализуемые возможности, только действительное социальное поведение или реальное состояние субъектов общественной жизни. Абстрактные, потенциальные возможности (например, возможность стать собственником имущества, возможность быть избранным в органы власти и т. п.) не могут быть объектами преступных посягательств, поскольку посягательство на них невозможно по самому их существу.

Б.С. Никифоров непосредственным объектом преступления называет охраняемые уголовным законом условия нормального функционирования социального установления, а групповым (родовым) объектом — нормальное функционирование отдельных социальных установлений¹⁶⁶.

Принципиальных возражений эти положения не вызывают. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что «социальное установление» — это не что иное, как конкретные общественные отношения или группа однородных общественных

---

¹⁶⁶Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 114–116.

отношений. Поскольку под нормальным функционированием социального установления Б.С. Никифоров понимает личность в её физическом, политическом, трудовом, имущественном и т. п. существовании, нормальное функционирование государственного аппарата, правосудия, вооружённых сил, то нетрудно увидеть, что «социальное установление» — это только новое наименование общественных отношений, ибо личность, например, в её физическом, политическом, имущественном и ином существовании есть не что, иное как совокупность общественных отношений.

Условиями нормального функционирования установлений Б.С. Никифоров называет: а) условия реализации собственником его правомочий в отношении принадлежащего ему имущества; б) условия нормальной деятельности государственного аппарата; в) условия выпуска в обращение денежных знаков только в плановом порядке и т. п.

Преступление действительно нарушает условия нормального функционирования социальных установлений как возможность их существования. Однако условия нормального функционирования носят слишком общий характер и потому приближаются к разрешению проблемы непосредственного объекта посягательства. Ведь в сущности здесь нет ответа на вопросы: что является непосредственным объектом преступления и в чём конкретно выражаются условия существования социальных установлений или, что одно и то же общественных отношений. Это особенно хорошо видно на примере должностных преступлений и, в частности, халатности (ст. 293 УК РФ).

Поскольку ответственность за халатность наступает лишь при наличии обязанности действовать, притом обязанности юридической, то её выполнение и является условием нормального функционирования определённых государственных и общественных учреждений, организаций и предприятий. В общем виде юридическая обязанность должностного лица есть совокупность множества отношений, из которых преступление нарушает лишь одно или несколько из всей совокупности. Для конкретизации непосредственного объекта необходимо выделить это нарушаемое общественное отношение.

Сходную позицию по объекту преступления занимает В.Г. Смирнов. Он тоже считает, что объектом уголовно-правовой охраны являются условия существования общественных отно-

шений¹⁶⁷. На наш взгляд, условия существования или функционирования не могут быть признаны объектом, ибо, как правильно заметил Н.А. Беляев, нарушение условий причиняет ущерб и самому общественному отношению, которое таким образом терпит вред от преступления¹⁶⁸.

Позиция Б.С. Никифорова и В.Г. Смирнова требует уточнения потому, что, во-первых, преступление изменяет не условия существования общественных отношений, а сами общественные отношения и, во-вторых, условия нормального функционирования могут существовать и в отсутствие общественных отношений.

Если признать объектом преступления не общественные отношения, а только условия их нормального существования (функционирования), то, поскольку для многих преступлений эти условия тождественны, окажется невозможным отличить сходные преступления, например хищение от причинения имущественного ущерба.

Кроме того, условиями существования общественных отношений обоснованно признаются материальные их предпосылки (например, имущество для отношений собственности), без которых, очевидно, не существовало бы этих самых отношений¹⁶⁹.

В этом смысле условия существования (функционирования) общественных отношений являются одним из свойств общественных отношений. Бесспорно, что без этих условий нет, и не может быть общественных отношений, а нарушение этих условий может изменить общественные отношения либо вовсе уничтожить их. Но это имеет место не только при нарушении условий, существования общественных отношений. В равной мере общественные отношения могут быть изменены и путём повреждения или уничтожения их носителей — субъектов отношений. Общественно опасное посягательство может быть совер-

¹⁶⁷ Смирнов В.Г. Функция советского уголовного права. Л., 1965. С.52.

¹⁶⁸ Курс советского уголовного права. Т.1./ Отв. ред. Н.А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 278, 292.

¹⁶⁹ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963.С.166; Сирота С.И. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними. Воронеж, 1968. С.14.

шено путём воздействия на любую сторону общественных отношений, а не только на условия его существования. Поэтому выделение в качестве объекта посягательства только одного какого-то свойства не может быть правильным. Объектом преступления являются общественные отношения в целом, как таковые, независимо от того, что изменение или ликвидация их осуществляется путём воздействия на какую-либо одну из их сторон (субъект, материальный объект).

Затрудняет выявление непосредственного объекта посягательства при таком его понимании и то обстоятельство, что условиями, существования общественных отношений являются не только материальные объекты, но и правопорядок в целом. Правопорядок выступает одним из необходимых условий нормального функционирования социальных установлений.

В самом общем виде можно считать, что преступление посягает на правопорядок и этим причиняет социальный вред. Но при таком понимании объекта невозможно назвать объект отдельного преступления, невозможно разграничить сходные деяния и отличить преступление от действий правомерных. Например, лишение жизни при необходимой обороне или причинение имущественного вреда при крайней необходимости нарушают условия функционирования социальных установлений (жизни и полномочия собственника), но эти нарушения не признаются преступлением. С позиции объекта преступления — условия нормального функционирования социального установления — невозможно объяснить исключение уголовной активности в подобных случаях.

Общественные отношения (или «социальные установления») имеют массу условий своего существования, из которых трудно выделить условие — объект. Для практики это почти невыполнимая задача. Кроме того, замена непосредственного объекта (общественных отношений) условиями нормального функционирования социальных установлений принижает значение общественных отношений и их охраны.

В другом месте своей работы Б.С. Никифоров дал более точное определение объекту преступления, однако это положение не выделил, и оно осталось незамеченным. Определив социальную возможность определённого поведения как «важнейший

элемент объекта правонарушения»¹⁷⁰, Б.С. Никифоров далее указывает, что эта «возможность входит в понятие охраняемого уголовным правом объекта — общественного отношения как его составная часть», а само преступление «выражается в воспрепятствовании реализации этой возможности или в уклонении от содействия её реализации»¹⁷¹.

На наш взгляд, эти положения самые ценные в работе Б.С. Никифорова. Они наиболее точно определяют социальную сущность объекта уголовно-правовой охраны и преступного на него посягательства. Необходимо только отметить, что на наш взгляд возможность определённого поведения субъектов социальной жизни является не элементом объекта, не составной частью общественных отношений, а содержанием этих последних, и поскольку преступление нарушает реализацию названных возможностей, то она и есть объект преступления. Следовательно, не социальные возможности сами по себе, как таковые, а их реализация, подвергается преступному воздействию и изменению.

Е.А. Фролов определяет объект уголовно-правовой охраны как социальные возможности тех или иных участников общественной жизни¹⁷². На наш взгляд, это слишком широкое определение, так как оно необоснованно включает и абстрактные, потенциальные возможности, на которые преступное посягательство на уровне непосредственного объекта невозможно. Не может быть нарушена, например, возможность отдельного гражданина обучаться в учебном заведении, если он в нём не учится, а только имеет такую возможность.

Иными словами, можно сказать, что объектом преступления является фактическое поведение или состояние участников общественной жизни, в которых реализуются общественные интересы.

---

¹⁷⁰ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 69.

¹⁷¹ Там же. С.106.

¹⁷² Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 18.

Преступление затрудняет или ликвидирует на время или навсегда возможность этой реализации. В этом его социальная суть, и в этом заключается причиняемый им общественно опасный вред.

§ 3 Конкретизация непосредственного объекта преступления

Признание общественных отношений объектом преступления в силу известной их абстрактности имеет некоторые практические неудобства, так как в таком виде непосредственный объект посягательства выявить и конкретизировать на практике бывает затруднительно. Поэтому определение непосредственного объекта преступления как общественного отношения на практике недостаточно. Возникает необходимость конкретизации непосредственного и видового объектов посягательства.

Попытки разрешать эту задачу в юридической науке ведутся давно. Собственно, признание некоторыми авторами материальных объектов (вещей, имущества и т. п.) непосредственным объектом преступления тоже является попыткой конкретизации, но попыткой неудачной. С правильных научных позиций эта проблема исследована Б.С. Никифоровым, который непосредственным объектом преступления считает социальные возможности субъектов общественных отношений¹⁷³ и их реализацию. Предложенное им решение нуждается лишь в уточнении и дополнении.

Представляется, что конкретизация непосредственного объекта преступления может быть плодотворной путём выявления особенностей и содержания общественных отношений, которые изменяются преступлением и социальной сути этих изменений.

Содержанием общественного отношения, как было показано выше, являются: а) возможное, б) необходимое, в) запрещённое поведение субъектов отношения либо г) обеспечиваемое обще-

ством определенное их социальное состояние. Эти социальные возможности распространяются между участниками отношения таким образом, что одна сторона (индивид, группа, класс, общество) признается обязанной к определенному поведению, к удовлетворению требований другой стороны. Там, где отсутствует возможность требования или отсутствует обязанность его удовлетворения, нет социальной связи.

Общественные отношения содержат количественные и качественные параметры (пределы) поведения взаимосвязанных субъектов, как вид, так и меру возможного или должного поведения. В наиболее общем виде количественные и качественные характеристики общественных отношений выражаются в том, что:

а) возможности поведения одной стороны корреспондируют возможность соответствующего поведения другой стороны. Например, отношения в области государственного управления характеризуются тем, что возможности должностного лица вести себя определённым образом противостоят возможность и необходимость определённого поведения граждан;

б) возможности поведения одной стороны корреспондируют обязанность определённого поведения другой. Например, в отношениях по обеспечению нормальных и безопасных условий труда возможности для рабочего или служащего безопасно для жизни и здоровья трудиться противостоят обязанность администрации предприятия обеспечить безопасность трудового процесса;

в) возможность поведения одной стороны обеспечивается путём запрещённости определённого поведения других членов общности. Например, в отношениях собственности возможности собственника владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом противостоят запрещённость для всех иных лиц чинить ему в этом препятствия;

г) возможности обеспечиваемого состояния одной стороны корреспондируют запрещённость определённого поведения другой стороны. Например, в отношениях по обеспечению жизни, общественной безопасности и т. п., отношениях возможности пребывать в живом или безопасном состоянии противостоят необходимость (например, врача, родителей, органов власти и т. п.) поддержания этого состояния и запрещённость поведения, которое может его нарушить.

¹⁷³ Никифоров Б.С. Объект преступления. С. 69, 106. Аналогичным образом конкретизировал непосредственный объект преступления и Е.А. Фролов. (См.: Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С.17,18,22).

Количественная и качественная характеристики конкретных отношений определяются содержанием соответствующего интереса и потребности его удовлетворения.

Важно также заметить, что реализация социальных возможностей нарушается чаще всего с одной стороны. Поскольку общественные отношения – это всегда отношения между двумя сторонами, постольку нарушителем его могут быть либо оба субъекта, либо один из них. Одновременное нарушение того же общественного отношения обеими сторонами практически не встречается, так как обоюдное желание субъектов общественных отношений изменить их, как правило, бывает правомерным¹⁷⁴. Причинителем общественного вреда выступает один из субъектов отношения. Очевидно, что вредоносная деятельность субъекта в этом случае направлена на ту часть общественного отношения, которая закрепляет интерес другой стороны, т.е. интерес противостоящего в отношении субъекта.

С позиции субъекта отношения, причиняющего вред, интерес противостоящего субъекта может выступать лишь в социальной возможности определённого поведения страдающей (потерпевшей) стороны (для государства – вести народное хозяйство, управлять обществом, развивать экономику, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом и т. п.; для граждан – осуществлять свои права, пользоваться, владеть и распоряжаться имуществом, свободой и т. п.) или в социальной возможности определённого состояния (независимости, суверенитете, авторитета для государства; жизни, здоровья, чести, достоинства, половой неприкосновенности и т. п. для граждан).

Эти социальные возможности определённого поведения или определённого состояния, в которых реализуется какой-то общественный интерес, и выступают непосредственным объектом преступного посягательства. При этом в данном случае речь идет о реализуемых социальных возможностях субъекта отношения, противостоящего причинителю вреда. Социальная запрещённость определённого поведения не может быть объектом посягательства, ибо, во-первых она всегда находится на стороне субъекта причинителя вреда и, во-вторых, требуемое или за-

прещённое поведение существует не само по себе, а ради осуществления противостоящей ему какой-то социальной возможности, против которой и направляется посягательство.

Таким образом, **непосредственным (видовым) объектом посягательства** выступают реализуемые социальные возможности определённого поведения субъекта отношения или обеспечиваемое ему обществом определённое состояние.

Из настоящего определения видно, что непосредственным объектом преступления может быть осуществление: а) социальной возможности определённого поведения либо б) социальной возможности определённого состояния участника общественно-го отношения. В таком виде непосредственный и видовой объекты посягательства могут быть выявлены в любом преступном деянии.

Например, непосредственным и видовым объектом убийства является возможность находиться в живом состоянии, хищения — возможность владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, хулиганства — возможность гражданам спокойно трудиться, отдыхать, а предприятиям, учреждениям, организациям — нормально функционировать, и т.д.

Социальные возможности определённого участника общественного отношения — это всегда возможности, обеспечиваемые обществом и государством. Социальная возможность определённого поведения или определённого состояния выступает непосредственным объектом посягательства лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока она обеспечивается обществом и государством. С момента исключения какого-либо интереса из сферы обеспечиваемых обществом и государством благ эта возможность становится своей противоположностью – невозможностью — и перестает быть объектом преступления. Не обеспечивается, например, государством и обществом жизнь лица, совершающего тяжкое преступление, характеризующееся нападением при необходимой обороне.

Определение видового и непосредственного объектов преступления как фактических социальных возможностей определённого поведения или состояния в известной мере «овеществляет» его, делает объект преступления более доступным для понимания и более отчётливо показывает сущность и характер посягательств на него, а также причиняемого им социально опасного вреда.

---

¹⁷⁴ Исключения составляют только те случаи, когда субъекты отношения не вправе изменять существующие между ними отношения, например, отношения по охране жизни.

Вместе с тем, признавая объектом преступления определенные социальные возможности, не следует упускать из виду, что эти возможности всегда находятся в сфере общественных отношений, составляют их основу, ядро. Социальные возможности участников общественных отношений только потому и охраняются уголовным законом, что они являются глубинным содержанием общественных отношений, в охране которых заинтересованы общество и государство. Поэтому при конкретизации непосредственного объекта преступления следует исходить из того, что преступное посягательство всегда направлено на общественные отношения. Социальные возможности как непосредственный объект посягательства не заменяют в этом смысле общественные отношения, а лишь указывают на их конкретно осязаемую сторону.

На уровне социальных возможностей конкретизация непосредственного объекта должна заканчиваться, так как дальнейшая его детализация выходит из сферы общественных отношений. Е.А.Фролов обоснованно заметил, что конкретизация непосредственного объекта преступления имеет свои пределы и должна ограничиваться теми понятиями, которым присущи свойства общественных отношений¹⁷⁵.

На основе этих общих положений можно конкретизировать и уточнить объекты отдельных видов преступлений, поскольку для правильной оценки общественной опасности деяния и его квалификации всегда важно установить то конкретное социальное благо, на которое данное преступление посягает.

Нуждается, в частности, в уточнении объект посягательства при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК). В одних случаях объектом этого посягательства называют общественный порядок и общественную безопас-

---

¹⁷⁵ Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 22 – 23.

ность¹⁷⁶, в других — только общественный порядок¹⁷⁷, в третьих — жизнь¹⁷⁸, в четвертых — личную свободу¹⁷⁹.

В названных определениях объекта данного посягательства, на наш взгляд, не раскрывается в полной мере ни его юридическая природа, ни его социальная сущность.

Если под общественным порядком понимать совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественное спокойствие, а под общественной безопасностью — условия безопасности неопределенного круга лиц, то становится очевидным, что угроза убийством, высказанная одним гражданином в адрес другого, нарушает главным образом не общественное спокойствие, не общественную безопасность. Виновный субъект при этом не направляет свое посягательство на общественный порядок или на общественную безопасность и не имеет такого намерения.

Угроза — деяние всегда персонифицированное, обращенное к какому-то конкретному лицу или определенному кругу лиц. Психическое воздействие виновный направляет большей частью на определенную личность. Никому и ничему другому это деяние в большинстве случаев не угрожает и опасности не создает. Общественный порядок и общественное спокойствие нарушаются угрозой лишь в отдельных случаях, т. е. эти общественные блага выступают лишь факультативными объектами данного посягательства. Угроза убийством или причинением тяжких телесных повреждений — это преступление против личности¹⁸⁰.

Однако видовым и непосредственным объектами посягательства при угрозе является не жизнь. Реальной непосредственной опасности для жизни в момент провозглашения виновным угро-

---

¹⁷⁶ Сухарев Е.А., Соколов Д.И. Ответственность за угрозу причинения тяжкого вреда // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. Вып. 6 // Волгоград, 1972. С. 120.

¹⁷⁷ Данышин И.Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973. С. 192 – 193.

¹⁷⁸ Курс советского уголовного права. Т.1 / Под ред. Н.А. Беляева, М. Д. Шаргородского. С. 208.

¹⁷⁹ Курс советского уголовного права. Т.5. / Под ред. А.А. Пионтковского. М., 1971. С.187.

¹⁸⁰ Уголовные кодексы большинства государств обосновано относят угрозу убийством к преступлениям против личности.

зы не возникает. Виновный и не имеет намерения в момент угрозы лишить потерпевшего жизни или причинить вред здоровью. Пленум Верховного Суда СССР по конкретному уголовному делу обоснованно указал, что угроза представляет собой такие деяния виновного, которые не направлены непосредственно на лишение жизни¹⁸¹.

Если же виновный, высказывая угрозу, имеет намерение лишить потерпевшего жизни сейчас же и совершает действия, представляющие непосредственную угрозу жизни потерпевшего, то это будет уже покушение на убийство, а не угроза убийством. Следовательно, при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью виновный посягает не на жизнь, не на здоровье потерпевшего.

Нельзя также признать обоснованным утверждение, что непосредственным объектом угрозы является личная свобода, так как это деяние в большинстве случаев не лишает потерпевшего свободы действий, выбора поведения, свободы передвижения и т. п.¹⁸² Наиболее очевидно это в тех случаях, когда угроза заявлена в письменной форме или по телефону.

Социальная сущность угрозы состоит в том, что высказанная виновным при обстоятельствах, которые дают основания опасаться её осуществления, она вызывает чувство страха, опасения потерпевшего за свою жизнь (здоровье или имущество), нарушает спокойный труд и отдых, порождает неуверенность в своей безопасности.

Обеспечиваемая обществом и государством возможность каждому гражданину спокойно трудиться, отдыхать, пользоваться благами жизни этим посягательством изменяется и превращается в свою противоположность — становится невозможностью.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, таким образом, направлена против личной безопасности, которая и является видовым объектом этого преступления. Личная

безответственность конкретного лица будет непосредственным объектом посягательства при совершении этого преступления.

Есть необходимость также конкретизировать видовой и непосредственный объекты хулиганства. Это преступление в настоящее время является самым распространённым, и, как показывает анализ следственной и судебной практики, наибольшее число ошибок допускается при применении законодательства об ответственности за хулиганство¹⁸³. В значительной мере это происходит потому, что хулиганство представляет собой не деяние, направленное на определенное социальное благо, а мотив асоциального поведения¹⁸⁴.

В литературе отмечается, что сущность хулиганства как мотива антиобщественного поведения заключается в стремлении к эгоистическому самоутверждению. Потребность в самовыражении личности удовлетворяется путём проявления глубокого эгоизма, попранием общепринятых нравственных норм поведения, грубого неуважения к окружающим¹⁸⁵. Хулиганство, как состав преступления, предусмотренный ст. 213 УК РФ, содержит главным образом признаки мотива и не имеет конкретной внешней объективной характеристики. Такой состав преступле-

¹⁸³ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972. № 6. С. 13.

¹⁸⁴ Профессор С. Мокринский ещё в 1924 г. писал, что хулиганство «не есть действие, но лишь свойство действия» (*Мокринский С. Озорство и хулиганство // Еженедельник советской юстиции, 1924. № 37. С. 879 – 880*). О хулиганстве как о мотиве говорится и в законе: п. «и» ст. 105 УК. Поэтому трудно согласиться с тем, что хулиганство может быть совершено и на базе нехулиганских мотивов. (*Ковалкин А.А., Котов Д.П. Мотивы хулиганства. // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 18, М., 1973. С. 42 – 45*). Поскольку это противоречит и смыслу понятия хулиганства и судебной практике. Например, Пленум Верховного Суда в постановлении от 16 октября 1972 г. указал на необходимость отличать от хулиганства те деяния, которые совершаются на почве личных взаимоотношений. (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972, № 6. С. 24).

¹⁸⁵ *Матышевский П.С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1964. С. 73 – 80; Данышин И.Н. О мотивах хулиганства // Правоведение, 1965. № 2. С. 170; Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. С. 145; Лифшиц Ю. Личность и общественный порядок. Таллин, 1975. С. 53 – 62; Яценко С.С. Ответственность за преступления против общественного порядка. Киев, 1976. С. 73 – 78.*

⁹ Малинин

¹⁸¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 мая 1967 г. по делу Карасаева. (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1967. № 4. С. 19).

¹⁸² Здесь не имеются в виду угрозы, соединенные с определенными требованиями, так как такого вида угрозы образуют самостоятельные преступления, например, преступления, предусмотренные ст. 161, 162, 163 и другими статьями УК РФ.

ния обладает существенными недостатками, ибо в нем не содер­жится описания его конкретных объективных признаков¹⁸⁶. Во-первых, в нем не указаны конкретные действия, образующие его объективную сторону. «Грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу», это общая, универсальная, всеохватывающая характеристика антиобщественного поведения. Под такое определение подпадают любые общественно опасные деяния. Основные признаки данного состава представляют собой оценочные понятия («грубое нарушение», «явное неуважение» и др.) и не поддаются конкретизации. Применение такой нормы на практике очень затруднительно, и это порождает значительное число ошибок. Незначительно и общепреентивное воздействие чрезмерно общей нормы. Во-первых, сам по себе хулиганский мотив не показывает социальной направленности деяния, не называет объекта посягательства, чем в известной мере скрывается общественная опасность деяния и затрудняется его квалификация. Неясность законодательного выражения объекта конкретного деяния, совершаемого из хулиганских побуждений, затрудняет выяснение его социальной сущности, дифференциации ответственности в зависимости от степени тяжести причиняемого им вреда и т. п.

Кроме того, такой состав преступления искажает криминологическую характеристику преступности, так как неизвестно, в какой сфере общественной жизни, какое число преступлений совершается, поскольку по хулиганским мотивам совершаются посягательства на различные сферы общественной жизни (личность, нравственность, собственность и др.). Это обстоятельство существенно затрудняет планирование и проведение профилактических мероприятий и ослабляет, в общем, борьбу с преступностью и в особенности с теми деяниями, которые совершаются по хулиганским мотивам.

Из законодательного описания признаков такого состава невозможно определить социальную направленность (объект) хулиганства как самостоятельного вида преступления. В литературе признанно, что хулиганство посягает на общественный поряд-

док. Какой же это объект — родовый, видовой или непосредственный? И что собой представляет общественный порядок?

Общественный порядок, на наш взгляд, не может быть объектом одного преступления. Это общий объект, т. е. объект всякого преступления. Общественный порядок — это порядок, существующий в данном обществе, т. е. вся система его определяющих общественных отношений. Общественный порядок включает в себя правопорядок в целом, охватывая и общественную безопасность, и общественное спокойствие, и здоровье населения, и права и интересы личности, и другие охраняемые уголовным законом социальные блага. Общественный порядок — понятие даже более обширное, чем правопорядок, так как последний не включает отношений, регулируемых нормами морали. Нетрудно убедиться, что всякое преступление посягает на существующий в обществе правопорядок, а тем более на общественный порядок. Поэтому считать общественный порядок непосредственным или даже родовым объектом одного преступления нет оснований.

Правоммерно лишь говорить об охране общественного порядка, например, работником милиции или представителем общест­венности. В самом деле, нетрудно убедиться, что названные лица охраняют не только общественное спокойствие или общественную нравственность, но и права и интересы личности, отношения собственности, общественную безопасность и все иные социальные блага. Но нельзя не сказать, что все эти общественные отношения, составляющие общественный порядок, есть непосредственный объект одного преступления. Любое преступление, посягательство всегда направляется на какую-то часть общественного порядка, на определенное, конкретное социальное благо, а не весь общественный порядок как таковой.

И.Н.Даньшин, обстоятельно исследовавший проблему охраны общественного порядка, пришел к выводу, что общественный порядок — «это порядок волевых общественных отношений, складывающихся в процессе сознательного и добровольного соблюдения гражданами установленных в нормах права и иных нормах неюридического характера правил поведения в области общения и тем самым обеспечивающих слаженную и

¹⁸⁶ На чрезмерную общность признаков ст. 213 УК уже указывали профессор П.С. Матышевский (*Матышевский П.С. Указ. соч. С. 79*) и профессор М.И.Ковалев (*Ковалев М.И. Указ. соч. С. 70*).

устойчивую совместную жизнь людей в условиях» демократического общества¹⁸⁷.

Такое определение общественного порядка можно признать правильным. Однако если учесть, что «под общественным порядком в уголовном праве необходимо понимать совокупность регулируемых и охраняемых уголовно-правовыми нормами общественных отношений, обеспечивающих обстановку общественного спокойствия; соблюдение общественной нравственности; согласованные действия индивидов по отношению друг к другу, к социальным группам и обществу в целом; разумное удовлетворение различных жизненных потребностей в формах и способах, одобренных государством и обществом; надлежащее (достойное) поведение граждан в общественных местах, в процессе труда, отдыха, в быту и иных взаимоотношениях граждан между собой; соблюдение обязанностей трудиться и уважение к результатам труда, а также ту группу однородных, тесно примыкающих к ним отношений, обеспечивающих физическую и моральную неприкосновенность личности и защиту её законных прав и интересов; бесперебойную (ритмичную) деятельность организаций, учреждений и предприятий; сохранность и неприкосновенность социалистического имущества»¹⁸⁸, то станет очевидным, что общественный порядок охватывает правопорядок общества в целом. Выделить из общей массы общественных отношений, входящих в общественный порядок или правопорядок, какое-либо одно общественное отношение в качестве основного, главного, наиболее типичного для хулиганства невозможно, а поэтому и нельзя дать ответ на вопрос о том, на что же оно посягает. В этом смысле уголовно-правовые нормы об ответственности за хулиганство не согласуются со всей структурой, техникой и логикой уголовного закона. Установление уголовной ответственности за любой мотив поведения (месть, корысть и т. п.), в том числе и за хулиганские побуждения, следует признать необоснованными. Анализ следственной и судебной практики показывает, что по хулиганским мотивам совершаются самые разнообразные антиобщественные поступки и деяния: от озорства до убийства (п. «и» ст. 105 УК). Объектом этих дея-

ний выступают различные общественные отношения: жизнь, здоровье, честь и достоинство, отношения собственности, нравственность, государственное и общественное управление и др. В законе же содержатся только отдельные уголовно правовые нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на конкретные общественные отношения, совершаемые из хулиганских побуждений.

В интересах правосудия и обеспечения более эффективного предупредительного воздействия уголовно-правовых норм целесообразно было бы выделить из общего состава хулиганства посягательства на конкретные общественные отношения, совершаемые по хулиганским мотивам, в отдельные, самостоятельные уголовно-правовые нормы.

Для более успешной борьбы с этими широко распространёнными посягательствами целесообразно выделить из состава хулиганства в самостоятельные нормы: причинение телесных повреждений, нанесение побоев, оскорбление, повреждение или уничтожение имущества и другие подобные деяния, совершаемые из хулиганских побуждений.

Такие нормы могут быть сформулированы по примеру п. «и» ст. 105 УК РФ и помещены в соответствующих статьях об ответственности за эти деяния в качестве квалифицированных составов, предусматривающих более суровое наказание.

Выделение таких составов преступлений обосновывается тем, что названные деяния посягают в большей мере не на общественный порядок, а на личность, здоровье, честь, достоинство, на отношения собственности, на нормальную деятельность государственных и общественных организаций и аппарата управления, но совершаются они по хулиганским мотивам. Социальная сущность этих преступлений заключается не в нарушении общественного порядка, и общественный порядок они нарушают в той же мере, в какой он нарушается и при некоторых других преступлениях, связанных с посягательствами на личность, на отношения собственности, порядок управления и т. п. (например, разбой, убийство, сопротивление представителю власти, соединенное с насилием, и др.). Их особенность и повышенная общественная опасность состоят только в том, что они совершаются по хулиганским мотивам и требуют поэтому более сурового наказания. Предлагаемая дифференциация уголовно-правовых норм соответствует общей тенденции развития

¹⁸⁷ Данышин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973, С. 68.

¹⁸⁸ Там же. С. 143 – 144.

уголовного законодательства. В частности, дифференцированные уголовно-правовые нормы об ответственности за хищения в УК имеют несомненные и общепризнанные преимущества перед Указами Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан»¹⁸⁹.

Кроме того, практика показывает, что отсутствие в законодательстве таких норм снижает эффективность борьбы с общественно опасными деяниями, совершаемыми по хулиганским мотивам, если эти деяния на практике не принято относить к хулиганству. Таковы, например, незаконное лишение свободы, нарушение неприкосновенности жилища, самовольная остановка поезда, надругательство над могилой.

Вместе с тем следует заметить, что названные деяния, перечисленные в качестве *de lege ferenda*, не охватывают всех видов посягательств, совершаемых по хулиганским мотивам. Есть такие «хулиганские деяния», которые на первый взгляд ни на что конкретно не посягают и кажутся «чисто» хулиганскими. Таковы, например, распевание в общественных местах песен неприличного содержания, совершение надписей непристойного содержания на заборах или на стенах зданий и т. п.

Возникают вопросы: на какие социальные блага посягают такие деяния, что является непосредственным объектом таких преступлений? Выше было отмечено, что общественный порядок ввиду его всеобщности не может быть признан непосредственным и видовым объектом посягательства. Указание на общественный порядок не даёт ответа на поставленные вопросы, ибо это есть определение лишь общего объекта. Утверждать же, что и непосредственным, и видовым объектом подобных деяний является общественный порядок, значит уклоняться от ответа и оставить проблему без разрешения, так как всякое преступление посягает на правопорядок.

Если же исключить из состава хулиганства посягательство на личность, собственность, управление и т. п. и обстоятельно проанализировать сущность оставшихся посягательств, то можно обнаружить, что они направлены на два вида общественных отношений: а) на общественное спокойствие (общественные от-

ношения, обеспечивающие спокойный труд и отдых людей) и б) на общественную нравственность, достоинство граждан¹⁹⁰.

Поскольку эти два вида общественных отношений подлежат самостоятельной уголовно-правовой охране и не имеют между собой тесной связи, то уголовная ответственность за посягательства на них должна быть предусмотрена в различных нормах.

С целью выявления непосредственных объектов конкретных посягательств, совершаемых из хулиганских побуждений, мы выборочно изучили 2300 статистических карточек лиц, осуждённых за хулиганство, и 1500 уголовных дел о хулиганстве.

Прежде всего такое изучение показало, что в каждом хулиганском поступке или деянии нетрудно выявить конкретный объект преступления, на который в данном случае было направлено преступное посягательство. При этом посягательства на здоровье (причинение лёгкого и средней тяжести вреда здоровью, нанесение побоев) из хулиганских побуждений составили 39,7%, нарушение общественной нравственности (грубая нецензурная брань в присутствии женщин детей, обнажение тела, отправление естественных надобностей в общественных местах и т. п.) — 30,2%, нарушение общественного спокойствия (срыв мероприятий, работы, отдыха и т. п.) — 14%, оскорбление граждан — 4%, сопротивление работникам милиции и народным дружинникам — 2,4%, угроза убийством или причинением тяжких телесных повреждений — 2,2%, уничтожение или повреждение имущества — 2%.

Посягательства на другие социальные блага составили каждое в отдельности менее одного процента.

Небезынтересно отметить, что в большинстве приговоров по изученным нами делам основную формулу обвинения суды выразили словами: «беспричинно избил», «избил из хулиганских побуждений», «безмотивно уничтожил имущество», т. е. рассматривают такие деяния как совершаемые по хулиганским мотивам.

¹⁹⁰ Кстати сказать, создатели общественного состава хулиганства как раз и считали, что это деяние нарушает чувство стыдливости, чувство необходимого покоя (См.: *Исаев М.* Судебная практика по делам о хулиганстве // Советская юстиция. 1941. №12. С.6).

¹⁸⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. №19.

С другой стороны, чрезмерно общие нормы статьи 213 УК РФ не позволяют суду дифференцировать наказание за различные по степени общественной опасности деяния, совершаемые из хулиганских побуждений. Но очевидно, что такие деяния, как нецензурная брань, причинение телесных повреждений, уничтожение имущества, угроза убийством далеко не равнозначны по степени общественной опасности. Сама по себе нецензурная брань в общественном месте является лишь проявлением низкой культуры и вряд ли целесообразно и необходимо за такое деяние наказывать гражданина лишением свободы.

В некоторых случаях деяние, не являющееся хулиганством и не подпадающее под признаки ст. 213 УК РФ, может быть совершено по различным мотивам, в том числе и по хулиганским. Однако закон это не всегда учитывает, и подобное деяние не получает надлежащей юридической оценки, а виновный — наказания. Таков, например, угон автотранспортных средств.

Статья 166 УК РФ в общем виде предусматривает уголовную ответственность за угон автотранспортных или иных самоходных машин и не различает этих деяний по их тяжести в зависимости от мотивов и целей их совершения. Но очевидно, что угон автотранспортного средства с целью выполнения какой-либо общественно-полезной задачи или для другой полезной цели (когда нет условий крайней необходимости) значительно менее общественно опасен, чем угон из хулиганских побуждений.

Вызывает сомнение обоснованность квалификации причинения тяжкого вреда здоровью из хулиганских побуждений по совокупности ст. 111 и 213 УК РФ, так как в данном случае квалификации и изменению подвергается деяние и его мотив. Такое положение противоречит основаниям уголовной ответственности по российскому уголовному законодательству (ст. 8 УК РФ). Мотив деяния является его неотъемлемой внутренней составной частью, а потому он не должен вменяться в вину как самостоятельное деяние. В соответствии с общими основаниями уголовной ответственности вмененным в данном случае может быть только тяжкий вред здоровью, причиненный из хулиганских побуждений.

Изложенное даёт, на наш взгляд, достаточно оснований для замены в УК РФ общей статьи об ответственности за все преступления, совершаемые по хулиганским мотивам, специальными нормами об ответственности за посягательства на кон-

кретные общественные отношения, совершаемые из хулиганских побуждений.

Создание дифференцированных составов преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, предусматривающих ответственность за посягательства на конкретные непосредственные объекты (собственность, честь, достоинство, здоровье, общественное спокойствие и др.) позволило бы в значительной мере: а) выработать более определенные формальные признаки таких составов преступлений (например, причинение тяжкого, среднего и легкого вреда здоровью, причинение уничтожением или повреждением имущества мелкого, среднего или крупного ущерба и т. п.); б) более определенно выразить общественную опасность таких посягательств; в) дифференцировать наказание за их совершение.

Четкое определение в уголовном законе деяний, совершаемых по хулиганским мотивам, способствовало бы более успешной борьбе с такими преступлениями, значительно облегчило бы их квалификацию, позволило бы иметь более ясное представление о криминологической характеристике этой части преступности и повысить эффективность профилактических мер по ее искоренению.

Требует конкретизации и объект неосторожного причинения смерти (ст. 109 УК РФ). Заметим, что название «неосторожное убийство», употребляемое УК 1962 г., не выражало сущности этого деяния и не соответствовало ему. Как невозможно неосторожно утопить, украсть, угнать, так невозможно, очевидно, и неосторожно убить.

Дело, однако, не в названии. Более важно определить социальную сущность данного преступления и те конкретные общественные отношения, на которые оно направлено, а далее определить его место в общей системе Особенной части уголовного законодательства.

Анализ казуистики неосторожного лишения жизни показывает, что оно, как правило, является результатом несоблюдения правил предосторожности, нарушения в большей части правил обращения с источниками повышенной опасности (оружием, ядами, электроприборами и т. п.)¹⁹¹.

¹⁹¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Филиппова, который неосторожно обращаясь с пистолетом,

Реже встречается причинение смерти в результате неосторожного обращения с бытовыми орудиями труда (топором, ножом) либо несоблюдения правил предосторожности при выполнении различного рода работ. Вместе с тем нередко неосторожное лишение жизни причиняется и умышленными действиями, например нанесением побоев, причинением легкого или менее тяжкого вреда здоровью, повлекшими смерть потерпевшего. Характерным в этом отношении является дело Руссова, который в ссоре дважды ударил ладонью по лицу Сиренко. От полученных ударов Сиренко упал и тут же скончался. Удары Сиренко Руссов нанёс не с большой силой. На лице Сиренко не было ни кровоподтёков, ни ссадин; не было обнаружено у него никаких повреждений черепа. Пленум Верховного Суда СССР обоснованно признал, что Руссов виновен в неосторожном лишении жизни¹⁹².

Таким образом, неосторожное лишение жизни другого человека может быть результатом: а) несоблюдения правил обращения с источниками повышенной опасности и б) иных посягательств на здоровье и телесную неприкосновенность лица.

Нетрудно увидеть, что эти два вида неосторожного лишения жизни человека имеют различную социальную характеристику и различные объекты. В первом случае сущность деяния заключается в угрозе общественной безопасности и в этом качестве оно ничем не отличается от иных случаев нарушения правил

смертельно ранил Чесоните (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1964. № 3. С. 42); Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Гринько, которая работала медсестрой и по ошибке ввела больной ядовитое вещество, повлекшее смерть потерпевшей (Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1963. № 4. С. 6); Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР по делу Гаврилова (Радянське право. 1971. № 8. С. 108).

¹⁹² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 июня 1970 г. по делу Руссова. (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 4. С. 19 – 20). См. также: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Манукова, который на новогоднем вечере умышленно нанёс удар кулаком в лицо Бисерикову, от которого последний упал навзничь, ударился головой о пол и от полученных при падении телесных повреждений скончался (Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 4. С. 6).

обращения с источниками повышенной опасности, повлекших причинение смерти (ст. 222, 224, 263, 264 УК РФ).

Обе разновидности таких преступлений характеризуются тем, что в том и другом случаях смерть причиняется при нарушении правил использования источников повышенной опасности и потерпевшим является случайное лицо. Эти преступления создают угрозу неопределённому кругу лиц, а не конкретным лицам и путем нарушения правил безопасности, а потому объектом этих преступлений является не личность, не жизнь, а общественная безопасность. Следовательно, те преступления, при совершении которых неосторожно причиняется смерть или телесные повреждения в результате нарушения правил обращения с источниками повышенной опасности, посягают главным образом на общественную безопасность, а потому их следует отнести в соответствующую главу Особенной части уголовного законодательства.

Если же смерть причиняется в результате посягательства на конкретную личность (нанесение тяжкого, менее тяжкого или легкого вреда здоровью, а также побоев или ударов, повлекших смерть потерпевшего), то это преступление посягает на жизнь конкретного лица, а потому объектом его выступает жизнь, а не общественная безопасность. В таком случае деяние никому иному не угрожает, а потому общественная безопасность не является объектом данного посягательства. Эти преступления посягают на жизнь или здоровье, а потому должны быть отнесены к главе о преступлениях против личности.

Возражения против этого, высказанные М.К.Анианцем и другими авторами, необоснованны¹⁹³. Ссылка при этом на то, что неосторожное причинение смерти лишает человека самого ценного блага и потому требует считать данное преступление опасным, бьет мимо цели. Действительно, в специальной литературе отмечается, что общественная опасность неосторожных преступлений приближается к общественной опасности соответствующих умышленных преступлений и что их удельный вес вообще (около 15%) и в частности возрастает¹⁹⁴. Однако дейст-

---

¹⁹³ Анианц М.К. Указ. соч. С. 15

¹⁹⁴ Дагель П.С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 21 – 29; Кузнецова Н.Ф. Мотивизация преступлений и тенденция её изменения // Вопросы советской криминологии. М., 1975. Ч.2. С.

вующее уголовное законодательство значительно более строго наказывает лишение жизни при нарушении правил обращения с источниками повышенной опасности, чем «неосторожное убийство». Достаточно сравнить максимальные размеры санкций: ст. 109 УК РФ — 3 года лишения свободы и ч. 3 ст. 264 УК РФ — 10 лет лишения свободы. Как раз отнесение неосторожного лишения жизни во всех случаях к преступлениям против личности ослабляет борьбу с этими тяжкими преступлениями. Поэтому для обеспечения общественной безопасности требуется выделить в самостоятельный состав преступления нарушение правил обращения с источниками повышенной опасности, причинившее смерть потерпевшего. Причинение смерти нескольким лицам может быть квалифицирующим признаком такого преступления. Отдельно требуется установить повышенную уголовную ответственность за нарушение правил обращения с источниками повышенной опасности, повлекшее за собой причинение тяжкого или менее тяжкого вреда здоровью.

К этой же группе должно быть отнесено и преступление, предусмотренное ст. 168 УК РФ, так как по тем же причинам его основным объектом выступают не отношения собственности, а общественная безопасность.

Такой же прием может быть использован и для выявления видового и непосредственного объектов при совершении посягательств на права участников общественных отношений и на иные социальные блага.

Поскольку в субъективных правах (право на труд, авторские права, избирательные права и т. п.) закреплены социальные возможности конкретных лиц, то реализация этих возможностей и является непосредственным объектом при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст.141–149 УК РФ.

Научно обоснованная классификация объектов преступления не только способствует изучению объекта преступления, но и позволяет более полно выразить его роль и значение. Классификация позволяет легко определить место конкретного объекта в общей системе общественных отношений, а, следовательно, уяснить его важность, ценность и общественную опасность посягательства на него. В значительной мере классификация объектов преступления облегчает практику квалификации преступлений.

В уголовном праве принята трехчленная классификация объектов преступления (общий, родовой, непосредственный). Предложенная В.Д.Меньшагиным в 1938 г.¹⁹⁵, трехчленная классификация объектов преступления до недавнего времени была общепризнанной. Она приводится во всех учебниках по уголовному праву, изданных после 1948 г. Хотя во многих случаях родовой и непосредственный объекты определяются различным образом, а иногда называют только два вида объектов: общий и родовой, полагая, что непосредственный объект в отдельных случаях сливается с родовым, эта классификация возражений не вызывала и признавалась правильной.

Впервые трехчленная классификация объектов была подвергнута критике Б.С.Никифоровым. Обоснованно указав на путаницу, допускаемую некоторыми авторами при определении родового и непосредственного объектов, Б.С.Никифоров пришел к выводу, что трехчленная классификация объектов не является классификацией в полном смысле этого слова, но является универсальной и по существу эта «система фактически представлена главным образом исключениями из правила»¹⁹⁶, так как применительно ко многим составам преступлений указывается только два объекта — общий и родовой или специальный, либо общий и непосредственный. Е.А.Фролов также полагал, что трехчленная классификация не может быть признана универ-

16 – 18; Кошис В.Е. Теоретические основы профилактики неосторожных преступлений. М., 1977. С.18 – 20.

¹⁹⁵ Советское уголовное право / Под ред. В.Д.Меньшагина. М., 1938. С. 46.

¹⁹⁶ Никифоров Б.С. Объект преступления. С. 108 – 112.

сальной, ибо в ряде случаев можно выделить только два объекта посягательства, а в других случаях — четыре¹⁹⁷.

Критика существующей классификации объектов вполне обоснованна, так как во многих случаях не все виды объектов были достаточно определены и наполнены конкретным содержанием. Такое положение на практике приводило к тому, что определение непосредственного объекта и установление его в конкретном деянии вызывало значительные затруднения и путаницу. Подобные затруднения возникали, например, при определении непосредственного объекта ряда государственных преступлений, преступления против порядка управления, хозяйственных преступлений и ряда других.

Однако из этого факта вовсе не вытекает несостоятельность данной классификации объектов. В основе этой классификации лежит отношение философских категорий общего — особенного — отдельного. Это отношение отражает объективно существующие связи между реальными общественными отношениями.

Вся совокупность существующих в обществе отношений может быть представлена в виде определенной системы (общее). Различные сферы общественной жизни выступают в этой системе ее сторонами, уровнями, образуя ее структуру. Каждая такая самостоятельная сфера представляет собой определенный социальный институт (особенное), самостоятельный вид общественных отношений представляет собой отдельное.

Если совокупность общественных отношений рассматривать как систему определенных взаимосвязей, то нетрудно увидеть, что вред этой системе может быть причинен на различных ее уровнях. Социальный вред может быть причинен на уровне всей системы (общественное спокойствие, общественная безопасность, правопорядок), либо на уровне ее отдельных установлений (обороноспособность, государственное и общественной управление), либо на уровне отдельного общественного отношения (жизнь, здоровье, половая свобода, неприкосновенность жилища, тайна переписки и т. п.). Общее, особенное и отдельное — объективные связи самих общественных отношений. Очевидно, что эти связи и должна отражать классификация. При этом следует иметь в виду, что в каждом случае совершения преступления в этой системе можно выделить общественные

отношения, изменяемые преступлениями, так как разнообразные общественные отношения, являющиеся объектом регулирования и охраны, в реальной действительности выступают во взаимосвязи общего, особенного и отдельного. Экономические, политические, национальные, хозяйственные, имущественные, трудовые, земельные, брачно—семейные и иные социальные отношения имеют бытие через единичные, конкретные отношения между «...носителями этих отношений»¹⁹⁸. Эти-то конкретные отношения и являются непосредственным объектом преступления.

Трудно согласиться с тем, что совокупность явлений не имеет деления на отдельные (единичные) эти явления, что среди общественных отношений невозможно выделить отдельные общественные отношения. Выделенное из всей совокупности отдельное общественное отношение и должно быть признано объектом конкретного вида посягательства.

Нетрудно заметить, что в реальной действительности общественные отношения определенным образом группируются по различным сферам общественной жизни (например, отношения собственности). Такая группировка общественных отношений образует родовый объект посягательства, который соответствует философской категории особенного. И, наконец, вся совокупность общественных отношений, поставленных под охрану уголовного закона, образует общий объект посягательства. При этом общий объект — это не вся система общественных отношений, регулируемых правом (правопорядок). Общий объект — это только совокупность тех общественных отношений, которые поставлены под охрану уголовного закона, т. е. это система объектов уголовно-правовой среды. В эту систему входят общественные отношения различных уровней. Общий объект преступления охватывает отношения между государствами (мирное существование), общие отношения данного общественного и государственного строя (государственный и общественный строй, система хозяйства) и отдельные общественные отношения (честь, достоинство, жизнь, личная безопасность и т. п.). Каждый из этих уровней определяется степенью общественных интересов, выражающихся в соответствующих общественных отношениях.

¹⁹⁷ Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 199.

¹⁹⁸ Аюева Е.А. Взаимодействие единичного, общего и особенного в правовых явлениях // Советское государство и право 1969. №3. С. 12.

Понятие общего объекта преступления отражает то важное обстоятельство, что преступление направлено только на изменение общественных отношений. Общественная опасность преступного деяния только в том и состоит, что оно изменяет установленные в обществе отношения между людьми. Именно в таком виде понимается общий объект преступления в ст. 2 УК РФ.

Таким образом, вся совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом, их отдельные группы и конкретные, отдельные общественные отношения и их единичное проявление в полной мере соответствует взаимоотношению философских категорий общего, особенного и отдельного. Каждое конкретное отношение между физическими и юридическими лицами по сравнению со всей системой существующих социальных отношений — это отдельное, в котором содержатся моменты общего — признаки, свойства, черты и стороны, присущие многим аналогичным отношениям, обусловленные, в частности, единой экономической основой, и одновременно моменты особенного и неповторимого.

Высказанные здесь соображения не позволяют признать обоснованным рассмотрение взаимоотношения общего, родового и непосредственного объекта с позиции взаимосвязи философских категорий сущности и явления¹⁹⁹. Поскольку сущность и явление находятся в такой взаимосвязи, при которой сущность является, а явление существует и в явлении всегда обнаруживается его сущность, то становится очевидной несостоятельность этой концепции. В самом деле, если непосредственным объектом выступает материальный объект (вещь, предмет), на который воздействует преступник, и то общественное отношение, которое за ним стоит и которое еще нужно вскрыть, то здесь сущность оказывается оторванной от явления и находящейся где-то вне его, чего в действительности быть не может²⁰⁰.

Предмет преступления является только стороной, определенной совокупностью свойств объекта посягательства — общественного отношения — и в некоторых случаях может выступать лишь в виде формы, в которой проявляется объект преступления. Но предмет никогда и ни при каких условиях не может быть сущностью объекта посягательства. Сущностью объекта,

его содержанием всегда выступает конкретное социальное отношение между отдельными лицами.

Существующая классификация объектов преступления вполне обоснованна, и отказываться от нее нет оснований. Кстати, и те авторы, которые признают ее несовершенной, не отвергают ее. Деление объектов на общий, родовый и непосредственный в учебной и монографической литературе остается общепринятым.

Встречающиеся предложения об отказе от того или иного вида трехчленной классификации объектов нельзя признать состоятельными. Например, М.И.Федоров, возражая против традиционной триады объектов (общий, родовый, непосредственный), считает, что общего объекта преступления не существует, что общий объект преступления — это только понятие, а не реальная действительность, не реальные явления общественной жизни. Поэтому, по мнению М.И.Федорова, так называемый общий объект ни для науки, ни для практики ничего не дает и от него следует отказаться²⁰¹.

Нельзя согласиться с тем, что совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом, — это не реальная действительность, а только понятие. Кроме того, следует помнить, что общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть так или иначе общее. Как общее невозможно без отдельного, так и отдельное немислимо без общего.

Общий объект преступления объединяет систему отдельных общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Следовательно, выделение общего объекта имеет познавательное и практическое значение. Он показывает общественную опасность и направленность преступного посягательства на общественные отношения. Отказ от общего объекта преступления приведет к затуманиванию и недооценке общественной опасности преступления и может нанести вред науке уголовного права и практике применения уголовного законодательства. Д.Н.Розенберг справедливо полагал, что «нельзя искать специальный объект, свойственный отдельной группе преступлений, не опираясь при этом на правильное понимание общего объек-

¹⁹⁹ Пионтковский А.А. Указ.соч. С.142.

²⁰⁰ Критику этих взглядов А.А.Пионтковского см.: Брайнин Я.М. Указ. соч. С.167-168; Фролов Е.А. Указ. соч. С. 204-205.

²⁰¹ Федоров М.И. Указ.соч. С.190 – 191.

та»²⁰². В этом заключается теоретическое и практическое значение выделения общего объекта преступления.

Соответствующая классификация объектов преступления принята и в уголовном праве зарубежных государств²⁰³. Например, Ф.Полячек различает общий (генеральный, по терминологии автора) объект преступления, особенный и отдельный (индивидуальный) и считает, что это различие исходит из соотношения отдельного, особенного и общего²⁰⁴.

Встречающиеся в литературе разногласия в определении непосредственного объекта преступления не могут быть основанием для того, чтобы отвергнуть правильную по существу классификацию объектов. Эта классификация научно обоснована. Она соответствует законам логики и взаимосвязи философских категорий общего – особенного – единичного.

Правильная в своей основе существующая классификация объектов преступления нуждается лишь в дополнении и уточнении. Требуется, в частности, уточнить наименование и определение непосредственного объекта. Объект посягательства, который в данной классификации именуется непосредственным, в действительности является не непосредственным, а видовым. Непосредственным объектом преступления следует считать объект конкретного посягательства (жизнь Данилова, здоровье Захарова, собственность конкретной фирмы и т. д.). Как и посягательство на жизнь, собственность и т. п., является не конкретным, а видовым посягательством, так и объект этого вида посягательства (жизнь, собственность и т. д.) является видовым, а не непосредственным. Если мы говорим, что объектом убийства является жизнь человека, то мы ведь имеем в виду не конкретное убийство и не жизнь отдельного конкретного человека. Здесь употребляется видовое понятие жизни. В таком употреблении жизнь означает не отдельное общественное отношение по обеспечению жизни, а все аналогичные общественные отношения как отдельный их вид. Но нетрудно увидеть, что ни одно убийство не направлено непосредственно на лишение жизни как вида общественных отношений, т. е. на лишение жизни всего

общества. Убийство непосредственно направляется на лишение жизни одного человека (в редких случаях — нескольких лиц), жизнь которого и выступает непосредственным объектом посягательства. На тот объект, который в существующей квалификации именуется непосредственным, преступление непосредственно не посягает. Этот объект является видовым. На этот вид объекта посягают вообще все преступления одного, данного вида.

Видовым объектом является, таким образом, тот объект, на который посягает преступление отдельного вида (убийство, хищение, оскорбление, дезертирство, взяточничество и т. п.). Непосредственный объект — это уже нарушенное общественное отношение, т. е. объект, который уже изменен отдельным конкретным преступлением или который поставлен в условия реальной опасности. В отличие от общего, родового и видового объектов, которым вред непосредственно преступлением не причиняется, ущерб от преступления всегда терпит непосредственный объект. На уровне видового, родового и общего объектов социальный вред причиняется только через посредство повреждения или угрозы повреждения непосредственного объекта. Видовой, родовой и общий объекты страдают только в той части, в которой вред причиняется непосредственному объекту. При этом в конкретном своем проявлении отдельные общественные отношения как непосредственный объект повреждаются преступлением или даже аннулируются вовсе. Видовой объект может быть поврежденным лишь в единичных своих проявлениях, но не может быть аннулирован, так как невозможно вообще уничтожить преступным путем отношения данного вида, например отношения собственности, жизнь, здоровье людей и другие общественные отношения как таковые.

Следовательно, классификация объектов преступления по вертикали имеет четыре ступени:

- 1) общий объект (совокупность общественных отношений, охраняемых уголовным законом);
- 2) родовой объект (отдельная группа однородных общественных отношений, составляющих определенную область общественной жизни — собственность, личность и т. п.);
- 3) видовой объект (общественные отношения одного вида — жизнь, личная собственность);

²⁰² Розенберг Д.Н. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства) // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 3. Харьков, 1948., С. 62.

²⁰³ Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik, S. 312 – 318.

²⁰⁴ Полячек Ф. Указ. соч. С.75.

4) непосредственный объект (конкретное проявление общественных отношений данного вида — жизнь Иванова, личная ответственность Егорова и т.п.).

В предлагаемой нами классификации общий объект преступления соответствует философской категории общего, родового объект — особенного, видовой объект — отдельного. Непосредственный объект представляет собой лишь частный случай проявления, бытия отдельного вида общественных отношений.

Не менее важно определить сущность и значение каждой группы объектов преступления.

Встречающиеся недоразумения в определении непосредственного и родового объектов вызываются, очевидно, недостатками в определении общего, родового, видового и непосредственного объектов и невыдержанностью построения системы уголовного законодательства по признаку родового объекта.

Недостатки в определении объекта преступления в наибольшей мере относятся к определению видового и непосредственного объектов. Как было показано выше, непосредственным объектом преступления во многих случаях признаются не общественные отношения, а вещи, предметы, имущество. Это в значительной мере затрудняет установление объекта посягательства в конкретном деянии. Очевидно, что подобные вещи и явления выпадают из принятой классификации объектов, в которой классификации подвергаются общественные отношения²⁰⁵.

Отказ некоторых авторов от общепринятого взгляда на непосредственный объект преступления как общественные отношения вызывается попыткой разрешить логическое противоречие в классификации объектов преступления. Такое противоречие заключается в том, что некоторые преступления якобы «не имеют» непосредственного объекта, а «имеют» только общий и родовый. Таковыми считают, например, государственную измену (ст. 275 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ) и некоторые другие преступления при совершении которых родовый и непосредственный объекты якобы совпадают.

²⁰⁵ М.А.Гельфер, исходя из общего методологического требования материалистической диалектики, обоснованно считает, что «если общим объектом преступления являются общественные отношения, то и непосредственным объектом должны выступать общественные отношения». (Гельфер М.А. Объект преступления // Советское уголовное право. Часть Общая. Вып. 5. М., 1972. С.112).

Представляется, что разрешение данного противоречия следует искать не в отказе от признания объектом преступления общественных отношений, а в приведении структуры уголовного закона в соответствие с научно обоснованной классификацией объектов, в построении его разделов и глав по признаку родовых объектов преступлений, помещенных в конкретную главу, конкретный раздел.

В основе системы уголовного законодательства должна лежать научно обоснованная классификация объектов. Система уголовного закона должна строиться таким образом, чтобы определенные преступления были отнесены к отдельным его главам, разделам строго по родовому объекту посягательства.

При построении системы Особенной части уголовного законодательства по признакам родового объекта статьи УК об ответственности за фальшивомонетничество и нарушение правил о валютных операциях следует отнести к главе о преступлениях против хозяйства, а статьи о нарушении правил движения и эксплуатации транспорта — к главе о преступлениях против общественной безопасности и т. д.

В литературе уже отмечалось, что нет оснований нарушения правил безопасности движения на транспорте относить к посягательствам на основы общественной безопасности, равно как и относить к государственным неосторожные преступления, например нарушения правил международных полетов, разглашение государственной тайны, утрату документов и т. п. преступления²⁰⁶.

В равной мере целесообразно и теоретически обоснованно статьи об ответственности за попустительство преступной деятельности и за недонесение о преступлении поместить в главе «Преступления против правосудия», так как родовым объектом посягательства при заранее необещанном укрывательстве и доношительстве является деятельность органов правосудия²⁰⁷.

С системой Особенной части уголовного законодательства произошла очевидно та же история, что и с системой отраслей советского права. «Создалось положение, — резонно замечает Л.С.Явич, — при котором сперва были намечены отрасли советского права, а затем начали думать (и думает вот уже почти два-

²⁰⁶ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность С. 137.

²⁰⁷ Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и доношительство. М., 1965. С. 46 – 47.

дцать лет), что же лежит в основе той классификации, которую сами наметили?»²⁰⁸

Таким образом, систему Особенной части уголовного законодательства необходимо привести в соответствие с классификацией объектов преступления, построив её главы строго по признаку родового объекта.

При построении системы Особенной части уголовного законодательства необходимо учитывать также потребности криминологической и пенитенциарной практики. С этой целью некоторые преступления можно объединить в отдельные группы не только по признакам объекта, но и по характеру антисоциальных побуждений их совершения и общих криминологических свойств личности субъектов²⁰⁹.

Приведение системы Особенной части уголовного законодательства в соответствие с системой классификации объектов преступления должно заключаться не только в том, чтобы в каждой главе были помещены преступления, посягающие на один и тот же родовой объект, но и в том, чтобы непосредственный объект каждого из преступлений, отнесённых к этой главе, лежал в плоскости этого родового (и видового) объекта.

Кроме изложенной выше, в науке уголовного права применяется и другого рода классификация объектов преступления (классификация по горизонтали). Суть этого вида классификации объектов заключается в различении основного, дополнительного и факультативного объектов²¹⁰. Необходимость в такого рода классификации объясняется тем, что всякое преступление причиняет вред не только в сфере одного отдельного объекта, а одновременно в сфере нескольких смежных общественных отношений. Эта особенность преступного деяния вызвала необходимость различать основные и второстепенные (дополнительные) объекты посягательства.

---

²⁰⁸ Явич Л. С. Советское право — регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957. С. 57

²⁰⁹ Кудрявцев В., Стручков Н. Борьба с умышленными нарушениями должностных, профессиональных и гражданских обязанностей // Советская юстиция. 1972. № 1. С. 9 – 10.

²¹⁰ А.С.Михлин различает непосредственные объекты двух видов: главный (основной) и второстепенный (дополнительный) (см.: Михлин А.С. Преступные последствия. М. 1969. С.14).

Деление объектов на основные и дополнительные он предложил еще в 1948 г. Правда, следует отметить, что Д.Н.Розенберг ошибочно считал посягательства на отношения собственности посягательствами на единственный непосредственный объект. Исключение Д.Н.Розенберг делал только для разбоя²¹¹. Однако нетрудно обнаружить, что на два и более объектов посягают не только разбой, но и насильственный грабеж, вымогательство (собственность, личность), уничтожение или повреждение имущества (собственности, общественного порядка, общественной безопасности, нарушение и другие преступления.

Поскольку, таким образом, преступление причиняет вред или создает угрозу причинения вреда не одному, а нескольким объектам, то при классификации деяния необходимо выделить то общественное отношение, которое в данном случае является основным. Другие непосредственные объекты, в сфере которых данное преступление причиняет вред, будут дополнительными или факультативными.

В определении основного непосредственного объекта преступления имеются существенные различия. По мнению В.А.Фролова, основным непосредственным объектом посягательства является такое общественное отношение, тот интерес, которые законодатель, создавая норму, стремился поставить под охрану уголовного закона в данном случае²¹².

Представляется, что такое определение основного непосредственного объекта неточно, так как оно не содержит в себе его основного признака. Главным в этом определении является указание на стремление законодателя поставить данное благо под охрану уголовного закона. Это положение по меньшей мере, спорно, так как и дополнительный объект заслуживает (в виду своей важности) уголовно-правовой охраны. Например, здоровье человека в равной мере охраняется уголовным законом и требует такой охраны наряду с отношением собственности (при грабеже и разбое), с половой свободой (при изнасиловании) и т.д. Очевидно, сущность основного непосредственного объекта заключается не в этом.

---

²¹¹ Розенберг Д.Н. Указ. соч. С.74.

²¹² Фролов Е.А. Понятие непосредственного (основного), дополнительных и факультативных объектов уголовно-правовой охраны и их значение для классификации посягательств на социалистическую собственность // Учебные записки Свердловского юридического ин-та. Свердловск, 1968. С. 94 – 97.

Наиболее важно в определении основного непосредственного объекта указать на то, что в посягательстве на основной объект заключается основная сущность данного преступления. Так, например, хотя хулиганство во многих случаях причиняет вред здоровью и отношениям собственности, однако сущность этого преступления заключается в нарушении общественного спокойствия. То же можно сказать и о разбое, сущность которого заключается в посягательстве на собственность, и о других подобных преступлениях.

Поэтому мы полагаем, что **основным непосредственным объектом преступления** является то общественное отношение, повреждение которого составляет социальную сущность данного преступления и в целях охраны которого издана уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за его совершение.

Следовало бы также выделить в определении, что основным объектом является наиболее ценное с точки зрения общественных интересов социальное благо из всех повреждаемых данным преступлением. Однако для действующего уголовного законодательства это не характерно. Основной объект должен быть определяющим для квалификации деяния и для выбора места конкретной уголовной нормы в системе законодательства. При таком подходе к построению системы уголовного законодательства нормы об ответственности за разбой и вымогательство следовало бы отнести к главе о преступлениях против личности, а нормы об ответственности за уничтожение имущества, совершенное общественно опасным, — в главу о преступлениях против общественной безопасности и т. д.

Дополнительным непосредственным объектом преступления является то общественное отношение, посягательство на которое не составляет сущности данного преступления, но которое этим преступлением нарушается или ставится в опасность нарушения наряду с основным объектом. Таковы, например, здоровье при разбое, жизнь или здоровье при террористическом акте, отношения собственности при диверсии и т. п. Характерная особенность дополнительного объекта в том, что он во многих случаях является самостоятельным объектом и всегда требует уголовно-правовой охраны.

Факультативным непосредственным объектом преступления признается то общественное отношение, которое в одних случаях данное преступление изменяет, а в других этого не про-

исходит. Например, при совершении хулиганства в одних случаях причиняется вред и здоровью личности, отношениям собственности, а в других случаях хулиганство не причиняет такого вреда. То же можно сказать о жизни или здоровье при умышленном уничтожении или повреждении имущества и других преступлениях.

Классификация непосредственных объектов преступления имеет не только немаловажное познавательное, но и практическое значение для квалификации деяния. Значение это заключается в том, что квалификация деяния производится только по основному непосредственному объекту. Поэтому важно из всех объектов, которые этим преступлением нарушаются, выделить основной объект.

Выделение основного и дополнительных непосредственных объектов в совершенном деянии — это одна из важных практических задач квалификации преступлений. Если не проводить такого различия между несколькими непосредственными объектами, то в некоторых случаях невозможно добиться правильной квалификации деяния. Именно этим в известной мере объясняются ошибки, встречающиеся на практике при разграничении и квалификации, например, хулиганства и преступлений против личности.

В связи с этим следует признать необоснованным отказ некоторых авторов от выделения из числа непосредственных объектов основных и дополнительных²¹³. Нельзя согласиться с мнением, по мнению Н.Ф.Кузнецовой, — что в хулиганстве два объекта — правила социалистического общежития и здоровье личности. Тем не менее Н.Ф.Кузнецова вынуждена признать, что хулиганство наряду с общественным порядком причиняет вред личности и отношениям собственности. А раз так, то это обстоятельство и вынуждает выделить основное благо, на которое посягает преступление и которое обосновывает квалификацию деяния. Без этого невозможно объяснить, почему, например, хулиганство, соединенное с причинением легкого вреда здоровью либо с повреждением или уничтожением имущества на не-

²¹³ Кузнецова И.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С.123; Курс советского уголовного права. Т.1. / Под ред. Н.А. Беляева, М. Д. Шаргородского. С.299-300; Солодкин И.И., Филановский И.Г. Основные вопросы борьбы с хулиганством. // Сов. государство и право. 1956. № 3. С.106.

значительную сумму, не требует дополнительной квалификации по статьям о преступлениях против личности и против собственности.

Те криминалисты, которые не проводят различия между основным и дополнительными непосредственными объектами посягательства, испытывают затруднения с определением непосредственного объекта отдельных преступлений. Так, например, в «Курсе советского уголовного права» под редакцией А.А. Пионтковского указывается, что непосредственным объектом посягательства при диверсии являются также личность человека и его здоровье наряду с экономической основой государства²¹⁴. Но так как авторы не различают основного объекта диверсии (экономическая основа) и факультативного (жизнь, здоровье, собственность), то не ясно, почему это деяние не квалифицируется как посягательство на личность прямо или по совокупности.

Выделение факультативного объекта необходимо потому, что он не является обязательным признаком конкретного состава преступления и не всегда указан в его квалифицирующих обстоятельствах. Однако очевидно, что причинение вреда наряду с основным объектом еще и факультативному значительно повышает общественную опасность деяния. Это обстоятельство должно учитываться судом при назначении вида и размера наказания.

Поскольку факультативный объект посягательства не является обязательным признаком состава преступления и не всегда влияет на квалификацию деяния, хотя в значительной мере повышает общественную опасность посягательства, факультативный объект преступления следовало бы всегда выделять в качестве одного из квалифицирующих признаков состава преступления.

Ю.А.Демидов предлагает еще и третий вид классификации объектов посягательства как социальных ценностей — деление ценностей на общие (жизнь) и частные, на социальные и материальные, на абсолютные (правопорядок) и относительные²¹⁵.

Представляется, что предложенная Ю.А. Демидовым классификация не является достаточно обоснованной хотя бы пото-

му, что объектом преступления может быть признано только такое благо, такая ценность, которые носят социальный характер. Деление объектов преступления на социальные и не социальные (материальные), как это делает Ю.А.Демидов, по нашему мнению, необосновано.

Рассмотренные два вида классификации объектов преступления не исчерпывают всех возможных видов их классификации. Дальнейшее изучение этой важной проблемы может обнаружить необходимость и обусловленность различных иных видов классификации объектов. Заслуживают внимание, например, выделения одним словом подгрупповых объектов²¹⁶. Может быть предложена классификация объектов по степени их важности, социальной ценности и т. п.

Целесообразно, например, на наш взгляд, по объекту посягательства и особенностям субъективной стороны все преступления делить на: а) посягательства и б) нарушения. Посягательствами следует именовать все умышленные деяния, а нарушениями — неосторожные.

Нарушения в свою очередь распадаются на два вида: а) нарушения правил и б) невыполнение обязанностей. Такая общая классификация преступлений наиболее точно определяет их социальную сущность, направленность, особенности их совершения и общественную опасность, а также позволит избежать известной путаницы при употреблении таких понятий, как преступление и посягательство.

Важно также построить иерархию объектов уголовно-правовой охраны, вершину которой должна составлять жизнь человека, во-первых, потому, что это наиболее ценное социальное благо, и, во-вторых, потому, что в условиях демократического общества, в конечном счете, всё существует для человека, для обеспечения условий его жизни, развития и совершенствования.

Различные виды объектов в нормотворческой и правоприменительной деятельности имеют различное практическое значение.

²¹⁴ Курс советского уголовного права. Т.4. / Под ред. А.А. Пионтковского. С.131.

²¹⁵ Демидов Ю.А. Указ. соч. С.91.

²¹⁶ Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С. 209.

Для нормотворчества имеют значение только общий, родовой и видовой объекты: а) общий — для примерного перечня основных объектов понятия преступления, б) родовой — для примерного перечня основных объектов посягательства и построения системы Особенной части уголовного законодательства, в) видовой — для конструирования статей и отдельных норм.

Непосредственный объект преступления в нормотворческой деятельности не применяется, и там он практического значения не имеет. В правоприменительной деятельности, напротив, основное значение приобретает непосредственный объект, так как работникам органов правосудия приходится иметь дело с конкретным нарушением социальных возможностей или состояний конкретных субъектов. Практика борьбы с преступностью (а это главным образом деятельность по поводу конкретных хищений, убийств конкретных лиц, а не хищений, убийств вообще) показывает, что правоохранительные органы всегда имеют в виду конкретные объекты. Поэтому на практике большей частью речь идёт о непосредственном объекте (кража имущества Громова; причинение вреда здоровью Сотова и т. п.), т. е. о том конкретном общественном отношении, которое уже нарушено (изменено) преступлением.

По этим признакам можно различать объект уголовно-правовой охраны и непосредственный объект преступления. Объект уголовно-правовой охраны — это общественное отношение, которое поставлено под охрану уголовного закона, но которое преступному изменению ещё не подвергалось, а непосредственный объект преступления — это то общественное отношение, которое уже подверглось преступному изменению в конкретном случае посягательства на объект уголовно-правовой охраны. Во всяком ином смысле выражения «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» могут употребляться как синонимы.

§ 5 Причинение вреда объекту преступления

5.1. Преступные изменения в объекте преступления

Преступный, социально опасный вред причиняется определённым поведением человека. Внутренним источником, побудительной силой преступного деяния являются потребности личности (как здоровые, нормальные, так и извращённые, ненормальные), удовлетворяемые общественно опасными, антиобщественными способами и средствами.

Признание потребностей псевдопричиной преступного поведения имеет двойное уголовно-правовое значение. Во-первых, потребности определяют преступный интерес, противостоящий общественным интересам, а во-вторых, потребности позволяют выявить целевую направленность и способы преступного изменения общественных отношений и таким образом раскрыть социальную сущность преступного посягательства и причиняемого им общественно опасного вреда²¹⁷. Общим в удовлетворении потребностей выступает конкретная деятельность в виде воздействия субъекта на окружающие его объекты (предметы, вещи, людей).

Поскольку нас интересует только общественно опасная деятельность, то мы имеем в виду и в дальнейшем будем говорить лишь о преступном воздействии субъекта на окружающие его материальные предметы и другие субъекты общественных отношений. Удовлетворить потребность субъект не может иначе как только путём определённого воздействия на предметы, вещи, удовлетворяющие его потребности, либо путём совершения определённого действия, которым удовлетворяется потребность в деятельности.

Отсюда следует, что и преступное (общественно опасное) удовлетворение потребностей может быть достигнуто путём

²¹⁷ Основные положения «механизма» преступного нарушения объекта разработаны В.Н.Кудрявцевым, Е.А. Фроловым и другими криминалистами (см.: Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении объекта и предмета преступления. // Советское государство и право. 1951. № 8. С.52; Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 31–33.

воздействия на определённые материальные объекты (предметы, вещи, людей) либо путём совершения действий, удовлетворяющих потребности субъекта.

Преступления против собственности, например, совершаются путём противоправного, безвозмездного, корыстного присвоения чужого имущества (хищения) либо путём уничтожения, повреждения имущества, что ведёт к изменению отношений собственности.

Преступление против личности совершается путём соответствующего воздействия на тело (телесные повреждения, лишение жизни, изнасилование, аборт и т. п.), на психику человека (угроза, оскорбление, клевета, хулиганство). При этом изменение различных общественных отношений нередко совершается путём воздействия на один и тот же предмет преступления.

Например, воздействием на субъект отношения может быть причинён вред власти и жизни (террористический акт, убийство); воздействием на вещь — отношениям собственности (хищения), системе хозяйства (браконьерство, лесонарушения); воздействием на психику — личности (оскорбление, клевета), правосудию (ложный донос). Общественные отношения всегда выступают и проявляются в виде определённого социального поведения (отношения между людьми). Эту связь или поведение людей преступление нарушает путём воздействия на участников отношения либо на материальные предметы, являющиеся выражением отдельных сторон, свойств общественных отношений.

Нарушить, изменить общественные отношения можно опосредованно путём воздействия на реальные, материальные предметы, вещи, людей либо прямо, непосредственно, путём разрыва социальной связи. В.Н. Кудрявцев, например, полагает, что при сопротивлении представителю власти во время исполнения им возложенных на него обязанностей вред объекту преступления причиняется прямо, непосредственно, а при угрозе начальнику в связи с его служебной деятельностью — опосредованно²¹⁸.

²¹⁸ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 148; Я.М. Брагинин высказал мнение, что в одних случаях преступление посягает на общественные отношения прямо, непосредственно (например, государственные преступления), а в других случаях — через его материальное или иное выражение. (Брагинин Я.М. Указ. соч. С. 168). С таким утверждением трудно согласиться, так как «механизм» преступного поведения не имеет различий при

На наш взгляд, и в том и в другом случаях вред объекту преступления причиняется не непосредственно, а опосредованно, путём соответствующего воздействия на конкретных лиц, носителей соответствующих общественных отношений. Различие обнаруживается только в способах этого воздействия, а «механизм» причинения вреда — нарушения общественных отношений — при этом аналогичен.

Всякое предметное преступление совершается путём воздействия субъекта на кого-то или на что-то. Не воздействуя на определённый предмет, вещь, по общему правилу, невозможно изменить материальные общественные отношения. Большинство преступлений совершается путём соответствующего воздействия на определённый материальный объект (предмет, человека, животное, растение и т. п.). Исключения составляют только беспредметные преступления, совершаемые в большинстве случаев в виде бездействия, невыполнения юридической обязанности.

Причинить вред объекту преступления путём непосредственного воздействия на общественные отношения, очевидно, невозможно. Объекты преступлений как определённые общественные отношения недоступны для непосредственного воздействия на них. Объект явление реальное, но не осязаемое. Это конкретная, определённая социальная связь между членами общества, обусловленная их совместным существованием, способом производства и распределения материальных благ и заключающаяся в определённом социальном поведении. И потому нарушить эту связь можно а) путём воздействия на что-то материальное, вещественное, либо б) путём разрыва этой связи, т. е.

совершении государственных и иных преступлений. Например, диверсия в этом смысле ничем не отличается от умышленного уничтожения имущества (ст. 167 УК) или от повреждения путём сообщения (ст. 267 УК). Б.С. Волков также полагает, что деяние проявляется в непосредственном физическом воздействии на предметы и явления внешнего мира, общественные отношения (Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965. С. 12). Непонятно, однако, как можно непосредственно воздействовать на общественные отношения. В реальной действительности действие должно «опредметиться», найти материальный объект приложения. Иначе оно не действие, а мысль. Общественные отношения прямо, без какого-либо воздействия на материальные объекты, могут быть только разорваны, но непосредственность здесь лишь условная.

путём изменения социально значимого поведения субъектов отношений.

Преступное нарушение общественных отношений может быть вызвано в любом из узловых пунктов этих отношений. Они могут быть повреждены как воздействием на субъект, так и на материальный объект, равно как и на условия, при которых могут существовать общественные отношения.

В свою очередь субъекты общественных отношений имеют две разновидности: а) субъект, один из участников отношения, выступающий действующим субъектом; б) субъект, участник общественных отношений, выступающий объектом воздействия со стороны другого субъекта.

Возможны три разновидности воздействия на элементы общественных отношений, вызывающие в них преступные изменения. Действующий субъект может:

1) изменить общественные отношения путём воздействия на вещь, предмет, по поводу которого они возникли, сложились и существуют (так причиняется социально опасный вред имущественными преступлениями, преступлениями против собственности и др.);

2) субъект может изменить общественные отношения путём воздействия на тело участника общественных отношений (убийство, изнасилование, телесные повреждения и т. п.) либо на его психику (клевета, угроза и т. п.);

3) субъект может нарушить общественные отношения изменением своего социального статуса путём исключения себя как участника данной социальной связи из этого отношения, разрывая его (так причиняется социально опасный вред при дезертирстве, уклонении от уплаты алиментов, от призыва на действительную военную службу и т. п.), либо путём неисполнения лежащей на нём обязанности, которая является содержанием общественных отношений.

Б.С.Никифоров признает обеспеченную правом возможность граждан совершать определённые действия важнейшим элементом объекта правонарушения, той составной частью общественного отношения, против которого направлено правонарушение. «Механизм» же преступления при этом, по мнению Б.С.Никифорова, заключается в нарушении правомерной деятельности управомоченного лица — в лишении его возможно-

сти или в воспрепятствовании ему в реализации возможности осуществлять свою деятельность²¹⁹.

Представляется, что в таком виде «механизм» совершения преступления не выявлен с достаточной полнотой, так как остаётся открытым вопрос о том, каким образом происходит нарушение обеспеченной возможности совершать определённые действия.

Признание деяния воздействием на различные стороны общественных отношений или их носителей позволяет показать связь объективной стороны преступления с объектом, взаимосвязь двух сторон объективного проявления преступного поведения. В этой взаимосвязи наглядно проявляется социальная суть преступного деяния, его общественная опасность, а также возможность и необходимость охраны общественных отношений уголовно-правовыми средствами.

В уголовно-правовом смысле действие включает в себя телодвижения и те силы, закономерности, которые субъект использует или учитывает при совершении преступления²²⁰. Это в общем правильное положение нуждается в дополнении его указанием на направленность действия. Деянием можно считать действие или бездействие в виде телодвижений, жестов, слов, направленных на оказание определённого воздействия на различные стороны общественных отношений или их носителей. Без соответствующего воздействия на окружающие субъекта материальные объекты (вещи, предметы, других людей) нет действия. Действие, деятельность — это акт, направленный на предмет, на цель²²¹.

²¹⁹ Никифоров Б.С. Объект преступления. С. 71.

²²⁰ По мнению Н.Д.Дурманова, преступное действие характеризуется следующими чертами: а) оно является сознательной деятельностью, направленной на определённый объект, б) оно охватывает всю совокупность конкретных актов поведения, направленных на объект действия, в) оно охватывает не только телодвижения человека, но и те силы, которыми он пользуется, и те закономерности, которые он использует, г) действие всегда предполагает совершение его в определённых условиях места, времени и обстановки; (Дурманов Н.Д. Указ. соч. С. 54; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 67).

²²¹ «Действие, как и деятельность, — писал С.А.Рубинштейн, — включает в себя отношение индивида к окружающему; это акт, направленный на предмет, на цель». (Рубинштейн С.А. Основы общей психологии. С. 145).

¹¹ Малинин

Преступное изменение общественных отношений осуществляется посредством воздействия на: 1} материальный объект (предмет, вещь, в том числе растение или животное); 2} на тело человека; 3} на психику человека.

Воздействием на эти стороны общественных отношений и их носителей характеризуется всякое преступное действие, и в этом его объективное проявление.

При рассмотрении способов преступного воздействия на общественные отношения следует иметь в виду, что далеко не всякое воздействие на человека или на вещь (материальный объект) имеет уголовно-правовое значение. Деянием признаётся только такое воздействие, которое в силу особых свойств охраняемого уголовным законом объекта **причиняет социально опасный вред либо создаёт угрозу причинения такого вреда**. Способы преступного воздействия, направленные на изменение общественных отношений, могут быть различными. Классификации способов преступного деяния значительное место уделял В.Н.Кудрявцев. В наиболее общем виде, как указывает В.Н.Кудрявцев, они сводятся к словам, жестам, воздействию на других людей или внешние предметы²²².

На наш взгляд, основанием для классификации способов воздействия на объект преступления могут служить свойства материального объекта — предмета воздействия: 1) предмет одушевлённый (люди); 2) предмет неодушевлённый (вещи, материальные объекты). Далее воздействие на людей распадается на две разновидности: а) воздействие физическое; б) воздействие психическое.

Физическое воздействие в свою очередь делится на воздействие с повреждением материального объекта и без его повреждения.

Самостоятельным видом повреждения объекта является разрыв социальной связи путём исключения себя из общественного отношения либо путём невыполнения лежащей на субъекте обязанности. К этому же виду изменения общественных отношений следует отнести издание неправомерного акта управомоченным лицом. Все названные способы преступного воздействия на объект преступления можно представить в виде схемы:

Таким образом, вред объекту преступления причиняется воздействием на субъект отношения, на материальный объект — предмет преступления либо путём разрыва социальной связи (изменением своего социального статуса, невыполнением социальной обязанности) или изданием неправомерного акта.

Изложенное позволяет сделать вывод, что преступный, общественно опасный вред причиняется путём физического или психического воздействия на различные стороны общественных отношений или их носителей и заключается этот вред в измене-

²²² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 72 и далее.

нии общественных отношений. Сущность этих изменений состоит в том, что субъекты общественных отношений лишаются возможности определённого поведения или оно значительно затрудняется, либо в нарушении их определённого состояния.

5.2. Способы изменения объекта преступления

Преступное воздействие на субъект отношения характеризуется «полисоциальностью» личности, многообразием общественных отношений, субъектом которых выступает отдельная личность. Одно и то же лицо может быть участником общественных отношений, складывающихся в сфере государственной власти, управления, производства, семьи, в различных сферах общественной жизни и т. п. Кроме того, всякий гражданин является участником тех общественных отношений, которые устанавливаются в обществе по поводу охраны его жизни, здоровья, чести, достоинства и т. п.

Несмотря на обилие общественных отношений, участником которых может быть отдельный член общества, все виды преступного воздействия на него по их особенности можно объединить в две группы:

1) физические — воздействие на тело человека, на его биологическую, предметную сущность (причинение вреда здоровью, побои, физическое насилие и т. п.);

2) психические — воздействие на психику человека (угроза, сообщение фактов, сведений, оскорбление, обман, подкуп и т. п.).

Эти два вида преступного воздействия на субъект отношения охватывает все случаи нарушения (повреждения) общественных отношений со стороны его субъекта. Воздействием на субъект отношения совершается большая часть преступлений, предусмотренных действующим законодательством. К ним относятся не только преступления против личности, но и значительная часть государственных и воинских преступлений, преступлений против правосудия и против порядка управления, а также преступлений против общественной безопасности и здоровья населения. При этом обнаруживается, что один и тот же вид преступного воздействия на субъект отношения во многих случаях изменяет различные общественные отношения. Например, преступное воздействие на тело человека может быть посягательством

на основы государственной власти (ст. 277 УК РФ), на жизнь (ст. 105 УК РФ), на здоровье (ст. 111—115 УК РФ), на общественную безопасность (ст. 215—217 УК РФ)²²³.

Физическое воздействие на тело человека заключается в определённых повреждениях тканей кожи, отдельных органов или в нарушении их функций, либо в причинении физической боли. Способы такого воздействия, применяемые орудия, форма вины, а также цели виноватого лица с учётом наступивших последствий позволяют определить те общественные отношения, на изменение которых было направлено посягательство.

В большинстве случаев определить эти отношения нетрудно. Однако иногда эта задача существенно усложняется некоторыми обстоятельствами, что нередко приводит к практическим ошибкам.

Например, неправильно был определён объект посягательства Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Дребит.

Дребит был признан виновным в том, что посадил себе в кабину автомашины З., отвез ее в поле и там предложил З. вступить с ним в половую связь. Когда З. от этого отказалась, тогда Дребит стал бить ее руками по голове и лицу, душить руками за шею, пытаясь ее изнасиловать. Поскольку З. оказала упорное сопротивление, Дребит не мог осуществить свое намерение и отпустил З. Органы расследования и суд первой инстанции квалифицировали эти действия Дребит как покушение на изнасилование. Судебная коллегия эти действия переквалифицировала, признав их злостным хулиганством²²⁴

Такая квалификация рассмотренного деяния не может быть признана правильной, ибо она не учитывает направленности действия виновного на конкретный объект. Безусловно, что при определённых условиях деяние, направленное на один объект, причиняет существенный вред и в сфере других общественных отношений. Это обстоятельство может существенно влиять на квалификацию деяния.

Однако в рассмотренном случае этого нет. Характер совершённых виновным действий и обстановка, в которых они были

²²³ Это обстоятельство свидетельствует о том, что определение непосредственного объекта посягательства в таком общем виде как «человек», «личность», как это делают некоторые криминалисты, недостаточно

²²⁴ Радянське право 1971 № 12 С 95

совершены, достаточно ясно показывают направленность деяния на определённый конкретный объект. Предложение З. совершить половой акт, попытка сломить её сопротивление для этой цели свидетельствуют, что преступное воздействие на тело З. было посягательством на её половую свободу. Все эти действия Дребит совершил в поле, находясь наедине с З., в отсутствии посторонних, и поэтому они «не были направлены на нарушение общественного порядка, что является, как указал Пленум Верховного Суда СССР по аналогичному делу по обвинению Кугаевских, определяющим при решении вопроса о наличии в совершении признаков хулиганства».

Кугаевских, как и Дребит, завёз девушку на безлюдный остров и пытался там её изнасиловать. Потерпевшая оказала сопротивление и Кугаевских ударил её несколько раз по лицу и в живот, повалил на землю, но, увидев, что у потерпевшей пошла из носа кровь, отпустил её. Хотя указанные действия Кугаевских совершил в общественном месте (в зоне отдыха), но в отсутствие посторонних и его действия не были сопряжены с грубым нарушением общественного порядка и явным неуважением к обществу, Пленум Верховного Суда СССР обоснованно не признал их хулиганством и квалифицировал как преступление против личности²²⁵.

Преступное воздействие на тело человека даже и в общественном месте и в присутствии посторонних не всегда свидетельствует о направленности действия на нарушение общественного порядка. В общественных местах могут быть совершены и часто совершаются посягательства и на иные общественные отношения. Посягательство на общественные отношения, охраняемые уголовным законом, совершённое в общественном месте, не всегда является хулиганством. Например, необоснованно были квалифицированы, как хулиганство действия Яценко, причинившего Орлову телесные повреждения при следующих обстоятельствах.

Около своего дома на проезжей части улицы, которая была закрыта для проезда, Яценко посадил фруктовые деревья. Яценко увидел, что по улице едет трактор и грозит поломать посаженные им деревья. С целью не допустить этого Яценко взял кирпич и бросил в лобовое стекло трактора, причинив этим трактористу Орлову лёгкий вред здоровью. Судом первой

инстанции эти действия были признаны как злостное хулиганство. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР изменила эту квалификацию, признав Яценко виновным только в причинении лёгких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья²²⁶.

Такое решение следует признать правильным, так как по своей сути эти действия были направлены не на общественный порядок, а на причинение вреда личности.

При совершении деяния путём преступного воздействия на тело человека объектом такого посягательства не могут быть признаны только тело человека его жизнь в биологическом смысле либо здоровье в значении определённого физического состояния организма. Исходя из того, что понятие «человек» включает в себя и социальную, и биологическую стороны, а «личность» есть понятие только социальное, Ю.А. Демидов справедливо утверждает, что уголовное право всесторонне охраняет человека, и с точки зрения его общественной сущности, и с точки зрения его физической целостности²²⁷.

Жизнь и здоровье как объекты уголовно правовой охраны могут быть выявлены только при анализе всех сторон одного и того же общественного существа, многообразии признаков которого диалектически выражают понятия «человек» и «личность». Эти понятия охватывают бесчисленную массу особенностей, свойств, признаков человека, которые определяют две его основные стороны: а) биофизическую, предметную — живую биологическую особь и б) общественную — его социальные качества. Выделить одну какую-то сторону человека (биологическую или социальную) можно лишь условно. В действительности эти стороны человека неразрывно связаны и представляют собой единое целое. Поэтому общее утверждение о том, что уголовный закон охраняет жизнь и здоровье человека и в физическом, биологическом смысле, и как совокупность об-

²²⁶ В этом смысле тело человека можно было признать предметом преступления, хотя это имеет некоторые этические неудобства. Однако при этом не следует упускать из виду, что главное в человеке — его социальная сущность, в которой он выступает носителем общественных отношений, действующим субъектом. То, чем человек является в обществе, это всецело социальная сторона его сущности.

²²⁷ Демидов Ю. А. Человек — объект уголовно-правовой охраны // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 109.

²²⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. №1. С. 23.

щественных отношений, существующих по поводу этих благ человека и направленных на их охрану, правильно. Однако при этом важно подчеркнуть и иметь в виду, что без человека как живой биологической особи общественные отношения не могут существовать, тогда как в некоторых случаях могут быть аннулированы, не существуют (например, при исполнении приговора о смертной казни, при необходимой обороне и т. п.). В таких случаях жизнь в биологическом смысле и жизнь как объект преступления не совпадают, не соответствуют друг другу, так как нет общественных отношений, охраняющих эту жизнь.

Следовательно, жизнь как объект преступления обязательно включает в себя общественные отношения, существующие по поводу охраны этой жизни в биологическом смысле. Именно потому, что объект посягательства при убийстве — не только биологическая особь, но, главным образом, социальные качества этой особи (при этом в каждом конкретном случае эта совокупность бывает самой разнообразной и особенной), существует целая группа уголовно-правовых норм, охраняющих эти отношения (ст. 105–108 УК РФ). Кроме того, существует множество других уголовно-правовых норм, которые охватывают причинение смерти потерпевшему (например, ст. 205, 209, 277, 281, 295, 317 УК РФ), а правомерное лишение жизни убийством не признаётся.

Важно также отметить, что уголовно-правовая охрана объекта носит всеобщий и постоянный характер. Если же признавать объектом преступления при убийстве не социальные качества личности, а жизнь в биологическом смысле, то тогда невозможно объяснить правомерность лишения жизни при необходимой обороне, при исполнении приговора, причинении вреда здоровью, например, при хирургической операции (ампутация ноги, резекция желудка и т. п.), как невозможно обосновать квалификацию лишения жизни при террористическом акте по ст. 205 УК РФ, при бандитизме — по ст. 209 УК РФ, при нарушении правил охраны труда — по ст. 215–217 УК РФ, при нарушении безопасности движения — по ст. 264 УК РФ.

Именно потому, что при лишении жизни посягательство направляется на какую-то сторону её сущности — отдельную группу общественных отношений, представляющих собой составную часть данной личности (представитель власти, пешеход, рабочий или служащий, новорождённый и т. п.); это пося-

гательство подлежит различной квалификации как самостоятельное, отдельное преступление.

В этой связи утверждение Ю.А. Демидова о том, что жизнь и здоровье человека выступают в уголовном праве как самостоятельные объекты независимо от того, носителем каких общественных отношений он является²²⁸, следует признать необоснованным. Лишение жизни одного и того же человека (например, работника милиции) может быть посягательством на основы государственной власти (ст. 277 УК РФ), на порядок государственного управления (ст. 317 УК РФ), на личность (ст. 105 УК РФ), на общественную безопасность (ст. 264 УК РФ) либо вообще не быть преступным (ст. 317 УК РФ) как раз в зависимости от того, на какие общественные отношения, носителем которых является потерпевший, направлено посягательство.

Нельзя также признать правильным противопоставление человека личности и на этой основе возникающее утверждение, что уголовный закон охраняет человека «и с точки зрения его физической целостности». Сама по себе физическая целостность уголовным законом не охраняется. Достаточно назвать общественно полезную работу врачей, чтобы убедиться в необоснованности такого вывода. Без учёта общественных отношений, существующих по поводу физической целостности человека, невозможно обосновать уголовную ответственность за причинение вреда здоровью, освобождение от ответственности за эти последствия, определить их правовую квалификацию.

В действительности уголовный закон охраняет не только человека как живое, биологическое существо, но, главным образом, личность в её социальном значении, как совокупность общественных отношений. Понятие «человек» по своему содержанию не соответствует понятию «объект преступления». Поэтому и в уголовном законодательстве понятие «человек» в значении объекта преступления не употребляется. Наиболее часто в этом значении используются термины «личность», «люди». Например, раздел VII УК РФ так и называется: «Преступления против личности». Всякое воздействие на тело человека, на человека в смысле отдельной биологической особи, признаётся преступным только в том случае, если это воздействие нарушает (повреждает или изменяет) существующие в обществе отноше-

---

²²⁸ Там же. С. 108.

ния по поводу охраны этой человеческой особи. Во всех иных случаях такое воздействие преступлением не является.

Следовательно, человеческая особь, её существование и физическое состояние, телесная неприкосновенность охраняются уголовным законом не всегда. Уголовно-правовой охране человек, его тело, его жизнь и здоровье подлежат только тогда, когда по поводу этих благ существуют общественные отношения, складывающиеся в обществе по поводу жизни (существования) и здоровья (физического состояния, телесной неприкосновенности) человека. Если же в каких-то случаях эти отношения не существуют (аннулированы, например, законом), то человек как биологическая особь, его телесная неприкосновенность уголовно-правовой охране не подлежат. Из этого следует правомерность и допустимость лишения жизни человека или причинения вреда его здоровью при необходимой обороне, крайней необходимости, задержании преступника. Поэтому следует прийти к выводу, что воздействие на тело человека только тогда попадает в сферу уголовно-правовой охраны, когда он является субъектом отношения, охраняемого уголовным законом, а это воздействие направлено на изменение общественных отношений²²⁹. В иных весьма редких случаях воздействие на человека не находится в сфере уголовно-правовой охраны.

Причинение вреда объекту преступления путём воздействия на психику субъекта отношения также может быть направлено на различные общественные отношения. Таким путём может быть причинён вред личной безопасности (угроза убийством), отношениям собственности и личности (разбой), правосудию (угроза свидетелю, эксперту, потерпевшему), порядку управления (угроза должностному лицу или гражданину), порядку несения военной службы (угроза начальнику).

Характерная особенность преступного воздействия на психику субъекта отношения состоит в прямом и непосредственном психическом насилии. Это насилие возможно в различных формах (устно, письменно, жестами) и всегда направлено на конкретное лицо или на конкретных лиц.

---

²²⁹ «Выведение из строя того или иного органа человеческого тела, – пишет Б.С. Никифоров, – признаётся уголовным правом преступлением тогда, когда соответствующим действием причиняется ущерб общественным отношениям...» (Никифоров Б.С. Объект преступления. С.144).

Применяя психическое насилие, виновный добивается или пытается добиться определённого поведения: совершения в его интересах определённых действий либо воздержания от совершения нежелательных для виновного действий. Вред объекту преступления при этом причиняется изменением поведения субъекта отношения. Под влиянием угрозы субъект отношения действует вопреки своим личным и общественным интересам.

Возможность надлежащего поведения, отвечающего личным или общественным интересам, составляет ядро, социальную суть этих общественных отношений²³⁰. Именно на реализацию этих возможностей и посягает виновное лицо.

Под влиянием угрозы как особого вида преступного воздействия на субъект отношения реализация названных возможностей (в данном конкретном случае) аннулируется либо её осуществление затрудняется. Такое аннулирование или затруднение осуществления социальной возможности и есть повреждение конкретного общественного отношения, и в этом состоит вред, причиняемый объекту преступления. При этом часто (в тех случаях, когда общественное отношение повреждается, аннулируется) на месте общественных отношений возникают отрицательные или, как их иначе называет Е.А. Фролов, конфликтные отношения²³¹, чуждые по своей природе демократическому общественному строю (отношения между правонарушителями, а также между правонарушителями и субъектами ранее существовавших общественных отношений). Эти отрицательные или конфликтные фактические отношения, возникающие вследствие совершения преступления, уголовно-правовой охране не подлежат и объектом преступления быть не могут. Напротив, задача уголовного законодательства как раз в том и состоит, чтобы, с одной стороны, охранять общественные отношения и, с другой стороны, вытеснять и ликвидировать отрицательные, вредные общественные отношения.

Вред объекту преступления может быть причинён и другими способами воздействия на психику субъекта отношения. Это воздействие может заключаться во введении его в заблуждение

---

²³⁰ Там же. С.69; Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 18,22.

²³¹ Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 8–9.

(обман), в убеждении в чём-либо (агитация, пропаганда), в сообщении фактов, ложных измышлений (донос, подстрекательство, разглашение тайны).

Этого рода воздействие на субъект отношения можно назвать информационным, так как оно по преимуществу заключается в сообщении субъекту отношения различного рода сведений. В отличие от психического насильственного воздействия, информационное воздействие не направлено большей частью на конкретных лиц (например, при хулиганстве, разглашении тайны, агитации, пропаганде). Для виновного лица в большинстве случаев субъект отношения безразличен.

Главную заботу виновного составляет изменение общественных отношений для достижения каких-то его личных целей. Осуществление этого умысла может быть достигнуто воздействием на любого члена общества, часто первого встречного. Однако в некоторых случаях это воздействие носит и более конкретный характер (например при ложном доносе, подстрекательстве).

Путём психического информационного воздействия на субъект отношения могут быть изменены различные отношения. Таким путём может быть причинён вред отношениям собственности (ст. 159 и 163 УК РФ), правосудию (ст. 306, 307 УК РФ), личности (ст. 129 и 130 УК РФ), порядку управления (ст. 319 УК РФ).

В результате преступного воздействия на психику субъекта общественные отношения изменяются последующими действиями самого субъекта отношения (например, передачей имущества при мошенничестве), самим фактом доведения до сведения субъекта отношения определённых высказываний (оскорбление, угроза, агитация, пропаганда, клевета и т. п.) либо иными действиями, направленными на сознание субъекта отношения.

Социально опасный вред может быть причинён как одним из названных выше видов преступного воздействия, так и путём одновременного воздействия на тело и психику. Например, при угрозе убийством может быть воздействие на тело (побои, телесные повреждения) и психику. Характер преступного воздействия на субъект отношения и его виды показывают направленность деяния на причинение вреда в сфере определённых общественных отношений.

Преступное воздействие на предмет преступления может быть самым разнообразным в зависимости от способов воздей-

ствия, применяемых орудий и целей, которых стремится достичь субъект. По своему социальному значению все разновидности преступного воздействия на предмет преступления можно объединить в несколько групп: а) изменение социального статуса или хозяйственно-экономического назначения предмета, вещи; б) изготовление предмета, вещи.

Первую группу составляют все способы изменения фактического владения вещью, предметом без перехода права собственности на это имущество. При этом субъект, вопреки существующим отношениям по поводу этих вещей, неправомерно завладевает ими или передаёт их во владение третьим лицам. Таким путём совершается завладение имуществом при бандитизме, хищениях (ст. ст. 158–164, 209 УК РФ) и ином неправомерном распоряжении имуществом (ст. 312, 346–348 УК РФ). В других случаях виновное лицо удерживает у себя имущество, которое оно обязано передать собственнику, государственной организации. Такое воздействие на предмет преступления оказывается при совершении преступлений, предусмотренных ст. 165, 194, 198, 199 УК РФ.

Социальная сущность названных видов воздействия заключается в изменении фактического отношения собственности по поводу конкретных вещей, предметов. Существовавшее отношение собственности по поводу этих предметов разрывается, аннулируется и фактически собственником вещи становится субъект, завладевший вещью, или третье лицо, кому эта вещь была передана во владение. В равной мере эти положения аналогичны как для случаев неправомерного завладения, так и для случаев непередачи должного. При этом вещь не подвергается, как правило, никакому физическому изменению. Исключением составляет использование потребляемых вещей. Изменению подвергается только социальное положение вещи-принадлежности вещи конкретному лицу. В результате неправомерного завладения вещью её фактическим владельцем становится недобросовестный приобретатель, который пользуется, владеет и распоряжается ею до востребования вещи собственником. Если же такое востребование не последует, то фактический владелец будет продолжать извлекать из этой вещи полезные хозяйственно-экономические свойства для удовлетворения своих потребностей. Право собственности остаётся у собственника, а использует вещь фактический недобросовестный владе-

лец. В этом заключается социальная суть вреда, причиняемого путём изменения отношений собственности.

Значительную группу образуют преступления, совершаемые путём изменения физических свойств вещи, предмета, т. е. путём их уничтожения или повреждения.

Так совершаются преступления, предусмотренные ст. 167, 168, 212, 256, 281, 269 УК РФ.

Социальная сущность такого воздействия на предмет преступления заключается в том, что определённая вещь в результате физического уничтожения или повреждения не может быть в дальнейшем использована по своему назначению либо для её восстановления необходимо затратить значительные средства и время.

Путём уничтожения или повреждения вещи, предмета может быть причинён вред общественным отношениям, установленным в целях обеспечения обороноспособности и экономической мощи страны, отношениям собственности, обеспечивающим порядок управления, порядок несения воинской службы и некоторым другим.

Во многих случаях важное значение имеет и способ уничтожения или повреждения предмета преступления. Например, в УК выделяется уничтожение или повреждение имущества, совершённое путём поджога или иным общеопасным способом (ст. 167 УК РФ), либо в результате небрежного обращения с огнём или источником повышенной опасности (ст. 168 УК РФ), запрещёнными орудиями и способами (ст. 257–258 УК РФ). Иногда способ уничтожения или повреждения имущества, вещи существенного значения не имеет (ст. ст. 205, 212, 281 УК РФ). Любое воздействие на предмет преступления, повлекшее его уничтожение или повреждение, при определённых условиях образует состав преступления.

Самостоятельную группу образуют преступления, при совершении которых преступное воздействие на предмет преступления заключается в изменении его вида и содержания. Так совершаются фальшивомонетничество (ст. 186 УК РФ), подделка знаков почтовой оплаты и проездных билетов (ст. 187 УК РФ), должностной подлог (ст. 292 УК РФ), подделка документов, изготовление штампов и бланков (ст. 325 УК РФ). Названные предметы являются совокупностью сторон, свойств общественных отношений, существующих по их поводу или находящихся в них своё закрепление, а потому изменение вида или свойств

этих предметов ведёт к неправомерному изменению отношений, охраняемых уголовным законом, либо к возникновению отношений отрицательных, антиобщественных. Последние имеют место, например, при пуске в обращение фальшивых денежных знаков, использовании подложных документов и т.п., что ведёт к вытеснению или изменению существующих социалистических общественных отношений. При этом такое воздействие на предмет преступления или его изменение образует отдельное преступление и требует самостоятельной квалификации наряду с другими преступлениями.

В некоторых случаях преступление совершается путём изменения вида или содержания предмета, вещи (например, подделка документов или изменение вида вещей при контрабанде, мошенничестве, применении имущественного ущерба и других подобных преступлений). Поскольку, однако, изменяемые при этом вещи и документы не выступают в качестве свойств, сторон объекта посягательства, то они не могут быть признаны предметами преступления. При совершении подобных преступлений такие вещи являются орудиями совершения преступления. Например, при мошенничестве поддельный документ на получение имущества является лишь средством для введения в заблуждение собственника или владельца имущества, а это последнее и является предметом преступления.

При квалификации преступлений это обстоятельство необходимо учитывать, так как оно имеет существенное значение. Например, должностной подлог во многих случаях выступает способом злоупотребления служебным положением, является составной частью этого преступления и самостоятельного состава преступления не образует.

Для основания уголовной ответственности и квалификации деяния не имеет значения способ изготовления или подделки фальшивых денежных знаков, документов, печатей, бланков и т.п. предметов. Любые способы такого воздействия на предмет с целью пуска его в обращение или явного использования по прямому назначению образуют состав преступления, так как это ведёт к нарушению соответствующих общественных отношений.

Преступное воздействие на материальные объекты может заключаться в изготовлении определённых вещей, товаров, изделий. Такое воздействие характеризуется производством запрещённых уголовным законом вещей, изделий. Перечень этих из-

делий небольшой. Многие из них прямо названы в законе. Уголовный закон запрещает изготовление тех изделий, использование которых причиняет вред в сфере важных общественных отношений и может причинить существенный вред общественной безопасности или здоровью населения. Действующее уголовное законодательство РФ запрещает изготовление денежных знаков (ст. 186 УК РФ), оружия или взрывчатых веществ (ст. 223 УК РФ), наркотических и других сильнодействующих или ядовитых веществ (ст. 228 УК РФ), порнографических предметов (ст. 242 УК РФ).

Вместе с тем следует иметь в виду, что изготовление запрещённого предмета для общественно полезной цели, поскольку этим не создаётся угроза нарушения определённых общественных отношений, состава преступления не образует. Уголовно-наказуемым следует признать только такое изготовление запрещённых предметов, которое создает опасность для объекта уголовно-правовой охраны. Забвение этого положения может привести к ошибке в квалификации деяния. Такая ошибка была допущена, например, по делу Королёва изготовившего охотничий нож, который экспертизой был признан холодным оружием.

Королёв был членом союза охотников, и в его охотничьем билете был вписан изготовленный им охотничий нож СКС № 1284. У следователя и суда, очевидно, не возникло сомнений в том, что Королёв как член союза охотников не подлежит уголовной ответственности за ношение холодного оружия. Но закон (ч. 3 ст. 223 УК РФ) предусматривает уголовную ответственность и за изготовление холодного оружия. Поэтому у следователя и суда возник вопрос: содержит ли состав преступления изготовление Королёвым охотничьего ножа? На этот вопрос они ответили положительно, и суд осудил его. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала осуждение Королёва неправильным и дело производством прекратила за отсутствием в действиях Королёва данного преступления²³².

Такое решение Верховного Суда обосновано тем, что изготовление ножа (холодного оружия) для целей охоты, имеющего номер и зарегистрированного в союзе охотников, не создаёт само по себе угрозы общественной безопасности, а потому не может считаться преступлением.

Воздействие на предмет преступления в пределах одной из названных разновидностей не имеет решающего значения. Решающим для квалификации конкретного преступления воздействием на предмет преступления является способ воздействия. Основу всякого способа совершения преступления составляет воздействие на одну из сторон объекта преступления, которое в конкретном преступлении всегда специфично, обладает многими особыми признаками (орудия, количество участников и др.).

Воздействие на предмет преступления характеризует основу преступного деяния и выражается в его определении (хищение, уничтожение, подделка и т. д.). Способ же конкретизирует деяние и его особенности. Но нельзя не видеть, что способ воздействия на предмет преступления предопределяется свойствами этого предмета. Например, уничтожение строений требует иного способа воздействия, чем уничтожение животных.

Признаки и особенности предмета преступления, а также способы воздействия на него имеют существенное значение для квалификации деяния, так как они позволяют, во-первых, выявить видовой и непосредственный объекты преступления, во-вторых, определить его преступные последствия и, в-третьих, отграничить от сходных деяний.

Повреждение значительной части общественных отношений заключается в разрыве субъектом отношения социальной связи, составляющей содержание этого отношения. Такое повреждение общественных отношений заключается в их аннулировании, ликвидации либо в существенном изменении. Общественные отношения как социальное явление никогда не остаются неизменными. Разнообразие общественной жизни, её диалектика приводят к тому, что в системе общественных отношений происходит постоянное движение: одни общественные отношения возникают, другие изменяются, третьи ликвидируются, отмирают. Возникновение, развитие, изменение или прекращение общественных отношений вызывается действиями людей или событиями. Установление, изменение или прекращение многих социальных связей (например, супружеских, трудовых и др.) всецело зависит от усмотрения гражданина. Другие отношения между людьми в обществе представляют более важное и по преимуществу не только личное отношение, и потому их изменение или прекращение регулируется законом, либо их изменение или прекращение вовсе запрещается. Возникновение, изменение или прекращение общественных отношений в подавляющем боль-

²³² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 6. С.9–10.

шинстве случаев является социально необходимым и общественно полезным, а с точки зрения правовой либо безразличным (отношения дружбы, товарищества и т. п.) либо правомерным.

Изменение или прекращение общественных отношений вопреки социальным требованиям (запретам) образует нарушение социальных норм.

В отличие от способов правомерного прекращения и ликвидации общественных отношений преступное их аннулирование характеризуется тем, что они (общественные отношения) охраняются уголовным законом и могут быть прекращены или изменены только в случаях, указанных в законе. Кроме того, некоторые из этих общественных отношений подлежат прекращению в крайне редких случаях (например отношения, обеспечивающие неприкосновенность личности, отношения взаимопомощи между членами общества и др.).

Повреждение общественных отношений путём разрыва социальной связи имеет некоторые особенности. Прежде всего при этом виновный не оказывает непосредственного воздействия ни на субъект отношения, ни на его предмет. Исключение составляют случаи членовредительства при уклонении от очередного призыва на действительную военную службу (ст. 328 УК РФ) и при уклонении от исполнения обязанностей военной службы (ст. 339 УК РФ), при которых виновное лицо оказывает физическое воздействие на своё тело и приводит себя в негодное для несения военной службы состояние. Однако объектом посягательства в данном случае выступает не здоровье лица, а обороноспособность, так как личное физическое состояние (здоровье, телесная целостность) уголовным законом, как было показано выше, не охраняется.

Кроме того, во многих случаях виновное лицо является одновременно и субъектом изменяемого им отношения. Так причиняется вред обороноспособности страны (ст. 328, 339 УК РФ), правосудию (ст. 299—302, 305 УК РФ), личности (ст. 105—108, 123 УК РФ), трудовым правам граждан (ст. 143—145 УК РФ) и некоторым другим общественным отношениям.

При совершении названных преступлений социальная связь может быть разорвана путём:

а) невыполнения субъектом отношения лежащей на нём социальной обязанности (преступное бездействие);

б) исключения субъектом отношения себя из данной системы отношений (неправомерное изменение своего социального статуса);

в) издания должностным лицом неправомерного акта (приказа об увольнении, приговора, постановления об аресте, о привлечении в качестве обвиняемого и т. п.).

Обязанность лица совершить определённые действия устанавливается ради обеспечения реализации каких-то общественных интересов и составляет содержание этих общественных отношений. Названные отношения закрепляют важные стороны общественной жизни, и потому общество заинтересовано в их осуществлении, в выполнении лицом этих обязанностей. Невыполнение или ненадлежащее их выполнение приводит к нарушению этих общественных отношений, к причинению в их сфере социально опасного вреда. Этот вред в большинстве случаев нематериален и измерению не подлежит (например, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 316, 330, 338, 339 УК РФ).

Невыполнение социальных обязанностей иногда приводит к наступлению и существенного материального вреда (например, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 143, 293, 145, 153 УК РФ). Наступающие при этом последствия лежат в сфере смежных общественных отношений, выступающих при преступном бездействии дополнительным объектом. Общественные отношения, являющиеся основным объектом преступления, повреждаются только путём разрыва этих отношений без материальных последствий. Но эти основные общественные отношения возникают и складываются именно по поводу охраны дополнительных объектов. Например, именно в целях охраны личности складываются в социалистическом обществе отношения по обеспечению нормальных и безопасных условий труда рабочих, крестьян, служащих. Обязанность обеспечить эти условия возлагается на специальных должностных лиц. Невыполнение или ненадлежащее выполнение этими лицами возложенных на них обязанностей причиняет социальный вред тем, что общественные интересы в этой сфере не осуществляются. Поскольку виновное лицо не действует надлежащим образом, то общественное отношение омертвляется, что приводит к разрыву социальной связи. Признавая преступными последствиями вред, причинённый объекту преступления, нетрудно увидеть, что бездействие во многих случаях изменяет общественные отношения,

поскольку существование значительной части общественных отношений возможно лишь при условии совершения его участниками определённых действий.

Это обстоятельство даёт основание приравнять бездействие по своему значению к действию, так как одни общественные отношения заключаются в воздержании от определённого действия (например, невоспрепятствование собственнику владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом) одной из сторон; другие – в совершении действия одной из сторон (например оказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии). В этом смысле бездействие является разновидностью социального поведения.

Сходен механизм причинения вреда объекту преступления путём разрыва социальной связи и при исключении субъектом себя из определённой системы общественных отношений. Такое исключение представляет собой активные действия, направленные на то, чтобы изменить свой социальный статус и освободиться от какой-либо обязанности. Достигнув этой цели, виновный порывает существующую между ним и другими лицами или государством связь. Таким образом порывается полностью или частично связь между государством или его отдельными учреждениями и виновным (ст.ст. 322, 338 УК РФ).

В указанных случаях общественные отношения не осуществляются, а омертвляются исключением субъекта себя из определённой системы отношений. В силу этого какая-то часть отношений перестаёт существовать, поскольку они не могут быть односторонними. Отношение — это всегда двусторонняя связь. Если же одна сторона исключает себя из отношений, не выполняет обязанностей, вытекающих из отношений, и не даёт другой стороне оснований для ожидания соответствующего поведения, то эта связь прерывается. Незаконное пересечение границы, сдача в плен или дезертирство военнослужащего порывают существующие связи и меняют социальный статус виновного.

В этом и заключается причиняемый подобными деяниями вред объекту преступления — определённым общественным отношениям между виновным лицом и государством или между отдельными лицами и соответствующими учреждениями.

Характерная особенность данного рода изменений общественных отношений состоит в том, что во многих случаях они не восстанавливаются (например, в случае дезертирства и т. п.).

Социальные связи могут быть разорваны также путём издания должностным лицом неправомерного акта.

При этом виновное лицо непосредственно не воздействует ни на субъект отношения, ни на его материальный субстрат. Общественное отношение ликвидируется или нарушается изданием акта, который меняет социальное положение субъекта отношения: субъект исключается из трудовых отношений или не может стать их субъектом либо его лишают возможности свободного передвижения, ограничивают его социальное поведение и т. п. Так причиняется вред трудовым правам гражданина (ст. 145 УК РФ), правосудию и неприкосновенности личности (ст. 299, 301, 302-305 УК РФ) и некоторым другим общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Не меняет сути дела то обстоятельство, что речь идёт о ликвидации только части социальных связей личности и что эти связи в абсолютном большинстве случаев восстанавливаются. Сам факт разрыва социальной связи, в сохранении и осуществлении которой заинтересовано общество, представляет собой уголовно наказуемый вред²³³.

Очевидно, что речь идёт только о противозаконном разрыве социальных связей. Их ликвидация в предусмотренных законом случаях не образует преступления. Правомерное увольнение с работы, арест или осуждение является общественно полезным или, по крайней мере, необходимым.

---

²³³ Это обстоятельство подтверждает тот факт, что беспоследственных преступлений не существует, что всякое преступление причиняет или создаёт опасность причинения (приготовление, покушение) вреда в сфере общественных отношений. Иначе невозможно обосновать уголовную ответственность за те преступления, которые иногда называют беспоследственными. (см.: *Шаргородский М.Д.* Вопросы общей части уголовного права. Л., 1955. С.95; *Браинин Я.М.* Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве // *Юридический сборник. № 4.* Киев, 1950. С. 64. Признание отдельных преступлений беспоследственными, не причиняющими социального вреда, подвергнуто в юридической литературе обоснованной критике (см.: *Кузнецова Н.Ф.* Значение преступных последствий. М., 1958. С.30-31; *Кудряцев В.Н.* Объективная сторона преступления. М., 1969. С. 28-32).

Совершение преступления путём разрыва социальной связи с наибольшей очевидностью показывает, что объектом преступления являются общественные отношения, а не вещи, материалы, предметы или люди. Виновный, разрывая социальную связь, не оказывает непосредственного воздействия ни на потерпевшего, ни на материальные объекты. Однако причиняемый при этом вред во многих случаях бывает материальным или имущественным, поддающимся точному определению (тяжесть вреда здоровью, гибель людей и т. п.). Кроме того, такие преступления всегда причиняют политический и моральный вред.

5.3. Социальные свойства и степень повреждения объекта преступления

Социальная сущность преступления заключается в причинении общественно опасного вреда, который в уголовном праве именуется преступными последствиями. В юридической литературе преступными последствиями или преступным результатом признаются изменения в объекте преступления, материальный или нематериальный вред, причиняемый в сфере охраняемых законом общественных отношений. Исходя из данного определения преступных последствий, важно выявить их содержание, а также степень повреждения общественных отношений и социальные свойства этих повреждений²³⁴.

Выше мы уже отмечали, что общественные отношения как объект преступления представляют собой специфическую форму проявления или выражения общественных интересов, которые выступают ядром общественных отношений. Причиняемый преступлением социально опасный вред состоит в том, что преступление изменяет общественные отношения и этим затрудняет или уничтожает возможность реализации общественного интереса. При этом интересы как определённые осознанные потребности субъекта по общему правилу преступлением не изме-

няются и не уничтожаются. Определённый интерес (в имуществе, в здоровье, в определённом порядке управления и других социальных благах) и после совершения преступления остаётся в виде потребности. Преступление только затрудняет или ликвидирует возможность удовлетворения этой потребности, возможность реализации интереса. От преступления страдают не интересы сами по себе, как таковые, а только социальные условия (в виде обеспечиваемых возможностей) из осуществления.

В этой связи следует признать необоснованным разделение преступных последствий на ущерб, причиняемый объекту преступления, и преступные последствия в виде материального, политического, морального и т. п. вреда, который причиняется участникам общественных отношений и тем социальным ценностям, по поводу которых устанавливаются эти отношения²³⁵.

Для такого разделения преступных последствий нет оснований потому, что причинение вреда объекту преступления в виде изменения общественных отношений и есть причинение физического, имущественного или морального вреда субъектам общественных отношений. Если бы в общественных отношениях не проявлялись общественные интересы, если бы общественные отношения не были формой реализации общественных интересов, то и сами общественные отношения и их изменения были бы для права безразличными и они не выступали бы объектом уголовно-правовой охраны. Именно потому, что определённые общественные интересы составляют «ядро» общественных отношений²³⁶, эти последние охраняются уголовным законом. Преступное изменение общественных отношений временно или навсегда, полностью или частично ликвидирует обеспечиваемую обществом субъектам общественных отношений возможность реализации своих интересов. Лишённый социальной возможности его осуществления интерес и остаётся лишь в виде абстрактной, осознанной, но не реализованной потребности. В этом и состоит содержание преступных последствий как результат преступного изменения общественных отношений.

²³⁴ М.П. Карпушин и В.И. Курляндский обоснованно считают, что проблема степени разрушительности объекта посягательства и соотношения объекта и преступных последствий является сложной и требующей самостоятельного исследования (Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С.101–102)

²³⁵ Курс советского уголовного права. Т.1. / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. С. 329–330

²³⁶ Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. С.198; Каиржанов Е.К. Интересы трудящихся и уголовный закон. С. 50–56.

Криминалисты некоторых зарубежных стран под последствиями преступления понимают изменения, производимые преступлением в объекте и в предмете преступления²³⁷.

Выделение тех изменений, которые производятся преступлением в предмете посягательства, вполне правомерно. Однако следует иметь в виду, что сами по себе изменения в предмете, без учёта изменений, проведенных преступлением в объекте, не могут выразить всей социальной сущности преступных последствий²³⁸. Например, разрушение какого-либо материального объекта само по себе не раскрывает сути преступления. Если же мы выявим объект преступного посягательства, то преступные последствия предстанут во всей своей полноте и они будут иметь различный характер в зависимости от свойств и особенностей объекта. В одних случаях это может быть посягательство на отношения собственности (ст. 158-164 УК РФ), в других — на общественную безопасность (ст. 205, 209, 212 УК РФ), а в третьих — на экономическую основу страны (ст. 188 УК РФ).

Таким образом, преступные последствия — это противоправное изменение общественных отношений, заключающееся в полном или в частичном, временном или постоянном затруднении или ликвидации возможности осуществления субъектом общественных отношений своих интересов.

Преступные последствия всегда выступают в виде определённого вреда. В зависимости от объективных особенностей преступных последствий в них можно выделить четыре разновидности вреда, причиняемого преступлением: 1) физический вред, причиняемый преступлением; 2) имущественный; 3) моральный и 4) политический. Для большинства преступлений характерно наличие в преступном их последствии нескольких видов вреда. Например, хищение чужого имущества причиняет имущественный, моральный и политический вред, преступления против здоровья причиняют физический, моральный и политический вред и т. п.

Разновидности морального и политического вреда являются общими видами вреда, присущими всем преступлениям. Поскольку всякое преступление аморально и противостоит государственной воле, выраженной в законе, постольку каждое преступление причиняет моральный и политический вред. Размер

этого вреда во многих случаях не влияет на основание уголовной ответственности, и потому он не включается в признаки состава преступления, образуя «формальные» составы преступлений.

Физический и имущественный вред причиняют только отдельные виды преступлений.

В преступных последствиях важно различать их физическую и социальную стороны. Физическая сторона преступных последствий заключается в определённых внешних изменениях в предметах, вещах, людях (например, уничтожение имущества, причинение вреда здоровью, необоснованное осуждение и т. п.).

Социальная сторона преступных последствий представляет собой их социальное свойство и выступает в виде определённого вреда в сфере общественных интересов (лишение возможности пользоваться имуществом, ухудшение здоровья, ослабление обороноспособности страны и т. п.).

Наглядно эти стороны преступных последствий выступают в преступлениях против здоровья, физическая сторона которых может выступать в виде телесных повреждений, прерывания беременности, заражения венерической болезнью, а социальная их сторона — причинение вреда здоровью.

Социальная сторона преступных последствий входит в объект преступления. Причинение физического, имущественного, морального или политического вреда является одним из основных, обязательных признаков объекта преступления.

Физическая сторона преступных последствий входит в объективную сторону преступления.

Наиболее существенной особенностью преступных последствий является их неустранимость. Физический, моральный и политический вред, причиняемый преступлением, невозможно возместить или загладить. Невозможно загладить или восстановить, например, поруганную честь, половую свободу, телесную целостность поврежденных органов или тканей тела, сделать тайной те сведения, которые были разглашены, вернуть к жизни убитого и т. п. Преступление потому и признается общественно опасным, что оно причиняет тяжкий и невосполнимый вред общественным интересам. Не меняет положения тот факт, что в какой-то части преступный вред может быть возмещен или восстановлен. Например, в некоторых случаях может быть возмещён имущественный вред. Однако возмещение стоимости похищенной вещи не всегда свидетельствует о том, что потерпев-

²³⁷ Frestni zakon Kommentar. Praha, 1964. S.30.

²³⁸ Кузнецова Н Ф. Преступление и преступность. С. 51.

шему в полной мере возмещён причинённый вред. Денежная стоимость вещи во многих случаях неравноценна самой вещи (например, в случаях хищения или уничтожения уникальных вещей, фамильных ценностей, памятников и т. п., когда денежная оценка не является полным ценностным эквивалентом²³⁹). Кроме того, следует также учитывать, что преступление вызывает у потерпевших страдания и переживания, которые нередко влекут за собой расстройство здоровья, а потому эти последствия тоже не могут быть устранены²⁴⁰.

В нашей уголовно-правовой литературе неустрашимость как свойство преступных последствий особо не выделяется. Между тем оно имеет немаловажное практическое значение для обоснования общественной опасности конкретных деяний, для характеристики вреда, причиняемого объекту уголовно-правовой охраны, для выбора объектов уголовно-правовой охраны и средств их защиты, для конструкции уголовно-правовых норм. Вся социальная и юридическая характеристика преступления исходит главным образом из данного свойства преступных последствий, которые всецело определяются объектом преступления и принадлежат ему.

Характер преступных последствий наряду с социальной ценностью общественных отношений, охраняемых уголовным законом, составляет основные признаки объекта преступления. Аналогично тому, как действие (бездействие) характеризует объективную сторону, как вина, мотив и цель характеризуют субъективную сторону, так и социальная ценность (важность) общественных отношений и причиняемый их изменением социально опасный вред являются признаками, характеризующими преступление со стороны объекта посягательства.

Неустрашимость преступных последствий как социальное свойство ещё не раскрывает степени повреждения (разрушения) общественных отношений конкретными преступлениями, но создаёт для этого необходимые предпосылки.

---

²³⁹ Именно этим обстоятельством обосновывается включение в УК РФ ст. 164, предусматривающей уголовную ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность.

²⁴⁰ Такие отдалённые последствия мы рассматриваем лишь для анализа их социальной стороны и такого их свойства, как неустрашимость, но вовсе не касаемся проблемы их вменения. Вменёнными могут быть лишь те ближайшие последствия, которые указаны в уголовном законе.

Анализ конкретных видов и способов изменений общественных отношений показывает, что повреждение объекта преступления посягательства может быть различным.

Одни преступления производят в общественных отношениях лишь частичные изменения в их содержании. Такого рода последствия выражаются только в изменении поведения одного субъекта отношения без нарушения социальных возможностей или состояния других субъектов общественных отношений. Например, приготовление к преступлению и некоторые виды покушения на преступление, а также клевета, оскорбление и некоторые виды нарушения правил представляют собой лишь изменение в социально значимом поведении одного из субъектов отношения.

При подобных посягательствах охраняемое уголовным законом общественное отношение не аннулируется, оно продолжает существовать. Его изменение касается только одной его стороны, одного аспекта его проявления — поведения одного из взаимосвязанных, состоящих в отношении субъектов.

Это изменение затрудняет осуществление общественного интереса, ибо он может быть реализован только при взаимном определенном поведении участников общественных отношений. Это наименьшая степень преступного повреждения общественных отношений. Преступные последствия такого деяния состоят лишь в причинении морального и политического вреда. Этот вред, во-первых, количественно не может быть выражен, и, во-вторых, он неустрашим и возмещению не подлежит.

Вторая степень повреждения общественных отношений заключается во временном их разрушении, аннулировании. Общественные отношения при этом в своем единичном проявлении ликвидируются. Например, хищение или уничтожение имущества, побег из-под стражи или из места заключения, уклонение от призыва на действительную военную службу или уплаты алиментов и другие подобные виды преступного поведения характеризуются тем, что определенные единичные общественные отношения временно ликвидируются. Отсутствием соответствующего общественному интересу поведения состоящего в отношении субъекта или совершение им действий вопреки этим интересам ликвидирует возможность осуществления общественных интересов. Но это нарушение в большинстве случаев лишь временное ибо по своему характеру оно поддается восстановлению. Похищенное имущество может быть отыскано и воз-

вращено собственнику, поврежденная вещь восстановлена, а уничтоженная заменена такой же новой, совершивший побег задержан и возвращён в исправительное учреждение и т. п.

Тот факт, что иногда общественные отношения при названных посягательствах не восстанавливаются (например, в тех случаях, когда похищенное имущество и похитившее его лицо не обнаружены, совершивший побег не задержан и не явился с повинной и в тому подобных случаях) не меняет сути дела, но показывает, что такие разрушения общественных отношений значительно более опасны по сравнению с повреждениями общественных отношений первой степени.

Для характера и степени повреждения общественных отношений решающее значение имеет существование реальной возможности их восстановить. При надлежащей работе правоохранительных органов и широкого участия общественности в борьбе с преступностью возможность восстановления измененных подобными деяниями общественных отношений вполне реальна.

Первые два вида повреждений объекта преступления являются разовыми и частичными. И поскольку объект посягательства в данных случаях не уничтожается и не может быть восстановлен, то такое нарушение не отражается на его существовании, а потому всякое новое его нарушение образует новое, самостоятельное преступление.

Третья степень преступного повреждения общественных отношений состоит в их полном разрушении.

В большей части общественные отношения при этом разрушаются потому, что один из субъектов этого отношения навсегда выбывает из взаимосвязи с другими субъектами (лишается жизни, порывает связь) или совершает действия, которые уничтожают «ядро» общественного отношения — общественный интерес (разглашение тайны, уничтожение уникальной вещи и т. п.). Разрушение общественных отношений третьей степени полное и абсолютное. В своем индивидуальном, единичном проявлении общественное отношение перестаёт существовать.

Такие разрушения в общественных отношениях производят, например, убийство и другие случаи лишения жизни, разглашение тайны, государственная измена. Возобновить эти отношения в той части, в которой они разрушены, невозможно, хотя на уровне вида эти отношения продолжают существовать. Преступление всегда изменяет или разрушает только единичное прояв-

ление общественных отношений, только в той его части, в которой общее проявляется в единичном. Общественные отношения отдельного вида могут быть ликвидированы только государством или обществом, но не преступлением. Основные общественные отношения как форма бытия общества меняются только при смене общественно-экономической формации.

Третья степень разрушения общественных отношений наиболее тяжкая. Однако надо иметь в виду, что степень разрушения общественных отношений сама по себе не определяет степени общественной опасности деяния вообще. Степень общественной опасности деяния, очевидно, определяется совокупностью основных признаков объекта — степенью разрушения общественных отношений и их социальной ценностью. Общественную опасность деяния в полной мере можно выявить только с учётом этих признаков объекта уголовно-правовой охраны, которые для данной цели являются определяющими, главными.

Например, повреждение общественных отношений первой степени, составляющих основу государственного строя или личность, может быть более опасным, чем повреждение менее ценных отношений второй степени. Наиболее очевидно это в тех случаях, когда аналогичное нарушение касается различных по социальной ценности отношений. Например, разглашение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283 УК РФ), более общественно опасно, чем разглашение тайны усыновления (ст. 155 УК РФ).

Выявление степени преступного разрушения общественных отношений наряду с их социальной ценностью имеет важное практическое значение для выбора объектов и средств уголовно-правовой охраны, для конструкции составов преступлений, а также для выбора вида и меры наказания и для других целей осуществления правосудия.

Социальная сущность преступных последствий является основным в содержании преступления и создаёт предпосылки для научного определения понятия преступления.

В определении понятия преступления главным образом необходимо выразить социальную сущность преступления — его направленность на общественные отношения и причинение в их сфере социально опасного вреда. Как было показано выше, общественная опасность преступления заключается в изменении общественных отношений, которое является преступным последствием и выступает в виде общественно опасного вреда. В

определении необходимо также закрепить принцип виновности причинения социально опасного вреда в сфере определенных общественных отношений и противоправность их изменения.

С учетом этих наиболее существенных его признаков **преступление** можно определить как общественно опасное, виновное и противоправное посягательство на общественные отношения, причиняющее в их сфере социально опасный вред или создающее угрозу его причинения.

§ 6 Предмет преступления

6.1. Понятие предмета преступления

Проблема предмета преступления в науке уголовного права является одной из наиболее спорных и малоизученных. Специального исследования предмета преступления до последнего времени не проводилось. Некоторые положения о предмете преступления рассматривались главным образом в связи с отграничением его от объекта преступления.

Между тем значение предмета преступления как самостоятельного признака состава преступления и его роль в механизме причинения вреда в сфере определённых общественных отношений, в выявлении объекта посягательства и квалификации преступления имеет немаловажное самостоятельное теоретическое и практическое значение.

Прежде всего изучение предмета преступления способствует более глубокому и правильному выяснению сущности объекта преступления, его конкретизации. Многие уголовно-правовые нормы сконструированы таким образом, что объект уголовно-правовой охраны в них не называется. В подобных случаях его выяснению способствует указание на предмет преступления. Например, не упоминают об объекте посягательства статьи уголовного закона о диверсии, фальшивомонетничестве, причинении вреда здоровью и некоторые другие. Объект посягательства в этих составах можно выявить из описания предмета преступления.

Без установления предмета преступления во многих случаях затрудняется конкретизация объекта преступления. Пока неизвестно, на кого или на что, на какой материальный объект было

оказано преступное воздействие при совершении многих общественно опасных деяний, до тех пор невозможно определить и объект этих посягательств²⁴¹. Часто объекты одного вида не имеют различий (например, жизнь, собственность, честь, достоинство, здоровье). Предмет преступления, напротив, обладает совокупностью признаков, многие из которых имеют самостоятельное уголовно-правовое значение и определенным образом влияют на основание уголовной ответственности и квалификацию деяния. Например, жизнь каждого человека охраняется в равной мере — посягательство на жизнь любого человека по уголовному праву признается убийством либо покушением на него (кроме случаев необходимой обороны и других особых обстоятельств, при которых жизнь не является объектом преступления). Вместе с тем жизнь новорожденного, беременной женщины выделяется законодателем и посягательство на их жизнь образует самостоятельное преступление.

Воздействие на определенный предмет, вещь (материальный объект)²⁴², способ этого воздействия, а также физическое изменение предмета наряду с другими признаками деяния позволяет во многих случаях судить о характере преступления, его общественной опасности. Таковы, например, хищения, телесные повреждения, уничтожение или повреждение имущества, надругательства над государственным гербом или флагом и т. п.

Для многих составов преступлений признаки предмета являются обязательными. Расследование уголовного дела не может считаться законченным, если эти признаки не выявлены. На практике это положение последовательно проводится в жизнь. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда в определении по делу Ф. указала, что «дело подлежит направлению на доследование, если по материалам предваритель-

²⁴¹ Под преступным воздействием мы понимаем предусмотренные уголовным законом действия, направленные на изменение общественных отношений путем физического уничтожения или повреждения вещей (материальных объектов) либо путем определенного влияния на волю участников общественных отношений. Преступное воздействие — это антипод бездействия, но это не всякое действие, а лишь те его виды, при которых субъект воздействует на кого-то или на что-то.

²⁴² Слова «вещь», «предмет» могут употребляться как равнозначные, взаимозаменяемые. (Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963. С. 6).

ного и судебного следствия не представляется возможным сделать вывод о размере похищенного...»²⁴³

Предмет преступления имеет немаловажное значение и для правильной квалификации деяния. Физические или социальные свойства предмета преступления во многих случаях служат основанием для разграничения смежных преступлений, а также для отличия преступления от неправомерных действий. Например, хищение огнестрельного оружия образует посягательство против общественной безопасности (ст. 226 УК РФ), а хищение гладкоствольного охотничьего оружия — преступление против собственности.

Для квалификации деяния имеют значение многие признаки не только объекта, но и предмета преступления²⁴⁴. Например, по признакам предмета различаются преступления, предусмотренные ст. 186, 187, 243 и 267 УК РФ. Д.Н.Розенберг правильно заметил, что во многих случаях юридическая квалификация бывает различной независимо от того, что посягатель воздействует непосредственно на имущество²⁴⁵. Таковы, например, хищения, самоуправство, обмеривание, обвешивание, нарушение правил о валютных операциях, посягательство на общественную безопасность и т. п.

М.И.Федоров, напротив, считает, что предмет посягательства сам по себе не является элементом состава преступления и его отсутствие или особые свойства не оказывают влияния на квалификацию преступления²⁴⁶.

Такое утверждение нельзя признать правильным. Общеизвестно, например, что отсутствие имущества, на хищение которого покушался виновный, влияет на квалификацию деяния. Равным образом оказывают влияние на квалификацию деяния и свойства предмета преступления, например размер имущества, ценность документов и другие особые свойства (взрывчатые,

²⁴³ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1968. № 9. С. 5–7.

²⁴⁴ Это обстоятельство отмечали и русские дореволюционные юристы. Напр., А.Лохвицкий писал, что «степень зла, степень наказания зависит иногда от качества вещи. Похищение церковного имущества (вещей) составляет не кражу, а «отличное от кражи преступление — святотатство <...> Наказания за истребление недвижимых вещей несравненно строже, чем за истребление движимых...» (Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. С. 215).

²⁴⁵ Розенберг Д.Н. Указ. соч. С. 56.

²⁴⁶ Федоров М.И. Указ. соч. С. 192.

ядовитые, наркотические, сильнодействующие вещества, огнестрельное, холодное оружие и т. п.). Хищение, например, наркотических веществ квалифицируется не по статье об ответственности за кражу, а по ст. 219 УК РФ. Особые свойства предмета этого преступления меняют объект посягательства. При хищении наркотических веществ основным объектом выступает здоровье населения, а собственность — дополнительным.

Социально значимое действие в отношении одного и того же предмета, может иметь различную социально-политическую оценку или юридическую квалификацию в зависимости от объекта посягательства, от того общественного отношения, на изменение которого направлено это действие, а также от размера причиняемого им вреда. Незаконная порубка и кража леса — это различные деяния, так как различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты.

В равной мере и причинение вреда в сфере одного и того же объекта уголовно-правовой охраны может быть достигнуто путем воздействия на различные предметы. Например, посягательства на здоровье населения совершаются изготовлением и распространением различных ядовитых, сильнодействующих и наркотических веществ (ст. 228, 234 УК РФ).

Уголовно-правовое значение предмета преступления определяется в первую очередь не его физическими свойствами, а характером и содержанием выражающихся в нем общественных отношений. В уголовно-правовом смысле предмет всегда выступает в связи с конкретными общественными отношениями. В большинстве случаев в уголовном законодательстве указывается не на предмет сам по себе, а и на те общественные отношения, выражением которых он является. Например, закон говорит не об имуществе вообще, а о чужом имуществе, не о флаге и гербе вообще, а о государственных флаге, гербе и т. д.

М.А.Гельфер обоснованно критиковал тех криминалистов, которые утверждают, что предмет преступления якобы находится в полной независимости от объекта преступления. Однако далее он допускал ошибку, отрицая возможность различных общественных отношений, охраняемых уголовным законом²⁴⁷. В действительности один и тот же предмет может быть выражением различных общественных отношений, например, человек, деньги, документы. Но из этого вовсе не вытекает, что предмет

²⁴⁷ Гельфер М.А. Указ. соч. С. 19

независим от объекта — общественного отношения. Без общественного отношения, в отрыве от общественных отношений вещь не может быть предметом преступления, ибо в таком случае воздействие на неё не может изменить общественных отношений (объекта). Например, уничтожение не имеющих хозяйственного значения вещей или предметов, выброшенных собственником за ненадобностью. Такие вещи не могут быть предметом преступления именно потому, что они вышли из сферы общественных отношений.

Признаки предмета преступления нередко выступают квалифицирующими признаками состава преступления (например, отдельные виды животных в ч. 2 ст. 256 УК РФ, беременность в п. «г» ст. 105 УК РФ, несовершеннолетие в ч. 2 ст. 131 УК РФ).

Разграничения объекта и предмета преступления имеет важное значение для уяснения и разграничения цели и преступных последствий. Если преступное последствие — это социально опасный вред в сфере общественных отношений, то преступная цель — это во многих случаях идеальный образ реальной ценности (вещи), которой субъект стремится завладеть, повредить её или уничтожить.

Характер и степень тяжести преступных последствий в значительной мере определяются особенностями и свойствами предмета преступления, так как лишить жизни можно лишь живое существо, похитить можно только имущество. Многие преступления совершаются путем причинения социально опасного вреда только воздействием на определенные материальные объекты (например, преступления, предусмотренные ст. 221, 223, 229, 250, 258, 260, 267, 302 УК РФ).

Определение предмета преступления имеет важное практическое значение только для отграничения его от средств, орудий совершения преступления, так как одна и та же материальная вещь может быть и предметом и орудием совершения преступления (например, оружие, документы, транспортные средства, инструменты, инвентарь и т. п.).

Орудия и средства совершения преступления отличаются от предмета посягательства тем, что они ни в какой связи с теми общественными отношениями, на которые совершается посягательство, не состоят. Например, оружие, используемое при убийстве, ни в какой связи с отношениями по обеспечению жизни не находится. Предмет преступления, напротив, всегда со-

стоит в связи с объектом, на который совершается посягательство.

Говоря о значении различия предмета и объекта преступления, В.Н.Кудрявцев отмечает, что уголовный закон охраняет не вещи и предметы сами по себе, а те общественные отношения, которые являются объектами посягательства. Поэтому для многих институтов уголовного права важное значение имеют понятие предмета, его особенности и причиняемый предмету вред²⁴⁸.

Таким образом, свойства и особенности предмета преступления имеют значение для многих институтов уголовного права: для уяснения и конкретизации объекта посягательства, решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности, квалификации деяния и назначения наказания. Некоторые теоретические и практические задачи уголовно-правовой охраны не могут быть решены или решение их значительно затрудняется из-за недостаточного исследования проблемы предмета преступления, его связи с другими признаками состава преступления, значения предмета преступления для основания уголовной ответственности и квалификации деяния. Практическое значение предмета преступления состоит и в том, что для многих составов преступления предмет является одним из основных, обязательных признаков. Таковы, например, все корыстные преступления. Если не установлен конкретно предмет посягательства при совершении таких деяний, как хищения и некоторые другие, то вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности не может быть решен положительно. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, в своем определении по делу Зубовой указала, что обвинительный приговор по делу о краже не может быть оставлен в силе, если в приговоре не указаны похищенные вещи и он не содержит указания их количества²⁴⁹.

²⁴⁸ Кудрявцев В.Н. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву. // Труды Военно-юридической Академии, 1951. Вып. 13. С. 66–67. Следует, однако, отметить, что более точно было бы говорить о повреждении или уничтожении предмета, так как вред можно причинить кому-то, а не чему-то.

²⁴⁹ Судебная практика Верховного Суда СССР. Вып. 5. М., 1945. С.6; см.: также постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26 февраля 1969 г. по делу Рыжова (Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1969. № 7. С. 12).

Отмеченные обстоятельства вызывают необходимость всестороннего исследования проблемы и определения предмета преступления, поскольку до настоящего времени в нашей юридической литературе предмет преступления определялся по-разному. Наиболее распространенным является взгляд на предмет преступления как на вещь, в связи с которой или по поводу которой совершается преступление²⁵⁰. При этом сторонники данной концепции отмечают, что вред преступлением причиняется не предмету, а объекту преступления. Предмет в отличие от объекта не терпит вреда от преступления²⁵¹.

Другие авторы предметом преступления признают те вещи материального мира, воздействуя на которые субъект причиняет вред объекту преступления²⁵².

По мнению Н.А.Беляева, предмет преступления — это элемент объекта посягательства, воздействуя на который преступник нарушает или пытается нарушить общественные отношения²⁵³.

Некоторые авторы высказываются против разграничения объекта и предмета преступления, мотивируя свою позицию то-

ждеством понятий «объект» и «предмет» и отсутствием практического значения такого разграничения²⁵⁴.

Б.С.Никифоров, например, считает, что предмет преступления — это всего лишь составная часть объекта преступления — общественного отношения, и приходит к выводу об отсутствии необходимости в самостоятельном исследовании предмета преступления²⁵⁵.

Вряд ли, однако, можно согласиться с отождествлением предмета преступления с его объектом²⁵⁶.

Объектом преступления являются общественные отношения. Предмет преступления — материальная или идеальная ценность (вещь) не тождественная общественным отношениям. Она лишь свойство, сторона или, точнее, совокупность свойств, сторон объекта (общественных отношений, в которых эти общественные отношения проявляются) и в этом своем качестве выступает как «часть» общественных отношений.

Материальные общественные отношения всегда связаны с вещами и проявляются как определенные материальные объекты (вещи), и без них такие отношения немыслимы, невозможны. Например, отношения собственности проявляются в виде вещей, имущества, производственные отношения являются вещными отношениями.

Материальный объект (вещь) является системой определенного количества свойств²⁵⁷, в которых проявляются общественные отношения, и потому он неотделим от них, как и общест-

²⁵⁰ *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 179; *Брайнин Я.М.* Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве. С. 58–59.

²⁵¹ В.Г.Макашвили различает вред, причиняемый объекту (этот вид вредного результата он называет преступными последствиями в «широком смысле слова»), и вред, причиняемый предмету преступления (этот вид последствий автор называет последствиями в «узком смысле слова»). (*Макашвили В.Г.* Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957. С. 158). Представляется очевидным, что вещь при хищении, уничтожении и т. п. преступлениях не терпит никакого вреда, даже в «узком смысле слова».

²⁵² *Загородников Н.И.* Указ. соч. С. 44. При этом Н.И.Загородников обоснованно подчеркивал, что выделение предмета преступления имеет большое как теоретическое, так и практическое значение (Советское уголовное право. Часть Общая./ Под.ред. Н.И.Загородникова. М., 1962. С. 104). Уголовная ответственность за хищения, хозяйственные преступления и взяточничество. / Под ред. проф. М.И. Якубовича. М., 1967. С.13.

²⁵³ Курс советского уголовного права. Т.1 / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. С. 303.

²⁵⁴ *Васильев А.Н.* Преступления против социалистической собственности. М., 1959. С. 19; *Михайлов М.П.* Указ. соч. С. 42.

²⁵⁵ «Проблема предмета преступления, — пишет Б.С.Никифоров, — в её нынешнем виде по существу снимается, потому что устраняется необходимость в самостоятельном исследовании предмета преступления как явления, лежащего за пределами объекта и ведущего самостоятельное по отношению к нему существование». (*Никифоров Б.С.* Объект преступления по советскому уголовному праву. С. 130–132).

²⁵⁶ В литературе правильно отмечалось, что отказ от выделения и разграничения предмета преступления и объекта посягательства затрудняет уяснение содержания того общественного значения, которому преступное деяние причиняет вред, что может в свою очередь повести к неправильной оценке характера общественной опасности совершенного преступления и ошибочной его квалификации (Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1969. С. 111)

²⁵⁷ *Уемов А.И.* Вещи, свойства и отношения. М., 1963. С. 21, 62.

венные отношения неотделимы от материального объекта, в котором они проявляются. Из этого вовсе не следует, что отпадает необходимость в выделении и самостоятельном исследовании предмета преступления. Исследование, познание предмета, явления как раз предполагает познание целого по частям, так как истина складывается из совокупности всех сторон явления в их взаимосвязи.

Признание общественного отношения объектом преступления, предполагает и вызывает необходимость выявления и исследования всех признаков, свойств и особенностей этой стороны преступления. Как нельзя уяснить субъективную сторону преступления без её признаков (вины, мотива, цели), так нельзя уяснить и объект преступления, если не выявить систему его свойств и их взаимосвязь.

Солидаризуясь с Б.С.Никифоровым, И.С.Самощенко считал, что нет необходимости в самостоятельном исследовании предмета преступления, что различие объекта и предмета правонарушения имеет смысл лишь в плане различия между общественными отношениями как объектом правонарушения и теми явлениями, в которые эти отношения воплощаются²⁵⁸.

Но даже если бы предмет преступления не имел никакого юридического значения, его следовало бы исследовать уже потому, что он является «частью» объекта, совокупностью его сторон, свойств. Такое исследование было бы необходимым потому, что познание целого немислимо без познания его частей, его свойств, без уяснения всей системы этого целого и взаимосвязи его частей.

А.А.Пионтковский полагал, что о предмете преступления можно и должно говорить лишь тогда, когда в отличие от объекта преступления на него (предмет) не происходит посягательства²⁵⁹. Во всех иных случаях, по мнению А.А.Пионтковского, материальная вещь является не предметом, а непосредственным объектом посягательства. Например, при хищении в качестве непосредственного объекта посягательства выступает чужое

имущество, продукты сельского хозяйства, инвентарь, денежные средства, урожай на корню²⁶⁰.

Вся концепция А.А.Пионтковского основывается на тождестве предмета и объекта преступления. По его мнению, непосредственный объект и есть предмет, на который воздействуют. Исходя из этого, А.А.Пионтковский считал, что для характеристики объекта преступления при хищении нет необходимости вместо понятия непосредственного объекта создавать особое понятие предмета посягательства²⁶¹.

Отметим прежде всего, что выделение и исследование предмета преступления требуется проводить не вместо изучения объекта преступления, а наряду с ним и как раз для более глубокого и всестороннего изучения объекта преступления. И, далее, предмет преступления нет необходимости создавать. Он существует как явление реально, и потому необходимо исследовать, определить, выявить его роль и значение для теории и практики.

По мнению А.А.Пионтковского, излишнее увлечение в уголовно-правовой литературе проблемой разграничения объекта и предмета преступления повлекло за собой ослабление внимания к теоретической разработке действительно существенных вопросов учения об объекте преступления²⁶². В действительности имеется больше оснований говорить о недостаточном внимании к предмету преступления, чем об увлечении им. Кроме того, исследование проблемы предмета преступления как раз и есть путь к выявлению связи предмета преступления с объектом, их соотношении и т. д.

А.А.Герцензон считал, что предметом преступления могут быть как конкретные материальные предметы, так и те интересы, на которые направлено посягательство²⁶³.

Отнесение к предмету преступления интересов, на которые направлено деяние, на наш взгляд, необоснованно. Интересы как осознанные потребности в определенных материальных или

²⁵⁸ Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 121.

²⁵⁹ Курс советского уголовного права. Т.2 / Под ред А.А. Пионтковского. С. 117–119.

²⁶⁰ Курс советского уголовного права. Т.4. / Под ред. А.А. Пионтковского. С. 311, 318.

²⁶¹ Там же. С. 312.

²⁶² Пионтковский А.А. Указ соч. С. 143.

²⁶³ Уголовное право. Часть Общая. / Под ред. А.А. Герцензона. С. 291; Т.Л.Сергеева правильно заметила, что при таком определении предмета преступления его трудно отличить от объекта посягательства (Сергеева Т.Л. Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву. М., 1949. С. 39).

идеальных ценностях не могут быть предметом преступления. Предметом преступления могут быть только сами эти материальные ценности, в связи с которыми или по поводу которых совершается преступление.

По мнению В.Н.Кудрявцева, предметом преступления могут быть: а) сами субъекты общественных отношений и б) вещи как предпосылки общественных отношений или как форма закрепления общественных отношений²⁶⁴. Вместе с тем В.Н.Кудрявцев считает, что предметом преступления могут быть также действия участников общественных отношений²⁶⁵.

Как было показано выше, действия участников общественных отношений — это сами общественные отношения, их содержание. Кроме того, на действие невозможно оказать воздействия прямо, непосредственно (а только путем воздействия на деятеля или на материальные объекты), и потому оно не может быть признано предметом преступления.

Основное же возражение против признания действия предметом преступления состоит в том, что изменить поведение субъекта можно только путем воздействия на его волю или сознание, а не на само поведение. Кроме того, в момент такого воздействия общественно вредного поведения в большинстве случаев ещё нет, оно выступает только в качестве возможного (например, подстрекательство, соглашение о даче и получении взятки, вовлечение в преступную деятельность и т. п.).

Поэтому нет оснований относить к предмету преступления поведение, так как субъект воздействует не на поведение, а на волю или на тело действующего лица, т. е. воздействует на другой субъект физически или психически. Примером воздействия

на поведение лица называют преступления, предусмотренные ст. 151, 290 УК РФ, и некоторые другие. Однако нетрудно увидеть, что при совершении названных преступлений виновный воздействует не на поведение, а на конкретное лицо, на его волю и сознание. При этом сторонники этого взгляда указывают, что общественные отношения в таких случаях нарушаются путем видоизменения действия одного преступника либо других лиц по воле преступника²⁶⁶.

Между тем при совершении преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ, поведение несовершеннолетнего можно видоизменить, только оказав определенное воздействие на него. Только потому и наступает уголовная ответственность по ст. 151 УК РФ, что виновное лицо влияет определенным образом на несовершеннолетнего и таким путем вовлекает его в преступную деятельность. Без такого воздействия уголовная ответственность взрослого исключается²⁶⁷. Значит, воздействие при этом оказывается не на действие, а на волю лица с целью вызвать в нем решимость совершить определенные желаемые для виновного действия. В этом смысле воздействие на предмет ничем не отличается от воздействия на иных лиц с целью изменения их деятельности (например, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 302, 318, 321 УК РФ).

Недостаток большинства определений предмета преступления состоит в том, что они охватывают только предметы преступлений против собственности, либо корыстных посягательств (хищений, взяточничества и т. п. преступлений).

Между тем преступление как явление реальной действительности всегда проявляется во вне, находит какое-то внешнее выражение. Наиболее общим объективным признаком преступного деяния являются его внешнее проявление, те изменения в окружающем мире, которое оно производит. Вызвать эти изменения в большинстве случаев можно путем реального и действительного воздействия на окружающий мир, который выступает в

---

²⁶⁴ Кудрявцев В.Н. О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву. С. 48. Сходные и в основном правильные положения о предмете и объекте преступления и необходимости их разграничения были высказаны Г.А.Кригером. Однако в понятие предмета преступления Г.А.Кригер необоснованно включает, кроме физических лиц и вещей, процессы, служащие условием или предпосылкой существования общественных отношений (Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве. С. 123).

²⁶⁵ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 148. Н.А.Беляев также считает, что предметом преступления является деятельность субъектов общественных отношений (Курс советского уголовного права. Т.1 / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. С. 304).

---

²⁶⁶ Там же. С. 305.

²⁶⁷ Пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях не совершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную общественную деятельность» от 3 декабря 1976 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977. М., 1978. Ч. 2. С. 302.

виде материальных объектов: предметов, вещей, живых существ.

Для более глубокого уяснения сути этого воздействия необходимо более полно выявить ту материальную ценность, которая подвергается воздействию при совершении преступления или по поводу которой оказывается преступное воздействие на участников общественной жизни. Для этого необходимо определить её место в структуре объекта, взаимосвязь с объектом и с другими сторонами преступления.

Правильно выразить и объяснить какое-либо явление можно только путем раскрытия свойств этого явления и его связей с другими явлениями. В полной мере это относится и к предмету преступления. В философии сущностью всякого предмета, явления признаются их наиболее главные, основные свойства, тех из них, которые определяют природу и все остальные признаки и свойства предмета, явления. Сущность предмета, явления — это существенные свойства, связи, противоречия и тенденции развития предмета, явления²⁶⁸.

Поскольку в философском смысле объектом воздействия для субъекта выступают материальные объекты, конкретные вещи реального мира, постольку и объектом преступного воздействия могут быть признаны реальные, конкретные материальные объекты, на которые может быть оказано непосредственное воздействие. Таковыми могут быть вещи, предметы, живые существа. Нельзя признать предметом преступления такие явления реальной действительности, на которое воздействие не может быть оказано прямо, непосредственно (например, действия, процессы, идеальные вещи). Действительным предметом насилия в преступлении, по мнению Г.В.Ф. Гегеля, может быть не сама по себе свободная воля, а лишь внешнее выражение свободы лица — тело и его жизнь, его собственность²⁶⁹.

Вместе с тем необходимо выделить и другую сторону предмета преступления — его связь с объектом преступления — общественным отношением. Это вторая, социальная сторона предмета преступления имеет более важное значение для уяснения его сути, роли и места в уголовно-правовой науке и практи-

ке, а потому в научном понятии предмета преступления она должна быть определяющей, главной.

В связи с этим мы полагаем, что предмет преступления необходимо рассматривать как систему качеств, как совокупность свойств, сторон объекта — общественного отношения. Предмет преступления — это та сторона общественного отношения (объекта преступления), воздействуя на которое субъект изменяет данное общественное отношение и этим причиняет социально опасный вред.

Таким образом, предметом преступления следует признать материальный объект, в котором проявляются общественные отношения и воздействуя на который субъект изменяет эти общественные отношения. Однако такое определение предмета окажется неполным, если не учитывать, что под материальным объектом в данном определении понимается как объект, так и субъект, поскольку человеческая деятельность представляет собой активность субъекта, направленную на объекты или на другие субъекты²⁷⁰. Это обстоятельство необходимо учитывать потому, что общественные отношения могут быть нарушены воздействием как на материальный объект, так и на субъект отношения, т. е. путем воздействия на любую сторону общественных отношений²⁷¹.

В таком понимании предмет преступления нетрудно обнаружить в подавляющем большинстве преступлений: против собственности, против личности, против порядка управления, против общественной безопасности и некоторых других²⁷². Наряду с

²⁷⁰ Каган М.С. Указ. соч. С. 43.

²⁷¹ Р.Р.Галиакбаров, П.С.Тоболкин, А.Ф.Соколов и А.Я.Эренбург по этому поводу высказали недоумение: каким образом может быть оказано психическое воздействие на материальный объект? (Галиакбаров Р.Р., Тоболкин П.С., Соколов А.Ф., Эренбург А.Я. Две книги об объекте и предмете преступления. // Эффективность уголовного права на современном этапе: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 54. Свердловск, 1977. С. 153). Недоумение понятное, так как на с. 14 рецензируемой ими книги отмечается, что на основе философского понимания предметной сущности человека под материальным объектом понимается как объект, так и субъект.

²⁷² Нельзя согласиться с теми авторами, которые полагают, что предмет преступления отсутствует в преступлениях против личности, против порядка управления (Криволапов Г.Г. Объект и предмет посягательства приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем. // Сборник ста-

²⁶⁸ Спиркин А.Г. Курс марксистской философии. М., 1966. С. 171; Уемов А.И. Указ. соч. С. 21, 62.

²⁶⁹ Гегель Г.В.Ф. Введение в философию (философия пропедевтика). М., 1927. С. 54.

этим существует значительное число преступлений, которые не имеют предмета воздействия и которые условно можно именовать беспредметными. Беспредметными являются главным образом те преступления, которые совершаются путем бездействия (невыполнение лежащей на субъекте отношения социальной обязанности) и некоторые виды нарушения правил²⁷³.

Те преступления, которые имеют предмет посягательства (предметные), могут быть совершены только путем воздействия на этот предмет. Нельзя совершить предметное преступление, ни на что или ни на кого не воздействуя. Сколько бы субъект ни желал наступления определенного вреда, этот вред не наступит без соответствующего воздействия на материальный предмет — субстрат общественных отношений.

Для уяснения сущности предмета преступления и отграничения его от объекта необходимо указать на различия в особенностях и характере вреда, причиняемого в сфере объекта преступления и повреждения предмета. Общественное отношение как объект преступного посягательства в своем индивидуальном проявлении может быть изменено в его содержании или ликвидировано вовсе. Только в этом смысле и можно говорить о причинении вреда объекту. Поскольку объект преступления — это общественное отношение, то оно может быть нарушено или уничтожено. Не меняет сути дела тот факт, что нарушенные общественные отношения во многих случаях восстанавливаются и причиненный преступлением имущественный вред возмещается. При совершении других преступлений, таких, например, как убийство, оскорбление и некоторые другие преступления против личности, а также при совершении некоторых преступлений против порядка управления нарушенные общественные отношения не могут быть восстановлены и причиненный этими деяниями вред возместить невозможно.

Особенности предмета преступления, напротив, состоят в том, что преступления в большинстве случаев не причиняют

тей адьюнктов и соискателей. М., 1966. С. 105), в некоторых видах промысла (Трофимов С.В. Ответственность за занятие запрещенным промыслом. 1968. С. 26).

²⁷³ Вывод о том, что беспредметных преступлений не существует, не обоснован (Полячек Ф. Указ. соч. С. 125; Каиржанов Е. Основные теоретические проблемы объекта уголовно-правовой охраны в СССР: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Киев, 1975. С. 24).

вреда предмету преступления²⁷⁴. Например, при хищении имущества похищенная вещь не терпит никакого вреда и продолжает выполнять своё социальное назначение, удовлетворяя потребности её нового обладателя. В отличие от объекта предмет преступного посягательства повреждается лишь в виде исключения. Такое исключение составляют случаи уничтожения или повреждения вещей, документов, бланков, печатей, зданий, сооружений, лесных массивов, посевов и других материальных объектов.

Наиболее существенный и специфичный признак преступления — причинение неустранимого или трудноустранимого социально опасного вреда. При отсутствии этого свойства деяние не должно признаваться преступлением. Если причиняемый определенным поведением социальный, хотя бы и опасный, вред можно легко устранить, то ответственность причинителя должна быть не уголовно-правовой.

Причиняемый предмету преступления вред характеризуется физическим уничтожением или повреждением предмета, вещи. Наряду с уничтожением или повреждением предмета изменяются либо вовсе аннулируются соответствующие общественные отношения, ибо отношения не могут существовать вне и независимо от вещей²⁷⁵.

При этом следует различать физическое повреждение или уничтожение вещи, предмета в целом или какой-либо его части, которое затрудняет или вовсе прекращает её существование (функционирование) и причинение социального вреда путем уничтожения или повреждения вещи, предмета в виде материального, имущественного ущерба или вреда здоровью, жизни, хозяйству, управлению и т. п.

Причиняемый объекту посягательства вред носит социальный характер и выражается в изменении или ликвидации общественных отношений. Вред, причиняемый преступлением предмету посягательства, носит чисто физический характер и заключается в физическом уничтожении или повреждении предмета, вещи, животного, растения. Из этого можно сделать вывод, что

---

²⁷⁴ Утверждение о том, что предмет преступления всегда подвергается изменению (Курс советского уголовного права. Т.1. / Под ред А.А. Пионтковского. С. 306), необоснованно. При совершении хищений, взяточничестве и некоторых других видов преступлений изменяются только общественные отношения.

²⁷⁵ Уемов А.И. Указ. соч. С. 70

в системе преступных последствий причинение вреда предмету преступления является факультативным результатом деяния, тогда как причинение вреда объекту — изменение общественных отношений, является обязательным признаком преступления.

Таким образом, не вещь сама по себе, а вещь как совокупность сторон, свойств общественного отношения охраняется правом и воздействие на эту вещь причиняет социально опасный вред в сфере этих общественных отношений. Без конкретизации этих отношений невозможно определить ни сути посягательства, ни его общественной опасности, как и невозможно дать ему правильную социально-политическую и юридическую оценку.

В то же время необходимо выделить, установить, конкретизировать и предмет преступления, так как одна и та же вещь может быть выражением различных общественных отношений. Преступное воздействие на один и тот же материальный объект может причинить вред различным общественным отношениям и потому иметь различное уголовно—правовое значение. Например, воздействие на транспортные средства может быть и их хищением, и угоном, и уничтожением либо повреждением, и самоуправством²⁷⁶.

Существенным свойством предмета преступления, его особенностью является конкретность. Предметом определенного посягательства может быть не всякое имущество и не имущество вообще, а конкретная вещь, имеющая наименование, вес, цвет, размер, стоимость и т.п.; не вообще человек, а конкретное лицо определенного возраста, пола, национальности, фамилии и т. д.; не вообще документ, а паспорт Иванова, диплом Петрова и т. д.

Изложенное позволяет заключить, что **предмет преступления** — это конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные стороны, свойства общественных отношений (объекта преступления), путем физического или психического воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере этих общественных отношений.

В философии предметом называется отдельная часть, единица существующего, всё то, что может находиться в отношении или обладать каким-либо свойством. Предметы могут быть материальными или идеальными (понятия, суждения и т. п.). Для уголовно-правовой практики такое понимание предмета неприемлемо. Прежде всего потому, что на идеальные предметы (идеи, суждения, понятия) не может быть оказано прямое, непосредственное преступное воздействие с целью изменения определенных общественных отношений. Кроме того, при совершении многих преступлений социальная ценность как предмет, ради которой совершается такое деяние, находится не в сфере объекта посягательства, а в сфере иных общественных отношений. Например, злостное уклонение от уплаты алиментов посягает на отношения по воспитанию детей. Предметом этих отношений в философском смысле является идея воспитания как социальная ценность. Однако нетрудно увидеть, что данное преступление совершается не по поводу этой ценности, а по поводу ценностей материальных, находящихся в сфере отношений собственности. Идея воспитания в данном случае не подвергается непосредственному преступному воздействию, преступление совершается не по её поводу, а потому она как предмет не имеет иного уголовно-правового значения, кроме того, что она характеризует одну из сторон объекта преступления. В силу этого идеальные предметы не могут быть предметами преступления.

Предмет преступления — это материальная сторона объекта преступления, на которую оказывается преступное воздействие, но это не сам объект преступления. Многие общественно опасные деяния совершаются путем определенного воздействия на предмет преступления. Установление в каждом конкретном случае предмета преступления позволяет более полно уяснить объект преступления и его общественную опасность, облегчает квалификацию деяния, способствует осуществлению правосудия.

6.2. Квалификация предметов преступления и их правовой режим

Для уяснения социальной сущности и юридической природы предмета преступления, его места в системе признаков преступления и влияния на квалификацию деяния немаловажное значе-

²⁷⁶ В.А.Владимиров обосновано считает, что «отнюдь не свойства и характер похищенного имущества, а те общественные отношения, которые оно выражает, то есть объект, а не предмет, лежит в основе правовой оценки (квалификации) совершенного преступления» (Владимиров В.А. Квалификация преступлений против личной собственности. М., 1968 С. 21).

ние имеет научно обоснованная квалификация предметов преступления.

Квалификация предметов преступления может быть проведена по различным основаниям в зависимости от её целей.

Для выяснения роли и места предмета преступления в общем механизме совершения преступления она может быть проведена по социальным критериям: социальное назначение предмета, его особенности, ценность и другие.

По этим признакам всё разнообразие предметов преступления можно разделить на три большие группы:

- 1) люди;
- 2) вещи;
- 3) животные и растения.

В каждой группе предметы объединены по определенным родовым признакам.

В родовой группировке можно выделить ряд общих характерных социальных особенностей, признаков (социальная роль, назначение, ценность и т. п.). В свою очередь родовая группировка распадается на несколько видовых.

Видовой предмет преступления — это общее понятие того конкретного предмета, путем воздействия на который совершается преступление данного вида.

Классификация предметов преступления в известной мере облегчает установление видового предмета преступления, а он в свою очередь указывает на конкретный предмет преступного воздействия.

Положение не меняется оттого, что во многих составах преступления нет прямого указания на его предмет. Оно отсутствует в тех составах, в которых воздействие на любой предмет данного вида признается равноценным для основания уголовной ответственности. Например, в статье УК об ответственности за убийство называются лишь деяние и его последствия. Называть предмет преступления в данном случае нет необходимости, так как закон в равной мере охраняет жизнь всякого человека. Ошибка в предмете в таком случае не имеет юридического значения.

Конкретным предметом при совершении этих преступлений будет определенная вещь, на которую было оказано преступное воздействие. Вещи в свою очередь также распадаются на видовые предметы — имущество, деньги, документы, оружие, наркотики и т. п.

Схематически классификация предметов преступления может быть представлена в следующем виде.

Классификация предметов преступления

Общий	Родовой	Видовой предмет	Статьи УК, устанавливающие уголовную ответственность за воздействие на видовой предмет
1	2	3	4
материальные объекты	люди	тело человека	105—108, 109—115, 117—118, 127—128, 137—139, 143, 205, 209, 212, 295—296, 317, 321, 333, 334, 357, 360
		психика	110, 119, 133, 141—142, 150—151, 155, 159, 200, 212, 213, 230, 237, 270, 282-283, 290—292, 298, 299—303, 305—308, 309—311, 319—320, 336, 354
	растения и животные	животные, выращенные человеком	158—165, 213, 330
		дикие животные	256—259
		растения	260, 261, 262, 213

вещи	имущество	158—164, 165, 167—176, 185— 188, 191—193, 198-200, 212, 213, 228—229, 231, 234, 263— 264, 267, 281, 312, 316, 330, 346—348
	деньги	158—165, 186, 187, 193
	документы	138—140, 142, 170, 182, 185, 196, 199, 210, 233, 275, 276, 284, 292, 303, 324—327
	оружие	205—206, 208, 209, 212, 222— 226, 279, 349, 355
	иные: наркотики, могилы, герб, флаг, жилище, корреспонденция и др.	137—139, 148, 214, 228—232, 243, 244, 262, 323, 329, 345

Высказывания некоторых ученых, что преступление против личности — беспредметное, не может быть принято. Известно, что Гегель и Фейербах рассматривали человека как предметное природное существо и считали, что непредметное существо есть невозможное, нелепое существо. Именно на эту предметную, природную сторону человека и оказывается во многих случаях преступное воздействие при совершении посягательств на личность (на жизнь, здоровье, половую свободу).

При том необходимо подчеркнуть, что при совершении посягательств против личности и некоторых других предметов преступления выступает не потерпевший, не люди вообще, а человек как живое биологическое существо, человек в своём природном предметном существе. Признавать потерпевшего пред-

метом преступления нет оснований, так как это не тождественные понятия. Хотя предмет преступления и потерпевший часто совпадают в одном лице, однако потерпевший — это понятие в большей степени процессуальное²⁷⁷. Потерпевший во многих случаях ни в какой связи с объектом посягательства не состоит (например, при посягательствах на собственность, на личность, общественную безопасность и т. п.).

Нетрудно увидеть, что при совершении многих преступлений предмет преступления и потерпевший не совпадают в одном лице. Потерпевшими могут быть признаны и те лица, на которых виновный прямо, непосредственно не воздействовал (например, на собственника имущества при краже, на родителей или близких убитого и т. п.). Поэтому для отождествления потерпевшего с предметом преступления нет оснований даже и в тех случаях, когда преступление было совершено путем воздействия на участника того общественного отношения, которое в данном случае выступало объектом преступления. Понятие «потерпевший» и «предмет» преступления являются перекрещивающимися, а не совпадающими, взаимозаменяемыми.

М.И.Федоров одним из первых в литературе указал на необходимость различать личность как объект преступления и личность как его предмет²⁷⁸. Ошибка М.И.Федорова заключается лишь в том, что он предметом посягательства признавал не человека как природное, биологическое живое существо, а личность. Б.С.Никифоров обоснованно критиковал его за эту ошибку²⁷⁹.

²⁷⁷ В уголовно-процессуальной литературе признается, что потерпевшим может быть как физическое лицо — гражданин, так и юридическое лицо — организация, предприятие, учреждение. (Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т.1. С. 253). Но очевидно, что юридические лица не могут быть предметом преступления. Хотя в некоторых случаях закон и говорит о нападении на государственные учреждения или предприятия (ст. 209 УК), о воспрепятствовании законной деятельности журналистов (ст. 144 УК), однако и эти преступления совершаются путем определенного воздействия на конкретных лиц, на отдельные материальные объекты, которые и должны признаваться предметом данных преступлений.

²⁷⁸ Федоров М.И. Указ. соч. С. 190.

²⁷⁹ Никифоров Б.С. Объект преступления. С. 52.

В человеке следует различать его социальную и биологическую стороны²⁸⁰. Биологическая сущность человека заключается в его физическом состоянии, в состоянии и функционировании его тела и отдельных органов. В этом и состоит предметная, природная сущность человека. Социальная сущность человека — это его социальная характеристика—образование, род деятельности, место жительства и работы, семейное положение, общественное поведение и т. д.

С рассматриваемой нами стороны биологическое в человеке — это предмет преступления, социальное, его личность — объект. Причинить вред личности можно только воздействуя на предмет — на тело человека или на его психику.

Человек является частью природы и выступает именно в качестве природного, предметного существа. К сожалению, на эту сторону человека в уголовно-правовой литературе не обращается достаточного внимания. Это ведёт к созданию некоей бестелесной, эфемерной сущности человека.

С научной точки зрения такой подход является односторонним, неполным. В то же время и история показывает, что человек не всегда был «совокупностью общественных отношений». В частности, рабовладельческое право видело в рабе только его физическую, предметную сущность и не признавало раба личностью. Убивший раба отвечал как за уничтожение имущества, вещи.

Таким образом, человек, выключенный из общественных отношений, перестает быть личностью, оставаясь живым природным существом.

В современной литературе последовательно проводится различие между человеком и личностью, между социальной и природной сущностью человека. Человек, «по мнению В.П.Тугаринова, — есть материальный субстрат, носитель лич-

ности, а последняя есть совокупность свойств этого субстрата»²⁸¹.

Между тем в юридической литературе такое различие, выделение в человеке его биологической и социальной сторон проводится не всегда. Некоторые авторы, в частности, возражая против ограничения половой свободы женщины, допущением или недопущением в отношении себя чужого полового чувства, отмечают, что в таком случае женщина сводится к объекту половых отношений, в то время как предоставление ей половой свободы предполагает, что она является полноправным субъектом этих отношений. Но всё дело в том, что женщина в этом случае является одновременно и объектом общественного отношения. Как личность она есть субъект общественного отношения. Как биологическое существо женского пола она является объектом общественного отношения. В этом своем качестве женщина выступает предметом посягательства.

М.К.Анианц, например, не различает в человеке его биологическую и социальную сущности. Это приводит к тому, что объектом посягательства на личность он считает личность и общественные отношения²⁸². Такое определение объекта посягательства против личности неудачно, так как личность и составляет общественные отношения. Указание ещё раз на общественные отношения, хотя и «в целом», ничего не прибавляет к этому понятию. На практике это приводит к неправильному определению объектов некоторых преступлений. Например, в учебной литературе объектом изнасилования нередко называют половую неприкосновенность женщины²⁸³. Между тем взрослая женщина в половом отношении не является неприкосновенной. И поскольку большинство посягательств при изнасиловании совершается в отношении взрослых женщин, то очевидно, что объектом этих преступлений является не половая неприкосновенность, а половая свобода.

---

²⁸⁰ «Содержание понятия "человек", — пишет В.П.Тугаринов, — включает в себя и социальные и биологические моменты, а личность есть понятие только социальное». (Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968. С. 75). «Личность, — отмечает А.Г.Спиркин, — это человек, взятый в определенном его аспекте, как член определенной социальной группы с её системой общественно значимых черт и функций; это субъект деятельности, общения, сознания, самосознания и мировоззрения. Биологические его свойства ... не включаются в это понятие» (Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 250).

---

²⁸¹ Тугаринов В.П. Указ. соч. С. 76. О человеке как о ценностном предмете говорят и другие философы (Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. М., 1967. С. 294).

²⁸² «Вместе с личностью человека, — пишет М.К.Анианц, — объектом этих преступлений являются общественные отношения социалистического общества в целом» (Анианц М.К. Указ. соч. М., 1964. С. 18).

²⁸³ Уголовное право. Часть Особенная. / Под ред. Б.В. Здравомыслова. С. 226–227.

Половая неприкосновенность является объектом только в случае посягательства на женщину, не достигшую брачного возраста, т. е. возраста шестнадцати лет (ст. 134 УК РФ).

В посягательствах на личность и многих других преступлениях, связанных с посягательствами на личность, необходимо различать личность как совокупность общественных отношений и человека как живое биологическое существо.

Наиболее четко это различие выступает при посягательствах на жизнь или здоровье. При совершении этих посягательств действия виновного характеризуются направленностью на нарушение функций или анатомической целости важных органов человека (предмет). Обобщение судебной практики Верховного Суда РФ, как отмечает С.В.Бородин, показывает, что при умысле на убийство действия виновного чаще всего направлены на нарушение анатомической целости головы, шеи, левой стороны груди, области голени, левого и правого пахов²⁸⁴. Эти органы человеческого тела и выступают предметом названных посягательств.

Направленность преступного воздействия на определенные предметы обнаруживает направленность посягательства на определенный, конкретный объект. Например, нанесение удара ножом в руку или в ногу может свидетельствовать о посягательстве не на жизнь, а на здоровье. Это обстоятельство требует выявления направленности преступного воздействия на определенный предмет независимо от того, назван ли он в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Некоторые составы преступлений отличаются тем, что в них называется определенный, конкретный предмет преступления (например, государственный герб (ст. 329 УК РФ), ценные бумаги (ст. 185 УК РФ)). В других составах преступлений предметом выступают разные вещи, но имеющие сходное или аналогичное назначение, например документы, штампы, печати. (ст. 325 УК РФ). Имеются и такие составы преступлений, в которых предметом преступления выступают предметы различного вида и относящиеся к различным родовым группам. Например, при разбое преступное воздействие оказывается на психику или на тело человека и на имущество, вещи. Аналогичное положение возникает при бандитизме, хулиганстве и некоторых других

преступлениях. Иногда одна и та же вещь может быть предметом преступного воздействия разнообразных деяний. Например, золото может быть предметом нарушения правил о валютных операциях (ст. 193 УК РФ), хищения (ст. 158-164 УК РФ), нарушения правил сдачи золота государству (ст. 192 УК РФ).

Приведенные примеры показывают, что определение видовой принадлежности предмета преступления не имеет решающего значения для установления объекта преступления. Оно носит подчиненный и зависимый характер. Вместе с тем представление о видовом предмете преступления облегчает установление того общественного отношения, которое существует по поводу этого предмета и которое выступает объектом преступления.

Предмет преступления является в этом случае своего рода исходным моментом, отправным пунктом, позволяющим выявить объект преступления. Значение предмета здесь состоит в том, что сущностью предмета в известной мере определяется и круг возможных общественных отношений, существующих по его поводу. Круг этот в некоторых случаях бывает более или менее узким, а иногда по поводу предмета может существовать только определенное общественное отношение (таковы, например, тело человека, дикие звери, растения и т. п.). В настоящее время не являются объектом отношений собственности такие предметы, как дикие звери, птицы в лесах, рыба в естественных водоемах и т. п.

Предметы преступления и их классификация в этом смысле могут выполнить ту роль, которую авторы, признающие вещи (предметы, имущество) непосредственным объектом преступления, возлагают на непосредственный объект: быть конкретным, вещественным ориентиром, облегчающим на практике поиск объекта преступления. Дать работникам органов правосудия такой ориентир — задача большой практической важности. Однако при этом следует опасаться вместе с водой выплеснуть и ребёнка. Отказ от выделения и самостоятельного исследования предмета преступления как раз и ведёт к этому. Признание предмета преступления его объектом скрывает социальную сущность и опасность преступления, затрудняет возможность дать ему правильную политическую и юридическую оценку.

Установление предмета преступления, таким образом, является первым шагом на пути к выявлению того общественного отношения, которое является объектом преступления. Предмет

²⁸⁴ Бородин С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966. С. 231.

преступления уже с самого начала обнаружения преступления в значительной мере даёт основание говорить о характере посягательства, его способах и направленности на определенный объект. Наряду с другими признаками состава преступления правильное представление о его предмете создает более полную картину преступления, помогает выявить его особенности, облегчает отыскать то общественное отношение, которое было объектом посягательства, и уголовно-правовую норму, предусматривающую ответственность за его совершение.

Важное значение для выявления объекта посягательства и квалификации деяния имеет и особый, выделяемый законом и определяемый подзаконными актами правовой режим некоторых видов преступления.

Основаниями для установления особого правового режима в отношении тех или иных предметов преступления служат их физические, химические или иные особые свойства либо их хозяйственно-экономическое назначение, в связи с которыми существуют, возникают или могут возникнуть соответствующие общественные отношения.

Из множества существующих предметов, в отношении которых установлен особый правовой режим, уголовный закон выделяет валютные ценности (ст. 193 УК РФ), оружие (ст. 222 УК РФ), наркотические вещества (ст. 228–232 УК РФ), сильнодействующие и ядовитые вещества (ст. 234 УК РФ), порнографические предметы (ст. 242 УК РФ) и некоторые другие.

Особый правовой режим перечисленных предметов устанавливается в целях обеспечения и охраны общественной безопасности, физического и наркотического здоровья населения и других важных общественных отношений. Перечень таких предметов, равно как и контроль за их приобретением, потреблением, использованием или сбытом (режим) не остается неизменным. Развитие социальных условий жизни вызывает необходимость постоянного его совершенствования. При этом изменению подвергается и сам режим, и перечень предметов, в отношении которых они необходимы. Данные изменения в свою очередь влекут за собой изменения в уголовном законодательстве и практике его применения.

Наибольшее внимание в установлении в отношении их особого правового режима требуют источники повышенной опасности. В частности, имеется достаточно оснований для установления значительных ограничений в приобретении и использова-

нии таких источников повышенной опасности, как автотранспортные средства. Постоянное и значительное увеличение числа автотранспортных средств ведет к увеличению числа дорожно-транспортных происшествий в стране, к гибели на дорогах многих людей.

Особо высока общественная опасность использования автотранспортных средств лицами, находящимися в нетрезвом состоянии. Поэтому наряду с уголовной ответственностью за такое нарушение правил использования названных источников повышенной опасности (ст. 264 УК РФ) целесообразно установить ограничения в приобретении и использовании автотранспортных средств для отдельных категорий лиц. О большой общественной опасности нарушения правил использования автотранспортных средств свидетельствуют и санкции статей, предусматривающих ответственность за лишение жизни при нарушении правил использования различных источников повышенной опасности. Так, нарушение правил дорожного движения, повлекшее смерть потерпевшего, по ч. 2 ст. 264 УК РФ наказывается лишением свободы на срок до 5 лет, а нарушение правил обращения, например, с огнестрельным оружием, повлекшее смерть потерпевшего, по ст. 109 УК РФ наказывается лишением свободы на срок до 3 лет.

Устанавливая такую санкцию ч. 2 ст. 264 УК РФ, законодатель, очевидно, наряду с другими факторами, имел в виду и большую распространенность автотранспортных средств. Но если распространенность данного вида источника повышенной опасности так существенно угрожает общественной безопасности, то её необходимо в определенных пределах ограничить.

В будущем может возникнуть необходимость для установления особого правового режима и в отношении иных предметов.

Устанавливаемый в отношении определенных предметов правовой режим оказывает влияние на квалификацию деяния и на содержание многих уголовно-правовых институтов. В частности, действующее уголовное законодательство наряду с нормами об ответственности за хищение имущества содержит уголовно-правовые нормы об ответственности за хищение оружия, наркотических веществ и некоторых других предметов, в отношении которых установлен особый правовой режим.

В этой связи практически важно выявить соотношение понятий «хищение имущества» и «хищение предметов, в отношении

которых установлен правовой режим», и ответить на вопрос: применимо ли общее понятие хищения имущества к хищениям оружия, наркотических веществ, порнографических и т. п. предметов? Хищением обычного имущества по уголовному праву признается безвозмездное, корыстное, противоправное изъятие чужого имущества и обращение его в свою пользу или передача его в пользование третьим лицам.

Безвозмездность, корысть и противоправность изъятия являются основными признаками хищения обычного имущества. Только все в совокупности они характеризуют деяния как посягательство на отношения собственности. Отсутствие хотя бы одного из них свидетельствует о том, что в действиях лица нет признаков хищения чужого имущества. В этом проявляется особенность преступлений против собственности и значение общего понятия хищения имущества.

Анализ сущности хищения оружия и наркотических веществ, а также следственной и судебной практики по этой категории уголовных дел показывает, что названные деяния не обладают всеми признаками, присущими хищениям обычного имущества. Прежде всего для хищения оружия или наркотических веществ не характерен корыстный мотив, под которым мы понимаем стремление к неправомерному получению материальной выгоды без затрат общественно-полезного труда. Поскольку в этих случаях посягательство направлено на завладение предметами, которые обладают особыми свойствами и в отношении которых установлен особый правовой режим, постольку виновный действует не в силу корыстных устремлений, не из-за материальной выгоды.

Не меняет сути дела тот факт, что хищение наркотических веществ во многих случаях совершается с целью их последующего сбыта. Общественная опасность этих деяний заключается главным образом не в неправомерном обогащении виновного лица и не в том, что этим собственник лишается своих правомочий. Этот социальный вред при таких посягательствах является второстепенным. В основном их общественная опасность заключается в том, что эти деяния создают угрозу общественной безопасности либо в результате использования потребления наркотических веществ причиняется тяжкий вред здоровью населения.

Бесконтрольное распространение оружия или наркотических веществ создает угрозу общественной безопасности и здоровью

населения, а поэтому для основания ответственности за хищение этих предметов не имеет значения мотив совершения преступления.

По этим же основаниям для хищения оружия или наркотических веществ не обязателен признак безвозмездности их изъятия. Возмещение стоимости этих предметов при их незаконном изъятии не меняет социальной сути этих посягательств, поскольку и в этом случае создается угроза общественной безопасности и причинения вреда здоровью населения.

Поэтому включение некоторыми авторами в число признаков хищения наркотических веществ также и признака безвозмездности необоснованно²⁸⁵. Введение данного признака в понятие хищения наркотических веществ привело бы к тому, что многие случаи хищений неоправданно остались бы за его пределами, а само понятие не могло бы выполнить роли научного и практического инструмента.

В отличие от хищения обычного имущества хищение наркотических веществ не зависит от количества похищенного наркотического вещества. Такое решение обосновывается тем, что бесконтрольное потребление любого количества этих веществ наносит огромный вред здоровью людей. Между тем на практике не всегда привлекаются к уголовной ответственности лица, виновные в хищении или сбыте наркотических веществ в небольшом количестве²⁸⁶.

В отличие от хищения обычного имущества квалификация хищения оружия или наркотических веществ не зависит также от источника или принадлежности этих предметов. Одинаковое юридическое значение имеет хищение оружия или наркотических веществ как из фондов организаций, так и у граждан²⁸⁷.

В силу этих особенностей хищение предметов, в отношении которых установлен особый правовой режим, ответственность за которое особо выделена в законодательстве, должно иметь и особое юридическое определение.

Хищение оружия или наркотических веществ можно определить как неправомерное изъятие этих предметов из фондов ор-

²⁸⁵ Левицкий Г. Ответственность за хищение наркотических веществ // Соц. законность. 1976. № 3. С. 24.

²⁸⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1976. № 5. С. 30.

²⁸⁷ Там же. С. 31

ганизаций или из владения частных лиц с целью их потребления или использования самим виновным или другими лицами.

Таким образом, хищение оружия или наркотических веществ характеризуется главным образом двумя признаками: противоправностью их изъятия и целью их использования. Введение этого последнего в признаки хищения необходимо для отграничения его от хищения обычного имущества, иных преступлений, а также от различного рода юридических и фактических ошибок.

Различаются анализируемые преступления и по форме их законодательной инструкции. В отличие от хищений обычного имущества, статьи об ответственности за которые содержат «материальные» составы преступлений, статьи об ответственности за хищение оружия, наркотических веществ и иных предметов, в отношении которых установлен особый правовой режим, содержат «формальные» составы преступлений. Поскольку эти деяния посягают на общественную безопасность и здоровье населения и причиняемый ими в сферах их непосредственных объектов, социально опасный вред не является необходимым, обязательным признаком состава преступления. Последствия этих преступлений находятся за пределами состава преступления. Вменению и доказыванию они не подлежат.

Это, однако, не касается размера хищения и стоимости похищенных предметов. Эти признаки преступления должны быть точно установлены, доказаны и вменены виновному.

В силу названных особенностей крупный размер в п. «б» ч. 3 ст. 229 УК РФ имеет совершенно иное содержание, чем крупный размер при хищении обычного имущества.

6.3. Взаимосвязь предмета преступления с объектом и объективной стороной преступления

Рассмотрение сущности и содержания общественных отношений (объекта) показывает, что предмет преступления представляет собой совокупность его сторон, свойств. Практически важными являются также вопросы о том, в какой взаимосвязи находятся предмет и объект преступления, является ли предмет обязательным или только факультативным признаком состава преступления.

Далее важно также выяснить, в каком соотношении и взаимосвязи находится предмет преступления с объективной стороной преступления. Вопрос о том, к объекту или к объективной

стороне относится предмет преступления, долгое время дискутировался в юридической литературе.

Все разнообразие взглядов на предмет преступления и его соотношение с объектом посягательства можно свести к двум разновидностям. Сторонники одной из них отождествляют предмет и объект преступления, полагая, что непосредственный объект преступления и есть предмет, на который воздействуют при совершении преступления²⁸⁸.

Другой взгляд на предмет преступления, разделяемый большинством криминалистов РФ и зарубежных стран, состоит в их различии, в признании предмета преступления субстратом общественного отношения, существующего по поводу этого предмета²⁸⁹.

Если исходить из того, что предмет преступления является совокупностью сторон, свойств объекта преступления, материальным выражением общественного отношения, выступающего объектом преступления, то более обоснованной является вторая точка зрения, вызывает возражение. В отличие от предмета, в качестве которого выступают реальные материальные объекты или существа, конкретные вещи реального мира, имеющие вес, цвет, стоимость, пол, возраст, конкретное наименование и другие признаки и особенности, объект преступления является социальной связью, отношением между людьми.

Предмет — это конкретная вещь, объект же — социальное отношение по поводу вещи. Эти особенности не позволяют отождествить эти два различных в своей сущности явления. Они не только не тождественны в своей сущности, но и, как было показано выше, имеют различное уголовно-правовое значение.

Прежде всего различие предмета и объекта преступления состоит в том, что они различны по своей природе.

Объект преступления — это определенные общественные отношения, которые по своей природе и сути — чисто социаль-

²⁸⁸ Пионтковский А.А. Указ. соч. С. 141, 143.

²⁸⁹ Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 178; Загородников Н.И. Указ. соч. С. 51; Кудрявцев В.Н. О соотношении объекта и предмета преступления, с. 70; Кригер Г.А. Борьба с хищениями социалистического имущества. С. 59; Полячек Ф. Указ. соч. С. 80; Гельфер М.А. Указ. соч. С. 13; Федоров М.И. Указ. соч. С. 193; Курс советского уголовного права. Т.1. / Под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. С. 303.

ное явление. Они возникают и существуют только в обществе, как непереносимое условие человеческого отождествления предмета преступления с его объектом. Общественные отношения невозможны вне общества, и общество немыслимо без этих отношений. Кроме этой социальной природы и социальной сущности общественные отношения ничего не имеют и ни в чем ином не проявляются.

Предмет преступления по своей природе характеризуется физической, вещественной сущностью. Это всегда определенный материальный (вещный) объект, по поводу которого возникают и существуют отношения между людьми.

Общественные отношения определенного вида как объект уголовно-правовой охраны характеризуется стабильностью своего существования, определенным постоянством, хотя в индивидуальном своем проявлении они во многих случаях изменяются или ликвидируются. Например, отношения собственности как определенный вид отношений неизменны, хотя отдельные отношения этого вида могут изменяться, отмирать или возникать вновь. Изменения в общественных отношениях всегда носят только социальный характер.

Предмет преступления, напротив, может быть изменен только в своей физической, вещной сущности, он может быть уничтожен или поврежден только физически. Повреждением предмета преступления причиняется социальный вред только через изменение общественных отношений, существующих по его поводу.

Различие между объектом и предметом преступления состоит ещё и в том, что преступное посягательство всегда причиняет вред объекту, тогда как предмет преступления в большинстве случаев не повреждается.

За исключением преступлений против личности причиняемый предмету посягательства вред может быть устранен или возмещен. Поврежденную вещь можно восстановить, уничтоженную — заменить новой либо возместить её стоимость. Затруднение в устранении вреда, причиняемого предмету преступления, возникает только в случае уничтожения индивидуально определенной или уникальной вещи.

Причиняемый объекту преступления вред, напротив, по общему правилу, неустраним или его возмещение, устранение крайне затруднительны. Невозможно, например, устранить вред,

причиненный здоровью, чести или достоинству, как невозможно восстановить нарушенную половую свободу или разглашенную тайну. Нельзя также устранить вред, причиняемый преступлением интересам правосудия, интересам государственного или общественного управления и некоторым другим общественным отношениям.

Если исходить из того, что преступление причиняет четыре вида социально опасного вреда: а) имущественный, б) физический, в) моральный и г) политический, то на уровне объекта преступления возмещением может быть только вред имущественный. Физический, моральный и политический вред от преступления устранить или возместить невозможно.

Хотя предмет преступления, по общему правилу, не терпит вреда от преступления, здесь нет той абсолютной неустрашимости предмета преступления, о которой говорит Ф.Полячек. Утверждение о том, что вещь не меняется с изменением общественных отношений и общественные отношения не меняются с изменением вещи, которая является их субстратом²⁹⁰, не является верным для всех случаев, оно не универсально.

В некоторых случаях действительно вещь не меняется с изменением общественных отношений. Например, при хищениях, имущество, вещи не теряют своих хозяйственно-экономических ценностей и продолжают удовлетворять потребности похитившего их лица. Однако этого нельзя сказать в случае, например, уничтожения имущества. С уничтожением вещи аннулируется и отношение собственности, которое существовало по её поводу. То обстоятельство, что собственник имеет право на возмещение вреда, и действительное его возмещение не меняют сути дела, так как отношение собственности по поводу уничтоженной вещи не может быть восстановлено.

Предмет преступления нельзя отождествлять с общественным отношением (объектом), но их нельзя и противопоставлять, ибо предмет есть материальное выражение общественных отношений, определенные их стороны и свойства. Вещи не существуют вне отношений, и их нельзя изолировать от отношений²⁹¹.

М.А.Гельфер обоснованно отметил, что хотя предмет преступления и является составной частью объекта, однако при ка-

²⁹⁰ Полячек Ф. Указ. соч. С. 81.

²⁹¹ Уемов А.И. Указ. соч. С. 67.

ждом новом преступлении предмет принимает новый вид, об-растает новыми признаками, которыми его наделяет законода-тель при конструировании того или иного состава преступления, а потому его нельзя смешивать и отождествлять с объектом пре-ступления, ибо предмет преступления является самостоятель-ным определенным юридическим понятием²⁹².

Выяснение сущности объекта и предмета преступления и их соотношения (взаимосвязи) позволяет, по нашему мнению, дать ответы на многие практические вопросы. Прежде всего призна-ки предмета преступления во многих случаях позволяют вы-явить объект посягательства. Например, иногда возникают за-труднения при квалификации подделки или сбыта поддельных облигаций государственных и государственных денежно-вещевых лотерейных билетов²⁹³. Между тем подделка билетов денежно-вещевой лотереи не причиняет вреда в сфере отноше-ний государственного кредитования, так как при получении «выигрыша» такой билет предъявляется в сберкасса, а следова-тельно, он не попадает в обращение. Кроме того, билеты денеж-но-вещевых или иных лотерей не обеспечиваются государством как ценные бумаги, а потому их подделка и использование обра-зует только посягательства на отношения собственности. Эти признаки предмета преступления как раз и позволяют отграни-чить хищение имущества путем мошенничества (ст. 159 УК РФ) от фальшивомонетничества (ст. 186 УК РФ).

Всякое материальное общественное отношение имеет свой материальный объект, по поводу которого оно возникло и суще-ствует. Как немыслима, невозможна мысль без мозга, так и об-щественное отношение немыслимо без своего субстрата — оп-ределенного блага, явления²⁹⁴. И.С.Самощенко правильно заме-

тил, что противопоставление объекта предмету, или наоборот, недопустимо. «Между тем, — пишет И.С.Самощенко, — отрыв предмета правонарушения от его объекта встречается довольно часто, вследствие чего сам объект правонарушения превращает-ся в нечто эфемерно-бестелесное, терпящее вред от правонару-шений лишь в конечном счёте, так сказать, лишь в идее, в поня-тии»²⁹⁵.

Общей методологической основой выявления соотношения предмета и объекта преступления является диалектика сущно-сти и явления. В этой взаимосвязи объект является сущностью взаимоотношений людей в обществе, а предмет — проявлением или выражением этой сущности. Вместе с тем взаимосвязь объ-екта с предметом характеризуется некоторыми особенностями. В философии выделяется три таких особенности: относитель-ность, качественность и вещьность²⁹⁶. Относительность вещей проявляется в том, что они не существуют вне отношений к дру-гим вещам. Вещь невозможно изолировать от отношений²⁹⁷. Кач-ественность вещей и отношений состоит в том, что вещь не отделима от своих качеств. Качественность вещи означает также качественность отношения²⁹⁸. Вещность отношений заключа-ется в том, что они не могут существовать вне и независимо от вещей²⁹⁹. Категории вещи, свойства и отношения тесно связаны друг с другом и переходят друг в друга³⁰⁰.

Эти общие философские положения позволяют выявить со-отношение и взаимосвязь предмета и объекта преступления. Предмет преступления как разновидность вещей, материальных объектов может существовать только в каком-то определенном общественном отношении, и это последнее не может существо-вать вне и независимо от материальной или идеальной вещи. Вместе с тем имеются и такие материальные объекты, которые находятся вне сферы общественных отношений. Философией

²⁹² Гельфер М.А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве // Ученые записки ВЮЗИ. Вып.8. М., 1959. С. 56.

²⁹³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 12 марта 1971 г. (Радапьяське право. 1971. № 6. С. 107). В данном оп-ределении Судебная коллегия указала, что подделка билетов денежно-вещевой лотереи и получение по ним выигрыша образует хищение государственного имущества путем мошенничества. См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Гурского и других от 24 февраля 1977 г. (Бюллетень Вер-ховного Суда СССР. 1977. № 4. С. 22).

²⁹⁴ Наличие в каждом общественном отношении его объекта (материального или идеального) вовсе не означает, что всякое преступление совершается пу- 224

тем воздействия на его предмет. Многие преступления совершаются путем воздействия на другие стороны общественных отношений, и поэтому они мо-гут быть условно названы «беспредметными».

²⁹⁵ Самощенко И.С. Указ. соч. С. 121.

²⁹⁶ Уемов А.И. Указ. соч. С. 67-71.

²⁹⁷ Там же. С. 67.

²⁹⁸ Там же. С. 69.

²⁹⁹ Там же. С. 70.

³⁰⁰ Там же. С. 175.

признается, что субъект осваивает не бесконечный и безграничный материальный мир вообще, а лишь те его части, стороны, свойства, которые он превращает в объект деятельности, и потому, что располагает соответствующими практическими и теоретическими способами действия. Предметы объективного мира остаются «вещами в себе» до тех пор, пока они не охвачены человеческой деятельностью и лишь последняя превращает их в «вещи для нас»³⁰¹. Находящиеся вне сферы человеческой деятельности материальные объекты находятся вместе с тем и вне общественных отношений. Таковы, например, небесные тела, некоторые отходы производства и т. п.

Таким образом, отрыв предмета преступления от объекта нельзя признать обоснованным. Предмет и объект преступления тесно связаны. Тесная связь, которая существует между этими двумя явлениями, показывает, что путем изменения вещи, предмета можно изменить и общественные отношения. Социально опасный вред во многих случаях может быть причинен путем воздействия на определенный предмет. Например, при посягательствах на личность (убийство, причинение вреда здоровью и т. п.) деяние может быть совершено путем определенного воздействия на человека как живое биологическое существо. Иначе эти преступления совершены быть не могут.

Взаимосвязь предмета с объектом не однозначна и во всех случаях не тождественна. Поскольку предмет преступления есть совокупность сторон, свойств общественного отношения, то он проявляется в отдельных случаях различными сторонами. Иногда это материальная вещь, объект общественного отношения, а в некоторых случаях предметом преступления выступает субъект общественного отношения. Этим-то и определяются различные виды связей предмета и объекта. Вместе с тем всё разнообразие связей предмета с объектом преступления может быть сведено к двум разновидностям:

1. Предмет преступления выступает материальной, вещественной стороной отношения. Таковы, например, отношения собственности, возникающие и существующие по поводу вещей (имущества), отношения управления, возникающие по поводу

выдачи, изготовления и использования документов, земельных участков, знаков Красного Креста и Красного Полумесяца и др.

2. Предмет преступления выступает в качестве субъекта общественного отношения и является одной из сторон этой социальной связи. Таковы, например, общественные отношения личности во всей их совокупности.

В литературе было высказано мнение о существовании трех видов связи предмета с объектом. Например, авторы учебника по уголовному праву Германии полагают, что: а) отношение предмета к объекту может состоять в том, что он является материальным условием существования общественного отношения; б) предмет может быть объективным общественным выражением существующего общественного отношения; в) так как общественные отношения представляют собой отношения между людьми и под действием людей переходят в явления, то преступник может поражать общественные отношения, воздействуя на людей. Предметом преступления в отдельных случаях может быть тело и психика человека (убийство, сопротивление представителю власти)³⁰². Однако нетрудно увидеть, что по существу между связью первого и второго вида нет различий.

Некоторые авторы называют третьим видом связи предмета с объектом форму закрепления общественного отношения (деньги, документы и т. п.)³⁰³. Однако внимательный анализ этого положения показывает, что форма закрепления общественного отношения сама по себе не является ни общественным отношением, ни его стороной и потому не может быть объектом преступления. Следовательно, нет необходимости отыскивать и усугублять связь между предметами, в которых закрепляются общественные отношения, и объектом преступления.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в деньгах, документах проявляются общественные отношения, в которых названные и другие подобные вещи выступают в качестве материального объекта. В таких общественных отношениях деньги (в отношениях собственности) и документы (в отношениях управления, хозяйствования) являются материальным выражением этих общественных отношений. В этом случае предмет и объект преступления находится в связи первого рода. Следовательно,

³⁰¹ Арефьева Г.С. Указ. соч. С. 51–52; Василевская Э.Г. Освоение Луны: некоторые перспективы правового регулирования // Советское государство и право. 1971. № 4. С. 92.

³⁰² Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik. S. 323–324.

³⁰³ Никифоров Б.С. Объект преступления. С. 125; Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. С. 166.

всё разнообразие связей предмета преступления с его объектом может быть сведено к названным выше двум разновидностям.

Тесная взаимосвязь предмета с объектом преступления вместе с тем не исключает известной самостоятельности предмета. В самостоятельности предмета преступления проявляется динамика общественной жизни, постоянное изменение, прекращение и возникновение общественных отношений.

Общественные отношения по поводу одного и того же предмета, вещи могут часто меняться, даже по несколько раз в день. Имущество, например, может переходить из личной собственности в государственную или общественную и наоборот.

В этой связи уголовно-правовое значение имеет выявление того общественного отношения, которое проявляется в данных условиях места, времени и обстоятельств в конкретном предмете, вещи в момент совершения преступления, равно как и установление конкретного предмета, воздействуя на который виновное лицо причинило вред объекту преступления. Так, личное имущество гражданина может в момент его хищения находиться на хранении (в производстве, на транспортировке и т. п.) у организации, лицо в данный момент может не являться должностным или представителем власти, что существенно меняет социальную сущность деяния и его квалификацию.

Признание предмета преступления совокупностью свойств, сторон, в которых проявляются общественные отношения, позволяет выяснить взаимосвязь предмета преступления и с объективной стороной состава преступления.

В литературе по этому поводу было высказано мнение, что вопрос о предмете преступления, в отличие от вопроса об объекте, имеет значение лишь как принадлежность объективной стороны некоторых преступлений³⁰⁴.

Отнесение предмета преступления к объективной стороне вызывает возражения и оно подвергнуто критике³⁰⁵. Однако

---

³⁰⁴ Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. М., 1955. Т.1. С. 376. Такого же мнения придерживался и С.И.Тихенко (См.: Тихенко С.И. Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогами документов. Киев, 1959. С. 49).

³⁰⁵ Например, М.А.Гельфер писал: «Отрыв предмета от объекта посягательства и отнесение его к объективной стороне преступления нам представляется <...> неправильным» (Гельфер М.А. Объект преступления. С. 17).

критика этих взглядов была недостаточно обоснованной и последовательной.

Отнесению предмета преступления к объективной стороне способствовало, очевидно, то обстоятельство, что нередко одни и те же предметы выступали в сходных преступлениях то предметом преступления, то орудием его совершения. Отсутствие необходимых для этого критериев, недостаточное исследование проблемы порождало известную путаницу и приводило к смешению этих явлений. Например, Т.Л.Сергеева считала, что документ следует рассматривать предметом во всех случаях преступного воздействия на него: подлога, хищений и других преступлений³⁰⁶. Между тем это не всегда так. В одних случаях документ выступает в качестве предмета преступления (подлог, похищение), в других — средством совершения преступления, например, при мошенничестве, хищении путем злоупотребления служебным положением, уклонении от очередного призыва на военную службу и т. п.

Документ может быть предметом преступления только в том случае, когда он взаимосвязан с объектом преступления, когда в нем проявляются те общественные отношения, на которые направлено посягательство. В иных случаях он ни в какой связи с объектом не состоит и не может признаваться предметом. Например, при совершении мошенничества, когда виновный подделывает документ либо похищает его с целью последующего завладения имуществом, этот документ ни в какой связи с отношением собственности не состоит. Потому он и не может быть предметом преступлений, предусмотренных ст. 159 УК. При совершении этих преступлений документ используется виновным как необходимое средство совершения преступления. Поэтому он выступает здесь в качестве орудия преступления.

Данное обстоятельство необходимо выделить потому, что использование документа в качестве орудия или средства совершения преступления не влияет на квалификацию деяния. Например, если лицо с помощью подложных документов незаконно получает пенсию, пособие или другие выплаты, то его действия надлежит квалифицировать только как хищение имущества путем мошенничества.

---

³⁰⁶ Сергеева Т.Л. Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву. С. 41.

В данном случае использование документа является составной частью общего деяния против собственности и потому оно полностью охватывается нормой об ответственности за посягательство на отношения собственности и дополнительной квалификации по другим статьям УК не требует.

Иная ситуация возникает при воздействии на документ в тех случаях, когда в свойствах документа проявляются определенные общественные отношения, на изменение которых направлено посягательство путем изменения содержания этих документов (например, при должностном подлоге — ст. 292 УК РФ, подделке документов, штампов, бланков и печатей — ст. 327 УК РФ). В этих составах преступления документом признаются только такие документы, в которых закрепляются важные сведения, либо официальные документы, выдаваемые государственными учреждениями, предприятиями или общественными организациями. По поводу выдачи, оформления и использования таких документов складываются и существуют особые общественные отношения, составляющие порядок управления, хозяйствования. Поскольку документ в этих случаях выступает в качестве материального объекта, определенной стороной такого общественного отношения, то он и является предметом преступления при посягательстве на эти общественные отношения.

Это обстоятельство имеет существенное практическое значение, так как влияет на квалификацию деяния. Если при совершении преступления виновное лицо воздействует на документы, по поводу которых существуют особые общественные отношения, то содеянное образует преступление против этих отношений. Например, хищение государственных или общественных средств или иных ценностей по заведомо фиктивным документам, совершенное по сговору между должностными и частными лицами, должно квалифицироваться по совокупности преступлений — для должностных лиц: как хищение и должностной подлог, а для частных лиц — как хищение и в соответствующих случаях как соучастие в должностном подлоге.

Такая квалификация обосновывается тем, что при наличии сговора на подделку и использование фиктивных документов частное лицо становится соучастником должностного подлога, так как такое деяние направлено не только против отношений собственности, но и против отношений, существующих в сфере деятельности государственного и общественного аппарата.

Что касается использования документов в таких преступлениях, как контрабанда, уклонение от очередного призыва на действительную военную службу, мошенничество, то в этих случаях они являются не предметом преступления, а орудием его совершения.

Нетрудно увидеть, что при таком отграничении предмета преступления от средств, орудий совершения преступления, предметом преступления не может быть признано имущество при взяточничестве. Имущество, ценности при взяточничестве служат средством воздействия на должностное лицо, и в этом смысле они ничем не отличаются от всякого иного орудия совершения преступления.

Следует, однако, иметь в виду, что, как было показано выше, предмет преступления является обязательным признаком не всякого преступления. Многие преступления не имеют непосредственного предмета воздействия, например, преступления, совершаемые путем бездействия. Следовательно, предмет преступления является факультативным признаком состава преступления. При совершении «предметного» преступления необходимо обязательно установить, на что или на кого оказал преступное воздействие субъект. В равной мере это применимо и к бандитизму, и к хищениям, и к хулиганству. Без установления предмета, на который было оказано виновным преступное воздействие, не может наступить уголовная ответственность за эти преступления.

Хотя во многих уголовно-правовых нормах нет указания на предмет преступления, однако это не колеблет высказанного положения. Там, где нет прямого указания на предмет преступления, он всегда подразумевается. Поскольку уголовно-правовая норма представляет собой правовую формулу, то предмет преступления в ней подразумевается не конкретно, а обобщенно. В то же время практическое применение уголовно-правовой нормы, требует точной конкретизации предмета преступления. Это означает, что в предъявленном субъекту обвинении необходимо конкретно указать предмет преступления: кто (фамилия, пол, возраст, место жительства и т. п.) подвергнулся нападению, оскорблению, в отношении кого было совершено сопротивление, хулиганство и т. п., или какой предмет (наименование, вес, стоимость и другие признаки и свойства) был похищен, подде-

лан, уничтожен и т. д. Без такой конкретизации предмета преступления правосудие немыслимо.

Таким образом, предмет преступления как совокупность отдельных сторон и свойств общественного отношения принадлежит объекту преступления. Относить предмет преступления к объективной стороне нет оснований.

Вместе с тем предмет преступления находится в известном соотношении, взаимосвязи и с объективной стороной преступления. Эта взаимосвязь выступает в виде взаимодействия. Прежде всего предмет преступления находится во взаимосвязи с действием.

Преступное деяние в виде жестов, угрозы, нападения, оскорбления, хищения и некоторых иных его видов заключается в психическом или физическом воздействии на предмет преступления. Это воздействие, составляющее сущность, основу внешнего проявления таких преступлений, является связующим звеном между объектом преступления и объективной стороной.

Преступление, совершаемое путем действия, возникает, как правило, только там, где обнаруживается воздействие на предмет преступления. Относительно этих преступлений можно сказать, что нет преступления без действия и нет преступления без предмета преступления, если действие не направлено на предмет преступления. Действие в сущности означает определенное воздействие на что-то. Только взаимодействие этих двух моментов: действия и его направленности на предмет преступления — образует основание для признания действия преступлением. Эти положения, однако, не применимы к преступлениям, которые условно можно назвать беспредметными. Бездействие во многих случаях как раз означает, что субъект не оказал определенного воздействия на материальный объект, хотя на нём лежала правовая обязанность сделать это.

Предмет преступления, таким образом, находится в известной связи с объективной стороной преступления. Особенности и свойства предмета во многих случаях определяют содержание объективной стороны, так как «характер деятельности субъекта существенно зависит от особенностей объекта»³⁰⁷.

Например, дикие звери могут быть добыты незаконной охотой с использованием оружия, автотранспортных средств или особых приспособлений (ст. 258 УК РФ), вред лесному хозяйству причиняется путем незаконной порубки леса (ст. 260 УК РФ), надругаться над государственным гербом или флагом тоже можно только определенным способом (ст. 329 УК РФ), равным образом как и изготовить или подделать документ, бланк, штамп или печать (ст. 327 УК РФ).

Именно предметом преступления в большинстве случаев определяются выбор способа и орудий воздействия на него³⁰⁸.

Вместе с тем преступными признаются не все способы воздействия на предмет преступления, а только те из них, которые угрожают и причиняют объекту существенный вред. Например, изготовление, ношение или сбыт кинжалов, финских ножей или иного холодного оружия образует преступление (ч. 4 ст. 222 УК РФ). Хранение же этих предметов состава преступления не образует. Предмет преступления во многих случаях предопределяет и преступные последствия, являющиеся одним из основных признаков объективной стороны преступления. Например, убийство предполагает лишение жизни только человека, разглашение тайны означает разглашение сведений секретного характера, причинение имущественного ущерба возможно только в связи с определенными деяниями в отношении имущества и т. д.

---

³⁰⁸ Мы не можем согласиться с Б.С.Никифоровым и В.Н.Кудрявцевым в том, что способ и орудия совершения преступления определяются только свойствами объекта преступления (См.: *Никифоров Б.С.* Объект преступления. С. 137; *Кудрявцев В.Н.* Теоретические основы квалификации преступлений. С. 178). Утверждение что посягательство на некоторые общественные отношения может быть совершено только определенными способами, в общем виде, безусловно, верно. В самом деле, как отмечает В.Н.Кудрявцев, нельзя совершить поджог путем неуплаты алиментов. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что способ и орудия совершения преступления при посягательстве на один и тот же объект применяют различные в зависимости также от особенностей предмета преступления. Например, кража строительных материалов требует применения иных средств и способов, чем хищение денег или драгоценностей, нарушение правил о валютных операциях совершается иными способами, чем фальшивомонетничество.

---

³⁰⁷ *Арефьева Г.С.* Указ. соч. М., 1974. С. 55.

Во многих преступлениях предмет, таким образом, является связующим звеном между объектом преступления и объективной стороной, так как последствие принадлежит одновременно и действию, и объекту.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов В.И. Установление основного объекта в составах многообъективных преступлений // Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. Киев, 1986.

2. Благов Е.В. Механизм причинения вреда объекту преступления // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. Красноярск, 1989.

3. Велиев И.А. Уголовно-правовая оценка объекта посягательства при квалификации преступлений. Баку, 1992.

4. Гавриш С.Б. Теоретические предпосылки исследования объекта преступлений // Право и политика. 2000. № 11.

5. Гельфер М.А. Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве // Ученые записки ВЮЗИ. Вып.8. 1959.

6. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Ленинград, 1979.

7. Дементьев С.И., Феоктистов М.В. Совершенствование законодательной конструкции двуобъектных составов преступления // Защита личности в уголовном праве. Екатеринбург, 1992.

8. Емельянов В.П. Концептуальные аспекты исследования объекта преступлений // Право и политика. 2002. № 10.

9. Загородников Н.И. Понятие объекта преступления в советском уголовном праве // Труды ВЮА. Вып. 13. 1951.

10. Загородников Н.И. Объект преступления и проблема совершенствования уголовного законодательства // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988.

11. Загородников Н.И. Объект: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовной политики и уголовного права. М., 1994.

12. Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Классификация объектов преступления // Правоведение. Л., 1987. № 2.

13. Ковтун Н.Н. О понятии объекта уголовно-правовых отношений // Совершенствование деятельности органов внут-

ренних дел в условиях решительного усиления борьбы с преступностью. М., 1990.

14. Кригер Г.А. К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве // Вестник Московского университета. 1955. №1.

15. Кругликов Л.Л. К вопросу о классификации объектов преступления // Уголовная ответственность: основания и порядок реализации. Самара, 1990.

16. Леквейшвили М.Ш. Объект уголовно-правовой охраны и его значение для квалификации преступлений // Уголовно-правовые исследования. Тбилиси, 1987.

17. Максимов В.Ю. О проблеме понимания сущности и содержания объекта преступления // Вестник Ставропольского ун-та. Вып. 2. Ставрополь, 2001.

18. Марцев А.И., Вишнякова И.В. Развитие учения об объекте преступления. Омск, 2002.

19. Наумов А.В. О законодательной и правоприменительной оценке социальных ценностей, охраняемых уголовным законом // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988.

20. Новоселов Г.П. Актуальные вопросы методологии разработки понятия объекта преступления // Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки. Свердловск, 1990.

21. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: Метод. аспекты. М., 2001.

22. Плохова В.И. О целесообразности рассмотрения интереса блага (правового блага), субъективного права в качестве объекта преступлений // Вестник Нижегород. ун-та. Сер. Право. Вып. 2 (4). Н. Новгород, 2001.

23. Расторопов С. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива // Уголовное право. 2002. № 1.

24. Святенюк Н.И. Объект уголовно-правовой охраны и материальное содержание преступления // Правовые, криминологические и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. М., 1992.

25. Сташис В.В. Непосредственный объект и его значение для квалификации преступлений // Проблемы правоведения. Киев, 1989. Вып. 50.

26. Улезько С.И. Анализ современных концепций объекта преступлений // Ученые записки. Ростов-на-Дону, 2000. Т. 14.

27. Федоров М.И. Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву // Ученые записки Пермского университета. Т. XI. Вып.4. Книга 2. Пермь, 1957.

28. Филимонов В.Д. Объект преступления и преступное последствие // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1988.

29. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления. Сборник ученых трудов. Свердловск, 1969.

ГЛАВА III ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1 Понятие и признаки объективной стороны преступления

Всякую деятельность человека, в том числе и преступную, можно разделить на две составные части: интеллектуально-волевую, которая заключается в принятии определенного решения, осознании путей и средств в достижении намеченной цели, и действительную, которая связана с претворением этого решения в действительность путем конкретного поведения. Эту вторую сторону человеческой деятельности и принято называть объективной стороной.

Хотя разделение в человеческом поведении объективного и субъективного и отнесение деяния к объективным признакам носят в определенной мере условный характер, что обычно отмечается при исследовании объективной и субъективной сторон преступления, подобный подход уже давно взят на вооружение уголовным правом и является исключительно важным при решении многих вопросов правоприменительной деятельности. Состав преступления, его элементы и признаки относятся к категориям уголовного права, это инструмент для квалификации преступления. Раз наука признает возможным в интересах практики разделить объективное и субъективное в преступном поведении, отнеся деяние к объективной стороне преступления и изучая отдельно отношение к нему со стороны преступника (субъективную сторону), то, безусловно, и все другие признаки (последствия, причинную связь, место, время, способ, средства, орудия и обстановку совершения преступления) следует относить к признакам объективной стороны, а психические процессы, связанные с совершением преступления (его психологическую составляющую), рассматривать в рамках субъективной стороны как психическое отношение к совершению преступления.

Поэтому мы не считаем правильным выделение в рамках объективной стороны совершения преступления субъективных признаков и разделяем традиционный подход к этому вопросу.

Изучение объективной стороны преступления необходимо начинать с определения понятия состава преступления.

Состав преступления — это совокупность установленных уголовным законом признаков определенного общественно опасного деяния, характеризующего как преступление. Состав преступления является юридическим основанием для признания деяния преступлением.

Как социально-правовое явление состав преступления представляет собой сложную общность определенных элементов. Данные элементы, взятые отдельно или не в полном составе, не определяются как преступление. Следовательно, при решении вопроса об ответственности за преступление все элементы его состава должны присутствовать, то есть в аспекте значения для ответственности за преступления все его элементы равноценны. Тем не менее, как в теоретическом, так и в практическом плане возникает вопрос о роли того или иного элемента состава преступления.

В теории уголовного права объективная сторона преступления является наиболее сложным и объемным учением. Это внешняя сторона преступления, исследование которой позволяет судить не только о данном элементе состава, но и определять объект посягательства и устанавливать форму вины.

Объективная сторона — один из четырех обязательных элементов состава преступления. Без объективной стороны деяния не может быть посягательства на объект преступления, нет и субъективной стороны как определенного отражения объективных признаков деяния в сознании субъекта и, наконец, отсутствует субъект преступления.

«Рассматривая объективную сторону преступления в качестве внешней характеристики процесса совершения преступления, следует иметь в виду, что она является «внешней» лишь по отношению к субъективному, психологическому содержанию деяния. Но эта сторона преступления одновременно является внутренней характеристикой для самого механизма преступного посягательства на охраняемый объект, так как она раскрывает его внутреннюю структуру и взаимодействие образующих его признаков»³⁰⁹.

Говоря о составе преступления, необходимо выделять его элементы и присущие ему признаки. Очень часто их отождествляют, но это разные понятия. Элементы, как бы расчлняя состав преступления, характеризуют его объективные и субъек-

тивные аспекты с четырех позиций: объекта преступления, субъекта, объективной стороны, субъективной стороны. А признаки, в свою очередь, выступают характеристиками элементов состава. Они связаны с ними как свойства предметов с самими предметами.

Словом «признак» обычно обозначают свойство, черту, особенность предмета или явления, по которым можно его узнать, отличить от других. Развитие учения о признаках в теории познания, логике дало возможность выделить ряд категорий признаков и особенностей их построения. Различают, например, признаки полезные, устойчивые, существенные, достаточные, необходимые, специфические, отличительные, обобщенные, индивидуальные и ряд других.

Признаки обычно подразделяют на два типа: основные (обязательные) и факультативные (дополнительные).

Основными являются те признаки, которые присущи всем составам преступления, а факультативные — лишь некоторым. Причем, надо заметить, что у каждого элемента состава имеются свои основные и факультативные признаки, характеризующие его.

Факультативные признаки — это признаки, присущие не всем составам, а только некоторым из них. Законодатель использует факультативные признаки при конструировании только отдельных составов в добавление к основным признакам, чтобы выделить специфические свойства данного конкретного преступления. Следует при этом указать, что такие признаки называются факультативными только в общем понятии состава преступления.

Факультативные признаки могут дополнительно характеризовать все элементы состава преступления: а) для объекта — дополнительный объект, предмет преступления; б) для объективной стороны — время, место, способ, обстановка, орудия и средства совершения преступления; в) для субъективной стороны — мотив, цель, эмоции; г) для субъекта — специальный субъект.

Объективная сторона преступления представляет собой внешний акт преступного поведения, протекающий в условиях определенного места, времени и обстановки³¹⁰. Начальным эта-

³⁰⁹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 11. 238

³¹⁰ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д, 1977. С. 6.

пом развития преступного посягательства на охраняемый законом объект является действие или бездействие — основные признаки объективной стороны. Для материальных составов преступлений в качестве одного из основных признаков выступают общественно опасные последствия. Процесс развития преступления от общественно опасного действия (бездействия) до наступления вредных последствий образует причинную связь между деянием и преступным результатом, которая тоже является обязательным признаком объективной стороны в материальных составах преступления.

Объективную сторону как элемент состава преступления характеризуют девять признаков. К ним относятся: общественно опасное деяние (действие или бездействие), общественно опасные последствия, причинная связь между деянием и последствиями, место, время, способ, средства, орудия и обстановка совершения преступления.

Рассматривая каждый из них в отдельности, нельзя забывать и об остальных.

Как пишет В.Н.Кудрявцев, «при рассмотрении преступного деяния его следует брать не изолированно, а в тех конкретных условиях места, времени и окружающей обстановки, в которых оно было выполнено. Поэтому, например, существенными характеристиками преступного действия (бездействия) являются способ, место, время и обстановка совершения преступления»³¹¹. Точно также нельзя брать изолированно и другие признаки объективной стороны: последствия, причинную связь и др. Причинная связь вообще не может существовать без действия и последствий.

Поскольку объективная сторона по сути является фундаментом всей конструкции состава преступления и представляет собой основное содержание диспозиции статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, то прежде всего ее признаки положены в основу предмета доказывания в уголовном процессе.

Признаки объективной стороны преступления определяются в статьях Особенной части УК РФ в трех формах:

1) в одних статьях указывается только опасное деяние (действие или бездействие), например, хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное не-

уважение к обществу (ст. 213 УК РФ), злостное уклонение родителя от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей (ст. 157 УК РФ);

2) в других статьях говорится только об общественно опасных последствиях, например, в статьях Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за убийство (ст. 105 УК РФ), за причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ);

3) наконец, в ряде статей указывается как на действие или бездействие, так и на общественно опасное последствие, например, нарушение правил техники безопасности или иных правил охраны труда, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ст. 143 УК РФ).

Отдельные преступления, посягая на один и тот же или различные объекты, отличаются друг от друга формой деяния, способом совершения преступления, наступившими последствиями и другими признаками объективной стороны.

Так, имущественные преступления, характеризующиеся корыстной целью, отличаются друг от друга способом завладения чужого имущества. При краже имеет место тайное похищение, при мошенничестве завладение имуществом происходит путем обмана и т. д. Таким образом, точное установление признаков объективной стороны дает возможность разграничить отдельные преступления и правильно квалифицировать содеянное.

В обычных условиях факультативные признаки не являются обязательными, если они не указаны в статье Особенной части УК, в отличие от основных (они могут быть не указаны в статье Особенной части). Но чаще всего работникам следствия, дознания, прокуратуры, суда необходимо устанавливать факультативные признаки, даже если они прямо не указаны в статье, с целью предотвращения неправильной квалификации, привлечения к уголовной ответственности невиновных, назначения несправедливого наказания.

Место, время, способ, обстановка, орудия и средства совершения преступления — факультативные признаки объективной стороны состава преступления. Эта его «факультативность» обычно порождает упрощенное представление об этом признаке как каком-то второстепенном, не оказывающем существенного влияния на решение вопроса об уголовной ответственности и наказании лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние. Однако, как это нередко бывает, кажущееся простым на самом деле не так уж просто и очевидно.

³¹¹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 11.

Изучение же судебной практики свидетельствует о том, что невнимательное отношение к установлению этих признаков преступления порождает ошибки в применении соответствующих уголовно-правовых норм, а следовательно, может серьезно нарушать права граждан в уголовном судопроизводстве.

Например, в тех случаях, когда место совершения преступления выступает в качестве конструктивного признака состава, установление того, что преступление совершено в другом месте, означает либо отсутствие вообще в деянии состава преступления, либо влечет квалификацию преступления по другим статьям Уголовного кодекса³¹².

Можно встретить точку зрения, что факультативные признаки на самом деле признаками преступления не являются. Это условия совершения общественно-опасного деяния. Так считает, например, В.Н.Кудрявцев: «Они (факультативные признаки) не являются самостоятельными элементами объективной стороны, т. е. они только характеризуют деяние (действие или бездействие) преступника. К объективной стороне относятся не сами способ, место, время и обстановка совершения преступления, взятые помимо или наряду с действием (бездействием), а внешняя сторона общественно-опасного действия (бездействия), выполненного определенным способом, в данных условиях, месте, времени и обстановки»³¹³.

Очень четко обозначил эту позицию А.И.Бойцов: «Каждое преступление совершается в определенном месте и в определенное время. Во всяком случае, автору неизвестны общественно опасные деяния, существующие вне времени и пространства как всеобщих атрибутов бытия социальной материи. Тем не менее в доктрине уголовного права пространственно-временные признаки принято относить к числу факультативных, т. е. не обязательных признаков состава преступления. Что это: всеобщее заблуждение или необъяснимый парадокс?»

Если обратиться, например, к составу такого преступления, как обычное убийство, то в статье Особенной части УК, устанавливающей ответственность за это деяние, ничего не говорится ни о месте, ни о времени его совершения. Означает ли это, что

указанные признаки безразличны для квалификации содеянного по данной статье? В некотором смысле, да, но лишь до тех пор, пока мы не столкнемся с убийством, совершенным во время действия прошлого закона, уже утратившего силу к моменту рассмотрения дела, или с убийством, совершенным иностранным гражданином на территории России, равно как и российским гражданином в иностранном государстве. Вот тогда-то в памяти моментально всплывают соответствующие положения Общей части УК, устанавливающие пределы действия его во времени и пространстве, почему-то до этих пор не ассоциируемые с признаками рассматриваемого состава. Почему же?»³¹⁴

С ним солидарен и Н.И.Панов³¹⁵.

Такая точка зрения, естественно, имеет право на существование, однако, с подобным пониманием уголовно-правовой функции факультативных признаков вряд ли можно согласится. В самом деле, хотя ни время, ни место, ни обстановка сами по себе не входят во внутреннюю структуру действия как такового, но из этого факта ничего не следует, поскольку преступление — сложное социальное образование, органически включающее в себя помимо действия (бездействия) и деятеля, и объект, на который он посягает, и сопутствующие деянию объективные факторы, при наличии которых развивается преступное событие³¹⁶.

Время и место совершения преступления — важные уголовно-правовые категории, определяющие действие уголовного закона во времени и в пространстве. В рамках же состава преступления они изучаются в качестве признаков объективной стороны преступного посягательства.

Преступление — конкретный акт человеческого поведения, который в силу своей реальности немислим вне времени и пространства, вне определенной внешней формы своего проявления. Поэтому такие объективные обстоятельства, как способ, место, время, обстановка, непременно сопутствуют совершению любого преступления. Вместе с тем, они предусматриваются в

³¹² Наумов А., Акоев К. Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советская юстиция. 1998. № 7. С. 11.

³¹³ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 11.

³¹⁴ Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и в пространстве. СПб., 1995. С. 5.

³¹⁵ Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982. С. 20.

³¹⁶ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.И.Ветрова, Ю.И.Ляпунова. М., 1997. С. 229.

законе тогда, когда их наличие влияет на характер и степень общественной опасности преступлений.

Представлять положение вещей иначе значит обеднить его именно как антисоциальное явление. Если объективная сторона преступления есть его законодательное, нормативное закрепление как социальной реальности, то это отображение во всех своих существенных чертах и признаках должно соответствовать отображенному явлению, т. е. антисоциальному аналогу. Именно поэтому место, время, способ, средство, обстановка в законодательной дефиниции приобретают форму и значение относительно самостоятельных признаков состава преступления, которые наряду и в связи с действием (бездействием) раскрывают внешний процесс общественно-опасного посягательства на охраняемый объект.

И.Я.Козаченко и З.А.Незнамова считают, что факультативные признаки состава очень часто играют вспомогательную роль. Часто их определяют как совокупность конкретных условий, в которых совершается преступление. Это определение касается фактических условий и обстоятельств, но следует иметь в виду, что юридически значимы они лишь в том случае, если указаны конкретно в законе. Если названные обстоятельства не влияют на исход преступления и не могут, согласно закону, то в них нет юридического смысла³¹⁷.

На наш взгляд, данная точка зрения не совсем корректна, так как факультативные признаки, в том числе и обстановка совершения преступления, носят не только вспомогательный характер, но могут иметь и определенный юридический смысл, даже если они прямо не указаны в законе. Их установление или не установление может повлиять на квалификацию или размер наказания.

С учетом вышесказанного необходимо дать определение объективной стороны преступления.

Сложное определение дает В.Н.Кудрявцев: «Объективная сторона преступления есть процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые

начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата»³¹⁸.

Такое определение, на наш взгляд, во-первых представляется излишне усложненным, а во-вторых, годится лишь для материальных составов. Также только для материальных составов применимо следующее определение, даваемое авторами учебника «Уголовное право. Общая часть» под редакцией И.Я.Козаченко и З.А.Незнамова: «Объективная сторона преступления есть совокупность существенных, достаточных и необходимых признаков, характеризующих внешний акт общественно опасного посягательства, причиняющего вред (ущерб) объекту, охраняемому уголовным законом»³¹⁹.

Также сложное определение дает И.Реннеберг. «Объективная сторона есть совокупность тех объективных обстоятельств преступных действий, которые влияют на их общественную опасность и морально-политическую предосудительность и поэтому указываются в качестве объективных признаков преступления в составе преступления, предусмотренном уголовно-правовой нормой»³²⁰.

Не будем строго подходить к определению, данному почти пятьдесят лет назад. Но чего стоит такая характеристика объективной стороны, как влияние ее на морально-политическую предосудительность.

В этой связи более простым и более точным представляется нам определение даваемое Г.В.Тимейко: «Объективная сторона преступления представляет собой внешний акт преступного деяния, протекающий в определенных условиях места, времени и обстановки»³²¹.

Мы же можем уточнить это определение.

Объективная сторона преступления представляет собой внешний акт преступного деяния (действие или бездействие), совершенное определенным способом в конкретных условиях места, времени и обстановки, иногда с применением орудий или других средств, повлекшее в материальных составах вредные последствия.

³¹⁸ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 9.

³¹⁹ Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова. С. 49.

³²⁰ Реннеберг И. Объективная сторона преступления. М., 1957. С. 18.

³²¹ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 6.

³¹⁷ Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова М., 1999. С. 165.

§ 2. Преступное деяние (действие и бездействие)

2.1 Понятие преступного деяния

В теории уголовного права четко разграничиваются как элементы состава преступления, так и признаки каждого из них. Однако и будучи разграничены, они образуют монолитную систему с внутренними взаимосвязями, именуемую составом преступления. В составе преступления объединяются объективные и субъективные элементы, и это иногда приводит к тому, что признаки объективных элементов пытаются наделить самостоятельными субъективными свойствами.

Уголовным законом определено, что преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания (ст. 14 УК РФ). В последующих статьях кодекс, хотя и косвенно, определяет, что деяние может иметь две формы: действие и бездействие. Однако закон не дает их законодательного толкования. Эта задача уголовно-правовой теории, где встречается такое толкование данных понятий: «Уголовный кодекс предусматривает две формы общественно опасного деяния: активную форму – действие и пассивную – бездействие...»³²²

Можно предложить два логических основания для разделения родового понятия деяния на видовые понятия действия и бездействия. Первым логическим основанием выступает характер поведения лица: активное или пассивное, который можно назвать физическим, объективным. При этом под активным поведением будет пониматься действие, а под пассивным поведением — бездействие. Толкуя бездействие как прямую противоположность действию, т. е. как пассивное поведение, мы значительно сузим круг деяний, понимаемых в настоящее время в уголовном праве как бездействие.

Действительно, лицо может активно действовать, но при этом не выполнять возложенные на него законом обязанности, а ведь уголовная ответственность наступает именно за неиспол-

нение этих обязанностей. Например, при злостном уклонении от уплаты средств на содержание детей (ст. 157 УК РФ) лицо скрывается в другом городе, предпринимает различные меры конспирации, однако мы говорим, что лицо бездействует. Поэтому определение бездействия как пассивной формы поведения хотя и возможно исключительно в философском смысле, но теряет всякую уголовно-правовую нагрузку. Кроме того, в объективной действительности, как известно, не существует абсолютной формы бездействия, отсутствия всякого движения. А это означает, что такое разделение понятия деяния не имеет под собой не только юридического, но и общенаучного основания.

Вторым логическим основанием деления понятия деяния на действие и бездействие может быть характеристика конструкции правовой нормы, в противоречие с которой вступает совершенное деянием.

Изучая проблему соотношения понятий преступного действия и преступного бездействия, Н.С.Таганцев писал: «Различие этих групп преступных посягательств заключается в сущности велений или требований, обращенных к гражданам <...> Заповеди <...> отличаются не только по форме изложения, но и по существу и объему налагаемых ими обязанностей и возможных их нарушений»³²³. В основе отличия действия от бездействия лежит отличие предписывающих от запрещающих уголовно-правовых норм. С точки зрения Н.С.Таганцева, эти нормы различаются не только по своей форме и конструкции, но и по своей правовой сущности.

Однако по правовой сущности эти нормы невозможно разделить, так как фактически норма, предписывающая действовать определенным образом, одновременно запрещает какое-либо иное поведение, кроме предписанного; норма же, запрещающая действовать определенным образом, фактически предписывает действовать любыми методами, кроме запрещенных.

Различия здесь, безусловно, есть, но они не в самом существе правовой нормы, а в особенностях ее конструкции. В том случае, если конструкция нормы не позволяет сделать вывод о каком-либо конкретном предписанном поведении, а содержит лишь перечень запрещенных форм, мы говорим, что данная норма носит запрещающий характер. Если же конструкция нор-

³²² Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Б.В.Здравомыслова. М., 1999. С. 130.

³²³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: Лекции. М., 1994. Т. 1. С. 265–266.

мы содержит исчерпывающий перечень форм должного поведения и все другие предполагает запрещенными, то данная норма носит предписывающий характер.

Итак, разделяя понятие деяния по логическому основанию особенностей конструкции правовой нормы, в противоречие с которой вступает совершенное деяние, можно определить, что под действием следует понимать деяние, вступающее в противоречие с правовой нормой, запрещающей действовать определенным образом под угрозой уголовного наказания; под бездействием следует понимать деяние, которое вступает в противоречие с нормой уголовного права, предписывающей действовать определенным образом под угрозой уголовного наказания.

В настоящее время позиции Н.С.Таганцева придерживаются также И.Сабо³²⁴ и А.Б.Сахаров³²⁵.

В частности, А.Б.Сахаров разделял все нормы на запрещающие и предписывающие и полагал, что «в соответствии с этим и преступное нарушение их может выразиться либо в активном поведении — действии, либо в пассивном — бездействии». И хотя это деление, по мнению Сахарова, «весьма относительное», «оно определяет различные формы совершения преступления»³²⁶.

Но если бы вопрос решался так просто, то не было бы необходимости в специальной разработке этих двух форм преступного поведения. Не говоря уже об отличии действия и бездействия по физической и юридической структуре, само предложение различать их в зависимости от норм права неверно. Как правильно отмечает Г.В.Тимейко, «норма “не вреди” может быть нарушена не только действием, но и бездействием. Кроме того, запретительную норму можно назвать требующей определенного поведения и требовательную норму можно считать запрещающей проявлять бездействие»³²⁷. Эту мысль продолжает А.А.Тер-Акопов. «На наш взгляд, нет оснований противопоставлять предписание поведения и запрет поведения, поскольку любая уголовно-правовая норма содержит в себе и то другое и

основная ее задача — установить должное поведение». И дальше: «запрет, и предписание носят относительный характер, и они не должны связываться только с действием либо бездействием»³²⁸.

Одним словом, определение формы преступного поведения здесь ставится в зависимость от умения законодателя формулировать правовые нормы, от законодательной техники и других факторов.

Если придерживаться этих определений, то понятия действия и бездействия выстраиваются в систему, помещаются на один и тот же уровень. Однако этот уровень является уровнем абстрактных юридических категорий. А это влечет определенную сложность в правовой квалификации совершенных деяний, так как, только уже квалифицировав деяние лица по конкретному составу, мы можем говорить о форме преступного деяния, поскольку именно конструкцией состава и определяется, совершило ли лицо действие либо бездействие.

В уголовном законе нет определений ни преступного бездействия, ни преступного действия. Они объединяются в общем понятии преступного деяния, что дало основание В.Н.Кудрявцеву для вывода о некоторой общности этих понятий³²⁹.

В конкретных уголовных делах, как правило, нет необходимости очерчивать имеющееся различие между действием и бездействием. Общность действия и бездействия характеризуется сущностью нормативного акта, а также зависит от того, в какой взаимосвязи с окружающими процессами имеет место этот акт. Именно такую общность действия (бездействия) законодатель отразил в ст. 14 УК РФ, объединив эти термины в единое понятие — деяние.

Но как правильно замечает Г.В.Тимейко, использование законодателем общего понятия для двух или нескольких уголов-

³²⁴ Сабо И. Основы теории права. М., 1974. С. 158.

³²⁵ Сахаров А.Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. М., 1958. С. 68–69.

³²⁶ Там же.

³²⁷ Тимейко Г.В. Понятие и специфические черты преступного бездействия // Труды ВЮЗИ. Т. 2. М., 1963. С. 116.

³²⁸ Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. М., 1980. С. 13.

³²⁹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 85; Его же. Противоправное бездействие и причинная связь // Советское государство и право. 1967. № 5. С. 32.

но-правовых явлений не означает их тождества и не исключает установления существенных между ними отличий³³⁰.

Термин «деяние» используется законодателем не для объединения действия и бездействия в одно понятие (иначе их употребление вообще было бы не нужно), а для признания преступлением не мыслей, не «опасного состояния личности», а именно только деяния, т. е. внешнего поведения человека.

Надо заметить, что В.Н.Кудрявцев все-таки проводит различие между ними в области внешней, физической сферы³³¹.

Однако есть авторы, не проводящие различия между действием и бездействием. Так, чехословацкий ученый Ф.Полячек считал, что между бездействием и действием нет никакого качественного различия, поскольку речь идет о вопросе, годится ли этот способ человеческого поведения для оказания человеком воздействия на окружающую обстановку³³². По мнению Г.К.Матвеева «бездействие как акт внешнего поведения человека с юридической точки зрения принципиально не отличается от действия»³³³. А.Мамедов видит общность действия и бездействия в нормативной сфере.

Другие же авторы, различая действие и бездействие в физической сфере, ищут их общие черты в сфере социальной или психической. Например, А.А.Тер-Акопов пишет: «Действие и бездействие могут противопоставляться только на физическом уровне, нас же интересует не физический, а социальный смысл поведения. На социальном уровне грань между действием и бездействием стирается, общим является то, что они нарушают установленный порядок социальных общественных отношений и представляют с этой точки зрения активную силу»³³⁴. Он также усматривает единство действия и бездействия и на психофизическом уровне: «...Бездействие в своей психофизической сфере действительно не отличается от действия, обе формы поведе-

ния являются результатом нервной деятельности человека»³³⁵. В этом его поддерживает М.И.Еникеев³³⁶.

Однако преступное действие отличается от бездействия не только в физической, но и в социальной и психической сферах.

В связи с этим в теории уголовного права дискутируется вопрос о понятии объективно-противоправного деяния.

Так, И.А.Минникес определяет объективно-противоправное деяние как невиновное, общественно вредное действие или бездействие, нарушающее правовые запреты, влекущее применение мер защиты субъективных прав и обеспечения исполнения юридических обязанностей, и в исключительных, прямо предусмотренных законом, случаях — мер юридической ответственности³³⁷.

Аналогично через перечисление основных признаков дает дефиницию объективно-противоправного деяния и А.М.Хужин, понимая под ним невиновное, противоправное, социально вредное деяние физического лица, влекущее применение право-восстановительных мер, а в исключительных случаях прямо предусмотренных законом мер юридической ответственности³³⁸.

Несколько по-иному подходит к пониманию объективно-противоправного деяния профессор А.С.Шабуров, трактуя его как нетипичный вариант правового поведения — действие, нарушающее нормы права, но не наносящее при этом вреда³³⁹.

Данные определения, считает Е.Л.Ковалева содержат ряд спорных моментов и требуют уточнения. Соглашаясь с позицией И.С.Самощенко, согласно которой «вывод об особой общественной вредности правонарушений всецело относится и к деяниям, противоправным лишь внешне. Они существенно отличаются от правонарушений своими причинами, но не объективной социальной значимостью»³⁴⁰, она пишет, что «вредность как

³³⁵ Там же. С. 29.

³³⁶ Еникеев М.И. Основы судебной психологии. М., 1982. С. 146.

³³⁷ Минникес И.А. Объективно-противоправное деяние: Дисс... канд. юрид. наук. Свердловск, 1987. С. 55.

³³⁸ Хужин А.М. Объективно-противоправное поведение в российском праве: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Новгород, 2000. С. 8–9.

³³⁹ Теория государства и права / Под ред. В.М.Корельского, В.Д.Перевалова. М., 1999. С. 414.

³⁴⁰ Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 50.

³³⁰ Гимейко Г.В. Понятие и специфические черты преступного бездействия // Труды ВЮЗИ. М., 1963. Т. 2. С. 121.

³³¹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 86.

³³² Полячек Ф. Состав преступления по чехословацкому уголовному праву. М., 1960. С. 110–111.

³³³ Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М., 1970. С. 26.

³³⁴ Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. С. 13.

социальное значение объективно-противоправных общественных отношений заключается именно в том, что данные деяния нарушают предписания правовых норм, определяющих наиболее справедливое устройство общественной жизни и наиболее приемлемые варианты поведения»³⁴¹.

Однако нельзя, по мнению В.Н.Кудрявцева и Н.С.Малеина, говорить об объективно-противоправных деяниях именно как одной из форм правового поведения именно потому, что всякое правонарушение должно повлечь за собой наступление наказания для нарушителя, но нести неблагоприятные последствия своего противоправного поступка могут только те субъекты, которые осознавали свое поведение. Действия субъекта противоправны, если они находились под контролем его сознания. Если субъект не осознает свои поступки, значит, нет противоправности, так как только сознательное поведение подлежит правовому регулированию. Отсутствие противоправности говорит об отсутствии самого правонарушения.

Таким образом, В.Н.Кудрявцев и Н.С.Малеин также непосредственно связывают признак противоправности с сознательным, волевым поведением индивида³⁴².

Мы не можем согласиться с этим положением (впрочем, как и с предыдущим, но об этом чуть дальше). При анализе объективной стороны мы отвлекаемся от субъективных моментов (хотя они тоже необходимы для признания деяния преступлением, но их мы рассматриваем при анализе субъективной стороны).

Поясним это на примере.

*Пыжиков возвращался домой в переполненном автобусе. Во время резкого торможения Пыжиков инстинктивно вытянул вперед руку и попал в глаз Гарьяновой, причинив ей тяжкий вред здоровью (потерю глаза)*³⁴³.

Зададим вопрос: было или нет действие? Было. Сознательное это действие или нет? Нет. Перестало оно быть от этого действия? Нет. Причинил ли Пыжиков вред здоровью Гарьяновой? Да. Тот факт, что он не понесет уголовную ответственность за

отсутствием вины никак не влияет на объективную сторону. Действие и есть действие, — с сознанием и волей или без нее.

Для уяснения сущности понятий «действие» и «бездействие» следует определить содержание каждого из них.

2.2 Преступное действие

В литературе даются различные определения преступного действия. Так, по мнению В.Н.Кудрявцева, это «общественно опасный в данных условиях места, времени и обстановки противоправный акт внешнего поведения лица»³⁴⁴. Но, как нетрудно заметить, это определение подходит и для преступного бездействия.

Более детально определяют действие М.И.Ковалев и П.Т.Васьков: «Уголовно-наказуемое действие — это акт внешнего поведения человека, то есть его активное, сознательное вмешательство в ход событий и явлений, происходящих в окружающем мире, а не внутреннее переживание и не простая совокупность телодвижений человека»³⁴⁵.

Но и это определение, отграничивая действие от бездействия, не может быть признано удовлетворительным, так как не раскрывает другие существенные черты действия.

Говоря о понятии действия, А.Н.Трайнин указывал: «Действие в уголовно-правовом смысле не только качественно отлично от телодвижения, но и, так сказать, количественно...»³⁴⁶ При этом под качественным отличием уголовно-правового действия от телодвижения А.Н.Трайнин понимал такие необходимые для действия признаки, как вменяемость лица, совершение действия не под давлением непреодолимой силы, физического, а иногда и психического принуждения.

Однако единство и взаимосвязь всех элементов состава преступления вовсе не означают их взаимной подмены друг другом. Это различные элементы, и каждый из них несет смысловую и юридическую нагрузку. Невозможно отрицать, что необходимым признаком состава преступления является вменяе-

³⁴¹ Ковалева Е.Л. Правовая природа объективно-противоправных деяний // Закон и право. 2001. № 8. С. 36.

³⁴² Кудрявцев В.Н., Малеин Н.С. Правовое поведение, его субъекты и пределы // Правоведение. 1980. № 3. С. 33.

³⁴³ Дело № 96/94 // Архив Следственного управления ГУВД г. Санкт-Петербурга за 1994 г.

³⁴⁴ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 71.

³⁴⁵ Ковалев М.И., Васьков П.Т. Причинная связь в уголовном праве. М., 1958. С. 40-41.

³⁴⁶ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 135-136.

мость лица, но этот критерий является признаком субъекта преступления и не должен дублироваться в характеристике объективной стороны. Поэтому, с нашей точки зрения, не следует под действием понимать нечто большее, чем диктует общенаучное его понимание. Что касается «количественного» отличия действия от телодвижения, то под телодвижением также можно понимать определенный комплекс таковых движений.

Н.Ф.Кузнецова считает, что преступное действие должно быть общественно опасным.

«Всякое исследование причинной связи должно прекращаться, если действие не было объективно общественно опасным», — пишет Н.Ф.Кузнецова³⁴⁷ и приводит пример А.Н.Трайнина.

Иванов задумал убить Петрову и послал ее с этой целью на морской курорт. Иванов надеялся, что не умеющая плавать Петрова утонет в море. Так и случилось.

Иванов не будет отвечать за убийство, но не потому, как полагает А.Н.Траинин, приведя этот пример, что здесь имелась мизерная причинная связь³⁴⁸, а потому, что его действия не были объективно общественно опасными и, следовательно, не может ставиться вопрос об их причинной связи с ущербом³⁴⁹.

Но само действие может и не обладать никакой общественной опасностью. Какой общественной опасностью обладает действия человека, который набивает свой почтовый ящик кучей газет?

И тем не менее оперативники 37 отдела милиции Василеостровского района Санкт-Петербурга рассказали автору этой книги следующий случай.

Их сослуживец Н. мечтал о том, как бы ему избавиться от «горячо любимой» тещи. И вот представился подходящий случай. В отдел пришла ориентировка на опасного преступника — квартирного вора Маркиросяна, который действует в их районе, обчищая квартиры. Как предполагается, он выходит на них по почтовым ящикам. Дело было летом, и почтовый ящик, забитый газетами свидетельствовал о том, что хозяйева уехали в отпуск. Но в двух случаях в квартире оказывались пожилые люди и Маркиросян их убил. Н. решил использовать эту информацию и забил свой почтовый ящик газетами с надеждой, что Маркиро-

сян выйдет на его квартиру и убьет тещу, которая постоянно находилась дома. Что и произошло.

Разве не должен Н. понести ответственность за пособничество?

Деяние само по себе не может быть ни общественно опасным, ни общественно вредным. Общественно опасным может быть только преступление в целом.

Таким образом, одни авторы в определении действия ограничиваются указанием на то, что действие — это акт человеческого поведения или активное вмешательство человека в тот или иной ход событий, другие подчеркивают волевой характер этого акта и т. д. Эти признаки, безусловно, верны, но они не исчерпывают всей характеристики данного понятия.

Прежде всего, необходимо указать на внешний характер преступного действия.

В отличие от бездействия это положение доказательства не требует. Но здесь возникает другая проблема. Практически во всех научных работах, во всех учебниках по уголовному праву указывается на волевой характер действия. Так, в «Курсе советского уголовного права» под редакцией М.Д.Шаргородского и Н.А.Беляева мы читаем: «Деяние всегда является актом сознательной деятельности человека. Внешняя (физическая) сторона деяния и внутренняя (психическая) образуют неразрывное единство. Сознательность деяния означает его целенаправленность (волимость). Поэтому не может рассматриваться как уголовно-правовое деяние такое телодвижение человека, которое либо вообще не контролируется его сознанием, либо, когда и контролируется, но не управляется сознанием. Лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно «действует» под влиянием непреодолимой силы или физического принуждения»³⁵⁰.

С этим следовало бы согласиться, если бы из этих в общем-то верных положений некоторыми авторами не делался вывод, что, «говоря о поведении человека как о причине какого-либо явления, неправильно видеть только то, что он сделал, и отвлекаться от того, что он, действуя, мыслил»³⁵¹. Да, «внешняя (физическая) сторона деяния и внутренняя (психическая) образуют

³⁴⁷ Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. С. 36–37.

³⁴⁸ Траинин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 116–117.

³⁴⁹ Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. С. 37.

³⁵⁰ Курс советского уголовного права. Т.1./ Под ред. Н.А.Беляева, М.Д.Шаргородского. Л., 1968. С. 320.

³⁵¹ Меркушев М.П. Вопросы причинной связи в уголовном праве // Вопросы уголовного права и процесса. Минск, 1958. С. 5.

неразрывное единство», но это единство существует в реальном действии человека, а в теоретическом анализе мы разделяем объективную сторону совершаемого преступления и субъективную. «Всякое правонарушение, — пишет И.С.Самощенко, — это органическое единство ряда субъективных и объективных моментов, но в теоретическом анализе неизбежно приходится их разделять, ибо без этого невозможно познание сущности правонарушений»³⁵². Мысли человека относятся к субъективной стороне, а поэтому можно и нужно «отвлекаться от того, что он, действуя, мыслил».

Невозможность уголовной ответственности при отсутствии сознания и воли должна связываться не с пороком деяния, а с отсутствием вины. В самом деле, почему-то авторы упомянутого выше «Курса», критикуя тех юристов, которые предлагают ограничивать понятие деяния недостижением установленного в уголовном законе возраста, состоянием невменяемости и др., связывают эти моменты не с деянием, а с другим признаком состава — субъектом. Но ведь по аналогии можно решить вопрос и с сознанием и волей, т. е. отнести их не к объективной стороне (действию), а к субъективной.

Второй признак действия — это его активность. Активность действия означает определенное воздействие на окружающий нас мир.

Известный психолог С.Л.Рубинштейн писал: «Каждое действие и деятельность человека в целом — это прежде всего воздействие, изменение действительности»³⁵³. Так же понимают этот признак и юристы. «В плане физическом действие человека, — пишет М.С.Гринберг, — являет собой акт, опосредствующий перенос энергии и перевод предметов, к которым оно прилагается, в новое состояние, а равно их перемещение в пространстве»³⁵⁴.

Хотя это положение принимается юристами безоговорочно, однако не все из них считают этот признак определяющим. Мы же относим его к числу основных признаков, отличающих действие от бездействия. Прав в этой связи Н.И.Коржанский: «Дей-

ствие в сущности означает определенное воздействие на что-то реальное и материальное. Эти положения, однако, не применимы к преступлениям..., совершаемым путем бездействия. Последнее во многих случаях как раз и означает, что субъект не оказал определенного воздействия на материальный объект, хотя на нем и лежала правовая обязанность сделать это»³⁵⁵.

Если действие является продолжением сознания и воли человека, их внешним проявлением, то в чем заключается внешнее воздействие? «Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению — мышечному движению», — писал известный психолог И.М.Сеченов. «Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к Родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создаст ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге — везде окончательным фактом является мышечное движение. Чтобы помочь читателю поскорее помириться с этой мыслью, я ему напомишу рамку, созданную умом народов и в которую укладываются все вообще проявления мозговой деятельности, рамка эта — слово и дело»³⁵⁶.

Следовательно, в основе всякого действия лежит телодвижение человека. «В чем бы ни проявилось, и какой бы характер ни носило действие человека, — правильно пишет Г.В.Тимейко, — но своими внешними чертами оно всегда выступает как акт механического телодвижения, который ведет к самым различным превращениям одной формы движения в другую и вызывает при этом различные изменения во внешнем мире»³⁵⁷.

«Преступное действие (активная форма поведения) внешне выражается либо в форме жеста (например, при оскорблении), либо в виде произнесения слов (например, при угрозе), либо, что встречается в подавляющем большинстве случаев, в виде физического воздействия на других людей или на различные предметы внешнего мира», — писал В.Н.Кудрявцев³⁵⁸.

³⁵² Самощенко И.С. О причинении вреда противоправным бездействием // Учен. зап. ВИЮН. Вып. 17. М., 1963. С. 29–40.

³⁵³ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 537.

³⁵⁴ Гринберг М.С. Преступления против общественной безопасности. Свердловск, 1974. С. 62.

³⁵⁵ Коржанский Н.И. Предмет преступления. Волгоград, 1976. С. 35.

³⁵⁶ Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. С. 71.

³⁵⁷ Тимейко Г.В. Понятие и специфические черты преступного бездействия // Труды ВЮЗИ. М., 1963. Т. 2. С. 136.

³⁵⁸ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 66.

¹⁷ Малинин

Так же считает и Л.Д.Гаухман: «Действие может проявляться в любых телодвижениях, на которые способен человек, в частности, выражающихся в воздействии на других людей или иные предметы внешнего мира, одушевленные или неодушевленные, посредством использования физической мускульной силы, в жестах, в устной и письменной речи»³⁵⁹.

Таким образом, на данном этапе можно определить действие как одно или комплекс телодвижений, в том числе и вербальных.

Но, сводится ли действие только к телодвижению человека, или оно охватывает совокупность движений, а также те силы и закономерности, которые использует человек?

Что касается первой части вопроса, то практически все юристы отвечают на него отрицательно. «Выражаясь внешне посредством отдельных телодвижений, преступное действие, тем не менее, к ним не сводится, — пишет В.Н.Кудрявцев, — оно обычно охватывает совокупность движений...»³⁶⁰ «Действие... включает в себя множество телодвижений, образующих в целом акт или систему актов преступного поведения», — вторит ему Г.В.Тимейко³⁶¹.

При ответе на вторую часть поставленного вопроса мнения юристов расходятся. Н.Д.Дурманов, А.А.Пионтковский, Б.С.Волков, М.И.Ковалев и П.Т.Васьков считают, что понятие преступности действия охватывает не только телодвижение человека, но и те силы, которыми он пользуется, и те закономерности, которые он использует³⁶². Более того, некоторые считают возможным включать в него даже виновное поведение третьих лиц, а П.И.Гришаев предлагает включать поведение других лиц, животных, работу механизмов, действие на организм потерпевшего ядов и т. п.³⁶³ А Л.Д.Гаухман считает, что действие, вклю-

чающее использование предметов внешнего мира, сил и закономерностей природы, действий других людей, может состоять в не имеющих границ бесконечно многообразных видах деятельности, которые известны человечеству в целом или будут изобретены им в будущем, т. е. имеют или могут иметь место в действительности³⁶⁴.

Но ведь между телодвижением человека и действием сил и закономерностей может что-то произойти (например, включится действие другого человека) и закономерности «не сработают». Организм потерпевшего может сопротивляться яду, собака вместо того, чтобы по сигналу хозяина наброситься на человека, будет лизать ему руку, и тем более человек не во всех случаях может быть использован как слепое орудие чужой воли. Да и как вообще можно включать действие одного человека в действие другого? Абсурдность этого положения подчеркивается еще и тем, что, как пишет В.Н.Кудрявцев, «отсюда нетрудно было бы прийти и к сверхъестественному выводу и о том, что действия преступника могут продолжаться после его смерти»³⁶⁵.

Пример, подобного рода приводит в своей работе И.П.Лановенко.

*На металлургическом заводе в г. Макеевке руководитель работ мастер К. организовал и лично осуществлял в нарушение правил техники безопасности распушивание горячего массива шлаковых отходов в девяти местах. В первые минуты работы он был смертельно травмирован огненными вспышками. А запущенные им в ход технические средства распушивания шлаковых отходов мгновенно остановить было невозможно, и они продолжали действовать и после его смерти. Вскоре был тяжело травмирован рабочий А.*³⁶⁶

Действие было окончено в момент смерти К., и поэтому, как указывает автор приводимого примера, «отсутствуют какие-либо юридические основания расширять его за счет последствий, выраженных в травмировании других рабочих»³⁶⁷.

Подобная позиция неизбежно приводит и к другому неправильному выводу, а именно, что в понятие действия входят в его последствия, о чем писал в своей докторской диссертации

³⁵⁹ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 89.

³⁶⁰ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 67.

³⁶¹ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 39.

³⁶² Дурманов Н.Д. Понятие преступления. С. 54; Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 173; Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965. С. 23; Ковалев М.И., Васьков П.Т. Причинная связь в уголовном праве. М., 1958. С. 42–43.

³⁶³ Гришаев П.И. Объективная сторона преступления // Советское уголовное право: Учебник. Часть Общая. М., 1982. С. 108.

³⁶⁴ Гаухман Л.Д. Указ. соч. С. 89.

³⁶⁵ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 79.

³⁶⁶ Лановенко И.П. Охрана трудовых прав. Киев, 1975. С. 214–215.

³⁶⁷ Там же. С. 215.

Б.С.Никифоров: «Последствие одновременно и принадлежит и не принадлежит действию...»³⁶⁸.

Другая группа юристов (Н.Ф.Кузнецова, В.Н.Кудрявцев, Т.В.Церетели, В.П.Малков, П.И.Гришаев) считают, что человеческое действие ограничивается телодвижением человека и указанные силы и закономерности не входят в понятие действия³⁶⁹.

Так, В.Н.Кудрявцев писал, что действие заканчивается теми движениями, посредством которых человек воздействует на указанные силы и средства, «дальнейшая же работа механизмов, действие сил природы, поведение третьих лиц, использованных преступником, являются продолжением объективной стороны преступления»³⁷⁰.

П.С.Дагель писал: «Действие заканчивается телодвижением, которым производится “пуск” сил природы и механизмов (орудий и средств)»³⁷¹. С ним согласен и М.И.Гуров³⁷².

Если преступник, используя определенные объективно существующие закономерности развития явлений окружающей среды для достижения преступного результата, фактически дает «первый толчок» и далее не имеет возможности или намерения направлять и корректировать происходящие изменения, определяемые собственными закономерностями развития используемых процессов, то действия виновного следует признать завершенными с началом действия вредоносных внешних по отношению к преступнику сил.

Например, если преступник толкнул потерпевшего под движущийся поезд, то ни действие механизма (поезда), ни поведение машиниста не входят в способ действия субъекта. Момент фактического окончания при таком способе

посягательства совпадает с моментом, когда виновный толкнул потерпевшего под поезд. Учитывать движение поезда, действия машиниста необходимо для установления причинной связи между поведением субъекта и наступившими последствиями, а также при уяснении признаков субъективной стороны преступления. Если установлено, что преступник их использовал в целях причинения вреда, значит он действовал с прямым умыслом. Если не использовал, то имеет место иное виновное отношение, например, преступная небрежность при баловстве или небольшой ссоре, когда виновный, толкая потерпевшего, не соотносил свои действия с особенностями обстановки и места совершения. В данном рассмотренном для наглядности простом примере промежуток времени между фактическим окончанием действий виновного и наступлением последствий незначительный и вряд ли способен иметь принципиальное значение. Но так же должен решаться вопрос и при более длительном временном промежутке, например, если потерпевшего привязали замерзать на морозе, отправили ему по почте отравленные конфеты или подменили лекарства для больного на столе медсестры. В подобных случаях момент фактического окончания посягательства определяется действиями самого преступника, а использованные им закономерности (погодные условия, работа почты или действия медсестры) характеризуют развитие причинной связи и должны выясняться при установлении механизма причинения вреда потерпевшему.

Но и эта позиция может быть подвергнута критике. Разве можем мы вырвать из объективной действительности, отделить от действия механизмов, сил и закономерностей природы телодвижения человека, задавившего свою жертву автомобилем. Это так же невозможно, как невозможно выделить в качестве деяния телодвижения или комплекс телодвижений лица, занимающегося предпринимательской деятельностью, самовольно построившего дом и т. п.³⁷³

Мы так подробно останавливаемся на вопросе о том, входят ли силы и закономерности природы в понятие действия человека, не только потому, что без него нельзя определить это понятие, но еще и потому, что данный вопрос относится не только к

³⁶⁸ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. Дисс... д-ра юрид. наук. М., 1956. С. 426.

³⁶⁹ Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 11–12; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 77–82; Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 23–24; Малков В.П. Совокупность преступлений. Казань, 1974. С. 61; Гришаев П.И. Указ. соч. С. 108.

³⁷⁰ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 78.

³⁷¹ Дагель П.С. Неосторожность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С.33.

³⁷² Гуров М.И. Орудия и средства совершения преступления в советском уголовном праве: Дисс... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983. С. 51.

³⁷³ Курс советского уголовного права Т. 1. / Отв. ред. Н.А.Беляев, М.Д.Шаргородский. С. 325.

действию, но и преступному бездействию и решение его относительно действия предопределяет и решение его относительно бездействия.

На сложность рассматриваемых явлений и невозможность однозначного ответа на заданный вопрос обратил внимание В.С.Прохоров: «Уголовно-правовое деяние может быть элементарным, т. е. заключаться в отдельном сознательном телодвижении или в ряде таких движений, вслед за которыми вступают в действие приведенные ими в движение силы и закономерности внешнего мира. Толчок под поезд, нажатие спускового крючка пистолета и т. п. Примеры иллюстрируют действительно существующее соотношение между действием человека и “действием” сил и закономерностей: последнее лежит за пределами действия человека, которое заканчивается с окончанием телодвижения. Однако это не значит, что понятие действия в уголовном праве всегда может быть сведено лишь к телодвижению, а используемые человеком силы и общественные закономерности всегда находятся за пределами деяния. Сложные формы поведения человека характерны тем, что входящие в него элементарные деяния неразрывно связаны с действием внешних сил и закономерностей, которые не только приводятся в движение, но и сознательно направляются, изменяются и заменяются субъектом преступления в процессе его деятельности. В этом случае использования человеком внешние силы и закономерности являются органической составной частью его действия»³⁷⁴.

Но указание на сложность и неоднозначность решения вопроса еще не означает ответа на него. Однако фактически ответ уже содержится в приводимом высказывании и нужно лишь назвать вещи своими именами. Выше мы задали этот вопрос в следующей форме: сводится ли действие только к телодвижению человека или оно охватывает совокупность движений, а также силы и закономерности, которые использует человек?

Вопрос именно в такой форме был задан не случайно. Либо действие сводится только к телодвижению, либо это совокупность движений, а также сил и закономерностей природы. И мы пришли к выводу, что совокупность телодвижений плюс силы и закономерностей природы должна рассматриваться как деятельность. Мы предлагаем в учении об объективной стороне изучать

не только действие и бездействие, но и деятельность как отличную от этих двух форму совершения преступления.

Кстати, в психологии понятие действия и деятельности отличаются друг от друга. Вспомним хотя бы приводимое выше высказывание С.Л.Рубинштейна. Именно деятельность должна включать в себя силы и закономерности объективного мира, используемые человеком. Более того, деятельность должна включать и акты бездействия (в физическом смысле). Если водитель ведет машину и в какой-то момент не сворачивает в сторону и сбивает пешехода, то разве можем мы отделить его бездействие от предшествующих действий и действий механизмов машины?

Деятельность имеет в своей основе действие, состоит из ряда действий, как правильно пишет В.А.Попов, она складывается «из своего рода “блоков”, каждый из которых суть выполнение какой-либо одной текущей задачи. Это выполнение текущей задачи и есть действие — более или менее законченный элемент деятельности»³⁷⁵. Совокупность таких «блоков» и образует объективную сторону конкретного состава преступления.

Орловским областным судом 23 декабря 1998 г. осуждены ранее судимые Климушкин, Кучерявенко и Гарифуллин по п. «в», «д», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 3 ст. 162, п. «б» ч. 4 ст. 226, п. «а», «б» ч. 2 ст. 166 УК РФ.

Климушкин, Кучерявенко и Гарифуллин 24 марта 1998 г., узнав, что в одном из домов пос. Верховье проживают состоятельные люди, договорились совершить разбойное нападение на них. Для осуществления задуманного Климушкин передал нож Гарифуллину. Когда они проникли во двор дома и увидели вышедшего из гаража Кононенко, Кучерявенко ударом кулака сбил его с ног, после чего потерпевшего занесли в гараж. Там они связали ему руки и ноги, приведя тем самым в беспомощное состояние, затем, проявляя особую жестокость, на протяжении длительного времени избивали по туловищу и голове. Гарифуллин наносил удары молотком по шее и голове, Кучерявенко — доской по голове, а Климушкин — ногами по туловищу и голове. От полученных тяжких телесных повреждений Кононенко скончался на месте. Забрав из карманов одежды потерпевшего ключи, осужденные открыли дверь и проникли в дом, откуда похитили имущество Мурзаевой, в том числе охотничье ружье и боеприпасы. Гарифуллин, кроме того, похитил водительское

³⁷⁴ Прохоров В.С. Объективная сторона преступления // Курс советского уголовного права. Т. 1 / Под ред. Н.А.Беляева, М.Д.Шаргородского. С. 324–325. 262

³⁷⁵ Попов В.А. Когда бездействие преступно. М., 1980. С. 13.

удостоверение на имя Кононенко. После этого они угнали автомашину Кононенко и на ней увезли похищенное имущество в г. Орел.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об исключении из осуждения Климушкина, Кучерявенко и Гарифуллина п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ 4 июля 2000 г. протест удовлетворил, указав следующее.

В соответствии с требованиями ст. 68 УПК РСФСР подлежат доказыванию время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления.

Связывание потерпевшего в процессе лишения жизни после нанесенного Кучерявенко удара кулаком в данном случае является составным элементом объективной стороны преступления — убийства.

При таких обстоятельствах с выводом суда о том, что осужденные совершили убийство Кононенко с использованием его беспомощного состояния, согласиться нельзя, и осуждение их по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежат исключению из приговора. В остальном судебные решения оставлены без изменения³⁷⁶.

То есть, как указал Верховный Суд, убийство состоит не только в действиях, непосредственно лишаящих потерпевшего жизни (ударах руками, ногами, различными предметами), но и иных действиях, таких, как связывание. Все они являются составными элементами объективной стороны убийства.

Вопрос о понятии деятельности уже назрел, и ряд ученых независимо друг от друга пишут о ней, правда, не делая последнего шага и не предлагая ввести ее как уголовно-правовое понятие наряду с действием и бездействием.

Так, В.Д.Филимонов полагает, что «уголовно-правовое понятие действия, как правило, охватывает не одно телодвижение, не одно словесное выражение, а их совокупность настолько велика и растянута во времени, что правильнее было бы говорить не об

общественно опасном действии, а об общественно опасной деятельности»³⁷⁷.

Н.Ф.Кузнецова вообще предлагает заменить понятие «действие» понятием «деятельность»: «Особенностью преступного действия является то, что оно, как правило, не соответствует понятию единого человеческого действия, а складывается из ряда отдельных, связанных между собой актов поведения лица. Так, собираясь совершить мошенничество (ст. 159 УК РФ), К. заранее подготовил “куклу”, подделал фальшивые документы, подыскал продавца машины, привел его в заранее снятую квартиру и т.п. Однако в некоторых случаях может создаваться впечатление, что преступное действие осуществляется путем единственного телодвижения. Например, осуществление взрыва путем использования пульта дистанционного управления. Казалось бы, действие заключается просто в нажатии кнопки. Однако это не так. Для того, чтобы взорвать намеченный объект, виновный должен подложить в определенное место взрывчатку, наметить место и время взрыва, обеспечить исправность и готовность пульта и т. п. Следовательно, действие — это система, комплекс взаимосвязанных телодвижений, образующих общественно опасное поведение субъекта»³⁷⁸.

Конечно, Н.Ф.Кузнецова несколько преувеличивает значение деятельности, так как действия могут заключаться и в простом телодвижении (удар кулаком, оскорбление и т. п.), но в целом она права.

Как пишет А.И.Бойко, «понятие деятельности медленно завоевывает право на место в категориальном аппарате философии и уже начинает использоваться как один из мировоззренческих принципов современной науки»³⁷⁹.

«Преступное поведение (преступная деятельность) по своей внутренней структуре ничем не отличается от любого другого поведения (деятельности) человека. Поэтому преступление как

³⁷⁷ Филимонов В.Д. Объективная сторона преступления // Уголовное право России. Часть Общая / Под ред. Л.Л.Кругликова. М., 1999. С. 141–142.

³⁷⁸ Кузнецова Н.Ф. Объективная сторона преступления // Курс уголовного права: Общая часть / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. М., 1999. Т. 1. С. 220–221.

³⁷⁹ Бойко А.И. Преступное бездействие. С. 188.

акт человеческого поведения влечет за собой разнообразные последствия как негативного, так и позитивного характера»³⁸⁰.

Но можно ли определить грань, отличающую действие от деятельности? Да, можно, отвечает В.С.Прохоров, хотя и пишет не об отличии действия от деятельности, а об отличии простого действия от «сложных форм поведения человека». Отличие это заключается в том, что «действие (телодвижение) хотя и связано с последующим развитием событий, но, тем не менее, существует автономно»³⁸¹. Иными словами, если можно отделить действие от бездействия, действие от закономерностей природы, то перед нами действительно действие, если нет, — это деятельность.

Таким образом, можно сделать вывод, что действие — это психофизическое понятие. Его можно определить следующим образом.

Действие есть акт поведения человека, заключающийся в воздействии на окружающую среду его телодвижений.

Конечный момент действия обусловлен его описанием в диспозиции статьи Особенной части УК РФ и определяется совершением (для формальных составов) или наступлением преступных последствий (для материальных составов) либо отпаданием общественной опасности или противоправности деяния³⁸².

По формам действия можно подразделить на физические (энергетические) и информационные.

«Физические или энергетические действия, — определяет их Н.И.Панов, — характеризуются таким общественно опасным поведением, которое заключается в использовании мускульной, физической силы для осуществления преступного посягательства. Эти действия всегда направлены на изменение внешней, физической сферы предметов материального мира и т. п. Информационные действия заключаются в таком общественно опасном поведении, которое направлено на передачу соответствующей информации другим лицам и выражается в словесной (вербальной) форме, а также в форме различных действий, несущих

информацию, смысловых жестов и выразительных движений (мимика и пантомима)»³⁸³.

Деятельность — это совокупность движений, актов бездействия человека, а также использование сил и закономерностей природы с целью достижения определенной цели.

2.3 Преступное бездействие

Вопрос о преступном бездействии впервые был поднят известным юристом XIX в. Ансельмом Фейербахом. «Могут быть преступления, — писал он, — относящиеся к неисполнению (упущению, несодаянию, *delikta omissionis*, в противоположность преступлениям противозаконного деяния — *delikta commissionis*)»³⁸⁴.

Именно с Фейербаха началась настоящая разработка вопроса о бездействии как об отличной от действия формы преступления.

Первоначально различие между ними проводилось довольно просто: нарушение запретительной нормы объявлялось действием, требовательной (предписывающей) — бездействием.

Дать понятие преступного бездействия гораздо сложнее, чем указать, что это понятие есть простое нарушение требовательной нормы.

Нельзя определить бездействие и как пассивную форму поведения, поскольку при этом невозможно будет отграничить бездействие как форму совершения преступного деяния от отсутствия всякого деяния вообще.

В отличие от действия бездействие не имеет физического содержания. И как правильно замечает В.Д.Филимонов, «бездействие как раз и состоит в том, что человек не осуществляет телодвижений, не использует словесных выражений»³⁸⁵.

Основным критерием для разграничения уголовно-правового бездействия и отсутствия деяния служит критерий обязанности лица действовать определенным образом. Авторы учебника

³⁸⁰ Шаранов Р. Классификация составов преступлений на формальные и материальные: миф или реальность? // Уголовное право. 2000. № 3. С. 53.

³⁸¹ Курс советского уголовного права. Т. 1. / Под ред. Н.А.Беляева, М.Д.Шаргородского. С. 325.

³⁸² Аратюнов А. Объективная сторона преступления совершенного в соучастии // Уголовное право. 2002. № 2. С. 4.

³⁸³ Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 16.

³⁸⁴ Фейербах А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 24.

³⁸⁵ Уголовное право России. Часть Общая / Под ред. Л.Л.Кругликова. С. 142.

«Уголовное право России» под редакцией Б.С.Здравомыслова³⁸⁶ указывают следующие обстоятельства, из которых может следовать такая обязанность лица:

- 1) прямое указание закона или подзаконного акта;
- 2) обязательства, принятые по договору;
- 3) должностное положение лица либо осуществляемая профессия;
- 4) родственные (семейные) отношения;
- 5) нравственные нормы и правила поведения;
- 6) конкретные действия виновного лица.

С подобной точкой зрения согласиться нельзя. Можно ли, руководствуясь нравственными нормами и правилами поведения, сделать вывод, что лицо должно действовать определенным образом? Думается, что такой вывод будет противоречить основам общей теории права, а не только теории права уголовного. Безусловно, мораль и нравственность являются основой, можно сказать, источником права. Однако право призвано установить, какие именно нравственные нормы должны признаваться всеми и иметь силу закона. Без специального указания в законе моральные и нравственные нормы не могут влечь правовых последствий за их нарушение, так как только правовые нормы могут иметь в качестве своего составляющего элемента правовую санкцию.

Говоря о конкретных действиях виновного лица, авторы указанного учебника подразумевают те случаи, когда виновный сам поставил потерпевшего в опасное для жизни состояние, т. е. в данном случае имеет место отдельное, самостоятельно указанное в уголовном законе основание для ответственности, не охватываемое общим понятием обязанности лица действовать определенным образом.

В этом вопросе противоречива позиция Н.Ф.Кузнецовой. С одной стороны, она критикует тех авторов, которые включают в эти обстоятельства родственные (семейные) отношения, нравственные нормы и правила поведения. Она совершенно правильно полагает, что одним из признаков преступления, в том числе и общественно опасного бездействия, является признак противоправности, и нести уголовную ответственность за бездействие может лишь определенный круг лиц, на которых законом (а не

только морально!) возложена обязанность совершать определенные действия. «Если на лицо не возлагалась правовая обязанность недопущения или предотвращения таких последствий, оно не может быть привлечено к уголовной ответственности»³⁸⁷. С другой стороны, кроме закона Н.Ф.Кузнецова выделяет еще подзаконные акты, характер профессии или служебного положения, предшествующее поведение лица³⁸⁸. Но то, что правильно относительно одних обстоятельств, должно быть правильно относительно и всех остальных.

Вывод: основанием обязанности действовать при бездействии может быть закон, и только закон.

Резко возражает против этого А.И.Бойко, критикуя автора данной главы³⁸⁹: «Хорошо еще, что не сама Конституция объявлена местом хранения людских обязанностей — их, как известно, там заявлено лишь четыре. Вероятно, автор хотел подчеркнуть правовую, а не законодательную основу обязанного поведения. Влекущим юридические последствия чаще всего становится бездействие, заблаговременно обставленное (прописанное, зафиксированное) на подзаконном уровне. Сложности профессиональных технологий, неисчислимо количество человеческих контактов, размеры народонаселения, постоянно обновляемые и пополняемые страховочные правила и т. д. понуждают власть концентрировать указания об обязанностях в уставах, инструкциях, положениях, приказах общенормативного характера и проч., а не в парламентских актах»³⁹⁰.

А.И.Бойко нас не понял. Обязанности действовать действительно могут быть прописаны где угодно, но если ответственность за них не указана в уголовном законе, то, естественно, и ответственность за их нарушение может быть какая угодно (гражданско-правовая, административная, дисциплинарная), но не уголовная.

Если бездействие определить как неисполнение лицом возложенных на него законом обязанностей действовать определенным образом (если лицо имело возможность действовать), то

³⁸⁷ Курс уголовного права / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. Т. 1. С. 224.

³⁸⁸ Там же. С. 223–224.

³⁸⁹ Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000. С. 148.

³⁹⁰ Бойко А.И. Бездействие – бездеятельность – ответственность. Ростов н/Д, 2002. С. 72–73.

³⁸⁶ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Б.В.Здравомыслова. С. 136–137. 268

получится, что действие и бездействие лежат в разных плоскостях.

Бездействие лишь тогда может быть поставлено лицу в вину, когда оно должно было совершить определенные действия. Если лицо могло, но не должно было эти действия совершать, то нет и бездействия. Далее, лицо должно иметь реальную возможность совершить определенные действия. Если лицо должно было, но не могло их совершать, то бездействия также нет³⁹¹.

При бездействии в отличие от действия лицо не предпринимает никаких внешне выраженных поступков (жестов, телодвижений, слов). Поэтому может показаться, что ответственность при бездействии наступает за мысль или за «опасное состояние». Но это не так. «Непосредственная зависимость понятия и содержания преступного бездействия от соответствующего фактически невыполненного действия вовсе не означает, что преступного бездействия как формы поведения в реальной действительности не существует, что оно лишь плод нашего сознания. Такое представление о бездействии, свойственное некоторым представителям буржуазного позитивизма, исходит из механического сведения человеческих поступков лишь к физическим актам, телодвижениям», — писал В.Н.Кудрявцев³⁹².

Бездействие — это не внутреннее переживание человека, не сознание обязательности действовать и даже не «внутреннее действие», как пишут некоторые авторы (например, Б.В.Хиразишвили³⁹³), а особая форма поведения человека, выражающая отношение его к внешнему миру, обществу, другим лицам. Нельзя говорить, что при бездействии человек внешне себя ничем не проявляет, а само бездействие может быть констатировано только путем установления характера субъективной связи человека с другими факторами³⁹⁴. Бездействие выявляет себя не через субъективные, а через объективные связи, общественные отношения, в которых оно осуществляется и которые оно нарушает.

³⁹¹ Аратюнов А. Указ. соч. С. 4.

³⁹² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 86.

³⁹³ Хиразишвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963. С. 181.

³⁹⁴ Советское уголовное право Часть Общая / Под ред. М.Д.Шаргородского, Н.А.Беляева. Л., 1960. С. 258.

В юридической литературе бездействие обычно определяется как «пассивное поведение лица, т. е. неисполнение лицом возложенной на него обязанности действовать определенным образом под страхом уголовной ответственности, либо не воспрепятствование наступлению общественно опасных последствий, воспрепятствовать которым субъект должен был и мог». Преступное бездействие — это общественно опасное, противоправное, пассивное поведение человека, обязанного и имеющего реальную возможность совершить определенные, требуемые уголовным правом, действия³⁹⁵. Пассивное поведение означает, что «человек находится в состоянии физического покоя, не вмешиваясь в общественные и естественные процессы, причиняющие вред»³⁹⁶.

Мы в корне не согласны с определением бездействия как пассивного поведения. Нельзя представить себе человека, находящегося в состоянии абсолютного физического покоя. Еще Люден в середине прошлого века писал, что «в то время, когда человек не делает одного, он необходимо должен делать другое, это же другое есть всегда положительное действие, хотя бы оно состояло в простом взирании или удалении с данного места»³⁹⁷.

Еще К.Маркс писал: «Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, я вступаю в область действительности, я вступаю в сферу действий законодателя. Помимо своих поступков, я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»³⁹⁸.

Такая позиция представляется разумной. Действительно, основанием для ответственности должно быть исключительно то, что проявляется вовне, в противном случае это просто не поддается восприятию иными лицами.

Бездействие нельзя понимать в буквальном смысле этого слова как пассивность, абсолютную недеятельность субъекта. «С точки зрения юридической, — пишет Г.К.Матвеев, — бездействие не может быть сведено к простой пассивности субъекта»³⁹⁹. В момент совершения преступления субъект может раз-

³⁹⁵ Аратюнов А. Указ. соч. С. 4.

³⁹⁶ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 22.

³⁹⁷ Luden. Abhandlungen aus dem gemeinem deutschen Strafrechte. Göttingen, 1840. P. 474.

³⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 120.

³⁹⁹ Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. С. 24.

вить самую бурную деятельность, однако, если он не выполняет при этом возложенную на него законом обязанность, то он считается бездействующим.

Некоторые авторы пишут, что та деятельность, которой занимается бездействующий, никакого юридического значения не имеет. Но такой вывод, как нам кажется, не совсем точен.

Действительно, в большинстве случаев нас не интересует, заступил ли сторож на посту, ушел домой или просто из боязни или по какой другой причине не выполнил лежащую на нем обязанность — не задержал проникших на охраняемую территорию преступников. Но иногда такая деятельность имеет определяющее значение для квалификации некоторых деяний. Это, прежде всего, всевозможные виды уклонения: уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы (ст. 328 УК РФ), уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ст. 198 УК РФ), уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации, злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ) и др. Например, ст. 339 УК РФ предусматривает уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни, причинения себе какого-либо повреждения, подлога документов или иного обмана.

Ряд авторов, правда, считает, что так как уклонение всегда представляет собой активные действия, то формой совершения таких преступлений является действие, а не бездействие⁴⁰⁰. Так, подвергая анализу объективную сторону злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей В.В.Тимощенко приходит к решению, что основу ее «составляет действие, когда формой уклонения от взыскания алиментов является изменение биографических данных в документах, подкуп работника бухгалтерии, представление фиктивных документов о размере заработка, перемена места жительства, места работы или учебы и т. д.»⁴⁰¹

⁴⁰⁰ Государственные преступления: Учебное пособие по советскому уголовному праву / Под ред. М.И.Якубовича, В.А.Владимирова. М., 1961. С. 120, 124; Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР: Дисс... д-ра юрид. наук. М., 1979.

⁴⁰¹ Тимощенко В.В. Уголовная ответственность за неоказание материальной помощи: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Минск, 1982. С. 13.

Однако указанные действия выступают здесь лишь в качестве способа реализации бездействия. Этот вывод следует распространить на все виды уклонения, т. е. следует считать, что как уголовно-правовое бездействие следует рассматривать и такое поведение человека, когда в целях уклонения от возложенной на него обязанности он совершает активные действия, чтобы освободиться от такой обязанности. Такой точки зрения придерживаются также Я.М.Брайнин, П.И.Гришаев, Г.А.Кригер.

Признав, что данные преступления выражаются в бездействии, мы приходим на первый взгляд к парадоксальному выводу, что преступления в форме бездействия могут быть совершены путем действия. Права Н.Ф.Кузнецова, полагая, что «при бездействии не обязательно, чтобы субъект вел себя пассивно. Напротив, он может проявлять повышенную активность, совершить различного рода действия. Так, например, уклоняясь от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, субъект может переезжать с места на место, менять работу, фамилию, жилье и т. п., т. е. быть физически активным. Однако главным остается невыполнение возложенной на него законом и решением суда обязанности — уплаты средств (ст. 157 УК РФ)»⁴⁰².

Этот вывод может быть правильным только в том случае, если признать бездействие юридической категорией.

Еще совсем недавно признание этого влекло за собой обвинение в «позитивизме», «нормативизме» и т. п. Общеизвестным считалось, что бездействие может быть и не связано со сферой правового регулирования, а каузальность бездействия может и не иметь нормативной предпосылки⁴⁰³.

Однако если бездействие не юридическое понятие, то какое: психологическое, физическое или какое-либо другое?

Но психология не знает понятия бездействия. «Психология изучает не просто акт поведения и не все поведение, а только активную ориентировку поведения <...> Поведение имеет, конечно, не только эту, психологическую, но и другие стороны, как природные (физиологические, биомеханические и прочие),

⁴⁰² Курс уголовного права Т. 1. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. С. 225.

⁴⁰³ Матвеев Г.К. Теоретические вопросы причинности бездействия // Советское государство и право. 1962. № 10. С. 61; Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. С. 122.

так и общественно-исторические (юридическую, этическую, эстетическую и т. д.). И эти другие стороны поведения и могут и должны изучать другие науки»⁴⁰⁴. «Необходимо сделать единственно правильный вывод о том, — пишет С.Е.Вицин, — что правовая форма деяния в уголовно-правовом смысле имеет свое собственное содержание, не адекватное психологическому понятию...»⁴⁰⁵

Но если действие в уголовном праве основывается на понятии действия в психологии, хотя и имеет свое собственное содержание, то адекватному юридическому бездействию понятия в психологии нет.

Не имеет бездействие и физического содержания (исключение составляет бездействие путем действия). В самом деле, при бездействии лицо не выполняет возложенную на него обязанность действовать, т. е. физическая, исполнительская сторона бездействия отсутствует. С этим соглашаются и противники признания бездействия юридической категорией. Однако это не мешает им все же отрицать его нормативность. Так, В.Н.Кудрявцев пишет: «Из того обстоятельства, что преступное бездействие невозможно охарактеризовать с “исполнительской”, физической стороны, отнюдь не вытекает, что это только нормативная категория. Если нельзя описать то, что не делал преступник, то можно установить, что ему надлежало делать и что он мог выполнить»⁴⁰⁶.

Но описание действий, которые субъекту надлежало делать, означает, что на место действительного поступка ставится только возможный поступок. Кроме того, как дальше пишет сам автор, обязанность действовать устанавливается законом, т. е. опять-таки в понятие бездействия включается юридическое содержание. А возможность действовать характеризует не бездействие, а скорее самого субъекта, его физические, психические и другие возможности.

Противники нормативности бездействия обвиняют его сторонников в том, что они «понимают, следовательно, бездействие

не как объективное явление внешнего мира, а как юридическую категорию, основанную на долженствовании»⁴⁰⁷.

Да, мы понимаем бездействие как юридическую категорию, основанную на долженствовании, но почему, спрашивается, такая категория не может носить объективного характера? Разве само по себе признание какого-либо явления юридической категорией означает его субъективный или иной нематериальный характер? Как мы уже указывали, бездействие — это социальное явление, проявляемое во внешнем мире, и не будь оно таким, мы не смогли бы обосновать ответственность за него. Бездействие хотя и юридическая категория, но оно так же реально, как реально действие.

Нормативный характер бездействия особенно четко подтверждается тем, что бездействие немисливо без обязанности действовать, а последняя возлагается только законом.

Но следует ли понимать бездействие как не совершение субъектом телодвижений, которые он должен был в силу закона совершить, или же в него следует включать действие сил природы, механизмов и т. д.? За последнее высказывается В.Ф.Кириченко, М.И.Ковалев, П.Т.Васьков, Т.В.Церетели, т. е., как нетрудно заметить, именно те авторы, которые включают указанные силы и в понятие действия.

Мы уже говорили о недопустимости включения сил и закономерностей природы, действий механизмов, поведения животных и других лиц в понятие действия. Тем более нельзя включать их в понятие бездействия. Кроме тех соображений, которые мы приводили относительно действия, относительно бездействия можно привести и другие.

Положение, что в результате бездействия действуют силы, вызывающие общественно опасные последствия, неверно, так как эти силы действуют еще до того, как возникла обязанность совершить определенное действие: движение поезда началось до бездействия стрелочника, не переведшего стрелку, опасное положение потерпевшего при неоказании помощи возникло до появления лица, который такую помощь обязан оказать (мы не имеем в виду случаи, когда субъект сам поставил другое лицо в опасное положение).

Но даже если признать, что бездействующий использует такие силы, то спрашивается, в чем выражается такое использова-

⁴⁰⁴ Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1996. С. 129.

⁴⁰⁵ Вицин С.Е. О психологическом и социальном аспекте деяния в уголовном праве. М., 1969. С. 60.

⁴⁰⁶ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 87.

⁴⁰⁷ Мамеев Г.К. Теоретические вопросы причинности бездействия. С. 63.

ние? «При активном действии действующий возбуждает силы и средства, вызывает их или же ускоряет, усиливает их движение, т. е. активно способствует их возникновению или развитию»⁴⁰⁸, т. е. использует их.

Но из того, что при действии лицо использует силы и закономерности, вовсе не следует, что они включаются в понятие действия. Впрочем, об этом уже говорилось выше. При бездействии «использование» заключается в том, что лицо не мешает развитию этих сил, не прерывает их действия. Но такое «использование» означает лишь субъективное восприятие лица. Объективно ничто в мире не изменится и при отсутствии бездействующего.

Таким образом, в понятие бездействия нельзя включать силы и закономерности объективного мира.

Бездействие есть внешний акт поведения человека, состоящий в нарушении обязанности совершить определенное законом действие, если лицо имело такую возможность.

Следует сказать несколько слов о границах преступного бездействия.

«Если представить себе человеческий поступок протяженным во времени, то его начало кроется в истоках мотивации поступка, а окончание состоит в совершении выраженных актов поведения (физических действий) и наступлении различных физических, биологических, социальных, правовых и других последствий. Таким образом, поступок включает предварительную (подготовительную) мыслительную деятельность человека, принятие им решения, нередко подготовительные действия (подыскание орудий и средств, создание условий), затем физические движения, наступление последствий, оценку совершенного и самооценку субъекта. Все ли эти элементы человеческого поведения имеют правовое значение?» — спрашивает В.Н.Кудрявцев⁴⁰⁹. И сам же отвечает, что нет: «Прежде всего, правовое значение имеет только то поведение человека или коллектива, которое выражено вовне...»⁴¹⁰

Бездействие — акт внешнего поведения человека, и поэтому начинается оно не в момент возникновения умысла, а в момент

«невыполнения юридически обязательных действий, когда они стали объективно необходимыми и реально возможными»⁴¹¹.

Что касается момента окончания преступного бездействия, то он очень важен для определения давности привлечения к уголовной ответственности, применения амнистии, решения вопроса о добровольном отказе и т. д.

В юридической литературе имеется существенный разнобой при определении момента окончания преступного бездействия. Одни авторы считают, что «бездействие как форма преступного деяния заканчивается тогда, когда виновное лицо не может предотвратить наступление вредного результата» (И.П.Лановенко⁴¹²); другие к обстоятельствам, прекращающим продолжение бездействия, относят «изменение закона, устраняющее правовую обязанность действовать, издание акта об амнистии, наступление предусмотренных законом общественно опасных последствий и др.» (Г.В.Тимейко⁴¹³), третьи — «действия самого виновного, когда, например, уклонявшийся от призыва на военную службу сам явился в призывной участок, а также вследствие наступления событий, прекращающих совершение преступления, если, например, кто-то украл незаконно хранящееся огнестрельное оружие или оно было обнаружено и изъято работниками милиции» (Н.Д.Дурманов⁴¹⁴).

Что касается позиции И.П.Лановенко, то она попросту неверна. Приводимые им дальше слова В.Н.Кудрявцева, что «бездействие стрелочника, не переведшего стрелку при приближении поезда, окончилось не в момент катастрофы, а в момент прохода поезда через стрелку, так как после этого отпала возможность совершить требуемое действие»⁴¹⁵, опровергает его же тезис. Если бездействие окончилось в момент прохода поезда через стрелку, а не в момент катастрофы, то это значит, что оно окончилось в момент несовершения обязанности выполнить требуемое действие (перевести стрелку), даже если стрелочник и может еще предотвратить катастрофу (например, одумавшись,

⁴¹¹ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 63.

⁴¹² Лановенко И.П. Указ. соч. С. 217.

⁴¹³ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 63.

⁴¹⁴ Дурманов Н.Д. Объективная сторона преступления // Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Д.Меньшагина, В.Д.Дурманова, Г.А.Кригера. М., 1969. С. 139.

⁴¹⁵ Лановенко И.П. Указ. соч. С. 217.

⁴⁰⁸ Горелик А.С. Уголовная ответственность за оставление в опасности. Л., 1964. С. 138.

⁴⁰⁹ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 79.

⁴¹⁰ Там же.

он звонит на диспетчерский пункт, и оттуда передают машинисту приказ остановиться).

Нельзя сказать, что позиции Г.В.Тимейко и Н.Д.Дурманова неверны, однако они недостаточны. Каждый из них подчеркивает одно из оснований прекращения преступного бездействия, Тимейко — юридическое, Дурманов — фактическое. Однако, как доказывал один из авторов данной работы еще в кандидатской диссертации, оснований ответственности за преступное бездействие три — фактическое, юридическое и субъективное⁴¹⁶, и отпадение любого из них означает и прекращение самого бездействия. Юридическое основание устанавливает, а значит, и устраняет правовую обязанность действовать, субъективное — означает возможность (или невозможность) его совершения, фактическое — есть конкретное невыполнение этой обязанности. Поэтому при изменении закона, амнистии бездействие прекращается вследствие отпадения юридического основания; при невозможности выполнить требуемое действие (например, лицо стало инвалидом и не может поэтому продолжать нести обязанности по военной службе) — вследствие отпадения субъективного основания; при явке с повинной или если лицо снова начало выполнять свои обязанности — фактического основания.

Теперь о формах преступного бездействия.

В юридической литературе бездействие обычно рассматривается в качестве единого понятия. Однако такое положение вызвало критику некоторых авторов, в частности Я.М.Брайнина и И.И.Горелика⁴¹⁷.

Остановимся несколько подробнее на взглядах последнего. Он пишет, что бездействие бездействию рознь и следует различать бездействие, создающее опасность, и бездействие-невмешательство. Бездействие создает конкретную опасность тогда, когда при совершении соответствующего действия не было бы этой опасности. Если бы должностное лицо снабдило работающего на высоте предохранительным поясом, а стрелочник выполнил распоряжение о переводе стрелки, то опасность не возникла бы. Особенность такого бездействия состоит в том,

что в момент, когда необходимо было действовать, конкретная опасность еще не существовала, но благодаря действию события развились до степени возникновения такой опасности. Другое дело — бездействие-невмешательство, имеющее место при отсутствии непосредственной обязанности воспрепятствовать развитию опасной ситуации⁴¹⁸.

Точка зрения И.И.Горелика была подвергнута критике его однофамильцем — А.С.Гореликом. В своей кандидатской диссертации он писал: «Бездействие, как и пассивное поведение не может чего-либо создать, в том числе и опасность, — оно может лишь не препятствовать возникновению или развитию сил, создающих опасность. Понятие поставления в опасность путем бездействия является в корне неверным, и в литературе справедливо различаются оставление-бездействие и поставление лица путем активных действий в опасное для жизни положение»⁴¹⁹. К этому можно добавить, что и ответственность за бездействие-невмешательство основано на обязанности действовать. Такая обязанность не является единственно присущей только бездействию-поставлению в опасность, а имеется при любом бездействии.

Следовательно, нельзя разделять бездействие на формы. Бездействие — единое понятие, и как таковое должно рассматриваться теорией.

2.4. Смешанное бездействие

Вопрос о смешанном бездействии практически не обсуждался в юридической литературе. Более того, многие вообще не знают понятия «смешанного бездействия» или понимают его иначе, — а отсюда и неразработанность проблемы.

Н.С.Таганцев исследовал взаимосвязь действия и бездействия, их сходство, различие и смешанные формы, определяя смешанное взаимодействие с помощью субъективной стороны

⁴¹⁶ Малинин В.Б. Основания и пределы уголовной ответственности за бездействие: Дисс... канд. юрид. наук. Л., 1984. С. 61–62.

⁴¹⁷ Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве. М., 1963. С. 213; Горелик И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. Минск, 1973. С. 18–22.

⁴¹⁸ Горелик И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. С. 19–22.

⁴¹⁹ Горелик А.С. Уголовная ответственность за оставление в опасности. Дисс... канд. юрид. наук. Л., 1964. С. 233.

преступления, когда имеет место различное психическое отношение к действию и к бездействию. Руководствуясь таким подходом, он называет смешанным невмешательством такое поведение лица, когда его предшествующие активные действия были с субъективной стороны юридически безразличны или неосторожны (например, бросил непогашенную спичку), а последующее невмешательство умышленно (по возникшему умыслу не стал тушить пожар, имея такую возможность). В отличие от смешанного невмешательства указанный автор выделяет простое невмешательство, когда виновный, хотя и стоит в стороне от совершающегося события, возникшего вне всякого его непосредственного участия, но может своевременным вмешательством предупредить преступные результаты⁴²⁰.

Но, как нам представляется, указанный подход в корне неверен. Нельзя определять понятия объективной стороны с помощью признаков субъективной стороны.

Некоторые современные авторы определяют смешанное бездействие совсем просто. Так, по мнению авторов учебника «Уголовное право. Общая часть» под редакцией И.Я.Козаченко и З.А.Незнамова, именно «составы преступления, объективная сторона которых может состоять и в действии, и в бездействии представляют собой смешанное бездействие»⁴²¹.

Но такое понятие, скорее всего, следовало бы назвать смешанной нормой, а не смешанным бездействием.

П.И.Гришаев под «смешанным бездействием» понимает случаи, когда «лицо выполняет только часть возложенных на него правовых обязанностей, а другую часть не выполняет совсем либо выполняет не до конца и ненадлежащим образом»⁴²². Так же определяет понятие смешанного бездействия В.Е.Мельникова. Она пишет: «В уголовном праве применяется понятие смешанного бездействия. Это случаи, когда уголовно-правовое бездействие, имея сложный характер, не всегда выражается в абсолютно пассивном поведении. Закон предусматривает уголовную ответственность и в тех случаях, когда лицо,

осуществляя возложенные на него правовые обязанности, выполняет их либо не до конца, либо ненадлежащим образом»⁴²³.

Но при бездействии нас не интересует, что сделал виновный — нас интересует, что он не сделал. Выполнение им части обязанностей безразлично для права; право наказывает бездействующего за ту часть, которая им не выполнена.

Н.Д.Дурманов, А.А.Пионтковский, Г.В.Тимейко понимают под «смешанным бездействием» наступление в результате его общественно опасных последствий или, как они пишут, «материальное преступление, совершенное путем бездействия»⁴²⁴.

Так, Г.В.Тимейко даже разделял смешанное бездействие на два вида:

1) непредотвращение вреда, причиненного внешними силами, возникшими самостоятельно и действовавшими независимо от виновного;

2) непредотвращение вреда, причиненного внешними силами, возникшего в результате предшествующих невиновных действий данного лица⁴²⁵.

Но такое понимание смешанного бездействия, не говоря уже о том, что оно расходится с традиционным пониманием, неверно по существу, так как последствий, причиненных бездействием, как мы это постараемся доказать далее, быть не может.

Интересна позиция Н.И.Панова, который рассматривает смешанное бездействие как «сочетание активного (действие) и пассивного (бездействие) поведения, когда активные действия выступают в качестве обстоятельства (способа), обеспечивающего осуществление бездействия»⁴²⁶.

Такое, действительно, возможно, но вряд ли правильно называть это смешанным бездействием. Ниже мы рассмотрим этот вопрос чуть подробнее.

⁴²³ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Б.В.Здрово-мыслова. С. 139.

⁴²⁴ Советское уголовное право. Учебник. Общая часть / Под ред. В.Д.Меньшагина, Н.Д.Дурманова, Г.А.Кригера. С. 138; Курс советского уголовного права / Под ред. А.А.Пионтковского. М., 1970. Т. 2. С. 152; *Тимейко Г.В.* Общее учение об объективной стороне преступления. С. 65.

⁴²⁵ *Тимейко Г.В.* Проблемы общего учения об объективной стороне преступления: Автореф. дисс... д-ра юрид. наук. М., 1986. С. 18.

⁴²⁶ *Панов Н.И.* Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 18.

⁴²⁰ *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Т. 1. С. 265–268, 272–275.

⁴²¹ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова. С. 148.

⁴²² Советское уголовное право. Часть Общая / Под ред. П.И.Гришаева. С. 89.

Под термином «смешанное бездействие», на наш взгляд, следует понимать комбинацию действия и бездействия, т. е. те случаи, когда, создав своей предшествующей деятельностью опасность наступления вредного последствия, лицо не предотвращает ее. Для уяснения его природы и границ рассмотрим несколько уголовных дел, взятых из практики судов.

1. Вечером 12 февраля 2000 г. Жгилев и Щебеньков из хулиганских побуждений избили потерпевшего Н. с причинением тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека. После избиения они оставили потерпевшего без помощи лежащим на земле.

Суд первой инстанции квалифицировал действия осужденных по п. «а», «в» ч. 3 ст. 111 УК РФ и ст. 125 УК РФ.

Суд кассационной инстанции отменил приговор в отношении Жгилева и Щебенькова в части, касающейся их осуждения по ст. 125 УК РФ, и уголовное дело в этой части прекратил, мотивировав свое решение следующим.

Лицо, умышленно причинившее потерпевшему тяжкий вред здоровью, не может нести ответственность за оставление его в опасности⁴²⁷.

2. Суд Петроградского района г. Ленинграда осудил Г.Круглову по ст. 172 УК РСФСР (ст. 293 УК РФ) за преступление, совершенное при следующих обстоятельствах.

Круглова, работая медсестрой в детских яслях №386 Петроградского райздравоотдела, принесла в ванную комнату мыть двухлетнего Акундинова С. и оставила его в ванной при включенной горячей воде. В результате ее халатности, как сказано в приговоре, ребенок получил термический ожог горячей водой обеих ног, т. е. тяжкие телесные повреждения (причинение тяжкого вреда здоровью)⁴²⁸.

3. Работая начальником гаража, Мушинский на служебной автомашине поехал за запасными частями. В пути следования он совершил наезд на несовершеннолетнего Долгова, помощи которому не оказал и, оставив его в опасном для жизни состоянии с тяжкими телесными повреждениями в холодное зимнее время, с места происшествия скрылся. Факт наезда на

Долгова автомашиной под управлением Мушинского материалами дела подтвержден, хотя не установлена его вина в этом.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила оправдательный приговор районного суда по ч. 2 ст. 127 УК РСФСР (ст. 125 УК РФ), и дело было передано на новое судебное рассмотрение⁴²⁹.

Общее для всех этих преступлений состоит в том, что объективная сторона их представляет комбинацию действия и бездействия. Различие заключается в субъективной стороне, причём вина определяется отдельно к действию и бездействию.

Если вина к действию умышленная, с чем мы имеем дело в первом примере, то ответственность за бездействие не определяется — она наступает целиком за действие. Иное решение страдало бы логической несообразностью. Право, запрещая причинение преступных последствий, и в то же время наказывающее лицо еще за их непредотвращение, не могло бы выполнять своей предупредительной функции. Такое право при кажущейся высокой репрессивности имело бы весьма низкий «коэффициент полезного действия».

Данное теоретическое положение имеет важное значение для сугубо практического вопроса: квалификации преступных деяний, состоящих из действия и бездействия. Например, когда посягательство на здоровье сопровождается оставлением потерпевшего в опасном для жизни состоянии. Нужна ли в данном случае дополнительная квалификация по ст. 125 УК РФ?

Хотя действие и бездействие образуют самостоятельные составы преступлений, однако в силу их внутреннего единства должны рассматриваться как одно преступление и ответственность должна наступать только за действие.

Президиум Красноярского краевого суда прямо указал: «При осуждении лица по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (ст. 111 УК РФ) дополнительной квалификации действий виновного, оставившего потерпевшего в беспомощном состоянии, не требуется»⁴³⁰.

Во втором примере (дело Кругловой) вина к действию — неосторожная. Поставив ребенка в ванну и включив горячую воду, Круглова не предвидела возможность наступления опасных последствий, хотя могла и должна была предвидеть. Поэтому не-

⁴²⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 1. С. 15.

⁴²⁸ Дело № 1-638 // Архив Петроградского районного суда г. Ленинграда за 1980 г.

⁴²⁹ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. М., 1981. С. 194–195.

⁴³⁰ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1982. № 1.

обходимо квалифицировать ее действия по п. 1 ст. 114 УК РСФСР (ч. 2 ст. 118 УК РФ) как неосторожное причинение тяжкого телесного повреждения (тяжкого вреда здоровью) вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

В третьем примере (дело Мушинского) вины к действию — наезда на пешехода — вообще нет. Здесь поставление в опасность служит квалифицирующим признаком бездействия — оставления в опасности и должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 127 УК РСФСР (ст. 125 УК РФ).

Как видим, вина к действию может быть различной (ее даже может не быть). Точно так же может быть различной и вина к бездействию (но если ее нет — нет и смешанного бездействия).

Можно сделать вывод, что по субъективной стороне к смешанному бездействию относятся все случаи комбинации действия и бездействия, за исключением умышленного действия и невиновного бездействия. Однако при совпадении формы вины к тому и другому, т. е. когда вина остается неизменной с момента действия (второй пример), также нет смешанного бездействия, а ответственность наступает за преступное действие.

На первый взгляд, такое понимание смешанного действия кажется несколько усложненным. На самом деле никакой сложности нет: при отсутствии вины к бездействию нет и его самого (так как бездействие — юридическое понятие); при единстве вины невозможно вычленить бездействие — такого рода поведение мы рассматриваем как деятельность.

Сложности появляются, когда мы будем квалифицировать подобные деяния.

Возьмем, к примеру, случай, когда действие совершается невиновно, а бездействие умышленно. К примеру, водитель, нарушая правил дорожного движения, сбил пешехода и уехал. Здесь первая стадия в развитии явления представляет собой полную противоположность второй: первая состоит из активной деятельности, но лишена субъективной виновности; наоборот, вторая по внешнему проявлению есть недеятельность, но включает в себе все элементы субъективной виновности. Таким образом, весь факт представляется по внешности как бы состоящим из соединения положительного действия и бездей-

ствия, из которых первое является преступным, а второе, наоборот, преступным⁴³¹.

Для обоснования ответственности за смешанное бездействие в этом случае А.С.Горелик вынужден прибегнуть к так называемой «последующей вине», т. е. вине, которая с обратной силой переносится на предшествующую положительную деятельность. Он пишет: «Ответственность наступает в этом случае в соответствии с формой вины, которая имелась при последующем бездействии, однако моментом начала развития причинной связи является первоначальное действие; таким образом, получается разрыв во времени между моментом возникновения объективного и субъективного условий ответственности: вина следует за деянием»⁴³².

Но конструкция предшествующей вины, как и конструкция вины последующей является искусственной, созданной специально для решения определенного вопроса. Нельзя, однако, относиться с доверием к понятиям, специально создаваемым для достижения заранее намеченной цели. В этом случае задача не разрешается, а решение подгоняется под ответ. Мы уже неоднократно подчеркивали принцип единства субъективного и объективного в деянии человека. Исходя из этого принципа, не может быть разрыва между объективным поведением и виной.

Правильное решение представляется нам следующим.

Если предшествующее действие было лишено субъективной виновности, то ответственность за результат должна быть решительно отвергнута. Ответственность наступает только за само бездействие. Объяснение очень простое: для признания деяния преступлением необходимо наличие как объективной, так и субъективной стороны: если предшествующее действие лишено последнего, ответственность за него исключается.

Если же предшествующее действие было неосторожным, ответственность наступает как за действие, так и за бездействие. Объективным основанием ответственности за последствие всегда является действие. Такое действие представляет собой поставление в опасность.

⁴³¹ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть Общая. Петроград, 1915. С. 296.

⁴³² Горелик А.С. Уголовная ответственность за оставление в опасности. С. 170–174.

В настоящее время в УК РФ нет статьи, предусматривающей ответственность за поставление в опасность, хотя общественная опасность его несомненна: неосторожное обращение с огнем, ядовитыми или взрывчатыми веществами, стрельба на многолюдных улицах могут привести к весьма тяжким последствиям. Сейчас такие действия квалифицируются по различным статьям Уголовного кодекса, большей частью предусматривающим нарушение специальных правил (ст. 143, 215–220, 236, 247–249, 253, 255, 257, 262 УК РФ). Но они могут квалифицироваться как оставление в опасности (ст. 125 УК РФ) и даже как хулиганство (ст. 213 УК РФ), например, при стрельбе на городских улицах.

Путь, по которому пошел законодатель, перечисляя конкретные составы поставления в опасность, по нашему мнению, не продуктивен. С течением времени, особенно в современных условиях научно-технической революции, возникают или могут возникать все новые виды поставления в опасность. Такой путь чреват опасностью загромождения Уголовного кодекса большим числом статей, да и вряд ли вообще возможно перечислить все из них. Поэтому мы поддерживаем предложение, выдвинутое еще в начале 60-х гг., о введении в Уголовный кодекс общей статьи о поставлении в опасность⁴³³.

При понимании смешанного бездействия как комбинации действия и бездействия возникает вопрос об отличии его от бездействия путем действия, тем более что некоторые авторы эти понятия отождествляют⁴³⁴.

При бездействии путем действия последнее является способом реализации бездействия, — оно не имеет самостоятельного уголовно-правового значения. И действие, и бездействие совершаются как бы одновременно — они неотделимы друг от друга. Субъективная виновность направлена лишь на одно из них — на бездействие.

Хрестоматийным примером в данном случае является ст. 339 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей военной служ-

бы путем симуляции болезни или иными способами». Имеются и другие примеры. На современном этапе развития нашего общества совершается значительное количество преступлений, состоящих в уклонении от уплаты налогов путем включения в документы заведомо искаженных данных о доходах и расходах либо иным способом, что нашло отражение в ст. 198 и 199 УК РФ.

При смешанном бездействии ни действие не является способом совершения бездействия, ни бездействие не составляет части действия. Действие всегда предшествует бездействию; не совпадает и субъективное отношение к каждому из них.

§ 3. Преступные последствия

Каждое человеческое действие вызывает изменения в окружающей действительности. Антиобщественные свойства преступления проявляются в том, что оно влечет за собой наступление вредных последствий, т. е. преступление не заканчивается лишь совершением действия или бездействия, оно продолжается далее, включая и тот ущерб, который причинен этим поведением. Именно вред, причиненный преступлением, часто приводит к необходимости запретить соответствующее деяние и установить за его совершение уголовную ответственность.

Всякое преступление представляет собой результат взаимодействия различных сил, деятельности людей, окружающей среды, природы, различных механизмов. Однако юридическое значение имеют лишь такие силы, которые являются выражением поведения человека (действия или бездействия). При расследовании уголовного дела все прочие факторы, кроме поведения виновного, выясняются лишь для того, чтобы правильно оценить роль и значение общественной опасности деятельности человека. Поэтому можно присоединиться к взгляду, высказанному А.Н.Трайниным, который писал: «Из всех людей и факторов причиняющих результат, уголовный закон искусственно изолирует лишь один человеческое поведение (действие или

⁴³³ Горелик И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву. Минск, 1969. С. 167; Горелик А.С. Уголовная ответственность за оставление в опасности С. 353.

⁴³⁴ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова С. 148.

бездействие), а из всех возможных последствий этого фактора лишь одно преступное наказуемое последствие»⁴³⁵.

Общественно опасное деяние (действие или бездействие) влечет определенные негативные изменения в окружающем мире и вызывает наступление определенных последствий, вредных для охраняемых уголовным законом личных и общественных интересов.

«Общественная опасность последствий преступления — один из основных показателей степени опасности деяния в целом, напрямую определяющий тяжесть уголовной ответственности и наказания. Это обуславливает важность технически грамотного и правильного описания таких последствий в законе»⁴³⁶.

О понятии преступных последствий в юридической литературе писалось не раз. Вместе с тем, до настоящего времени остается неясным и спорным решение ряда имеющих отнюдь не только теоретическое, а самое что ни на есть практическое (как для законодателя, так и для правоприменителя) значения вопросов, в том числе непосредственно касающихся уяснения места преступных последствий в составе преступления: одни авторы включают их в объективную сторону, другие рассматривают в качестве характеристики объекта посягательства, третьи видят в преступных последствиях связующее звено между объективной стороной и объектом преступления. Разные мнения высказываются и по поводу возможности существования так называемых «беспоследственных» преступлений, что обуславливает и дискуссионность вопроса об обоснованности выделения «формальных» составов преступлений. Можно было бы указать и на другие сложности, порождаемые существующими взглядами на понятие преступных последствий⁴³⁷.

В юридической литературе ведется спор по поводу того, являются ли последствия преступления элементами самого действия (бездействия).

Еще Ф.Лист писал: «Понятие действия требует наступления изменения во внешнем мире (то есть в людях и вещах). Это из-

менение мы называем последствием. Последствие образует, таким образом, составную часть понятия действия»⁴³⁸. Профессор Н.Д.Дурманов также смешивал понятие действия и результата, подчеркивая, что всякого рода воздействие на объект, хотя бы оно и производило некоторые несущественные изменения в объекте, должно быть отнесено к действию. Изменения качественного порядка (соответствующие описанным в диспозиции закона) образуют результат⁴³⁹. Его поддержал А.Н.Трайнин. Он полагал, что, поскольку каждое преступление посягает на какой-либо объект, постольку всякое выполнение преступного деяния содержит в себе и причинение ущерба этому объекту⁴⁴⁰.

В противоположность этому Н.Ф.Кузнецова отмечала, что преступное последствие не является элементом самого действия⁴⁴¹. Так как в основе всякого преступного действия (бездействия) лежит подконтрольное сознанию, мотивированное, физическое телодвижение или воздержание от него, лицо может в любой момент прекратить или изменить свое поведение. Последствие же относится к сфере внешнего мира.

Однако тесная связь преступного результата с деянием иногда затрудняет подробное описание последствия в уголовном законе⁴⁴².

«Так, особое внимание при совершенствовании уголовного законодательства, — отмечает С.В.Землюков, — должно быть, уделено описанию общественно опасных последствий преступлений. Сложность установления содержания понятий, описывающих вредные последствия преступлений в действующем уголовном законодательстве, породила многочисленные трудности и ошибки в следственной и судебной практике и разноречия в теории»⁴⁴³.

⁴³⁸ Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. С. 126.

⁴³⁹ Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.-Л., 1943. С. 57.

⁴⁴⁰ Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 188–195; *Его же*. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 138–144.

⁴⁴¹ Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. С. 14–15.

⁴⁴² Шаранов Р. Указ. соч. С. 53.

⁴⁴³ Землюков С.В. Об одном аспекте совершенствования уголовно-правовой терминологии // Советское государство и право. 1988. № 9. С. 80.

⁴³⁵ Трайнин А.Н. Учение о соучастии. С. 57.

⁴³⁶ Ковалев М.И. Общественно опасные последствия преступления и диспозиция уголовного закона // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 38.

⁴³⁷ Новоселов Г. Без преступных последствий нет преступления // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 56.

«Влияние на судьбу преступных последствий со стороны определенного лица ограничивается совершением определенных действий. Последующее объективное развитие событий от него не зависит. Именно потому, что наступление преступного результата не является элементом действия, а относится к сфере внешнего мира, возможны покушения и приготовления, а также и неосторожные преступления», — писала Н.Ф.Кузнецова⁴⁴⁴.

Рассмотрение и анализ последствий преступления показывает, что некоторые последствия могут быть отдалены от действия, проявляясь через довольно значительный промежуток времени. Виновному должны вменяться все последствия его преступных действий, независимо от их отдаленности, если только они находились в причинной связи с действием виновного, который предвидел их наступление или должен был и мог предвидеть.

Уголовный закон не дает определения преступных последствий.

В теории уголовного права также не сформулировано в целом единого понятия преступных последствий. Так, Н.Ф.Кузнецова определяет их как «вредные изменения в охраняемых уголовным законодательством общественных отношениях, производимые преступным действием или бездействием субъекта»⁴⁴⁵. В.Н.Кудрявцев пишет, что преступное последствие — это «предусмотренный уголовно-правовой нормой материальный и нематериальный вред, причиненный преступным действием (бездействием) объекту посягательства — охраняемым законом <...> общественным отношениям и их участникам»⁴⁴⁶. А.С.Михлин под преступными последствиями понимает «вред, причиненный преступной деятельностью человека общественным отношениям, охраняемым уголовным законом»⁴⁴⁷. Н.И.Коржанский полагает, что «преступные последствия — это противоправное изменение общественных отношений, заключающийся в полном или частичном, временном или постоянном затруднении или ликвидации возможности осуществления субъ-

ектом общественных отношений своих интересов»⁴⁴⁸. Е.А.Фролов определяет «преступные последствия как ущерб, от причинения которого соответствующее общественное отношение охраняется средствами уголовного права»⁴⁴⁹.

«В ряде случаев преступление может влечь за собой несколько последствий, — пишет А.Мамедов. — Множественность последствий, причиняемых преступлением в конкретных случаях, чаще всего обусловлена тем, что изменение каких-либо общественных отношений вследствие их взаимосвязи и взаимодействия с другими видами общественных отношений влечет за собой ущерб этим (другим) общественным отношениям»⁴⁵⁰.

Как видим, в юридической литературе называются различные виды преступных последствий, но из-за множества оснований для классификации, существует проблема их систематизации.

В качестве оснований можно выбрать два: чисто юридические, т. е. формальные основания классификации; реальные, фактические основания, базирующиеся на определенных родственных признаках, присущих последствиям как явлениям объективной действительности.

Фактическими следует считать все последствия, вызванные в жизни совершением преступления, а юридическими — лишь часть фактических последствий, учтенную, получившую отражение в уголовном законодательстве. Например, убийство человека порождает целый комплекс последствий неправового и правового характера (семейных, гражданских, трудовых и т. д.). Уголовно-правовым (юридическим) последствием в этом признается смерть потерпевшего⁴⁵¹.

А.И.Бойко предлагает делить их на материальные (деликты влекут имущественный или физический вред) и нематериальные (моральный, политический или идеологический, организацион-

⁴⁴⁴ Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. С. 15.

⁴⁴⁵ Там же. С. 10.

⁴⁴⁶ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 197.

⁴⁴⁷ Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969. С. 16.

⁴⁴⁸ Коржанский Н.Н. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 162.

⁴⁴⁹ Фролов Е.А. Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность // Учен. зап. Свердловского университета. 1968. Вып.8. С. 111.

⁴⁵⁰ Мамедов А. Указ. соч. С. 56.

⁴⁵¹ Ковалев М.И. Общественно опасные последствия преступления и диспозиция уголовного закона // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 71.

ный, или управленческий, социально-психологический и пр. вред)⁴⁵².

Г.В.Тимейко предлагает делить все преступные последствия на два вида: простые и сложные. К первым, по его мнению, следует относить те, при которых вред причиняется одному элементу общественных отношений, ко вторым — нескольким объектам посягательства⁴⁵³.

Развернутая классификация последствий была дана А.С.Михлиным в монографии «Последствия преступления», где все преступные последствия он делил на материальные и нематериальные, в последних выделяет — личные и неличные. Материальный вред подразделяет на личный и имущественный, который в свою очередь делит на прямой ущерб и неполучение должного⁴⁵⁴.

Материальные и нематериальные последствия выделяются по качественным параметрам. В большинстве работ, посвященных объективной стороне преступления, к материальным преступным последствиям принято относить ущерб, причиняемый жизни или здоровью человека (личный материальный вред), а также ущерб имущественного характера (утрата или повреждение имущества, неполучение должного).

Нематериальные преступные последствия выражаются в нарушении правоохраняемых интересов, связанных с нематериальными благами (это могут быть государственные, общественные, политические, организационные, морально-этические интересы).

В юридической литературе встречается выделение таких разновидностей преступного вреда, как имущественный, физический, экологический, моральный, политический. В частности, М.И.Ковалев отмечал, что «преступные последствия могут быть материальными (имущественный ущерб или упущенная выгода), физическими (смерть человека, причинение вреда его здоровью, нормальному развитию организма и т.п.), экологическими (загрязнение водоемов, атмосферы, причинение вреда флоре и фауне), моральными (причинение вреда нравственному воспитанию людей или оскорбление статуса общества), социальными

(представляющими опасность для государственного или общественного строя или для правопорядка)»⁴⁵⁵.

С.В.Землюков подразделяет все виды вреда на две основные группы:

а) материальный и нематериальный вред, а затем, идя от общего к частному, выделяет личный преступный вред (физический, психический, моральный);

б) вред, причиняемый общественным и государственным ценностям и благам⁴⁵⁶.

Более или менее точному измерению в денежном выражении поддается материальный вред имущественного характера. Его можно точно установить, подсчитать, зафиксировать. Но даже этот самый лучший и точный показатель тяжести материальных последствий не всегда является объективно возможным. В ряде случаев законодатель вынужден прибегать при определении размера последствий к оценочным понятиям: «крупный размер», «значительный ущерб».

Во многих составах преступлений в гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности» имеется указание на крупный размер похищенного имущества, а именно в ст. 158–166 УК РФ, которым, согласно п. 4 примечания к ст. 158 УК РФ, признается стоимость имущества превышающая двести пятьдесят тысяч рублей.

В п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ предусмотрена ответственность за кражу, причинившую значительный ущерб гражданину, а в ч. 2 ст. 159 и 160 УК РФ — за мошенничество, присвоение или растрату, причинившие такой же ущерб. При оценке значительности ущерба суд должен руководствоваться постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г., в котором сказано, что «при квалификации действий лица, совершившего кражу <...> по признаку причинения гражданину значительного ущерба, судам следует, руководствуясь примечанием 2 к статье 158 УК РФ, учитывать стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход

⁴⁵² Бойко А.И. Бездействие – бездеятельность – ответственность. С. 42.

⁴⁵³ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 83.

⁴⁵⁴ Михлин А.С. Последствия преступления. С. 17.

⁴⁵⁵ Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991. С. 81–82.

⁴⁵⁶ Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991. С. 19–21.

членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство и др.»⁴⁵⁷

Таким образом, наполнение содержанием и последующее применение законоположений, содержащих оценочные понятия, входит в компетенцию правоохранительных органов.

Количественное измерение материального вреда личного характера, иначе физических последствий, характеризуется значительной неопределенностью.

Нематериальные преступные последствия неощутимы — их нельзя точно измерить, а тем более исчислить.

Так, «моральный ущерб от любого преступления выражается прежде всего в оскорблении закона, в основу которого положены нравственные устои общества. Всякое преступление причиняет и политический вред, поскольку оно нарушает в той или иной мере основы государственной власти, причем нематериальные последствия, являющиеся побочными, заранее включены в общую оценку общественной опасности данного деяния как преступного. Уголовный кодекс предусматривает и такие последствия, в которых нематериальный вред — единственное последствие преступления»⁴⁵⁸, — пишет М.И.Ковалев.

Например, оскорбление (ст. 130 УК РФ) причиняет вред чести и личному достоинству человека. Однако эти преступные последствия не определяются законодателем в диспозиции указанной статьи, поскольку если бы они были включены в объективную сторону оскорбления, то «в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона суд, отвечая на вопрос, содержит ли конкретное слово, фраза или действие составов оскорбления, должен был бы исследовать доказательства глубины унижения чувства собственного достоинства потерпевшего. Совершенно очевидно, что невозможно представить такое доказательно. Именно поэтому, определяя объективную сторону оскорбления, законодатель ограничился описанием общественно опасного деяния»⁴⁵⁹.

В некоторых случаях составы преступлений в УК РФ предусматривают несколько последствий, причем одни из них явля-

ются основными, которые предусмотрены конкретной нормой уголовного закона, а другие — дополнительными, которые наступают наряду с основными.

Характерной чертой дополнительных последствий является то, что они прямо не указываются в диспозиции статьи уголовного закона. Возможность их наступления вытекает из типа и характера совершенного виновным общественно опасного действия (бездействия).

Все указанные классификации раскрывают качественное своеобразие преступных последствий, знание которого необходимо при осуществлении квалификации преступлений.

Очень часто для описания общественно опасных последствий в качестве конstitutивного либо квалифицирующего признака состава преступления российский законодатель использует оценочную лексику в виде определительных конструкций. Оценочная лексика использована почти в 50% статей Особенной части УК РФ, а в некоторых из них и не единожды. Например, в ст. 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества» применены термины «значительный ущерб» в ч. 1 и «иные тяжкие последствия» в ч. 2; в ст. 293 УК РФ «Халатность» — «существенное нарушение прав и законных интересов граждан либо охраняемых законом интересов общества или государства» в ч. 1 и «иные тяжкие последствия» в ч. 2. При этом только примерно в 10% статей Особенной части УК они формализованы по величине (термины «крупный размер», например, в ст. 158–161, 168, п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ и «значительный размер», например, в ч. 1 ст. 260 УК РФ). В остальных 40% статей, где имеются оценочные термины, содержание понятий, ими обозначаемых, не раскрывается.

Мы считаем, что нельзя относить к преступным последствиям возможность причинения нематериального вреда: причинения существенного вреда правам и законным интересам потерпевшего или его близким (ст. 163 УК РФ), возможность причинения вреда интересам безопасности государства (ст. 340–341 УК РФ).

В то же время необходимо рассмотреть вопрос об отнесении к преступным последствиям материального вреда: опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ), опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий (ст. 205 УК РФ), возможность причинения смерти человека или ра-

⁴⁵⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 3. С. 3.

⁴⁵⁸ Ковалев М.И. Общественно опасное последствие преступления и диспозиция уголовного закона. С. 43.

⁴⁵⁹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Б.В.Здравомыслова. С. 142.

диоактивного заражения окружающей среды (ст. 215 УК РФ), возможность причинения смерти человека или крупного ущерба (ст. 217 УК РФ), опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей среды (ст. 237 УК РФ), угрозу наступления тяжких последствий (ст. 225 УК РФ), угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде (ст. 247 УК РФ).

Н.Ф.Кузнецова⁴⁶⁰, В.Н.Кудрявцев⁴⁶¹, С.В.Землюков⁴⁶², В.Ткаченко⁴⁶³ считают, что и их следует считать преступными последствиями.

Остановимся подробнее на второй группе. Она характерна тем, что в качестве элемента состава преступления включает не фактическое наступление, а возможность наступления вредных последствий. Сюда можно отнести, например, оставление в опасности, нарушение правил хранения взрывчатых и радиоактивных веществ и другие.

«Виновным в совершении правонарушения должен признаваться тот, кто создал угрозу причинения вреда. Правонарушение, не повлекшее такой угрозы, не может считаться проступком или преступлением», — пишут В.Лукьянов и Н.Борисова⁴⁶⁴.

Так, при нарушении правил техники безопасности необходимо установить, что это деяние создавало угрозу жизни или здоровью работника, могло повлечь утрату трудоспособности. Если суд не установит возможности наступления указанных последствий, деяние не влечет за собой уголовной ответственности. Напротив, в случае нарушения правил хранения взрывчатых и радиоактивных веществ возможность наступления вреда доказывать не требуется, так как она уже установлена и признана законодателем при конструировании данной уголовно-правовой нормы.

Если рассмотреть физическую природу возможности наступления вредных последствий, то нетрудно заметить, что она представляет собою создание условий для наступления пре-

ступного результата. Это определенный этап развития объективной стороны, который состоит в том, что преступное действие полностью совершено и уже вызывает во внешнем мире некоторые изменения. Хотя эти изменения пока что не привели, но они способны привести и при дальнейшем беспрепятственном развитии событий закономерно приведут к наступлению преступного результата. Отсюда следует, что с физической точки зрения возможность наступления вредных последствий не совпадает с действием, а является определенным результатом, последствием человеческого поведения. Если рассматривать возможность наступления вредных последствий с точки зрения внутренней структуры объекта преступного посягательства, то мы увидим, что она является нарушением только одного, внешнего элемента этой структуры — правовых отношений, установленных для охраны соответствующих интересов. Так, не оказание врачом помощи больному, несомненно, нарушает правоотношения, связанные с профессиональным долгом медицинского работника, однако фактического ущерба жизни больного еще не причинено, хотя для этого уже создавалась реальная возможность.

Следует согласиться с В.Н.Кудрявцевым в том, что ставить знак равенства между возможностью наступления вреда и фактическим его наступлением, неверно, так как при подобном сближении невольно стирается грань между преступлениями, причинившими серьезный ущерб, и преступлениями, которые не причинили подобного ущерба⁴⁶⁵.

Таким образом, создание возможности наступления вреда нельзя рассматривать как действительное преступное действие в полном смысле этого слова, т. е. в качестве фактического ущерба объекту посягательства.

Вместе с тем, как сказано выше, создание возможности наступления вреда нельзя отнести к свойствам действия. Будучи промежуточным этапом между совершением преступного действия (бездействия) и фактическим преступным последствием, возможность наступления вреда есть предусмотренное уголовно-правовой нормой изменение окружающих условий, изменение конкретной обстановки, в котором совершается преступление, причем такое изменение, которое в свою очередь влечет или может повлечь фактический вред объекту преступления.

⁴⁶⁰ Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. СПб., 2003. С. 25.

⁴⁶¹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 170.

⁴⁶² Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. С. 46.

⁴⁶³ Ткаченко В. Угроза как уголовно-правовая категория // Следователь. 2000. № 6. С. 7.

⁴⁶⁴ Лукьянов В., Борисова Н. Угроза причинения вреда как последствия правонарушения // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 43.

⁴⁶⁵ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 173.

В литературе единодушно признается, что преступные последствия — это ущерб объекту посягательства, причиняемый деянием человека. Вместе с тем, вероятность этого причинения определяется по-разному. Одни авторы исходят из того, что любое преступление вызывает негативные изменения в общественных отношениях, порождает общественно опасные последствия. Другие полагают, что не все деяния фактически наносят ущерб объекту, различают случаи создания реальной возможности причинения вреда и его фактическое причинение⁴⁶⁶.

Аргументы первой группы ученых сводятся к следующему.

Преступные последствия и объект преступления тесно связаны между собой, неотрывны друг от друга. Объект преступления — это всегда элемент состава преступления, следовательно, не может не быть признаком состава преступления и последствия. Посягнуть — это всегда означает нанести в той или иной форме и мере ущерб объекту; посягательство, не несущее с собой ущерба, перестает быть самим собой — оно уже не посягает. Единственное, от чего уголовный закон охраняет и может охранять объект, — это от ущерба. Ущерб, причиненный объекту посягательства, каковы бы ни были формы и объем этого ущерба, является последствием, образующим необходимый элемент каждого преступления. Отсюда делается вывод, что не может считаться преступным деяние, не причиняющее фактического ущерба объекту посягательства, не вызывающее преступных последствий. Нельзя не согласиться с тем, что исключительно от ущерба и могут охраняться общественные отношения, однако необходимо отличать два аспекта взаимосвязи между понятиями состав преступления, объект и преступный результат⁴⁶⁷.

Еще в 1958 г. Н.Ф.Кузнецова писала: судебная практика одинаково оценивает как виды последствий — фактический ущерб и возможность его причинения⁴⁶⁸. Своих взглядов она не изменила и по сей день. Вот что она пишет в «Курсе уголовного права», изданном в 1999 г.: «по степени реализации общественно

опасные последствия подразделяются на реальный ущерб (вред) и угрозу, опасность их причинения»⁴⁶⁹.

С ней соглашается В.Н.Кудрявцев: «С физической точки зрения возможность наступления вредных последствий не совпадает с действием, а является определенным результатом, последствием человеческого поведения»⁴⁷⁰.

Это же утверждает и С.В.Землюков: «Различение реального причинения вреда и опасности (угрозы) его причинения не означает, что угроза не производит объективных изменений в правоохранительных интересах. При угрозе также происходят вредные изменения в состоянии объектов: изменение ситуаций их безопасного функционирования. Реальность такой опасности требуется доказывать, как и фактический вред»⁴⁷¹.

Однако, как правильно отмечает Г.В.Тимейко, «“возможность” еще не есть “действительность”, и “возможные последствия” не есть последствия, наступившие в объективной реальности. То, что возможно (хотя бы это была вполне реальная возможность), может и не осуществиться. Если за последствия выдавать не только то, что уже наступило и находится в мире действительного, но и то, что могло бы наступить и находится в мире возможного — само понятие последствия из объективной реальности превратилась бы в фикцию. Нельзя игнорировать существенную разницу между случаями, когда вредные последствия фактически наступили, и случаями, когда была лишь создана реальная угроза их наступления»⁴⁷².

Кроме того, все авторы, относящие возможность наступления последствий к самим последствиям, относят их последствиям, причиняющим вред объекту преступления. Так, в понимании Н.Ф.Кузнецовой, возможность наступления вредных последствий означает качественно новое состояние, наступившее в реальной действительности, при котором появились реальные, вполне конкретные условия, силы, способные причинить ущерб объекту⁴⁷³.

⁴⁶⁹ Курс уголовного права. Т. 1. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. С. 226.

⁴⁷⁰ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 172.

⁴⁷¹ Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. С. 46.

⁴⁷² Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 86.

⁴⁷³ Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. С. 24.

⁴⁶⁶ Брайнин Я.М. Указ. соч. С. 189–190; Дурманов Н.Д. Понятие преступления. С. 160; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 152.

⁴⁶⁷ Фролов Е.А. Указ. соч. С. 109–110.

⁴⁶⁸ Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. С. 26–27.

«Опасность, — пишет Н.Ф.Кузнецова, — это определенное состояние объекта в результате общественно опасных изменений в нем, произведенных преступным действием субъекта»⁴⁷⁴.

Об этом же пишет и В.Н.Кудрявцев: «если рассматривать возможность наступления вредных последствий с точки зрения внутренней структуры объекта преступного посягательства, то мы увидим, что она является нарушением только одного, внешнего элемента этой структуры — правовых отношений, установленных для охраны соответствующих интересов»⁴⁷⁵.

Но последствием в объективной стороне преступления следует считать не вред объекту преступления, а вред предмету, т. е. только материальные последствия.

Впрочем, эта позиция нуждается в доказательстве.

В теории уголовного права одни авторы понимают под преступными последствиями вред объекту преступления, другие различают последствия в широком смысле слова — как вред объекту и в узком смысле — как вред предмету.

На наш взгляд, более правильной представляется последняя точка зрения, хотя в последние годы появились позиции, усложняющие этот и так не простой вопрос. Но если Н.И.Коржанский считал одним из видов преступных последствий разрыв социальных связей, что, в общем-то, не выходит за рамки общей позиции (разрыв социальных связей есть вред объекту преступления), то С.В.Землюков, предлагая различать преступный результат и преступное последствие, причем внося в них и субъективные моменты, совершенно не прав.

Он пишет: «Преступный результат — это вредное изменение, возникающее в охраняемом законом отношении вследствие совершения умышленного деяния. Преступное последствие — неосторожное вредное изменение, возникшее в охраняемом законом отношении вследствие нарушения виновным общепринятых норм предосторожности либо специальных правил безопасности»⁴⁷⁶.

Но как можно разделить преступные последствия, являющиеся признаком объективной стороны, с помощью субъективного критерия — вины лица? Кроме того, С.В.Землюков явно

⁴⁷⁴ Там же. С. 25.

⁴⁷⁵ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 173.

⁴⁷⁶ Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: Дисс... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 32.

непоследователен. К преступным последствиям, под которыми он понимает неосторожное причинение вреда объекту, он также относит и «вредное изменение охраняемого законом отношения, происшедшее при виновном (независимо от формы вины! — В.М.) воздержании лица от совершения требуемого действия»⁴⁷⁷.

Более правильной нам представляется позиция Р.Шарапова, который предлагает различать «преступный вред» и «преступные последствия». «Преступное последствие, — пишет он, — является фактическим моментом окончания преступления и в то же время выступает фактической основой, объективной формой проявления преступного вреда, который имеет социально-правовое содержание»⁴⁷⁸.

Довольно часто преступные последствия интерпретируются как изменения, происходящие в объекте посягательства вследствие совершенного лицом общественно опасного деяния. Совершенно правильно пишет Г.Новоселов, что кажущееся на первый взгляд безупречным такого рода представление трудно назвать удачным. Делая верный акцент на том, что преступные последствия по своей сути есть некоторого рода изменения, данный подход одновременно упускает из виду весьма важное обстоятельство: с позиций естествознания, все, что порождается действием причины, должно рассматриваться ее следствием (последствием), вне зависимости от того, каков — физический, химический и т. п. — характер изменений в окружающем мире она производит и где именно эти изменения происходят.

Еще более узко толкуются преступные последствия в тех случаях, когда ставится знак равенства между ними и преступным вредом, причиняемым объекту преступления. Помимо того, что и здесь последствия увязываются с изменениями лишь самого объекта преступления, подобного рода определения вольно или невольно накладывают еще одно, небесспорное, ограничение на понятие последствий преступления: под ними подразумеваются уже не любые, а лишь, как нередко выражаются, общественно опасные последствия деяния.

Полагая, что оба указанных ограничения являются необоснованными, необходимо заметить, что они не только искусственно сужают понятие преступных последствий, но ведут к фактическому отождествлению его с понятием преступного вреда. Ме-

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ Шаронов Р. Указ. соч. С. 53–54.

жду тем, не отрицая тесной взаимосвязи одного с другим, следует признать, что в данном случае ни о каком тождестве речь идти не может.

Говоря о преступных последствиях в их реальном, действительном смысле, мы всегда имеем в виду только сам факт порождаемых преступлением изменений окружающего мира. И не более того. Столь же несомненно, надо полагать, и то, что понятием преступного вреда фиксируется уже не столько сам факт изменений, сколько их значение для людей.

Нюанс весьма существенный. Свидетельствуя об относительной самостоятельности названных понятий, он позволяет утверждать, что преступные последствия есть часть объективной стороны состава преступления, в то время как преступный вред — характеристика, непосредственно касающаяся другого элемента состава — объекта посягательства⁴⁷⁹. Поэтому мы не согласны с Н.Ф.Кузнецовой и М.Б.Костровой, которые считают вред, ущерб и последствия синонимичными понятиями⁴⁸⁰.

Следует считать, что преступный вред — это социально вредные изменения в общественном отношении, фактической основой которых являются общественно опасное деяние и его последствие. Поэтому понятия «преступный вред» и «преступное последствие» не тождественны⁴⁸¹. Преступное последствие является фактическим моментом окончания преступления и в то же время выступает фактической основой, объективной формой проявления преступного вреда, который имеет социально-правовое содержание. Установление и изучение последствия (результата) преступного деяния является первой ступенью в познании преступного вреда.

Выясняя сущность последствий преступления, нельзя пройти мимо вопроса о том, конкретно кому или чему причиняется вред. Поскольку преступление совершается в обществе, оно посягает на сложившиеся общественные отношения, т. е. посягает на объекты, коими являются: жизнь и здоровье лица, права и свободы граждан, собственность, государственный строй, поли-

тическая и экономическая система, а также весь правопорядок в целом. Однако то обстоятельство, что от вреда охраняются именно объекты, свидетельствует об их тесной связи с последствиями преступления. Эта связь вытекает из того, что последствие как таковое немисливо без объекта и во многом определяется объектом преступления. Таким образом, для анализа последствий преступления необходимо рассмотреть и проанализировать взаимосвязь объекта и последствия преступления.

«Неразрывное единство объекта преступления и его последствий, значение этого единства является концептуально важным и для установления материального и правового характера самого действия (бездействия), вызвавшего эти последствия. Это вполне объяснимо, так как последствие выступает соединительным звеном между объектом и действием (бездействием), а сам правовой характер последствия в свою очередь определяется характером объекта, изменения в котором и вызывают эти последствия»⁴⁸².

Общественные отношения, на которые посягает преступник, как и все другие явления природы и общества, находятся между собой во взаимосвязи и взаимодействии. При поражении каких-либо общественных отношений неизбежно в той или иной степени страдают и другие, связанные с ними отношения. Поэтому при совершении преступления обычно причиняется ущерб по крайней мере нескольким видам смежных общественных отношений.

Если с этой точки зрения проанализировать различные преступления, предусмотренные уголовным законом, то мы увидим, что почти каждое из них вызывает несколько вредных последствий, причиняет ущерб нескольким общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Если сравнить выше представленные определения, то можно выделить два специфических юридических признака преступных последствий. Первый признак состоит в том, что преступное последствие — это вред, причиненный не любым общественным отношениям, а только тем из них, которые охраняются уголовным законом. Уголовное законодательство охраняет от причинения вреда наиболее важные общественные отношения, обеспечивающие осуществление принципов законности, демократизма и гуманизма на пути к демократическому и правовому

⁴⁷⁹ Новоселов Г. Указ. соч. С. 56.

⁴⁸⁰ Кузнецова Н.Ф., Кострова М.Б. Общественно опасные последствия: лингвистический аспект // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2001. № 6. С. 27–28.

⁴⁸¹ Курс советского уголовного права / Под ред. Н.А.Беляева, М.Д.Шаргородского. С. 329.

⁴⁸² Мамедов А. Указ. соч. С. 57.

государству. Особенная часть Уголовного кодекса содержит ограниченный перечень объектов посягательства — тех групп общественных отношений, которые находятся под уголовно-правовой охраной. Преступное последствие может наступить лишь в области этих отношений и, следовательно, всегда представляет собою ущерб, причиненный объекту преступного посягательства.

Второй признак преступного последствия состоит в том, что им признается не любой ущерб, причиненный объекту посягательства, а только определенный ущерб, предусмотренный соответствующей уголовно-правовой нормой. Этот признак есть не что иное, как противоправность преступного последствия, его запрещенность уголовным законом.

Любое преступление влечет за собой самые различные последствия: социальные, экономические, моральные. Из всех этих последствий для квалификации преступлений имеют значение только некоторые, а именно: 1) вред объекту преступления, т. е. посягательство на общественные отношения; 2) вред предмету преступления — физический, материальный вред.

Решение вопроса о понятии преступных последствий дает возможность подойти к изучению их структуры, познание которой в свою очередь служит отправной точкой при исследовании форм и видов преступных последствий.

Структура преступных последствий впервые была проанализирована В.Н.Кудрявцевым, который выделил два ее основных элемента:

1) нарушение того фактического общественного отношения, ради охраны которого установлена данная уголовно-правовая норма (например, при хищении — нарушение экономических отношений собственности), либо материальный или моральный вред этого отношения (например, при убийстве — лишение жизни);

2) нарушение соответствующих правовых отношений, которые установлены для охраны данного блага (при хищении — нарушение права собственности, при убийстве — нарушение правовых отношений, обеспечивающих неприкосновенность личности).

В преступлениях, которые совершаются путем воздействия на материальные предметы (формы, условия или предпосылки существования общественных отношений), преступное последствие может включать и третий, материальный элемент. Так,

при преступном повреждении или уничтожении имущества собственника подвергается вредным изменениям предмет преступления — материальная вещь⁴⁸³.

Таким образом, для определения преступных последствий необходимо четко различать объект и предмет посягательства. «Нечеткое различие предмета и объекта преступления, — правильно пишет Н.И.Коржанский, — признание объектом преступления не общественных отношений, а иных явлений приводит сторонников этой концепции к неверным практическим выводам при квалификации отдельных преступлений»⁴⁸⁴.

Ясно, что под объектом преступления следует понимать общественные отношения, но вот что понимать под предметом преступления?

В юридической литературе существуют две точки зрения на предмет преступления. Согласно первой (и наиболее распространенной), предмет — это та социальная ценность, по поводу которой устанавливаются общественные отношения.

Но такое понимание предмета очень широко, аморфно, при этом предмет может быть легко подменен другими явлениями.

Согласно второй точке зрения, которую мы разделяем, предметом преступления могут быть только материальные вещи. «К предмету преступления, — пишет М.А.Гельфер, — следует относить только такие вещи, предметы, ценности, которые имеют материализованную оболочку и доступны для восприятия извне, для измерения и фиксации»⁴⁸⁵.

Такого же мнения придерживаются В.Н.Кудрявцев, Н.И.Коржанский и некоторые другие⁴⁸⁶.

Вред может причиняться самому предмету или быть причинен в связи с этим предметом. Так, при умышленном уничтожении имущества (например, поджог дома) страдают интересы собственника имущества — он лишается возможности распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению. Наряду с

⁴⁸³ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 149–150.

⁴⁸⁴ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 19.

⁴⁸⁵ Гельфер М.А. Объект преступления. М., 1982. С. 100.

⁴⁸⁶ Коржанский Н.И. Предмет преступления. Волгоград, 1988. С. 130; Кудрявцев В.Н. К вопросу о соотношении предмета и объекта преступления // Советское уголовное право. 1951. № 8; Михайлова Л.П. О некоторых признаках объективной стороны преступления // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии конституционных прав граждан. Калинин, 1982. С. 11.

этим разрушается сам предмет (дом). Характер объекта преступления определяет внешний, вещественный характер последствий преступления.

Безусловно, общественные отношения устанавливаются по поводу не только материальных предметов, но и других социальных ценностей, однако называть их «предметами», по нашему мнению, вряд ли возможно. Предмет выделяется не для определения возникновения общественных отношений, а с целью определить их нарушение, т. е. прежде всего для установления причинной связи между действием субъекта и повреждением предмета (вопрос о причинной связи встает только в так называемых материальных составах). Если же нас интересует именно та социальная ценность, по поводу которой устанавливаются общественные отношения, тогда почему бы за ней не оставить то же название — «социальная ценность»?

Материальный вред всегда связан с физическим повреждением материального предмета.

Имущественный вред заключается в том, что собственник или владелец утрачивает часть материальных ценностей вследствие противозаконного изъятия, уничтожения или повреждения. Так, при краже или грабеже потерпевший лишается вещей, денег или иных материальных ценностей в связи с тайным или открытым похищением их виновным лицом.

Физический вред, причиненный личности, представляет собой ущерб жизни или здоровью человека. Действующее уголовное законодательство довольно четко разграничивает виды этого вреда. Наиболее тяжким физическим вредом является причинение смерти потерпевшему. Вред, причиненный здоровью, может выражаться в телесных повреждениях различной степени тяжести (тяжких, средней тяжести, небольшой тяжести), а также ином ущербе здоровью.

Предметом преступления может быть не только материальная вещь, но и сам человек. Это признают Н.А.Беляев, В.К.Глистин⁴⁸⁷ и др. Категорически возражает против признания человека предметом преступления М.А.Гельфер⁴⁸⁸, полагаю-

щий, что нельзя отождествлять человека с вещью и низводить его до предмета преступления.

Действительно, признание человека предметом преступления имеет некоторые этические неудобства, но это, конечно, не аргумент, чтобы отрицать его. Человек имеет кроме социальной и биологическую сущность, которая и дает основание считать его предметом посягательства.

К.Маркс, сформулировав тезис о человеке «как совокупности общественных отношений», специально обращал внимание и на другую, природную сторону в человеке. Критикуя Гегеля и Фейербаха, он писал: «Непредметное существо есть невозможное, нелепое существо...»⁴⁸⁹

Человек является столь же материальным, как и другие вещи. Признание этого имеет важное уголовно-правовое значение, ибо, как отмечает Н.И.Коржанский, «биологическое в человеке — это предмет преступления; социальное, его личность — объект. Причинить вред личности можно воздействуя на предмет, — на тело человека или на его психику»⁴⁹⁰.

Определение объекта и предмета преступления нам важно не само по себе. Это нужно для того, чтобы показать между каким деянием и какими последствиями устанавливается причинная связь.

Последствия имеют важное юридическое значение. Как пишет А.И.Бойко, юридическое значение общественно опасных последствий проявляется в основном в том, что они:

- а) служат разграничительным знаком между преступлениями и иными деликтами;
- б) используются законодателем в качестве ведущего критерия криминализации человеческих поступков;
- в) нужны для квалификации содеянного (как признаки состава) и определения размера ответственности (в качестве смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств)⁴⁹¹.

⁴⁸⁷ Беляев Н.А. Объект преступления // Курс советского уголовного права / Под ред. Н.А.Беляева, М.Д.Шаргородского. С. 305; Глистин В.К. Общее учение об объекте преступления. Дисс... д-ра юрид. наук. Л., 1981. С. 76.

⁴⁸⁸ Гельфер М.А. Указ. соч. С. 101.

⁴⁸⁹ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года (из ранних произведений). М., 1956. С. 630–631.

⁴⁹⁰ Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 108.

⁴⁹¹ Бойко А.И. Преступное бездействие. СПб., 2003 С. 54.

§ 4. Причинная связь

4.1. Философские основы причинной связи

В философии как общей теоретической науке концепция детерминизма занимает исключительно важное место.

Проблема причинности в современной науке имеет глубокое и неисчерпаемое философское содержание. Значительный интерес представляет анализ различных смыслов, вкладываемых в понятие каузальности, выявление логических основ такого анализа. Однако вначале попытаемся дать дефиницию самого понятия «причинность», раскрыть его содержание, определить смысл.

Проблема причинности — это онтологический, а не логический вопрос, так как предполагается, что она относится к чертам действительности и, стало быть, не может быть решена априорно, чисто логическими средствами; она может быть проанализирована с помощью логики, но не может быть сведена к логическим терминам.

Идеалистическая концепция причинности, на наш взгляд, по своей сути несостоятельна изначально.

Причина, производящая то или иное явление материального мира, находится в этом же материальном мире⁴⁹².

Любое материальное событие, процесс, так же как и любые иные материальные события, могут быть определены другими материальными процессами и только ими⁴⁹³.

Учение о всеобщей закономерной связи, причинной обусловленности всех явлений называется детерминизмом.

В современной философской литературе, как отечественной, так и зарубежной, весьма широко распространена точка зрения, отождествляющая детерминизм и причинность.

Понятия детерминизма и причинности (каузальности) выражают, как нам представляется, различные стороны последовательности событий, явлений, состояний материальных систем во

времени и пространстве. Понятие «детерминизма» следует рассматривать с позиций философии как широкое общее понятие, выражающее все стороны объективной универсальной закономерности связи вещей и явлений.

Причинные связи не единственные в мире. Имеются различные формы взаимосвязи явлений, не сводящиеся к причинности. Сюда относятся:

– функциональная зависимость, в которой могут находиться два явления, не порождающие друг друга, однако имеющие общую причину;

– простая последовательность различных событий во времени, не образующая причинной цепочки;

– так называемая связь состояний, которая представляет собой изменения во времени одного и того же явления.

Все эти, а также иные виды закономерной зависимости между явлениями охватываются понятием детерминации⁴⁹⁴.

В науке наиболее частым употреблением слова «детерминация» применительно к рассматриваемой проблеме является употребление его в смысле постоянной и однозначной связи между событиями и вещами, а также между объектами.

Причинная же связь или причинение представляет собой детерминацию действия посредством действующей (внешней) причины.

Таким образом, понятие причинной связи несколько уже понятия детерминизма, и вместе с тем оно является более конкретным и содержательным. Причинение можно рассматривать как частный случай взаимодействия. Будучи разновидностью закономерной связи, причинность обладает такими чертами, как всеобщность, пространственная и временная непрерывность, необратимость. Кроме того, по своей природе она носит генетический характер⁴⁹⁵. Философская категория причинности отражает лишь один из наиболее общих, фундаментальных законов объективного мира, который распространяется на все явления и процессы природы и общества, не только индивидуальные, но и массовые, включая те, что носят вероятностный (стохастический) характер и подчиняются статистическим закономерностям.

⁴⁹² Свечников Г.А. Диалектико-материалистическая концепция причинности // Современный детерминизм. Законы природы / Под ред. Г.А.Свечникова, Н.Д.Абрамова и др. М., 1973. С. 140.

⁴⁹³ Мюллер А. Детерминизм и динамизм // Современный детерминизм и наука: В 2 т. / Отв. ред. Г.А.Свечников. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 180.

⁴⁹⁴ Амстердамский С. Разные понятия детерминизма // Вопросы философии. 1966. № 7. С. 118.

⁴⁹⁵ Бунге М. Причинность. М., 1992. С. 38–40.

Современная концепция причинности включает в себя два необходимых и достаточных компонента: это принцип производительности или генетический принцип, гласящий, что ничто не может возникнуть из ничего или перейти в ничто⁴⁹⁶, и принцип закономерности, согласно которому ничто не происходит незаконно, произвольным образом. Это объясняется всеобщим универсальным взаимодействием, признание существования которого означает, что любая вещь так или иначе, прямо или косвенно воздействует на другие и, в свою очередь, испытывает воздействие непосредственное или опосредованное этих других вещей. Такая цепь связей и взаимодействий объединяет явления, вещи в целую единую систему, не прерываясь нигде и никогда. Признание хотя бы одного беспричинного явления противоречило бы признанию материальности мира.

Совокупность всех условий, необходимых и достаточных для осуществления соответствующего изменения данного явления при взаимодействии с другими явлениями, в философии принято называть причиной. Каждое следствие имеет своим основанием причину как активно действующий фактор и совокупность всех необходимых и достаточных условий.

Действительно, теоретическое познание заставляет нас признать, что каждое явление находится в самых многообразных зависимостях и принуждает рассматривать одно и то же явление со стороны самых различных условий. С этой точки зрения выделять одно из условий как преимущественное под особым титулом «причина» представляется простым пережитком антропоморфного мышления.

Эти философские положения мы должны перенести и в область уголовного права.

«Преступная деятельность человека, — писал Н.Д.Сергеевский, — направляющаяся воспроизведению известного последствия, точно также никогда не действует одна исключительно; преступный результат всегда вызывается совместно деятельностью сил человека и многообразных сил природы. Для того чтобы совершить самое малейшее действие, необхо-

димо привести в движение массу сил природы, и вне этих последних никакое действие не произведет результата. Когда мы говорим, что человек причинил известное преступное последствие, то этим мы утверждаем лишь одно, именно, что деятельность его является одним из условий этого последствия»⁴⁹⁷.

Всеобщий характер взаимосвязи вещей не исключает, однако, их относительной обособленности, изолированности одних от других.

В общем взаимодействии причина и следствие находятся в диалектическом соотношении: всякая «причина» в одно и то же время может быть и «следствием», всякое «следствие» может стать «причиной» нового явления.

Человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений, искусственно изолируя те или иные стороны единого мирового процесса.

Диалектика связи и обособленности как методологический принцип означает, что для познания вещи необходимо раскрыть, в каких отношениях и как она связана и в каких отношениях она обособлена.

«Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, в каком случае сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как следствие», — писал Ф.Энгельс⁴⁹⁸.

В самом деле, чтобы установить причинную связь между событиями А и В, объяснить данное событие В, указывая его причину А, или предсказать возможные следствия В1, В2, В3 и т. д. известной нам причины А, нужно не только указать соответствующие признаки причинности, но и отвлечься от всех прочих событий, кроме А и В, в данной пространственно-временной области.

Итак, для того, чтобы вскрыть причину, внутреннее и внешнее обоснование какого-то поведения отдельной вещи, надо: во-первых, выделить ту относительно изолированную систему, элементом которой является данная вещь; во-вторых, вскрыть главное взаимодействие внутри этой системы, определяющее данное поведение системы; в-третьих, найти часть причины,

⁴⁹⁶ Еще Лукреций в своей знаменитой книге «О природе вещей» писал, что самый первый принцип, которому природа учит нас, — это то, что даже божество не может ничего произвести из ничего. «Из ничего не гворится ничто по божественной воле <...> Из ничего <...> ничто не родится и отнюдь не в ничто превращаются вещи» (Лукреций. О природе вещей. М., 1945. С. 15, 21).

⁴⁹⁷ Сергеевский Н.Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ярославль, 1880. С. 280.

⁴⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 546–547.

выраженную внутренней природой вещи, и часть причины, выраженную природой внешних воздействий.

Понятие причинности связано с представлением о силовом воздействии, о порождении, и даже более узко — об основной силе такого порождения, о начальном, исходном действии. «Если встать на точку зрения материальности и объективности причинной связи, то причинность предстает перед нами как нечто, связанное с передачей массы, энергии и информации, с порождением следствия причиной, возникновением новых вещей и т. д.», — пишет Н.А.Князев⁴⁹⁹.

Причина — всегда действие, движение, она носит динамический, силовой характер, обязательно предполагает «нажим», «давление», «мощь»⁵⁰⁰. Сама причинность как раз и выражает собой активность, способность материи в результате своего развития создавать, воспроизводить все многообразие явлений окружающего мира.

Философы подчеркивают, что суть активного начала заключается в переносе энергии (массы, импульса) от одного тела к другому, что производящая способность причины всегда обусловлена материальностью ее носителя, связана с физическим взаимодействием⁵⁰¹.

Само понятие «причинность» означает активность, действие; специфика причинной связи состоит именно в порождении новых явлений⁵⁰².

Эти философские положения имеют основополагающее значение и для определения причинной связи в уголовном праве.

«Принципиальными предпосылками для правильного теоретического разрешения проблемы причинности в праве, — писал М.Д.Шаргородский, — должно являться то, что: а) существует единое философское учение о причинности как объективной закономерности природы и общества, на основе которого и в соответствии с которым может и должна решаться проблема причинности в конкретных науках; б) учение о причинной связи

в праве должно быть единым для всех областей права, и решать вопрос о причинении следует исходя из общих теоретических положений для всех случаев ответственности за противоправный результат»⁵⁰³.

Это положение представляет собой онтологический аспект проблемы причинности⁵⁰⁴ и принимается или должно приниматься каждым ученым, стоящим на материалистических позициях.

Российские ученые, в том числе и специалисты в области уголовного права, всегда признавали объективный характер причинности, существующий вне нашего сознания⁵⁰⁵.

Г.В.Тимейко писал: «Причинность — всеобщий закон природы и общества. Этот закон одинаково распространяется на биологические, физиологические, социальные и всякие иные процессы и явления. Поэтому никакое другое понятие причинности, кроме того, которое дается материалистической философией, не может быть исходным при разрешении причинной связи в уголовном праве»⁵⁰⁶. Речь везде должна идти об одной и той же причинной связи вещей в природе.

От признания каких-либо особенностей причинной связи в том или ином случае — один шаг к нарушению второго основополагающего положения: причинная связь должна быть единой для всех научных дисциплин. В свое время по этому поводу в уголовном праве разгорелась дискуссия о возможности существования уголовно-правовой причинности. Большинство юристов высказывались против такой возможности.

⁵⁰³ Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. 1956. № 7. С. 42.

⁵⁰⁴ «Проблема причинности — это онтологический, а не логический вопрос, — писал известный аргентинский философ Марио Бунге, — так как предполагается, что она относится к чертам действительности и, следовательно, не может быть решена априорно, чисто логическими средствами; она может быть проанализирована с помощью логики, но не может быть сведена к логическим терминам» (Бунге М. Причинность. С. 273).

⁵⁰⁵ Пионтковский А.А. Проблема причинной связи в праве // Учен. зап. ВИЮН и ВЮА. М., 1949. С. 83; Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. С. 154; Прохоров В.С. Объективная сторона преступления // Курс советского уголовного права / Под ред. Н.А.Беляева, М.Д.Шаргородского. Т. 1. С. 339; Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 109.

⁵⁰⁶ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 117.

⁴⁹⁹ Князев Н.А. Причинность: новое видение классической проблемы. М., 1992. С. 50.

⁵⁰⁰ Лопатин Л.М. Аксиомы философии. М., 1996. С. 30.

⁵⁰¹ Краевский В. Пять понятий причинной связи // Вопросы философии. 1966. № 7. С. 113; Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972. С. 23.

⁵⁰² Философия / Под ред. Н.И.Жукова. Минск, 1996. С. 186.

Изменение понятия причинности для какой-либо науки означает не только субъективный подход к ней, но прежде всего, отход от одного из основных положений материализма — единства объективной закономерности природы и общества.

Необходимо прежде всего обратить внимание на недопустимость противопоставления философского и физического понятия причинности. Это неизбежно ведет к тому, что «философия использована лишь для “красного словца”, а при решении практических аспектов каузальности изобретаются различные “специфические критерии” причинных связей, которые лишь запутывают дело и не дают общеметодологических критериев разграничения причинных связей, на базе которых... только и возможно рассмотрение физических (и всяких иных) зависимостей одних явлений от других»⁵⁰⁷.

Наука уголовного права не создает особого понятия причинной связи, независимо от философского — диалектико-материалистического — понятия причинности.

Следующей предпосылкой для правильного решения проблемы причинности будет признание действительности, активности причины. В философии это положение является общепризнанным⁵⁰⁸, несмотря на заверения В.Н.Кудрявцева, что философская категория причинности не характеризуется таким признаком, как активность. Само определение причины зависит от признания ее активности. «Мы имеем определенное представление о причинности, — писал В.Я.Перминов, — поскольку имеем представление об активности»⁵⁰⁹.

Широко известно высказывание Ф.Энгельса: «Причина, которая не действует, не есть вовсе причина»⁵¹⁰. В современной трактовке оно звучит так: «... Сам факт, что нечто действует, возводит это “нечто” в ранг причины данного события»⁵¹¹.

⁵⁰⁷ Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. С. 136.

⁵⁰⁸ Бунге М. Указ. соч. С. 48; Парнюк М.А. Концепция детерминизма в диалектическом материализме // Современный детерминизм и наука. Т. 1. С. 18; Сейфуллаев Р.С. Категория причинности // Современный детерминизм и наука. Т. 1. С. 158; Чусовитов А.Г. Взаимодействие и причинность в физике. Новосибирск, 1975. С. 134.

⁵⁰⁹ Перминов В.Я. Проблемы причинности в философии и естествознании. М., 1979. С. 27.

⁵¹⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 570.

⁵¹¹ Уемов А.И., Остапенко С.В. Причинность и время. М., 1973. С. 229.

Следующие два принципа, лежащие в основе определений причинной связи в уголовном праве, имеют методологическое значение. Это — принцип искусственного изолирования явлений и правило мысленного исключения при определении причинной связи.

«Когда мы подвергаем мысленному рассмотрению природу историю человечества или нашу собственную духовную деятельность, — писал Ф.Энгельс в «Анти-Дюринге», — то перед нами сперва возникает картина бесконечного сплетения связей и взаимодействий. Несмотря, однако, на то, что этот взгляд верно схватывает общий характер всей картины явлений, он все же недостаточен для объяснения частных, из которых она складывается, а пока мы не знаем их, нам не ясна и общая картина. Чтобы познавать отдельные стороны (частности), мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д.»⁵¹² В «Диалектике природы» он продолжает эту мысль: «Взаимодействие — вот первое, что выступает перед нами <...> Только исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к действительно каузальному отношению. Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырывать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае, сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как следствие»⁵¹³.

В современной философии это положение является общепризнанным. «В самом деле, — пишет И.З.Налетов, — чтобы установить причинную связь между событиями А и В, объяснить данное событие В, указывая его причину А, или пересказать возможные следствия В₁, В₂, В₃ и т. д. известной нам причины А, нужно не только указать соответствующие признаки причинности, но и отвлечься от всех прочих событий, кроме А и В, в данной пространственно-временной области»⁵¹⁴. Как бы продолжая эту мысль, В.М.Ничик и Н.П.Депенчук пишут: «Поэтому причинность представляет только одну линию в двухлинейном (если взять простейший вариант) отношении взаимодействия — именно от причины к следствию. Ни продолжение этой линии

⁵¹² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 20.

⁵¹³ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 546-547.

⁵¹⁴ Налетов И.З. Причинность и теория познания. М., 1975. С. 11-12.

(становление следствия причиной в дальнейшем), ни обратное движение от следствия к причине не входят в собственно причинность, а представляют момент взаимодействия»⁵¹⁵.

Философскими основами причинной связи являются следующие положения.

Существует единое философское учение о причинности как объективной закономерности природы и общества, на основе которого и в соответствии с которым может и должна решаться проблема причинности в конкретных науках.

Учение о причинной связи в праве должно быть единым для всех областей права.

Следующей предпосылкой для правильного решения проблемы причинности будет признание действительности, активности причины. В философии это положение является общепризнанным. Само определение причины зависит от признания ее активности.

Обязательным является принцип искусственного изолирования явлений.

Для того чтобы установить, находится ли действие или бездействие обвиняемого в причинной связи с произведенными последствиями, необходимо изолировать из всей массы явлений, с одной стороны, поведение обвиняемого, с другой — наступивший результат.

Эти философские положения имеют определяющее значение и для права.

4. 2. Теории причинной связи

Теория адекватной причинной связи

Сторонники этой теории считают, что если рассматривать каждый конкретный случай в отдельности, то нельзя будет сделать каких обобщающих выводов. Рассматривать следует ряд конкретных случаев, сгруппировав их по типичным признакам. Условия, которые не будут типичными, или, как они говорят, адекватными не могут рассматриваться как причина явления.

⁵¹⁵ *Ничик В.М., Депенчук Н.П.* Причинность как момент взаимодействия и принцип симметрии // Современный детерминизм. Законы природы. С. 509.

Но возникает вопрос, по каким признакам нужно выделять эти условия из всей массы необходимых условий? Отвечая на него, сторонники адекватной теории полагают, что действие должно считаться адекватным условием, когда оно вообще, а не только в данном случае способно повлечь наступление данного последствия.

Но тогда возникает другой вопрос: а когда оно вообще способно вести к данному результату? Согласно их учению, действие должно считаться таковым, если оно в совокупности с другими повышает объективную возможность наступления результата, делает его вероятным.

Но возникает третий вопрос: в совокупности с какими условиями результат становится возможным и нужно ли субъекту предусматривать эти условия?

В зависимости от ответа на него адекватная теория разделяется на два основных направления: субъективное и объективное. Типичным представителем первого является Криз. «При решении этого вопроса, — говорит он, — должны иметься в виду все условия, которые были известны субъекту в момент действия или, по крайней мере, были распознаваемы для него»⁵¹⁶.

Но такой ответ, как правило, замечает Б.С.Антимонов, «есть, в сущности, отождествление причинной связи с... неосторожной виной»⁵¹⁷.

Объективное направление в адекватной теории иначе решает этот вопрос: во внимание должны быть приняты все условия, существовавшие в момент деяния, причем имеется в виду их распознаваемость не субъектом деяния, а «опытнейшим и проныцательным из людей» (Трегер)⁵¹⁸, «судьей» (Рюмелин)⁵¹⁹, высокообразованным юристом (Н.Н.Ярмыш)⁵²⁰.

Хотя это направление называется объективным, однако оно является столь же субъективным, как и само субъективное на-

⁵¹⁶ *Kries J.* Über den Begriff der objectiven Möglichkeit und einige Anwendungen desselben. Leipzig, 1888. P. 228.

⁵¹⁷ *Антимонов Б.С.* Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950. С. 161.

⁵¹⁸ *Traeger L.* Der Kausalbegriff im Straf-und Zivilrecht. Marburg, 1904.

⁵¹⁹ *Rumelin.* Die Verwendung der Kausalbegriff im Straf-und Zivilrecht. Tübingen, 1900.

⁵²⁰ *Ярмыш Н.Н.* Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой аспект). Харьков, 2003. С. 453.

правление. В самом деле, теория объективно-адекватной причинной связи исходит из понимания причинности не как объективно существующей, а как лишь существующей в сознании человека (хотя бы и самого опытного). Ее существование определяется также нашим познанием: сегодня мы еще не знаем всех ее условий — ее нет, завтра будем знать — она будет. Мы уже не говорим о той точке зрения, когда установление причинной связи зависит от судьбы. Тогда, говоря словами Н.С.Таганцева, при одной и той же обстановке судья французский может признать подсудимого причиной преступления, а судья немецкий должен отрицать причинную связь его действия с результатом.

Итак, коротко обобщая сказанное, можно отметить, что, согласно данной теории, только такое действие признается причиной наступившего результата, если оно всегда в обычных условиях типично ведет к этому результату. Например, выстрел в голову ведет к смерти, легкий удар линейкой по голове — нет, поэтому в первом случае будет причинная связь, во втором — нет.

Однако данная теория не учитывает необычных, нетипичных условий наступления результата. Выстрел в голову не всегда может привести к наступлению смерти, а удар линейкой по голове может к ней привести. Тем не менее отрицать наличие причинной связи между ними нельзя, так как одно явилось результатом предшествовавшего (пусть даже и нетипичным), как в следующем примере.

Ситникова, увидев, что за ее 12-летней дочерью бежит с палкой 13-летний Карпов, поймала его и нанесла ладонью удар по голове. Затем в течение дня Карпов занимался обычными делами, но к вечеру почувствовал себя плохо и через четыре дня умер. Смерть наступила от воспаления мозговых оболочек, причиной которого был удар по голове, вызвавший расхождение костных швов при наличии старого процесса воспаления среднего уха. Несмотря на это, дело было прекращено⁵²¹.

⁵²¹ Дело № 146/93 // Архив Следственного управления ГУВД г. Москвы за 1993 г.
318

Теория главной причины

Сторонники этой теории из всех предшествующих условий данного события стремятся выделить такое условие, которому принадлежит решающая роль в воспроизведении этого события — вот это-то условие они считают причиной наступившего результата в прямом смысле слова.

Таким образом, согласно этой теории, причиной наступившего результата признается только решающее, главное действие, оказавшее наибольшее влияние на наступивший результат. Эта теория дает хорошие рекомендации для преступников, как избежать наказания (подсыпай яду меньше, чем сообщник; бей потерпевшего меньше, чем твой товарищ, — и ты избежишь ответственности). Кроме того, по этой теории, нельзя привлечь к ответственности второстепенных соучастников (причиной всегда будут признаваться действия исполнителя).

Еще в начале XIX в. была признана порочность данной теории. «Она есть подлинное убежище для убийц!» — восклицал Штюбель⁵²².

Как бы поясняя эту мысль, Б.С.Антимонов писал: «Эта “теория” может пригодиться гангстерам — совершая преступление, им нужно остерегаться только одного: создать более действенное или наиболее действенное условие вредоносного результата. Подсыпая чуть поменьше яда своей жертве, чем сообщник, отравитель находит ревностного адвоката в лице Биркмайера (сторонника данной теории. — В.М.), который берется доказать, что сей отравитель напрасно обвинен, ибо он даже не соучастник в отравлении»⁵²³. Ясно, что такая теория не может быть правильной.

Иллюстрацией того, к чему она может привести на практике, служит следующее дело.

Приговором Пушкинского гарнизонного военного суда Сикотин А.В. приговорен по ч. 4 ст. 111 УК РФ к 7 годам лишения свободы, а по ч. 2 ст. 213 УК РФ — к 2 годам и 6 месяцам лишения свободы, по совокупности преступлений — к 7 годам и 6 месяцам лишения свободы.

⁵²² Stubel Uberden Tatherstand der Verbrechen. Leipzig, 1805. P. 56.

⁵²³ Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. С. 184.

7 марта 1997 г. потерпевший Хлупин Д.В., направляясь в ДК пос. Лукаши, на входе столкнулся с гражданкой Головановой В.М., которая толкнула его рукой в плечо, требуя уступить ей дорогу. Хлупин замахнулся рукой с намерением нанести ей ответный удар, но в этот момент стоявший рядом на входе гражданин Рыбак Н.А. нанес ему удар кулаком в лицо, от которого Хлупин упал, ударившись затылком об асфальт.

Пролежав некоторое время без сознания, шатаясь, Хлупин направился в клуб. Там он стал оскорблять присутствующих, вылил пиво на Наумову, ударил Голованову В.М. о кресло, так что она потеряла сознание. Рыбак, вступившись за девушку, нанес Хлупину удар кулаком в лицо, после чего между ними завязалась драка.

В это время войдя в зал, Бигаев О.У. увидел дерущихся поблизости от входа Рыбака Н.А. и ранее незнакомого Хлупина Д.Н. Оттеснив Рыбака, Бигаев ввязался в драку, в ходе которой нанес Хлупину не менее четырех ударов кулаками в голову и не менее двух ударов по туловищу.

Далее в драку ввязался Сикотин А.В. Хлупин пытался ударить его ногой, но удар не получился. Хлупин, зацепившись за ногу Сикотина, упал на пол. После чего Сикотин нанес Хлупину один удар в голову и не менее двух ударов по туловищу. Кроме того, в ходе избиения Хлупина он присел над последним и нанес тому еще один удар кулаком в туловище.

Несколько ударов ногами Хлупину нанес еще неизвестный. После этого Власов и Бойков стали выносить Хлупина из зала. В фойе клуба Бигаев нанес еще один удар ногой в голову Хлупина, после чего его вынесли на улицу и положили в 2–3 метрах от входа в клуб. Когда потерпевший хотел подняться, Власов два раза ударил его кулаком в голову. Затем к Хлупину подошел Хеккенен Н.В. и нанес три удара ногой в лицо. После этого к лежащему подошел Сидоров И. и ударил Хлупина ногой. Подбежал Рыбак и из положения сидя ударил потерпевшего кулаком в лицо. Затем из клуба выбежала Виноградова М. и ногой с размаху ударила Хлупина по голове. От удара он разбросал руки и потерял сознание.

Исаков А. привел его в чувство. Хлупин, застегнувшись, пошел в сторону гаражей. На углу здания его догнал Власов и ударил его два раза кулаком в голову. Исаков, Антонов и Власов у гаражей еще раз избили Хлупина. На следующий день там же у гаражей был обнаружен труп Хлупина.

Таким образом, Хлупина избивали не менее 10 человек. Избиения происходили перед входом в клуб (Рыбак), в клубе (Рыбак, Сикотин, Бигаев и неизвестный), в фойе (Бигаев), у входа в клуб (Власов, Хеккенен, Сидоров, Рыбак, Виноградова), на углу клуба (Власов) и у гаражей (Исаков, Антонов, Власов). Все эти факты подтверждены как в процессе судебного заседания, так и в производстве предварительного следствия. Почти против всех указанных лиц были возбуждены дела, но затем были прекращены. В судебном заседании избиения на улице практически не рассматривались.

В выводах судебно-медицинской экспертизы было сказано: «Все повреждения головы у Хлупина Д.Н. могли образоваться не менее чем от 11 ударов. Учитывая данные материалов уголовного дела (судебно-медицинского исследования трупа, результатов дополнительных методов исследований, показаний свидетелей), можно сделать вывод о том, что тупая травма головы у Хлупина могла образоваться как в результате каждого отдельно нанесенного ему удара в область головы Рыбаком, Сикотиным и Бигаевым при инцидентах, имевших место при входе в ДК (с Рыбаком) и в помещении ДК (с Рыбаком, Сикотиным и Бигаевым), так и от совокупности нанесенных ему ударов. Достоверно решить вопрос о том, от какого именно удара (ударов) возникло повреждение сосудов мозговых оболочек, явившихся причиной внутричерепного кровотечения с последующим сдавлением головного мозга — по имеющимся судебно-медицинским данным не представляется возможным <...>

Любые нанесенные в этот период удары (после избиения в клубе), в особенности удары по голове, могли способствовать прогрессированию расстройств мозгового кровообращения, продолжению, возобновлению или усилению внутреннего кровотечения и более быстрому наступлению смерти.

Разграничить только по судебно-медицинским данным, имеющимся в материалах уголовного дела, повреждения, которые были причинены Хлупину каждым из участников, наносившим удары, равно как и установить их последовательность, не представляется возможным ввиду большого количества повреждений в области головы»⁵²⁴.

⁵²⁴ Приговор Пушкинского гарнизонного военного суда от 4 июля 2001 г. по делу Бигаева О.У. и Сикотина А.В. // Архив Ленинградского окружного военного суда за 2001 г

Осуждение Сикотина А.В. по ч. 4 ст. 111 УК РФ основано на двух одинаково ошибочных теориях причинной связи: теории «главной причинной связи» и теории «вероятностной причинной связи». Суд посчитал, что повреждения, нанесенные потерпевшему Сикотиным были главной причиной наступления смерти; другие повреждения лишь способствовали ее наступлению. Суд вменил Сикотину смерть Хлупина, основываясь также на вероятных суждениях. Прямо в приговоре суд указал, что «травма головы Хлупина, повлекшая за собой летальный исход, могла образоваться как от ударов в голову в танцевальном зале клуба, так и перед входом в клуб при ударе в лицо потерпевшему с последующим падением его и ударом головой об асфальт, а также в ходе последующих избиений».

И то и другое совершенно неправильно.

Теория причины и условия

Сторонники этой теории предлагают различать причины и условия. Правда, каждый из них по разному определяет эти понятия.

Так, А.Хорн считает, что, причина всегда представляет собой движение, в отличие от условий, пребывающих в состоянии покоя⁵²⁵.

Другой сторонник этой теории — Р.Хорн определяет причину как «изменение, которое своей силою и деятельностью вызывает другое изменение, как скоро налицо необходимое для наступления результата условие. Под условиями же следует понимать пребывание в покое состояний, от наличности которых зависит возможность для причины действовать»⁵²⁶.

Разница между этими родственными, вероятно, как и авторы, теориями заключается в том, что первая понимает под условиями элементы, из которых образуется явление, а вторая — элементы, образующие обстановку, среду, в которых происходит данное явление.

Если многие юристы, занимающиеся проблемой причинной связи, обращали внимание на количественную сторону различия

причины и условия, то немецкий профессор Колер предложил различать причину от условия по качественной, внутренней стороне явления. «Если я сажаю семя, то для того, чтобы выросло растение, необходимы известные свойства почвы, тепло, влажность, свет и т. п., но для того, чтобы из этого растения выросло именно тополь, а не береза, нужно специфическое качество семени, его природа, которая и является причиной бытия тополя»⁵²⁷.

Специфичность условия, делающая его причиной, по Колеру, заключается во «внутренних силах вещей», которые пребывают там в скрытом виде. Поэтому эту теорию можно назвать теорией «внутренней причины». Однако и она не проводит четкой границы между причиной и условием, так как условие так же определяет существование, бытие явления, как и причина: в разных климатах, на разных почвах из одних и тех же семян вырастут разные растения.

В этой теории слышны отголоски метафизической точки зрения, которая видела в причине скрытую, таинственную производящую силу. Такая точка зрения подверглась основательной критике еще в работах Ф.Энгельса. В «Диалектике природы» он, например, писал: «Перенос движения совершается, разумеется, лишь тогда, когда имеются налицо все различные условия, часто очень разнообразные и сложные, особенно в машинах (паровая машина, ружье с замком, собачкой, капсулом и порохом). Если не хватает одного условия, то переноса движения не происходит, пока это условие не осуществится. В этом случае можно представить себе дело таким образом, будто эта сила в скрытом виде пребывает в каком-нибудь теле, в так называемом носителе силы (порох, уголь), но в действительности для того, чтобы вызвать как раз этот специальный перенос движения, налицо должно быть не только это тело, но и все другие условия»⁵²⁸.

В настоящее время этой теории придерживаются Н.Ф.Кузнецова, Н.Н.Ярмыш и частично М.И.Ковалев.

Вот что пишет Н.Ф.Кузнецова: «Для уголовного права значимы две связи — причинная связь (причинение) и обуславливающая связь (обуславливание). При причинной связи действие (бездействие) само порождает, продуцирует, воспроизводит последствия. При обуславливании одно явление лишь создает

⁵²⁵ Horn A. Kausalitäts – und Wirkenstbegriff dessen empirische Feststellung und Kriminalrechtliche Bedeutung // Gerichtssaal. 1897. P. 335.

⁵²⁶ Horn R. Der Kausalitätsbegriff in der Philosophie und im Strafrecht. Leipzig. 1893. P. 13.

⁵²⁷ Kohler. Studien aus dem Strafrecht. Leipzig. 1890. P. 83.

⁵²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 598.

возможность, которая реализуется посредством появления последствий. Причина и условие тесно взаимодействуют. Без благоприятной ситуации возможность появления последствий причиной не реализуется. Однако при взаимодействии причины и условия они сохраняют свою специфику разных видов детерминации: причина со следствием связана генетической связью, условие обуславливается ею.

Всякая причина заключает в себе необходимое условие наступления результата, но не наоборот; не всякое необходимое условие является причиной последствий. Причина, как отмечалось, сама в силу внутренне присущих ей продуцирующих свойств воспроизводит следствие. Условия такими генетическими последствиями не обладают. Они способствуют появлению причин и их действию»⁵²⁹.

А вот что пишет Н.Н.Ярмыш: «Наиболее соответствует философским воззрениям, а также (что не менее важно!) повседневным, житейским, выработанным веками и тысячелетиями представлениям, что причина и условия — это разные детерминирующие факторы. При том, что все в мире связано и взаимобусловлено, среди всех этих связей выделяют порождающие — причинные, и все остальные — не порождающие. К последним относятся и связи обуславливания, которые могут способствовать действию причины, но без нее породить явление, по отношению к которому они устанавливаются, не способны. Именно свойством порождения причина и отличается от условий»⁵³⁰.

Но разве можно признать серьезным аргумент, считающим правильной теорию исходя из повседневных, житейских представлений. Это даже хуже, чем отдавать решение вопроса о причинной связи на откуп судьбе. Н.Н.Ярмыш договорилась до того, что «причинная связь вовсе не является обязательным признаком объективной стороны всех преступлений с материальным составом»⁵³¹.

Несмотря на кажущееся различие позиций указанных авторов, все они сводятся к так называемой внутренней причине. Первый предложивший обосновать причинную связь с ее помощью уже упомянутый нами немецкий ученый Колер писал:

⁵²⁹ Курс уголовного права. Т.1. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. С. 236, 240.

⁵³⁰ Ярмыш Н.Н. Указ. соч. С. 223, 228.

⁵³¹ Там же.

«Причина вызывает существование явления, порождает его. Условие же делает возможным его появление, влияет на процесс, энергию, скорость его развития, но само не порождает и не определяет его»⁵³².

Сравним это высказывание хотя бы со следующими высказываниями М.И.Ковалева и Н.Ф.Кузнецовой. «Причина порождает следствие благодаря процессам, происходящим внутри нее. Условие же только внешне благоприятствует наступлению последствия»⁵³³. «Причина сама, в силу внутренне присущих ей продуцирующих свойств, воспроизводит следствие. Условия такими генетическими последствиями не обладают. Они способствуют появлению причин и их действию»⁵³⁴.

Но как уже отмечалось, в этой теориях видны те отголоски метафизической точки зрения, которая видела в принципе скрытую, таинственную производящую силу. На самом деле без любого условия, каким бы незначительным или внешним оно ни было, следствие не наступит. Недаром Т.В.Церетели, придерживавшаяся в своей диссертации, защищенной в 1949 г., теории разграничения причины и условий⁵³⁵, в монографии 1963 г. признала свою ошибку и перешла на позицию теории необходимого условия⁵³⁶.

Лучше всего об этом сказал еще в 1873 г. известный немецкий ученый М.Бури. Он считал, что «под причинной связью следует понимать процесс возникновения явления. Если мы хотим установить причинную зависимость конкретного явления, то мы должны в определенной последовательности установить все те силы, которые выявили какую-либо действительность для возникновения этого явления. Однако с тем же правом и каждое единичное из этих сил может рассматриваться как причина явления, ибо существование последнего настолько зависит от каж-

⁵³² Kohler. Studien aus dem Strafrecht. P. 83.

⁵³³ Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне преступления. С. 102–103.

⁵³⁴ Курс уголовного права / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1. С. 240.

⁵³⁵ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве: Дисс... д-ра юрид. наук. М., 1949. С. 11.

⁵³⁶ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 159–160.

дой единичной силы, что если исключить хотя бы одну единичную силу, то отпадает само явление. Поэтому каждая единичная сила, которая сообщает жизненную силу всей массе остальных сил, являющейся без нее мертвой, тем самым делает каузальными все остальные силы»⁵³⁷.

Теория непосредственной (ближайшей) причины

Согласно рассматриваемой теории только последнее, непосредственное и ближайшее к последствию действие должно признаваться причиной наступления результата. Это любимая теория практических работников. Стоит сказать, что Верховный Суд РФ (а ранее Верховный Суд РСФСР) в подавляющем большинстве случаев применяет эту теорию. В формулировках их постановлений и определений присутствуют указания: «Преступные действия не являются окончанным преступлением, если наступившие вредные последствия не находились в прямой причинной связи с этими действиями»⁵³⁸. «В материалах дела нет данных, свидетельствующих о непосредственной причинной связи между смертью потерпевшего и действиями осужденных»⁵³⁹. «Осложнение <...> находится в прямой причинной связи с причиненной преступниками травмой»⁵⁴⁰. «Прямой причинной связи между причинением потерпевшему менее тяжких телесных повреждений и наступлением его смерти не имеется»⁵⁴¹; «Допущенные Разуваевым нарушения находятся в непосредственной причинной связи с наступившими последствиями»⁵⁴²; «Суд не исследовал вопрос о том, находились ли проникающие колото-резаные ранения груди и живота потерпевшей в прямой причинной связи с наступлением ее смерти»⁵⁴³.

Но признание причинной связи лишь в том случае, когда действие человека является «непосредственной» или «прямой» причиной наступившего общественно опасного последствия, сильно ограничивает уголовную ответственность. С этой точки зрения причинная связь между действием лица и наступившим последствием должна отвергаться и в таких случаях, когда существование этой связи не вызывает сомнения.

При таком понимании причинной связи нельзя обосновать ответственность соучастников, решить проблему ответственности за посредственное причинение, обосновать ответственность во всех тех случаях, когда между действием и общественно опасным последствием вклиниваются те или иные обстоятельства, учитываемые преступником. Вообще непосредственная причинная связь между действием лица и наступлением общественно опасного последствия бывает лишь в чрезвычайно редких случаях, так как между действием как начальным моментом причинности и общественно опасным последствием как конечным моментом, который и представляет интерес при установлении причинной связи, всегда вклиниваются силы, завершающие развитие данного причинного отношения.

При таком понимании причинной связи нельзя обосновать ответственность соучастников, решить проблему ответственности за посредственное причинение, обосновать ответственность во всех тех случаях, когда между действием и общественно опасным последствием вклиниваются те или иные обстоятельства, учитываемые преступником. Вообще непосредственная причинная связь между действием лица и наступлением общественно опасного последствия бывает лишь в чрезвычайно редких случаях, так как между действием как начальным моментом причинности и общественно опасным последствием как конечным моментом, который и представляет интерес при установлении причинной связи, всегда вклиниваются силы, завершающие развитие данного причинного отношения.

Например, преступник толкает под поезд человека. Но ведь между толчком и смертью человека вклинились действия машиниста (движение поезда), а значит, по этой теории, преступника, толкнувшего потерпевшего под поезд, мы не можем привлечь к уголовной ответственности.

Против изложенной позиции может быть высказано то общее замечание, что при формулировании своей точки зрения авторы больше исходят из потребностей практики и в меньшей мере — из фактов и логики.

---

⁵³⁷ Buri M. *Über Kausalität und deren Verantwortung*. Leipzig, 1873. P. 136.

⁵³⁸ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 декабря 1960 г. по делу Иванова // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1961. № 4. С. 9.

⁵³⁹ Постановление Президиума Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 2. С. 8.

⁵⁴⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 25 апреля 1984 г. по делу Шишкина и Овчар // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1985. № 2. С. 8.

⁵⁴¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 9 октября 1986 г. по делу Айнетдинова и Измайлова // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1987. № 6. С. 7.

---

⁵⁴² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 29 июня 1990 г. по делу Разуваева // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 2. С. 9.

⁵⁴³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ о деле Лактионова // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 4. С. 8.

Теория необходимой и случайной причинной связи

Данная теория была наиболее распространенной в советском уголовном праве, так как основывалась на марксистско-ленинском понимании необходимости и случайности.

«Вопрос об уголовной ответственности может ставиться лишь в отношении необходимых последствий данного действия человека. Все случайные последствия данного действия лица лежат за пределами интересов уголовного права. За эти последствия лицо ни при каких условиях не может нести уголовной ответственности. Для уголовного права имеют значение лишь причинно-необходимые связи»⁵⁴⁴, — писал А.А.Пионтковский.

Имеются ее сторонники и сейчас.

В частности, Л.Д.Гаухман, решительно заявляет: «Следует подчеркнуть, что случайная связь не может быть признана причинной связью»⁵⁴⁵.

Для иллюстрации этой теории ее авторы приводят следующие примеры.

1. *Мальчик стал обзывать конюха, тот погнался за ним; мальчик, убегая, упал в яму, сломал ногу, в рану попала инфекция, и он умер.*

2. *На тротуаре лежал пьяный. Прохожий, проходя мимо, поднял его, поставил на ноги и пошел дальше. Пьяный, шатаясь, свалился на проезжую часть и попал под проезжающий автомобиль.*

Сторонники этой теории говорят, что в этих случаях причинная связь была случайной, а потому не признается таковой с точки зрения уголовного права. Но, предположим, если совершивший действие человек все-таки предвидит развитие причинной связи и все делает для наступления результатов. Конюх специально гонит мальчика к яме, на дне которой валяется металллом. А прохожий, узнав в лежащем пьянице своего соседа-врага и увидев приближающийся автомобиль, специально поднимает пьяного, чтобы он, падая, попал под колеса. Неужели и в этих случаях мы не признаем наличие причинной связи? Как ни странно это звучит, но это теория перекликается с адекватной теорией причинной связи, что подтверждает и один из его сто-

ронников С.А.Тарарухин: «Для решения вопроса о том, является ли причинная связь необходимой либо случайной требуется установить, является ли наступление результата в рассматриваемой ситуации типичным, что будет свидетельством необходимой причинной связи, или такой результат атипичен (имеет место только иногда), что характерно для случая»⁵⁴⁶.

Правильность привлечения к решению вопроса о причинной связи в праве категорий необходимости и случайности вызывает сомнения. Прежде всего вызывают сомнения термины «причинно-необходимая» и «причинно-случайная» связь. Такая терминология может создать представление, что некоторые причины с необходимостью вызывают следствие, а другие — могут вызвать, но могут и не вызвать его. Но, как правильно пишет М.А.Парнюк, «всякая причинная связь является необходимой, ибо причина как субстанция, как активная сущность определяет природу действия»⁵⁴⁷.

«Характеризует ли признак необходимости что-либо новое в связи причины и следствия по сравнению с существующим знанием о ней?» — спрашивает другой философ Н.А.Князев⁵⁴⁸. И сам же отвечает: «Необходимость не может вводиться как признак причинной связи. Он или дублирует то, что мыслится в понятии «закономерность», или же, если он понимается как иное добавление и подкрепление закономерности, является вообще излишним. Что касается связей между явлениями, то они просто существуют фактически»⁵⁴⁹.

Подтверждает это и А.И.Плотников: «Признак закономерности вообще не несет никакой прямой смысловой нагрузки, ибо все, что есть в мире, закономерно, а лишь дополнительно подчеркивает причинно-следственное отношение»⁵⁵⁰.

Причинная связь по своей сущности предполагает момент необходимого следования одного явления за другим. Необходимость является существенным и неотъемлемым элементом причинности. Лишь такая связь между двумя явлениями носит на-

⁵⁴⁶ Тарарухин С.А. Квалификация преступлений в судебной и следственной практике. Киев, 1995. С. 100.

⁵⁴⁷ Парнюк М.А. Необходимость и случайность. Киев, 1988. С. 85.

⁵⁴⁸ Князев Н.А. Причинность: новое видение классической проблемы. С. 74.

⁵⁴⁹ Там же. С. 74–75.

⁵⁵⁰ Плотников А.И. Объективное и субъективное в уголовном праве (оценка преступления по юридическим признакам). Оренбург, 1997. С. 51.

⁵⁴⁴ Уголовное право. Общая часть / Под ред. А.А.Пионтковского. М., 1948. С. 303.

⁵⁴⁵ Гаухман Л.Д. Указ. соч. С. 116.

звание причинной связи, при которой предшествующее явление с необходимостью порождает последующее. Если же в числе явлений, предшествующих наступлению какого-либо события, имеются такие, без которых результат все равно наступил бы, то это явление не находится ни в какой связи с результатом. Поэтому термин «причинно-необходимая связь» содержит в себе тавтологию, ибо в понятии причинной связи момент необходимости уже предполагается, а в термине «причинно-случайная связь» причина не может быть случайной по отношению к собственному следствию. Всякая связь причины и следствия необходима и однозначна по своей сущности: иначе мы имели бы дело не с причинной, а иной связью.

Совершенно правильно пишет тот же Н.А.Князев, что «всякая причинная связь необходима. Не может быть случайных причинных связей, ибо иначе возникло логическое противоречие с самим принципом причинности»⁵⁵¹. И дальше: «Причина может быть случайной по отношению к другой причине и посторонним для нее обстоятельствам, но она не может быть случайной по отношению к своему следствию»⁵⁵².

Нашу позицию полностью поддерживает Н.Н.Ярмыш: «По нашему мнению, вышедшему в результате анализа многочисленных источников и собственных раздумий, порождение несовместимо и с необходимостью. Необходимость, понимаемая как антипод случайности, вообще не может быть характеристикой причинной связи. Сама постановка вопроса о том, какой является конкретная причинная связь — необходимой или случайной — в нашем представлении является некорректной.

Наша позиция такова, что определение причинения посредством указания на его необходимый, в противовес случайному, характер алогично, т. е. это — стремление совместить несовместимое. Порождение есть порождение. Ни случайным, ни необходимым оно быть не может — это вообще не его характеристики»⁵⁵³. И продолжает дальше. «Поэтому логически небезупречными выглядят встречающиеся в уголовном праве высказывания такого рода: причинная связь налицо, если деяние (причина) с неизбежностью породило преступный результат (следствие). По отношению к событию, которое уже имеет ме-

сто, думается, говорить о необходимости (авторы толкуют ее как неизбежность) можно только в одном, совершенно бесполезном, смысле — событие “необходимо”, поскольку оно уже свершилось, и от этого факта никуда не денешься. О какой “необходимости, неизбежности” можно вести речь применительно к факту, который уже является данностью? Как будто что-то может быть порождено, но “не с неизбежностью”. Вопрос в другом: действительно ли случившееся порождено именно тем явлением, в котором мы подозреваем его причину»⁵⁵⁴.

Итак, после всего сказанного считаем в определенной мере аргументированным заявленное нами положение о том, что ни случайность, ни необходимость использоваться для определения причинной связи как онтологической категории не могут. К связям между конкретной причиной и его следствием отношения они не имеют. Одно из этих понятий (случайность) относится к процессу образования самих причин, другое (необходимость) — служит способом формирования представлений о причинности.

Теория вероятностной причинной связи

К теории необходимой и случайной причинной связи примыкает теория вероятностной причинной связи. Сторонники этой теории пишут, что «нужно найти такую концепцию в объяснении причинности, которая позволила бы совместить необходимость и случайность. Этой концепцией может быть теория вероятностной причинной связи»⁵⁵⁵.

Концепция вероятностной причинной связи выдвинута в уголовном праве Ф.Ю.Бердичевским. Под вероятностной причинной связью автор понимает связь, при которой после совершения действия с той или иной степенью вероятности поступают определенные последствия»⁵⁵⁶.

С точки зрения общего понятия вероятности это утверждение не вызывает возражения. Но оно не учитывает связь между реальным противоправным действием или бездействием и наступившим реальным общественно опасным последствием. А приведенное Ф.Ю.Бердичевским решение строится на оценке

⁵⁵¹ Князев Н.А. Причинность: новое видение классической проблемы. С. 77.

⁵⁵² Там же. С. 78.

⁵⁵³ Ярмыш Н.Н. Указ. соч. С. 147.

⁵⁵⁴ Там же. С. 200.

⁵⁵⁵ Бердичевский Ф.Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970. С. 65.

⁵⁵⁶ Там же.

предполагаемого, должного положительного действия и предполагаемого положительного результата.

Но как правильно пишет Н.Н.Ярмыш: «Конкретная причинная связь исследуется тогда, когда некое событие уже произошло. А значит, рассуждать о том, закономерно ли оно, регулярно ли, с какой степенью вероятности, происходят подобные случаи — поздно, нет смысла. Надо заниматься другим — устанавливать, действительно ли оно порождено тем самым явлением, которое опыт молниеносно подсказал нам в качестве причины»⁵⁵⁷. И продолжает: «Утверждение о том, что конкретная причина может быть связана со своим следствием “вероятностно”, случайно следует признать противоречащим логике и вообще здравому смыслу»⁵⁵⁸.

Это подтверждают и философы. В частности, Н.А.Князев утверждает, что «вероятностная» связь между причиной и следствием противоречит принципу материального единства мира. Если случайные, вероятностные и необходимые связи объявляются причинными связями, то от понятия причинной связи не остается ничего, кроме расплывчатого указания о некоторой связи вообще⁵⁵⁹.

Сторонники указанной концепции понимают ее недостатки, но готовы мириться с ними. Так, сторонник этой теории Л.Майданик пишет: «При решении вопроса о причинной связи между противоправными действиями и вредом суд может принять как полноценное доказательство заключения экспертизы, которые, не являясь категорическими, констатируют высокую степень вероятности наличия или отсутствия такой связи»⁵⁶⁰. Майданик признает, что в ряде случаев ответственность будет наступать ошибочно. «Однако, — продолжает он, — эти единичные и неизбежные ошибки — меньше зло по сравнению с теми массовыми ошибками, к которым привели бы судебные решения, опирающиеся только на категорические заключения экспертов»⁵⁶¹.

⁵⁵⁷ Ярмыш Н.Н. Указ. соч. С. 131–132.

⁵⁵⁸ Там же. С. 177–178.

⁵⁵⁹ Князев Н.А. Соотношение причинности, необходимости и случайности: Автореф. дисс... канд. филос. наук. М., 1962. С. 11.

⁵⁶⁰ Майданик Л. Ответственность медицинских учреждений за ненадлежащее лечение // Советская юстиция. 1967. № 16. С. 12.

⁵⁶¹ Там же.

Если согласиться с таким подходом, то следует признать возможной ответственность лица за вред, который оно фактически не причиняло, т. е. сознательно пойти на нарушение закона.

Теория юридической фиктивной причинной связи

До какого абсурда может быть доведено излишнее теоретизирование, показывает данная теория, предложенная А.В.Федотовым. Вот она почти в дословном изложении самого автора.

Периодически встречаются ситуации, в которых правоприменяющему органу необходимо вынести решение исходя из следующих фактов:

1) достоверно установлено, что несколько физических или юридических лиц в один и тот же период времени и в одном и том же месте (или на одной и той же определенной территории) совершили одинаковые противоправные деяния;

2) достоверно установлено, что результатом одного и только одного из этих противоправных деяний был вред, причиненный потерпевшему;

3) достоверно установлено, что любое из этих противоправных деяний могло причинить потерпевшему одинаковый вред, но по чистой случайности вред потерпевшему причинило только какое-то одно из этих деяний, а не любое;

4) не установлено и невозможно установить, какое именно противоправное деяние из нескольких, совершенных различными лицами, круг которых точно определен, причинило вред потерпевшему.

И А.В.Федотов приводит примеры таких деяний.

Граждане К. и Ш. были привлечены к уголовной ответственности за неосторожное причинение смерти. Они пошли охотиться на медведя. Услышав шум в кустах, оба произвели по одному выстрелу по невидимой им мишени, полагая, что там медведь. В кустах был человек, которого они убили. Оба стрелявших попали в потерпевшего, но при этом одна из пуль нанесла смертельную рану, а другая попала в нагрудный карман, где находились ракетные патроны, и поврежденных потерпевшему не причинила. Установить, кто именно (К. или Ш.) нанес по-

терпевшему смертельное повреждение, не представилось возможным⁵⁶².

Пять молодых людей стреляли из одного ружья по мишени, висящей на дереве в лесу. За деревом — кусты, тропинка. Каждый неоднократно промахивался. После того, как все выстрелили по нескольку раз, они пошли гулять и на тропинке обнаружили человека, которому случайно попали в сердце. Кто убил его по неосторожности, неизвестно.

Представляется, — пишет дальше А.В.Федотов, — что все дела такого типа необходимо решать, руководствуясь правилом: «Кто совместно осуществляет деятельность, опасную для окружающих, тот совместно отвечает за вред, причиненный этой деятельностью, если окажется невозможным установить, чьи именно действия повлекли за собой наступление вредных последствий». Применение данного правила, безусловно, будет некоторой несправедливостью по отношению к тем из совместно осуществлявших общественно опасную деятельность лиц, кто реально никому никакого ущерба не причинил. Но отсутствие этого правила будет во много раз большей несправедливостью по отношению к тем, кто пострадал из-за этой деятельности. Право всегда сравнивает интересы, отдавая предпочтение более значимому общественному интересу перед интересом менее значимым. Именно поэтому юристы называют право относительно жестоким и относительно несправедливым.

Представления общества о справедливом и целесообразном характере правового регулирования общественных отношений требуют, чтобы в такого рода случаях одинаковую юридическую ответственность несли все те лица, которые реально могли причинить вред потерпевшему, хотя по чистой случайности вред причинило только одно из них, точно не установленное правоприменяющим органом лицо. Право должно максимально защищать потерпевшего, который действовал правомерно, и одновременно оно должно наказывать тех, кто совершил виновные противоправные деяния.

Что же касается причинной связи между виновным противоправным деянием и наступившими вредоносными последствиями, то, по-видимому, в рассматриваемых случаях юридическая наука может использовать хорошо известную конструкцию юридической фикции.

В юридической фикции нормами права устанавливается обязательная для участников общественных отношений причинно-следственная связь определенных явлений. Связь, которая в действительности не существует, но считается существующей. Само установление юридической фикции возможно только тогда, когда ее отсутствие нарушает охраняемые правом интересы.

По-видимому, не существует каких-либо препятствий для законодательного установления фикции причинной связи между причиной — виновными действиями каждого из тех правонарушителей, которые реально могли причинить вред потерпевшему, и следствием — вредом, который потерпевшему причинило неустановленное лицо (один из группы правонарушителей).

Решая эту проблему, ученым и практикам придется затронуть еще одну, очень тесно с ней связанную: необходимо ли применять меры юридической ответственности (а если да, то какие) к тем правонарушителям, которые по чистой случайности не причинили вреда потерпевшему. Например, предположим, что и в рассмотренном нами деле об убийстве удалось бы установить, чей выстрел был смертельным. Этого человека суд осудил бы за неосторожное убийство, и это никем бы и не оспаривалось. А что делать со вторым охотником, который действовал виновно и противоправно (стрельба по невидимой мишени правилами охоты запрещена) и только по чистой случайности не нанес потерпевшему еще одну смертельную рану? Вопрос этот также следует решать на законодательном уровне.

Возможно, когда-нибудь в будущем российский законодатель придет к выводу о том, что и в таких случаях, как смоделированный здесь, необходимо использовать конструкцию юридической фиктивной причинно-следственной связи.

Если в науке будет признано целесообразным использовать понятие «юридическая фиктивная причинная связь», то, соответственно, возможно и разделение ее на два вида: а) связь, в которой нельзя установить конкретного причинителя вреда; б) связь, в которой установлен конкретный причинитель вреда, но одновременно установлены также и лица, которые могли стать, но не стали причинителями вреда по чистой случайности⁵⁶³.

⁵⁶² Бюллетень Верховного Суда СССР. 1966. № 5. С. 26.

⁵⁶³ Федотов А.В. Виды причинной связи между деянием и наступившими вредными последствиями // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 97–100.

No comment. А.В.Федотов предлагает на основании этой теории привлекать к ответственности невиновных лиц!

Теория возможности и действительности

Эта теория, появившись довольно давно, получила четкое обоснование в работах П.Г.Семенова, Т.Л.Сергеевой и В.С.Прохорова.

По мнению сторонника этой теории В.С.Прохорова, «глубокую внутреннюю связь явлений, факт их движения, становления и развития друг из друга выражают категории возможности и действительности. Каждое явление, прежде чем возникнуть, имеет свое основание в определенной действительности, которое по отношению к рассматриваемому явлению выступает как возможность. Возможность, таким образом, выражает тенденцию развития данной действительности»⁵⁶⁴.

Различают абстрактные (формальные) и реальные (конкретные) возможности. «Абстрактная возможность выражает способность определенной действительности к развитию, но не предопределяет его направленности, — пишет другой сторонник этой теории П.Г.Семенов, — поэтому с точки зрения абстрактной возможности, возможно все, что не содержит в себе внутреннего логического противоречия. Это значит, что абстрактная возможность лишена конкретного содержания, поэтому она сама по себе не способна породить другое явление, т. е. превратиться в действительность. Иное значение имеет реальная возможность. Она является такой ступенью развития действительности, которая характеризуется наличием определенных реальных предпосылок для возникновения новой действительности, т. е. способна в своем развитии породить определенное явление»⁵⁶⁵.

Из различия в объективной природе абстрактной и реальной возможностей следует, что явления, обусловившие абстрактную возможность наступления тех или иных последствий, не являются их причинами, если последовательное развитие абстрактной возможности в реальную, а затем в действительность при-

вело к их наступлению. Напротив, действие человека (явление), создавшее реальную возможность наступления результата (преступление) или превратившее реальную возможность в действительность, всегда является его причиной.

По мнению Т.Л.Сергеевой, «необходимое» или «действительное» причинение преступного последствия имеет место тогда, «когда поведение лица, являясь одним из необходимых условий наступления преступного результата, вместе с тем превратило в действительность реальную возможность наступления этого результата созданную им самим, другими лицами или иными силами, или активно участвовало в этом претворении совместно с другими лицам или силами»⁵⁶⁶. С таким пониманием «необходимой причинной связи» был согласен также Г.К.Матвеев⁵⁶⁷.

Т.Л.Сергеева писала, что «практический результат признания возможности критерием причинной связи заключается в том, что объективное основание уголовной ответственности признается уже тогда, когда установлено, что действие обвиняемого заключало в себе только одну возможность наступления данного результата, тем самым отпадает необходимость в установлении того, претворена ли была эта возможность в действительность самим обвиняемым»⁵⁶⁸.

Но положение, что причинную связь между действием человека и наступившим общественно опасным последствием следует считать существующей лишь тогда, когда действие «претворило в действительность реальную возможность наступления этого результата» или когда оно «активно участвовало в этом претворении», непригодно для раскрытия причинной связи между действием человека и наступлением общественно опасного последствия.

Теория возможности и действительности вызвала возражения еще в период ее становления. Так, Т.В.Церетели считала, что вообще вопрос о наличии или отсутствии причинной связи нельзя решить при помощи категории возможности: «Это неизбежно привело бы к отождествлению понятий действительности и возможности. Поскольку причинная связь есть действительная

⁵⁶⁴ Прохоров В.С. Объективная сторона преступления // Курс советского уголовного права Т. 1. / Под ред. Н.А.Беляева, М.Д.Шаргородского. С. 352.

⁵⁶⁵ Семенов П.Г. Проблемы причинной связи в советском праве // Учен. зап. ВИЮН. М., 1958. Вып. 8. С. 280.

⁵⁶⁶ Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 1950. С. 85.

⁵⁶⁷ Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955. С. 73.

⁵⁶⁸ Сергеева Т.Л. Указ. соч. С. 85.

связь между явлениями, постольку ее нельзя заменять возможной связью»⁵⁶⁹.

Замена исследования о действительной причинной связи исследованием содержащейся в действии лица возможности наступления преступного последствия означает отождествление возможности с действительностью. Но это различные понятия. Хотя реальная возможность содержит в себе сторону действительности, она потому и реальна, что имеет свои корни в действительности, определяется условиями, существующими в ней, выражает существующую в действительности тенденцию к развитию. И ее отношение к другой, еще не осуществившейся действительности, является лишь возможностью.

Если событие возможно, значит в реальной действительности есть условия, беспрепятственное развитие которых может происходить в определенном направлении. Но в то же время в этой действительности имеются и иные условия, которые могут повернуть процесс в другую сторону. В реальной действительности могут существовать условия, которые содержат одну единственную возможность, да и та может осуществиться, но может и не осуществиться.

При исследовании причинной связи между действием лица и наступившим общественно опасным последствием мы всегда имеем дело с уже осуществившейся возможностью, которая является уже не возможностью, а действительностью. И поэтому непонятно, почему исследование действительной причинной связи должно быть заменено исследованием лишь ее возможности.

Данная теория смыкается с предыдущей теорией вероятностной причинной связи. Как пишет Н.Н.Ярмыш, «с позиций этой теории “необходимая” причинная связь имеет место лишь в тех случаях, когда деяние порождает последствие с внутренне присущей ему необходимостью — когда последствие в данной конкретной обстановке являлось реально возможным, наступило от совершения данных действий закономерно»⁵⁷⁰.

Рассмотрим следующий пример из уголовной практики.

А. решил убить П. за нанесенную им обиду и стал поджидать удобного случая. Однажды А. возвращался с охоты и уви-

дел на берегу реки компанию мужчин, растивавших спиртные напитки. Среди них находился П. С расстояния 40 м А. произвел прицельный выстрел из винтовки в П. Пуля попала в П., изменила направление и попала в голову С., сидевшего рядом с П. От полученных ранений С. сразу же скончался. П. остался жив»⁵⁷¹.

С точки зрения теории «возможности и действительности» следует признать причинную связь между действием (выстрелом) А. и смертью П. (которой нет!) и не признать связь со смертью С.

В первом случае была конкретная возможность, а во втором — абстрактная. Но сколько бы ни говорили сторонники этой теории, что смерть С. невозможна, она наступила, а П., вопреки «конкретной возможности», остался жив. А это значит, что не имеет никакого значения, существует ли конкретная или абстрактная возможность, поскольку, если она переросла в действительность, причинная связь должна признаваться.

Теория виновной причинности

Сторонники этой теории считают, что в уголовном праве нужно применять не общеправовое, естественное понятие причинности, а специальное, юридическое. «Причинные связи могут быть юридически значимыми и юридически безразличными», — пишет В.Д.Филимонов⁵⁷².

Так как общее понятие причинной связи они считают непригодным для обоснования уголовного вменения, то создают специальное понятие причинной связи в уголовно-правовом смысле, используя для этого институт виновности.

«Соответственно, только те явления могут быть вменены человеку, которые проистекли из действий его, совершавшихся при возможности их предвидения» — пишет основоположник этой теории Н.Д.Сергеевский⁵⁷³. Ему вторит П.П.Михайленко: «Юридическое значение имеет лишь та причинная связь, кото-

⁵⁶⁹ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси, 1957. С. 160-161.

⁵⁷⁰ Ярмыш Н.Н. Указ. соч. С. 444.

⁵⁷¹ Приговор Кизлярского районного суда Республики Дагестан от 8 июня 1997 г. по делу А. // Архив Кизлярского районного суда Республики Дагестан за 1997 г.

⁵⁷² Уголовное право России. Часть Общая / Под ред. Л.Л.Кругликова. М., 1999. С. 164.

⁵⁷³ Сергеевский Н.Д. О значении причинной связи в уголовном праве. С. 46.

рая охватывается или должна охватываться предвидением субъекта»⁵⁷⁴.

По мнению сторонников этой теории, уголовное право всегда имеет дело не с явлением во всей его полноте, со всеми его подробностями, а лишь с одной или некоторыми его сторонами, а потому в каждом конкретном случае остается масса подробностей и признаков, безразличных для уголовного права, предвидение или непредвидение которых не имеет никакого значения для вменения деяния в том его составе, который определен в уголовном законе. То есть, признавая предвидение или его возможность необходимым условием вменения человеку последствий его деятельности, необходимо предвидение всех тех сторон явления, которые входят в состав преступления, а предвидение других черт, безразличных для уголовного права, не имеет значения.

Так, например, Н.Д.Сергеевский утверждал, что «причинная связь для уголовного права устанавливается между действиями человека и связанным с ними явлением тогда, когда человек, совершая те действия, о которых идет речь, предвидел или мог предвидеть это явление как последствие, то есть сознавал или мог сознавать комбинацию предыдущих сил, знал и мог знать их действие»⁵⁷⁵.

Таким образом, для предвидения преступного результата как последствия своих действий необходимо со стороны субъекта знание комбинации предыдущего настолько, насколько самый результат определяется в уголовном законе в качестве состава преступления. Под возможностью предвидения, сообразно этому, мы должны разуметь практическую возможность для данного субъекта ознакомиться с соответствующей комбинацией, в которую входят его действия.

Но что значит предвидеть явление? И когда мы можем предвидеть явление? Согласно теории виновной причинности, мы можем предвидеть явление только тогда, когда знаем соответствующую ему комбинацию предыдущих сил и фактов. «Не зная этой комбинации, нет возможности предвидеть явление, точно так же, как, не сознавая своей деятельности, нельзя предвидеть

ее последствий»⁵⁷⁶. Предвидение последствий может охватывать явление или в его полном составе, со всеми подробностями, или только некоторые его стороны, или же в силу ошибки в расчете предвидение может оказаться ложным. «Поэтому, если мы говорим, что известное лицо предвидело такое-то и такое-то явление как последствие своих действий, то это значит, что это лицо создало соответствующую комбинацию предыдущего, одним из членов которой служат его собственные действия; при этом предвидение может распространяться как на все признаки и все подробности явления, так и на одну его какую-либо сторону»⁵⁷⁷.

Но это невозможно. Становление всякого конкретного события связано с таким количеством переплетающихся обстоятельств, что, по общему правилу, человек не имеет возможности предусмотреть с точностью все эти обстоятельства. Достаточно поэтому, чтобы при умысле лицо предвидело реальную возможность наступления преступного результата и развитие причинной связи в общих чертах, а при неосторожности достаточно, чтобы у лица была возможность такого предвидения.

Никто не может отвечать за последствие, предусмотренное законом, если оно не было причинено действием лица и не охватывалось его виной.

Требование причинной связи как необходимой предпосылки уголовной ответственности объясняется тем, что уголовное право считает возможным наказывать лицо лишь в том случае, когда совершенное им деяние представляет действительную опасность для общественных отношений.

Причинная связь и вина являются двумя одинаково необходимыми предпосылками уголовной ответственности. Ни одна из них, взятая самостоятельно и независимо от другой, не может обосновать уголовную ответственность. При этом обе указанные предпосылки уголовной ответственности являются равноценными. Соотношение причинной связи и вины следует понимать как органическое единство противоположностей, т. е. как единство внутреннего и внешнего, субъективного и объективного.

При изучении отдельных элементов понятия преступления эти две стороны анализируются отдельно друг от друга:

⁵⁷⁴ Михайленко П.П. Уголовное право Украины. Общая часть. Киев, 1995. С. 73–74.

⁵⁷⁵ Сергеевский Н.Д. О значении причинной связи в уголовном праве. С. 47.

⁵⁷⁶ Там же.

⁵⁷⁷ Там же. С. 48.

а) преступное деяние, во-первых, изучается со стороны объективных процессов, вызванных волей виновного. В этом случае нас интересует осуществляющаяся в действительности причинная связь между волевым актом и наступившим общественно опасным последствием независимо от того, предвидело ли лицо преступные последствия своей деятельности либо имело возможность их предвидеть;

б) преступное деяние, во-вторых, изучается со стороны содержания воли. В этом случае нас интересует содержание тех представлений и эмоций, которые сопутствуют внешнему проявлению воли. Это — процесс, протекающий в психике деятеля. Поэтому действительное осуществление имеющихся у субъекта представлений для этого процесса не имеет значения.

Первое, что можно возразить на это: диалектико-материалистическая концепция причинности, распространяющая свое действие и на сферу уголовного права, полностью отрицает возможность привнесения некоего субъективного начала в объективную реальность. Именно поэтому понятия «причинная связь» и «вина» не только не совпадают, но и не пересекаются.

Возвращаясь в очередной раз к философским основам причинной связи, нельзя забывать о ее объективном характере и приписывать какой бы то ни было субъективизм этому понятию. Именно наличие и степень вины в действиях лица служат основанием для привлечения его к уголовной ответственности и назначения того или иного наказания в том случае, если причинная связь между действиями этого лица и наступившими общественно опасными последствиями находит свое подтверждение.

Теория необходимого условия (conditio sine qua non)

Наиболее распространенной теорией причинности, несомненно, является так называемая теория *conditio sine qua non* или теория необходимого условия. Согласно этой теории, действие человека является причиной данного последствия, когда это действие было одним из необходимых условий его наступления⁵⁷⁸. Теория *conditio sine qua non* исходит из предположения

полной равноценности (но не равнозначности!) всех предшествующих близких или отдаленных условий его наступления. Каждое из них, если оно удовлетворяет указанному требованию, может рассматриваться как причина происшедшего.

То есть причиной преступного результата являются действия каждого из лиц, которые были необходимыми условиями, без которых не могло бы совершиться преступление.

Хорошо об этом высказался А.В.Успенский. Он рассматривает любое «необходимое условие» в качестве причины. Тем самым он намеревается «восполнить имеющийся в уголовном праве дефицит причинности», который, по его мнению, не позволяет «причинно обосновать уголовную ответственность за деяния, являющиеся весьма отдаленными недостаточными причинами общественно опасного последствия». Причинной достаточностью, по его мнению, обладает вся система в целом. Выпадение из нее любого элемента, каким бы малозначительным он ни представлялся при изолированном рассмотрении, лишает весь этот комплекс системного свойства — способности к причинению. Вот почему, утверждает автор, каждая единица этой системы является хоть и недостаточной, но все же причиной, а не условием. Все они равноценны именно в том смысле, что каждого из этих явлений взятых в отдельности не хватает для порождения следствия. Тем не менее, каждое «ответственно за результат», хотя и «не полностью». Вместе с тем, они отличаются друг от друга по степени своей причинной недостаточности. Исходя из этого, предлагается «значимость деяния определять относительно не последствия, а системы, которая породила данное последствие»⁵⁷⁹.

Согласно этой теории, любое действие, без которого результат не наступил бы, признается причиной этого результата. Критики же утверждают, что причинная связь в подобном случае распространяется до бесконечности. Такой вывод делают авторы учебника «Российское уголовное право. Общая часть» под

чинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики». (СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999), представленную по специальности 12.00.08 (Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право) на соискание ученой степени доктора юридических наук // Уголовное право. 2000. № 1. С. 117–118.

⁵⁷⁹ Успенский А.В. Проблемы обоснования причинной связи при соучастии в преступлении // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1995. № 5. С. 103–107.

---

⁵⁷⁸ Профессор Э.Ф. Побегайло писал, что «это правильно и логически неопровержимо». См.: Побегайло Э.Ф. Отзыв на диссертацию В.Б.Малинина «При- 342

редакцией В.Н.Кудрявцева и А.В.Наумова. однако при практическом применении эта теория ведет к расширению пределов уголовной ответственности. С позиций российского уголовного права такая теория представляется неприемлемой. Ответственность за действия, связанные с вредными последствиями, должна иметь определенный характер⁵⁸⁰.

Например, оружейник, сделавший пистолет для убийцы, мать, родившая этого убийцу, должны ли признаваться причиной смерти потерпевшего, а значит, могут ли быть привлечены к уголовной ответственности?

Безусловно, если бы мать не родила убийцу, а оружейник не сделал пистолет, убийства не произошло бы, а значит, действительно они должны признаваться причиной наступившего результата. Но можно ли привлечь их к ответственности?

Нельзя забывать, что для привлечения к ответственности необходим не один признак состава преступления (причинная связь), а все его признаки, в том числе и вина. Если вины указанных лиц нет, то нет и их ответственности. Если же вина указанных лиц в убийстве данного конкретного лица доказана (оружейник специально сделал пистолет для убийцы, мать специально родила сына, чтобы он расправился с убийцей ее мужа, как в индийском фильме «Мечь матери»), то каким бы парадоксальным это ни казалось, и их можно привлечь к ответственности.

Ссылка на то, что в гражданском праве возможна ответственность без вины, например, владельца источника повышенной опасности, а значит, это ограничительное условие не действует, необедительна. Указание на то, между кем (или чем) должна устанавливаться причинная связь, и есть это ограничительное условие, т. е. если мы установим причинную связь между источником повышенной опасности и наступившим последствием, то этого будет достаточно для ответственности.

Рассмотрим следующие примеры из уголовной практики.

1) *С. и И. по предварительной договоренности с целью хищения вещей проникли в дом 76-летней женщины А., связали ее и вставили в рот кляп. В процессе связывания ударили несколько раз по голове и другим частям тела, в результате чего возникли переломы костей носа, скуловых костей и основания черепа.*

Похитив вещи, С. и И. скрылись. А. в результате механической асфиксии, развившейся вследствие введения тряпичного кляпа в рот, на месте происшествия скончалась⁵⁸¹.

Этот пример демонстрирует нам несостоятельность теорий возможности и действительности (ведь возможность наступления смерти от механической асфиксии в результате введения в рот тряпичного кляпа абстрактна); адекватной причиной связи (далеко не всегда вышеуказанное действие в обычных условиях типично ведет к смерти); необходимой и случайной причинной связи (вероятнее было бы наступление смерти от причиненных телесных повреждений); главной причины (ведь ответственность за убийство по ней понесет лишь вставивший в рот А. кляп).

Однако правильным является вывод, основанный на положениях теории необходимого условия. Согласно этой теории, причинная связь имеется между действиями С. и И. и смертью А., так как без этих действий результат не наступил бы. Конечно, для квалификации их действий необходимо исследовать все обстоятельства совершенного преступления (возраст, состояние здоровья потерпевшей, умысел, осведомленность С. и И. о наличии у А. родных или знакомых, которые могли бы ее освободить и т. п.). Только полнота всей информации о преступлении позволяет дать верную квалификацию. Однако наличие причинной связи представляется здесь бесспорным.

2) *5 сентября 1985 года Е. пришла домой со знакомой П. Муж Е., находясь в состоянии алкогольного опьянения, встретил жену оскорблениями, схватил бутылку и замахнулся ею на жену. Е. и П. успели ему помешать. Дочь Е. от первого брака И. прибежала на крик и стала защищать мать, которую муж в это время бил и кусал. Е., П. и И. все-таки сумели повалить на пол мужа Е. Е. и П. удерживали ноги и руки мужа Е., а И. села ему на грудь, чтобы удержать его на полу, в ожидании приезда милиции. Муж Е. оказывал активное сопротивление, пытаясь сбросить с себя И., он подбрасывал ее движением туловища вверх. И., препятствуя ему, с размаху всей тяжестью своего тела опускалась совместно с телом отца на пол. Вдруг он перестал сопротивляться, а жена увидела, что он посинел и не дышит. До приезда врача, она пыталась сделать мужу искус-*

⁵⁸⁰ Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Наумова. М., 2001. С. 111.

⁵⁸¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 1997. С. 9.

ственное дыхание и массаж. Но врачи скорой помощи констатировали смерть.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что мужу Е. были причинены множественные переломы ребер, которые могли образоваться от того, что И. сидела на груди отца и тот подбросил ее грудью несколько раз, пытаясь сбросить ее с себя. Переломы ребер привели к развитию дыхательной недостаточности, что повлекло за собой потерпевшего⁵⁸².

Критики теории необходимого условия скажут, что в данном случае причинная связь отсутствует, так как потерпевший сам несколько раз подкинул И. грудной клеткой, пытаясь освободиться. Однако если бы И. не села отчиму на грудь, ему не была бы причинена смерть. Хотя ее действия были направлены на пресечение хулиганских действий потерпевшего, причинная связь между ними и его смертью присутствует. Другое дело, что нет вины, а следовательно, нет и ответственности. Это еще раз доказывает необходимость помнить обо всех признаках состава преступления и принимать решение, опираясь на их совокупность.

3) 2 февраля 1986 года Ф. познакомилась с Р. и Г. в закуской. Весь день они провели вместе, распивая спиртные напитки. Р. недавно освобожден из мест заключения. Вечером они пошли в комнату, где проживал Г. и втроем легли спать на один диван. Ф., лежа на диване, обняла Г. Р. приревновал ее к Г., ругался нецензурно, отталкивал от Г. Так как Ф. не обращала на него внимания, Р. нанес ей удар кулаком в правый бок, а затем нанес ей не менее четырех ударов кулаком в левую половину лица. Г. вступился за Ф.

Утром 3 февраля они все ушли. Г. заметил у Ф. припухлость на губах и кровь на постельном белье. Ф. пришла домой, мать и соседи увидели у нее кровоподтеки на левой половине головы и шеи. Ф. сказала, что ее избил новый знакомый Р. На работе сказала то же самое. К врачу не обратилась.

14 февраля Ф. потеряла сознание, но получение травмы скрыла от врача и лечилась от гипертонической болезни в поликлинике.

25 февраля Ф. снова потеряла сознание на лестнице. В больнице у нее диагностировали закрытую тупую травму черепа.

⁵⁸² Дело №16405 // Архив Следственного управления ГУВД г. Ленинграда за 1985 г.

При операции удалили хроническую субдуральную гематому, но операция уже не помогла и Ф. скончалась 2 марта.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Ф. наступила от закрытой тупой травмы головы, проявившейся хронической субдуральной гематомой в области левого полушария головного мозга, ушибом головного мозга в области основания левой височной доли, кровоизлиянием под мягкую оболочку головного мозга.

Данные телесные повреждения являются опасными для жизни, относятся к разряду тяжких телесных повреждений и входят в причинной связи с наступлением смерти Ф.

Кроме того, судебно-медицинская экспертиза установила, что указанные телесные повреждения Ф. были причинены за месяц до наступления смерти, т. е. 3 февраля 1986 г. Хотя Р., привлеченный в качестве обвиняемого в преступлении, виновным себя не признал, его вина полностью доказана материалами дела⁵⁸³.

Из данного примера видно, что одним из достоинств теории необходимого условия является то, что она позволяет рассматривать причинную связь в развитии и ограничивается во времени только деянием и последствием. Это позволяет дать правильную правовую оценку деяния и верно его квалифицировать.

Вопрос о причинной связи настолько сложен, что некоторые авторы смешивают если не все, то многие теории причинной связи⁵⁸⁴.

Посмотрим, что пишут эти авторы в одной из последних монографий по причинной связи «Проблемы причинной связи в институтах Общей и Особенной частей отечественного уголовного права»⁵⁸⁵.

«В практике судов встречается не мало случаев, когда преступные последствия выступают результатом действия несколь-

⁵⁸³ Дело №63050 // Архив Следственного управления ГУВД г. Ленинграда за 1986 г.

⁵⁸⁴ «В теории уголовного права учение о причинной связи достаточно сложно для усвоения», — признаются авторы цитируемой дальше монографии И.Я.Козаченко, В.Н.Курченко, Я.М.Злоченко «Проблемы причинной связи в институтах Общей и Особенной частей отечественного уголовного права». СПб, 2003. Причем признаются они в этом дважды. С. 26, 44.

⁵⁸⁵ В скобках мы указываем теорию, которая вытекает из данного высказывания.

ких равнозначных непосредственных причин»⁵⁸⁶ (теория эквивалентности).

«При анализе преступлений необходимо обнаружить главные (основные) причины, породившие это конкретное преступление. Главная (основная) причина — та, без которой данное явление не могло возникнуть»⁵⁸⁷ (теория главной причины).

«Причинная связь всегда относительна, т. е. зависима от сопутствующих условий. Категории “причина” и “следствие” тесно связаны с категорией “условие”. Условие — это совокупность различных материальных явлений и процессов, без которых данная причина не может вызвать данное следствие. Вместе с тем условия не играют активной, решающей роли в возникновении данного следствия. Поэтому нельзя отождествлять условия и причины, иначе будут размыты границы между ними»⁵⁸⁸ (теория причины и условия).

«Термин “причинить” используется для отражения непосредственного характера причинной связи»⁵⁸⁹ (теория непосредственной причинной связи).

«При решении вопроса об ответственности за наступившие последствия следует исходить из различия между необходимой и случайной причинными связями. Случайные связи не являются связями причины и следствия. Условия, в отличие от причин, — это явления, которые сами по себе не могут непосредственно породить другое явление (следствие), но, сопутствуя причинам и влияя на них, обеспечивают определенное их развитие, а вызываются иными причинами и обстоятельствами»⁵⁹⁰ (теория необходимой и случайной причиной связи).

«Определенные трудности возникают именно в тех случаях, когда течение причинной связи осложняется тем, что в цепь причинности вклиниваются привходящие (извне) силы, т. е. причинная связь осложняется поведением третьих лиц, вмешательством сил природы либо “виной” потерпевшего»⁵⁹¹ (теория «привходящих сил»).

«В судебной практике приходится иметь дело с суждениями о возможности благоприятного исхода лечения больного с различной степенью вероятности»⁵⁹² (теория вероятностной причинной связи).

«Для наступления ответственности необходимо, чтобы деяние обвиняемого создавало реальную возможность наступления вреда. В самой причине должна быть заложена возможность наступления следствия»⁵⁹³ (теория возможности и действительности).

«Причина порождает, вырабатывает внутри себя последствие, которого еще нет, но которое с относительной необходимостью должно появиться»⁵⁹⁴ (теория «внутренней причины»).

«Развитие причинной связи необходимо оценивать с учетом субъективного отношения лица к наступившему преступному результату. <...> Вопрос о причинной связи в уголовном праве возникает только тогда, когда действие (бездействие) было совершено под контролем сознания и воли»⁵⁹⁵ (теория «виновной причинности»).

«Причинная связь существует даже при незначительной деятельности человека. Как ничтожна деятельность человека, поднесшего зажженную спичку к листу бумаги, в сравнении с разыгравшимся от этого страшным пожаром в доме, или легкое мускульное движение, нажавшее курок пистолета, в сравнении с происшедшей от этого смертью, а между тем и в том, и в другом случае действие человека есть причина пожара и смерти. В таком случае важно обнаружить все эти причины, ибо только суммарное взаимодействие является тем необходимым обстоятельством, которое и породило конкретное последствие»⁵⁹⁶ (теория необходимого условия).

Так какой же, спрашивается, из одиннадцати теорий придерживаются авторы указанной монографии? А может, всех сразу? Похоже, нет. Ведь некоторые из них сами же авторы и опровергают.

«Доктрина уголовного права не разделяет теорию эквивалентности, не признающую никаких ограничений в длине “це-

⁵⁸⁶ Козаченко И.Я., Курченко В.Н., Злоченко Я.М. Указ. соч. С. 46.

⁵⁸⁷ Там же. С. 19.

⁵⁸⁸ Там же. С. 17–18, 22.

⁵⁸⁹ Там же. С. 21.

⁵⁹⁰ Там же. С. 31, 32, 36–37.

⁵⁹¹ Там же. С. 40.

⁵⁹² Там же. С. 22, 24.

⁵⁹³ Там же. С. 23.

⁵⁹⁴ Там же. С. 51–52.

⁵⁹⁵ Там же. С. 98.

⁵⁹⁶ Там же. С. 46, 69.

почки” причин и следствий, порождающих ответственность»⁵⁹⁷, — пишут они, но даже здесь путая ее с теорией необходимого условия.

Приводя позицию А.П.Козлова (и соглашаясь с ней), что «условие столь же необходимый фактор для наступления результата, как и причина, и поэтому оно столь же необходимо для наступления общего результата»⁵⁹⁸, авторы монографии фактически отвергают провозглашаемую ими ранее теорию причины и условия.

Обосновывая на многих страницах теорию необходимой и случайной причинной связи, в конце они делают неожиданный вывод: «Теория необходимых и случайных причинных связей получила довольно широкое распространение в уголовно-правовой литературе. Но главный ее недостаток в том, что ее сторонники механически противопоставляют случайность необходимости. Между тем общеизвестно, что случайность — это и есть проявление необходимости»⁵⁹⁹.

Доказывая теорию вероятностной причинной связи, эти авторы почему-то отвергают ее при расследовании автотранспортных преступлений. «При расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел по автотранспортным преступлениям можно и должно определенно и объективно точно решить вопрос о наличии или отсутствии причинной связи. При этом причинная связь не может предполагаться, а должна быть доказана»⁶⁰⁰.

Что на это можно сказать? Можно разве что развести руками. С такими рекомендациями нельзя не только решить проблему причинной связи, но можно еще больше запутать ее.

Правильность всех этих теорий можно проверить на следующем примере.

4 июня 1989 г. произошла авария на газопроводе Западная, Сибирь — Урал — Поволжье, повлекшая за собой гибель сотен пассажиров двух поездов. Непосредственная причина аварии — утечка газа в одной из труб. Расследование показало, что магистраль строилась несмотря на то, что Главгосэкспертиза не

дала разрешения на ее строительство. М.Дубинский, главный инженер проекта Института ВНИИПИ-газпереработка, составил его с нарушением Типовых правил. Главный инженер строительства А.Гулько допускал массовые нарушения при строительстве газопровода, обман и приписки в целях получения денег за невыполненную работу. Более того, 20 июня 1983 г. замминистра Миннефтепрома Ш.Дангарян принял решение о «снятии телеметрии и автоматической системы управления с газопровода», нарушив тем самым правила строительства и без того не отвечающие правилам безопасности. Между тем по заключению экспертизы наличие на трассе телемеханики и системы автоматического управления хотя и не предотвратило бы разрыв трубы при эксплуатации, но исключило бы такой трагический исход. Операторы компрессорной станции, обнаружив неполадку при помощи телеметрии, снятой с газопровода по решению Ш.Дангаряна, вовремя смогли бы предупредить железную дорогу об остановке движения поездов на участке, на котором скопилось большое количество газа. Машинисты поездов нарушили график движения — один увеличил скорость, другой уменьшил. И именно поэтому было столько жертв»⁶⁰¹.

Следствие, ориентируясь, видимо, на «ближайшую» причинную связь, не нашло состава преступления ни в действиях Ш.Дангаряна, ни в действиях главного инженера А. Гулько, ни в действиях главного инженера проекта Института ВНИИПИ-газпереработка М.Дубинского, ни в действиях машинистов.

Ни одна из существующих теорий, кроме теории необходимого условия, не может обосновать ответственность всех указанных лиц. Специальные юридические теории нам не помогут: действия всех лиц были общественно опасными и виновными. Согласно теории главной причины, теории непосредственной причины, теории причины и условия, ответственность должен нести сварщик, сваривший эту трубу. Согласно теориям адекватной причинной связи, необходимой и случайной причинной связи, возможности и действительности, вероятностной теории, вообще никто не понесет ответственности, так как такие последствия были случайными, невероятными, нетипичными, не была реальной возможность их наступления (если бы поезд проехали опасный участок через минуту-другую, не было бы столько жертв). Лишь с позиции теории необходимого условия можно

⁵⁹⁷ Там же. С. 24.

⁵⁹⁸ Там же. С. 53.

⁵⁹⁹ Там же. С. 98.

⁶⁰⁰ Там же. С. 97.

⁶⁰¹ Судебная практика к Уголовному кодексу РФ. М., 2001. С. 974.

обосновать ответственность не только сварщика, но и главного инженера проекта, главного инженера строительства и даже замминистра.

А.Ф. Парфенов не согласен, что теория *conditio sine qua* походит на все случаи жизни. Он высупает с теорией информационной причинности и обосновывает ее следующим образом.

"При разработке детерминизма в философии в причинности выделились энергетическая и информационная стороны", - констатирует М.Г. Марков.⁶⁰² "Различные случаи причинно-следственной связи могут быть сведены к двум основным типам, если иметь в виду тип самой связи, - к причинению по преимуществу энергетическому и информационному", - пишет другой философ И. С. Нарский.⁶⁰³ Выделять информационную причинность предлагает и польский философ В. Краевский.⁶⁰⁴

Из этих философских положений В. Н. Кудрявцев сделал вывод, что "перенос информации - типичное свойство причинности в сфере общественных явлений".⁶⁰⁵

Поэтому совершенно понятно, что уголовное право интересуется не информационной причинность вообще, а лишь тот ее аспект, который касается информационных действий человека, когда решается вопрос о том, они ли явились причиной последующего развития событий, того вреда, который ему инкриминируют.

Но надо понимать, что информация сама по себе не причиняет и причинять не может. "Без переноса вещества и энергии не может быть и самого информационного причинения," - пишет Н.Н. Ярмыш.⁶⁰⁶

Правда, могут возразить, что возможно ведь убийство психическими средствами, когда, например, человеку, страдающему сердечным заболеванием, сообщают о гибели его семьи.⁶⁰⁷

---

⁶⁰² Марков М. Г. Причина и проблемы теологии. М., 1973. С. 314.

⁶⁰³ Нарский И. С. Неопозитивистские концепции причинности и наука // Современный детерминизм и наука. Т. 1. Новосибирск, 1995. С. 200.

⁶⁰⁴ Краевский В. Пять понятий причинной связи // Вопросы философии. 1966. № 7. С.110.

⁶⁰⁵ Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М.,1976. С.14.

⁶⁰⁶ Ярмыш Н.Н. Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве. (философско-правовой анализ). Харьков, 2003. С. 283.

⁶⁰⁷ Это доказал еще в 1879 году В. Легонин. (Легонин В. Причинение смерти и расстройство здоровья психическими средствами //Юридический вестник. 1879.

Да, случаи причинения вреда жизни и здоровью граждан посредством передачи информации угрожающего характера в судебной практике встречаются, но встречаются исключительно редко, т.к. вредные изменения в организме человека в этих случаях зависят не столько от внешнего психологического воздействия, сколько психофизиологических свойств самой личности. Информация может оказать серьезное воздействие на человека лишь в том случае, если его организм находится в неустойчивом состоянии, и достаточно было малейшего внешнего воздействия, чтобы вывести всю систему жизнедеятельности за границы меры и дать начало существенным изменениям. Создается видимость, что передача информации - столь малая причина, породила несоразмерно большее следствия - гибель человека. А основная причина в этих случаях лежит внутри организма человека, передача же информации играет роль как бы спускового механизма.

Но в уголовном праве в большей степени имеет значение психологические процессы, явившиеся следствием передачи информации от одного лица к другому.

В.Н. Кудрявцев приводит пример. Поводырь, желая смерти слепцу, говорит, что путь свободен, но впереди овраг: тот идет, падает и погибает. По его мнению, в данном случае действуют две линии причинности, одна из которых - "информационная причинность" направляет другую - "физическую причинность", причем общественно опасный результат наступает не из-за переноса энергии, а из-за передачи информации⁶⁰⁸. Но сколько бы раз поводырь не повторял: "путь свободен", слепой не погибает до тех пор, пока не упадет в овраг и тем самым не осуществится перенос физической энергии. Значит, не информация сама по себе, а падение слепого в овраг лишило его жизни, что все равно не снимает вины с поводыря. Сам В.Н. Кудрявцев признает, что "окончательный результат наступает вследствие физических сил, поскольку непосредственной физической причиной гибели слепца были силы природы".⁶⁰⁹

Передача информации охватывается понятием движения материи. А движение материи - это не только грубое механическое движение, не только перемещение, но и теплота и свет, электри-

---

№ 4)

⁶⁰⁸ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. С. 89.

⁶⁰⁹ Там же. С. 88.

23 Малинин

ческое и магнитное напряжение, химическое соединение и разложение, жизнь и сознание. Передача информации является одной из высших форм движения материи. Система информационного воздействия на человека, вызывающая в его организме определенные изменения, создавалось в процессе длительной эволюции. В этом случае информационное воздействие на человека является причинной вызывающей вредные изменения в его организме, а связь этих изменений с передачей информации носит характер объективной причинной связи, не зависящей от воли и сознания действующего лица.

Причинность, возникающая в организме человека под влиянием информации, есть объективный процесс. Более того, даже физические процессы, на основе которых возникают психические явления, хотя и существуют не по вине субъекта, относятся к сфере объективного, т.к. они существуют именно в сфере сознания, не зависят от субъекта и не относятся к его внутреннему миру.

Диалектико-материалистическая теория познания исходит из единства физического и психического. Все психические процессы в человеке представляют собой отражение объективной действительности, в том числе и деяний других людей. "Все, что побуждает человека к деятельности, — писал Ф. Энгельс, — должно проходить через его голову ... Воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли, словом — в виде "идеальных стремлений", и в этом виде они становятся "идеальными силами".⁶¹⁰

"Любые внешние сигналы, любая информация может, но, с нашей точки зрения, далеко не всегда действительно является причиной ответных реакций другого человека. И вот почему. Специалисты предупреждают: решая вопрос о влиянии того или иного фактора на живой организм вообще (не говоря уже о человеке), исследователь должен учитывать, что взаимодействие организма с этим «раздражителем» вовсе не механическое. Суть его заключается в том, что изменяющее воздействие внешнего фактора преломляется через специфическую внутреннюю среду живой системы, которая не пассивно воспринимает это влияние,

а через обменные процессы активно, в соответствии со своей наследственной природой, реагирует на него".⁶¹¹

Следует согласиться с Г.В. Тимейко, что в таких ситуациях "объективная причинная связь с наступившими общественно опасными последствиями порождается только действиями лица, переработавшего в своем сознании полученную информацию...".⁶¹²

Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его. Именно поэтому человек, получивший какую-либо информацию, не становится бездумным и бездушным автоматом, действующим по системе заложенных в нем рычагов и механизмов.⁶¹³

Поведение лица может обуславливать, а может и не обуславливать поведение другого, а значит, поведение может быть, а может и не быть такой причиной.

Кроме того, нельзя игнорировать психофизиологические и социальные особенности людей, ставших объектами информации. Люди бывают разных интеллектуальных, волевых, эмоциональных, физиологических качеств; они могут иметь разные социально-правовые взгляды, познания, жизненный опыт и т.д., различно их положение в обществе, требующие не одинакового отношения к той или иной информации. Этим и объясняется то обстоятельство, что передача одной и той же информации (причины) при совершенно одинаковых объективных условиях может вызвать резкую реакцию (следствие) и повлечь за собой неодинаковые правовые последствия.

И вообще, в арсенале человека имеются такие факторы, как сознание и воля, позволяющие ему принять решение на основе правильной оценки всей объективной реальности.

Поэтому причинение лицом, получившим информацию, общественно опасных последствий влечет для него самостоятельную уголовную ответственность, если будет доказано, что оно должно было и могло правильно разобраться в обстановке. Передача информации, вызывающая изменение в психике человека, является всего лишь "психологически воздействующей причиной", но не той причиной, которая порождает вредные изме-

⁶¹⁰ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 290

⁶¹¹ Ярмыш Н.Н. Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой анализ). С. 291.

⁶¹² Тимейко Г.В. Общее Учение об объективной стороне преступления. С. 120.

⁶¹³ Там же. С. 121

нения внешнего мира. "До тех пор, пока лицо, получившее информацию, не совершит какого-либо вредоносного действия, в объективной реальности все остается без изменений. Лишь совершая определенные действия, направленные на осуществление поставленных целей, субъект вмешивается в объективно существующее положение вещей, вызывая вредные изменения в окружающем мире, и тем самым превращает субъективное в объективное".⁶¹⁴ Значит, передача информации от одного лица к другому, вызывая изменения психики, порождает субъективные процессы, составляющие внутренний мир человека, которые не могут быть включены в объективный процесс причинности, не зависящий от воли и сознания лица, т.е. от тех психических процессов, которые происходили в его сознании при переработке полученной информации об окружающей действительности. Объективная причинная связь с наступившими общественно опасными последствиями порождается только действиями лица, переработавшего в своем сознании полученную информацию.⁶¹⁵

А.Ф. Парфенов делает вывод, и с этим следует согласиться, что информационная причинность может найти применение в составах, так или иначе связанных с передачей информации, например, в составах преступлений в сфере компьютерной информации.

Другое важное значение информационной причинности – обоснование уголовной ответственности при бездействии. Попытки обосновать ее с помощью обычной, классической (физической) причинности, как это было доказано в последних исследованиях, в том числе и нами⁶¹⁶, оказались не основательны.

Без нее также нельзя обосновать ответственность соучастников (подстрекателей, организаторов). В этом случае бездействие не может быть такой причиной, так как необходима передача информации, а не просто получение ее из окружающей среды.

⁶¹⁴ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 122.

⁶¹⁵ Парфенов А.Ф. Общее учение об объективной стороне преступления. // Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С.85-90.

⁶¹⁶ Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики // Дис... докт. юрид. наук. СПб., 2000; Бойко А.И. Бездействие – бездействие – ответственность. Ростов-на-Дону, 2002; Ярмыш Н.Н. Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой аспект). Харьков, 2003.

4.3 Установление причинной связи в уголовном праве

Одним из обязательных условий уголовной ответственности является необходимость установления причинной связи. Без причинной связи нельзя дать правильную квалификацию преступления. Установление причинной связи между действиями лица и наступившими последствиями в большинстве случаев не представляет затруднений. Чаще всего следователь или судья применяют понятие причинной связи, даже не замечая этого. Однако причинную связь не всегда легко определить. В ряде случаев решить вопрос о наличии или отсутствии причинной связи невозможно без обращения к теории. Однако в теории уголовного права нет однозначного решения этой проблемы. Предлагаются различные теории причинной связи. Во многих уже в названии (теория необходимости и случайности, возможности и действительности) просматривается больше философский, чем практический аспект. Эти теории отвечают на многие философские вопросы, но на основной практический вопрос, как же все-таки определить причинную связь, ответа не дают.

Но в некоторых случаях на практике вопрос о причинной связи вызывает значительные затруднения. И решается он чаще всего на основании самой простой и самой удобной для практики теории — теории прямой или непосредственной причинной связи.

В самом деле, определить причинную связь с помощью этой теории довольно просто: «Необходимо, чтобы деяние было непосредственной причиной общественно опасного последствия»⁶¹⁷.

Не говоря уже о том, что с помощью этой теории нельзя обосновать ответственность второстепенных соучастников (они не являются непосредственной причиной результата), с ее помощью невозможно обосновать во многих других случаях и ответственность исполнителей.

Причинная связь объективна, она существует вне нашего сознания между явлениями внешнего мира. В частности, в уголовном праве нас интересует связь между действием человека и

⁶¹⁷ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Б.В.Здравомылова. С. 150.

материальными последствиями (смертью, телесными повреждениями, уничтожением или повреждением имущества и т. п.).

При исследовании проблемы причинной связи в уголовном праве необходимо твердо помнить, что установление причинной связи между действием человека и наступившим изменением внешнего мира, подпадающим под объективные признаки состава преступления, описанного в уголовном законе, еще не решает проблему ответственности. Кроме этого требуется установление объективной общественной опасности деяния и виновности лица. Причинная связь лишь объясняет происхождение одного явления от другого и вовсе не содержит каких-либо оценочных моментов, на основании которых, без привлечения других предпосылок уголовной ответственности, можно было бы добиться справедливых и соответствующих правосознанию решений. Причинная связь устанавливает чисто объективный предел ответственности: нельзя ставить вопрос об общественной опасности деяния и виновности лица, если действие лица не содействовало наступлению последствия.

При совершении любого целенаправленного действия человек использует законы внешнего мира, механическую, физическую и т. п. причинность. То же самое имеет место и при совершении преступления. И здесь человек для достижения своей преступной цели использует законы объективного внешнего мира.

Прежде чем установить существование причинной связи, необходимо хорошо представлять себе начальный и конечный моменты, между которыми эта связь устанавливается, при каких условиях человеческое действие может быть признано причиной наступившего результата и, следовательно, объективным основанием уголовной ответственности.

Из всех многочисленных факторов, обусловивших наступление определенного события, нас интересует лишь поступок человека, а из всех многочисленных последствий человеческого поступка — лишь то последствие, которое в соответствии с законом обосновывает уголовную ответственность или влияет на размер этой ответственности.

Но приступая к исследованию самой причинной связи между этими явлениями, криминалист прежде всего должен иметь в виду, что ни одно явление не представляет собой следствия одной единственной, изолированно действующей причины. Принцип изолирования причины и следствия вовсе не означает того,

что рассматриваемые в качестве причины и следствия явления на самом деле существуют изолированно и что какое-либо явление может вызвать другое явление вне определенных условий места и времени. Отсюда мы приходим к выводу, что причинная связь не может быть понята и установлена вне изучения взаимодействия явлений.

Причинная связь должна мыслиться именно включенной во взаимодействие явлений. Под причиной должна пониматься вся совокупность необходимых условий, без любого из которых явление-следствие не могло бы возникнуть, а не одна изолированно взятая сила, которая в скрытом виде пребывала в каком-либо теле и лишь получила внешний толчок. Любое условие, без которого явление-следствие не наступило бы, включено в общую причинную цепь, т. е. является необходимым условием наступления следствия.

Указанное положение сохраняет значение и в том случае, когда речь идет о причинении поступком человека общественно опасного последствия. Человек действует в определенных условиях места и времени. Существующие в момент действия или наступившие позднее обстоятельства, разумеется, оказывают воздействие на развитие причинного ряда в ту или иную сторону. Понятно поэтому, что поступок человека никогда не бывает единственной причиной наступившего в объективном внешнем мире изменения. «Поскольку преступник никогда не действует независимо от существующих в том или ином случае условий места и времени, то эти условия оказывают более или менее определяющее влияние на конкретный ход приведенной преступником в движение причинной цепи во всех ее отдельных звеньях, и эта причинная связь в своем исходе зависит от этих условий»⁶¹⁸.

Еще одним важным моментом при определении причинной связи является строгая временная последовательность деяния и следствия. То есть «для того, чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности за конкретное преступление, надо установить, что деяние, образующее объективную сторону этого преступления, во времени предшествовало общественно опасным последствиям»⁶¹⁹.

⁶¹⁸ Ренненберг И Указ. соч. С. 61.

⁶¹⁹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Б.В. Здравомы-слова. С. 147.

Вообще-то данный критерий определения причинной связи не подвергается сомнению ни на практике, ни в теории, поэтому нет особой необходимости уделять ему повышенное внимание. На наш взгляд, более подробно должен быть рассмотрен следующий аспект причинной связи, потому что нередко именно он остается за пределами теоретического исследования.

При решении вопроса о причинной связи в праве надо прежде всего поставить вопрос, является ли действие человека необходимым условием наступившего последствия. В случае положительного ответа на данный вопрос причинную связь между действиями человека и наступившими общественно опасными последствиями следует считать установленной. При этом причинная связь признается и тогда, когда действие человека сыграло незначительную роль в осуществлении последствия, когда последствие наступило лишь благодаря присоединению к деятельности человека каких-либо внешних условий, независимо от того, заключаются ли эти условия в особых свойствах объекта посягательства или в действиях других лиц, или же во вмешательстве сил природы.

А. наносит С. легкую рану, и последний погибает во время пожара в больнице, где он находился на излечении от полученного ранения. Причинная связь между действием А. и смертью С. имеется, так как рана, нанесенная А., является одним из необходимых условий смерти С. Если бы рана не была нанесена, то не наступила бы смерть.

Отсюда следует вывод: если действие человека было одним из необходимых условий, *conditio sine qua* поп наступившего результата, т. е. совместно с другими факторами причинило общественно опасное последствие, то такое действие включено в причинную цепь и должно быть признано достаточным для обоснования наличия причинной связи между действием и преступным последствием.

Положение о том, что человеческое действие не может находиться в причинной связи с наступившим общественно опасным последствием, если оно не было необходимым условием этого последствия, признавалось всеми советскими криминалистами, в том числе и теми, кто пытался затем установить пределы уголовно-значимой причинной связи, считая возможным вменять лишь «необходимые» или «закономерные» последствия деяния человека.

«Любое условие, без которого результат не наступил бы, — правильно писала Т.В.Церетели, — имеет каузальное значение, и поэтому для установления причинной связи между действием человека и общественно опасным последствием достаточно констатировать, что действие человека было необходимым условием его наступления»⁶²⁰.

А.Н.Траинин и В.Н.Кудрявцев считали, что если поступок лица был необходимым условием наступившего вредного последствия, то этого достаточно для признания причинной связи в уголовном праве. Но как установить, был ли поступок лица необходимым условием наступившего последствия?

По нашему мнению, поступок лица должен быть признан необходимым условием наступившего изменения во внешнем мире, когда при отсутствии этого действия изменения не произошло бы.

Чтобы выяснить, произошло бы или нет изменение во внешнем мире при отсутствии действия, вполне допустимо пользоваться методом мысленного исключения данного действия из общей причинной цепи. Если при таком исключении окажется, что последствие все равно наступило бы и притом именно в том порядке, в каком оно осуществилось в действительности, то это, бесспорно, подтверждает, что исследуемое действие человека не было необходимым условием наступившего последствия, не входило в число обстоятельств, сделавших возможным результат. Если же, наоборот, окажется, что при отпадении действия последствие или вовсе не наступило бы или наступило бы в ином порядке, чем оно произошло на самом деле, то это доказывает, что действие лица было одним из необходимых условий этого последствия.

Это правило можно сформулировать следующим образом.

Если, мысленно выделив интересующее нас явление (применительно к праву — действие человека) из всей суммы предшествующих факторов, мы найдем, что последствие не произошло бы или произошло бы иным путем или в иное время, то следует признать, что данное явление (действие) является условием данного последствия.

Если же окажется, что последствие наступило бы в том же порядке, то это значит, что действие не является условием последствия и между ними нет причинной связи.

⁶²⁰ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 193.

То есть, если комбинация А В С дает явление А, а комбинация А В не дает этого результата, то это служит доказательством того, что явление (действие) С является условием последствия А.

Согласно этому правилу, в тех случаях, когда действие лица не было необходимым условием наступившего результата, существование причинной связи между ним и последствием следует, безусловно, отвергнуть.

Проверим это на следующем примере.

5 сентября 1985 г. Евдокимов пришел домой сильно пьяный, учинил скандал с женой. Евдокимова, не выдержав оскорблений, ударила его сковородкой по голове и убежала из дома. Вернувшись вечером домой, она нашла его на кухне мертвым.

Евдокимова была привлечена к уголовной ответственности за умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения по ст. 104 УК РСФСР (ст. 107 УК РФ). Однако экспертиза установила, что смерть Евдокимова наступила от алкогольной интоксикации. Таким образом, причинной связи между деянием и смертью ее мужа нет. Поэтому дело в отношении нее было прекращено⁶²¹.

Нет причин главных и второстепенных — все они одинаково необходимы для воспроизведения явлений⁶²². Другими словами, каждое условие, без которого последствие не могло бы возникнуть, находится со всеми остальными в неразрывной связи. При отпадении любого из необходимых условий «все остальные условия превращаются в инертную массу, не способную произвести данное явление»⁶²³.

Таким образом, говорить о причинной связи между действием человека и наступившим последствием можно во всех тех случаях, когда это действие было необходимым предшествующим условием результата. Согласно отстаиваемой нами позиции причинная связь не исключается:

– если результат наступил лишь благодаря особым свойствам физической или психической конституции потерпевшего;

– если между первоначальным действием и наступившим результатом вклиниваются другие силы: силы природы или деятельность других лиц, в том числе самого потерпевшего и т. п.;

– наконец, и сознательная волевая деятельность исполнителя не прерывает причинной связи между действиями соучастников и наступившим последствием.

Причинная связь является признаком объективной стороны состава преступления. Поэтому основной вопрос — об установлении причинной связи между совершенным лицом противоправным деянием и наступившими последствиями — решают следственные органы и суд на основе экспертных заключений и других доказательств.

Чтобы решить его, необходимо соблюдать ряд условий (правил), которыми следует руководствоваться при определении причинной связи.

Поскольку причинная связь есть процесс, протекающий во времени, то первое условие, которому она должна удовлетворять, — чтобы деяние предшествовало во времени преступному последствию.

По приговору Новгородского областного суда был осужден Грунтман по ч. 1 ст. 102 УК РСФСР (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и Строганов по ст. 15 и ч. 1 ст. 102 УК РСФСР (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

В процессе ссоры с Пановым Грунтман ударил его молотком в висок. Через некоторое время в вагончик зашел Строганов. Увидев лежащего на кровати Панова и испытывая к нему неприязненные чувства, ударил его топором по голове⁶²⁴.

Экспертиза установила, что смерть Панова наступила от оскольчатого перелома височной кости, т. е. от удара молотком, нанесенного Грунтманом.

Поэтому суд правильно признал причинную связь только между ударом Грунтмана и смертью Панова, и правильно осудил Грунтмана за умышленное убийство, а Строганова — за покушение на него.

Второе условие (правило) определения причинной связи в уголовном праве — применение принципа искусственного изолирования явлений. Этот принцип означает, что для установления причинной связи необходимо, с одной стороны, изолировать поведение подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), с

⁶²¹ Дело № 16405 // Архив Следственного управления ГУВД Ленинграда за 1986 г.

⁶²² Сергеевский Н.Д. О значении причинной связи в уголовном праве. С. 26.

⁶²³ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси, 1957. С. 39.

⁶²⁴ Дело № 04-12 // Архив Новгородского областного суда за 1995 г.

другой — наступивший результат. Вопреки мнению А.Быкова, который писал, что «при анализе причинных связей принимаются во внимание не только достоверно установленные, но и возможные причинные связи»⁶²⁵, во внимание принимаются только достоверно установленные действия и последствия.

Третье правило заключается в том, что при исследовании причинной связи нужно идти от последствия к деянию. Это обусловлено не только тем, что в следственной практике расследование преступлений, повлекших вредный результат, начинается с факта обнаружения этого результата, но прежде всего тем, что причинная связь состоит из многих звеньев и познать ее можно только пройдя от одного звена к другому. «Причинная связь, — писал В.Н.Кудрявцев, — это не только связь между «рядом стоящими» событиями. Весьма часто причина и следствие отделены друг от друга цепочкой других явлений»⁶²⁶.

Поэтому не правы те юристы, которые считают, что «уголовная ответственность за наступившие последствия наступает лишь в тех случаях, когда действия отделены от последствий не более чем одним звеном причинно-следственной связи»⁶²⁷.

Таких звеньев может быть несколько. Другое дело, что «двигаясь по криминогенной цепи от следствия к его причинам важно помнить, что причинная связь необратима»⁶²⁸, и поэтому необходимо соблюдать строгую последовательность перехода от одного звена к другому.

Сначала следователь должен установить ближайшую, т. е. непосредственную причину наступления вреда. Затем логично совершается переход к причине второго, третьего и следующего порядков.

Рассмотрим пример.

Орешкин, работавший инструктором автомотоклуба ДОСААФ, на учебной грузовой машине отрабатывал с курсантом Григорьевым упражнения по практической езде. Он допустил к управлению автомашиной Григорьева, не имеющего доста-

точных навыков управления, и разрешил ехать в кузове автомашины двум гражданам, Шкуруину и Родионову. Попав в ледяную колею, машина перевернулась, и один из пассажиров, Шкуруин, погиб»⁶²⁹.

Непосредственной причиной смерти было падение самого Шкуруина и попадание его под колеса автомобиля. Но этого бы не произошло, если бы Григорьев справился с управлением. Значит, его поведение будет причиной второго порядка. В свою очередь, аварии бы не произошло, если бы Орешкин не доверил руль автомобиля малоопытному курсанту и не посадил в нарушение Правил дорожного движения в кузов автомашины, не оборудованной для перевозки людей, двух пассажиров. Поэтому его действия следует признать причиной третьего порядка.

Суд первой инстанции признал виновным Григорьева, исходя из того, что в момент аварии именно он находился за рулем автомашины и именно его действия были непосредственной причиной смерти Шкуруина.

Верховный Суд РСФСР правильно не признал эти обстоятельства решающими и провел исследование причинной связи дальше. Он признал виновным по ч. 2 ст. 211 УК РСФСР (ч. 2 ст. 264 УК РФ) Орешкина, освободив одновременно от ответственности Григорьева (ввиду отсутствия вины).

Для того, чтобы определить то или иное явление как причину, необходимо применить четвертое, так называемое «золотое правило причинности». Пользуясь этим правилом, можно решить любое, даже самое сложное дело.

Ворошиловским районным судом Москвы Шешеня осужден по ст. 106 УК РСФСР (ч. 1 ст. 109 УК РФ).

Во время ссоры Шешени с Курицыным Шешеня ударил последнего по голове, причинив ему телесные повреждения (ушиб мягких тканей головы), что повлекло кровоизлияние в мозг и наступление смерти.

В заключении судебно-медицинской экспертизы указывалось, что определяющим моментом в развитии кровоизлияния, приведшего к смертельному исходу, была патология артериальных сосудов основания головного мозга.

Как указал Президиум городского суда в своем решении, «из этого следует, что Шешеня, не знавший о наличии у Курицына

⁶²⁵ Быков А. Установление причинной связи в практике арбитража // Советская юстиция. 1969. № 8. С. 11.

⁶²⁶ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 188.

⁶²⁷ Лысов М. Причинная связь по делам о преступлениях должностных лиц // Советская юстиция. 1970. № 19. С. 16.

⁶²⁸ Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 12.

⁶²⁹ Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. М., 1991. С. 255–256.

патологических изменений сосудов головного мозга, ударив его рукой по лицу, не только не предвидел возможность наступления смерти потерпевшего, но и не мог предвидеть. При таких конкретных обстоятельствах не имеется оснований для признания причинной связи между нанесением удара Шешенеи и наступившими последствиями, вследствие чего дело в отношении Шешени подлежит прекращению»⁶³⁰.

И опять определение причинной связи (заметим — категории объективной) ставится в зависимость от возможности предвидеть наступление результата (т. е. субъективного фактора). Хотя ясно, что без удара Шешени (и это указано в заключении судебно-медицинской экспертизы) смерть не наступила бы. Поэтому Шешеня не подлежит ответственности не из-за причинной связи, как признал суд (причинная связь как раз имеется), а за отсутствием вины.

Однако следует всегда помнить, что последующие действия самого потерпевшего или иных лиц могут прервать причинную связь. В этом случае последствия могут быть и не вменены виновному.

Гулиев был признан виновным в нанесении ножевого ранения Нуралиеву, который впоследствии скончался. Суд первой инстанции осудил Гулиева за умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего. Однако приговор суда был опротестован на основании отсутствия причинной связи между нанесенным ранением и наступившей смертью потерпевшего. После ранения Нуралиеву была произведена операция и он был выписан из больницы в удовлетворительном состоянии. В результате приема после операции недозволенной пицци, что было установлено судом, состояние Нуралиева ухудшилось и после двукратного хирургического вмешательства он умер. Суд решил, что при таких обстоятельствах нет оснований считать, что смерть Нуралиева наступила в результате тяжкого телесного повреждения, причиненного ему Гулиевым»⁶³¹.

Итак, для установления причинной связи по уголовным делам в деятельности правоохранительных органов необходимо:

1) установить, что деяние предшествовало по времени преступному последствию;

2) изолировать (мысленно) поведение виновного и наступивший результат;

3) при исследовании причинной связи идти от последствия к деянию;

4) применить правило «мысленного исключения», согласно которому причинная связь признается только тогда, когда без интересующего нас деяния результат невозможен;

5) в некоторых случаях (при бездействии, соучастии) использовать теорию информационной причинности.

И не следует забывать, что причинная связь не предрешает вопрос об ответственности — для этого необходимо наличие вины. А последнюю нельзя смешивать с причинностью. Только при соблюдении этих условий можно считать правильным установление причинной связи в деятельности правоохранительных органов⁶³².

4.4. Проблема причинности при бездействии

Проблема причинности при бездействии является, пожалуй, самой сложной и спорной проблемой уголовного права. Причем как для ее решения, так и самого подхода к ней наметились два диаметрально противоположных направления. Вот уже на протяжении ста пятидесяти лет споры ведутся вокруг одного вопроса: причиняет ли бездействие? В конце XIX—начале XX в. его решение по значению приравнивалось к изобретению электричества. В попытке получить «славу Эдисона» русские и особенно немецкие юристы выступают с огромным количеством всевозможных теорий.

Видя безуспешность попыток своих коллег, французские и английские юристы отказываются даже от попыток решения этого вопроса, передавая его практике. Но, как писал Б.С.Антимонов, «отодвигая от себя проблему причинной связи,

⁶³⁰ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1984. № 2. С. 8.

⁶³¹ Вопросы уголовного права и процесса в практике прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел. М., 1976. С. 203.

⁶³² Поэтому мы не можем принять критику В.Н.Кудрявцева, высказанную им в рецензии на книгу автора данной главы (Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000), что ограничиваем причинную связь юридическими признаками (Правоведение. 2002. № 2. С. 254–255). Мы ограничиваем не причинную связь, а ответственность.

буржуазный юрист-теоретик проявляет вовсе не доверие к своему коллеге-практику, а только лицемерие и собственную теоретическую беспомощность»⁶³³.

Проблема причинной связи при бездействии берет свое начало с середины XIX столетия. Впервые ее поднял немецкий криминалист Люден в 1836 г. Именно с него начинаются бесплодные поиски причиняющего элемента в бездействии.

Теории, признающие причинную связь при бездействии, занимают господствующее положение в российской правовой науке.

Большинство криминалистов, представителей общей теории права и цивилистов исходят из того, что бездействие является определенной формой поведения, которое, как и действие, включается в систему общественных отношений, следовательно, при определенных условиях может влиять на поведение. Этой точки зрения придерживались П.Г.Семенов⁶³⁴, Г.К.Матвеев⁶³⁵, И.С.Самощенко⁶³⁶, А.А.Пионтковский⁶³⁷, О.С.Иоффе⁶³⁸, В.А.Тархов⁶³⁹, Т.В.Церетели⁶⁴⁰.

Специально-правовые теории

На первый взгляд, если признать причинение бездействием, то следует признать причиной каждого общественно опасного результата все население земного шара, так как бездействовали все. Но такое решение, естественно, не может быть принято. Поэтому, чтобы признать причиной этого результата не всех бездействующих, а только некоторых из них, и применяют раз-

личные ограничительные теории. Самыми простейшими из них и в то же время самыми, так сказать, «неприкрытыми» являются специально-правовые теории.

Некоторые юристы считают необходимым условием уголовной ответственности установление не естественной, а «специальной юридической» причинной связи.

По мнению М.Н.Меркушева причинная связь есть только виновная связь⁶⁴¹.

П.С.Дагель пишет, что субъективная или, как он еще называет, «целеполагающая» деятельность человека может изменять объективный процесс детерминации⁶⁴².

М.Д.Лысов предлагает определять наличие причинной связи в зависимости от общественной опасности деяния⁶⁴³.

Однако отрицание объективной закономерности, естественной причинной связи и, наоборот, признание «юридически значимых» связей несовместимы с материализмом и ведут вне зависимости от того, признают это авторы или нет, к идеализму.

Именно идеалисты признавали всегда причинность бездействия и именно потому, что причинность, в их понимании, не объективная, а субъективная категория. Именно они признают причинную связь в смысле уголовного, гражданского права, связь, отличную от естественнонаучной. Они прямо заявляют, что когда речь идет о причинной связи, то имеется в виду не причинная связь в общеправовом смысле, а специальная уголовно-правовая причинная связь⁶⁴⁴.

Именно поэтому, по их мнению, признается причинная связь между бездействием и последствием⁶⁴⁵.

Но нет и не может быть особых учений о причинной связи в отдельных научных дисциплинах. Не может быть поэтому особого учения о причинной связи в уголовном праве. Есть одно единое философское понимание причинной связи, и только это

⁶³³ Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. С. 137.

⁶³⁴ Семенов П.Г. Указ. соч. С. 274.

⁶³⁵ Матвеев Г.К. Теоретические вопросы причинности бездействия // Советское государство и право. 1962. № 10. С. 57.

⁶³⁶ Самощенко И.С. О причинении вреда противоправным бездействием // Учен. зап. ВИЮН. 1963. Вып. 17. С. 19.

⁶³⁷ Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 227–232.

⁶³⁸ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 210–219.

⁶³⁹ Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 133–136.

⁶⁴⁰ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 245–252.

⁶⁴¹ Меркушев М.Н. Указ. соч. С. 4–5.

⁶⁴² Дагель П.С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. С. 31.

⁶⁴³ Лысов М.Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. Казань, 1972. С. 126.

⁶⁴⁴ Hall J. General Principles of Criminal Law. NY., 1960. P. 196.

⁶⁴⁵ Сайто К. Японское уголовное право // Современное зарубежное уголовное право М., 1997. Т. 1. С. 320.

понимание должно лечь в основу конструкции причинной связи специальными дисциплинами, в частности, уголовным правом.

Теория информационной причинности

Иногда ее называют «мотивирующей»⁶⁴⁶. И хотя она не нова, и сторонники каузальности бездействия не раз высказывали мысли, составляющие основу этой теории⁶⁴⁷, однако только в последнее время она приняла, так сказать, «юридический статус» в концепции А.Ф. Парфенова⁶⁴⁸ и получила философско-правовое обоснование в работах Н.Н.Ярмыш.

В свое время В.Н.Кудрявцев писал, что «перенос информации — типичное свойство причинности в сфере общественных явлений»⁶⁴⁹ и «что бездействие, будучи пассивным, с энергетической точки зрения обладает определенными активными свойствами в информационном плане»⁶⁵⁰. Эту мысль поддержал М.С.Гринберг: «Бездействие, в механическом значении этого слова, являясь противоположностью действию источнику энергии, лишено причиняющей способности (обратим внимание на это положение. — В.М.). В отличие от него бездействие-сигнал выполняет ту же функцию, что и сигнальное действие, т. е. несет информацию, и в этом плане его причиняющая сила не отличается от причиняющей силы бездействия»⁶⁵¹.

Признавая, что в природе бездействие лишено причиняющего значения, представители данной концепции утверждают, что в обществе, состоящем из познавательных членов, бездействие одного лица может определенным образом обуславливать поведение другого лица, заставить его действовать или, наоборот,

бездействовать, т. е. является причиной именно такого его поведения⁶⁵².

Не оспаривая правомерность выделения информационной причинной связи⁶⁵³, более того, соглашаясь с ее существованием в общественных явлениях, и, в частности, в праве, тем не менее сделаем ряд замечаний, касающихся как существа такой связи, так и ее применения.

Диалектико-материалистическая теория познания исходит из единства физического и психического. Все психические процессы в человеке представляют собой отражение объективной действительности, в том числе и деяний других людей. «Все, что побуждает человека к деятельности, — писал Ф.Энгельс, — должно проходить через его голову <...> Воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли, словом — в виде «идеальных стремлений», и в этом виде они становятся «идеальными силами»⁶⁵⁴.

«Любые внешние сигналы, любая информация может, но, с нашей точки зрения, далеко не всегда действительно является причиной ответных реакций другого человека. И вот почему. Специалисты предупреждают: решая вопрос о влиянии того или иного фактора на живой организм вообще (не говоря уже о человеке), исследователь должен учитывать, что взаимодействие организма с этим «раздражителем» вовсе не механическое. Суть его заключается в том, что изменяющее воздействие внешнего фактора преломляется через специфическую внутреннюю среду живой системы, которая не пассивно воспринимает это влияние, а через обменные процессы активно, в соответствии со своей

⁶⁴⁶ Тимейко Г.В. Причинная связь и проблема ответственности при бездействии // Вопросы уголовного права. М., 1966. С. 88.

⁶⁴⁷ Напр., В.Н.Кудрявцев, Г.В.Тимейко и др.

⁶⁴⁸ Так как его позиция была изложена ранее, мы не будем сейчас на ней останавливаться.

⁶⁴⁹ Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 14.

⁶⁵⁰ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968. С. 93.

⁶⁵¹ Гринберг М.С. Преступления против общественной безопасности: Учеб. пособие. Свердловск, 1974. С. 65.

⁶⁵² Волков В.С. Указ. соч. С. 17; Пионтковский А.А. Учение о преступлении. С. 227; Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 261–262; Гиднев П. Причинная связь в социалистическом уголовном праве // Вопросы уголовного права стран народной демократии. М., 1963. С. 301; Кудрявцев В.Н. Противоправное бездействие и причинная связь // Советское государство и право. 1967. № 3. С. 65.

⁶⁵³ Точнее, на наш взгляд, называть ее просто информационной связью без добавления слова «причинная», как точнее называть вероятностную причинную связь — вероятностной связью, статистическую причинную связь — статистической связью и т. д.

⁶⁵⁴ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 290.

наследственной природой, реагирует на него», — пишет Г.В.Тимейко⁶⁵⁵.

Мы полностью согласны с ним, что в таких ситуациях «объективная причинная связь с наступившими общественно опасными последствиями порождается только действиями лица, переработавшего в своем сознании полученную информацию...»⁶⁵⁶

Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его. Именно поэтому человек, получивший какую-либо информацию, не становится бездумным и бездушным автоматом, действующим по системе заложенных в нем рычагов и механизмов⁶⁵⁷. Признать причиной поведения одного лица поведение другого — значит отрицать сознательный характер человеческого поведения вообще.

Поведение лица может обуславливать, а может и не обуславливать поведение другого, а значит, поведение может быть, а может и не быть такой причиной.

Причем — и это является основным аргументом против этой теории — бездействие причиняет не непосредственно, а лишь опосредованно, проходя через голову другого лица. Оно изменяет не внешний мир, не природу, не вещи, а сознание другого лица (да и то не всегда). Человек может сообразовывать свое поведение не только с поведением других людей, но и с поведением животных и даже с «бездействием» неживой природы. Увидев на дороге лежащий камень, он обходит его. Разве камень не изменил его движения, не стал «причиной» этого изменения?

С этим согласна и Н.Н.Ярмыш⁶⁵⁸. В свою очередь, мы можем с ней согласиться, что «пассивное поведение, “бездействие”, активно отразившись в сознании человека, может выступать в качестве причины изменений его поведения». И хотя Н.Н.Ярмыш признает причиняющую роль бездействия, однако такое признание дорого стоит.

«Из всего сказанного ранее наша позиция по поводу причиняющих свойств бездействия наверно уже достаточно ясна, — пишет она. — И мы не можем согласиться с тем, что бездействие способно выступать в качестве причиняющего фактора ина-

че, как воздействуя на сознание. Любые другие его варианты, с нашей точки зрения, причиняющими свойствами обладать не могут. Таким образом, мы не отрицаем причинности при бездействии (хотя для нас оно служит не причиной как таковой, а носителем причины). Но сферу такой причинности ограничиваем лишь узкой областью. Бездействие, лишенное информативности — активного, действительного, силового, производительного, т. е. порождающего начала, не способно служить причиной каких бы то ни было изменений в окружающем мире (как в естественной, так и в социальной его сферах)»⁶⁵⁹..

Но уточним, что бездействие причиняет не непосредственно, а лишь опосредованно, проходя через голову другого лица. Оно изменяет не внешний мир, не природу, не вещи, а сознание другого лица (да и то не всегда). Человек может сообразовывать свое поведение не только с поведением других людей, но и с поведением животных, и даже с «бездействием» неживой природы. Увидев на дороге лежащий камень, он обходит его. Разве камень не изменил его движения, не стал «причиной» этого изменения?

Показательным в этом отношении является дело Кубаева и Котегова.

23 ноября 1977 г. в 22 часа Кубаев следовал на закрепленной за ним автомашине марки ЗИЛ-130 по трассе Черкесск — Урун. В связи с тем, что в пути следования кончился бензин, Кубаев оставил машину на проезжей части дороги, не поставив знак аварийной остановки. Водитель автомашины ЗИЛ-131 Котегов, следовавший в том же направлении, объезжая машину Кубаева, столкнулся со встречной автомашиной ВАЗ-2102, водитель которой, Башкиев, от полученных повреждений скончался. Оба были осуждены народным судом по ч. 2 ст. 211 УК РСФСР (ст. 264 УК РФ). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор в отношении Кубаева отменила, указав, что хотя Кубаев и нарушил п. 106 и 136 Правил дорожного движения, однако не эти нарушения явились причиной автотранспортного происшествия. Котегов своевременно увидел машину Кубаева, следовательно, мог оценить дорожную обстановку и предотвратить аварию. Он же не снизил скорость

⁶⁵⁵ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 120.

⁶⁵⁶ Там же.

⁶⁵⁷ Там же. С. 121.

⁶⁵⁸ Ярмыш Н.Н. Указ. соч. С. 295–296.

⁶⁵⁹ Там же. С. 362, 460.

движения и выехал на полосу встречного движения. Именно эти нарушения и явились причиной смерти потерпевшего⁶⁶⁰.

Согласно теории информационной причинности, ответственность в данном случае должен нести Кубаев, а не Котегов, так как нахождение на проезжей части автомашины обусловило поведение Котегова, он стал ее объезжать.

Данный пример наглядно показывает ошибочность распространения теории информационной причинности на все случаи преступных деяний.

Слабость данной теории — воздействие информации не на материальный мир, а на сознание людей — является ее же сильной стороной. И, как мы уже говорили, без нее также нельзя обосновать ответственность соучастников. В этом случае бездействие не может быть такой причиной, так как необходима передача информации, а не просто получение ее из окружающей среды.

Теория «пассивной среды»

В.Н.Кудрявцев признает, что в некоторых случаях (например, при халатности) нет ни энергетического, ни информационного воздействия. Наличие причинной связи в этом случае он связывает с особым, пассивным состоянием окружающей среды, причем и причина, и последствие являются не чем иным, как «ничем» — П–П (пассивное поведение — пассивный результат), как пишет сам Кудрявцев.

Бездействие признается частным случаем покоя. Покой же имеет свои собственные причины. Внешней причиной покоя «может быть особое состояние окружающей среды, при котором действующие силы взаимно уравновешиваются»⁶⁶¹. А причиной пассивного состояния является пассивное состояние окружающей среды. Под пассивным последствием В.Н.Кудрявцев понимает ненаступление изменений в другом явлении. «Следовательно, — пишет он, — пассивное состояние одного явления может (при определенных условиях) рассматриваться как при-

чина пассивного состояния другого (т. е. ненаступления изменений в другом явлении)»⁶⁶².

Суть этой теории в переводе на простой язык — ни от чего не происходит ничего, но ничто и есть причина этого ничего.

Но ни причина, ни следствие не могут быть определены как «ничто». Причина события должна быть некоторым изменением и, следовательно, не может относиться к постоянной части условий. Многие философы придают важное значение этому критерию. В.Я.Перминов полагает даже, что представление об изменении может служить достаточным критерием для указания причины⁶⁶³.

Кроме того, как мы уже указывали, бездействие — не пассивное поведение, а невыполнение требуемого законом действия.

Правильно указывает Г.В.Тимейко, что о «причине» мы можем говорить только тогда, когда имеется результат, а пока его нет, ничто не может быть названо причиной; точно так же нельзя признавать последствием ненаступление определенного результата, так как в этом случае никакого вреда объекту не причиняется, во внешнем мире все остается по-прежнему⁶⁶⁴.

Теория «возможности»

Чтобы не признать причиной результата всех, кто бездействовал, т. е. неограниченный круг лиц, предлагаются в основном два ограничения: обязанность действовать и ее возможность. Отсюда и выдвигаются две теории, в основе одной — критерий обязанности действовать, а другой — критерий возможности.

Первую мы рассмотрим ниже, сейчас же остановимся на второй. Ее основные сторонники Г.К.Матвеев и В.Н.Кудрявцев пришли к ней двумя путями.

Г.К.Матвеев, неудовлетворенный нормативной теорией, но в то же время не желая отступать от общего принципа причинности бездействия, считает, что нельзя видеть в бездействии только юридическое понятие; кроме него, имеет место и простое (безразличное, с правовой точки зрения) бездействие. «Возмож-

⁶⁶² Там же. С. 322.

⁶⁶³ Перминов В.Я. Указ. соч. С. 25.

⁶⁶⁴ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 118–119.

⁶⁶⁰ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1979. № 4. С. 7–8.

⁶⁶¹ Кудрявцев В.Н. Противоправное бездействие и причинная связь. С. 17.

но, что именно в признании простого бездействия и состоит залог успешного решения рассматриваемой проблемы», — делает вывод Г.К.Матвеев⁶⁶⁵.

Однако и такое бездействие не всегда, по его мнению, влечет противоправный результат. Если к регулировщику уличного движения подходит знакомый и отвлекает его разговорами, а в это время происходит столкновение машин, то в причинной связи с результатом будет находиться не только бездействие регулировщика, но и бездействие всех, кто мог предотвратить аварию. Обвиняя затем юристов, что они для определения причинной связи вырывают из этого комплекса обычно только два факта (противоправное бездействие и вред), абстрагируясь от множества других фактов и явлений, и всегда поэтому несколько упрощают взаимосвязь между ними, Г.К.Матвеев предлагает рассматривать бездействие в системе, во взаимодействии различных связей⁶⁶⁶.

В.Н.Кудрявцев подходит к этой теории, рассматривая границы пассивной среды, которую он считает причиной пассивного результата⁶⁶⁷. «Эти границы, — пишет он, — определяются скоростью распространения процессов, которые могут повлиять на наступающий результат»⁶⁶⁸, и для пояснения приводит следующий пример.

На берегу реки сидят несколько человек, причем часть из них умеет плавать хорошо, часть хуже, а некоторые не умеют плавать вообще. Тонет человек, но никто ему не помогает. Спрашивается: чье бездействие находится в причинной связи с его смертью?

Причиной смерти потерпевшего, считает В.Н.Кудрявцев, явилось пассивное состояние внешней среды, в которую входили люди, которые могли спасти утопающего.

Казалось бы, достаточно четко определен круг лиц, причинивших вред. Но на этом Кудрявцев не останавливается, считая, что «указанный круг еще достаточно обширен», и предлагает

---

⁶⁶⁵ Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. С. 131.

⁶⁶⁶ Там же. С. 130–131.

⁶⁶⁷ Интересно проследить связь между предлагаемыми им теориями: если не действует одна теория (информационной причинности), действует другая теория — теория пассивной среды, но чтобы она действовала, необходима третья — теория «возможности» и т. д.

⁶⁶⁸ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968. С. 97.

еще одну теорию, основанную на взаимодействии и системном подходе к явлению. В итоге он приходит к выводу, что в причинной связи с результатом стоит тот, кто должен был действовать, т. е. к нормативной теории⁶⁶⁹.

Прежде всего два предварительных замечания. Во-первых, «просто» бездействия, как пишет Г.К.Матвеев, не существует. «В поведении человека, рассматриваемом на физическом уровне, т. е. как механическое взаимодействие его с другими лицами и предметами, нет места бездействию...» — писал А.А.Тер-Акопов⁶⁷⁰. Бездействие — и это мы неоднократно подчеркивали — не просто «ничегонеделание», а невыполнение юридически обязательных действий. Даже существование аморального бездействия должно связываться с невыполнением моральных норм. Во-вторых, Г.К.Матвеев обосновывает наличие причинной связи возможностью прервать ее. Но это значит, что причинная связь уже существует (раз ее можно прервать). Да и существует она не между бездействием лиц, которые могут лишь прервать ее, т. е. создать новую причинную связь, а между действиями других лиц, которые создали ее, и наступившим результатом.

Основной же недостаток рассматриваемой теории заключается в том, что вопрос о наличии или отсутствии причинной связи при бездействии (заметим — не вопрос об ответственности, а именно — вопрос о причинной связи) ставится в зависимость от возможности лица предотвратить последствие. «Но критерий “мог”, — писал Г.В.Тимейко, — это критерий субъективный, говорящий о наличии вины, но не причинной связи при бездействии»⁶⁷¹. Следовательно, признание причинителем того, кто мог предотвратить вред, ставит наличие причинной связи как объективной категории в зависимость от субъективного момента, т. е. вины.

Положение этой теории «кто мог отклонить последствие, тот причинил его», означает, что если, например, дерутся два мальчика, которых я легко могу разнять, то дальнейшие побои причинены мною умышленно.

---

⁶⁶⁹ Там же.

⁶⁷⁰ Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. С. 38.

⁶⁷¹ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 149.

Нормативная теория или теория «обязанности»

Мы уже говорили, что, признавая каузальность бездействия, необходимо ответить на вопрос, чье бездействие породило результат, ибо бездействовал весь мир. Самый простой и самый легкий ответ — причиняет тот, кто должен был действовать. Простой — потому что не нуждается в теоретических доказательствах, а легкий — потому, что, говоря о преступном бездействии, не нужно каждый раз отделять причинность от противоправности⁶⁷².

«Для решения вопроса о наличии или отсутствии причинной связи при бездействии, — пишут М.И.Ковалев и П.Т.Васьков, — суд, констатируя наличие обстоятельств, которые повлекли или могли повлечь тяжелые последствия, должен установить: лежала ли на лице, привлеченном к уголовной ответственности, обязанность предотвратить наступление этих последствий. Отрицательный ответ на этот вопрос означает отсутствие причинной связи между бездействием лица и наступившими последствиями»⁶⁷³. Так же считают А.А.Пионтковский⁶⁷⁴ и П.Г.Семенов⁶⁷⁵.

Но простота и практическое удобство не должны заменять истинности теории. Еще в конце 40–начале 50-х гг. эта теория подверглась столь уничтожительной критике со стороны М.Д.Шаргородского и Г.К.Матвеева, что рецидивы ее крайне редки⁶⁷⁶.

Например, М.Д.Шаргородский писал: «Поскольку понятие долга есть понятие нормативное, изменяющееся, постольку ясно, что при одних и тех же обстоятельствах действие, причи-

няющее при одном законодательстве, не будет причинять при другом законодательстве, т. е. причинение становится не объективной, а субъективной категорией»⁶⁷⁷.

Безусловно, наличие обязанности имеет важное значение для решения вопроса об ответственности за бездействие, но не для установления причинной связи.

Теория причинения вреда общественным отношениям

Эта теория является наиболее распространенной, и не только потому, что имеет наибольшее число сторонников. Даже те авторы, которые придерживаются иных теорий, основываются на ее выводах. Она является как бы базой для других теорий каузальности бездействия.

Действительно, пишут сторонники рассматриваемой теории, в природе бездействие лишено причиняющего характера. Иное дело в обществе, где действуют уже не естественные, а общественные связи.

Так, задавая вопрос, чем же обуславливается общественная опасность бездействия, если оно в отличие от действия не связано с передачей материи и энергии от субъекта к объекту, а значит не влияет на изменение последнего, А.А.Тер-Акопов пишет: «Ответ на этот вопрос следует искать, по нашему мнению, в социальной природе бездействия. <...> Вне общественных отношений воздержание человека от каких-либо действий не способно привести к каким-либо общественно значимым последствиям»⁶⁷⁸.

Еще более определенно эту мысль выразила Т.В.Церетели: «В то время как причинная связь положительного человеческого действия может основываться на различных закономерностях — физических, химических, биологических и т. д., причиняющая сила бездействия основывается лишь на общественной закономерности. Бездействие, являясь объективным фактором социальной жизни, приобретает каузальные свойства *только потому* (выделено нами. — В.М.), что лицо находится в определенном положении по отношению к тем или иным общественным отношениям. Именно этот момент активизирует внешне пассивное

⁶⁷² Недаром сторонница данной теории — Т.В.Церетели — заявляет, что «вопросы причинности и противоправности бездействия практически не обсуждаются раздельно» (Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 271).

⁶⁷³ Ковалев М.А., Васьков П.Т. Указ. соч. С. 71.

⁶⁷⁴ Пионтковский А.А. Учение о преступлении. С. 228.

⁶⁷⁵ Семенов П.Г. Проблема причинной связи в советском уголовном праве // Учен. зап. ВИЮН. М., 1958. Вып. 8. С. 281.

⁶⁷⁶ В 70-е годы М.Д.Лысов возвращается к этой теории. (См.: Лысов М.Д. Причинная связь по делам о преступлениях должностных лиц // Советская юстиция. 1970. № 19. С. 16.)

⁶⁷⁷ Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. 1956. № 7. С. 50.

⁶⁷⁸ Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. С. 36–37.

поведение лица при бездействии, придавая ему производящую силу и позволяя рассматривать бездействие в качестве одного из условий наступившего последствия»⁶⁷⁹.

Подобные рассуждения имеются практически во всех работах, где доказывается каузальность бездействия. Из них делается вывод, что «отрицание каузальности бездействия в общественных отношениях неправильно»⁶⁸⁰.

Мы, в принципе, и не отрицаем этого, только речь-то идет о причинной связи между действием и материальными последствиями.

И, как правильно отмечают А.С.Горелик, С.В.Курылев, Г.В.Тимейко, всякое противопоставление общественной причинной связи явлений естественной причинности вносит в учение об объективной причинности элементы субъективной виновности⁶⁸¹.

Теория использования сил и закономерностей природы для причинения вреда

Сторонники этой теории считают, что так как и действие, и бездействие — формы поведения человека, то нет принципиальной разницы в механизме причинения. Только «при активной форме поведения лицо само собственными силами приводит в движение нужные ему способы достижения общественно опасного результата — собственными руками, ногами, гортанью и языком, используя механизмы, животных и проч. При пассивной форме поведения лицо позволяет другим лицам, механизмам, животным и проч. вызывать последствия...»⁶⁸² — пишет Н.Ф.Кузнецова.

«Приведенный тезис не лучшим образом совмещается с положением о продуцирующем характере причинения, отмеченном в том же параграфе. Каузальность бездействия и здесь под-

меняется каузальностью иных сил», — правильно возражает ей Н.Н.Ярмыш⁶⁸³.

Фактическое отождествление причинения последствий с их непредотвращением можно заметить и в других работах. Так, М.И.Ковалев и Н.А.Ныркова, стоящие на позиции признания причиняющих свойств бездействия, также утверждают, что «в правовом плане юридическое бездействие существенно не отличается от действий», на том основании, что «пассивность виновного лица позволяет вырваться на простор разрушительным силам, которые он должен и мог контролировать, и именно это обстоятельство позволяет считать его виновным в наступлении преступного результата»⁶⁸⁴.

«В отличие от действия, которое своими энергетическими свойствами и средствами производит изменения во внешнем мире, — вторит ей В.Д.Филимонов, — при бездействии вред обществу в процессе причинения наносится внешними силами. Виновный в этом случае не оказывает противодействия поведению других лиц, стихийным силам природы, биологическим и техническим процессам и т. п. Именно это и приводит к наступлению вредных последствий»⁶⁸⁵.

Именно это и приводит к наступлению вредных последствий, но при чем здесь бездействующий? Ведь бездействовал весь мир.

Если считать правильным понимание бездействия как несовершения определенных действий, которые субъект должен был совершить, «то следует признать, что при бездействии последствия наступают всегда вследствие других причин, вредные действия которых обвиняемый не предотвратил»⁶⁸⁶. Но в том-то и дело, говорят сторонники этой теории, что «такое понимание бездействия неприемлемо потому, что нельзя отрывать бездействие от тех конкретных условий, в которых лицо бездействовало, ибо только совокупное рассмотрение как самого бездействия человека, так и иных обстоятельств, действий сил природы, ме-

⁶⁷⁹ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 266.

⁶⁸⁰ Самоценко И.С. О применении вреда противоправным бездействием // Учен. зап. ВИЮН. М., 1963. Вып. 17. С. 36.

⁶⁸¹ Горелик А.С. Уголовная ответственность за оставление в опасности. С. 145; Курылев С.В. Сущность судебных доказательств // Труды Иркутского гос. унта. 1956. Т. 17. С. 45–46; Тимейко Г.В. Причинная связь и проблема ответственности при бездействии // Вопросы уголовного права. М., 1966. С. 78.

⁶⁸² Курс уголовного права Т. 1. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. С. 241.

⁶⁸³ Ярмыш Н.Н. Указ. соч. С. 370.

⁶⁸⁴ Уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Н.Петрашева. М., 1999. С. 158.

⁶⁸⁵ Уголовное право России. Часть Общая / Под ред. Л.Л.Кругликова. С. 163–164.

⁶⁸⁶ Ковалев М.И., Васьяков П.Т. Указ. соч. С. 45.

ханизмов и т. п., сопутствующих ему, дает правильное представление о причинной связи»⁶⁸⁷.

Как нетрудно заметить, сторонники этой теории, а к ним, кроме М.И.Ковалева и П.Т.Васькова, можно отнести В.Ф.Кириченко⁶⁸⁸, И.С.Самощенко⁶⁸⁹, Т.В.Церетели⁶⁹⁰ и некоторых других, исходят из понимания действия не только как «голового» телодвижения человека, а как включающего в себя силы и закономерности объективного мира, распространяя его и на бездействие.

Не говоря уже о спорности данной точки зрения, заметим, что если при действии в совокупности с такими силами и средствами рассматривается телодвижение человека, то при бездействии к ним нечего прибавить (в совокупности с чем мы будем рассматривать действие указанных сил и закономерностей?)

Мы уже указывали, что подобное понимание действия и бездействия ведет к сверхъестественному выводу, что действия лица могут продолжаться и после его смерти. Рассмотрение бездействия в совокупности с силами и закономерностями природы (если такое вообще возможно) нарушает принцип изолированности явлений. А их «использование», поскольку включение внешних сил в орбиту поведения человека происходит лишь в его сознании, носит, как указывает Г.В.Тимейко, субъективный характер. При таком понимании причинной связи остаются одни слова о причиняющем характере бездействия⁶⁹¹.

Теория вероятностной причинной связи

Эта теория появилась в конце 60-х гг. XX в. И хотя она не нашла полного признания, тем не менее имеет тенденцию к распространению. Это связано с тем, что свои истоки она берет в философии, где в последнее время успешно разрабатывается.

⁶⁸⁷ Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.А.Беляева, М.И.Ковалева. С. 144–167.

⁶⁸⁸ Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 63–64.

⁶⁸⁹ Самощенко И.С. О причинение вреда противоправным бездействием // Учен. зап. ВИЮН. Вып. 17. С. 36.

⁶⁹⁰ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 264–265.

⁶⁹¹ Тимейко Г.В. Причинная связь и проблема ответственности при бездействии. С. 94–96.

Ее сторонники, указывая, что с помощью существующего в науке уголовного права понятия причинной связи невозможно обосновать причиняющий характер бездействия, считают необходимым уточнить и дополнить это понятие, требуя принимать во внимание не только достоверно установленные, но и возможные причинные связи. В их понимании «это причинная связь между конкретным действием и закономерно следующим за ним результатом, устраняющая с той или иной степенью вероятности, в случае совершения этого действия, фактически наступившие вредные последствия»⁶⁹².

Главный порок рассматриваемой теории бросается в глаза сразу же — это перенесение основных оперируемых понятий (бездействие, причинная связь и последствие) из мира реального в мир воображаемый. «Реально возможное последствие не есть последствие, наступившее в объективной реальности, а “возможная” причинная связь не есть действительно причинная связь, возникшая в объективной реальности между двумя явлениями... Но ведь области действительного и возможного лежат в разных плоскостях», — правильно пишет Г.В.Тимейко⁶⁹³.

«Допущение причинной связи между бездействием и тем, что не наступило, чего нет, подрывает идею причинной связи при бездействии», — утверждал А.А.Тер-Акопов⁶⁹⁴. Ведь говоря о вероятностной причинной связи, мы не констатируем ее, а лишь предполагаем с большей или меньшей степенью вероятности возможность ее наступления, т. е. входим в сферу субъективных рассуждений, «додумывая», что могло бы быть. «Предсказание же, — писал известный аргентинский философ М.Бунге, — является человеческой, несовершенной и совершенствуемой способностью; предсказание является гносеологическим следствием существования и знания законов любого вида, как причинных, так и не причинных»⁶⁹⁵.

Иногда говорят, что причинная связь при бездействии носит вероятностный характер, так как зависит от возможности бездействующего управлять ходом событий, а это, в свою очередь,

⁶⁹² Бердичевский Ф.Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970. С. 69.

⁶⁹³ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 102–133.

⁶⁹⁴ Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. С. 8.

⁶⁹⁵ Бунге М. Указ. соч. С. 374.

зависит от знания им объективных связей. «Однако, — писал другой, уже русский философ И.З.Налетов, — возможность управления ходом событий, очевидно, не может быть критерием причинности, поскольку они сами зависят от существования причинной связи»⁶⁹⁶. А юрист Г.К.Матвеев разоблачает второй довод этого положения: «...сведения об указанных связях не заменяют собой самих связей и не существуют в отрыве от своей субстанции. “Копии” без подлинников — фальшивки»⁶⁹⁷.

Вообще, бездействие, понимаемое как нереализованное действие (недействие), последствие — как субъективное ожидание события, и причинная связь — как связь логическая, несовместимы с материалистическим представлением о причине и следствии как о действительно объективно существующих явлениях.

Материалисты всегда исходят из действительного, а не из возможного. Даже В.И.Ленин неоднократно отмечал «пустоту» категории возможности, указывая, что «возможно разное»⁶⁹⁸.

Правильно пишет Н.Н.Ярмыш: «Мы совершенно уверены, что бытие вообще, в любых его объективированных проявлениях, не имеет сослагательного наклонения. Сколько бы ни пытались люди воссоздать ход событий, которые могли бы произойти, при том, что в реальной действительности все уже свершилось совсем иначе, выводы, тем не менее, остаются в сфере предположений. Все, что “было бы, если бы...”, — остается плодом исключительно интеллектуальной деятельности человека. Во-вторых, о какой “реальности” причинной связи можно вести речь, когда решается вопрос о событиях, которые именно в реальной действительности вовсе и не произошли. Ведь обсуждается здесь не свершившийся факт, а то, что всего лишь могло случиться. Реальностью не может обладать само по себе умозаключение, результат логической операции. Не сомневаемся, что вопрос о реальной, т. е. существующей в действительности, причинной связи можно решать только на основе уже существующих, а не предполагаемых, гипотетических обстоятельств»⁶⁹⁹.

Таким образом, ни одна из рассмотренных теорий не решает вопрос о каузальности бездействия.

В дореволюционной литературе большинство юристов после продолжительной дискуссии пришли к выводу о невозможности причинения бездействием (оставался спорным вопрос о смешанном бездействии)⁷⁰⁰. Из немецких криминалистов, кроме Листа, к ним можно отнести Белинга, Гиппеля, Майера, Меркеля, Миттермайера, Трегера, Штосса, Хорна; из русских — Немировского, Платонова, Сергеевского, Фойницкого и некоторых других.

В российском праве противников каузальности бездействия значительно меньше. В уголовном праве это М.Д.Шаргородский (именно он впервые в советской литературе выступил с положением, что «при бездействии причинная связь отсутствует вообще. И вопрос, который нужно решать в этом случае, — не о том, когда бездействие является причиной наступившего результата, а только о том, когда субъект отвечает за бездействие»⁷⁰¹); В.К.Глистин («Надо исходить из того, что все виды преступного бездействия <...> не причиняют того результата, который наступает от действия других причинных факторов»⁷⁰²); С.В.Курылев («Бездействие, ничего не порождая в природе, ничего не может породить в обществе»⁷⁰³); Г.В.Тимейко («Бездействие стоит вне процесса причинности, ведущего к результату, и не может быть фактором того результата, к которому привел процесс причинности»⁷⁰⁴); А.И.Стрельников («Убийство путем бездействия невозможно»⁷⁰⁵); в гражданском праве — Б.С.Антимонов («Если верно, что в естественной связи вещей бездействие ничего не причиняет, то ничего не причиняет и противоправное бездейст-

⁷⁰⁰ Об этом свидетельствует, например, Ф. Лист: «Таким образом, новейшее направление в нашей науке пришло к отрицанию причиняющего значения опущения вообще» (*Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. С. 140*).

⁷⁰¹ Шаргородский М.Д. Рец. на учебник «Уголовное право. Общая часть. М., 1943» // Социалистическая законность. 1945. № 3. С. 47.

⁷⁰² Глистин В.К. Общее учение об объекте преступления: Дисс... д-ра юрид. наук. С. 221.

⁷⁰³ Курылев С.В. Сущность судебных доказательств // Труды Иркутск. гос. ун-та. Иркутск, 1956. Т. 17. Вып. 2. С. 45.

⁷⁰⁴ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 151.

⁷⁰⁵ Стрельников А.И. Умышленное убийство при отягчающих об отягчающих обстоятельствах в Уголовном кодексе РФ // Юридическая газета. 1996. № 14. С. 11.

²⁵ Малинин

⁶⁹⁶ Налетов И.З. Указ. соч. С. 25.

⁶⁹⁷ Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. С. 112.

⁶⁹⁸ Ленин В.И. Письма о тактике // Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 136.

⁶⁹⁹ Ярмыш Н.Н. Указ. соч. С. 393–394.

вие, ибо право не может иметь в виду никакой другой причинной связи, кроме естественной»⁷⁰⁶), Е.А.Флейшиц («Вред не может находиться в причинно-необходимой связи с несовершенным действием, с тем, чего не было»⁷⁰⁷) и А.Тарасов («При бездействии нет причинно-следственной связи в обычном ее понимании как результата каких-либо действий, а ответственность проистекает из обязанности вмешаться и предотвратить вред»⁷⁰⁸).

Этот список не включены А.С.Горелик, позиция которого довольно противоречива (с одной стороны, он считает, что «если действие не было совершено, т. е. субъект бездействовал, но последствия наступили, то причинная связь между его поведением и последствием возникнуть не может»⁷⁰⁹, с другой — пишет, что «представляются неправильными положения и выводы <...> теории, отрицающей причинную связь при бездействии»⁷¹⁰), и И.И.Горелик, который в одной из первых своих работ в вопросе о причинной связи при бездействии — неоказании помощи разделял мнение М.Д.Шаргородского, что в этом случае отсутствует причинная связь между бездействием и наступившими последствиями⁷¹¹, — но позднее отказался от этого мнения.

Мы горды тем, что наши исследования приводят в ряд сторонников каузальности бездействия новых последователей этой теории. Так, известный противник нашей теории, профессор Э.Ф.Побегайло в отзыве на докторскую диссертацию автора этой главы писал, что его позиция значительно поколеблена исследованием диссертанта⁷¹².

⁷⁰⁶ Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М., 1952. С. 120–121.

⁷⁰⁷ Флейшиц Е.А. Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья // Учен. зап. ВИЮН. 1955. Вып. 1. С. 16.

⁷⁰⁸ Тарасов А. О причинно-следственной связи в современном уголовном праве // Уголовное право. 2002. № 2. С. 61.

⁷⁰⁹ Горелик А.С. Объективные основания и пределы уголовной ответственности за последствия при бездействии // Правоведение. 1963. № 2. С. 105.

⁷¹⁰ Там же. С. 109.

⁷¹¹ Горелик И.И. Общее понятие преступлений оставления в состоянии опасности // Учен. зап. Белорусск. гос. ун-та. Минск, 1957. Вып. 34. С. 24, 29.

⁷¹² Побегайло Э.Ф. Указ. соч. С. 118.

Подтверждение подобных взглядов мы находим и в законодательстве: нигде Уголовный кодекс не говорит о причинении бездействием; наоборот, не относя попустительство к соучастию, он тем самым косвенно подтверждает акаузальность бездействия.

Практика же отражает колебания теории по этому вопросу, то признавая, то отрицая причинную связь при бездействии.

Вот два характерных примера.

1) *Закуражный был признан виновным в причинении тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего. В драке с сослуживцем Шишкиным Закуражный нанес ему ножевое ранение шеи и проникающее ранение брюшной полости, отнесенное заключением судебно-медицинских экспертов к категории тяжких телесных повреждений. Вскоре после ранения потерпевший был доставлен в больницу, где ему произвели обработку раны шеи и операцию брюшной полости, а через 3 дня — повторную операцию. Однако на следующий день после нее Шишкин скончался от общего гнойного перитонита.*

Военный трибунал военного округа, рассмотрев дело в кассационном порядке, изменил квалификацию его действий, не вменив смерть потерпевшего, а квалифицировав их только как причинение тяжкого телесного повреждения. В основу принятого решения положен тот вывод, что при первой операции по недосмотру врача не была обнаружена и ушита рана в задней стенке желудка. Между тем в заключении судебно-медицинских экспертов указывается, что в данном случае проникающее ранение живота не являлось безусловно смертельным телесным повреждением и при ушивании обоих отверстий развитие перитонита со смертельным исходом было бы менее вероятным. На этом основании военный трибунал округа сделал вывод об отсутствии причинной связи между преступными действиями Закуражного и смертью Шишкина.

Военная коллегия Верховного Суда СССР, считая определение неправильным, указала, что допущенная при операции ошибка не устраняет наличия причинной связи между преступными действиями Закуражного и смертью Шишкина, поскольку смерть наступила не от бездействия врачей, а в результате

нанесенного Закуражным ранения, и направила дело на новое кассационное рассмотрение⁷¹³.

2) Согласно приговору Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 17 апреля 1984 г., Мориков Н.А. был осужден по ч. 1 ст. 85 УК РСФСР (ст. 263 УК РФ).

Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. 17 октября 1983 г. в 5 час. 35 мин. на станцию «Красный строитель» прибыл следовавший до станции «Люблино» грузовой поезд, режим работы локомотивной бригады которого истек в 6 час. 20 мин.

Поездной диспетчер Московско-Курского отделения Московской железной дороги Мориков, получив отказ в продлении заканчивавшегося режима работы бригады, дал указание дежурной по станции «Красный октябрь» Клячиной оставить поезд на четвертом главном пути станции, при этом в нарушение приказа заместителя министра путей сообщения СССР от 13 апреля 1982 г. не потребовал от Клячиной последующего доклада о закреплении остановленного поезда и не проверил правильность его закрепления. Клячина же, не выяснив технической характеристики поезда и точного места его остановки на пути, имевшем значительный уклон, поручила оператору-сигналисту Свешниковой закрепить состав не шестью, а двумя тормозными башмаками. Свешникова при закреплении поезда также допустила нарушение: поставила оба тормозных башмака на внешний рельс. Правильность установки тормозных башмаков Клячина не проверила.

Спустя шесть часов, по истечении запаса сжатого воздуха в системе автотормозов, поезд вследствие его недостаточного закрепления пришел в самопроизвольное движение, взрезал стрелку и на станции «Царицыно» столкнулся со стоявшим на пути другим грузовым поездом. Крушением был причинен материальный ущерб на сумму свыше 100 тыс. руб.

Генеральный прокурор СССР внес в Пленум Верховного Суда СССР протест, в котором поставил вопрос об отмене приговора и последующих судебных решений и прекращении дела за отсутствием в действиях Морикова состава преступления.

Пленум Верховного Суда СССР удовлетворил протест на следующих основаниях.

Согласно приговору, Морикову вменено в вину то, что он не потребовал от Клячиной доклада о закреплении состава и не проверил правильность его закрепления, чем нарушил требования приказа заместителя министра путей сообщения СССР.

В данном случае непосредственной причиной самопроизвольного движения поезда явилось его неправильное закрепление тормозными башмаками, а не то, что Клячина не доложила Морикову об исполнении его указаний.

С учетом изложенного Пленум Верховного Суда СССР отменил приговор в отношении Морикова Н.А. и дело о нем прекратил за отсутствием в его действиях состава преступления⁷¹⁴.

Применим «золотое» правило причинности к бездействию и увидим, что оно (бездействие) не причиняет и причинять не может. Исключим мысленно бездействие лица, не оказавшего помощь погибающему (например, утопающему), хотя бы обязанного такую помощь оказать, и окажется, что утопающий точно так же пошел бы ко дну как в присутствии, так и в отсутствие бездействующего.

Или возьмем классический пример: «Мать не кормит своего ребенка, и ребенок умирает» — налицо причинение смерти матерью своему ребенку. Но могут ли сторонники причинения бездействием указать возраст ребенка, при котором имеется причинная связь, и возраст, после которого она отсутствует? Вдумаемся, может ли причинная связь (связь объективная) зависеть от такого субъективного фактора, как возраст потерпевшего?

Подробно этот пример рассматривает Н.Н.Ярмыш: «Само же по себе не кормление ребенка, отсутствие заботы о нем не вызывает, не инициирует, не порождает — не причиняет его смерть. Причинение — это процесс. И, как любой процесс, он развивается во времени, имеет начало и конец. Каким же образом можно представить себе начало процесса причинения смерти поведением матери, которая не кормит своего ребенка? Очевидно, что никакие объективные критерии здесь обнаружить не удастся. Единственно, от чего можно было бы оттолкнуться, так это

⁷¹³ Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 марта 1961 г. по делу Закуражного // Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 1973. С. 237–238.

⁷¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 апреля 1986 г. по делу Морикова Н.А. // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 4. С. 6–7.

от того момента, когда мать, желающая избавиться от своего ребенка, приняла решение его не кормить. Но это вновь означало бы, что решение вопроса о причине связи замыкается на субъективные процессы.

Не спорим, такая женщина ничуть не лучше убийцы. Но все же она ею не является. В соответствии с нашей позицией, при всей безмерной аморальности такого поведения, само по себе, вне совершения определенных действий, оно вовсе не причиняет смерть. Другое дело, что на практике трудно представить себе ситуацию, при которой такая «мать», желая избавиться от своего ребенка, сумела бы ограничиться одним лишь бездействием. Разве что она с ребенком находится в полной изоляции от других людей. Но такое возможно лишь гипотетически. В реальной жизни этого не бывает. Если брошенный матерью ребенок и умирает от голода или холода, то это происходит в результате ее *действий*, направленных на то, чтобы каким-то образом отделить, изолировать от себя и других людей ребенка, скрыть действительные обстоятельства его гибели или вообще свое материнство. Это все те страшные случаи, когда новорожденных бросают в местах, где они длительное время могут оставаться необнаруженными. Результатом этих действий и может явиться смерть, они-то и образуют убийство, за которое преступница отвечает, а вовсе не то, что она ребенка не кормит.

Не будем повторять то, что уже не раз было сказано по поводу возможности (точнее, невозможности) влияния субъективной стороны на объективную. Признать в случаях одного лишь бездействия матери причинную связь ее безжалостного поведения со смертью ребенка мы не можем, поскольку прочно стоим на позиции, что бездействие, лишненное активного действенного, силового, производительного — порождающего — начала, не способно служить причиной каких бы то ни было изменений в окружающем мире (как в естественной, так и в социальной его сферах)⁷¹⁵.

Нет и не может быть причинной связи при бездействии. Ответственность наступает не за последствия, а за сам факт бездействия как за допущение этих последствий, наступивших от иных причин. «Тот факт, что лицо, обязанное вмешаться в развитие причинно-следственной связи (например, врач), не сдела-

ло должного, не изменяет ее первоначального характера»⁷¹⁶, — правильно пишет Л.А.Андреева.

«Само по себе невмешательство не способно ни сделать больным здорового, ни убить больного. Те или иные болезненные процессы, представляющие опасность для жизни человека, могут быть приостановлены либо, наоборот, ускорены с помощью медицинского вмешательства (определенных действий медиков), но ни один врач не в силах вызвать изменения в организме, сидя со сложенными руками. <...> Поведение врача может служить причиной смерти лишь при том условии, что последняя наступила в результате совершения определенных действий, в частности, операции», — вторит ей Н.Н.Ярмыш⁷¹⁷.

Признать бездействующего причиной, например, пожара можно было бы только тогда, когда возможно было бы такое построение: не было бы сторожа — не загорелся бы дом, не было бы пожарной команды — не было бы и пожара. Но расширять понятие причины за счет отрицательных условий неверно, так как таких условий бесчисленное множество.

Ландсберг иронически писал: «Условием события X можно считать тогда то, что шар земной — не мыльный пузырь, что мы не на Луне, если только при наличии этих условий событие X не наступило бы»⁷¹⁸. «Нет всеобщей обязанности предотвращать смерть, — подтверждает эту мысль А.Тарасов, — иначе все мы были бы ответственны за множество самоубийств и случайных смертей, которые непрерывно происходят в нашем обществе»⁷¹⁹. Известный современный философ М.А.Парнюк пишет, что причина как субстанция, как активная сущность определяет природу действия. Лишь в действии причина действительна⁷²⁰. Бездействие не обладает активностью причины, а потому не может и ничего причинять.

Логично было бы предположить, что если бездействие может причинять вред, то оно способно быть и причиной каких-либо

⁷¹⁵ Там же. С. 420, 418, 415.

⁷¹⁶ Андреева Л.А. Причинная связь в преступлениях против жизни и здоровья. Л., 1983. С. 8.

⁷¹⁷ Ярмыш Н.Н. Указ. соч. С. 377, 395.

⁷¹⁸ Landsberg. Die sogenannten Kommissivdelikte durch Unterlassung. Berlin, 1890. P. 92.

⁷¹⁹ Тарасов А. Указ. соч. С. 61.

⁷²⁰ Парнюк М.А. Необходимость и случайность. С. 85.

положительных изменений в окружающем мире. Но, по меткому замечанию Г.В.Тимейко, никому еще не удалось стать писателем, не написав ни одной книги. Мы полностью согласны с ним в том, что «само по себе бездействие не обладает ни созидательной, ни разрушительной силой»⁷²¹.

Таким образом, исходя из философских основ причинной связи (не искажая и не прибегая к ее «особенностям» при бездействии), можно сделать вывод о акаузальности бездействия. Об этом писал и М.Д.Шаргородский: «Попытки обосновать наличие причинения при бездействии <...> несовместимы с принципом единого философского понятия причинности»⁷²².

Как нам кажется, в споре между собой сторонники каждой из этих двух концепций говорят как бы на разных языках: сторонники теории, отрицающей причинную связь при бездействии, говорят о причинении материальных последствий (их-то бездействие и не причиняет); сторонники теории, признающей такую связь, — о причинении вреда общественным отношениям. Противоречия эти, на наш взгляд, кажущиеся, и происходят они в основном от различного понимания преступных последствий, объекта и предмета посягательства.

Ошибка авторов, пытающихся доказать ответственность за бездействие на началах причинения, заключается прежде всего в том, что они не проводят различия между причинением вреда объекту посягательства и его предмету, между различием физической сферы и социальной жизни (хотя довольно часто они же обвиняют в этом своих противников: «Беда тех, кто отрицает причиняющую силу противоправного бездействия, заключается как раз в том, что они не учитывают различия между природой и обществом...» — пишет И.С.Самощенко⁷²³).

Бездействие, причиняя вред общественным отношениям, объекту преступления, не причиняет и не может причинить материального вреда (в физическом смысле бездействие ничто).

Бездействие — юридическая категория; последствие, о котором идет речь, — физическая. Причинная связь может существ-

вовать только между однородными категориями. В философии одним из основных положений диалектико-материалистического детерминизма признается следующее: «Любое материальное событие, процесс так же, как и любые иные материальные события, могут быть определены другими материальными процессами и только ими»⁷²⁴. Бездействие, не являясь материальным по своей природе, не может поэтому и причинить материальные последствия.

Итак, если понимать под преступным последствием вред предмету преступления, а последний как материальный субстрат, то следует признать, что бездействие не причиняет. Если же понимать его как вред объекту, то нужно согласиться с тем, что бездействие причиняет. Однако такое «причинение» не есть причинение в общеправовом смысле этого слова, — это признание того, что и бездействие наносит ущерб общественным отношениям. Именно доказательство того, что бездействие нарушает общественные отношения, существующие в данном обществе, и служит обоснованием уголовной ответственности за него.

Рассмотренные теоретические положения имеют важное значение для сугубо практического вопроса — вменения преступных последствий при бездействии.

Последовательное поведение взглядов на бездействие как на непричиняющую категорию приводит к выводу о невозможности вменения преступных последствий при бездействии. Ответственность должна наступать только за само бездействие. Поясним это на следующем примере.

Судом Куйбышевского р-на г. Ленинграда Бояринов осужден по ст. 172 УК РСФСР (ст. 293 УК РФ). Работая следователем Дзержинского РУВД, Бояринов халатно отнесся к выполнению своих служебных обязанностей: располагая данными о нанесении телесных повреждений и угроз убийством со стороны гражданина Егорова в отношении своей бывшей жены, не предъявил никакого обвинения и не возбудил вопроса об избрании меры пресечения Егорову. Последний 22 января 1983 г. со-

⁷²¹ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 148.

⁷²² Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права. С. 50.

⁷²³ Самощенко И.С. Указ. соч. С. 37.

⁷²⁴ Мюллер А. Указ. соч. С. 33.

*вершил убийство бывшей жены, ее матери, мужа и жены Никитиных приотягчающих обстоятельствах*⁷²⁵.

При признании причинения бездействием следовало бы признать Бояринова ответственным за эти убийства. Но совершенно ясно, что они совершены не им, а Егоровым. Бояринов отвечает только за свое бездействие.

И в так называемых «материальных» составах бездействия, т. е. когда в законе указаны последствия преступления, ответственность наступает за сам факт бездействия, а последствия являются своего рода квалифицирующим обстоятельством, объективным условием ответственности. То есть ответственность наступает лишь при наличии указанных последствий, если лицо допустило их наступление.

Наш вывод: на основании высказанных положений мы считаем, что причинная связь при бездействии отсутствует, а ответственность наступает за само бездействие, за неисполнение обязанности как за таковое, но не за причинение.

§ 5. Факультативные признаки объективной стороны преступления⁷²⁶

5.1. Время совершения преступления

Наряду с обязательными признаками объективной стороны преступления важное значение в процессе осуществления уголовно-правовой квалификации имеют так называемые факультативные признаки состава, характеризующие объективную сторону преступления. К их числу относятся: время, место, способ, средства, орудия и обстановка совершения преступления.

Заметим, что так называемые факультативные признаки объективной стороны посягательств в последние годы привлекают к себе все большее внимание науки⁷²⁷.

⁷²⁵ Дело № 1-1050 // Архив Куйбышевского районного суда г. Ленинграда за 1983 г.

⁷²⁶ Этот параграф написан совместно с канд. юрид. наук А.Ф. Парфеновым.

Все объективные и субъективные признаки состава преступления могут быть разделены на два вида: обязательные и факультативные.

Обязательные — это те, которые присущи не только реальности самого преступного факта, но и норме права, в которой подобные факты описаны.

Факультативные признаки, в своей фактической сущности являясь такими же, как и обязательные, имеют иное юридическое значение. В тех случаях, когда факультативные в дополнение к основным определяют вид данного преступного действия и отличают его от сходного, они упоминаются в законе и становятся обязательными, поскольку являются признаками, с помощью которых можно данное преступное деяние квалифицировать по определенной статье уголовного закона. Если они такой роли не выполняют, то для законодателя они перестают существовать в том смысле, что он ими как признаками, констатирующими наличие определенного события, не интересуется. Это, разумеется, не означает, что указанные признаки совершенно не имеют юридического значения. Они могут оказать определенное воздействие, но не на судьбу самого деяния, а на его правовое последствие в качествеотягчающего или смягчающего обстоятельства.

Таким образом, «факультативность» времени, места, способа, средств, орудий и обстановки совершения преступления не означает второстепенности данных признаков объективной стороны преступления поскольку если они указаны в диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы, то становятся обязательными. Кроме этого независимо от своей «обязательности» или «факультативности» данные признаки объективной стороны входят в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу, следовательно, имеют важное доказательственное значение. Все они являются необходимой фактической характеристикой каждого преступления.

Всякое преступление совершается в условиях места и времени. Однако следует признать, что в уголовно-правовой литературе проблема времени совершения преступления не получила должного освещения ни до принятия УК РФ 1996 г., ни после этого. Отдельным аспектам этой проблемы уделено гораздо больше внимания в рамках других наук, таких как криминали-

⁷²⁷ Бойко А.И. Преступное бездействие. С. 44.

стика, криминология, уголовный процесс. Неестественность такого положения очевидна, так как уголовно-правовая характеристика деяния является отправной точкой для криминологической и криминалистической характеристик. Она в значительной мере определяет содержание предмета доказывания, формы осуществления которого закреплены в уголовно-процессуальном законе и разрабатываются уголовно-процессуальной наукой. В учебной литературе как правило не раскрывается содержание этого признака объективной стороны состава преступления и редко дается его определение.

Фундаментальные работы, посвященные объективной стороне преступления, этому вопросу должного внимания также не уделяют⁷²⁸. Вместе с тем было бы неверно утверждать, что проблема времени совершения преступления совершенно не привлекала внимание представителей уголовно-правовой науки. Из всех аспектов проблемы наиболее разработан такой, как определение времени совершения преступления при решении вопроса о пределах действия уголовного закона во времени⁷²⁹.

Время совершения преступления как признак состава преступления понимается в смысле определенного временного периода, в течение которого совершено преступление.

Время выступает в качестве обязательного признака объективной стороны довольно редко. Так, уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени (ч. 3 ст. 331 УК), а, например, воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ) и фальсификация избирательных документов, документов референдума (ст. 142 УК РФ) предполагают их совершение в определенное время — время выборов в органы государственной власти и органов местного самоуправления или референдума, а также время подведения их итогов.

Учет времени совершения преступления при применении норм уголовного закона может затрудняться еще и тем, что его

---

⁷²⁸ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления; Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления; Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления.

⁷²⁹ Блум М.И., Тилле А.А. Обратная сила уголовного закона. М., 1969; Брагинин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967.

не всегда достаточно просто выявить среди иных обстоятельств и признаков, образующих уголовно-правовую норму. Если обратиться к УК РФ, то нетрудно заметить, что количество статей, при конструировании которых используется понятие «время», относительно не велико.

Действующее уголовное законодательство довольно редко указывает на время совершения общественно опасного деяния как на обязательный признак объективной стороны преступления⁷³⁰.

Таким образом, внешне может сложиться мнение, что время совершения преступления в качестве обстоятельства или признака уголовно-правового характера весьма ограниченно присутствует в нормах уголовного законодательства. Указание на время как на признак, криминализирующий то или иное деяние, означает, как правило, не время как таковое (т. е. не «астрономическое» время), а некий отрезок или период времени, в который происходят определенные события, оказывающие качественное влияние на преступление.

В таких случаях законодатель ведет речь, соответственно, не о времени вообще, как это имеет место в статье о принципах уголовного права, а более предметно, обозначая его, если позволяют семантические возможности, без использования собственно термина «время» — либо отдельным словом, либо словосочетанием. В таких случаях задача правоприменителя сводится к тому, чтобы правильно понять содержание и смысл закона, что достигается путем его толкования. Прежде всего следует уяснить буквальное содержание закона путем этимологического и синтаксического разбора его текста, а также выяснения значения употребляемых в законе слов, понятий, терминов. Для этого нужно прибегнуть к грамматическому толкованию. Используя указанный прием, мы совершенно обоснованно приходим к выводу о том, что, например, в ч. 4, 5 ст. 74 УК РФ время совершения преступления выражено словосочетанием «в течение испытательного срока», в ч. 5 ст. 69 УК РФ говорится о преступлении, совершенном «до вынесения приговора суда по первому делу». Все эти термины, без сомнения, содержат прямое указание на время совершения преступления. Законодатель берет здесь за точку отсчета определенное событие, которым является пригово-

---

⁷³⁰ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Б.В.Здравомыслова. С. 158.

вор суда или решение суда об освобождении от дальнейшего отбывания наказания. Затем начинает течь срок, указанный в приговоре или решении суда, и только совершение преступления в течение именно этого совершенно определенного срока позволяет применить правила ст. 69 УК РФ, а также считать совершение нового преступления отягчающим обстоятельством.

В различных учебниках предлагается множество определенных времени совершения преступления. Например: «...это определенный временной период, в течение которого может быть совершено преступление»⁷³¹, «... обычно не просто определенное время суток или время года, а конкретный период, характеризующийся определенными общественно-политическими событиями»⁷³².

Временной фактор в большинстве случаев очевиден и понятен, легко презюмируется даже не специалистом. Так, применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ) предполагает время совершения военных (боевых) действий; уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ) — период краткосрочного выезда (отпуска) осужденного к лишению свободы за пределы исправительного учреждения; воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ) — время избирательных компаний; вынесение заведомо неправосудного приговора (ст. 305 УК РФ) — период судебного разбирательства по уголовному делу и т. д.

Понятие «времени совершения преступления» составное, и уже в силу этого его уяснение имеет некоторые особенности, связанные со стыковкой терминов, его составляющих. Этими терминами являются «время» и «совершение преступления». Сами по себе они не представляют трудностей в уяснении, чего нельзя сказать об их сочетании. Дело в том, что в этом случае приходится сталкиваться с качественными изменениями их содержания. Так, если «совершение преступления» — это выполнение лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, то ответ на вопрос: «Является ли время совершения общественно опасного деяния временем совершения преступления», — далеко не всегда был однозначным до приня-

тия нового УК РФ. Это объясняется прежде всего различным значением времени совершения преступления как признака объективной стороны состава преступления и как основания действия уголовного закона во времени, а также различием в конструировании составов тех или иных преступлений и в особенностях законодательного формулирования их объективной стороны.

Категория времени — относительно устойчивое и фундаментальное образование, существующее в разных формах и проявлениях. Очевидно, что каждая форма движения материи, поскольку последняя может существовать не иначе, как во времени и в пространстве, имеет свои пространственно-временные связи, свои, соответствующее форме движения материи, пространство и время.

Однако время совершения преступления — понятие, в первую очередь, правовое, а поэтому его определение должно отражать присущие ему юридические признаки.

Преступление есть деяние, которое так же, как и его преступные последствия, находит свое законное выражение в признаках объективной стороны состава преступления. Ввиду этого временем совершения преступления следовало бы, по видимому, признать время выполнения объективной стороны. Другими словами, время совершения преступления — это отрезок времени, в который выполнена объективная сторона преступления.

Хотя термин «время совершения преступления» взят из законодательства (ч. 2 ст. 9 УК РФ), он используется в уголовном праве в двух смыслах. Во-первых, время совершения преступления понимается как определенный временной период, в течение которого совершено преступление, следовательно, определяется началом действий (бездействия) и их окончанием, имеет продолжительность, и таким образом, не может совпадать только с моментом окончания преступления.

Во-вторых, время совершения преступления рассматривается уголовным правом как один из факультативных признаков объективной стороны преступления, поэтому в ряде случаев требуется устанавливать соответствие времени совершения преступления названным в законе признакам⁷³³.

⁷³¹ Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. А.В.Наумова. М., 2000. С. 194.

⁷³² Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. П.И.Гришаева. С. 171.

⁷³³ Наумов А.В. Время совершения преступления // Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В.Наумов. М., 1997. С. 43–44.

Еще дальше в этом направлении пошел М.А.Кауфман, объединив в понятие время совершения преступления все перечисленные выше значения: «Время совершения преступления представляет собой определенный период или момент, имеющий уголовно-правовое значение, в который было совершено общественно опасное деяние, либо преступление было завершено или пресечено»⁷³⁴. В уголовном праве как ни в одной другой отрасли права важны точность и определенность терминов, поэтому вкладывать в одно понятие три разных значения недопустимо.

В первом случае время — это не что иное, как «определенный временной период, в течение которого может быть совершено преступление»⁷³⁵. Так, согласно ч. 2 ст. 9 УК РФ, временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

Подобная детализация вполне оправдана: она способствует единообразию в понимании и применении закона. И судебная практика это подтверждает.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Новгородского областного суда в своем определении от 6 января 1992 г. признала, что, в соответствии со ст. 9 УК РФ, временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного деяния независимо от того, воспользовался ли виновный его результатом⁷³⁶.

«Не вызывает затруднений определение времени совершения преступления, когда совершенно одномоментное действие. Так, если с целью убийства из ревности ранение нанесено в декабре 1996 года, а смерть жертвы наступила в январе 1997 года, то временем совершения преступления следует считать декабрь 1996 года и квалифицировать действия виновного по ст. 103 УК РСФСР.

Сложнее определить время совершения преступления в случае, когда изменение закона произошло в процессе совершения нескольких действий, направленных на достижение одной преступной цели. Общим правилом определения времени соверше-

ния преступления в таких случаях является момент совершения последнего действия. Это правило распространяется на все преступления, независимо от того, с формальным они составом или с материальным, являются они продолжаемыми или длящимися. Так, злостно уклонение от уплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей, начатое в 1996 году и продолженное в 1997 году, следует квалифицировать по ч. 2 ст. 157 УК РФ. Систематическое нанесение побоев несовершеннолетнему (истязание), начатое в 1996 г. и продолженное в 1997 году, должно квалифицироваться по п. «г» ст. 117 УК РФ»⁷³⁷.

Описывая признаки, характеризующие конкретное преступление, представители следственных и судебных органов всегда указывают, когда было совершено общественно опасное деяние, сколько оно длилось, когда наступили общественно опасные последствия. Однако для квалификации это значения не имеет.

Однако ограничивать уголовно-правовое значение времени совершения преступления установлением правил применения того или иного уголовного закона значит упрощать проблему до ее видимых, поверхностных проявлений. Действительное ее содержание гораздо глубже и связано с криминализацией и декриминализацией деяния, его квалификацией, а также индивидуализацией уголовной ответственности и наказания, выработкой соответствующих профилактических мер и т. д.

Однако недостаточная разработанность в теории уголовного права содержания понятия времени совершения преступления делает его учет в ходе правоприменительной практики затрудненным еще двумя обстоятельствами. Одна из них заключается в том, что данный признак, если его рассматривать как признак объективной стороны преступления, относится к числу факультативных, поскольку он не всегда тем или иным образом влияет на возникновение и развитие преступления и, следовательно, содержится в диспозициях не всех статей Особенной части УК РФ. В этой связи время совершения преступления оказывается на периферии внимания правоприменителя или вне его. Вместе с тем деление признаков состава на обязательные и факультативные носит условный характер. Оно приемлемо лишь в рамках общего учения о составе преступления и неприемлемо, когда речь идет о составе конкретного преступления, предусмот-

⁷³⁴ Кауфман М.А. Время совершения преступления и его уголовно-правовое значение: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 13.

⁷³⁵ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1996. С. 174.

⁷³⁶ Юридическая практика. 1998. № 2. С. 34.

⁷³⁷ Якубов А. Время совершения преступления и обратная сила уголовного закона // Российская юстиция. 1997. № 8. С. 35.

ренного той или иной статьей Особенной части УК РФ. В последнем случае обязательными являются все те признаки, которые содержатся в соответствующей уголовно-правовой норме, независимо от того, встречаются они в составах других преступлений или нет.

Казалось бы, законодатель разрешил долгие споры ученых, что считать временем совершения преступления, указав в ч. 2 ст. 9 УК РФ, что это время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

Однако, как нам кажется, эта формулировка страдает внутренней противоречивостью: с одной стороны, говорится о времени совершения *преступления*, с другой стороны, под ним понимается время совершения *общественно опасного действия (бездействия)* независимо от времени наступления последствий.

Как известно, под преступлением в теории уголовного права принято считать описание в статье Особенной части объективной стороны преступления. Она может включать как деяние (формальный состав), так и последствие (материальный состав). А последнее уже противоречит ч. 2 ст. 9 УК РФ.

Во-вторых, как правило, пишет А.А.Поддубный «следует исходить из того, что категории времени и пространства находятся между собой в неразрывной наитеснейшей связи. Следовательно, определение времени и места должно происходить одинаково»⁷³⁸. И хотя вопрос о месте совершения преступления в теории уголовного права также решается неоднозначно⁷³⁹, однако, исходя из предыдущего положения, временем и местом совершения преступления с формальным составом следует считать время и место, когда и где совершено деяние, а с материальным составом — когда и где наступило общественно опасное последствие. Тем более что в ч. 1 ст. 11 УК РФ однозначно говорится: «Лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации, подлежит ответственности по настоящему кодексу».

Поэтому мы считаем, что аналогично нужно сформулировать и ст. 9 УК РФ: «Лицо, совершившее преступление, несет уголовную ответственность по настоящему Кодексу».

⁷³⁸ Поддубный А.А. Определение места совершения преступления при квалификации преступления // Российский следователь. 2001. № 3. С. 18.

⁷³⁹ Подробно об этом см. в следующем подпараграфе.

Будучи факультативным признаком объективной стороны преступления, время приобретает уголовно-правовое значение, если его характеристики заданы в уголовном законе. Обычно имеют значение либо продолжительность совершения деяния (например, от двух, но не более десяти суток в ч. 1 ст. 337 УК РФ), либо осуществление деяния в определенный период времени (ст. 141 УК РФ — в период выборов; п. «л» ст. 63 УК РФ — в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, при массовых беспорядках).

Важно учитывать, что при конструировании уголовно-правовых норм время совершения преступления различным образом включается в перечень обязательных признаков состава преступления. Иногда оно выступает в качестве конструктивного признака простого состава преступления. В таких случаях оно является не только одним из фактических признаков, посредством которого данное общественно опасное деяние определяется в законе как преступное и наказуемое, но и признаком, характеризующим типичные социальные свойства преступления — характер и степень его общественной опасности. Так, в ст. 106 УК РФ предусмотрена ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка во время родов или сразу же после родов.

Нередко время является квалифицирующим, отягчающим ответственность обстоятельством и образует квалифицированный состав преступления. Время здесь всегда указывает на повышенную (по сравнению с простым составом преступления) общественную опасность преступления. Как правило, в качестве квалифицирующего обстоятельства выступает военное время в составах воинских преступлений. Преступные действия, совершенные в указанный период, характеризуются большой опасностью (вредностью), они причиняют либо способны причинить тяжкий или особо тяжкий вред объекту уголовно-правовой охраны или обеспечивают причинение вреда не только основному, но и дополнительным объектам или многим объектам одновременно. Это, в частности, и обуславливает необходимость построения квалифицированных составов преступления, включая в них в качестве обязательного признака время совершения преступления и установления за данные преступления, соответственно, более строгих наказаний.

Астраханским областным судом 13 июня 2000 г. Якунин осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ, п. «а», «в», «к», «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Он признан виновным в умышленном убийстве Синицина А. В., а затем с целью скрыть это преступления и его родителей — Синициных В.А. и И.А., находившихся в беспомощном состоянии, а кроме того, в краже имущества Синициных с причинением значительного ущерба.

27 сентября 1999 г., ночью, Якунин распивал спиртные напитки с Синициным А.В. в квартире, в которой находились и родители последнего. Между Якуниным и Синициным А.В. возникла ссора. Когда Синицин А.В. ушел в ванную комнату, Якунин, зайдя туда, стал наносить ему удары по телу и лицу, а затем повалил его в ванну, заполненную водой, и удерживал в воде до наступления смерти. Опасаясь, что родители Синицина сообщат о случившемся в правоохранительные органы, Якунин решил убить их. Зная, что мать и отец потерпевшего — инвалиды первой группы и не могут оказать сопротивление, Якунин после нанесения не установленным следствием предметом удара по голове Синициной И.А., удушил подушкой сначала ее, а затем и Синицина В.А. Совершив убийство, Якунин похитил имущество потерпевших на общую сумму 2200 руб., причинив значительный ущерб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об исключении из приговора осуждения Якунина по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ 3 июля 2002 г. протест удовлетворил, указав следующее. Как видно из материалов дела, осужденный совершил умышленное убийство трех человек в одном месте и почти в одно время. При таких обстоятельствах суд без достаточных оснований убийство Синицина А.В. выделил в отдельный эпизод, который квалифицировал по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Действия Якунина должны быть квалифицированы по п. «а», «в», «к», «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ как умышленное убийство трех лиц, из которых двое для виновного заведомо находились в беспомощном состоянии, с целью сокрытия другого преступления, совершенное неоднократно. С учетом изложенного осуждение Якунина по ч. 1 ст. 105 УК РФ исключено из приговора. Таким образом, действия виновного совершившего убийство трех лиц в одном месте и

одно время квалифицируется по п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 105 УК РФ не требуется⁷⁴⁰.

На наш взгляд, ч. 1 ст. 105 УК РФ исключена необоснованно. Умысел не убийство Синицина А.В. и его родителей у Якунина возник одновременно: сначала — на Синицина А.В., а уже затем — Синицина В.А. и Синициной И.А., а в этом случае его деяние следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ, п. «а», «в», «к», «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, т. е. как и квалифицировал его Астраханский областной суд.

Хотя в ч. 2 ст. 9 УК РФ говорится о времени совершения преступления, однако правилом, указанным в этой статье, следует руководствоваться не только при определении времени совершения преступления, но и при определении времени совершения действий при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость и т. п.)⁷⁴¹.

Для описания в диспозициях норм Особенной части УК РФ времени совершения преступления и других признаков состава преступления законодатель, как правило, прибегает к понятиям точного значения.

Например, в статье 337 УК РФ «Самовольное оставление части или места службы» четко определено время, которое может длиться это деяние, — свыше двух суток, но не более десяти суток.

Эти понятия характеризуются достаточной четкостью и определенностью, они обладают основными существенными признаками, выяснение которых позволяет установить их объем и содержание, а следовательно, и правильно применить уголовный закон.

Смысловое значение таких понятий, как «военное время» (ч. 3 ст. 331 УК РФ), может быть выяснено путем использования соответствующих приемов толкования и правил логики.

Иногда законодатель определяет время, используя понятие «установленный срок». Например, ст. 190 УК РФ предусматривает ответственность за «невозвращение в установленный срок на территорию Российской Федерации предметов художествен-

⁷⁴⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1. С. 9.

⁷⁴¹ Якубов. А. Указ. соч. С. 35.

ного, исторического и археологического достояния народов РФ».

Уголовным законодательством остался нерешенным вопрос, что же следует считать временем совершения длящегося и продолжаемого преступления. Объективная сторона такого рода преступлений усложнена характером влекущего ответственность поведения: непрерывная или дискретная продолжительность деяния во времени, разрыв во времени между его составными частями, между деянием и наступившими от него последствиями. До принятия УК РФ 1996 г. этот вопрос решался в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР о понятии длящегося или продолжаемого преступления «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» от 4 марта 1929 г. с изменениями от 14 марта 1963 г.⁷⁴²

Продолжаемыми считаются преступления, которые складываются из ряда тождественных действий, охватываемых единым умыслом, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. Продолжаемое — это одно преступление, совершаемое не одномоментно, не одним действием, а как бы по частям, каждая из которых является этапом реализации одного преступного умысла. Продолжаемый характер могут иметь многие умышленные преступления: хищение, вымогательство, истязание, взяточничество и другие. Они могут продолжаться во время действия разных уголовных законов. Началом продолжаемого преступления признается совершение первого действия из числа нескольких тождественных его составляющих, а концом — момент совершения последнего преступного действия. Закон, действующий в момент окончания продолжаемого преступления, и будет определять его преступность и наказуемость, ибо субъект, продолживший преступление, несмотря на усиление ответственности, должен быть готов к тому, что его действия будут соотнесены с изменившимся законом.

Продолжаемое преступление как единое, хотя и расчлененное во времени на ряд не имеющих самостоятельного юридиче-

ского значения деяний, следует отличать от повторных преступлений, состоящих из самостоятельных деяний, каждое из которых требует отдельной правовой оценки по закону, действовавшему в момент его учинения. Тем не менее некоторые криминалисты, не замечая этого различия, полагают, что и в данном случае определяющим является момент окончания последнего из имевших место преступлений, квалифицируемых по признаку повторности⁷⁴³.

В следственной и судебной практике имеют место факты, когда продолжаемые преступления порой квалифицируются как повторные либо, напротив, повторность усматривается там, где имело место.

Следует согласиться с мнением, высказываемым в литературе, что одним из определяющих признаков продолжаемого преступления наряду с единым умыслом и общим целью должно признаваться такое обстоятельство, как небольшой разрыв во времени между отдельными эпизодами преступления⁷⁴⁴. Так, две кражи, совершенные лицом из одного магазина в одну ночь, не имеющие значительного разрыва во времени, могут быть признаны единым преступлением, совершенным в два приема.

Приведем два примера.

1) *Добрянским районным народным судом Пермской области Морозов осужден по ч. 1 и 2 ст. 117 УК РСФСР (ч. 1 и п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ).*

Он признан виновным в изнасиловании 30 октября 1992 г. у себя в квартире гр-ки З. (совершении в течении непродолжительного времени двух насильственных половых актов).

Судебная коллегия по уголовным делам Пермского областного суда приговор оставила без изменения.

Прокурор Пермской области в протесте поставил вопрос об изменении судебных решений в связи с неправильной квалификацией действий осужденного по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР (п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ), так как, по его мнению, в действиях Морозова не имеется признака повторности и поэтому их следует квалифицировать только по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР (ч. 1 ст. 131 УК РФ).

⁷⁴² Постановление Пленума Верховного Суда СССР «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» от 4 марта 1929 г. с изменениями от 14 марта 1963 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. М., 1987. С. 477.

⁷⁴³ Блум М.И., Тилле А.А. Указ.соч. С. 38–40.

⁷⁴⁴ Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 219; Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. С. 307.

Президиум Пермского областного суда 25 октября 1993 г. протест удовлетворил, указав следующее.

Обстоятельства дела судом установлены правильно, выводы о виновности Морозова в изнасиловании 3. основаны на доказательствах, исследованных судом, соответствуют материалам дела. Однако действия Морозова квалифицированы неправильно.

Как видно из дела, Морозов после совершения насильственного полового акта с потерпевшей, когда она пыталась уйти из его квартиры, остановил ее и вновь, применяя насилие, совершил второй половой акт.

Исходя из смысла закона, в тех случаях, когда насилие над потерпевшей не прерывалось либо прерывалось на непродолжительное время и обстоятельства совершения насильственных половых актов свидетельствуют о едином умысле виновного, совершение им второго и последующих половых актов не может рассматриваться в качестве обстоятельства, дающего основание для квалификации содеянного по признаку повторности.

Районный суд не учел этого и необоснованно квалифицировал совершение Морозовым второго полового акта с той же потерпевшей через непродолжительное время по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР (п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ), по признаку повторности. Поэтому президиум Пермского областного суда приговор народного суда и определение судебной коллегии областного суда изменил, переквалифицировав действия осужденного с ч. 2 ст. 117 на ч. 1 ст. 117 УК РСФСР (с п. «а» ч. 2 ст. 131 на ч. 1 ст. 131 УК РФ)⁷⁴⁵.

2) По приговору Бежицкого районного суда г. Брянска 26 мая 1998 г. Романченко осужден по ч. 1 ст. 111 и п. «в» ч. 3 ст. 111 УК РФ.

Он признан виновным в умышленном причинении Воронцову тяжкого вреда здоровью, опасного для его жизни, и повторном причинении тяжкого вреда его здоровью.

23 февраля 1998 г. около 21 час. 30 мин. в доме культуры «Юность» г. Брянска Романченко встретил Воронцова, с которым находился в неприязненных отношениях. Между ними произошла очередная ссора, во время которой Романченко ударил

Воронцова складным ножом в живот, но потерпевший этого удара не почувствовал, и они разошлись.

Примерно через полчаса в фойе Романченко подошел к Воронцову, и между ними вновь произошла ссора. Воронцов первым толкнул Романченко, а последний в ответ на это дважды ударил потерпевшего ножом в живот, причинив ему тяжкий вред здоровью.

Судебная коллегия Брянского областного суда 19 июня 1998 г. приговор оставила без изменения.

Председатель Брянского областного суда протест оставил без удовлетворения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 18 октября 2001 г. удовлетворила аналогичный протест заместителя Председателя Верховного Суда РФ, указав следующее.

Подтверждая правильность выводов суда, кассационная и надзорная инстанции также не опровергли имеющихся в деле доказательств и не привели убедительных доводов о наличии в действиях осужденного признака повторности совершения преступления. Поскольку преступное деяние совершено Романченко в отношении одного и того же лица в течение непродолжительного времени и по единому мотиву, его действия охватывались единым умыслом и свидетельствуют о едином продолжаемом преступлении.

В данном случае оба эпизода содеянного подлежат переквалификации с п. «в» ч. 3 ст. 111 и ч. 1 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 111 УК РФ как единое продолжаемое преступление: умышленное причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, по совокупности совершенных осужденным действий⁷⁴⁶.

Однако, если с выводом суда по первому делу можно согласиться, то второму — никак нельзя.

В обоснование своего решения о виновности Романченко в повторном причинении Воронцову тяжкого вреда здоровью суд указал, что подсудимый умышленно причинил потерпевшему тяжкий вред здоровью, после чего каждый из них занимался своими делами. Лишь через полчаса при новой встрече между ними вновь произошел конфликт, во время которого Романченко дважды ударил Воронцова ножом в живот.

⁷⁴⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 5. С. 14.

⁷⁴⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 4. С. 9–10.

В итоге потерпевшему причинены три проникающих ранения в живот через длительный промежуток времени, при этом каждый раз умысел осужденного был направлен на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

По смыслу закона как повторные следует квалифицировать действия виновного, который во второй раз умышленно причинил потерпевшему тяжкий вред здоровью при отсутствии единого умысла на их совершение.

По делу установлено, что между Романченко и Воронцовым длительное время существовала неприязнь и по этой причине Романченко причинил Воронцову тяжкий вред здоровью, находясь в одном месте в доме культуры, и через 30 минут повторно — будучи в другом.

Разрыв во времени между первым и вторым действиями Романченко, приведшими к единому преступному результату, при отсутствии других данных свидетельствует о возникновении в каждом случае нового умысла на причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью и образует совокупность преступлений.

Длящееся преступление — это действие или бездействие виновного, сопряженное с последующим длительным невыполнением им обязанностей, возложенных законом под угрозой уголовного преследования (незаконное хранение оружия, хранение наркотических средств, злостное уклонение от уплаты алиментов и т. п.). Оно характеризуется непрерывным осуществлением состава определенного преступного деяния, начинается с момента совершения преступного действия (бездействия) и кончается вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих совершению преступления (например, вмешательство правоохранительных органов).

Из законов, действовавших в период совершения длящегося преступления, предпочтение при правовой его оценке должно отдаваться тому, который был в силе в момент окончания преступления⁷⁴⁷.

Ю.И.Ляпунов, верно отмечающий, что к длящимся преступлениям применяется закон, действующий на момент их пресечения или окончания по иным основаниям, затем дополняет это положение: «При этом не имеет значения то обстоятельство, что

до вступления в силу закона, по которому квалифицируется подобное преступление, инкриминируемые действия не признавались уголовно наказуемыми»⁷⁴⁸.

Это неудачное замечание, поскольку поведение в той его временной части, в которой оно не было криминализовано, не может быть инкриминировано лицу, продолжающему вести себя подобным образом и после криминализации.

Непростым является вопрос о времени осуществляемого в соучастии преступления, при котором совместно совершающие его лица действуют одновременно. Что считать временем совершения преступления этими лицами: момент окончания их собственных действий или общий для всех соучастников момент — окончание преступления исполнителем? Если признать, что «только исполнитель выполняет действия, непосредственно образующие состав преступления», что именно в его действиях лежит основание ответственности других соучастников, то временем совершения преступления для всех них должно быть, как считают некоторые ученые, время завершения преступных действий исполнителем⁷⁴⁹. Если же встать на позицию признания самостоятельности и индивидуальности основания ответственности для каждого из соучастников, которое кроется в характере совершаемых ими действий, — а именно она представляется правильной, — то каждый должен отвечать по закону времени совершения деяния лично им.

Жесткая привязка ответственности соучастников к ответственности исполнителя основана на акцессорной теории соучастия — по существу отвергающей самостоятельность правовой оценки их поведения. Если же считать, что каждый из соучастников выполняет свой состав преступления, отличающийся своими объективными признаками, то выполнение его может не совпадать во времени с деятельностью исполнителя.

«Итак, — делает вывод А.И.Бойцов, рассматривая эти вопросы, — в каждом из рассмотренных случаев важно выяснить, предписания какого именно закона нарушены субъектом, знающим или должным знать о требуемом образе поведения, при действии какого именно закона фактически прекращена волевая деятельность, предполагающая необходимость ее сообразования

⁷⁴⁷ Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве. СПб., 1993. С. 10–11.

⁷⁴⁸ Ляпунов Ю. Действия новых норм Особенной части уголовного закона // Социалистическая законность. 1983. № 9. С. 24.

⁷⁴⁹ Брагин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 137.

с нормативными требованиями, безотносительно к тому, когда юридически преступление считается оконченным, ибо единым критерием его фактического окончания — одномоментным или разномоментным, длящимся или продолжаемым, единолично или в соучастии совершаемым является это преступление — служит время завершения деяния. Применительно к отдельным формам преступной деятельности это правило конкретизируется следующим образом: 1) если между деянием и наступлением указанных в законе последствий имеется разрыв во времени, то независимо от конструкции состава применяется закон, действовавший в момент совершения (несовершения) действия; 2) если норма предусматривает два или более действия, лишь в совокупности образующих объективную сторону, то содеянное в целом оценивается по закону, который действовал в момент совершения последнего из числа образующих данное преступление актов; 3) к длящимся преступлениям применяется закон, действующий на момент их прекращения по воле или вопреки воле виновного; 4) при совершении продолжаемого преступления содеянное в целом квалифицируется по закону времени совершения последнего акта из числа составляющих единое преступление; 5) к соучастникам применяется закон, который был в силе на момент совершения деяния каждым из них персонально»⁷⁵⁰.

Непростым является вопрос, какой закон следует применять для правовой оценки действий соучастников, если исполнитель совершил преступление после принятия нового, более строгого закона. Иначе говоря, что считать временем совершения преступления соучастниками: момент окончания их собственных действий или общий для всех соучастников момент — окончание преступления исполнителем? И хотя большинство исследователей склоняются ко второму решению: моментом совершения преступления для соучастников следует признавать момент совершения преступления исполнителем⁷⁵¹, мы считаем, что, если каждый участник отвечает за лично им содеянное, то у каждого из них «индивидуальное основание» уголовной ответственности.

⁷⁵⁰ Бойцов А.И. Действие уголовного закона во времени и пространстве. СПб., 1995. С. 71–73.

⁷⁵¹ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 262–264; Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение. С. 137.

Если руководствоваться ч. 1 ст. 34 УК РФ, можно сделать вывод, что здесь реализуется принцип самостоятельной ответственности соучастников. Из этого следует, что временем совершения соучастниками преступления является не тот момент, в который исполнитель реализовал объективную сторону состава преступления, а тот, когда каждый из них совершил те деяния, которыми определялось его участие в преступлении. И применению подлежит уголовный закон, который действовал во время фактического участия лица в осуществлении единого преступления.

Однако положения УК РФ не содержат четких критериев для правильного и единообразного его применения в отношении лиц, совершивших «групповое» преступление. Таким образом, реформирование института действия уголовных законов во времени еще не завершено, — замечает по этому поводу Е.Журавлева⁷⁵².

Однако наряду с понятиями точного значения при описании времени совершения преступления, как и других признаков состава преступления, применяются также оценочные понятия. В отличие от понятий точного значения оценочные понятия характеризуются недостаточной определенностью, отсутствием однозначных, строго фиксированных признаков. Очевидно, что применение норм, содержащих такие понятия, как «длительный», «длительное время», вызывает значительные трудности, ибо содержание указанных понятий раскрывается и уточняется лишь в отношении конкретного случая, в результате оценочно-познавательной деятельности субъекта, применяющего норму права⁷⁵³. Поэтому выяснение юридической природы и логико-гносеологических особенностей оценочных понятий, правил их толкования и применения имеет важное теоретическое и практическое значение.

Завершая рассмотрение вопроса о понятии времени совершения преступления, на основании изложенного представляется возможным заключить, что время совершения преступления — понятие емкое и многогранное, его признаки лежат в различных плоскостях правовой действительности. На его формирование

⁷⁵² Журавлева Е. Действие уголовного закона во времени // Российская юстиция. 1996. № 10. С. 17.

⁷⁵³ Браинин Я.М. Уголовный закон и его применение. С. 63.

накладывают отпечаток нормы различных отраслей права, а также особенности конструирования составов преступлений.

В самом общем виде время совершения преступления можно определить как промежуток той или иной длительности, в которой выполнена его объективная сторона. Но логические требования к понятиям предполагают, что в них охватываются все существенные черты определяемого. Используя признак видового отличия, можно обойтись без подобного перечисления всех существенных признаков определяемого.

Время совершения преступления — это определенный период или момент, описанный в диспозиции уголовно-правовой нормы, имеющий уголовно-правовое значение, в который было выполнено общественно опасное деяние или наступил преступный результат, т.е. совершено преступление.

5.2. Место совершения преступления

Действующий уголовный кодекс закрепил понятие времени совершения преступления (ч. 2 ст. 9 УК РФ), но не решил данного вопроса относительно места совершения преступления.

Это обстоятельство затрудняет решать единообразно вопросы о наличии оснований уголовной ответственности в УК РФ. Вместе с тем определение места совершения преступления необходимо для установления пределов действия уголовного закона, что немаловажно для материального уголовного права⁷⁵⁴.

Так как законодатель не дает определения места совершения преступления, в теории существуют различные точки зрения на это понятие, что может привести (и приводит) к проблемам на практике.

Деяние, совершенное в одних условиях места и времени, может не иметь той степени общественной опасности, которая ему была присуща при других условиях. Исследователи указывают на устойчивую повторяемость места и времени совершения некоторых преступлений. Тем более важно определить понятие каждого факультативного признака (в частности, места совершения преступления).

Чтобы четко определить предмет, о котором идет речь, необходимо дать ему определение.

В словаре русского языка Ожегова говорится следующее:

Место:

1) пространство, которое занято или может быть занято кем- или чем-нибудь, на котором что-нибудь происходит, находится или где может располагаться;

2) участок на земной поверхности, местность.

Пространство:

1) объективная реальность, форма существования материи, характеризующаяся протяжением и объемом;

2) промежуток между чем-нибудь, место, где что-нибудь вмещается;

3) поверхность земель, как площадь⁷⁵⁵.

Естественно, предложенные определения несколько корректируются в теории уголовного права, однако, не деформируя сильно общепризнанные понятия.

Согласно ст. 11 и 12 УК РФ, место совершения преступления влияет на выбор уголовного закона, по которому лицо, совершившее преступление, подлежит уголовной ответственности.

Как пишут А.И.Бойцов и Б.В.Волженкин, территория Российской Федерации будет выступать местом совершения предварительной преступной деятельности, если таковая была осуществлена на территории Российской Федерации, а преступление было окончено на территории другого государства, но по законам этого государства не является преступным.

Территория Российской Федерации не будет местом совершения преступления в том случае, если предварительная преступная деятельность была совершена на территории иностранного государства, а последствия должны были наступить в России⁷⁵⁶.

Чаще всего можно встретиться со следующим определением места совершения преступления: место — описанная в законе конкретная территория, на которой совершается преступное посягательство. Ряд авторов уточняют, что имеется в виду как сухопутная территория, так и водная или воздушная территория⁷⁵⁷, что, на наш взгляд, является достаточно справедливым. Напри-

⁷⁵⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 188.

⁷⁵⁶ Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве. С. 56.

⁷⁵⁷ Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Б.В.Здравомыслова. С. 151.

⁷⁵⁴ Поддубный А.А. Указ. соч. С. 18.

мер, ст. 253 УК РФ говорит о континентальном шельфе и исключительной экономической зоне РФ.

Словарь по уголовному праву дает такое понятие: место — это определенная территория, на которой совершено преступление⁷⁵⁸.

Критикуя определение места совершения преступления, даваемое в учебнике уголовного права под редакцией А.И.Парога, которое понимается как «определенная территория, на которой произошло событие преступления»⁷⁵⁹, А.А.Поддубный пишет: «В теории права событием является обстоятельство, наступление которого не зависит от воли и сознания человека. Что же касается преступления, то оно как раз наоборот полностью зависит от воли и сознания лица, совершившего преступление. Отсутствие воли или сознания при совершении общественно опасного деяния исключает виновность лица. Следовательно, такое деяние не может являться преступлением из-за отсутствия одного из обязательных признаков преступления — виновности. Таким образом, при характеристике места совершения преступления необходимо использовать категорию «деяние» как один из видов юридического факта, а не «событие преступления». Следовательно, под местом совершения преступления необходимо понимать территорию, на которой совершено общественно опасное деяние»⁷⁶⁰.

Встречается и такое определение: место совершения преступления — «территория или пространство, где исполнителем совершено деяние, образующее объективную сторону состава преступления, независимо от места наступления преступного результата»⁷⁶¹.

К.Л.Акоев дает следующее определение: «Место совершения преступления — часть физического пространства, территория, описываемая в диспозиции уголовно-правовой формы посредством указания на наиболее важные (для характеристики общественной опасности и видового отличия преступлений) признаки, на которой выполнено преступное действие (бездействие, или

⁷⁵⁸ Наумов А.В. Место совершения преступления // Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В.Наумов. С. 203.

⁷⁵⁹ Уголовное право. Общая часть / Под ред. А.И.Парога. М., 1997. С. 98.

⁷⁶⁰ Поддубный А.А. Указ. соч. С. 18.

⁷⁶¹ Лесниевски-Контарева Т.А. Уголовное право: Словарь-справочник. М., 2000. С. 113.

наступил преступный результат либо преступление было завершено и пресечено»⁷⁶².

Можно отметить, что место совершения преступления должно рассматриваться с позиции двух взаимосвязанных аспектов этого понятия.

В широком смысле — это часть физического пространства, территория, на которую распространяется юрисдикция того или иного государства.

В узком — пространственная характеристика преступления, непосредственно указывающая или подразумеваемая в диспозициях уголовно-правовых норм и влияющая на квалификацию преступления и индивидуализацию уголовной ответственности и наказания.

Можно рассматривать место преступления и как обстоятельство, влияющее на степень общественной опасности деяния в качестве компонента, смягчающего либо отягчающего ответственность. Однако в такой роли место совершения преступления может учитываться лишь судом, так как Уголовный кодекс не относит место совершения преступления ни к смягчающим, ни к отягчающим обстоятельствам.

Территориальный принцип совершения преступления означает, что применяться должен закон места совершения преступления.

Все достаточно просто в отношении преступлений, для состава которых достаточно лишь совершения общественно опасного деяния и не обязательно наступление общественно опасного последствия. Местом совершения преступления следует считать то место, где совершено действие или бездействие.

Например, местом совершения такого преступления, как незаконное пересечение Государственной границы РФ (ст. 322 УК РФ), является место незаконного пересечения границы, причем во всех случаях деяние признается совершенным на территории РФ.

Для преступлений, состав которых включает наступление общественно опасного последствия, местом совершения, как правило, следует считать место наступления этого последствия.

Так же решает данный вопрос в пользу места наступления последствий и К.Л.Акоев⁷⁶³.

⁷⁶² Акоев К.Л. Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 12.

Ряд авторов не соглашается с предложенной точкой зрения и считает, что место совершения преступления там, где совершены или окончены действия, обусловившие наступление преступного результата⁷⁶⁴.

М.А.Кауфман, например, считает, что «преступление должно признаваться совершенным там и тогда, где и когда совершено общественно опасное деяние, вне зависимости от наступления вредных последствий»⁷⁶⁵.

Считаем, что это мнение неосновательно. Оно может применяться только к формальным составам. К материальным составам оно не может быть применено, так как в момент совершения действий нет еще оконченного состава преступления, а следовательно, преступление нельзя считать совершенным. Например, если в поезде был дан яд потерпевшему, а он умер на территории другого государства, то местом совершения преступления следует считать территорию того государства, где наступила смерть. Однако следует учитывать тот факт, что, по российскому уголовному закону, наказывается покушение и приготовление (к тяжкому или особо тяжкому) преступлению (ст. 30 УК РФ). То есть преступление считается совершенным на территории РФ, если виновный совершил деяние на территории РФ, хотя бы нарушение или угроза охраняемым законом интересам наступила или должна была наступить полностью или частично за границей.

Гражданин Российской Федерации Сушин (житель Ивангорода) находился в неприязненных отношениях с гражданином Эстонии Куотси (жителем г. Нарва). После очередной ссоры на пограничном мосту через реку Нарва, разделяющей эти два пограничных города, Сушин решил убить Куотси. С этой целью он приобрел винтовку с оптическим прицелом и с территории Российской Федерации выстрелил в Куотси, который находился на территории Эстонии, причинив тяжкий вред его здоровью. Сушин был осужден по ст. 15 и ст. 103 УК РСФСР (ст. 30 и ст. 105 УК РФ)⁷⁶⁶.

С другой стороны, если приготовительные к преступлению действия совершены за границей, где исполнение преступления начиналось или продолжалось, либо действия по совершению преступления учинены за границей, но общественно опасное последствие наступило или по умыслу виновного должно было наступить в Российской Федерации, преступление следует считать совершенным на территории Российской Федерации.

Дискуссионным остается вопрос относительно места совершения так называемых дистанционных преступлений, в которых место деяния и его последствий не совпадают, а также для преступлений, отдельные акты которых или действия соучастников совершены в разных местах.

Дистанционные преступления в зависимости от конструкции составов преступлений или способов их осуществления образуют следующие категории преступлений: преступления с отдаленным в пространстве результатом; преступления с двумя действиями; длящиеся преступления; продолжаемые преступления; преступления, совершенные в соучастии.

Дистанционные преступления с отдаленным в пространстве результатом — это преступления с материальным составом, когда не совпадают место совершения общественно опасного деяния и место наступления общественно опасного последствия.

Дистанционные преступления с двумя действиями — это сложные составные преступления, которые слагаются из двух действий, каждое из которых в отдельности само по себе предусмотрено в качестве самостоятельного преступления и при этом совершается на разных территориях.

Под длящимся преступлением понимается действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования. Это такие преступления, которые характеризуются непрерывным осуществлением состава определенного преступного деяния (состав не просто продолжается во времени, а непрерывно осуществляется).

Продолжаемое преступление определяется как преступление, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление.

⁷⁶³ Акоев К.Л. Указ. соч. С. 11.

⁷⁶⁴ Келина С.Г. Советский уголовный закон. М., 1961. С. 27; Поддубный А.А. Указ. соч. С. 18.

⁷⁶⁵ Кауфман М.А. Указ. соч. С. 7.

⁷⁶⁶ Дело № 184/89 // Архив Ивангородского городского суда за 1989 г.

Соучастие в преступлении определяется как особая форма преступной деятельности, когда несколько лиц объединяют свои усилия для достижения общественно опасного результата⁷⁶⁷.

Отсутствие в законе рекомендаций по определению места совершения преступления вызывает особые трудности в квалификации дистанционных преступлений в случае совершения таких преступлений на территории нескольких государств.

«Как, — например, определить место совершения преступления с так называемым материальным составом, когда уголовный закон в объективную сторону преступления включает общественно опасное последствие, и когда само деяние совершено на территории одной республики, а последствие наступило на территории другой (допустим, яд дан в Москве, а смерть потерпевшего наступила в Киеве)»? — спрашивают А.Н.Наумов и К.Л.Акоев⁷⁶⁸.

В теории по этому вопросу существует несколько точек зрения.

Одни авторы считают, что место совершения таких преступлений то, где совершено или окончено действие, обусловившее наступление преступного результата. Эта позиция обосновывается тем, что виновный далеко не всегда предопределяет место наступления преступного последствия, зачастую оно обуславливается случайными причинами (к примеру, телесные повреждения нанесены на территории одной республики вблизи границы другой республики, где расположено ближайшее медицинское учреждение, туда повезли потерпевшего, и он там умер).

Другие считают, что место выполнения действия нельзя считать местом совершения преступления, так как в этот момент состав преступления еще не окончен и, следовательно, преступление еще нельзя считать совершенным.

Обе точки зрения по-своему обоснованы, и не существует законодательных аргументов в пользу той или другой. Но, как уже было сказано, мы придерживаемся второй позиции.

Определенными особенностями отличаются места совершения длящихся и продолжаемых преступлений.

Рассматривая длящееся преступление как непрерывно совершаемое с начала и до прекращения или путем действия, или путем бездействия, можно прийти к выводу, что местом совер-

шения преступления будет любое место, где в течение какого-то времени осуществлялось это преступление. По мнению Н.Д.Дурманова, местом совершения преступления будет место, где виновный привлечен к ответственности и предан суду⁷⁶⁹. Однако следует заметить, что не подсудность должна определять место совершения преступления, а, наоборот, место совершения преступления должно определять подсудность. То есть следует считать, что местом совершения преступления в каждый конкретный отрезок времени является то место, где оно пресечено или окончено.

Начальным моментом длящегося преступления является совершение описанного в законе активного действия. Конечным — отпадение состава преступления вследствие действия самого виновного, направленного к прекращению преступления, или наступления событий, препятствующих завершению преступления. То есть длящееся преступление прекращается по воле, вопреки воле или независимо от воли виновного. Следовательно, длящееся преступление характеризуется непрерывным осуществлением в течение известного отрезка времени состава определенного преступления.

Длящееся преступление, однажды совершившись, не оканчивается на этом, а постоянно и непрерывно возобновляется. То есть совершенное виновным лицом деяние продолжает постоянно осуществляться как уголовно наказуемое на протяжении неопределенного времени до момента окончания этой преступной деятельности. Например, незаконное хранение огнестрельного оружия (ст. 222 УК РФ) до его прекращения осуществляется постоянно и при этом всегда является уголовно наказуемым.

Особенности продолжаемого преступления отражают специфические черты совершения этого преступления: деяние, состоящее из нескольких и даже множества однородных актов, по своей сущности представляет единое преступление. Оно всегда единое, что, безусловно, исключает повторность.

Даже если отдельные акты продолжаемого преступления учинены в нескольких местах, все равно в целом совершено одно преступление и местом его совершения является любое из них.

Началом совершения продолжаемого преступления следует считать выполнение первого из преступных идентичных актов,

⁷⁶⁷ Поддубный А.А. Указ. соч. С. 19–20.

⁷⁶⁸ Наумов А.Н., Акоев К.Л. Указ. соч. С. 13.

⁷⁶⁹ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. С. 224.

направленных к общей цели. Моментом окончания продолжаемого преступления является совершение виновными последнего преступного деяния в совокупности с предшествующими такими же деяниями, составляющими единое продолжаемое преступление.

Территория Российской Федерации должна быть признана местом совершения продолжаемого преступления, если на ее территории был совершен последний из преступных идентичных актов, направленных на достижение единого преступного результата, даже если остальные идентичные акты совершались вне пределов территории Российской Федерации⁷⁷⁰.

В случаях, когда между фактическим и предполагаемым местом наступления предполагаемых составом последствий имеется существенное различие, возникает разновидность фактической ошибка — ошибка в месте совершения преступления, следовательно, неправильное применение закона.

Наиболее часто встречающиеся ошибки выглядят следующим образом: разграничение повторного и продолжаемого хищения, определение стадии совершения преступления, толкование проникновения в помещение, иное хранилище и жилище, установление направленности и умысла виновного, а также мотива и цели преступления⁷⁷¹.

Неоднозначным представляется и определение места совершения преступления применительно к деятельности соучастников, причем и здесь возможны два случая: преступное деяние совершено в России, а подстрекательство или пособничество к нему — за границей, или наоборот.

А.А.Поддубный считает, что местом совершения преступления является территория, где совершены преступные действия исполнителем. Поэтому в отношении преступлений, совершенных в соучастии, он исходит из того, что местом совершения преступления будет место, где исполнителем совершено преступление или покушение на преступление⁷⁷².

Но эта же акцессорная теория соучастия!

Дальше автор правильно пишет, что необходимо учитывать тот факт, что при совершении преступления в соучастии роль каждого из соучастников в его совершении различна. Поэтому

ответственность в его совершении различна. Поэтому ответственность преступника должна быть самостоятельной и индивидуальной. Каждый соучастник отвечает за собственные действия, за фактическую долю в совместно совершенном преступлении, в пределах личной вины. Но почему-то А.А.Поддубный затем замечает, что это не влияет на определение места совершения преступления в соучастии⁷⁷³.

Каждым соучастником выполняется самостоятельный состав преступления, и поэтому место совершения преступления следует считать местом совершения деяния каждым из соучастников.

В отношении преступлений, для состава которых достаточно лишь совершения общественно опасного деяния и не обязательно наступление общественно опасного последствия, местом совершения преступления следует считать то место, где совершены эти действия или бездействие, потому что наступление преступного результата не влияет на момент окончания преступления, а, будучи факультативным признаком, может играть роль либо квалифицирующего признака, либо отягчающего вину обстоятельства.

Не менее сложным является установление места совершения преступления, если оно имело предварительные стадии.

Стадии развития преступной деятельности имеют самостоятельное уголовно-правовое значение только лишь в том случае, когда это деятельность была приостановлена по причинам, не зависящим от субъекта преступления и тем самым не было доведена до конца. Ответственность же за вполне совершившееся деяние совмещает в себе ответственность и за все предшествующие стадии развития преступной деятельности.

Согласно этому, деяние, совершение или окончание которого имело место в пределах России, всегда рассматривается как совершенное на нашей территории, где бы ни происходили предшествующие стадии.

Это правило не затрагивает тех ситуаций, когда подготовительная деятельность, являющаяся преступной по нашему УК, была совершена на территории Российской Федерации. Если при этом объективная сторона преступления выполнялась вне пределов нашей территории, но по законам этого государства преступлением не являлась, совершившее его лицо может быть наказуемо по нашим законам, но не как за оконченное деяние, а

⁷⁷⁰ Поддубный А. А. Указ. соч. С. 20.

⁷⁷¹ Акоев К. Л. Указ. соч. С. 17.

⁷⁷² Поддубный А. А. Указ. соч. С. 20.

⁷⁷³ Там же.

только за приготовление, совершенное в пределах России, если, конечно, преступление не было направлено против интересов Российской Федерации.

В случаях, когда приготовление к преступлению или покушение на преступление совершены за границей, а сам состав преступления был окончательно реализован на территории России (независимо от того, что замыслом виновного охватывалось наступление общественно опасных последствий или они уже наступили на территории России), преступление также следует считать совершенным на территории Российской Федерации.

Территория Российской Федерации будет выступать местом совершения предварительной преступной деятельности, если таковая была осуществлена на территории Российской Федерации, а преступление было окончено на территории другого государства, но по законам этого государства не является преступным.

Территория Российской Федерации не будет местом совершения преступления в том случае, если предварительная преступная деятельность была совершена на территории иностранного государства, а последствия должны были наступить в России. Хотя в большинстве случаев виновный направляет свое волевое преступное действие на то, чтобы достичь наступления не только определенных последствий, но и на определенной территории, т. е. желает наступления последствий в определенном месте, или предвидит и сознательно допускает наступление последствий в этом месте, не совпадающем с местом совершения самого деяния⁷⁷⁴.

При разрешении вопросов, связанных с действием уголовного закона в пространстве, если место деяния или место наступления последствий подпадает под юрисдикцию государства, то применяется территориальный принцип.

В большинстве статей Уголовного кодекса место совершения преступления включено в качестве конструктивного признака состава преступления. Часть 2 ст. 256 УК РФ устанавливает ответственность за незаконную добычу котиков, морских бобров или иных морских млекопитающих в открытом море или запретных зонах. Установление указанных мест является необходимым условием применения данной части конкретной статьи. В ином случае за это деяние лицо может понести ответствен-

ность по ч. 1 ст. 256 УК РФ, где несколько иное наказание, или же вообще будет привлечено к иному виду ответственности (например, административной), если таковая предусмотрена в соответствующем законодательстве.

В тех случаях, когда место совершения преступления выступает в качестве конструктивного признака состава, установление того, что преступление совершено в другом месте, означает либо отсутствие вообще в деянии состава преступления, либо влечет квалификацию преступления по другим статьям Уголовного кодекса.

Например, если правила безопасности были нарушены должностным лицом не на взрывоопасном предприятии (соответствующий объект не был признан таковым), то это означает наличие в действиях виновного состава преступления, предусмотренного не ст. 217 УК РФ «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах», а ст. 143 УК РФ «Нарушение правил охраны труда».

В ряде случаев специфика места совершения преступления такова, что оно значительно повышает степень общественной опасности совершенного деяния, и в связи с этим закон предусматривает его в качестве квалифицирующей признака, образуя состав преступления с отягчающими обстоятельствами⁷⁷⁵.

Так, при установлении того, что незаконная охота осуществлялась на территории заповедника или заказника, содеянное квалифицируется по п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ.

Трудности, связанные с правовой оценкой содеянного в связи определением места совершения преступления возникают тогда, когда этот признак непосредственно в диспозиции статьи Особенной части УК не называется, но тем не менее уяснение самого закона приводит к признанию того, что и в этих случаях он может иметь уголовно-правовое значение.

Аликовским районным судом Чувашской Республики 20 ноября 1996 г. Варламов и Яковлев осуждены по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР. Они признаны виновными в том, что 21 сентября 1996 г., проникнув на охраняемую территорию фруктового сада, принадлежащего АО «Динамо» Аликовского района, нарвали яблوك и наполнили два мешка общим весом 60 кг на сумму 45 тыс. рублей, однако были застигнуты с поличным охранником

⁷⁷⁴ Там же. С. 19.

⁷⁷⁵ Наумов А.К., Акоев К.Л. Указ. соч. С. 12.

сада Мурзаковым и, несмотря на его предупреждение об ответственности, уехали на автомашине домой.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об исключении из судебных решений квалифицирующего признака грабежа — «с незаконным проникновением в иное хранилище».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 16 апреля 1998 г. протест удовлетворила, приговор изменила, указав следующее.

Суд обоснованно признал вину Варламова и Яковлева в открытом хищении яблок из фруктового сада, однако неправильно пришел к выводу о наличии в действиях осужденных квалифицирующего признака грабежа — «с незаконным проникновением в иное хранилище».

По смыслу закона «иное хранилище» — это особое устройство, место или участки территории, специально оборудованные или предназначенные для постоянного или временного хранения товарно-материальных ценностей.

Следовательно, основным критерием для признания «иного хранилища» является отведение и оборудование участка исключительно для цели хранения. Другое назначение таких площадей (как, например, в данном случае фруктового сада — для выращивания яблок) не дает основания считать подобные участки хранилищем. Яблоки, как видно из дела, были сорваны виновными с деревьев, уложены в мешки и вынесены из сада.

В связи с тем, что не всякая охраняемая территория может быть признана «иным хранилищем» (территория фруктового сада таковой не являлась), квалифицирующий признак грабежа «с незаконным проникновением в иное хранилище» подлежит исключению из приговора и последующих решений по делу⁷⁷⁶.

«Место — хотя и факультативная, но тем не менее важная характеристика совершенного деяния, законодатель во избежание употребления громоздких перечней мест, влияющих на уголовную противоправность соответствующего деяния, обычно прибегает к бланкетному способу их описания, то есть для их расшифровки уголовный закон отсылает к нормативным актам другой отрасли права», — отмечают К.Л.Акоев и А.К.Наумов⁷⁷⁷.

Его необходимость связана с потребностями технического порядка, что позволяет избежать громоздкой диспозиции, а также с особенностями некоторых объектов уголовно-правовой охраны, наличие и степень причинения вреда которых невозможно определить без обращения к нормативным актам иных отраслей права.

Так, выезд за сплошную осевую линию на полосу встречного движения, переезд железнодорожных путей вне установленных мест являются нарушениями, предусмотренными Правилами дорожного движения, в связи с чем при виновном наступлении причинно связанных с ними последствий содеянное квалифицируется по ст. 264 УК РФ.

Или обязательным признаком контрабанды (ст. 188 УК РФ) является место — таможенная граница, под которой понимается граница территории, на которой действует единое таможенное законодательство. Естественно, понятие таможенной границы и таможенной территории не дается в УК, следовательно, необходимо обращаться к таможенному законодательству. То же самое касается определения заповедников, заказников, мест нереста рыбы и т. д.

В некоторых случаях особенности места совершения преступления, влияющие на степень опасности деяния, признаются законодателем квалифицирующими признаками. Так, одним из квалифицирующих признаков загрязнения вод законодатель называет совершение этого преступления на территории заповедника или заказника либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации (ч. 2 ст. 250 УК РФ).

В остальных случаях место совершения преступления является факультативным признаком, влияющим на степень опасности деяния, что учитывается судом при выборе вида и размера наказания⁷⁷⁸.

Место совершения преступления находится в тесной связи с другими признаками состава преступления, в особенности с признаками объективной стороны, ввиду чего оказывает существенное влияние на их содержание.

Также функциональная связь способствует выявлению содержания других признаков.

⁷⁷⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 2. С. 12–13.

⁷⁷⁷ Там же.

⁷⁷⁸ Курс уголовного права. Т. 1. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. С. 253.

В совокупности с другими обстоятельствами такой признак, как место совершения преступления, может свидетельствовать о наличии или отсутствии деяния, причинной связи, характеризовать способ совершения преступления, влиять на размер причиненного ущерба, на признание тех или иных орудий предметами преступления и т. д.

Место совершения преступления, в частности, может оказывать влияние на вывод о степени завершенности общественно опасного деяния, а тем самым и на определение момента окончания преступления. Так, хищение следует считать оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению или пользоваться им. Оценка такой возможности не может не зависеть от места нахождения изъятого имущества (охраняемая территория завода, пределы секции магазина и т. д.). И если условия места не позволяют виновному распорядиться или воспользоваться этим имуществом, то это свидетельствует о том, что объективная сторона хищения выполнена не полностью и, следовательно, имеет место покушение на преступление.

Мещанским межмуниципальным районным судом Центрального административного округа г. Москвы Желан осужден по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР (ч. 1 ст. 158 УК РФ).

Желан 18 декабря 1994 г. около 17 час. в состоянии алкогольного опьянения тайно похитил из секции универмага «Детский мир» рулон фотообоев стоимостью 146 455 руб. Выйдя за пределы секции, был задержан с похищенными сотрудниками милиции.

Председатель Московского городского суда в протесте поставил вопрос о переквалификации действий Желана с ч. 2 ст. 144 УК РСФСР (ч. 1 ст. 158 УК РФ) на ст. 15 и ч. 2 ст. 144 УК РСФСР (ст. 30 и ч. 1 ст. 158 УК РФ).

Президиум Московского городского суда 6 июня 1996 г. протест удовлетворил, указав следующее.

Правильно установив фактические обстоятельства дела, суд дал им неверную юридическую оценку.

В соответствии с законом преступление, предусмотренное ст. 144 УК РСФСР (ст. 158 УК РФ), считается оконченным с того момента, когда виновный приобретает реальную возможность распорядиться похищенным имуществом по своему усмотрению.

Из материалов дела видно, что, похитив рулон фотообоев, Желан вышел из секции универмага и был задержан сотрудниками милиции на четвертом этаже у лестницы.

Хотя Желан преступным путем завладел рулоном фотообоев, однако фактически распорядиться чужим имуществом реальной возможности у него не было. Он не осознавал того, что в момент совершения преступления за его действиями наблюдал сотрудник милиции, проконтролировавший его поведение вплоть до момента задержания. За пределы здания универмага Желан не вышел, даже не покинул 4-го этажа, на котором расположена секция, в которой он совершил преступление. Он был задержан практически сразу после выхода из секции, в связи с чем предпринять какие-либо действия, направленные на реализацию изъятого имущества, он не мог.

При таких обстоятельствах действия Желана подлежат квалификации по ст. 15 и ч. 2 ст. 144 УК РСФСР (ст. 30 и ч. 1 ст. 158 УК РФ) как покушение на совершение тайного хищения чужого имущества (кражи), поскольку действия Желана были непосредственно направлены на совершение преступления, которое не было доведено до конца по причинам, не зависящим от его воли (задержание сотрудниками милиции).⁷⁷⁹

Специфика места совершения преступления может влиять и на установление характера причинной связи между совершенным деянием и наступившим в результате него общественно опасным последствием и в этом случае также приобретать важное уголовно-правовое значение, — пишут А.Наумов и К.Акоев и приводят следующий пример.

Ш. был осужден краевым судом по п. «б» и «з» ст. 102 УК РСФСР (п. «а» и «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Преступление им было совершено при следующих обстоятельствах.

Встретив на свалке группу детей в возрасте 9–12 лет, он с целью напугать их крикнул: «Стойте!» — и побежал за ними. Ш. преследовал их почти километр, а когда дети подбежали к водоему, покрытому в некоторых местах льдом, достал нож и сказал: «Попались!» Спасаясь от него, дети прыгнули в водоем и перебрались на другой берег, а Я. и Б. утонули.

Ссылаясь на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, Ш. в кассационной жалобе просил об отмене приговора. Судебная коллегия по уголовным делам Верхов-

⁷⁷⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 6. С. 19.

ного Суда РСФСР оставила приговор без изменения, указав в своем определении по этому делу, что Ш. загнал детей в тупик, вокруг которого был водоем, и дети вынуждены были прыгнуть в воду, так как другого пути для спасения у них не было. Таким образом, характеристика непосредственного места совершения преступления позволила суду сделать вывод о том, что в условиях этого места наступление трагических последствий с внутренней закономерностью вытекало из поведения Ш., т. е. и было причиной смерти детей⁷⁸⁰.

Место совершения преступления может свидетельствовать и об определенном способе совершения преступления, что иногда также оказывает решающее влияние на квалификацию содеянного, как в следующем примере.

Верховным Судом Республики Саха (Якутия) Лушпа осужден по ч. 3 ст. 206 и п. «д» ст. 102 УК РСФСР (ч. 1 ст. 213 и п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Лушпа признан виновным в совершении особо злостного хулиганства с применением огнестрельного оружия и в умышленном убийстве Карнеева, совершенном способом, опасным для жизни многих людей.

Около 24 час. 15 июня 1993 г. на улице поселка Кысыл-Сыр в состоянии алкогольного опьянения Лушпа из хулиганских побуждений, грубо нарушая общественный порядок и создавая реальную угрозу для жизни стоявших возле бани Черныша и Сапрыкина, произвел выстрел дуплетом из охотничьего ружья, причинив легкие телесные повреждения без расстройства здоровья.

Около 3 час. 16 июля 1993 г. в сторожевой будке кооператива «Горизонт» Лушпа, видя, что там, кроме Карнеева, находятся и другие лица, создавая угрозу для их жизни, из личных неприязненных отношений двумя выстрелами из ружья убил Карнеева.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 28 марта 1995 г. по протесту заместителя Генерального прокурора РФ приговор отменила, указав следующее.

Признавая Лушпу виновным в умышленном убийстве Карнеева способом, опасным для жизни многих людей, суд в приговоре не установил, для кого конкретно был опасен избранный Лушпой способ убийства Карнеева.

По смыслу закона для квалификации умышленного убийства как совершенного способом, опасным для жизни многих людей, необходимо установить, сознавал ли виновный, осуществляя умысел на убийство определенного лица, что он применяет такой способ причинения смерти, который опасен для жизни не только одного человека.

В судебном заседании подсудимый Лушпа пояснил, что оружие у него было, поскольку он охотник. Войдя в сторожевую будку, он увидел сидевшего на стуле напротив входа в трех метрах от двери Карнеева, Осинин был справа от него, у двери, Ковалюка он не видел (тот сидел у ограждения, где были цветы, и в момент выстрела Лушпа не мог видеть его). Карнеев вскочил со стула, и он выстрелил в него.

Из протокола осмотра места происшествия и схемы к нему видно, что комната, где был убит Карнеев, имела размеры 3х6 м (6 м — длина стены, в которой расположена входная дверь). Напротив входной двери на расстоянии, согласно протоколу осмотра — 3 м, исходя из схемы к протоколу — 2 м, стоял стул, на котором сидел Карнеев. Около этого стула на полу имелись пятна крови, куски войлока.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор суда и направила дело на новое судебное рассмотрение, указав при этом, что при новом рассмотрении суду необходимо более полно установить место нахождения всех лиц, находившихся в комнате в момент произведения выстрелов, расстояние между каждым из них и от дульных срезов ружья Лушпы, выяснить, были ли выстрелы Лушпы в Карнеева прицельными либо не были таковыми, и дать оценку установленному⁷⁸¹.

Место совершения преступления может влиять и на установление субъективной стороны преступления, в особенности формы вины, в чем проявляется диалектическая взаимосвязь объективных и субъективных признаков состава преступления.

Нижневартовским районным судом Хаиты-Мансийского автономного округа Стяжкин осужден по ст. 106 УК РСФСР (ч. 1 ст. 109 УК РФ) за неосторожное убийство Теймурова.

⁷⁸⁰ Наумов А., Акоев К. Указ. соч. С. 12.

⁷⁸¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 марта 1995 г. // Судебная практика по уголовным делам. М., 2001. С. 298–299.

10 мая 1991 г. на берегу ручья между Теймуровым и Стяж-киным возникла ссора, во время которой Стяжкин ударил обухом топора по голове Теймурова. Затем Стяжкин затащил потерпевшего в наполненный водой котлован и стал опускать его голову в воду. Когда Теймуров вырвался и отплыл на середину котлована, Стяжкин, демонстрируя нож, не давал ему выбраться на берег до тех пор, пока тот не утонул.

Судебная коллегия по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа приговор оставила без изменения.

Президиум этого же суда протест прокурора автономного округа, в котором ставился вопрос об отмене судебных решений, оставил без удовлетворения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 19 августа 1993 г. судебные решения отменила и направила дело на новое судебное разбирательство по следующим основаниям.

Квалифицируя действия Стяжкина по ст. 106 УК РСФСР (ч. 1 ст. 109 УК РФ), суд указал, что тот не предвидел возможности наступления смерти потерпевшего, хотя должен был и мог это предвидеть.

Однако с данным выводом суда нельзя согласиться, так как он сделан без имеющихся в деле доказательств.

Во время предварительного следствия Бахтуров (осужденный за укрывательство этого преступления) показал, что Стяжкин ударил потерпевшего по голове обухом топора, затащил в наполненный водой котлован. Когда Теймуров вырвался и поплыл к другому берегу, Стяжкин сказал: «Смотри, если не мы его, то значит он нас». Он же показал, что Стяжкин имел в виду то, что если не они убьют Теймурова, то тот со своими земляками убьет их. Как видно из показаний Бахтурова, потерпевший несколько раз пытался выбраться из воды, но Стяжкин с ножом в руках препятствовал этому, и Теймуров снова отплывал к середине котлована. Предложив Стяжкину оставить в покое потерпевшего и возвращаться домой, он ушел от водоема. Вода после таяния была холодная. Такие же показания Бахтуров дал и в суде.

Стяжкин на очной ставке с Бахтуровым и в судебном заседании подтвердил его показания и пояснил, что, уходя от котлована, понял, что Теймуров утонул.

Этим обстоятельствам, имеющим существенное значение для правильной квалификации действий Стяжкина и Бахтурова, суд не дал надлежащей оценки и принял необоснованное решение о переквалификации их действий.

При новом рассмотрении дела 17 декабря 1993 г. Нижневарттовским районным народным судом Стяжкин осужден по ст. 103 УК РСФСР (ч. 1 ст. 105 УК РФ)⁷⁸².

Именно поэтому в любом случае и любом преступлении необходимо учитывать связь между различными признаками объективной стороны преступления, а также с признаками других элементов состава преступления.

Нельзя не упомянуть и о важном доказательственном значении места совершения преступления. Вряд ли совершение преступления может считаться доказанным, если не установлено место, где это произошло. В связи с этим место совершения преступления, характеризующее событие преступления, названо в числе обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ)

По приговору Бежицкого районного суда г. Брянска от 9 октября 2000 г. Кондаков осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Он признан виновным в превышении должностных полномочий с применением насилия, совершенном, как указано в приговоре суда, при следующих обстоятельствах.

16 декабря 1999 г. около 1 час. 30 мин. в г. Брянске сотрудник милиции Кондаков при проверке личности Цуканова, явно превышая свои должностные полномочия, нанес ему удар ногой в пах, причинив легкий вред здоровью.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений.

В соответствии со ст. 314 УПК РСФСР (ст. 307 УПК РФ) описательная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, характера вины, мотивов и последствий преступления; доказательства, на которых основаны выводы суда, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

⁷⁸² Определение Судебной Коллегии Верховного Суда РФ от 19 августа 1993 г. по делу Стяжкина // Судебная практика по уголовным делам. М., 2001. С. 281–282.

Судом эти требования закона не выполнены, в частности не установлено конкретное место совершения преступления.

Приговор основывается в основном на показаниях потерпевшего. Но установлено, что в происшедшем отчасти виновен и потерпевший, который, не имея при себе документов, отказался выполнять законные требования работников милиции и проследовать с ними в отделение.

Президиум Брянского областного суда 11 июня 2002 г. протест удовлетворил, приговор отменил, а дело направил на новое судебное рассмотрение⁷⁸³.

Подводя итог сказанному можно дать следующее определение места совершения преступления.

Место — это определенная территория, описанная в диспозиции уголовно-правовой нормы, на которой было совершено общественно опасное деяние или наступил преступный результат.

5.3. Способ совершения преступления

Наибольшее юридическое значение среди факультативных признаков объективной стороны имеет способ совершения преступления⁷⁸⁴.

Способ совершения преступления — это та форма, в которой выразились общественно опасные действия, те приемы и методы, которые использовал преступник для совершения преступления. Все основные составы, предусмотренные действующим уголовным законодательством, различаются главным образом по способу внешнего проявления общественно опасного посягательства. Вместе с тем способ совершения преступления нельзя отнести к обязательным признакам объективной стороны всех основных составов, поскольку в значительном числе случаев он не имеет юридического значения. Так, не имеет юридического значения для объективной стороны основного состава убийства способ убийства: умерщвлен ли потерпевший путем выстрела из

пистолета, винтовки, удара ножом или кастетом, удушения или отравления.

По способу преступления законодатель разграничивает некоторые однородные преступления. Так, кражей является тайное хищение имущества (ст. 158 УК РФ), а грабежом — открытое хищение имущества (ст. 161 УК РФ).

В действующем законодательстве отсутствует определение понятия способа совершения преступления, хотя понятие «способ» в рамках объективной стороны состава приобрело значение относительно самостоятельной уголовно-правовой категории⁷⁸⁵.

Рассмотрим различные приемы отражения способов совершения преступления в действующем законодательстве.

1. В ряде статей уголовного закона содержится указание на исчерпывающее число способов совершения преступления. К данной группе можно отнести и статьи, которые в описательной диспозиции раскрывают один способ совершения деяния. Например, мошенничество (ст. 159 УК РФ) отличается от иных хищений тем, что осуществляется путем обмана или злоупотребления доверием. Доведение до самоубийства наказуемо по ст. 110 УК РФ, если осуществлено путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. При указании нескольких способов в статье закона их называют альтернативными. Для состава преступления достаточно наличия хотя бы одного способа из группы альтернативных.

2. В других случаях в статьях уголовного закона содержится открытый (примерный) перечень способов совершения преступления: два, три или более способов, а затем указывается «или иным способом». Например, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления наказуемо по ст. 150 УК РФ, если совершено путем обещаний, обмана, угроз или иным способом⁷⁸⁶.

Следует отметить, что в подобных случаях закон содержит указание на наиболее распространенные способы совершения преступлений. Если же способ совершения преступления под-

⁷⁸³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 5. С. 17.

⁷⁸⁴ уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. И.Я. Юзаченко, З.А. Незнамовой. С. 165; Панов Н.И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве: Автореф. дисс... д-ра юрид. наук. Харьков, 1987. С. 9.

⁷⁸⁵ Бойко А.И. Преступное бездействие. С. 45.

⁷⁸⁶ На необходимость установления способа вовлечения несовершеннолетних в преступление или иную антиобщественную деятельность специально указывается в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 10.

падает под «иные способы», он должен быть также установлен и описан.

3. Следующей формой указания на способ совершения преступления служит закрепление в законе обобщенной характеристики или отдельных признаков способа совершения преступления.

Закрепление в законе обобщенной характеристики или отдельных характерных черт (признаков) способа совершения преступления обуславливает необходимость оценочной деятельности правоприменителя, уяснение смысла закона применительно к конкретным проявлениям во вне преступного посягательства. В этом процессе важное значение приобретают доктринальное и судебное толкования. При изменении законодательства возрастает роль исторического и сравнительного толкования уголовного закона. Например, при переходе применительно к квалифицированному убийству в законе от понятия «способом, опасным для жизни многих людей» (п. «д» ст. 102 УК РСФСР) к общеопасному способу (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) не следует автоматически переносить на новый признак все выработанные теорией и практикой характеристики старого, как это имеет место в ряде комментариев к уголовному закону, — отмечают авторы Комментария к Уголовному кодексу РФ под редакцией Ю.И.Скуратова и В.М.Лебедева⁷⁸⁷.

Помимо рассмотренных выше случаев, в уголовном законе встречается и одновременное указание нескольких конкретных способов совершения преступления, которое завершается обобщенным (родовым) по отношению к ним понятием.

В качестве примера можно обратиться к ст. 167 УК РФ. Одним из признаков квалифицированного уничтожения или повреждения чужого имущества является способ совершения преступления. Поджог и взрыв являются разновидностями общеопасного способа, на что указывает выражение «или иным» в тексте нормы.

Соотношение данных понятий может быть раскрыто на основе следующего примера.

Судом первой инстанции М. был осужден по ч. 2 ст. 149 УК РСФСР (ч. 2 ст. 167 УК РФ) за умышленное уничтожение личного имущества граждан (мотоцикла Н.) путем поджога.

Обстоятельства дела таковы.

М. на проселочной дороге вытащил шланг из бензобака и спичкой поджег мотоцикл Н., причинив последнему ущерб в размере 800 руб. В порядке надзора действия М. были переоценены с ч. 2 на ч. 1 ст. 149 УК РСФСР (ч. 1 ст. 167 УК РФ). Как установлено по делу, мотоцикл сожжен в безлюдном месте, вдали от жилых домов или иных строений, что не создавало угрозы их уничтожения, поэтому данные действия нельзя признать совершенными общеопасным способом⁷⁸⁸.

Принятое по делу решение подкреплено ссылкой на п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законодательства по делам, связанным с пожарами» от 2 марта 1989 г.⁷⁸⁹, в котором указывается, что сожжение отдельных вещей и предметов, не создавшее угрозы причинения вреда гражданам, а равно уничтожения или повреждения другого имущества, следует квалифицировать, исходя из характера и тяжести последствий, указанных в статьях УК об ответственности за умышленное уничтожение имущества.

Данный пример показывает, что при указании в норме закона наряду с перечнем конкретных способов совершения преступления обобщающего (родового) понятия установленный по делу способ совершения преступления должен соответствовать признакам последнего.

Проведенный нами анализ форм включения в статьи уголовного закона указаний на способ совершения преступления приводит к следующим выводам.

Статья уголовного закона может содержать указание на один или несколько (перечень) способов совершения преступления. Элементы перечня способов представляют собой альтернативные признаки состава преступления, поэтому в процессе квалификации должно быть установлено соответствие способа со-

⁷⁸⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Ю.И.Скуратова, В.М.Лебедева. М., 1996. С. 7. А.Н.Попов наоборот считает, что «изменение формулировки закона не меняло его сути» (Попов А.Н. Общеопасный способ в преступлениях против личности // Юридическая мысль. 2002. № 7. С. 86.)

⁷⁸⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу М. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 3. С. 13.

⁷⁸⁹ О практике применения судами законодательства по делам, связанным с пожарами: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 марта 1989 г. // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. М., 1999. С. 233–238.

вершения преступления по крайней мере одному из указанных в законе признаков, хотя возможно и их сочетание.

Статья уголовного закона может содержать обобщающую характеристику способа совершения преступления. Поэтому при квалификации требуется с учетом смысла закона, научных исследований и сложившейся судебной практики сопоставить способ совершения преступления с указанным в законе признаком.

Данная рекомендация полезна и в тех случаях, когда обобщающая характеристика завершает перечень более конкретно указанных способов, поскольку именно в обобщающей характеристике наглядно проявляются основания для криминализации именно данной группы способов.

Способ совершения преступления может быть указан как конструктивный признак простого состава или как признак квалифицированного состава преступления не в полном объеме, а путем закрепления в законе отдельных характеризующих черт (признаков), которые могут представлять собой, во-первых, отдельные оценочные характеристики (тайный, открытый, незаконный), во-вторых, отдельные приемы, используемые при совершении такого рода преступлений (обман, применение оружия, незаконное проникновение и т. п.)⁷⁹⁰.

Во всех случаях, когда способ в целом или путем обозначения его отдельных признаков указан в тексте нормы, он становится обязательным признаком в рамках данного состава преступления.

Но и в некоторых других случаях, когда способ совершения преступления, не будучи конкретизирован в законе, определяется понятием названного преступного деяния и используется в процессе квалификации для отграничения данного деяния от сходных с ним преступлений или проступков, его следует рассматривать как обязательный признак такого состава. В любом случае, в соответствии со ст. 73 УПК РФ, суд обязан установить способ совершения преступления.

Балтийским районным судом г. Калининграда Андрушенко А. осужден по ст. 103 УК РСФСР (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

Он признан виновным в умышленном убийстве своей жены — Андрушенко Е.

Как указано в приговоре, преступление совершено в г. Калининграде (областном) при следующих обстоятельствах.

В ночь на 15 октября 1995 г. супруги Андрушенко в нетрезвом состоянии возвратились от родителей в свою комнату в общежитии Андрушенко Е. из неприязни Андрушенко А. нанес жене легкие телесные повреждения — перелом костей носа, после чего накинул на шею неустановленный предмет и задушил.

Судебная коллегия по уголовным делам Калининградского областного суда приговор оставила без изменения.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об отмене приговора и определения судебной коллегии за неисследованностью существенных обстоятельств дела.

Президиум Калининградского областного суда 2 июня 1997 г. приговор и определение отменил, дело направил на новое расследование, указав следующее.

В соответствии с требованиями ст. 68 УПК РСФСР (ст. 73 УПК РФ) суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства. При производстве предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде подлежат доказыванию, в частности, событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).

По данному же делу требования закона не были выполнены. Органы предварительного расследования и суд не установили способ совершения преступления. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, а также в приговоре не указаны причины, по которым у Андрушенко А. возникла к жене неприязнь, какими действиями, каким предметом и при каких обстоятельствах он нанес ей повреждения лица, отнесенные к легким телесным повреждениям; каким предметом и каким способом он задушил потерпевшую.

Таким образом, Андрушенко А. предъявлено не конкретное обвинение, чем нарушено его право на защиту.

Для всестороннего исследования вопроса о причине смерти потерпевшей необходимо провести комиссионную судебно-

⁷⁹⁰ Шкеле М.В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: Дисс... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 89.

медицинскую экспертизу, а также следственные действия, связанные с отысканием предмета, которым была удушена потерпевшая, с определением способа ее удушения и причинения телесных повреждений⁷⁹¹.

Теперь можно дать понятие способа совершения преступления.

Научные термины формируются в большинстве случаев на базе общеупотребительных путем отказа от многозначности, преодоления расплывчатости и уточнения значения соответствующего понятия применительно к объекту исследования. Поэтому изучение того или иного понятия традиционно начинают с уяснения его этимологического значения. Не является исключением и способ совершения преступления⁷⁹².

Однако, базируясь на едином понимании этимологического значения, вопрос о понятии способа в науке уголовного права является дискуссионным. Л.Л.Кругликов указывает, что «особенно неблагоприятное положение сложилось с определением понятия способа совершения преступления»⁷⁹³.

Согласно Толковому словарю русского языка, способ — это прием, действие, метод, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь. Способ — действие или система действий, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь⁷⁹⁴.

Преступление является одним из видов человеческой деятельности⁷⁹⁵. Следовательно, под способом совершения преступления может пониматься совокупность приемов, методов, применяемых при осуществлении преступления.

Подобное понимание способа совершения преступления мы встречаем и у дореволюционного русского криминалиста профессора Н.С.Таганцева: «Осуществление преступного деяния

требует нередко известной определенной комбинации, известного порядка применения средств или, другими словами, определенного способа учинения»⁷⁹⁶.

Словарь по уголовному праву определяет способ как признак объективной стороны преступления: «Это те приемы и методы, которые использовал преступник для совершения преступления»⁷⁹⁷.

В теории права состоялся ряд исследований и попыток выработки дефиниций в отношении способа совершения преступления. Так, И.Ш.Жордания понимает под ним систему взаимосвязанных, целенаправленных актов поведения, операций, приемов, движений, применяемых субъектом при совершении преступления⁷⁹⁸.

В.Н.Кудрявцев определяет способ следующим образом: «Способ — это определенный образ действий, прием, метод поведения лица во время совершения преступления»⁷⁹⁹.

В.П.Коняхин определяет способ совершения преступления как «объективную форму выражения вонне преступного действия (бездействия), состоящую в применении совокупности телодвижений, приемов, операций (или в воздержании от них), использовании орудий, средств либо внешних вредоносных сил во время совершения преступления»⁸⁰⁰.

Более полное определение способа сформулировано Н.И.Пановым. «С объективной стороны, — пишет он, — способ совершения преступления представляет собой определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом в процессе осуществления общественно опасного посягательства на охраняемые уголовным законом

⁷⁹¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 5.

⁷⁹² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 71; Панов Н.И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления. Харьков, 1984. С. 11; Бушув Г.В. Способ совершения преступления и его влияние на общественную опасность содеянного. Омск, 1988. С. 5.

⁷⁹³ Кругликов Л.Л. Способ совершения преступления (вопросы теории): Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 3.

⁷⁹⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1970; Его же. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

⁷⁹⁵ Мальцев В.В. Указ. соч. С. 71.

⁷⁹⁶ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: Лекции. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 268.

⁷⁹⁷ Наумов А.В. Способ совершения преступления // Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В.Наумов. С. 564.

⁷⁹⁸ Жордания И.Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. Тбилиси, 1977. С. 12–18.

⁷⁹⁹ Кудрявцев В.Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 60.

⁸⁰⁰ Коняхин В.П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 115.

общественные отношения, сопряженные с избирательным использованием средств совершения преступления»⁸⁰¹.

Мы бы дали более простое определение.

Способ совершения преступления представляет собой совокупность приемов и методов преступного действия.

Некоторые авторы включают в понятие способа совершения преступления волевое содержание.

«В способе, являющемся важной характеристикой действия (бездействия), условно можно выделить две образующие его стороны: внешнюю (физическую, исполнительную) и внутреннюю (психическую, волевою). Способ, как и само действие, немислим без волевого содержания, мотивов и целей, которые порождают, направляют преступление, а также и способ совершения», — пишет Н.И.Панов⁸⁰² и повторяет за ним В.В.Новик⁸⁰³. Однако мы не раз подчеркивали, что при анализе объективной стороны преступления нужно отвлекаться от волевого содержания, мотивов и целей, которые входят в другой элемент состава — субъективную сторону. Способ входит в объективную сторону, и поэтому указанные понятия не могут входить в его характеристику.

Дискуссионным считается вопрос о том, является ли способ формой реализацией деяния или самостоятельным признаком объективной стороны преступления.

И.Ш.Жордания указывает, что «способ совершения преступления не “сосуществует” с преступным деянием, не “облегчает” совершения преступления, а является его органичной частью, формой реализации и материализации любого преступного акта»⁸⁰⁴. Б.В.Яценко пишет: «Будучи внешней формой преступного действия, качественно его характеризуя, способ совершения преступления не может быть оторван от последнего, ибо в

противном случае он будет способом несуществующего в действительности деяния, что невозможно»⁸⁰⁵.

Подобное мнение разделял и Я.М.Браинин, указывая, что «способ совершения преступления неотделим от самого преступного действия (бездействия) как форма от содержания. Действие и способ находятся в таком же отношении друг к другу, как содержание и форма»⁸⁰⁶.

Поддерживает данную точку зрения и П.Н.Пономарева, утверждая, что любое действие (бездействие) всегда совершается определенным способом. «Говоря о способе совершения того или иного преступного действия (бездействия), мы имеем в виду конкретное проявление предусмотренных законом действий (бездействия) в определенных телодвижениях или воздержании от них, в применении каких-либо приемов, методов, использовании средств, в определенной последовательности действий и т. д.»⁸⁰⁷.

Очень близкую к ним позицию занимает А.И.Бойко. Он пишет: «Способ, не будучи самим деянием в полном смысле этого слова, органически присущ ему и состоит в тех приемах методах, порядке и последовательности телодвижений и отдельных актов, которые в своей совокупности характеризуют видовую принадлежность поступка»⁸⁰⁸.

Но с этим не согласны Л.Л.Кругликов⁸⁰⁹ и Н.Ф.Кузнецова⁸¹⁰.

Л.Л.Кругликов рассматривает деяние и способ как два самостоятельных, хотя и взаимосвязанных явления. Он утверждает, что, «исходя из действующего законодательства, с учетом функционального значения исследуемого явления, положений уголовного права, а также и этимологического смысла термина

⁸⁰¹ Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 44.

⁸⁰² Панов Н.И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления. С. 7.

⁸⁰³ Новик В.В. Способ совершения преступления в механизме уголовно-правового запрета // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2000. № 2. С. 35.

⁸⁰⁴ Жордания И.Ш. Психолого-правовая структура способа совершения преступления // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 24. С. 54.

⁸⁰⁵ Яценко Б.В. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: Дисс... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 30.

⁸⁰⁶ Браинин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание. С. 181.

⁸⁰⁷ Пономарева Н.П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 3–4.

⁸⁰⁸ Бойко А.И. Преступное бездействие. С. 45.

⁸⁰⁹ Кругликов Л.Л. Использование философских категорий «содержание» и «форма» в процессе анализа понятия «способ совершения преступления» // Сборник аспирантских работ Свердловского юрид. ин-та. Свердловск, 1970. Вып. 12. С. 189.

⁸¹⁰ Кузнецова Н.Ф. Объективная сторона преступления // Курс уголовного права. Общая часть / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. Т. 1. С. 249.

“способ”, под ним следует понимать явление, способствующее, оказывающее помощь основному деянию». На основе данного подхода, он называет деяние основным деянием, а способ может быть охарактеризован как деяние вспомогательного, служебного характера по отношению к основному деянию. В качестве примера Л.Л.Кругликов приводит насильственный грабеж, соотнося «похищение» с основным деянием, а «насилие» рассматривая как его способ, вспомогательное деяние⁸¹¹.

Но отсюда возникает вопрос: если мы относим способ к характеристике действия, то, может, не следует включать его в число факультативных признаков состава преступления?

Преступное деяние совершается в определенном месте, обстановке и времени, иногда с применением определенных средств и орудий. Все они также характеризуют деяние. «Оторвать» их от деяния можно только в ходе мысленного анализа.

Точно так же действие совершается определенным способом. И точно так же оторвать способ от действия в физическом смысле невозможно.

Но мы это делаем при анализе состава преступления, мысленно разъединяя объект и субъект, объективную и субъективную сторону, причинную связь и последствие, способ и действие.

Именно в мысленном анализе мы отделяем факультативные признаки от обязательных и рассматриваем их отдельно, в том числе и способ совершения преступления.

В объективной реальности они неотделимы.

Но взаимосвязь признаков объективной стороны преступления (деяния и способа, способа и средств, средств и орудий) не лишает их самостоятельного уголовно-правового значения, основным проявлением которого является включение того или иного признака в состав преступления.

Н.И.Панов пишет: «Сущность способа совершения преступления заключается в том, что он представляет собой внутренне присущее ему операционное, динамическое своеобразие исполнения действия. Например, для телесных повреждений, убийств, побоев характерен преимущественно насильственный способ действия, для контрабанды — обман»⁸¹².

Поскольку мы считаем, что способ совершения преступления физически неотделим от действия, то границы способа определяются границами этого действия.

При указании на способ совершения преступления в законе (например, поджог) начальным моментом следует считать начало выполнения указанных действий.

Момент юридического окончания преступного деяния зависит от конструкции состава преступления. Если преступление относится к категории преступлений с формальным составом и признается оконченным при совершении действий (бездействия) указанных в законе, то способ совершения преступления может повлиять на установление юридического момента окончания преступления.

При вменении виновному квалифицированного по признакам способа деяния особенности способа совершения преступления также должны учитываться при установлении момента юридического окончания деяния. Например, вымогательство относят к преступлениям с формальным составом и признают оконченным с момента предъявления соответствующего требования. Причем повторение одного и того же требования в рамках единого умысла не образует совокупности, и момент юридического окончания деяния следует соотносить с первым требованием. Но если начав с требований, соединенных с угрозами, виновный перешел к требованиям, подкрепленным насилием в отношении потерпевшего, то момент юридического окончания квалифицированного по признаку способа вымогательства (п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ) «переместился» с начальных требований на требования, соединенные с применением насилия.

Момент фактического окончания посягательства определяется по завершению преступных действий (бездействия) лица и может наступить как до момента юридического окончания деяния (при отдаленных последствиях в материальных составах), так и после него (при длящихся, продолжаемых преступлениях, преступной деятельности).

Правильное установление момента фактического окончания преступного деяния имеет большое значение, поскольку с ним связано решение вопросов действия уголовного закона во времени, давности, соучастия, прикосновенности, необходимой обороны. Поскольку мы пришли к выводу о том, что способ совершения преступления представляет собой форму конкретного выражения во вне предусмотренного уголовным законом дейст-

⁸¹¹ Кругликов Л.Л. Способ совершения преступления (вопросы теории). С. 5–6.

⁸¹² Панов Н.И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве: Дисс... д-ра юрид. наук. Харьков, 1987. С. 45.

вия, то именно по признакам способа совершения преступления следует определять момент фактического окончания деяния, отграничивая его от иных поведенческих актов данного лица.

Внимательный читатель, наверное, заметил, что мы все время говорим о способе совершения преступления применительно к действию.

А можно ли говорить о способе применительно к бездействию?

Н.Ф.Кузнецова, А.Мамедов и М.В.Шкеле отвечают на него положительно.

Так, Н.Ф.Кузнецова в «Курсе уголовного права» пишет: «О способе совершения преступления нельзя говорить только применительно к преступлениям, совершаемым путем активных действий. Это мнение базируется на чисто физической стороне исполнения преступного деяния без учета социального содержания преступного бездействия. Способ совершения преступлений при бездействии имеет свои особенности. С учетом того, что бездействие — негативная форма поведения лица, заключающаяся в том, что лицо не совершает действия, которые оно должно было и могло выполнить, способ совершения преступления при бездействии имеет специфическое содержание, указывая, какие конкретные действия не совершены и какие при этом использованы силы и закономерности. Так, при халатности (ст. 293 УК РФ), которая чаще всего осуществляется путем бездействия, законодатель прямо указывает на способ совершения этого деяния — недобросовестное или небрежное отношение к службе, что в равной мере относится как к действию, так и к бездействию. То же можно сказать и о таком преступлении, как уклонение от исполнения обязанностей военной службы (ст. 339 УК РФ). Объективная сторона этого преступления выражается в бездействии; способом же совершения этого преступления законодатель называет симуляцию болезни, членовредительство, подлог документов и иной обман»⁸¹³.

А.Мамедов: «Известно, что способ свойственен прежде всего активному общественно опасному поведению субъектов, что и находит свое отражение в нормах УК РФ, в которых способ фигурирует как обязательный признак состава преступления, совершаемых путем активных действий. Относительно преступлений, совершенных путем пассивного поведения, несмотря на

некоторую условность, способ можно рассматривать как невыполнение субъектом действий, которые субъект обязан был и мог совершить для воспрепятствования развитию тех или иных явлений или процессов»⁸¹⁴.

А вот что пишет А.В.Шкеле: «При настоящем бездействии способ совершения преступления характеризуется отрицательными понятиями, конкретизирующими, какие именно действия не совершены субъектом из тех, что мог и должен был совершить»⁸¹⁵.

Но как можно характеризовать какое-либо явление через отрицательные понятия, через то, чего нет!

В качестве обязательного признака состава преступления способ выступает в тех случаях, когда он непосредственно указан в законе в качестве одного из обязательных (ст. 158, 161 УК РФ и др.) либо квалифицирующих деяние признаков (п. «д» и «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) состава преступления. Например, законодатель говорит о тайном или открытом хищении чужого имущества, в этом случае способ хищения определяет квалификацию совершенного деяния как кража или грабеж.

Но о каком способе (даже имеющем специфическое содержание) может идти речь, если, как пишет сама Н.Ф.Кузнецова «конкретные действия не совершены»?

Способом совершения преступления при халатности не может быть «отношение к службе», пусть и недобросовестное и небрежное. Только вдумайтесь: отношение к службе — способ?

Способ — признак объективной стороны, а отношение к службе — субъективной.

Что касается уклонения от военной службы, то это преступление совершается в форме бездействия путем действия (об этом мы писали в третьем параграфе второй главы). Поэтому указанные в статье способы относятся именно к действию, а не бездействию. В самом деле, как можно совершить членовредительство или подлог документов путем бездействия?

Поэтому нет и не может быть никакого способа при бездействии. Способ — это признак или форма действия и как таковой должен рассматриваться в теории уголовного права.

⁸¹⁴ Мамедов А. Указ. соч. С. 58.

⁸¹⁵ Шкеле М.В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение С. 66.

⁸¹³ Курс уголовного права. Т.1. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой С. 249.

В юридической литературе также возникает вопрос о возможности совершения неосторожных преступлений определенным способом. По этому вопросу нет единого мнения.

Авторы, положительно его решающие, обосновывают это тем, что законодатель в ряде случаев применяет терминологию, свидетельствующую о возможности совершения преступления определенным способом⁸¹⁶.

Но терминология зависит от законодательной техники и применение тех или иных выражений вовсе не свидетельствует о правильности или ложности этих теоретических положений. Наоборот, теория должна влиять на волю законодателя.

«Способ совершения преступления — суть средство реализации преступного действия, выступающего в качестве цели этого средства», — утверждает Л.Л.Кругликов⁸¹⁷.

Способ — то есть избранный метод или прием, характерен для умышленных преступлений. При неосторожных преступлениях способ сам “приходит в руки” виновному, поскольку он его не выбирает, не ищет и не оценивает. Поэтому можно сказать, что в неосторожных деяниях способ как определенный юридический феномен отсутствует⁸¹⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что хотя способ может быть и в неосторожных преступлениях, однако только умышленные преступления могут совершаться определенным способом.

Необходимо также остановиться на вопросе детерминации способа совершения преступления. Этот вопрос занимает одно из центральных мест в теории уголовного права.

Под детерминацией способа совершения преступления понимается определение совокупности факторов, определяющих выбор того или иного образа действий преступника и направляющих его поведение. Реализация целей человеческого поведения, в том числе и преступного, определяется не только одной-единственной формой его возможного поведения. В каждой

реальной ситуации имеются разнообразные способы достижения тех или иных целей, в уголовно-правовом аспекте — целей, которые ставит перед собой преступник. Вариантность поведения преступника определяется наличием определяющих условий и обстоятельств. Факторы детерминации поведения субъекта подразделяются на объективные и субъективные. Г.Г.Зуйков определяет их соответственно как факторы внешней и внутренней детерминации. К внутренним детерминирующим факторам относятся цель и мотив поведения, психические свойства личности и психические нарушения, а к внешним — объект преступления, предмет посягательства и объективная обстановка. Подобное дифференцированное рассмотрение факторов позволяет не только уяснить механизм их влияния на объективную сторону состава преступления, на способ как объективную характеристику действия, но и определить результирующее воздействие этих факторов.

«Исходными, первичными в механизме детерминации являются безусловно объективные факторы, действующие через факторы внутренней детерминации. Выбор способа преступного воздействия, изменяющего общественное отношение, не произволен, а определяется способностью оказать соответствующее воздействие на объект преступлениями и зависит от особенностей объекта», — писал А.Мамедов⁸¹⁹. Совершенно верно отмечал Б.С.Никифоров: «Чтобы воздействовать на то или иное явление, необходимо приложить не любые, произвольно избранные, а определенные средства и методы, объективно способные оказать воздействие»⁸²⁰.

В заключение следует сказать, что рассмотрение способа совершения в качестве самостоятельного признака объективной стороны преступления, во-первых, закрепляет необходимость установить наличие действия и, во-вторых, привлекает внимание к признакам способа, если они указаны в законе, поскольку в специальной литературе по вопросам Особенной части в подобных случаях всегда подчеркивается обязательность установления соответствующего способа совершения преступления.

⁸¹⁶ Жордания И.Ш. Психолого-правовая структура способа совершения преступления. С. 65.

⁸¹⁷ Кругликов Л.Л. Использование философских категорий «содержание» и «форма» в процессе анализа понятия «способ совершения преступления». С. 199.

⁸¹⁸ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова. С. 165.

⁸¹⁹ Мамедов А. Соотношение и взаимосвязь объекта и объективной стороны преступления // Уголовное право. 1999. № 2. С. 57.

⁸²⁰ Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву: Дисс... д-ра юрид. наук. Харьков, 1987. С. 187.

Пермским областным судом 4 апреля 1997 г. Евсеев осужден по п. «г», «д» ст. 102 УК РСФСР (п. «д», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) к лишению свободы сроком на восемь лет.

Он признан виновным в совершении 17 октября 1996 г. умышленного убийства Стародубцевой с особой жестокостью и способом, опасным для жизни многих людей.

17 октября 1996 г. Евсеев в квартире распивал спиртные напитки со знакомыми и родственниками, среди которых была Стародубцева. Вспомнив, что его знакомая Дегтянникова ранее получила ожоги от воспламенения спирта по вине Стародубцевой и находилась на лечении в больнице, Евсеев из неприязни, имея умысел на совершение убийства, легковоспламеняющимся нитролаком облил Стародубцеву и поджег спичкой. От полученных ожогов в мучениях и страданиях потерпевшая скончалась.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 20 августа 1997 г. приговор изменила: исключила из него осуждение Евсеева по п. «д» ст. 102 УК РСФСР (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ), указав следующее.

Вывод суда о виновности Евсеева в умышленном убийстве Стародубцевой основан на доказательствах, всесторонне и полно исследованных судом и получивших соответствующую оценку в приговоре.

Вина Евсеева в совершении преступления доказана его показаниями, из которых видно, что он вылил на потерпевшую нитролак и поджег, отчего одежда на потерпевшей загорелась. Эти показания объективно подтверждены другими доказательствами, в частности показаниями свидетелей Ахметзянова, Дегтянниковой, Кадровой и других, протоколом осмотра места происшествия, заключением судебно-медицинского эксперта о причине смерти потерпевшей, поэтому судом обоснованно признаны правдивыми.

Согласно заключению судебно-медицинского эксперта смерть Стародубцевой наступила от термических ожогов лица, передне-боковых поверхностей шеи, туловища, верхних конечностей, обеих бедер, промежности, ожога верхних дыхательных путей, ожога около 60% поверхности тела.

При таких обстоятельствах, с учетом характера и способа совершения преступления, избранного Евсеевым, суд обоснованно пришел к выводу, что виновный убил потерпевшую с особой

жестокостью, и правильно квалифицировал его действия по п. «г» ст. 102 УК РСФСР (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Оснований для переквалификации действий Евсеева на ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (ч. 4 ст. 111 УК РФ) не имеется. Вместе с тем осуждение его по п. «д» ст. 102 УК РСФСР (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) ошибочно. Как видно из материалов дела, Евсеев совершил преступление в отношении одного конкретного лица. Его действия не представляли реальной опасности для жизни других людей, как указано об этом в приговоре. При таких обстоятельствах из приговора следует исключить осуждение Евсеева по п. «д» ст. 102 УК РСФСР (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ)⁸²¹.

Способ совершения преступления в ряде случаев позволяет судить о круге объектов преступного посягательства, а подчас и о форме виновности. Дело в том, что посягательство на некоторые общественные отношения может быть совершено лишь ограниченным кругом способов и только определенным субъектом. Таким образом, через элементы состава, в первую очередь, объективную сторону и ее выразителя — способ совершения преступления, конкретизируется преступное деяние. При возможности точно, через юридически значимые признаки выразить это деяние в норме закона, достигается баланс требований — минимизация конфликта общего и конкретного. Это объясняет включение способа в качестве одного из признаков объективной стороны состава преступления, определяет специфику конструкции и особенности методов выражения способа в уголовно-правовой норме.

5.4. Средства и орудия совершения преступления

От внешних по отношению к совершению преступления процессов, развивающихся по собственным законам, следует отличать предметы и процессы, опосредованные деятельностью преступника, включенные в нее, такие как средства и орудия совершения преступления.

Орудиям и средствам принадлежит важная роль в осуществлении объективной стороны ряда преступлений. Общественная

⁸²¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 5. С. 5–6.

опасность их применения состоит в том, что они облегчают реализацию преступной цели⁸²².

Средства совершения преступления, используемые в процессе осуществления преступного посягательства, усиливают поражающий эффект преступного действия, увеличивают вред, причиняемый объекту уголовно-правовой охраны. Наличие у преступника средств и орудий в ряде случаев упрощает задачу совершения преступления, позволяет осуществить его с наименьшими затратами сил либо с минимальной опасностью быть изобличенным или причинить более тяжкий вред, либо делает единственно возможным совершить определенное преступление.

До сих пор, хотя такие попытки в уголовном праве и криминалистике предпринимались, в теории права не выработано четкого научно обоснованного определения орудий и средств совершения преступления. Не сформулированы и сколько-нибудь убедительные критерии их отграничения⁸²³.

В уголовном праве термин «средство» применяется в двояком смысле.

В широком смысле «средство» — это все то, что служит достижению цели (в таком плане средством посягательства является даже само деяние преступника). В этом случае средство есть обычная философская категория, используемая при анализе преступления, квалификации содеянного и соотношении деятельности и преступного результата.

Специфическое уголовно-правовое понятие средства посягательства уже. Оно включает в себя предметы материального мира, находящиеся в непосредственном владении субъекта преступления и используемые им в процессе совершения преступления в качестве орудия воздействия на объект уголовно-правовой охраны. В тех случаях, когда термин «средство» включен в уголовный закон, речь всегда идет о средствах в узком смысле этого слова.

В теории уголовного права и судебной практике до настоящего времени не нашли должного определения содержание и

⁸²² Гуров В.И. Орудия и средства совершения преступления в советском уголовном праве: Дисс... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983. С. 14.

⁸²³ Хвалин В. О понятии орудия преступления // Уголовное право. 2000. № 2. С. 94.

объем понятий «орудие» и «средство» совершения преступления.

В Толковом словаре русского языка «средство», во-первых, определяется как прием, способ действий для достижения чего-нибудь и, во-вторых, как орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности⁸²⁴.

В «Курсе уголовного права» под редакцией Н.Ф.Кузнецовой и И.М.Тяжковой дается одно определение для средств и орудий совершения преступления: «Средства и орудия совершения преступления — это методы действия (бездействия), одушевленные и неодушевленные компоненты, используя которые виновный воздействует на объект уголовно-правовой охраны»⁸²⁵.

В словаре по уголовному праву средствам и орудиям преступления посвящена одна статья, в тексте которой они также называются вместе и какого-либо отличия между ними не проводится⁸²⁶.

Русский ученый Н.С.Таганцев утверждал, что «средством может быть прежде всего собственное тело действующего и его органы, а затем вне его находящиеся предметы материального мира и проявляющиеся в нем силы. Далее, этим средством преступной деятельности могут быть не только неодушевленные предметы, но и одушевленные, не только силы природы, но даже, при известных условиях, другое лицо, в особенности находящееся, например, в состоянии невменяемости»⁸²⁷.

В современной юридической литературе даются различные определения средств совершения преступления.

«Средства совершения преступления», — пишет Г.Н.Борзенков, — это материальные предметы, орудия, используемые преступником для совершения преступления»⁸²⁸.

Н.Д.Дурманов под средствами совершения преступления понимал предметы и приспособления, необходимые для совершения преступления или хотя бы облегчающие его совершение⁸²⁹.

⁸²⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 750.

⁸²⁵ Курс уголовного права. Т.1. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. С. 251.

⁸²⁶ Наумов А.В. Средства и орудия совершения преступления // Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.В.Наумов. С. 565–566.

⁸²⁷ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. СПб., 1902. Т. 1. С. 636.

⁸²⁸ Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество. М., 1971. С. 65.

⁸²⁹ Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления. М., 1953. С. 65.

В.Н.Кудрявцев к средствам преступления относил такие вещи, которые используются преступником для воздействия на объект (предмет) преступления⁸³⁰.

И.Жордания указывает, что понятие «средство» имеет двойное значение: 1) методы и формы человеческого поведения (организационные, исполнительные и пр.); 2) технические приспособления, орудия, оружие, инструменты, материалы и иные объекты материальной сферы⁸³¹.

С.А.Тарарухин ограничивает средства совершения преступления теми приемами, которыми пользуются преступники при совершении преступления⁸³².

Большинство юристов под средствами совершения преступления в уголовном праве обоснованно понимают вещи, предметы, документы, механизмы, приспособления и тому подобные предметы материального мира, используя которые, виновный совершает преступление⁸³³. Однако некоторые ученые помимо предметов материального мира относят к средствам совершения преступления и органы тела или организм виновного. Так, П.С.Дагель считает, что в качестве средств совершения преступления могут выступать нога, кулак или даже весь организм виновного (например, при заражении инфекционной болезнью)⁸³⁴.

Данное решение представляется весьма спорным. Средствами совершения преступления могут быть лишь предметы окружающего человека материального мира, предметы, отделенные от субъекта.

На наш взгляд, предоставление о средствах совершения преступления как о материальных предметах наиболее соответствует этому уголовно-правовому понятию⁸³⁵.

Придание средствам совершения преступления вещественного, материального содержания основано прежде всего на философском определении средства как вещи или комплекса вещей, «которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействия на этот предмет»⁸³⁶.

Нельзя согласиться и с теми, кто считает, что к средствам совершения преступления можно отнести слова, жесты, телодвижения⁸³⁷. Здесь средства совершения преступления отождествляются с самим действием. Как пишет В.Н.Кудрявцев, преступное действие внешне выражается либо в форме жеста (например, при оскорблении), либо в виде произнесения слов (например, при угрозе), либо, что встречается в большинстве случаев, в виде физического воздействия на других людей или на различные предметы внешнего мира⁸³⁸.

Изложенное позволяет сделать вывод, что под средствами совершения преступления следует понимать лишь предметы внешнего мира, используя которые виновный совершает преступление.

Орудия — это разновидность средств совершения преступления. Ими могут быть любые предметы, используемые для непосредственного осуществления преступного деяния (все виды холодного и огнестрельного оружия, отмычки, орудия взлома и т. д.). Орудием совершения преступления может быть и транспортное средство, которое непосредственно использовалось в процессе посягательства в целях достижения преступного результата, т. е. при исполнении действий, образующих объективную сторону соответствующего состава преступления⁸³⁹.

⁸³⁰ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 75.

⁸³¹ Жордания И. Психолого-правовая структура способа совершения преступления. С. 63.

⁸³² Тарарухин С.А. Преступное поведение. М., 1974. С. 75.

⁸³³ См., напр.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 75; Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание с советском уголовном праве. С. 188.

⁸³⁴ Дагель П.С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. С. 49.

⁸³⁵ Аналогичный вывод можно сделать, анализируя уголовно-правовую литературу, где в большинстве случаев средства совершения преступления при дается материальный характер. См.: Брайнин Я.М. Уголовная ответственность 454

и ее основания в советском уголовном праве. С. 188; Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. С. 65; Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 75; Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 40–41; Реннеберг И. Объективная сторона преступления. С. 78.

⁸³⁶ Маркс К. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 190.

⁸³⁷ Трубников Н.Т. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968. С. 70–85; Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии. Л., 1977. С. 28–35.

⁸³⁸ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 67.

⁸³⁹ Наумов А.В. Средства и орудия совершения преступления // Советская юстиция. 1986. № 14. С. 24.

В.И.Гуров предлагает следующие определения: «Орудия преступления в уголовно-правовом смысле — это предметы, прямо указанные в уголовном законе и существенно повышающие общественную опасность деяния в целом, использование которых непосредственно причиняет или создает возможность причинения вреда объекту (предмету) преступления. Средства преступления в уголовно-правовом смысле — это явления, прямо указанные в уголовном законе и существенно повышающие общественную опасность деяния, используемые для облегчения совершения преступления»⁸⁴⁰.

М.В.Шкеле не согласна с В.И.Гуровым в том, что средства и орудия преступления являются таковыми лишь когда прямо указаны в законе⁸⁴¹.

Средства и орудия преступления могут быть и не указаны в законе, но они имеют юридическое значение только тогда, когда указаны в статьях Особенной части Уголовного кодекса.

Мы считаем, что одной из заслуг учения о составе преступления является выработка структуры преступного деяния путем выделения как обязательных, так и факультативных (т. е. не указанных в законе) признаков. Согласно В.И.Гурову, мы можем назвать пистолет орудием преступления при разбое, но не можем так его назвать применительно к убийству. М.В.Шкеле правильно считает, что не следует совмещать определение понятия и вопрос о его уголовно-правовом значении. Наука уголовного права изучает не только уголовное законодательство, но и социальные явления, им регулируемые⁸⁴².

Достаточно часто средства и способ используются как синонимичные понятия. О наличии тесной связи между способом и средствами совершения преступления указывается в уголовно-правовой литературе, причем в ряде случаев допускается их отождествление⁸⁴³.

Например, В.В.Новик пишет: «Способ и средства находятся в неразрывном единстве. Использование средств в процессе со-

вершения преступления рассматривается как особый способ исполнения деяния»⁸⁴⁴.

Между способом и орудиями совершения преступления действительно существует тесная связь.

Н.И.Панов замечает по этому поводу, что «использование человеком в процессе своей деятельности различных орудий и предметов выступает в качестве способа поведения человека. Применение определенных средств <...> уже образует соответствующий (орудийный) способ совершения преступления. Поэтому средства совершения преступления можно рассматривать в качестве признака способа совершения преступления»⁸⁴⁵.

Но уже в работах Н.С.Таганцева данные понятия рассматриваются отдельно. Как примеры средств называются огонь, вода, взрывчатые вещества, яд, а примеры способов — тайное, насильственное, обманное хищения, проникновение в обитаемое помещение⁸⁴⁶.

Н.И.Панов также не согласен с данной позицией и считает, что в целом способ и средства совершения преступления существенно различаются, хотя и тесно взаимосвязаны. Более того, характер способа совершения преступления часто определяется именно средствами, употребляемыми при выполнении объективной стороны преступления. «Поэтому, — пишет дальше Н.И.Панов, — средства совершения преступления можно рассматривать как признак способа совершения преступления лишь при условии, что они используются для совершения преступления, то есть находятся не в статическом, а в динамическом состоянии»⁸⁴⁷.

В.Н.Кудрявцев указывает, что многие способы совершения преступления предполагают использование преступниками различных материальных предметов, поэтому понятие средств совершения преступления тесно связано с понятием способа⁸⁴⁸.

⁸⁴⁰ Гуров В.И. Орудия и средства совершения преступления в советском уголовном праве: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983. С. 8.

⁸⁴¹ Шкеле М.В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение. С. 160.

⁸⁴² Там же. С. 141.

⁸⁴³ Жордания И.Ш. Структура и правовое значение способа совершения преступления. С. 17, 24.

⁸⁴⁴ Новик В.В. Способ совершения преступления (уголовно-правовой и криминалистический аспекты) СПб., 2002. С. 9.

⁸⁴⁵ Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 43.

⁸⁴⁶ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. СПб., 1902. С. 635.

⁸⁴⁷ Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 43.

⁸⁴⁸ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 75.

Г.Г.Зуйков считает важным рассматривать использование предметов, являющихся орудиями совершения преступления, как органической части способа совершения преступления, в частности, для установления правовых основ конфискации орудий преступления⁸⁴⁹.

Н.П.Пономарева рассматривает средства совершения преступления как один из компонентов, характеризующих способ совершения преступления⁸⁵⁰.

Но в целом, в уголовном праве, несмотря на близость этимологического значения средств и способа совершения преступления, принято разделять данные понятия, особенно если идет речь о признаках объективной стороны преступления.

Так, В.И.Гуров, возражая против признания средств и орудий компонентом способа, указывает, что они являются самостоятельным признаком объективной стороны преступления, и присоединяется к тем ученым, которые определяют границы преступного действия (бездействия) собственным поведением виновного⁸⁵¹.

Вопрос о границах действия (бездействия) мы рассматривали выше. По общему правилу мы разделяем мнение о том, что момент фактического окончания деяния следует связывать с действиями самого субъекта и не распространять способ совершения преступления на действие внешних (используемых, но неподконтрольных) по отношению к виновному сил. Но мы полагаем, что такого рода силы не подпадают под понятие средств⁸⁵² и орудий преступления как признаков объективной стороны. Использование средств и орудий преступления, по нашему мнению, предполагает их активное включение в процесс преступ-

ной деятельности, возможность управления ими со стороны преступника. Например, производство выстрелов из огнестрельного оружия или включение, отключение электрического тока. Преступник не может управлять процессом радиации, но может вмонтировать радиоактивное вещество в кресло, может изъять его оттуда. Об убийстве таким способом сообщалось в средствах массовой информации.

И.Ш.Жордания называет ошибочной точку зрения, согласно которой орудия и средства непосредственно включаются в способ совершения преступления. Он утверждает, что «способ совершения преступления включает в себя не сами орудия и средства, а приискание, приравливание, приспособление, употребление и использование орудий, иных вещественных средств и материальных сил, с помощью и благодаря которым достигается или наступает преступный результат»⁸⁵³.

Н.И.Панов считает, что «средства совершения преступления можно рассматривать в качестве признака способа совершения преступления лишь при условии, что они используются для совершения преступления, то есть находятся не в статическом, а динамическом состоянии». Он не согласен с И.Ш.Жордания, что способ может представлять собой приискание орудий⁸⁵⁴.

Это верно для оконченного преступления. Например, приискание огнестрельного оружия незаконным путем влечет уголовную ответственность за приобретение (ст. 222 УК РФ) или хищение оружия (ст. 226 УК РФ), применительно к которым оружие будет не орудием, а предметом преступления.

Но И.Ш.Жордания прав применительно к такой стадии неоконченного преступления, как приготовление, поскольку на приискание средств или орудий преступления непосредственно указывается в законе (ч. 1 ст. 30 УК РФ).

По действующему законодательству, приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению влечет уголовную ответственность (ч. 2 ст. 30 УК РФ), следовательно, может быть рассмотрено как преступление в соответствии со ст. 14 УК РФ, и имеет свой состав, поскольку иначе не было бы основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ).

⁸⁴⁹ Зуйков Г.Г. К вопросу об уголовно-правовом понятии и значении способа совершения преступления // Труды Высшей школы МВД СССР. М., 1969. Вып. 22. С. 38.

⁸⁵⁰ Пономарева Н.П. Указ. соч. С. 9.

⁸⁵¹ Гуров В.И. Орудия и средства совершения преступления в советском уголовном праве. С. 10.

⁸⁵² Н.П.Пономарева, напротив, относит к средствам совершения преступления в широком плане материальные предметы, собственные телодвижения, явления внешнего мира и естественные общественные процессы, используемые преступником в его преступной деятельности либо в качестве орудий воздействия на объект преступного посягательства, либо необходимые для облегчения осуществления преступления. См.: Пономарева Н.П. Указ. соч. С. 9.

⁸⁵³ Жордания И.Ш. Психолого-правовая структура способа совершения преступления. С. 63–64.

⁸⁵⁴ Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. С. 43.

Например, если лицо приискивает пистолет для совершения убийства, то применительно к приготовлению к убийству пистолет является орудием преступления, хотя он еще не используется.

В.И.Сахаров справедливо отмечает, что средства и орудия находятся в тесной функциональной связи со способом совершения преступления и зачастую выступают в качестве его факультативной характеристики. Например, поддельные документы при обмане или оружие при совершении преступления насильственного характера⁸⁵⁵.

Установлением средств и орудий в таких случаях не следует пренебрегать, несмотря на их факультативность в отношении конкретного состава преступления, поскольку наличие такого рода признаков доказывает наличие обязательных признаков состава, характеризующих способ совершения преступления. В.И.Сахаров подчеркивает, что зачастую выбор способа жестко детерминируется средствами и орудиями совершения преступления. Он указывает, что по результатам изучения материалов уголовных дел, особенности средств и орудий повлияли на выбор способа совершения преступления в 43% случаев⁸⁵⁶.

Как же отличать способ совершения преступления от средств его совершения?

Прежде всего понятие способа преступления связано с вопросом: «как совершено преступление», а понятие средств с вопросом: «чем совершено преступление». Далее, средства — это предметы материального мира, способ же нельзя, образно говоря, «пощупать», «потрогать». Средство имеет материальную субстанцию до совершения преступления и соотносится преступником с целью деятельности; оно, если не подверглось физическому износу, остается и после преступления. Способ же проявляется в рамках исполнения преступления, оставляет после себя следы материального либо нематериального характера, прекращая свое объективное существование во всех случаях по окончании преступного посягательства.

Осуществление преступного деяния требует нередко известной определенной комбинации, известного порядка применения средств или, другими словами, определенного способа учине-

ния: так, отравление как введение в организм разрушающего жизнь вещества есть способ убийства, тайное взятие чужой вещи — способ действия при краже. В житейском, а иногда даже и в юридико-техническом языке понятия средств и способов действия нередко смешиваются друг с другом, хотя анализ некоторых преступлений свидетельствует, что их точное разграничение составляет необходимое условие правильного определения состава многих отдельных преступных деяний. По общему правилу, как скоро виновный учинил умышленно или неосторожно преступное деяние, он отвечает за совершенное безотносительно к средствам, коими он пользовался. По отношению к огромному числу преступных деяний законодатель, запрещая известное деяние, не дает, да и не может дать перечня средств совершения; но иногда он отступает от этого положения и или прямо определяет преступность известного деяния свойством употребляемых средств, или даже придает известной категории средств значение обстоятельства, изменяющего ответственность, или же на этом основании классифицирует преступные деяния. Основания таких отступлений заключаются и в том, что употребление известных средств придает большую опасность действию, распространяет вред на большее число лиц и т. д.

Избирательное использование лицом соответствующих предметов для осуществления преступления составляет своеобразный способ совершения преступления. В предметах материального мира как средства совершения преступления содержится определенная программа (способ) возможных действий, которые могут быть совершены путем использования этих предметов. Так, холодное и огнестрельное оружие содержит в себе возможность совершения насильственных преступлений, заведомо подложные документы — возможность совершения разного рода обманов и т. д. Отсюда вытекает, что характер средств, которые использует виновный при осуществлении преступного посягательства, во многом предопределяет, детерминирует и характер способа совершения преступления. При этом предметы материального мира выступают как средства совершения преступления лишь при условии, что они используются для совершения преступного действия, т. е. находятся в динамичном состоянии.

Средства и орудия преступления следует рассматривать как компоненты способа совершения преступления, поскольку они приобретают уголовно-правовое значение только при их приме-

⁸⁵⁵ Сахаров В. И. Средства и орудия совершения преступления и их уголовно-правовое значение: Автореф. дисс... канд юрид наук. М., 1991. С. 17–18.

⁸⁵⁶ Там же. С. 15.

нении или использовании преступником в процессе совершения преступления. Поэтому применение орудий или использование средств включаются в действие как признак объективной стороны преступления. Время действия используемых средств включается во время действия преступника, ведь использование средств может длиться в течение всего действия. В отличие от выделенных нами внешних процессов, когда действия преступника не имели к ним отношения или дали только «первый толчок», действие орудий и средств не только направляется, но и регулируется преступником. Орудия и средства подвластны преступнику, используются им для достижения поставленных целей, часто физически не отделимы от способа совершения преступления. Однако в теоретическом анализе мы отделяем их от способа совершения преступления, как отделяем способ от действия.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что преступления с применением орудий и средств распространены.

Серьезное значение орудиям и средствам совершения преступления как признакам составов преступления придает законодатель, который обычно употребляет два термина: «с использованием» и «с применением».

Как нам кажется, оборот «с использованием» должен употребляться при указании на средства совершения преступления, а оборот «с применением» — на орудия совершения преступления.

В судебной практике рекомендовано понимать под орудием преступления предметы, непосредственно использованные в процессе посягательства в целях достижения преступного результата. В частности, указывалось, что транспортное средство может рассматриваться в качестве орудия преступления лишь в том случае, если использование его имело непосредственное отношение к исполнению действий, образующих объективную сторону состава преступления⁸⁵⁷.

Вот характерный пример.

Жексимбинов осужден по ст. 15 п. «в», «д», «з» ст. 102 УК РСФСР (ст. 30 и п. «а», «б», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и п. «д» ст. 102 УК РСФСР (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Преступление совершено при следующих обстоятельствах.

Примерно в 19 час. Жексимбинов на закрепленной за ним автомашине ЗИЛ-555 подъехал к закусочной, где с приятелями употреблял спиртные напитки. В числе посетителей здесь же находились Скубитский и Бойко, с которыми Жексимбинова познакомил Ткаченко. Желая угостить их пивом, Жексимбинов зашел в закусочную со служебного входа и стал просить у работницы Саталкиной отпустить ему пиво без очереди. В связи с отказом ему в этом Жексимбинов учинил скандал, оскорблял Саталкину нецензурными словами в присутствии граждан. Саталкина дважды удаляла его, но Жексимбинов продолжал вести себя непристойно. Скубицкий и Бойко стали успокаивать Жексимбинова, но он и их оскорбил нецензурно. Когда Скубицкий и Бойко поочередно ударили Жексимбинова кулаком в лицо, последний, решив отомстить им, сел за руль автомашины и с целью убийства Скубицкого и Бойко, стоявших у служебного входа в закусочную, направил на них автомобиль с расстояния 20–22 м. Увидев угрожающую им опасность, Скубицкий и Бойко отскочили в сторону, а стоявшей рядом с ними Кабуловой Наташе трех лет (девочка не успела убежать в помещение) в результате наезда автомашиной были причинены тяжкие телесные повреждения, от которых она скончалась на месте. Жексимбинов и находившийся с ним в кабине автомашины Ткаченко с места происшествия скрылись.

Жексимбинов признал вину в том, что после нанесенных ему ударов Скубицким и Бойко он сел в автомашину, но не справился с управлением и совершил наезд на помещение закусочной, при этом умысла на убийство Скубицкого, Бойко и ребенка не имел.

В кассационных жалобах осужденный и его адвокат просили исключить из приговора осуждение Жексимбинова по ст. 15 и п. «в», «д», «з» ст. 102 УК РСФСР (ст. 30 и п. «а», «б», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и переквалифицировать его действия с п. «д» ст. 102 УК РСФСР (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) на ч. 2 ст. 211 УК РСФСР (ч. 2 ст. 264 УК РФ).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР оставила приговор без изменения, указав следующее.

Суд пришел к правильному выводу о том, что преступление Жексимбинова выразилось не в нарушении правил безопасности движения на автотранспорте, а в умышленных действиях, направленных на лишение жизни двух лиц способом, опасным для жизни многих людей.

⁸⁵⁷ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1975. № 6. С. 14.

Потерпевшие Скубицкий и Бойко на предварительном следствии и в судебном заседании подробно и последовательно рассказывали об обстоятельствах происшедшего, конкретных действиях осужденного и утверждали, что они принимали меры к тому, чтобы прекратить неправильное поведение Жексимбинова. После нанесенных ему ударов Жексимбинов сел в автомашину, отъехал на несколько метров назад, а затем с расстояния 20–22 м. поехал прямо на них, стоявших около служебного входа закусочной. Они успели отскочить и избежать наезда, а девочка была убита автомашиной. После этого Жексимбинов развернул автомашину и вместе с Ткаченко уехал с места происшествия.

Вывод суда об умысле Жексимбинова на убийство подтверждается, кроме того, показаниями свидетелей Мельниченко, Пашко, протоколом осмотра места происшествия и схемой к нему, заключением транспортно-трасологической экспертизы и другими доказательствами.

Так, свидетели Мельченко и Пашко подтвердили при выходе на место происшествия, что они видели, как Жексимбинов сел в автомашину, сделал разворот, и, когда автомашинка оказалась передней частью напротив служебного входа в закусочную, направил автомашину прямо в сторону служебного входа и совершил наезд на ребенка. Эти свидетели утверждали также, что действия Жексимбинова были целенаправленными.

Приведенные и другие доказательства по делу опровергают доводы кассационных жалоб о том, что Жексимбинов совершил наезд на помещение закусочной и причинил смертельные ранения ребенку по неосторожности, нарушив правила безопасности движения на автотранспорте.

Квалификация содеянного Жексимбиновым по ст. 15, п. «в», «д», «з» ст. 102 УК РСФСР (ст. 30 и п. «а», «б», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и п. «д» ст. 102 УК РСФСР (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) правильна⁸⁵⁸.

Автотранспортное средство при незаконной охоте должно рассматриваться как орудие преступления, если используется непосредственно в процессе охоты, т. е. добычи, выслеживания, преследования, ловли животных.

Например, Г. на автомашине «Нива» ездил по озимому полю, ослеплял светом фар зайцев, П. и А. убивали их из ружей⁸⁵⁹.

В этом случае орудиями незаконной охоты являются и ружья, и автомобиль, поскольку их совместное использование составляло способ совершения данного преступления.

Другой пример.

Осужденные С. и Т., избив М., решили его убить. С этой целью они поместили потерпевшего в багажник автомобиля, вывезли на пустырь, где убили⁸⁶⁰.

В данном случае автомобиль не используется при непосредственном посягательстве на объект правовой охраны (жизнь потерпевшего), а поэтому не является орудием совершения преступления.

Многообразие орудий и средств преступлений, как свидетельствует судебно-следственная практика, объясняется наличием однородных объективных свойств у самых различных форм материи.

Теперь необходимо установить, как соотносятся понятия «орудие преступления» с понятием «средство преступления».

Вопрос о соотношении орудий и средств совершения преступления волновал многих исследователей.

Так, А.Наумов пишет, что «особой разновидностью средств служат орудия: если назначение средств заключается в облегчении преступного посягательства, то орудие используется для непосредственного осуществления преступного деяния»⁸⁶¹.

Надо заметить, что в цитируемой статье А.В.Наумова наблюдается отождествление орудий и средств. Автор пишет, что «средства совершения преступления — это те предметы внешнего мира, которые использует преступник для воздействия на потерпевшего, предмет и объект преступления. Орудия — это разновидность средств совершения преступления. Ими могут быть любые предметы, используемые для непосредственного осуществления преступного деяния...» И далее: «Средства и орудия в одних случаях облегчают совершение преступления

⁸⁵⁸ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Жексимбинова // Судебная практика к Уголовному кодексу РФ. М., 2001. С. 448–449. 464

⁸⁵⁹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1991. № 4. С. 5.

⁸⁶⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 1. С. 10.

⁸⁶¹ Наумов А. Средства и орудия совершения преступления // Советская юстиция. 1986. № 14. С. 24.

³⁰ Малинин

или его сокрытие, а в других — делают невозможным его совершение без их применения»⁸⁶².

С.М.Сырков в своей диссертации предлагает различать эти два понятия. Под орудиями он понимает предметы и вещества, используя свойства которых преступник воздействует на различные материальные объекты с целью достижения ожидаемого преступного результата. В то время как орудия преступления играют главную роль в совершении преступления, средства лишь способствуют достижению преступного результата. Для последних характерно вспомогательное значение. Помимо этого, орудие отличается от средства своим активным воздействием на окружающую обстановку⁸⁶³.

Иное определение орудиям и средствам преступления дает В.И.Сахаров. При чем если сначала он считал орудия разновидностью средств⁸⁶⁴, то затем, как результат диссертационного исследования предложил проводить между ними следующее различие. Средства — физические, биологические, химические и иные процессы, которые использует преступник для совершения преступления (электрический ток, эпидемия, эпизоотия и др.). Орудия — предметы, используемые преступником для непосредственного совершения преступления (огнестрельное, холодное оружие, отмычки, орудия взлома и другие приспособления)⁸⁶⁵.

Согласно таким определениям, орудия — это предметы, а средства — процессы, т. е. не предметы. Но относятся ли сюда предметы, не связанные с непосредственным воздействием на объект посягательства, но применявшиеся в ходе преступления?

Средства совершения преступления представляют собой орудия, приспособления, химические вещества и др., при помощи которых было совершено преступление. В качестве средств совершения преступления могут быть использованы животные, малолетние или невменяемые. Использование преступником тех

⁸⁶² Там же. С. 24–25.

⁸⁶³ Сырков С.М. Орудия преступления: Дисс... канд. юрид. наук. Л., 1973. С. 67–68.

⁸⁶⁴ Сахаров В.И. Средства и орудия совершения преступления и состав преступления // Совершенствование деятельности ОВД в условиях судебно-правовой реформы. М., 1990. С. 105.

⁸⁶⁵ Сахаров В.И. Средства и орудия совершения преступления и их уголовно-правовое значение. С. 10–11.

или иных средств может повлиять на оценку совершенного деяния. Преступная деятельность предполагает прежде всего телесное действие, возбуждение наших двигательных нервов и вызванное этим сокращение мускулов, а затем известное изменение внешнего окружающего нас мира, т. е. предполагает действие и последствие. Сама деятельность человека, непосредственно вызывающая это последствие или даже не воспрепятствовавшая его наступлению, может быть осуществлена разнообразными средствами.

Таким образом, при убийстве средствами могут быть: ружье, топор, яд, огонь, дикий зверь, невменяемый и т. п. Иногда действующий довольствуется для выполнения, так сказать, примитивными, простыми средствами, а иногда устраивает для этого сложные и крайне разнообразные приспособления; мало того, при деятельности составной, сложной мы иногда причисляем к средствам даже последствия известной деятельности, насколько они служат для дальнейшего осуществления предпринятого.

Мы полагаем возможным рассматривать средства совершения преступления как более общее понятие, включающее орудия преступления, иные предметы материального мира или процессы, используемые в процессе совершения преступления как для непосредственного воздействия на объект посягательства, так и для действий вспомогательного характера, входящих в объективную сторону преступления. В нашем понимании средства лишь облегчают процесс преступного посягательства и результативного употребления орудий; они не могут применяться для непосредственного воздействия на потерпевшего, предмет и объект, такие возможности присущи лишь орудиям.

Орудия преступления выделяются из средств совершения преступления по трем критериям.

Во-первых, это предметы материального мира. Выделение предметного характера орудий соответствует их этимологическому значению⁸⁶⁶. Так, электрический ток сам по себе не орудие, но электрошоковое устройство может быть орудием.

Во-вторых, орудия применяются в процессе причинения вреда объекту посягательства или создают угрозу причинения вреда данному объекту.

⁸⁶⁶ «Орудие — техническое приспособление, при помощи которого производится работа или какое-нибудь действие» (Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 448).

В-третьих, понятие орудий и средств совершения преступления следует рассматривать как часть и целое. Любое орудие совершения преступления — это всегда средство. «Предметы, используемые при совершении преступления, имеющие вспомогательное значение, входят в число средств совершения преступления», — пишет В.Хвалин⁸⁶⁷. Но не каждое средство в конкретной ситуации играет роль орудия совершения преступления. В качестве орудия средства выступают лишь тогда, когда они оказывают реальное физическое либо психологическое воздействие на объект на каком-либо этапе.

Мы считаем, что определенные нами критерии выделения орудий из более общего понятия средств совершения преступления соответствуют смыслу как уголовного, так и уголовно-процессуального закона и способны обеспечить более четкое решение практических вопросов.

Как правильно отмечает В.Хвалин, объединение в одно целое понятий средств воздействия и объекта воздействия позволяет подойти к формулировке понятия орудия совершения преступления, но лишь в весьма широком смысле. С позиции такого подхода к категории орудий преступления можно отнести все, что угодно, порой самый невероятный инструментарий преступного промысла, обеспечивающий достижение преступного результата. Причем не только материальные предметы и вещества, но и такие реагенты, как слово клеветника, распускаемые злонамеренные слухи, ложные обещания. (Не зря же когда-то сказано, что «злые языки страшнее пистолета».) Даже другой человек, как и животные, хищные птицы, поведение которых направляется и управляется человеком, может подчас рассматриваться в качестве орудия достижения какой-либо одобряемой или осуждаемой обществом и законом цели.

Если же исходить из употребления анализируемого понятия в его узком смысловом значении, то становится очевидным, что данных критериев для выделений орудий из класса средств совершения преступления (включая средства мобильной связи) явно недостаточно.

Важным критерием отграничения рассматриваемых понятий является, во-первых, отнесение к числу орудий только предметов и веществ. Во-вторых, не всех подряд предметов и веществ, которые реализуются преступником, а только тех, что исполь-

зуются им для деструктивного (уничтожение, перемещение чего-либо), а также конструктивного воздействия на объект своей деятельности (например, сырье и материалы, из которых изготовлено самодельное огнестрельное оружие)⁸⁶⁸.

Орудия и средства в уголовно-правовом смысле различаются между собой и по функциональному назначению. Средства преступления облегчают осуществление посягательства на охраняемый уголовным законом объект, орудия непосредственно причиняют ему вред. В этом состоит существенное различие этих уголовно-правовых понятий.

Средства совершения преступления — родовое по отношению к орудиям понятие.

Орудия являются разновидностью средств совершения преступления.

В последнее время к понятию орудия совершения преступления предлагается нетрадиционный подход. Е.Курицина и С.Шолохов предлагают рассматривать в качестве орудия преступления юридическое лицо (коммерческую организацию).

Юридическое лицо, с точки зрения С.Шолохова, используется в качестве орудия преступления для достижения преступной цели. Как убийца использует огнестрельное оружие или нож, а взломщик — отмычку, так и финансовые мошенники использовали юридическое лицо для совершения данного рода преступлений⁸⁶⁹.

«Именно использование наименования, юридического адреса, банковских счетов и иных реквизитов юридического лица сделало возможными масштабные мошеннические операции середины 90-х годов и иные преступления в сфере экономики», — пишет Е.Курицина⁸⁷⁰.

Однако, юридическое лицо к орудиям преступления отнести нельзя.

Теперь можно дать следующее определение орудиям и средствам совершения преступления.

---

⁸⁶⁸ Там же.

⁸⁶⁹ Шолохов С. Коммерческая организация как орудие преступления // Следователь. № 6. С. 13.

⁸⁷⁰ Курицина Е. Юридическое лицо как орудие преступления // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 42.

Средства — это предметы и процессы, используемые преступником при воздействии на потерпевшего и предмет преступления, т. е. для причинения вреда объекту посягательства.

Орудия — это предметы, используемые преступником для воздействия на потерпевшего и предмет преступления.

Понятие орудия совершения преступления связано только с умышленными преступлениями, когда определенное средство осознанно избирается для причинения вреда объекту преступления. Поэтому еще одним критерием для выделения орудий из числа средств совершения преступления мы считаем осознанное их использование в целях причинения вреда объекту посягательства при умышленных преступлениях. Отметим, что разделение средств и орудий преступления в зависимости от формы вины не является распространенной точкой зрения. Большинство исследователей признают наличие средств и орудий как в умышленных, так и в неосторожных преступлениях⁸⁷¹.

Так, В.П.Кудрявцев, например, пишет: «Понятие средств совершения преступления, как и понятие способа, носит сугубо объективный характер и поэтому может относиться не только к умышленным преступлениям, но и к преступлениям, совершенным по неосторожности»⁸⁷².

Н.Ф.Кузнецова пишет: «Представляется, что применение орудий и средств не следует ограничивать умышленными преступлениями. Уголовная ответственность предусмотрена и за неосторожное применение орудий и средств, что обусловлено небезупречным поведением субъекта неосторожного преступления, который объективно мог осуществить их применение таким образом, чтобы не допустить наступления вредных последствий, однако такой возможности не реализовал»⁸⁷³.

Но другие ученые связывают орудия и средства совершения преступления лишь с умышленными деяниями⁸⁷⁴.

С.М.Сырков ограничивает область применения орудий умышленными преступлениями на том основании, что только в умышленных деяниях «наступивший результат рассматривается преступником как следствие закономерно развивающегося процесса, вызванного применением орудия преступления»⁸⁷⁵.

Мы не говорим о невозможности совершения умышленного либо неосторожного преступления с использованием одного и того же предмета, а предлагаем поставить уголовно-правовую оценку данного предмета как признака объективной стороны преступления в зависимости от формы вины; рассматривать, например, ружье при убийстве как орудие преступления. При причинении смерти по неосторожности оно тоже может «исследоваться» как «орудие совершения преступления, но такое «использование» не охватывается умыслом виновного, не есть «использование» в уголовно-правовом смысле. Лицо только умышленно может применять средства и орудия совершения преступления.

Подтверждение такого подхода мы находим в материалах судебной практики. Показательно в этом отношении положение, закрепленное в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические преступления» от 5 ноября 1998 г.: «При разрешении дел о незаконной охоте, незаконной добыче водных животных и растений, незаконной порубке деревьев и кустарников судам следует иметь в виду, что орудия, с помощью которых совершался вылов рыбы, отстрел зверей, порубка деревьев и т. д., а также использовавшиеся при этом транспортные, в том числе плавучие средства, принадлежащие виновным, рассматриваются как вещественные доказательства и могут быть конфискованы на основании п. 1 ст. 86 УПК РСФСР (п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ) в случае умышленного использования их самим осужденным либо его соучастниками в качестве орудия совершения преступления»⁸⁷⁶.

⁸⁷¹ См.: Гуров В.И. Орудия и средства совершения преступления в советском уголовном праве. С. 8–9; Сахаров В.И. Средства и орудия совершения преступления и их уголовно-правовое значение. С. 19.

⁸⁷² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 100.

⁸⁷³ Курс уголовного права. Общая часть / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. Т. 1. С. 253.

⁸⁷⁴ См.: Кругликов Л.Л. О понятии способа и средств совершения преступления в свете марксистско-ленинских положений о категориях «средство», «цель» и 470

«результат» // Сборник аспирантских работ Свердловского юрид. ин-та. Вып. 12. С. 197.

⁸⁷⁵ Сырков С.М. Указ. соч. С. 53.

⁸⁷⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» от 5 ноября 1998 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1. С. 5.

При неосторожных преступлениях способ совершения нацелен на достижение иных, не связанных с причинением вреда объекту преступления, целей, и поэтому предметы, признаваемые средствами и орудиями такой деятельности, не должны рассматриваться в качестве средств и орудий совершения преступления.

Подобное понимание орудий и средств в уголовно-правовом смысле позволит исследовать юридическую природу таких орудий и средств, а также решить другие спорные проблемы.

Средства и орудия находятся в тесной взаимосвязи с другими элементами и признаками состава преступления.

Всякое преступное деяние посягает на объект уголовно-правовой охраны и вместе с тем определяется им. Вред охраняемому уголовным законом объекту может быть причинен не любыми, а только определенными средствами и орудиями, характер которых определяется свойствами самого объекта. В общем виде общественная опасность применяемых средств заключается в том, что именно они существенно облегчают осуществление посягательства на общественные отношения либо непосредственно причиняют вред.

Необходимо отметить, что средства и орудия совершения преступления воздействуют не непосредственно на общественные отношения, а на их материальное выражение (предметы) или на человека как носителя этих отношений.

Под предметом понимаются те вещи, по поводу которых или в связи с которыми совершается преступление. Необходимо иметь в виду, что одни и те же предметы материального мира в одном преступлении могут выступать в качестве предмета, а в другом — средствами совершения преступления (например, при подделке, изготовлении или сбыте поддельных документов, сами поддельные документы являются предметами, а в процессе использования они являются средствами). Так, оружие, являясь предметом преступления при хищении (ст. 226 УК РФ), выполняет роль орудия при убийстве, разбое, бандитизме.

Основное различие между этими понятиями проводится по характеру их использования в процессе совершения преступления. Если вещь или иной материальный объект выступает в качестве средства, то он используется виновным как инструмент для воздействия на окружающие предметы. Что же касается предмета, то он, наоборот, сам подвергается воздействию со

стороны преступника и используемых им средств или орудий при посягательстве на объект преступления.

В ряде случаев предмет преступления в процессе посягательства может «переходить» в средство или орудие совершения преступления (например, кража автомобиля, на котором после сбивают человека).

Средства и орудия как признаки состава преступления соотносятся определенным образом и с общественно опасными последствиями. Совершенное виновным деяние с использованием избранных средств и орудий становится преступным и может быть вменено в ответственность данному лицу именно потому, что воздействие средств, которые использовались при совершении преступления, порождает предусмотренные уголовным законом вредные последствия.

5.5 Обстановка совершения преступления

Обстановка совершения преступления является одним из фактативных признаков объективной стороны преступления. Она может непосредственно быть указана в норме уголовного закона, а может только подразумеваться либо вообще не иметь уголовно-правового значения.

Правильное понимание объективной стороны преступления возможно лишь с учетом обстановки его совершения, т. е. конкретных условий, в которых совершается преступное деяние, развивается объективная сторона и наступает преступный результат. Эти условия существуют объективно, независимо от воли преступника, хотя в некоторых случаях они могут сознательно им использоваться и даже частично создаваться.

Конкретные условия, в которых совершается преступление, оказывают существенное влияние на совершаемое действие, направляют в определенном смысле развитие причинно-следственной связи, обуславливают характер и степень тяжести наступивших вредных последствий и поэтому служат неотъемлемыми признаками преступления в целом и отдельных его элементов⁸⁷⁷.

Изучение конкретной обстановки совершения преступления имеет особо важное значение для того, чтобы возможно было более полно, объективно и всесторонне оценить степень обще-

⁸⁷⁷ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. С. 22.

ственной опасности содеянного, условия, способствовавшие преступлению, и другие обстоятельства, которые могут повлиять на решение вопроса о том, подлежит ли лицо уголовной ответственности или в его действиях отсутствует состав преступления.

Обстановка совершения преступления, как уже было сказано, предполагает те объективные условия, при которых произошло преступление. Эти условия могут иметь большое общественное значение и потому существенно влиять на характер совершенного деяния. Дело в том, что способность общественно опасного деяния причинять вред зависит не только от самого деяния (действия или бездействия), но и от окружающей обстановки, в которой оно происходит. Например, курение в степи и курение во взрывоопасном цехе приводит к различным последствиям. Если первое не является общественно опасным, то второе может привести к тяжким последствиям. Поэтому в ряде случаев законодатель конструирует объективную сторону преступления, вводя в нее характеристику обстановки совершения преступления, и в этом случае она является признаком состава. Так, ч. 1 ст. 359 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за использование наемника в вооруженном конфликте или военных действиях. И в этом случае указанные условия использования наемника, т. е. обстановка вооруженного конфликта или военных действий, превращаются в необходимый признак объективной стороны данной разновидности наемничества.

Преступления против военной службы, предусмотренные статьями главы 33 УК РФ, предполагают их совершение в мирное время. В соответствии с ч. 3 ст. 331 УК РФ, ответственность за такие преступления, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени. И это не случайно, так как военное время и боевая обстановка значительно повышают общественную опасность этих преступлений. Повышенная общественная опасность состоит в том, что преступление происходит тогда, когда военнослужащий находится в непосредственном соприкосновении с противником, выполняет боевую задачу и подобные действия военнослужащих могут серьезно ослабить боеспособность воинского подразделения.

Обстановка совершения преступления на развитие объективной стороны влияет двумя способами: непосредственно и опосредованно, через сознание субъекта, определяя его поведение.

Непосредственное влияние состоит в том, что обстановка образует совокупность конкретных условий, в которых может быть совершено данное преступление, т. е. создает для него объективную возможность. Преступление как акт человеческого поведения совершается не в пустоте. С материалистической точки зрения, никакое преступление не может быть совершено, а совершенное не может привести к вредным последствиям, если в реальной действительности нет для этого подходящих условий, — правильно отмечает В.Н.Кудрявцев⁸⁷⁸.

Некоторые из условий этого рода могут создаваться искусственно самим преступником.

Характерным примером может служить следующее дело.

Дубарев в доме отдыха познакомился с Ивановой. В один из вечеров он предложил ей покататься на лодке. Иванова сначала отказывалась, ссылаясь на то, что не умеет плавать, но, когда Дубарев заверил ее, что умело правит лодкой и умеет плавать, она согласилась. Значительно удалившись от берега, Дубарев попытался склонить Иванову к половой связи, но последняя решительно отказалась. Тогда Дубарев стал раскачивать лодку, угрожая перевернуть ее, и, воспользовавшись испугом Ивановой, совершил с ней половой акт. Дубарев был осужден по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР (п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ)⁸⁷⁹.

Однако независимо от их различного характера все условия, способствующие совершению преступления, играют весьма важную роль, так как без них преступление не могло быть осуществлено. Без определения понятия обстановки совершения преступления невозможно дать квалификацию соответствующих составов.

В словаре Ожегова дается ее следующее определение: «Обстановка — положения, обстоятельства, условия существования кого-нибудь или чего-нибудь»⁸⁸⁰.

Так же просто определяет обстановку «Словарь по уголовному праву»: «Обстановка совершения преступления — это объективные условия, при которых происходит преступление»⁸⁸¹.

⁸⁷⁸ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 24.

⁸⁷⁹ Дело № 432-Л // Архив Ленинградского областного суда за 1987 г.

⁸⁸⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка. С. 278.

⁸⁸¹ Наумов А.А. Обстановка совершения преступления // Словарь по уголовному праву / Отв. ред. А.А.Наумов. С. 292.

Более сложное определение дают Ф.Сюндюков и А.Василиади.

«Обстановка совершения преступления, — пишут они, — представляет собой совокупность взаимодействующих объектов (людей, материальных предметов, естественных и социальных процессов, отношений), которые проявляют себя там и тогда, где и когда совершается общественно опасное действие или бездействие. Количественный состав обстановки, а также качественное состояние образующих ее объектов в конкретных случаях могут быть самыми различными, поэтому внешняя форма и характер обстановки также могут быть самыми разнообразными. Вместе с тем теории и практике уголовного права известно несколько типов обстановки, например, материальная и духовная, обстановка, способствующая или противодействующая совершению преступления, вызывающая (криминогенная) или не вызывающая (антикриминогенная) решимость совершить преступление»⁸⁸².

А.Ф.Истомин определяет обстановку как «совокупность условий, в которых протекает преступное деяние, развивается его объективная сторона»⁸⁸³, М.И.Ковалев и Н.А.Ныркова — как «физическую среду, где развивается преступная деятельность»⁸⁸⁴, И.М.Тяжкова — как «совокупность взаимодействующих обстоятельств, при наличии которых совершается преступление»⁸⁸⁵.

Однако вопрос относительно обстановки совершения преступления не такой простой, как кажется на первый взгляд. Прежде всего, это касается количество условий, входящих в обстановку, т. е. ее структурного состава. Ученые выделяют от двух до восьми таких элементов.

В.Н.Кудрявцев, в частности, считает, что «обстановка совершения преступления включает место, время и другие конкретные условия его совершения»⁸⁸⁶.

А.Г.Василиади включает в понятие обстановки различные объекты действительности: 1) место совершения преступления; 2) время совершения преступления; 3) человека; 4) материальные предметы; 5) природно-климатические и некоторые иные факторы⁸⁸⁷.

Естественно, любое преступление совершается в конкретном месте и в конкретное время. Однако их наличие не составляет обстановку совершения преступления. Иначе не имело смысла выделять ее в качестве самостоятельного признака объективной стороны.

Приведем следующий пример.

Статья 395 УК РФ предусматривает ответственность командира корабля за оставление погибающего военного корабля. Корабль представляет собой место совершения преступления. Однако для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо установить, что преступление совершается в определенной обстановке, влекущей гибель корабля. Если нет наличия вышеупомянутой обстановки, а тем не менее место, т. е. корабль, имеется, и капитан по какой-либо причине решил оставить его, то уголовной ответственности он не понесет.

Но место и время совершения преступления имеют значение для определения обстановки, исходя из понимания пространства как органического их единства, когда ни время, ни территория не могут существовать друг без друга. Место и время в обстановке, как представляется, выполняют важную формализующую функцию. В одних случаях они позволяют выделить значимый именно в уголовно-правовом отношении участок обстановки, в других они образуют пространственно-временные границы, в пределах которой существует принципиальная для уголовного права зависимость общественной опасности деяния от обстановки его совершения.

Иные элементы обстановки также проявляют себя различным образом. Человек может быть значим с точки зрения психофизического состояния (например, при оценке соответствия обо-

⁸⁸² Сюндюков Ф., Василиади А. Учет обстановки совершения преступления // Советская юстиция. 1988. № 22. С. 26.

⁸⁸³ Истомин А.Ф. Общая часть уголовного права. Учебное пособие. М., 1997. С. 70.

⁸⁸⁴ Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н.Петрашева. М., 1999. С. 179.

⁸⁸⁵ Курс уголовного права. Т. 1. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой С. 262.

⁸⁸⁶ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 22.

⁸⁸⁷ Василиади А.Г. Обстановка совершения преступления и ее уголовно-правовое значение: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 13.

ронительных действий опасности посягательства существенное значение имеют физические возможности обороняющегося) и с точки зрения социально-правового статуса (преступление в отношении лица, исполняющего служебные или общественные функции).

К числу материальных предметов, входящих в обстановку, как правило, относятся такие, которые обычно являются источниками повышенной опасности (транспортные средства, иные механизмы, взрывчатые, радиоактивные и т. п. вещества). В связи с их функционированием создается опасный вид обстановки. Также в некоторых случаях подобный вид обстановки может возникать из-за проявления природно-климатических факторов.

Из иных факторов, образующих обстановку совершения преступления, могут быть выделены отношения и процессы, причем это могут быть и естественные процессы и отношения, протекающие, например, в среде диких животных, а также общественные и бытовые отношения и процессы.

Исходя из изложенного, Н.И.Панов дает такое определение обстановки: «Под обстановкой совершения преступления в уголовном праве понимают совокупность конкретных условий, в которых совершается преступное действие (бездействие), развивается объективная сторона и наступает преступный результат»⁸⁸⁸.

Мы бы дали следующее определение обстановки совершения преступления.

Обстановка — это совокупность обозначенных в законе или вытекающих из него факторов, составляющих среду, внешнее окружение, ситуацию, в условиях которой осуществляется преступление, и приобретающее в этой связи уголовно-правовое значение.

Можно встретить мнение о том, что обстановка в определенной степени включает в себя взаимоотношения между виновным и потерпевшим⁸⁸⁹.

С этим нельзя согласиться, так как обстановка — признак объективной стороны, а отношения между виновным и потерпевшим носят субъективный характер.

⁸⁸⁸ Панов Н.И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве. С. 93.

⁸⁸⁹ Уголовное право. Общая часть / Под ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова. С. 107.

Другое дело, что с точки зрения индивидуализации ответственности особое внимание следует обращать на те случаи, когда сложившаяся обстановка искажает представления субъекта о происходящем, не дает возможности правильно контролировать свои поступки и тем самым способствует наступлению преступного результата.

Это положение характерно для преступлений, совершенных по неосторожности, где всегда надо устанавливать, имело ли лицо в данной сложившейся обстановке возможность предвидеть наступление вредных последствий своего поведения.

Вот характерный пример.

Шибанов осужден Ленинградским областным судом 12 января 1968 г. по ч. 2 ст. 163 и по ст. 103 УК РСФСР (п. «а» ч. 1 ст. 256 и ч.1 ст. 105 УК РФ).

Шибанов признан виновным в том, что, проживая в собственном доме на берегу реки Литтула, изготовил из отходов алюминиевой проволоки две мережи и в течение четырех лет незаконно занимался рыбным промыслом. Добытую таким образом рыбу Шибанов частично оставлял для своей семьи, а частично продавал.

Кроме того, Шибанов признан виновным в умышленном убийстве подростка Осипова Юрия, которое он совершил при следующих обстоятельствах.

В целях предупреждения кражи рыбы из мереж Шибанов сделал сигнализацию. Для этого он из своего дома к мосткам, с которых ставились в реку мережи, провел провода и подключил их к электросети с напряжением 220 вольт, а в доме установил звонок.

Ночью 27 мая 1967 г. подростки Осипов Юрий и Саматов Вячеслав, придя на реку ловить рыбу, решили обрезать снасти, державшие мережи, чтобы спустить их по течению, так как мережами был закрыт доступ рыбе в верхнее течение реки. При этом они решили отсоединить проводку от электросигнализации.

Во время разъединения проводов плоскогубцами Осипов был убит электротоком.

Председатель Верховного Суда СССР, находя вывод о виновности Шибанова в умышленном убийстве неосновательным, внес в Пленум Верховного Суда СССР протест, в котором поставил вопрос о квалификации действий Шибанова по ст. 106

УК РСФСР (ч.1 ст. 109 УК РФ), предусматривающей ответственность за неосторожное убийство.

Пленум Верховного Суда СССР удовлетворил протест, указав следующее.

Правильно установив фактические обстоятельства и виновность Шibaева в причинении смерти потерпевшему Осипову, судебные инстанции, рассматривавшие настоящее дело, без достаточных оснований пришли к выводу о том, что, устанавливая электрическую сигнализацию, Шибанов действовал с умыслом, направленном на убийство.

В соответствии со ст. 8 УК РСФСР (ст. 25 УК РФ) преступление признается совершенным умышленно в том случае, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий.

Из материалов настоящего дела усматривается, что умысла на лишение жизни других лиц у Шибанова не было. Об этом свидетельствуют как показания самого Шибанова в судебном заседании, так и другие материалы дела. Шибанов не скрывал от окружающих существование сигнализации. Об этом знали жители деревни, в том числе и подростки, пришедшие в день происшествия ловить рыбу возле установленных осужденным мреж.

Из дела видно, что Шибанов предупреждал соседей, чтобы они не допускали своих детей к тому месту, где была проводка сигнализации, а также показывал ее пастухам.

Имеющиеся в деле данные не дают оснований для утверждения о том, что, включая проводку сигнализации в сеть напряжением в 220 вольт, Шибанов желал или допускал возможность наступления смерти Осипова Юрия или других лиц.

Наоборот, из собранных по делу доказательств следует, что он рассчитывал на такие обстоятельства, которые, по его мнению, исключали возможность наступления тяжких последствий. По делу установлено, что проводка сигнализации Шибановым была сделана у него в огороде по земле, кустам, замаскирована ветками и разным мусором, а при подходе к реке под тропинкой зарыта в землю. Вся эта территория была огорожена, ходили туда только рыбаки. Это давало основание Шибанову полагать, что случайно в месте проводки сигнализации никто оказаться не может.

Что же касается рыбаков, то в селе было известно, что Шибанов ловит рыбу мрежами и у него сделана сигнализация. К самим мрежам ток подключен не был, провода подведены только к внутренней стороне мостков, на которые нужно было становиться, чтобы достать мрежи. Как показал Шибанов, он сделал это не для того, «чтобы наказать человека, а чтобы обнаружить его».

Далее из дела усматривается, что для проводки Шибанов выбрал провод с хорошей изоляцией, выдерживающий напряжение до 1000 вольт. Этот провод использовался на работе в сырых помещениях, и поэтому Шибанов был уверен, что провод выдержит напряжение в 220 вольт. Контакты и провода были изолированы. Шибанов, как он показал, проверял их и был убежден, что опасности сигнализация не представляет. Кроме того, для понижения напряжения он перед звонком установил лампочку, а включал сигнализацию весной (когда ловилась рыба) в ночное время и только в том случае, если сам был дома. Провод сигнализации несколько раз перерезали неизвестные лица, а свидетель Голубев, как следует из его показаний, обнаружив провод, вытаскивал его из воды, и никто при этом поражен током не был, что еще более укрепило Шибанова в сознании безопасности устроенной им сигнализации.

С учетом изложенного следует признать неправильным вывод суда о виновности Шибанова в умышленном убийстве Осипова.

Материалы дела дают основание заключить, что в данном случае Шибанов проявил преступную самонадеянность, поскольку он знал об опасности, которую представляет для человека электрический ток напряжением 220 вольт, но легкомысленно надеялся на предотвращение тяжких последствий. При этом он рассчитывал не на случайность, а на такие объективные факторы, которые, по его мнению, исключали возможность наступления тяжких последствий. При таком положении совершенное им по неосторожности убийство должно квалифицироваться по ст. 106 УК РСФСР (ч. 1 ст. 109 УК РФ). Что касается осуждения Шибанова за незаконное занятие рыбным промыслом по ч. 2 ст. 163 УК РСФСР (п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ), то в этой части приговор правилен.

Учитывая изложенное, Пленум Верховного Суда СССР постановил: действия Шибанова квалифицировать по ст. 106 УК

РСФСР (ч. 1 ст. 109 УК РФ); в остальной части приговор оставить без изменений⁸⁹⁰.

Однако, на наш взгляд, обстановка происшествия не давала оснований и для такого вывода.

Пленум Верховного Суда СССР посчитал, что Шибанов использовал проводку как приспособление для защиты мерз от воров⁸⁹¹. Но сравним этот случай со следующим.

Являясь кладовщиком склада горюче-смазочных материалов и одновременно охраняя этот склад, Таракановский с целью отпугивания пасшегося около склада скота подключил ограждение склада — забор из колючей проволоки — к розетке электросети с напряжением 220 вольт. Он сам проверил силу тока и напряжение и убедился, что ток в заборе был слабым.

Такое подключение Таракановский делал периодически, когда уходил со склада.

Подключив забор к сети, Таракановский изготовил объявление: «Внимание, забор под напряжением, бьет, смерть» — и прибил это объявление на столбе забора.

Вечером 28 июля 1961 г. Таракановский, включив в забор электроток, ушел со склада на ужин, а после ужина — в городской театр.

В тот же вечер гражданка Купрадзе во время поисков своей коровы приблизилась к забору склада, дотронулась до него руками и погибла от удара электротоком⁸⁹².

Здесь, да, для защиты использовался электроток. То, что Таракановский сам проверял силу тока, вывесил предупреждающее объявление, свидетельствует о том, что он предвидел возможность наступления общественно опасных последствий, но легкомысленно рассчитывал на их предотвращение, а потому Военная коллегия Верховного Суда СССР правильно квалифицировала его деяние как неосторожное причинение смерти.

⁸⁹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда по делу Шибанова // Судебная практика к Уголовному кодексу РФ. М., 2001. С. 99–101.

⁸⁹¹ Использование средств и приспособлений для защиты своих интересов подробно рассмотрено в статье А.Н. Попова «Использование средств или приспособлений при защите правоохранительных интересов» (Юридическая мысль. 2001. № 3. С. 108–114.).

⁸⁹² Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Таракановского // Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 1973. С. 26.

Совсем другая обстановка в деле Шибанова, хотя обстоятельства очень похожи: и там, и там обвиняемые проверяли силу тока, предупреждали соседей и т. п.

Однако судебные инстанции, рассматривавшие дело Шибанова, квалифицируя содеянное им как неосторожное убийство, не учли того, что он сделал электропроводку не в целях использования электротокa как средства поражения, а только для питания электрического устройства — сигнализации, не рассчитанного на причинение повреждений человеку.

Осипов и Саматов знали о сигнализации и о поражающей силе тока, тем не менее, проявив грубую неосторожность, сами раскопали ее и стали перерезать плоскогубцами.

В каждом доме установлена электропроводка и можно обвинить тогда каждого электромонтера, ее установившего, если кто-то погибнет, пытаясь ее отсоединить, например, вор, чтобы проникнуть в квартиру.

Поэтому мы считаем, что учитывая обстановку происшествия Шибанов не должен нести ответственность за гибель Осипова.

А вот как, например, длительная психотравмирующая ситуация учитывается при рассмотрении конкретного уголовного дела.

Ульяновским областным судом 10 июня 1998 г. Саймуллова осуждена к лишению свободы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ сроком на шесть лет. Она признана виновной в том, что 21 февраля 1998 г. по месту жительства в г. Ульяновске из неприязни, возникшей в связи с неправомерным поведением мужа — Саймуллова, совершила его убийство, когда он заведомо для нее находился в беспомощном состоянии.

В кассационной жалобе осужденная Саймуллова просила смягчить ей наказание до пределов, не связанных с лишением свободы, в связи с тем, что убийство она совершила в состоянии аффекта, и сослалась на то, что у нее с мужем за время совместной жизни сложились крайне неприязненные отношения: он систематически пьянствовал и тратил заработную плату на приобретение спиртного, устраивал в доме скандалы и драки, плохо относился к детям, оскорблял их и избивал, а в 1997 г. довел до самоубийства сына, 1972 года рождения. Несмотря на это, она пыталась сохранить семью, поскольку у них было семеро детей. Но 21 февраля 1998 г., узнав от старшей дочери о том, что десять лет назад муж попытался ее изнаси-

ловать, а пять лет назад изнасиловал младшую дочь, 1986 года рождения, она в состоянии потрясения, испугавшись потерять кого-либо из детей, схватила топор, находившийся в прихожей, и нанесла мужу, лежавшему на кровати лицом к стене, несколько ударов по шее. После чего попросила детей вызвать милицию.

Адвокат в защиту Саймулловой просил об изменении приговора, переквалификации ее действий с п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ст. 107 УК РФ и назначении ей меры наказания, не связанной с реальным лишением свободы. Как считал адвокат, в ходе предварительного и судебного следствия не получены доказательства убийства Саймулловой мужа именно в тот момент, когда он спал и якобы заведомо для виновной находился в беспомощном состоянии. В то же время, по мнению адвоката, по делу установлено, что потерпевший Саймуллов на протяжении 27 лет своими противоправными, аморальными действиями создал психотравмирующую ситуацию в семье, а известие об изнасиловании им дочери, 1986 г. рождения, переполнило «чашу терпения» Саймулловой и привело ее в состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, находясь в котором она совершила убийство.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 3 сентября 1998 г. приговор изменила, указав следующее.

Суд первой инстанции, квалифицируя содеянное Саймулловой по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в обоснование своего решения сослался на то, что она знала о неправомерном поведении мужа в отношении детей и, в частности, о покушении на изнасилование старшей дочери, поэтому сообщение об изнасиловании младшей дочери, совершенном мужем пять лет назад, с учетом характера их взаимоотношений, не могло послужить причиной внезапного возникновения у нее сильного душевного волнения.

Однако с таким выводом суда согласиться нельзя. Материалы дела свидетельствуют о том, что Саймуллов систематически пьянствовал, лечился от алкоголизма в лечебно-трудовом профилактории, состоял на учете в областном наркологическом диспансере с 1995 г. с диагнозом «хронический алкоголизм второй стадии»; с 17 апреля 1997 г. по 12 января 1998 г. восемь раз доставлялся в отдел милиции за совершение мелкого хулиганства и появление в общественных местах в нетрезвом виде, был судим в 1995 году по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР (ч. 2 ст. 158 УК РФ) к лишению свободы с отсрочкой исполнения приговора, с

работы был уволен за появление в нетрезвом состоянии, по месту жительства характеризовался исключительно отрицательно. Кроме того в ходе предварительного следствия было установлено, что в действиях Саймулловой содержались признаки преступлений, предусмотренные п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ, в отношении дочерей и уголовные дела были прекращены в связи с его смертью. Как видно из показаний Саймулловой, а также ряда свидетелей, потерпевший умышленно спаивал своего сына Олега, 1972 года рождения, чтобы тот был не в состоянии противостоять ему, когда он издевался над дочерьми и женой, а впоследствии довел сына до самоубийства.

Указанные обстоятельства дают основание для вывода, что систематические противоправные и аморальные поступки потерпевшего обусловили длительную психотравмирующую ситуацию в семье, где постепенно накапливалась психическая напряженность во взаимоотношениях в результате поведения потерпевшего, и последнее известие о совершенном им изнасиловании младшей дочери переполнило «чашу терпения» Саймулловой и внезапно вызвало у нее сильное душевное волнение. Таким образом, ссылку суда в приговоре на то, что противоправное и аморальное поведение Саймуллова и сообщение об изнасиловании им пять лет назад младшей дочери не были для Саймулловой неожиданностью, нельзя признать обоснованной. Содеянное Саймулловой подлежит квалификации по ч. 1 ст. 107 УК РФ.

Судебная коллегия нашла возможным при назначении наказания осужденной применить ст. 73 УК РФ, т. е. назначить условное осуждение, с учетом совокупности смягчающих наказание обстоятельств, данных, положительно характеризующих ее как по месту работы, так и жительства, а также с учетом ее состояния здоровья, наличия на иждивении четырех малолетних детей и ходатайств администрации пос. «Пригородный» и коллектива Пригородной средней школы Железнодорожного района г. Ульяновска о снисхождении.

Кассационная инстанция переквалифицировала действия осужденной с ч. 2 ст. 105 на ч. 1 ст. 107 УК РФ, признав убийство совершенным в состоянии аффекта, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с сис-

тематическим противоправным и аморальным поведением потерпевшего⁸⁹³.

В ст. 108 и 114 УК РФ лишение жизни, причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью влекут более мягкое наказание, если они совершены при превышении необходимой обороны либо при задержании преступника. То есть, пишут Ф.Сюндюков и А.Василиади, «обстановка наряду со способностью существенно повышать общественную опасность деяния может оказывать на него и обратное воздействие, исключаящее уголовную ответственность, причем в отношении таких деяний, которые при обычных условиях являются преступлением. Например, лишение жизни, причинение вреда здоровью или уничтожение имущества не влекут уголовной ответственности, если они совершены в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости либо при задержании преступника. В этих случаях обстановка служит обстоятельством, которое с социальных позиций в какой-то степени оправдывает указанные деяния, а юридически придает им не противоправный характер»⁸⁹⁴.

Данный взгляд обосновывается тем, что состояние необходимой обороны и задержание преступника определяются обстановкой, образуемой опасными видами человеческого поведения.

Обстановка позволяет правильно оценить действия обороняющегося при необходимой обороне.

Сивохин признан виновным в умышленном причинении тяжких телесных повреждений, совершенных в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями Каширского.

Согласно приговору, преступление совершено при следующих обстоятельствах.

3 мая 1995 г. житель села Екатеринино Никифоровского района Тамбовской области Сивохин (1929 года рождения), увидев братьев Василия и Владимира Каширских с лошады, решил попросить Василия вспахать ему огород, на что тот согласился за вознаграждение. Когда Сивохин пришел с бутылкой водки в дом Каширских, Владимир в состоянии алкогольного опьянения, беспричинно, из хулиганских побуждений стал к нему придираться, оскорблять нецензурно, а затем избил руками и ногами. Повалив Сивохина на пол, он сел на него, коленом ударил

по лицу, ручкой кухонного ножа — по голове, вырвал клоч волос, приставлял нож к горлу и угрожал расправой. Затем Владимир, приставив нож к спине Сивохина, повел его к выходу из дома. Последний, опасаясь за свою жизнь, выбил из его рук нож и нанес им Владимиру два ранения, после чего убежал и о случившемся заявил в милицию. В результате Каширскому Владимиру причинены тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни в момент причинения.

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об отмене приговора и прекращении дела за отсутствием состава преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 19 ноября 1997 г. протест удовлетворила, указав следующее.

По делу установлено, что Каширский Владимир совершил особо злостное хулиганство в отношении Сивохина и осужден по этому эпизоду.

Как видно из материалов дела, он нецензурно оскорблял потерпевшего, без повода его избил и угрожал расправой. Сивохин, защищаясь, завладел приставленным к его спине ножом и нанес им удары Каширскому. О случившемся Сивохин сообщил в милицию. Согласно заключению эксперта, Сивохины были причинены легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья. Суд фактически установил, что действия 66-летнего Сивохина были направлены на защиту своей жизни и здоровья, но дал им неправильную правовую оценку.

В соответствии со ст. 13 УК РСФСР (ст. 37 УК РФ) не является преступлением действие хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите интересов государства, общественных интересов, личности и прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Таким образом, Сивохин, защищая свою жизнь и здоровье от нападения Каширского, сопряженного с насилием и с непосредственной угрозой применения насилия, находился и действовал в состоянии необходимой обороны и ее пределов не превысил. А поэтому действия Сивохина следует признать правомерными,

⁸⁹³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 12. С. 11.

⁸⁹⁴ Сюндюков Ф., Василиади А. Указ. соч. С. 26.

дело в отношении него прекратить за отсутствием в его деянии состава преступления⁸⁹⁵.

Еще пример.

По приговору Советского районного суда г. Астрахани от 9 января 2002 г. Колякин осужден по ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ.

Он признан виновным в убийстве Дахмардаева и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью Тенешева, совершенных при превышении пределов необходимой обороны.

16 марта 2001 г. около 23 час. на ул. Адмирала Нахимова в г. Астрахани Тенишев и Дахмардаев, находившиеся в состоянии алкогольного опьянения, решили ограбить проходившего мимо них Колякина. Когда Колякин зашел в подъезд своего дома, Дахмардаев подошел к нему и попытался снять с его руки кольцо и часы. Оказавшего сопротивление Колякина он стал бить руками и ногами. Тенишев также замахнулся на Колякина кулаком. Тогда Колякин имевшимся у него складным ножом нанес удары Дахмардаеву в живот, чем причинил ему ранение брюшной полости, повлекшее его смерть, а Тенишеву — в голову и в живот, в результате чего причинил ему ранение в паховой области, соответствующее тяжкому вреду здоровью.

Судебная коллегия по уголовным делам Астраханского областного суда приговор оставила без изменения.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ поставил в протесте вопрос об отмене судебных решений и прекращении дела за отсутствием в действиях Колякина состава преступления.

Президиум Астраханского областного суда 16 октября 2002 г. протест удовлетворил, указав следующее.

Частью 1 ст. 108 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. В ч. 1 ст. 114 УК РФ речь идет об уголовной ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Однако, как свидетельствуют материалы дела, в действиях Колякина отсутствуют данные составы преступления.

Суд в приговоре указал, что Колякин действовал в состоянии необходимой обороны, но превысил ее пределы. На него напали

двое, которые сразу же сбили его с ног. Колякин не имел возможности встать на ноги, так как нападавшие стояли над ним. Поскольку соотношение сил нападавших и оборонявшегося было неравным, Колякин применил нож. В данной ситуации Колякин, преследуя цель пресечь преступные действия нападавших, не имел возможности избрать иной, менее опасный способ защиты.

Такой вывод следует из **обстановки**, в которой происходили указанные действия.

В соответствии со ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Усмотрев в действиях Колякина превышение пределов необходимой обороны, суд не дал оценки характеру опасности, угрожавшей Колякину, интенсивности нападения и, кроме того, **обстановке**, при которой оно было совершено.

Следовательно, нельзя признать обоснованным осуждение Колякина за убийство Дахмардаева и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью Тенешева при превышении пределов необходимой обороны, а потому дело в отношении него подлежит прекращению за отсутствием в его действиях состава преступления⁸⁹⁶.

О признании законодателем обстановки как одного из обязательных признаков состава преступления свидетельствует указание в некоторых статьях на публичный характер действий, отмечает Н.Ф.Кузнецова⁸⁹⁷. Например, клевета, оскорбление, нарушение неприкосновенности частной жизни, содержащиеся в публичном выступлении (ст. 129, 130, 137 УК РФ), публичное оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), публичные призывы к насильственному свержению строя Российской Федерации или к развязыванию агрессивной войны (ст. 280 и 354 УК РФ). Близка к ним ст. 245 УК РФ, где жестокое обращение с

⁸⁹⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 8. С. 13–14.

⁸⁹⁷ Курс уголовного права. Т. 1. / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. С. 255.

⁸⁹⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 5. С. 12.

животными признается преступлением, если оно совершено в присутствии малолетних.

В других случаях законодатель указывает в качестве обстановки совершения преступления зоны экологического бедствия или зоны чрезвычайной экологической ситуации. О них говорится в статьях «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов» (ст. 247 УК РФ), «Загрязнение вод» (ст. 250 УК РФ), «Порча земли» (ст. 254 УК РФ), «Незаконная добыча водных животных и растений» (ст. 256 УК РФ), «Незаконная охота» (ст. 258 УК РФ).

Некоторые ученые высказывают мнение о том, что в отдельных составах признаки места и обстановки объединяются и образуют самостоятельные признаки, в пример приводятся ст. 254 и 256 УК РФ⁸⁹⁸.

Другие считают, что эти признаки, скорее всего, характеризуют место совершения преступления⁸⁹⁹.

На наш взгляд, в ч. 2 ст. 254 говорится лишь об обстановке, но никак не о месте совершения преступления («зона экологического бедствия или зона чрезвычайной экологической ситуации»). Что касается ст. 256, то в п. «г» ч. 1 говорится о заповеднике, заказнике (что представляет собой место совершения преступления) и о зоне чрезвычайного экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации (что является обстановкой). Скорее всего, именно тот факт, что место и обстановка упоминаются в одном пункте, и дало основание авторам утверждать, что эти два факультативных признака объединяются и образуют самостоятельный признак преступления. Однако необходимо помнить, что и место, и обстановка являются признаками самостоятельными и смешивать их между собой нельзя.

В ст. 270 УК РФ неказание капитаном судна помощи терпящим бедствие будет признаваться преступлением в обстановке бедствия на море или на ином водном пути, а в ст. 345 УК РФ оставление погибающего военного корабля обстановкой будет именно погибающий военный корабль.

Конкретно, слово «обстановка» упоминается только в одной статье Уголовного кодекса — ст. 331 УК РФ «Понятие преступлений против военной службы», где в ч. 3 этой статьи говорит-

ся, что ответственность за указанные преступления в боевой обстановке определяется законодательством РФ военного времени.

Таким образом, обстановка может быть непосредственно сформулирована в уголовно-правовой норме. При этом она может быть выражена в обобщенной форме (обстановка задержания вообще) либо в конкретизированной форме посредством указания на ее конкретный вид (публичная, боевая) или через выделение присущего обстановке свойства. Например, когда уголовно-правовое значение имеет обстановка, создающая угрозу причинения вреда, то и закон выделяет это обстоятельство, используя понятие опасности.

В тех случаях, когда обстановка лишь подразумевается в норме, что может быть обусловлено стремлением законодателя к лаконичности изложения уголовно-правовой нормы, о ее наличии следует судить исходя из иных заключенных в норме обстоятельств: объекта посягательства, места совершения преступления, общественно опасных последствий.

Но это отнюдь не принижает ее значение для правильного решения важнейших уголовно-правовых вопросов: об основаниях уголовной ответственности, о квалификации преступления, о назначении наказания, поскольку это может привести к существенному нарушению охраняемых законом прав и интересов граждан.

Влияние обстановки на преступление состоит в ее способности изменять его общественную опасность, что может происходить двояким образом. Во-первых, в ряде случаев она повышает общественную опасность деяния, которое обычно не запрещено уголовным законом, до уровня преступления⁹⁰⁰.

Обстановка совершения преступления влияет на степень общественной опасности деяния в пределах одной и той же нормы закона, играя роль смягчающего или отягчающего вину обстоятельства.

Даже есть статья освобождающая от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80¹ УК РФ).

Огурцов, не имея постоянного места жительства и работы, более шести месяцев жил на случайные заработки. Познакомившись с Куровым и Фурсовым, совместно с ними он совершил

⁸⁹⁸ Уголовное право. Часть Общая / Под ред. Л.Д.Гаухмана, Л.М.Колодкина и др. М., 1999. С. 105.

⁸⁹⁹ Там же. С. 254.

⁹⁰⁰ Сюндюков Ф., Василяди А. Указ. соч. С. 26.

на вокзале кражу личного имущества у гражданки Васильевой. Спустя некоторое время он устроился на работу.

Через полтора года Куров и Фурсов при совершении очередной кражи были задержаны и привлечены к уголовной ответственности. У них были обнаружены некоторые вещи Васильевой, и они признались в той краже.

Огурцов был привлечен к уголовной ответственности за кражу на вокзале, однако в последующем уголовное преследование против него было прекращено по ст. 77 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки», действовавшей в то время⁹⁰¹, в связи с тем, что Огурцов, после совершения преступления изменил свой образ жизни, женился, у него родился ребенок, он добросовестно трудится и не представляет общественной опасности⁹⁰².

Однако не всегда суды правильно решают вопрос об освобождении от наказания (ответственности) в связи с изменением обстановки.

Так, по определению Шебекинского районного суда Белгородской области от 25 сентября 1997 г. Тембер освобожден от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 159 УК РФ, в связи с изменением обстановки и производство по делу в отношении него прекращено.

Как указал суд в определении, Тембер совершил мошенничество, т. е. хищение чуждого имущества путем обмана, при следующих обстоятельствах.

Тембер — учредитель семейного частного малого предприятия (МП ТТТ) г. Шебекино Белгородской области — с целью хищения государственных денежных средств составил заведомо ложный документ: счет-фактуру № 91 от 7 июня 1993 г. о продаже Шебекинскому химзаводу 180 тонн парафиновой смеси, которую МП ТТТ не производило и не имело в наличии, а также материальный акт на оприходование 180 тонн парафиновой смеси химзаводом.

С целью завладеть денежными средствами химзавода обманным путем, используя его трудное положение с сырьем, он

предложил заместителю директора завода Юрьеву приобрести не существующую в наличии парафиновую смесь.

Юрьев согласился, завизировал счет-фактуру резолюцией на оплату, и химзаводом была произведена предоплата на общую сумму 9072 тыс. руб.

Однако Тембер вопреки договору поставил химзаводу не парафиновую смесь, а один из ее компонентов — кубовые остатки спиртов ВЖС в количестве 190 м³ (или 178 тонн), стоимость которых за тонну составила 333 руб. 70 коп. Общая сумма приобретенного заводом компонента — 89 303 руб.

В результате обмана Тембер получил от химзавода 8 982 696 руб., которые присвоил и потратил в личных целях и на нужды своего частного предприятия.

Президиум Белгородского областного суда 30 января 1998 г. определение отменил и дело направил на новое судебное рассмотрение.

В протесте в порядке надзора был поставлен вопрос об отмене судебных решений и направлении дела на новое судебное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 4 августа 1998 г. протест удовлетворила на следующем основании.

В соответствии с п. 3 ст. 59 УПК РСФСР (ч. 2 ст. 61 УПК РФ) в рассмотрении дела не может принимать участие судья, если имеются обстоятельства, дающие основание считать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в этом деле.

Как видно из материалов дела, при его рассмотрении Президиумом Белгородского областного суда принимала участие член Президиума — судья Б., муж которой в период работы заместителем начальника оперативного отдела УОП при УВД Белгородской области проводил оперативно-розыскные мероприятия по раскрытию преступления. По результатам проверки в отношении Тембера было возбуждено уголовное дело.

Указанное обстоятельство исключало возможность участия в рассмотрении дела судьи Б., в связи с чем постановление президиума Белгородского областного суда в отношении Тембера нельзя признать законным, и оно подлежит отмене⁹⁰³.

Мы считаем отмену судебных решений правильной не только по процессуальным основаниям, но и по существу.

⁹⁰¹ Сейчас действует, как уже было сказано, ст. 80¹ УК РФ «Освобождение наказания в связи с изменением обстановки»

⁹⁰² Дело №183/03 // Архив Следственного управления ГУВД г. Санкт-Петербурга за 2003 г.

⁹⁰³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 6. С. 13.

В соответствии с действовавшей в тот момент ст. 77 УК РФ⁹⁰⁴ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными.

Суд в обоснование своего решения об освобождении Тембера от уголовной ответственности сослался на то, что он перестал быть общественно опасным и снизилась общественная опасность содеянного им.

Однако деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 159 УК РФ (имеющей в качестве одной из санкций лишение свободы), не перестало быть общественно опасным.

Суд первой инстанции признал установленным, что Тембер совершил хищение чужого имущества путем обмана на общую сумму 8 982 696 руб.

Поэтому вывод о том, что действия Тембера перестали быть общественно опасными и сам он перестал быть общественно опасным, суд сделал без оценки конкретных обстоятельств дела.

В случае признания Тембера виновным в хищении путем обмана 8 982 696 руб. следует решить вопрос, не является ли такой размер хищения крупным и не совершил ли Тембер более тяжкое преступление, чем признал это установленным суд.

Внешняя конкретная обстановка может восприниматься субъектом как удобная и выгодная для совершения преступления, может иногда искажать его представление о действительности и вести к ошибкам, а иногда может служить поводом к совершению преступления. Когда благоприятные для совершения преступления условия внешней среды осознаются преступником, это обычно приводит к активизации преступной деятельности.

Осуществляя преступление, виновный может сознательно использовать сложившуюся объективную обстановку, но может и создавать ее (например, приведение потерпевшей в беспомощное состояние для изнасилования). Совершение преступления путем использования обстоятельств объективной обстановки существенно повышает его общественную опасность.

Всякое сознательное использование сложившейся обстановки для совершения преступления, а тем более искусственное

создание подходящих условий повышает степень вины преступника и его ответственность. Иногда обстановка специально создается, чтобы скрыть свое преступление, «закамуфлировать» его.

Так, лицо, которое намерено вызвало нападение, чтобы использовать его как повод для совершения противоправных действий — развязывания драки, учинения расправы, совершения акта мести, не может быть признано находившимся в состоянии необходимой обороны.

Ибатуллин в составе группы с целью выяснения отношений с другой группой лиц участвовал в подготовке драки: ездил к будущим потерпевшим домой, заранее расставил автомашины таким образом, чтобы свет их фар затруднял видимость поджидаемым людям, принес оружие, спровоцировал нападение. В результате произведенных Ибатуллиным выстрелов был смертельно ранен один человек из противостоящей стороны, а трое получили телесные повреждения с причинением различного вреда здоровью.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Ибатуллина по п. «е» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, п. «е», «н» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 112 УК РФ.

Суд кассационной инстанции оставил приговор без изменения. Президиум Верховного Суда РФ согласился с выводами суда первой инстанции о том, что при изложенных обстоятельствах действия Ибатуллина не содержат признаков необходимой обороны, и оставил без удовлетворения протест о переквалификации, его действий на ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 118 УК РФ⁹⁰⁵.

Уголовно-правовое значение обстановки совершения преступления, обусловленное ее способностью влиять на общественную опасность преступления, заключается в том, что она может превращать соответствующее преступное деяние в его квалифицированный вид.

Наиболее отчетливо это ее свойство зафиксировано в некоторых составах преступлений против военной службы. Неисполнение приказа, сопротивление начальнику, насильственные действия в отношении начальника (ст. 232–234 УК РФ) и некоторые другие деяния сами по себе считаются преступными, но

⁹⁰⁴ Сейчас ст. 80¹ УК РФ.

⁹⁰⁵ Бюллетень Верховного суда РФ. 2002. № 8 С. 14.

их общественная опасность возрастает, что влечет и более суровое наказание, если они совершаются в боевой обстановке.

Степень ответственности при прочих одинаковых обстоятельствах находится в обратной зависимости от степени влияния внешних условий: чем менее был связан человек непосредственно конкретной обстановкой, в которой он действовал, тем относительно менее вынужденным, с этой точки зрения, был его поступок, тем больше степень его вины и ответственности⁹⁰⁶.

В любом случае при расследовании уголовного дела необходимо выявлять обстановку совершения преступления, даже если в последующем она не будет иметь уголовно-правового значения, так как без этого преступление является как бы оторванным от реальности

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко А.И. Преступное бездействие. СПб., 2003.
2. Бунге М. Причинность. М., 1962.
3. Бушуев Г.В. Способ совершения преступления и его влияние на общественную опасность содеянного. Омск, 1988.
4. Врублевский Е. Бездействие и причинность // Правоведение. 1971. № 1.
5. Горбуза А. Установление причинной связи и квалификация преступлений. // Советская юстиция. 1981. № 18.
6. Горелик А.С. Объективные основания и пределы уголовной ответственности за последствия при бездействии // Правоведение. 1963. № 2.
7. Гуров В.И. Орудия и средства совершения преступления. Свердловск, 1983.
8. Дурманов Н.Д. Общие основания о причинной связи в уголовном праве // Вопросы уголовного права. 1945. № 1.
9. Егоров Н.Д. Причинная связь как условие юридической ответственности // Советское государство и право. 1981. № 9.
10. Евдокимов С.Г. Обстановка совершения преступления. М., 1998.
11. Ефимов М. Причинная связь в уголовном праве // Советская юстиция. 1966. № 15.

12. Жордания И.Ш. Психолого-правовая структура способа совершения преступления // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 24. М., 1983.

13. Землюков С.В. Классификация вредных последствий преступления // Актуальные вопросы государства и права в период совершенствования социалистического общества. Томск, 1987.

14. Землюков С.В. Типы вредных результатов преступного действия // Актуальные проблемы правопедания в современной период. Томск, 1991.

15. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991.

16. Зуйков Г.Г. К вопросу об уголовно-правовом понятии и значении способа совершения преступления // Труды Высшей школы МВД СССР. Вып. 22. М., 1969.

17. Ковалев М.И., Васьков П.Т. Причинная связь в уголовном праве. М., 1958.

18. Ковалев М.И., Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991.

19. Козаченко И., Курченко В. Как установить причинную связь // Социалистическая законность. 1991. № 4.

20. Козлов А.П. Причинная связь и бездействие в уголовном праве // Проблемы уголовной политики: советский зарубежный опыт: Сборник научных статей Красноярского университета. Красноярск, 1990.

21. Коняхин В.П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981.

22. Козлов А.П. Причинная связь и бездействие в уголовном праве // Проблемы уголовной политики: советский зарубежный опыт: Сборник научных статей Красноярского университета. Красноярск, 1990.

23. Коняхин В.П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981.

24. Кригер Г. Причинная связь в уголовном праве // Советская юстиция. 1979. 1.

25. Кудрявцев В.Н. К вопросу о причинной связи в уголовном праве // Советское государство и право. 1950. № 1.

26. Кудрявцев В.Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское уголовное право. 1957. № 8.

⁹⁰⁶ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 34.

27. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.
28. Кудрявцев В.Н. Противоправное бездействие и причинная связь // Советское государство и право. 1967. № 3.
29. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958.
30. Кузнецова Н.Ф., Кострова М.Б. Общественно опасные последствия: лингвистический аспект // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2001. № 6.
31. Малинин В.Б. Понятие преступных последствий по уголовному праву // Конституционное общество и право. Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 9 / Под ред. В.П.Сальникова. СПб., 1997.
32. Малинин В.Б. Как установить причинную связь? // Правоохранительные органы в системе безопасности: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 10 / Под ред. В.П.Сальникова. СПб., 1997.
33. Малинин В.Б. Философские, исторические и теоретические основы причинной связи в уголовном праве. СПб., 1998.
34. Малинин В.Б. Причинная связь и проблемы Общей части уголовного права. СПб., 1999.
35. Малинин В.Б. Проблема причинности при бездействии // Вестник налоговой академии. 1999. № 2.
36. Малинин В.Б. К вопросу об информационной причинности // Актуальные проблемы безопасности информационного пространства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. В.П.Сальникова. СПб., 1999.
37. Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000.
38. Малинин В.Б. Теории причинной связи // Атриум. Вып. 2. Самара, 2000.
39. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Обстановка совершения преступления // Актуальные проблемы права России и стран СНГ–2003: Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Южно-Уральского государственного университета 2 марта 2003 г. Челябинск, 2003.
40. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004.
41. Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно-опасных последствий. Саратов, 1989.
42. Мамедов А. Соотношение и взаимосвязь объекта и объективной стороны преступления // Уголовное право. 1999. № 2.
43. Матвеев Г.К. Теоретические вопросы причинности бездействия // Советское государство и право. 1962. № 10.
44. Меркушев М.П. Вопросы причинной связи в уголовном праве // Вопросы уголовного права и процесса. Минск, 1958.
45. Михайлова Л.П. О некоторых признаках объективной стороны преступления // Уголовно-правовые и процессуальные вопросы конституционных прав граждан. Калинин, 1982.
46. Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969.
47. Мрвалевич Е.П. Объективная сторона преступления // Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права Российской академии наук и Московской государственной юридической академии. М., 1994.
48. Мухамедзянов И.А. Соотношение способа и средств совершения преступления // XXVII съезд КПСС и вопросы юридической науки и практики: Сборник статей Казанского университета. Казань, 1988.
49. Наумов А. Средства и орудия совершения преступления // Советская юстиция. 1986. № 14.
50. Наумов А., Акоев К. Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советская юстиция. 1988. № 7.
51. Новик В.В. Способ совершения преступления в механизме уголовно-правового запрета // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2000. № 2.
52. Новик В.В. Способ совершения преступления (уголовно-правовой и криминалистический аспекты). СПб., 2002.
53. Новоселов Г. Без преступных последствий нет преступления // Российская юстиция. 2001. № 3.
54. Панов Н.И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1987.
55. Пашин Д.Б. Время, место и обстановка как факультативные признаки объективной стороны состава преступления // Вестник Удмурдского университета. 1998. № 1.
56. Парфенов А.Ф. Время совершения преступления // Юридическая мысль. 2003. № 4.
57. Парфенов А.Ф. Место совершения преступления как признак объективной стороны состава преступления // Межвузовский сборник трудов аспирантов и соискателей. М., 2004.
58. Пионтковский А.А. Проблемы причинной связи в праве // Ученые записки ВЮИОН и ВИА. М., 1949.

59. Платонов И. Учение о преступном бездействии // Ежегодная юридическая газета. 1901. № 43.

60. Поддубный А.А. Определение места совершения преступления при квалификации преступления // Российский следователь. 2001. № 3.

61. Пусторослев П.П. Причинность и обусловленность в уголовном праве // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 8.

62. Реннеберг И. Объективная сторона преступления. М., 1957.

63. Самощенко И.С. О причинении вреда противоправным бездействием // Ученые записки ВИЮН. Вып. 17. М., 1963.

64. Сахаров В.И. Значение установления средств и орудий совершения преступления для уголовно-правовой квалификации // Актуальные проблемы уголовного права и правоприменительной деятельности ОВД в новых социально-политических условиях: Сборник статей Московской Высшей школы МВД РФ. М., 1992.

65. Сахаров В.И. Средства и орудия совершения насильственного преступления как конститутивный признак состава криминального деяния // Проблемы обеспечения личной безопасности граждан: Сборник статей Академии МВД РФ. М., 1995.

66. Сахаров В.И. Средства и орудия совершения преступления и их уголовно-правовое значение. М., 1996.

67. Сергеевский Н.Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ярославль, 1880.

68. Спиридонов Ю.С. Обоснование уголовной ответственности за бездействие // Труды Омской высшей школы МВД. Вып. 18. Омск, 1975.

69. Сюдюков Ф., Василиади А. Учет обстановки совершения преступления // Советская юстиция. 1988. № 22.

70. Тарасов А. О причинно-следственной связи в современном уголовном праве // Уголовное право. 2000. № 2.

71. Тер-Акопов А. Определение сущности бездействия // Советское государство и право. 1976. № 12.

72. Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. М., 1980.

73. Тер-Акопов А. Установление причинной связи по уголовному делу // Советская юстиция. 1985. № 17.

74. Тимашев Н.С. Проблема невмешательства в уголовном праве // Журнал Министерства Юстиции. 1916. № 10.

75. Тимашев Н.С. Проблема невмешательства в уголовном праве. Петроград, 1917.

76. Тимейко Г.В. Понятие и специфические черты преступного бездействия // Труды ВЮЗИ. М., 1963. Т. 2.

77. Тимейко Г.В. Причинная связь и проблема ответственности при бездействии // Вопросы уголовного права. М., 1966.

78. Тимейко Г.В. К вопросу о стадиях развития умышленного преступного бездействия // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. 17. М., 1968.

79. Тимейко Г.В. Преступные последствия и их оценка при разрешении уголовных дел // Вопросы теории и практики поддержания государственного обвинения в судах. Краснодар, 1974.

80. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов-на-Дону, 1977.

81. Ткаченко В.И. Отражение в законе признаков объективной стороны преступления // Утверждение социальной справедливости: криминологический и уголовно-правовой аспекты: Сборник статей Ивановского университета. Иваново, 1989.

82. Филимонов В.Д. Последствие преступления // Актуальные вопросы правоведения на современном этапе: Сборник статей Томского государственного университета. Томск, 1986.

83. Филимонов В.Д. Объект преступления и преступное последствие // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью: Сборник статей Томского государственного университета. Томск, 1988.

84. Хананов В.А. Правовая природа бездействия и казуальность // Советское государство и право. 1978. № 4.

85. Хвалин В. О понятии орудия преступления // Уголовное право 2000. № 2.

86. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963.

87. Шарапов Р.Д. К вопросу о бездействии в уголовном праве // Правоведение. 1998. № 3.

88. Шаргородский М.Д. Причинная связь в уголовном праве // Ученые записки ВИЮН. Вып. 1. М., 1947.

89. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. 1956. № 7.

90. Шкеле М.В. Понятие способа совершения преступления в системе наук криминального цикла // Актуальные проблемы деятельности ОВД по раскрытию и расследованию преступлений: Материалы проведения круглого стола в Санкт-Петербургском ун-те МВД России. СПб., 2001.

91. Шкеле М.В. Способ совершения преступления при бездействии // Проблемы развития современного общества и пра-

воохранительные органы: Сборник трудов докторантов, адвокатов и соискателей Санкт-Петербургского ун-та МВД России. Вып. 12. СПб., 2000.

92. Ярмыш Н.Н. Теоретические проблемы причинно-следственной связи в уголовном праве (философско-правовой аспект). Харьков, 2003.

93. Яценко Б.В. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления. М., 1983.

94. Яценко Б.В. Объективная сторона преступления (факультативные признаки). М., 1995.

ГЛАВА IV СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие субъекта преступления

Субъект преступления как элемент состава и как уголовно-правовая категория — довольно сложное и многогранное понятие, требующее дальнейшего научного изучения и уточнения. Не случайно особое внимание в работе уделено рассмотрению и исследованию признаков лица, совершившего преступление, которые самым тесным образом связаны с вопросами уголовной ответственности. В свою очередь проблемы возраста и вменяемости преступника с учетом кардинальных изменений в действующем уголовном законодательстве и практике его применения диктуют настоятельную необходимость их комплексного изучения не только учеными-юристами, но и представителями других наук, специалистами в самых различных областях знаний.

Анализ юридической, философской, медицинской и психологической литературы обозначил основные теоретические и методологические проблемы учения о субъекте преступления в науке уголовного права. Методология позволяет представить учение о субъекте преступления с историко-философских, правовых и теоретических позиций, помогает определить наиболее перспективные направления данного учения, глубже познать логику существующих проблем, выявить и закрепить важные приоритеты в их исследовании.

Формирование ряда методологических основ учения о субъекте преступления относится к теориям и правовым воззрениям И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, А. Фейербаха, И. Г. Фихте и других философов и исследователей права, оказавших большое влияние на развитие правовой мысли в России. Так, в философии И. Канта (1724–1804) особый интерес вызывает осмысление самого преступного поведения и лица, его совершающего. Представление о свободе воли, которая независима от определений чувственного мира, по Канту, является основой уголовно-правовых построений, откуда и вытекает понятие уголовной ответственности за действие, совершенное по решению человеческой воли.

Уголовно-правовые воззрения Канта были идеалистическими, исходя из чего он как бы утвердил субъективно-идеалистическое понимание свободы воли с новых методологических позиций⁹⁰⁷. По Канту, всякое преднамеренное нарушение прав является основанием того, что оно признается преступлением. При этом субъект преступления как физическое лицо обладает свободной волей, которую он рассматривает как желание. Правовым же следствием провинности является наказание⁹⁰⁸.

В уголовно-правовой теории Гегеля (1770–1831) преступление есть проявление воли отдельного лица. Преступник же — не просто объект карательной власти государства, а субъект права, который наказывается в соответствии с совершенным преступлением⁹⁰⁹. Вопрос уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление, рассматривается Гегелем, по существу, в сфере абстрактного права. Гегель утверждает, что воля и мышление представляют собой нечто единое, так как воля не что иное, как мышление, превращающее себя в наличное бытие. При этом наличность разума и воли, по утверждению философа, является общим условием вменения. Вменяемость же как свойство лица, совершившего преступное деяние, состоит в утверждении, что субъект как мыслящее существо знал и хотел⁹¹⁰. Невменяемость субъекта, по Гегелю, определяется тем, что само представление лица находится в противоречии с реальной действительностью, т. е. характер совершенного действия не осознается им⁹¹¹.

Выдающийся немецкий криминалист Фейербах (1775–1833), автор знаменитого учебника по уголовному праву, строил свою уголовно-правовую теорию, опираясь на философию Канта⁹¹².

Фихте (1762–1814) в свою очередь также основывал уголовно-правовые взгляды, исходя из философии субъективного идеализма. Он утверждал, что уголовная ответственность наступает не только при совершении умышленного, но и при со-

вершении неосторожного преступления. По Фихте преступление зависит от свободы воли человека, т. е. свободы выбора преступником целей своего поведения⁹¹³. Таким образом, Фихте подразумевает избирательность поведения субъекта при совершении преступного деяния.

Многие идеи свободы воли, вопросы, связанные с совершением преступления, уголовной ответственностью и наказанием, понятиями вменяемости и невменяемости, и другие вопросы, отраженные в философии Канта, Гегеля, Фихте, в дальнейшем разрабатывались, изучались и исследовались представителями различных уголовно-правовых школ. Так, виднейшими теоретиками классической школы уголовного права, возникшей в Европе во второй половине XVIII — начале XIX в., наряду с Фейербахом были К. Биндинг (Германия), Н. Росси, О. Гарро (Франция). В России такое направление возникло в XIX—XX вв. в лице русских криминалистов: А. Ф. Кистяковского, В. Д. Спасовича, Н. С. Таганцева, Н. Д. Сергеевского и др.

Методологический подход к учению о субъекте преступления, рассматривающий его через призму философских уголовно-правовых теорий, обнаруживает объединяющий эти теории признак, заключающийся в том, что любое деяние, например преступное, совершается физическим лицом, т. е. человеком.

Если рассматривать проблемы исследования субъекта преступления с позиции методологии теоретических концепций в русском уголовном праве, то, несмотря на различное отношение дореволюционных отечественных криминалистов к философским и уголовно-правовым теориям, в большинстве своем они были едины в мнении, что субъектом преступного деяния может быть только физическое лицо, и выступали против уголовной ответственности юридических лиц. Не случайно один из видных представителей классической школы уголовного права русский криминалист Н. С. Таганцев подчеркивал, что субъектом преступления может быть только виновное физическое лицо⁹¹⁴.

Проблема вменяемости и невменяемости лица, совершившего преступное деяние, являющаяся одной из основных в теории уголовного права в отношении субъекта преступления, уголов-

⁹⁰⁷ Пионтковский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940. С. 64.

⁹⁰⁸ Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 120, 132, 137.

⁹⁰⁹ Пионтковский А. А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1993. С. 164, 171.

⁹¹⁰ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 89, 165.

⁹¹¹ Там же. С. 117.

⁹¹² Фейербах А. Уголовное право. СПб., 1810.

⁹¹³ Пионтковский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. С. 165.

⁹¹⁴ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Т. 1. М., 1994. С. 144–145.

ной ответственности и наказания, решалась представителями различных школ весьма противоречиво.

Что же касается возраста преступника как одного из главных признаков субъекта преступления, то исследования в этом направлении сводились криминалистами и криминологами указанных школ к различным классификациям преступных элементов или к рассмотрению их возрастных особенностей с позиции изучения личностных особенностей преступника.

На важность изучения свободы воли, вменяемости, необходимости и других вопросов, связанных с поведением человека в обществе, указывал Ф. Энгельс. Он писал, что невозможно рассуждать о морали и праве, когда не касаешься вопросов о так называемой свободе воли и о невменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой⁹¹⁵. Разумеется, без исследования и глубокого изучения этих понятий и их взаимоотношений вряд ли можно научно обосновать и решить проблему субъекта преступления, с которой тесно связаны различные институты уголовного права.

В историческом аспекте представляет интерес методологический и теоретический анализ субъекта преступления в уголовном праве и уголовном законодательстве в советский период развития нашего государства. Как считает Ю. А. Красиков, после октябрьской революции доктрина социалистического права как бы вобрала в себя реакционные положения социологической школы, извратив во многом классическое направление⁹¹⁶. На первых этапах существования советского государства изучению субъекта преступления со стороны ученых-юристов уделялось недостаточное внимание. Это связано с тем, что все российское уголовное законодательство требовало кардинального обновления и систематизации. В советский период наука уголовного права с новых методологических позиций стала решать задачи по переосмыслению различных уголовно-правовых и криминологических теорий, доставшихся в наследство от «старых» уголовно-правовых школ и учений, связанных с преступным дея-

нием и преступником, а также вопросов уголовной ответственности и наказания.

В советский период значительный вклад в разработку теории и методологии по проблеме субъекта преступления внесли ученые-юристы Я. М. Брайнин, В. С. Орлов, А. А. Пионтковский, А. Н. Трайнин, несколько позже И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, Н. С. Лейкина, Р. И. Михеев и др. Однако в связи с отсутствием в уголовном праве стройного учения о субъекте преступления в теории отечественного уголовного права учеными-юристами допускались методологические ошибки в характеристике его признаков. Традиционно субъект преступления рассматривался в виде одного из элементов состава преступления. Как отмечает О. Ф. Шишов⁹¹⁷, в «Учебнике по уголовному праву» (1938) был допущен один методологический просчет, который выразился в том, что социальная сущность института вины рассматривалась в разделе «Субъект преступления».

В науке уголовного права состав преступления является необходимым и достаточным основанием привлечения вменяемого лица, совершившего преступление, с учетом установленного законом возраста к уголовной ответственности. Структурную основу состава преступления составляет совокупность его элементов, которая включает объект, объективную сторону, субъект, а также субъективную сторону⁹¹⁸. Вместе с тем А. Н. Трайнин высказывал мнение, что субъект преступления не может рассматриваться в системе элементов состава преступления, так как человек не является элементом совершенного им преступного деяния. Где нет человека — виновника преступления, писал он, там не может быть и самого вопроса о наличии или отсутствии состава, более того, где нет вменяемого человека, достигшего законом установленного возраста, там отсутствует и вопрос об уголовной ответственности, и вопрос о самом составе преступления⁹¹⁹.

Позиция А. Н. Трайнина не получила широкого признания среди теоретиков уголовного права, во всех учебниках по уго-

⁹¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 115.

⁹¹⁶ Красиков Ю. А. Доктрина русского уголовного права: истоки и тенденция развития // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства: Тезисы докл. конф. 27-28 января 1994г. / Под ред. С.В.Бородина. М., 1994. С.35.

⁹¹⁷ Уголовное право. История юридической науки / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 87.

⁹¹⁸ Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 162.

⁹¹⁹ Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 191.

ловному праву, которые были изданы после 1946 г., субъект преступления рассматривался в самостоятельных главах как элемент состава преступления⁹²⁰. Оспаривалось в теории уголовного права и утверждение, что вменяемость и возраст субъекта преступного деяния нельзя рассматривать в качестве признаков, относящихся к составу преступления (А. Н. Трайнин, Б. С. Никифоров и др.). По мнению Н. С. Лейкиной, включение вменяемости и возраста в число основных признаков субъекта преступления является не превращением преступника в элемент совершенного им преступного деяния, а возможностью попытаться дать более объективную и всестороннюю характеристику конкретного состава преступления⁹²¹.

Думается, что позиция Н. С. Лейкиной хотя и имеет право на существование, но сомнительна. Однако она не противоречит общей концепции как по форме, так и по содержанию относительно субъекта как одного из элементов состава преступления. В дальнейшем этот вопрос был снят с повестки как несостоятельный.

Но если наряду с общими признаками, возрастом и вменяемостью, характеризующими субъекта преступления, в составах рассматривать повторность, систематичность, а также опасный рецидив и другие, то, скорее, следует говорить о свойствах личности преступника, которые включались в понятие «состав преступления». В этом случае указанные признаки позволяют оценивать лицо, совершившее преступление, с общесоциальных позиций и рассматривать их как личностные свойства преступника, определяя общественную опасность данной личности.

Таким образом, субъект преступления в уголовном праве в разное время всегда привлекал внимание ученых-юристов и представителей других наук как понятие сложное и неоднозначное. Данное обстоятельство объясняется тем, что как в теории, так и в судебно-следственной практике имеются спорные вопросы, связанные с самим пониманием субъекта преступления. Вместе с тем всестороннее изучение субъекта преступления в

уголовном праве и законодательстве (в частности, институтов уголовной ответственности, наказания, соучастия в преступлениях со специальным субъектом, вменяемости и др.) дает возможность глубже понять совокупность всех элементов (признаков) целостного учения о составе преступления.

В свою очередь объяснение понятия и сущности субъекта преступления при изучении как отечественного, так и зарубежного уголовного законодательства с исторических позиций имеет важное методологическое значение для науки уголовного права и совершенствования судебно-следственной практики.

Уголовное законодательство Российской Федерации и большинства зарубежных государств исходит из того, что субъектом преступления может быть только физическое лицо – человек. Причем впервые в уголовном законе признак – физическое лицо, нашел свое законодательное закрепление в ст. 19 Уголовного кодекса РФ 1996 г. Данный признак не имел места в Уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг.

Однако в ряде стран на протяжении веков этот вопрос решался и решается неоднозначно, так как субъектом преступления наряду с физическими лицами признавались предметы, животные, насекомые, а также юридические лица. Например, русскому уголовному праву известен факт, когда в 1593 г. в России был осужден за государственное преступление церковный Соборный колокол, в который ударили во время восстания народа в г. Угличе, в связи с убийством наследника престола малолетнего царевича Дмитрия. Часть жителей Углича казнили, других сослали в Сибирь. «Мятежный колокол» был наказан кнутом, у него вырвали язык и урезали «ухо», а затем сослали в ссылку в сибирский город Тобольск.⁹²²

В Средние века феодальное уголовное право субъектом преступления часто признавало животных. «В светских судах XIV и XV столетий, — писал известный русский юрист Н.С. Таганцев, — нередко встречались случаи, когда преследовали животных, причинивших смерть человеку, в особенности быков — за ярость и свиней, загрызших детей. Этих животных казнили, как правило, через повешение. В истории канонического уголовного права встречаются описания процессов против насекомых и животных, которые истребляли посевы, плодовые деревья, вино-

⁹²⁰ Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968 С. 62.

⁹²¹ 1) Советское уголовное право. Часть Общая / Под ред. М.Д.Шаргородского, Н.А. Беляева. Л., 1960. С. 229–234. 2) Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность: Дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969. С. 290.

⁹²² Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1980, С. 85; Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекция. Т. 1. С. 143.

градники и т.п. Последние подобные процессы состоялись во Франции, где в 1710 г. судили крыс и мышей за нанесение значительного ущерба хлебным полям, а в 1740 г. — корову»⁹²³.

Уголовная ответственность животных, насекомых и вещей являлась не с только ответственностью за виновное деяние, сколько наказанием за опасные и вредные действия, независимо от кого или чего они исходили. Испуганное население в связи с причиненным вредом или угрозой его наступления либо обращалось к духовенству, либо устраивало самосуды против «правонарушителей».

Таким образом, признание субъектом преступлений предметов, животных, насекомых в рабовладельческом и феодальном уголовном праве объясняется господством мистических взглядов на преступление как на деяние, оскорбляющее бога и охраняемый им мир на основании принципа: ответственность наступает в любом случае и для всякого, причинившего вред.

В истории уголовного права можно найти немало случаев, когда субъектом преступления признавались и признаются юридические лица. Например, уголовная ответственность юридических лиц была известна феодальному уголовному праву не только англо саксонских стран (Англии, США и др.), но и государств европейского континента, а также России.

Шагом вперед в совершенствовании уголовного законодательства в России явилось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которым предусматривалась ответственность юридических лиц, в частности всего еврейского общества, укрывавшего военного беглеца из евреев (ст. 561)⁹²⁴. В ст. 1224 данного Уложения также предусмотрена коллективная ответственность общества, отпустившего вторично по паспортам, свидетельствам и другим документам лиц, которые не могли собственным трудом обеспечить себе пропитание и были пойманы при выпрашивании милостыни⁹²⁵.

Однако уголовная ответственность юридических лиц как субъектов преступления наиболее четко проработана в зарубеж-

ном уголовном праве. Она существует и в настоящее время в США, Англии, Канаде, Франции, Италии, ФРГ, Нидерландах и других странах⁹²⁶.

Так, уголовное право в США формировалось и долгое время развивалось на основе системы английского общего права. В современном уголовном праве США вопросы привлечения к уголовной ответственности юридических лиц регламентированы как в федеральном уголовном законодательстве, так и в уголовных законах штатов. Статья 2.07. Примерного уголовного кодекса США (1962) предусматривает ответственность корпораций, некorporированных объединений и лиц, действующих или обязанных действовать в их интересах. В ч. 1 данной статьи говорится, что корпорация может быть осуждена за совершение посягательства, которое является нарушением и состоит в неисполнении возложенной законом на корпорацию специальной обязанности совершать положительные действия.⁹²⁷

Уголовное законодательство некоторых штатов, и в частности УК штата Огайо, УК штата Нью-Йорк⁹²⁸ и др., предусматривает уголовную ответственность организаций, корпораций и т.п. юридических лиц. Следовательно, по уголовному законодательству США наказуемыми считаются не только физические, но и юридические лица, ответственность которых зачастую используется в интересах государства.

В УК Франции 1992 г., который пришел на смену УК 1810 г., принятому в период правления Наполеона Бонапарта, в ст. 121–2 данного Кодекса сказано, что за исключением государства юридические лица несут уголовную ответственность. При этом уголовная ответственность юридических лиц не исключает уголовной ответственности физических лиц, которые совершили те же действия⁹²⁹. Система уголовных наказаний, применяемых к юридическим лицам, достаточно разработана. Чаще всего к юридическим лицам в качестве меры уголовного наказания, как правило, применяются штраф, запрещение заниматься какой-

⁹²³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Т. 1. С. 142; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 252.

⁹²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 20. Отд. 1, СПб., 1846. С. 710.

⁹²⁵ Там же. С. 831.

⁹²⁶ Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 18–19; Иванцов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 12.

⁹²⁷ Примерный уголовный кодекс (США). М., 1969. С. 56–57.

⁹²⁸ Уголовное право буржуазных стран. Общая часть: Сборник законодательных актов. М., 1990. С. 159–160; 94–95.

⁹²⁹ Новый уголовный кодекс Франции. М., 1993. С. 9.

либо деятельностью, их закрытие полностью или на определенный судом срок.

Данные виды наказаний, применяемых к юридическим лицам, характерны не только для уголовного законодательства англосаксонских стран, они имеются и в государствах европейской континентальной системы права.

Иначе этот вопрос решался, как уже было отмечено, в русском и дореволюционном уголовном праве нашего государства, а также в уголовном законодательстве советского периода, так как преступное деяние рассматривалось как проявление индивидуального поведения человека. Данное положение явилось краеугольным камнем всего отечественного уголовного законодательства на всех этапах развития российского государства вплоть до наших дней. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. еще больше усилил акцент на том, что субъектом преступления может быть лишь физическое лицо (ст. 19 УК РФ).

Юридические лица несут имущественную ответственность в рамках гражданского законодательства (ст. 56, 61 ГК РФ).

Согласно ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается какая-либо организация, имеющая в собственности, хозяйственном ведении, а также в оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, которая может от своего имени осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть как истцом, так и ответчиком в суде. К юридическим лицам относятся также хозяйственные товарищества, различные общества, производственные, потребительские кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия и учреждения, а также общественные и религиозные организации (объединения), благотворительные и другие фонды, различные объединения юридических лиц (ассоциации и союзы). К юридическим лицам относятся в соответствии со ст. 50 ГК РФ коммерческие и некоммерческие организации.⁹³⁰

Таким образом, субъектами гражданского права являются наряду с гражданами и юридические лица, участвующие в гражданском обороте и обладающие рядом специфических признаков. Юридические лица образуются и прекращают свою дея-

тельность в соответствии с законом. Все юридические лица в России проходят государственную регистрацию в обязательном порядке. Как субъекты гражданского права юридические лица отвечают за вред, причиненный в результате своей деятельности в рамках гражданского, административного или таможенного законодательства.

В период наиболее активных дискуссий (1992–1996) при подготовке проекта УК РФ сторонники уголовной ответственности юридических лиц особо обращали внимание на значительный вред, который причиняется, например, когда совершаются экологические преступления.⁹³¹ Особый акцент делался на том, что существующие санкции в гражданском и административном законодательстве неэффективны и поэтому требуется решение данного вопроса в рамках уголовного законодательства.

При этом, как особо отмечал А. С. Никифоров, преступление признается совершенным юридическим лицом в том случае, если оно совершено непосредственно или с помощью других лиц, а также лицом или лицами, которые контролируют осуществление данным субъектом его прав и действуют для выполнения этих прав⁹³².

Попытки установления уголовной ответственности юридических лиц как субъекта преступления предпринимались и в проектах УК Украины и УК Республики Казахстан. Однако в результате недостаточной проработанности данного института и многочисленных трудностей в его реализации он не нашел своего законодательного оформления в указанных республиках⁹³³.

Вместе с тем, несмотря, на первый взгляд, на достаточно оригинальные и интересные мысли и идеи об установлении уголовной ответственности юридических лиц, рассматриваемых в качестве субъектов преступления в нашем уголовном законодательстве, они не имели всеобщей поддержки как среди ученых-

⁹³¹ Наумов А. В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. 1992. № 17–18. С. 3; Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации. С. 51–52; и др.

⁹³² Никифоров А. С. Организация как субъект преступления // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. Тезисы конференции. М., 1994. С. 60.

⁹³³ Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. С. 9–10.

⁹³⁰ Гражданское право / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1998. С. 115–120; и др.

юристов, так и среди практических работников. Да и в настоящее время у сторонников непризнания уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления имеется достаточно много веских аргументов против закрепления этого института в действующем уголовном законодательстве.

В данном случае мы можем говорить, в первую очередь, о принципах личной и виновной ответственности, являющихся основополагающими принципами отечественного уголовного права. Незыблемость и приоритет этих принципов, тесно связанных с другими принципами и различными институтами уголовного права, вряд ли может иметь место при уголовной ответственности юридических лиц. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением А. В. Наумова о том, что принцип личной виновной ответственности вполне может сосуществовать с принципом ответственности юридических лиц, дополняя последний новым и важным содержанием⁹³⁴.

Вместе с тем уголовный закон всегда связывает ответственность со способностью вменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние, осознавать свои действия и руководить ими, а само лицо должно достичь установленного законом возраста. Поэтому не случайно в осуществлении правосудия по уголовным делам имеет существенное значение установление личной вины и ответственности за совершенное преступление, а в дальнейшем и индивидуализация наказания.

Вина же как основной признак субъективной стороны состава преступления характеризует внутреннее психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и присуща только физическому лицу, т. е. человеку, при установлении которой лицо подлежит уголовной ответственности, а объективное вменение за невиновное причинение вреда согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ не допускается. Отсутствие же в уголовном законодательстве ответственности юридических лиц не освобождает от уголовной ответственности конкретных физических лиц, совершивших непосредственно какое-либо преступление в то время, когда они выступали от имени юридического лица. В этом случае в соответствии с принципами личной и виновной ответственности следует говорить об индивидуальной вине каждого субъекта преступления, являющегося членом юридического лица, но не о вине последнего. При ответственности юридического ли-

ца речь уже пойдет о коллективной, но не индивидуальной ответственности.

Следует разделить позицию В. Д. Сорокина, что уголовная, административная и дисциплинарная ответственность наступает исключительно за виновные деяния, которые по своей сути могут применяться только в отношении физических лиц.⁹³⁵

Отказ от привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, как отмечают С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, вполне согласуется с принципом персональной, личной ответственности каждого человека за совершенные им преступные действия — одним из основных принципов уголовного права. Каждое лицо отвечает только за то, что совершено его собственными действиями.⁹³⁶ При этом, с точки зрения целей наказания, которые предусмотрены в отношении физических лиц, являющихся субъектами преступления, к юридическим лицам они неприменимы.

Следует согласиться с утверждением Б. В. Волженкина и других ученых о том, что говорить о вине в отношении юридических лиц, как она понимается в российском уголовном праве, в общем, нельзя, так как этой вины у юридических лиц не имеется.⁹³⁷ Само же преступление по уголовному праву признается общественно опасным деянием, которое совершается конкретным физическим лицом, обладающим признаками, предусмотренными в законе, являющимся субъектом преступления, способным нести уголовную ответственность и наказание.

Предложение сторонников установления уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления не только подвергается серьезной критике со стороны противников, но и оно не нашло поддержки на законодательном уровне в период перехода государства к рыночной экономике. Не случайно данный институт не имеет своего отражения как в Уголовном кодексе РФ 1996 г., так и в Модельном УК для государств — участников СНГ, да и противников установления уго-

⁹³⁵ Сорокин В. Д. О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Правоведение. 1999. № 1. С. 50.

⁹³⁶ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 99–100.

⁹³⁷ Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. С. 25.

⁹³⁴ Наумов А. В. Предприятие на скамье подсудимых? С. 3.

ловной ответственности юридических лиц среди ученых-юристов значительно больше, чем сторонников.

Итак, проблема уголовной ответственности юридических лиц, как уже неоднократно отмечалось, до сих пор дискуссионна в нашем уголовном праве и законодательстве. Не потеряла она своей актуальности и после принятия УК РФ 1996 г.

Вместе с тем следует заметить, что, по существу, важнейшие институты российского уголовного права — уголовной ответственности, наказания, соучастия, необходимой обороны, крайней необходимости и др. — традиционно разрабатывались и совершенствовались в соответствии с основополагающим положением том, что субъектом преступления может быть только физическое вменяемое лицо. Да и понятия, которыми оперирует уголовное законодательство (преступление, вменяемость и невменяемость, вина, мотив, цель, приготовление к преступлению, покушение на преступление и т. п.), практически неприменимы к юридическим лицам. При этом ст. 10–13 УК РФ указывают, что действие уголовного закона распространяется на российских граждан, иностранцев и лиц без гражданства, совершивших соответствующее преступление.

Все это полностью отвечает задачам уголовного закона (ст. 2 УК) и нашедшим впервые свое законодательное закрепление принципам (ст. 3–7 УК), а также установлению ответственности и неотвратимости наказания за совершенное преступление.

Однако введение ответственности юридических лиц в российское уголовное законодательство, по справедливому замечанию Б. В. Волженкина, потребует коренной переработки многих его институтов, особенно связанных с понятием преступления и наказания.⁹³⁸

В свою очередь, необходимость полного и всестороннего изучения обозначенной проблемы диктуется тем, что в теории существуют спорные вопросы, связанные с понятием «субъект преступления». Вместе с тем всякая проблема в конечном итоге требует своего разрешения, не исключением является и проблема уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления. Однако для этого необходимы глубокие комплексные исследования и усилия не только специалистов уголовного права, но и ученых в области других наук.

Поэтому, не вступая в противоречие с вышеприведенными доводами сохранения существующего положения в уголовном законе при любых условиях и обстоятельствах, этой проблемой надо заниматься, да и сам уголовный закон требует постоянного уточнения, совершенствования на современном этапе развития нашего общества и государства.

С другой стороны, признание уголовной ответственности юридических лиц самым тесным образом связано в уголовном праве с принципом личной ответственности виновного, являющейся своеобразным камнем преткновения в решении этой довольно непростой проблемы в нашем уголовном законодательстве, наряду с другими не менее сложными вопросами, которые необходимо будет решить как науке уголовного права, так и практике о признании юридического лица субъектом преступления.

Таким образом, субъект преступления обладает совокупностью признаков, предусмотренных в законе (физическое лицо, вменяемость, возраст), и является одним из элементов состава преступления. Однако, не умаляя значимости других элементов состава преступления (объекта преступления, объективной стороны и субъективной стороны преступления), надо признать, что все вопросы уголовной ответственности, прежде всего, связаны с конкретным вменяемым физическим лицом, достигшим возраста, установленного законом (ст. 19 УК РФ), совершившим общественно опасное деяние.

Само же преступление законодателем сформулировано как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Если же говорить о составе преступления как совокупности элементов, указанных или подразумеваемых в уголовном законе, характеризующих общественно опасное деяние как конкретный вид преступления, то при выпадении любого элемента из него нельзя говорить о составе преступления, а также об уголовной ответственности. Вместе с тем А. Н. Трайнин выступал против признания субъекта преступления в системе элементов состава преступления, мотивируя данную позицию тем, что человек не может являться элементом совершенного им деяния.⁹³⁹

⁹³⁸ Там же. С. 26.

⁹³⁹ Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. М., 1946. С. 97.

Данная точка зрения вызывала принципиальные возражения у ее противников.

Категории «состав преступления», «субъект преступления», «уголовная ответственность» практически неразделимы и довольно часто отождествляются соответственно с понятиями «преступление», «лицо, его совершившее» и «ответственность».

Если говорить условно, то фактически общественно опасное деяние при определенных обстоятельствах может совершить любое лицо, но субъектом преступления может быть только обладающее признаками, установленными в законе, — вменяемостью и определенным возрастом (14-16 лет), с которого наступает уголовная ответственность. Понятие субъекта преступления, отмечала Н.С. Лейкина, означает прежде всего совокупность признаков, на основании которых физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, подлежит уголовной ответственности. Постоянными же и всеобщими признаками являются вменяемость и достижение лицом определенного возраста⁹⁴⁰.

По существу действующее уголовное законодательство как бы впервые определило в ст. 19 УК РФ более полно и четко выраженные признаки субъекта преступления, при наличии которых лицо, совершившее преступление, подлежит уголовной ответственности, а при отсутствии хотя бы одного из них (вменяемости и возраста) физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, не является субъектом преступления, и об уголовной ответственности уже речь не может идти.

Основанием же наступления уголовной ответственности согласно ст. 8 УК РФ может явиться только совершение конкретным лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом и содержащего все признаки (элементы) состава преступления.

Указание закона на данное основание в свою очередь исключает в соответствии со ст. 3 УК РФ уголовную ответственность по аналогии. Указанное положение способствует укреплению законности и служит гарантией того, что никто не может быть привлечен к уголовной ответственности, если совершенное деяние не предусмотрено уголовным законом.

Таким образом, как уже ранее было отмечено, впервые в отечественном уголовном законодательстве в качестве одного из

признаков субъекта преступления как условия уголовной ответственности в ст. 19 УК РФ предусмотрено физическое лицо, т.е. человек. Ранее этот признак субъекта преступления не назывался, а подразумевался. И только УК РФ 1996 г. решил этот вопрос на законодательном уровне.

§ 2. Возраст как признак субъекта преступления

Важным и неотъемлемым признаком субъекта преступления является возраст вменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние. Следует заметить, что как теория уголовного права, так и уголовное законодательство различных правовых систем, а также нашей страны связывают с возрастом субъекта преступления наступление уголовной ответственности. Так, согласно ст. 20 УК РФ 1996 г. уголовной ответственности подлежит только совершившее преступление лицо, которое достигло установленного законом возраста 14 или 16 лет. Сам же уголовный закон не содержит специальной нормы, предусматривающей понятие возраста, он только указывает на возрастные границы наступления уголовной ответственности, если лицо совершило какое-либо преступление.

Следовательно, исходя из предписания уголовного закона, вытекает противоположное положение о том, что лицо, не достигшее установленного законом возраста, совершившее преступное деяние, не может быть привлечено к уголовной ответственности и, таким образом, не является субъектом преступления.

Как основная проблема субъекта преступления, возраст уголовной ответственности и в нашем государстве, и во многих странах мира достаточно динамичен. Данное обстоятельство, как представляется, объясняется в первую очередь волей законодателя, который исходит из соответствующих исторических условий развития общества и проводимой уголовной политики государства по борьбе с преступностью на определенных этапах его развития.

⁹⁴⁰ Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 37.

При этом, устанавливая возраст уголовной ответственности, законодатель учитывает данные медицины, психологии, педагогики и других наук, а также исходит из типичных для большинства подростков условий их развития и формирования на разных стадиях жизненного пути, что характерно для нашего государства.

В литературе можно встретить неоднозначные суждения о возрасте лица и способности его нести уголовную ответственность в связи с совершенным преступлением. Да и само понятие возраста трактуется по-разному. Так, Г. И. Щукина считает, что возрастом принято называть период развития человека, который характеризуется качественными изменениями в физических и психических процессах, подчиненный особым закономерностям в их протекании⁹⁴¹.

Интересную позицию в этом вопросе занимает М. М. Коченов, который отмечает, что понятие возраста, например, можно употреблять в законе чаще всего в одном смысле — как указание на количество прожитого человеком времени, а основаниями уголовной ответственности являются сам физический возраст и способность в момент совершения преступления регулировать свое поведение⁹⁴². В свою очередь, Л. В. Боровых определяет возраст через количественное понятие, хотя за количеством прожитых лет, как правило, пишет она, кроется качественная наполняемость этих периодов, а это дает возможность предположить само сущностное определение категории «возраст» как периода в развитии любого человека⁹⁴³.

Представляется, что наиболее емко и более содержательно сформулировано понятие возраста Р. И. Михеевым, который определяет его как в широком, так и в узком смысле. В первом случае он подразумевает под возрастом календарный период времени, прошедший от рождения до какого-либо хронологического момента в жизни человека, а во втором случае — указанный период психофизического состояния в жизни того или ино-

го лица, с которым связаны как медико-биологические, социально-психологические, так и правовые изменения⁹⁴⁴.

Таким образом, если говорить о возрасте, с которым законодатель связывает способность лица, совершившего преступление, нести уголовную ответственность, то данный признак субъекта преступления всегда требовал более полного изучения, исследования и осмысления с позиции не только науки уголовного права, но и тесного взаимодействия с ней медицины, психологии, педагогики и других наук.

Любой возраст всегда характеризуется и сопровождается осознанным волевым поведением или действием, а в момент совершения преступления и причинением какого-либо вреда.

В связи с этим следует согласиться с утверждением Н. Ф. Кузнецовой, что понятие общих признаков субъекта преступления, таких как возраст и вменяемость, связаны с характеристикой интеллектуально-волевого отношения к действиям и последствиям⁹⁴⁵. Следовательно, рассматривая возраст с различных точек зрения, необходимо на первый план выдвинуть волю лица, совершающего преступление, которая, несомненно, лежит в основе его осознанного противоправного поведения и имеет особое значение для психологического и уголовно-правового исследования возраста уголовной ответственности субъекта преступления.

Далее следует заметить, что как предшествующий уголовный закон (УК РСФСР 1960 г.), так и действующий УК РФ 1996 г. установили уголовную ответственность за ряд преступлений в отношении несовершеннолетних в возрасте 14 лет, которые могут в этом возрасте контролировать свою волю и свое криминальное поведение уже на первых стадиях совершения общественно опасного деяния.

Отсюда, определяя рамки и критерии уголовной ответственности, необходимо учитывать наравне с биологическими и психологическими особенностями несовершеннолетних преступников их интеллектуальный, а также образовательный уровень на разных этапах жизненного пути в связи с совершением ими различных преступлений.

⁹⁴¹ Щукина Г. И. Возрастные особенности школьника. Л., 1995. С. 3.

⁹⁴² Коченов М. М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. С. 34.

⁹⁴³ Боровых Л. В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993. С. 8.

⁹⁴⁴ Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 17.

⁹⁴⁵ Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 86, 116.

Давая общую оценку исследований возраста уголовной ответственности психологами и юристами, О. Д. Ситковская приходит к следующему выводу: несмотря на имеющиеся различия в методике и объеме исследований, в большинстве своем все авторы рассматривают период 11–15 лет как переходный от детства к юношеству, характеризуемый достаточно быстрым развитием интеллекта и воли, а также самой личности, позволяющим соотносить свои мотивы с социальными нормами поведения⁹⁴⁶.

Однако определение возраста, с которого наступает уголовная ответственность за совершение преступления, — это достаточно сложная проблема, и с ней сталкиваются законодатели всех стран на протяжении длительного времени. Определенные трудности вызывает она и в настоящее время. Речь в данном случае идет об установлении как нижних, так и верхних возрастных границ уголовной ответственности. Отсюда, как замечает О. Д. Ситковская, и попытки законодателей почти всех стран мира еще с XVII—XVIII вв. установить возрастные границы привлечения к уголовной ответственности и исключить применение уголовного наказания в отношении детей и подростков⁹⁴⁷.

При этом во многих зарубежных государствах в конце XVIII — начале XIX в. нижние границы наступления уголовной ответственности были предусмотрены разные и даже резко различались между собой. На это обстоятельство обращал внимание в своих исследованиях еще в дореволюционный период С. А. Гуревич, который писал, что в то время, когда одни законодательства устанавливали границу уголовной ответственности в возрасте 9 лет (Италия, Испания), другие повышают ее до 10 лет (Австрия, Болгария, Голландия, Дания, Россия), до 12 лет (Германия, Венгрия, Румыния, Сербия, Швейцария), до 13 лет (Турция), до 16 лет (Норвегия)⁹⁴⁸.

В свою очередь, если брать настоящий период времени и зарубежные государства с современными правовыми системами, то возраст уголовной ответственности субъекта преступления в каждой конкретной стране законодателем определяется и устанавливается также по-разному. Так, достаточно низкие границы, допускающие уголовную ответственность в возрасте 7 лет, ус-

тановлены в Египте, Ираке, Ливане⁹⁴⁹, Йемене⁹⁵⁰, Ирландии⁹⁵¹ и ряде других государств.

В некоторых государствах минимальный возраст уголовной ответственности установлен с 13 лет, когда речь идет о совершении подростками преступлений, представляющих повышенную общественную опасность (в ряде штатов США, Франции, Узбекистане и др.), с 14 лет (в Болгарии, КНДР, Норвегии, Румынии, ФРГ, Японии, большинстве стран СНГ и т. п.)⁹⁵². Вместе с тем в Дании, Финляндии, Швеции и других государствах возраст уголовной ответственности предусмотрен с 15 лет⁹⁵³. Однако в законодательствах подавляющего большинства государств уголовная ответственность в отношении лица, совершившего преступление, предусмотрена с 16 лет.

Таким образом, возраст как неотъемлемый и важный признак субъекта преступления по-разному устанавливался в зарубежном уголовном праве государств различной ориентации на исторических этапах их становления и подвержен значительным колебаниям с учетом особенностей развития той или иной страны в отдельности.

Не является исключением в этом отношении и наше государство, когда речь идет об установлении нижних и верхних возрастных границ уголовной ответственности и уточнении по возрастному признаку самого субъекта преступления. При этом изменчивость и динамичность возраста, с которого устанавливается уголовная ответственность в отечественном уголовном законодательстве, так же как и в зарубежном, достаточно ярко прослеживается в определенные периоды развития нашего государства, что имеет непосредственное значение для дальнейшего

⁹⁴⁹ Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. С. 298.

⁹⁵⁰ Народная Демократическая Республика Йемен. Конституция и законодательные акты. М., 1985. С. 42.

⁹⁵¹ Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира. М., 1993. С. 82.

⁹⁵² Павлов В. Г. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве // Правоведение. 1996. №3. С. 171–172.

⁹⁵³ Павлов В. Г. Признаки субъекта преступления в уголовном праве скандинавских стран и Финляндии // Тезисы докл. междунар. 13-й конф. по изучению истории, экономики, права, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М.; Петрозаводск, 1997. С. 264–265. — См. также: Уголовный кодекс Дании. СПб., 2001. С. 24; Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001. С. 25.

⁹⁴⁶ Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. С. 109.

⁹⁴⁷ Там же. С. 48.

⁹⁴⁸ Гуревич С. А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники: Сб. ст. / Под ред. М. Н. Гернега. М., 1912. С. 7.

его исследования и изучения с современных позиций в самых различных направлениях.

Например, следует отметить, что в законодательстве в эпоху царствования Петра I мало что говорилось о возрасте лица, совершившего преступное деяние. Отсутствует какая-то определенность по поводу возраста субъекта преступления и в законодательстве послепетровского периода, за исключением отдельных императорских указов середины XVII в., которыми субъектом преступления, а в дальнейшем и по Своду законов 1832 г., признавалось малолетнее лицо в возрасте 10 лет⁹⁵⁴.

Субъектом преступления по Уложению 1845 г. согласно ст. 144 признавалось также физическое вменяемое лицо, достигшее 10-летнего возраста⁹⁵⁵. Аналогичный нижний возрастной порог уголовной ответственности подростков был предусмотрен также в Уложении 1903 г., по которому лицо являлось субъектом преступления только по достижении им возраста 10 лет, так как оно до 10-летнего возраста не могло в полном объеме осознавать содеянное им противоправное деяние⁹⁵⁶.

В советский период развития нашего государства в законодательстве по вопросам уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, наблюдаются значительные колебания как в сторону снижения возраста уголовной ответственности преступника, так и в сторону увеличения уголовно-правового воздействия. Эти колебания связаны как с отсутствием до принятия Основ 1958 г. разработанных уголовных законов по этим вопросам, так и с проводимой уголовной политикой государства в отношении, прежде всего, несовершеннолетних лиц, совершавших самые различные преступления. Наибольшие изменения имели место в установлении законодателем нижних возрастных границ уголовной ответственности.

В основном нижние возрастные границы уголовной ответственности колебались в первых уголовных законах в пределах от

14 до 16 лет (Руководящие начала 1919 г. — 14 лет⁹⁵⁷, УК РСФСР 1922 г. — 16 лет⁹⁵⁸, УК РСФСР 1926 г. — 14–16 лет⁹⁵⁹).

Однако уголовному законодательству нашей страны известны и более низкие возрастные границы уголовной ответственности (12 лет), которые были установлены законодателем в отношении несовершеннолетних за совершение ими преступлений, представляющих повышенную общественную опасность и распространенность. Речь в данном случае идет о Постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»⁹⁶⁰ и Указе Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов»⁹⁶¹.

Далее, говоря о нижних границах уголовной ответственности, необходимо отметить следующую особенность. Так, на протяжении довольно длительного времени — действия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., УК РСФСР 1960 г. и Уголовного кодекса РФ 1996 г., нижние возрастные границы (14–16 лет) не изменялись.

Вместе с тем перечень преступлений, за которые наступала уголовная ответственность с 14-летнего возраста, законодателем постоянно расширялся и уточнялся. В полном объеме, как известно, общая уголовная ответственность традиционно устанавливалась и имеет место в настоящее время в уголовном законодательстве с 16 лет.

В связи с этим представляется, что неизбежность нижних возрастных границ уголовной ответственности, существующих столь длительный период времени, вряд ли можно объяснить стабильностью законодательства. Видимо, здесь следует говорить, скорее, о недостаточной изученности этой проблемы, так как глобальные изменения, происходящие во всех сферах жизнедеятельности общества, и в частности в уголовной политике

⁹⁵⁴ Есинов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. СПб., 1898. С. 141; Свод законов Российской Империи. Законы уголовные. Т. 15. СПб., 1832. С. 42.

⁹⁵⁵ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 20. Отд. 1. 1845. СПб., 1846. С. 620.

⁹⁵⁶ Сборник узаконенный и распоряжений правительства РСФСР. 1903 г. Отд. 1. № 38. Ст. 416. СПб., 1903. С. 8.

⁹⁵⁷ Сборник узаконенный и распоряжений правительства РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

⁹⁵⁸ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. М., 1953. С. 152.

⁹⁵⁹ Сборник узаконенный и распоряжений правительства РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600; СУ РСФСР. 1929. № 82. Ст. 155.

⁹⁶⁰ Собрание законодательства СССР. 1935. № 19. Ст. 155

⁹⁶¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 52.

государства, главной задачей которой является борьба с преступностью, не могут не влиять и на изменение возрастного порога уголовной ответственности, который может колебаться как в сторону снижения, так и в сторону его увеличения.

Таким образом, получается, что законодатель как бы безапелляционно установил нижний возрастной порог уголовной ответственности на все периоды времени существования государства, забывая о том, что именно возраст, как никакой другой признак субъекта преступления, наиболее динамичен и изменчив с позиций совершенствования уголовного законодательства и уточнения нижних возрастных границ уголовной ответственности в современных условиях борьбы с преступностью.

Не случайно в науке уголовного права, психологии, медицине, педагогике, криминологии достаточно проблематичен вопрос, стоящий перед учеными и практиками по поводу установления нижнего возрастного порога уголовной ответственности. Решение этой проблемы имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение для совершенствования конкретных статей Уголовного кодекса и борьбы с преступностью.

На основе данных различных исследований юристы и психологи склонны считать, что период с 14 до 16 лет является определенной физиологической ступенью в созревании любого человека⁹⁶² и что к 14 годам он способен к умозаключениям и может регулировать свое поведение⁹⁶³.

Анализ юридической, психологической, медицинской, педагогической литературы по рассматриваемой проблеме, уголовного законодательства, криминологических и социологических исследований, официальных данных уголовной статистики, а также сложная криминогенная обстановка в стране, существующая на протяжении последних лет, и рост преступности несовершеннолетних, в частности подростковой, свидетельствуют о глубокой криминальной пораженности не только подрастающего поколения, но и общества в целом. Все это приводит к выводу о необходимости изменения нижних границ уголовной ответственности.

Наряду с указанной проблемой существует и другая, не менее сложная и важная проблема, связанная с повышением воз-

раста субъекта преступления за совершение некоторых общественно опасных деяний.

Суть же самой проблемы состоит в том, что в ряде преступлений прежде всего требуется либо наличие дополнительных признаков, которыми бы обладало лицо, или само преступное деяние предполагает достижение им 18-летнего возраста. В этих случаях уголовная ответственность исключается, а лицо, совершившее данное деяние, не может считаться субъектом преступления, так как оно не достигло 18 лет (ст. 150, 151 УК РФ, должностные и воинские преступления).

Так, за многие преступления несовершеннолетние лица, например в возрасте 16–17 лет, не могут нести уголовную ответственность в связи с тем, что практически в силу своего несовершеннолетия просто не в состоянии занимать определенное должностное или какое-либо иное положение в обществе, а также выполнять соответствующие функции на работе. Следовательно, для субъекта некоторых преступлений требуется достижение лицом более зрелого возраста, определенное образование, навыки в работе, профессионализм или жизненный опыт, позволяющие решать те или иные задачи государственного, общественного, производственного и т. п. масштаба.

Например, можно наблюдать несоответствие требований уголовного закона, связанного с возрастом, как УК РФ 1996 г., так и предшествующего УК РСФСР 1960 г., и решением вопросов уголовной ответственности на практике. Для обоснования данного положения достаточно привести в качестве примера некоторые нормы действующего уголовного законодательства, которые в этом отношении требуют более глубокого анализа, уточнения и совершенствования с учетом современных реалий.

Так, если обратиться к преступлениям против военной службы, которые в УК РФ 1996 г. выделены в самостоятельный 11-й раздел (гл. 33), то уголовную ответственность за эти преступления согласно ст. 331 могут нести военнослужащие, а также граждане, являющиеся военнообязанными, достигшие совершеннолетнего возраста, поскольку они являются специальными субъектами воинских преступлений. И здесь уголовный закон не должен входить в противоречие с федеральными законами России «Об обороне» от 24 апреля 1996 г., «О статусе военнослужащих» и «О воинской обязанности и военной службе» от 6 марта 1998 г., а также Положением о порядке прохождения во-

⁹⁶² Карпец И. И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 147.

⁹⁶³ Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М., 1935. С. 362–368.

енной службы (в редакции Указа Президента РФ от 15 октября 1999 г. № 1366).

Однако как в теории, так и на практике имеются разногласия при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности лиц указанной категории за совершение воинских преступлений, особенно когда это касается курсантов первых курсов военных учебных заведений. В данном случае, исходя из правового положения лица, совершившего преступление, в первую очередь для решения вопроса о его виновности, следует учитывать важный признак субъекта преступления — его возраст, который определяется совершеннолетием в указанных федеральных законах 1998 г.

Вместе с тем к старшим возрастным категориям свыше 18 лет, как правило, можно отнести должностных лиц и представителей власти при совершении ими, например, преступлений против государственной власти, в частности преступных деяний, связанных с посягательством на интересы государственной службы в органах местного самоуправления (гл. 30), интересы правосудия (гл. 31), порядок управления (гл. 32), и других лиц, занимающих ответственные посты или положение в различных государственных органах власти или управления.

Следовательно, при совершении таких преступлений, как оказание капитаном судна помощи просящим бедствие (ст. 270 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ), планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивных войн (ст. 353 УК РФ) и некоторые другие общественно опасные деяния, предусмотренные УК РФ 1996 г., субъектом преступления является лицо старше 18 лет.

Наиболее показательна в этом отношении ст. 353 УК РФ, так как при совершении предусмотренного ею общественно опасного деяния субъектом преступления является лицо, занимающее высшую государственную должность Российской Федерации или субъекта России, что не противоречит Федеральному закону РФ от 31 июля 1995 г. «Об основах государственной службы Российской Федерации»⁹⁶⁴.

⁹⁶⁴ Собрание законодательства РФ. 1995. № 31. Ст. 2990.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости в законодательном порядке уточнения, а в ряде случаев и повышения возраста уголовной ответственности, в особенности, когда речь идет об отмеченных нами и иных случаях. На другое обстоятельство было обращено внимание в уголовно-правовой литературе при обсуждении вопроса об изменении возраста уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, связанных с выполнением лицами юношеского возраста различных функций и усложнением трудовых процессов, где требуются специальные знания при выполнении тех или иных работ с определенными машинами, механизмами, использованием новой и особо сложной техники⁹⁶⁵.

Представляется, что последнее обоснование повышения возраста уголовной ответственности хотя и заслуживает внимания, но вряд ли может быть принято законодателем, так как в данном случае мы можем, скорее, говорить о признаках специального субъекта преступления, а это, в свою очередь, требует более тщательного изучения и исследования указанных особенностей в современных условиях развития науки и техники, а также профессиональной пригодности людей.

В несколько ином плане была поставлена проблема повышения возраста уголовной ответственности в законодательстве практически за все преступления без исключения. При этом возрастную границу уголовной ответственности как оптимальное решение предлагалось поднять до 20 вместо 18 лет⁹⁶⁶.

Думается, что данное предложение требует основательной аргументации на фоне не только сложной криминогенной обстановки в стране, но и непрекращающегося роста преступности несовершеннолетних. Повышение возрастной планки уголовной ответственности за все виды преступлений до 20 лет трудно объяснить при ежегодном росте тяжких, особо тяжких и других преступных деяний гуманистическими соображениями. И здесь следует согласиться с И. В. Волгаревой, правильно отмечаю-

⁹⁶⁵ Карпец И. И. Уголовное право и этика. С. 149; Волгарева И. В. Проблема повышения возраста уголовной ответственности за совершение некоторых преступлений // Вестник ЛГУ. Сер. 6. 1989. Вып. 4. № 27. С. 61–63; и др.

⁹⁶⁶ Бородин С. В., Носкова Н. А. К вопросу совершенствования законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 58.

щей, что гуманизм в законодательстве лишь тогда истинно гуманен, когда он не вступает в противоречие с социальной справедливостью, а также неотвратимостью ответственности и другими принципами уголовного права⁹⁶⁷, которые впервые нашли свое законодательное закрепление в Уголовном кодексе РФ 1996 г.

Представляется, что повышение возрастного порога уголовной ответственности должно производиться законодателем не по всем преступлениям, а избирательным путем, учитывая специфику самого общественно опасного деяния, особенности лица, а также его правовое положение. Чаще всего, как отмечалось ранее, речь в таких случаях идет о специальном субъекте преступления, обладающем или наделенном дополнительными признаками по отношению к общему субъекту.

Однако данная проблема должна рассматриваться еще и параллельно с проблемой установления предельной возрастной границы уголовной ответственности для лиц, совершивших преступление в пожилом или старческом возрасте. Причем юристы и психологи высказывают самые различные мнения, которые требуют комплексного научного обоснования не только специалистами данных направлений, но и с позиции медицины.

В связи с этим представляется небесспорным предложение Л. В. Боровых о якобы возникшей потребности в специальном уголовно-правовом механизме по реализации ответственности пожилых людей за совершенные преступные деяния⁹⁶⁸. Думается, что такой потребности на данный период времени законодатель не будет испытывать, так как границы пожилого и старческого возраста условны и для каждого человека, исходя из физиологических и индивидуальных особенностей его организма и образа жизни, они будут разными. Поэтому лица пожилого и старческого возраста, совершившие преступление во вменяемом состоянии, способны нести уголовную ответственность на общих основаниях в соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ 1996 г.

Другое дело, когда речь идет об утрате возможности осознавать свои действия и ориентироваться в конкретной обстановке в связи с болезненным состоянием лица и расстройством его

психики в период совершения преступления. В этом случае следует говорить о решении вопроса его вменяемости или невменяемости путем проведения судебно-психиатрической экспертизы. При данном подходе, как замечает О. Д. Ситковская, установление верхнего возрастного порога уголовной ответственности уже теряет смысл, так как эта проблема переводится на уровень вопроса о вменяемости или невменяемости лица⁹⁶⁹. Вместе с тем нельзя в категоричной форме отрицать решение в дальнейшем данной проблемы. В связи с этим следует согласиться с аргументированным утверждением Р. И. Михеева, что преступность лиц пожилого и старческого возраста является самостоятельным объектом исследования не только уголовного права и криминологии, но и уголовно-исполнительного права, так как эта проблема недостаточно разработана в юридической науке и нуждается в дальнейшем исследовании⁹⁷⁰.

Следовательно, субъект преступления как физическое лицо, обладающее возрастом, предусмотренным в законе, и вменяемостью, как уже раньше было отмечено, даже в свои преклонные годы (65–75 и более лет) не освобождается от уголовной ответственности. Однако суд, назначая и индивидуализируя уголовное наказание в соответствии с требованиями ст. 63 УК РФ, в каждом конкретном случае не должен игнорировать, а, наоборот, обязан учитывать пожилой и старческий возраст лица, совершившего преступление.

Вместе с тем предложение О. Д. Ситковской о предусмотрении в законодательстве невозможности привлечения к уголовной ответственности лиц старческого возраста, которые вследствие физиологического одряхления, не связанного с психическим расстройством, не могли при совершении преступления осознавать свои действия или руководить ими⁹⁷¹, довольно интересно и заслуживает внимания. Оно требует своего более детального и аргументированного обоснования с точки зрения медицины (психиатрии), а также науки уголовного права и психологии. При этом в данном случае, видимо, следует говорить либо о совокупности двух критериев невменяемости — медицинского (биологического) и юридического (психологического),

⁹⁶⁷ Волгарева И. В. Проблема повышения возраста уголовной ответственности за совершение некоторых преступлений. С. 63.

⁹⁶⁸ Боровых Л. В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. СПб., 1993. С. 15.

⁹⁶⁹ Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. С. 116–117.

⁹⁷⁰ Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности. С. 17.

⁹⁷¹ Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. С. 124.

которые нашли свое законодательное закрепление в ст. 21 УК РФ 1996 г. и исключают уголовную ответственность, либо о наличии только одного юридического критерия — вменяемости, когда лицо является субъектом преступления и несет уголовную ответственность.

Таким образом, возраст как признак субъекта преступления является не только неотъемлемой частью этого понятия, но и самым непосредственным образом влияет на уголовную ответственность лиц, совершивших общественно опасное деяние. При этом возраст тесно связан со всеми институтами уголовного права, требует своего дальнейшего изучения и уточнения с современных позиций видения совершенствования действующего уголовного законодательства, а также науки психологии, медицины, педагогики и др., как в теоретическом, так и в практическом его осмыслении. Ряд положений о возрасте как признаке субъекта преступления, отмеченных нами, требуют также своего законодательного разрешения.

§ 3. Вменяемость как признак субъекта преступления и понятие невменяемости

Вменяемость и возраст лица, совершившего преступление, установленные законом как признаки субъекта преступления, между собой тесно связаны, взаимно обуславливают и дополняют друг друга в составе преступления. Известно, и это аксиома, что состав преступления имеет место только тогда, когда налицо совокупность его элементов: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона преступления. И если общественно опасное деяние совершается вменяемым лицом, достигшим установленного законом возраста (14–16 лет), мы можем говорить о субъекте преступления.

Субъект преступления, по справедливому выражению Я. М. Брайнина, как уголовно-правовое понятие практически немислим без этих двух основных признаков⁹⁷². Следовательно, вменяемость как психическое состояние лица, при котором оно в момент совершения преступления было способно осознавать

характер своего поведения и руководить им в определенной и конкретной ситуации, наряду с возрастом является неотъемлемым признаком субъекта как элемента состава преступления.

Наука уголовного права и уголовное законодательство уславливают, что субъектом преступления может быть лишь вменяемое лицо. Не случайно вопрос о вменяемости, писал Н. С. Таганцев, рассматривается, как правило, в доктрине уголовного права, и вменяемость субъекта является краеугольным камнем всех теорий, признающих основанием наказуемости виновное посягательство на правопорядок⁹⁷³. При этом следует отметить, что данное положение характерно не только для отечественного, но и для зарубежного уголовного права с учетом особенностей каждой отдельно взятой страны.

Таким образом, учение о признаках субъекта преступления — возрасте и вменяемости — входит в общее учение о составе преступления.

Вменяемость и возраст как уголовно-правовые понятия имеют важное значение для определения не только субъекта преступления, но и состава преступления. При отсутствии этих признаков или одного из них нет и состава. Следовательно, и решение вопросов о виновности и уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, отпадает. При этом значение вменяемости как признака, характеризующего субъекта преступления, в отечественной и зарубежной уголовно-правовой литературе еще недостаточно определено, да и само понятие требует своего дальнейшего изучения и исследования с точки зрения науки уголовного права, психологии, медицины, а также философского обоснования.

Способность правильно понимать и оценивать фактическую сторону и значимость своих поступков и при этом осознанно руководить своей волей и действиями отличает вменяемое лицо от невменяемого.

Невозможно рассуждать о морали и праве, писал Ф. Энгельс, не касаясь вопроса о свободе воли и вменяемости человека⁹⁷⁴.

Обладая способностью мыслить, человек со здоровой психикой может не только правильно оценивать свои действия, но и выбирать самые различные варианты поведения, соответствующие мотивам, потребностям, целям и задачам, которые он себе

⁹⁷² Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 218.

⁹⁷³ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Т. I. С. 144.

⁹⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 115.

определил. Влияние же окружающей среды, внешних многочисленных факторов и обстоятельств, воздействующих на его поведение и определяющих таковое наряду с внутренними процессами, происходящими в нем, всегда проходит через его сознание.

Сознание и воля представляют собой наиболее важные психические функции, определяющие вообще повседневное поведение любого человека. «Все, что побуждает человека к деятельности, — писал Ф. Энгельс, — должно проходить через его голову... Воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли...»⁹⁷⁵.

Таким образом, осознанное волевое поведение лица дает возможность ему под влиянием внешних факторов окружающего мира правильно выбрать образ действий в той или иной конкретной ситуации, а также и при совершении общественно опасного деяния. В уголовном праве, отмечал П. С. Дагель, свобода воли означает не что иное, как способность лица отдавать себе отчет в своих действиях и сознавать их фактическую сторону и общественную опасность, а также руководить ими. Другими словами, она означает вменяемость лица, которое способно быть как виновным, так и ответственным⁹⁷⁶.

Вменяемость в уголовном праве — это не только способность лица, совершающего преступление, осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния, но и возможность лица руководить своей волей независимо от уровня его психической или социальной зрелости. Оба эти свойства человека, разумеется, приобретаются им и постепенно развиваются в процессе его жизненного пути и на различных этапах его созревания и достижения определенного возраста.

Однако, обращаясь к истории вопроса, следует отметить, что в русском уголовном праве и уголовном законодательстве периода 1917–1996 гг. понятие вменяемости не было сформулировано в уголовном законе вообще. При этом вменяемость как признак субъекта преступления отсутствовала в Руководящих началах 1919 г., Основных началах 1924 г., уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926, 1960 гг., а также определение вменяемости

не нашло своего закрепления и в Уголовном кодексе России 1996 г.

В большинстве своем значительное количество работ в области уголовного права и медицины, а также научных исследований посвящены невменяемости. Отсутствуют вообще исследования, рассматривающие понятие вменяемости с позиций характеристики ее как признака субъекта преступления.

Понятие вменяемости противоположно понятию невменяемости, которое дано в уголовном законе (ст. 21 УК РФ), когда лицо вследствие психического расстройства здоровья в момент совершения преступления не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Следовательно, вменяемость предполагает такое психическое состояние лица, при котором оно, совершая преступление, может осознавать свои действия и руководить ими.

Понятие вменяемости в различных интерпретациях дается в юридической литературе при отсутствии его определения в уголовном законе. В. С. Орлов, например, рассматривает вменяемость как одно из неотъемлемых свойств человека, без которого последний не может быть признан субъектом преступления при совершении какого-либо общественно опасного деяния⁹⁷⁷. В свою очередь И. К. Шахриманьян считает, что понятие вменяемости обозначает состояние лица, которое, совершая преступление, отдает себе отчет в своих действиях и руководит ими в силу относительно полного душевного здоровья⁹⁷⁸.

Более емко определяют вменяемость как признак субъекта преступления Ю. М. Антонян и С. В. Бородин, которые рассматривают ее как психическое состояние лица, заключающееся в его способности при определенном развитии, социализации, возрасте и состоянии психического здоровья во время совершения преступления отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, а в дальнейшем в связи с этим нести уголовную ответственность и наказание⁹⁷⁹.

⁹⁷⁵ Там же. Т. 21. С. 290.

⁹⁷⁶ Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 9.

⁹⁷⁷ Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 26.

⁹⁷⁸ Шахриманьян И. К. Невменяемость по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1962. С. 6.

⁹⁷⁹ Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 123–124.

Исходя из анализа понятий вменяемости в юридической литературе, можно с полной определенностью говорить, что, являясь одним из неотъемлемых и важных свойств человека, вменяемость по отношению к невменяемости — более широкое и более емкое понятие, которое требует своего дальнейшего изучения и уточнения.

Так, вменяемым может быть признан не только психически здоровый человек, но и лицо, имеющее какие-либо психические расстройства, однако дающие ему возможность в момент совершения преступления осознанно и правильно оценивать свои действия в той или иной конкретной обстановке или ситуации. В данном случае речь идет о психических заболеваниях или расстройствах, которые, как отмечается в литературе, а также в судебно-психиатрической и судебно-следственной практике, не устраняют способности лица осознавать свои преступные действия и руководить ими.

Даже в утверждении «психически не здоров» в медицинском смысле, отмечает Р. И. Михеев, субъект преступления может быть вменяемым. При этом речь идет не только о «пограничных» состояниях психики, но и о хронических психических заболеваниях, а именно шизофрении (в случаях ремиссии), эпилепсии (перед приступом) и в других случаях⁹⁸⁰.

По данным Института судебной психиатрии им. В. П. Сербского, в частности, больные шизофренией составили около 50 % всех лиц, признанных невменяемыми при проведении судебно-психиатрической экспертизы душевнобольных, а из общего числа прошедших судебно-психиатрическую экспертизу больных эпилепсией вменяемыми было признан 24,7 %, а невменяемыми — 75,3 %⁹⁸¹. Подтверждаются также результаты и данными проведенного в Приморском крае исследования из которого видно, что из 3,5 тыс. лиц, подвергнутых судебно-психиатрическому освидетельствованию, 48,8 % имели различные психические расстройства. Однако они в установленном законом порядке были признаны вменяемыми, а также виновными в

совершении преступлений и привлечены к уголовной ответственности⁹⁸².

Эта особенность была выявлена и при обобщении экспертной практики в судебной психиатрии и общепсихиатрических исследованиях в отношении психопатических лиц, совершивших преступления, которые не исключали способности отдавать отчет своим действиям и руководить ими в период совершения общественно опасного деяния⁹⁸³.

Вместе с тем на практике всякие сомнения относительно вменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, когда его поведение не соответствует самоконтролю над собой, имеет место с его стороны неправильная реакция на внешние воздействующие факторы и раздражители и т. п., должны решаться в пользу данного лица. В этих случаях в отношении лица, совершившего преступление, для установления его психического состояния на предварительном следствии в соответствии с п. 3 ст. 196 УПК РФ в обязательном порядке проводится судебно-психиатрическая экспертиза. Дальнейшее решение вопроса о вменяемости лица, совершившего преступление, осуществляется судом в соответствии со ст. 300, 433, 434 УПК РФ на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы.

В свою очередь, внутреннее содержание понятия вменяемости, которое подразумевается в уголовном законе, раскрывается, как и понятие невменяемости, посредством наличия совокупности двух критериев: юридического и медицинского.

Критерии вменяемости в науке уголовного права понимались неоднозначно и определялись учеными-юристами по-разному, так как многое зависело от подхода самого исследователя и его субъективного восприятия данного признака субъекта преступления. Создавшееся положение объяснялось, разумеется, отсутствием понятия вменяемости в уголовном законе, что порождало самые различные предложения по определению формулы вменяемости.

Большинство ученых, как обратил внимание Р. И. Михеев, восприняли конструкцию вменяемости, состоящую из сочетания двух критериев (юридического и медицинского), наряду с фор-

⁹⁸⁰ Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 84.

⁹⁸¹ Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. В. Д. Меньшагина, М. Д. Дурманова и Г. А. Кригера. М., 1969. С. 120.

⁹⁸² Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 84.

⁹⁸³ Луц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 135.

мулой вменяемости, которая строилась на сочетании трех критериев: юридического, психологического и медицинского. Некоторые исследователи предлагали вывести формулу вменяемости, в основе которой должен находиться только юридический критерий, другие предлагали сконструировать ее при помощи только медицинского критерия⁹⁸⁴.

Так или иначе, всевозможные варианты формулы вменяемости интерпретировались, постоянно и всесторонне подвергались обоюдной критике авторов и их оппонентов.

Вместе с тем, несмотря на определенное внимание отечественных юристов, психиатров, психологов и других ученых к этой проблеме, имеющей большую практическую значимость для изучения субъекта преступления, его характеристики при решении вопросов, связанных с установлением вины и привлечением его к уголовной ответственности, а в дальнейшем и к уголовному наказанию, она до настоящего времени не нашла как в теоретическом, так и в практическом плане своего окончательного разрешения.

Более подробно критерии вменяемости в нашем уголовном праве были проанализированы и описаны Р. И. Михеевым, который дал и развернутое определение вменяемости. По его мнению, формула вменяемости должна состоять из совокупности двух критериев, одним из которых является юридический, другой медицинский. В свою очередь, юридический критерий вменяемости характеризуют три признака: интеллектуальный, волевой и эмоциональный.

Интеллектуальный признак рассматривается им как способность лица в момент совершения преступления сознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых действий (бездействия), а волевой признак юридического критерия — как способность лица во время совершения преступного деяния руководить своими действиями, т. е. способность руководить своей волей по своему внутреннему убеждению и желанию.

Вместе с тем эмоциональный признак в формулу вменяемости не включается, но должен учитываться в обязательном по-

⁹⁸⁴ Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 63–64; Трахтеров В. С. Вменяемость по советскому уголовному праву. Харьков, 1966. С. 6–7; Богомяжков Ю. С. Проблемы невменяемости в советском уголовном праве (понятие вменяемости). Уфа, 1978. С. 26, 29; и др. 538

рядке при установлении данного состояния лица при совершении им преступления⁹⁸⁵.

Таким образом, доминирующую роль в юридическом критерии вменяемости играют интеллектуальный и волевой признаки, которые должны рассматриваться обязательно в совокупности и с учетом эмоционального признака.

Медицинский критерий вменяемости, как правило, предполагается и, по утверждению автора, характеризует психическое состояние (здоровье) лица во время совершения им общественно опасного деяния. Данный признак является показателем такого состояния психики лица, когда оно находится в здравом рассудке и понимает свои действия и при наличии незначительных расстройств в психике, не исключающих вменяемости. Следовательно, медицинский критерий, который всегда подразумевается, должен рассматриваться не изолированно, а в совокупности с юридическим критерием, образуя в этом сочетании или данной конструкции саму формулу вменяемости.

Представляется, что рассмотренная формула вменяемости принципиальных возражений не имеет, однако, исходя из ст. 21 УК РФ, интеллектуальный признак юридического критерия требует некоторого редакционного и смыслового уточнения в части, касающейся того, что лицо «осознавало» фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) во время совершения преступления.

С другой стороны, для более точной и емкой уголовно-правовой характеристики субъекта преступления, и в частности признака вменяемости, следует поддержать предложения ученых, имеющие место в литературе⁹⁸⁶, о закреплении в уголовном законе понятия, критериев и признаков вменяемости, которые не предусмотрены в УК РФ 1996 г. Данное обстоятельство

⁹⁸⁵ Михеев Р. И. 1) Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 61–62; 2) Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика): Автореф. дис.... д-ра. юрид. наук. М., 1995. С. 14–15.

⁹⁸⁶ Карпец И. И. Соотношение криминологии, уголовного и исправительно-трудового права // Сов. государство и право. 1984. № 4. С. 79; Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Под ред. В. Н. Кудрявцева, С. Г. Келиной. М., 1987. С. 67; Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). С. 13; Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. С. 155; и др.

позволит более правильно решать вопросы как виновности, так и уголовной ответственности при осуществлении правосудия на современном этапе борьбы с преступностью и соблюдении принципов: законности (ст. 3), вины (ст. 5), справедливости (ст. 6) и других, нашедших свое законодательное закрепление в Уголовном кодексе РФ 1996 г.

Вменяемость как признак, характеризующий лицо, совершившее преступление, дает основание ставить вопрос о его виновности, а в дальнейшем, следовательно, об уголовной ответственности и наказании, т. е. установление вменяемости преступника как бы предшествует установлению в соответствии с принципами уголовного закона его виновности, которая доказывается как на стадии предварительного следствия, так и в суде.

Сам же принцип вины, как мы уже отмечали, предусмотрен в ст. 5 УК РФ, в которой сказано, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те преступления и наступившие общественно опасные последствия, по которым установлена его вина. Следовательно, способность лица понимать совершаемое им преступное деяние и принимать осознанные решения в процессе его совершения служит основанием для признания субъекта преступления виновным в умышленном или неосторожном общественно опасном деянии, т. е. когда лицо было вменяемо.

Вменяемость, по мнению В. С. Орлова и Р. И. Михеева, является необходимой предпосылкой для установления виновности субъекта, начальным звеном в общей цепи: вменяемость, затем вина, потом ответственность⁹⁸⁷. Таким образом, установление всех обстоятельств дела на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, а также заключение судебно-психиатрической экспертизы дают возможность судебным следственным органам решать вопрос о вменяемости или невменяемости лица, совершившего преступление, а затем уже, в случае вменяемости лица, доказывать осознанность действий и способность руководить ими при совершении преступного деяния умышленно или по неосторожности, т. е. виновно. Поэтому вряд ли можно говорить о виновности лица, совершившего общественно опасное деяние, если в процессе предварительного следствия и дознания не установлена его вменяемость.

⁹⁸⁷ Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 27; Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика). С. 3.

Далее следует отметить, что вменяемость довольно тесно связана с виной, как мы уже отмечали, и имеет важное значение для наступления уголовной ответственности в отношении субъекта преступления.

Речь в данном случае идет о взаимосвязи вменяемости и вины как признаков разных элементов в общем составе преступления. Эта взаимосвязь прослеживается прежде всего в том, что как вменяемость, так и вина, являясь признаками, в первом случае субъекта преступления, а во втором — субъективной стороны, характеризуют психическую сторону лица, совершающего общественно опасное деяние умышленно или по неосторожности.

Вменяемость, являясь признаком субъекта преступления и связанная с виной, находясь в составе преступления, как справедливо отмечают Ю. М. Антонян и С. В. Бородин, вместе обеспечивают в отечественном уголовном праве действие основополагающего принципа субъективного вменения⁹⁸⁸.

Следовательно, объективное вменение согласно ст. 5 УК РФ, а именно уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, по нашему уголовному законодательству не допускается и полностью противоречит ему. Вопрос о виновности лица, совершившего преступление, может ставиться и доказываться только тогда, когда субъект вменяем и способен осознавать свои действия и руководить ими в момент их совершения, что мы уже не раз отмечали.

В свою очередь установление взаимосвязи вменяемости и вины позволяет более глубоко разобраться в самом субъекте преступления как элементе состава, а также в его содержании и уголовно-правовой характеристике не только с позиций науки уголовного права, но и с позиций медицины и психологии. Таким образом, только после предварительного решения о вменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, как замечает В. С. Орлов, можно ставить вопрос о его виновности, потому что как виновным, так и невиновным может быть признано, как правило, вменяемое лицо⁹⁸⁹.

Отсюда способность лица осознавать свое противоправное поведение, выраженное в совершении умышленного или неос-

⁹⁸⁸ Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. С. 122.

⁹⁸⁹ Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 27.

торожного преступления, и руководить своими действиями является также и основанием для решения вопроса о привлечении его к уголовной ответственности.

Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, как справедливо отмечают С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, когда преступление было не только делом его рук, но и продуктом как его сознания, так и воли, поэтому принцип личной ответственности самым тесным образом связан с проблемой вменяемости⁹⁹⁰.

Следовательно, уголовной ответственности может подвергнуться только вменяемое лицо, совершившее какое-либо преступление. В соответствии со ст. 8 УК РФ основание уголовной ответственности возникает с момента совершения лицом деяния, которое содержит все признаки (элементы) состава преступления (объект преступления, объективная сторона, субъективная сторона и субъект преступления), предусмотренные уголовным законом. Само же преступление — это юридический факт, при наличии которого вменяемое и виновное лицо становится обязанным подвергнуться принудительному воздействию со стороны государства.

Уголовная ответственность как правовое последствие — это результат применения уголовного закона со стороны государства в отношении вменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние при доказанности вины субъекта преступления. Сама способность человека понимать совершаемые им действия и осознанно руководить своими поступками отличает вменяемого от невменяемого лица, невменяемый не может нести уголовную ответственность за свои противозаконные (преступные) действия при их совершении.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что вменяемость как признак, характеризующий субъекта преступления, наряду с виновностью является также и условием или предпосылкой наступления уголовной ответственности в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, что нельзя сказать о лице, которое совершило преступление в состоянии невменяемости. По утверждению Р. И. Михеева, вменяемость в уголовном праве как бы выполняет роль определителя субъекта пре-

ступления, а также одного из условий как вины, так и уголовной ответственности⁹⁹¹.

Вслед за уголовной ответственностью вменяемое лицо, которое является субъектом преступления, может понести уголовное наказание. Однако хотя уголовная ответственность и предшествует наказанию, но может осуществляться и без него. Последнее положение, например, закреплено в ст. 92 УК РФ, в которой говорится, что несовершеннолетнее лицо, осужденное за совершение преступления небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК (предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, возложение обязанности загладить причиненный вред и др.). В данном случае речь идет об освобождении субъекта преступления (несовершеннолетнего) только от наказания, но ни в коем случае не от уголовной ответственности за совершенное им преступное деяние.

Что же касается применения наказания к субъекту преступления, то оно невозможно без уголовной ответственности при наличии вменяемости и доказанности виновности правонарушителя. Следовательно, понятие уголовной ответственности не тождественно понятию наказания, оно шире последнего, которое назначается судом от имени государства вменяемому лицу, признанному виновным и привлеченному к уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния, т. е. к субъекту преступления.

Для криминалистики, писал Н.С. Таганцев, вменяемость — это признак, обуславливающий наказуемость преступного деяния, совершенного физическим лицом⁹⁹². Поэтому, когда у судебно-следственных органов возникает вопрос о возможном психическом расстройстве лица, совершившего преступление, они в соответствии со ст. 195, 196, 434 УПК РФ обязаны получить заключение судебно-психиатрической экспертизы о психическом состоянии лица, привлекаемого к уголовной ответственности и наказанию.

⁹⁹⁰ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 108.
542

⁹⁹¹ Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (теория и практика). С. 16; Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. С. 124.

⁹⁹² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. С. 145.

В связи с этим достаточно показательным будет рассмотренное в 1992 г. Судебной коллегией по уголовным делам Ростовского областного суда уголовное дело по обвинению Чикатило А. Р., который в период 1978–1990 гг. на территории Ростовской, Владимирской, Свердловской, Ленинградской, Московской областей, Краснодарского края (Россия), на Украине и в Узбекистане совершил 52 убийства с особой жестокостью на сексуальной почве. Потерпевшими были: 21 мальчик в возрасте от 8 до 16 лет, 14 девочек в возрасте от 9 до 17 лет и 17 девушек и молодых женщин. При этом Чикатило с 1973 г. неоднократно совершал развратные действия с малолетними детьми и подростками.

Характерной особенностью его преступной деятельности являлось то, что он совершал убийства молодых женщин, девушек, мальчиков и девочек в лесополосах и лесных массивах, прилегающих к населенным пунктам, а также в глухих местах, куда специально заманивал жертву. После убийства Чикатило, как правило, полностью обнажал трупы, а одежду уносил и прятал на значительном расстоянии от места преступления, часто закапывая ее в землю, чтобы затруднить в дальнейшем установление личностей потерпевших.

По способу убийства эти преступления выделялись исключительной жестокостью, цинизмом, изуверством и, как правило, сопровождалась причинением жертвам многочисленных (по несколько десятков) ножевых ранений садистского характера и глумлением над ними. Все эти преступные действия сопровождались разрушением и полной ампутацией различных внешних и внутренних органов тела (чаще всего половых органов) убитых. Убивая женщин, девушек и детей, Чикатило удовлетворял свое извращенное сексуальное желание, которое испытывал постоянно, когда наносил жертве удары ножом, видел кровь и когда жертва мучилась и агонизировала.

Согласно заключениям судебно-психиатрических экспертиз, проведенных экспертами-психиатрами ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, Ростовского областного психоневрологического диспансера, а также экспертизы, проведенной в судебном заседании, Чикатило хроническими заболеваниями не страдал, обнаруживал признаки психопатии мозаичного круга с сексуальными перверсиями, развившейся на органически неполноценной почве.

Во время совершения инкриминируемых ему действий Чикатило мог отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, т. е. являлся вменяемым. При этом в периоды, относящиеся к совершению преступления, как было установлено различными экспертизами и материалами уголовного дела, Чикатило не обнаруживал также и признаков какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности.

Глубокое и детальное изучение материалов уголовного дела (всех преступных эпизодов) и результатов судебно-психиатрических экспертиз позволили суду признать Чикатило вменяемым и виновным в совершении инкриминируемых ему деяний. Суд приговорил Чикатило к исключительной мере наказания — смертной казни, которая была приведена в исполнение 14 февраля 1994 г., после отмены Президентом России ходатайства о помиловании⁹⁹³.

Однако, признав согласно ст. 433 УПК РФ доказанным совершение лицом в состоянии невменяемости преступления, суд выносит определение и в соответствии со ст. 21 УК РФ освобождает это лицо от уголовной ответственности или наказания и при необходимости решает вопрос о применении к нему принудительных мер медицинского характера, т. е. направляет лицо на принудительное лечение.

Таким образом, вопросы теории и практики судебно-психиатрической экспертизы неразрывно связаны с понятием вменяемости как неотъемлемого признака субъекта преступления. Вместе с тем, как показывает практика, работники суда, следствия и врачи эксперты-психиатры недостаточно владеют теоретическим обоснованием понятия вменяемости, имеющего уголовно-правовое значение для вины, уголовной ответственности и наказания субъекта преступления. Данное обстоятельство диктует острую необходимость проведения дальнейших научных исследований в этом направлении и более широкого отражения этих вопросов в юридической, медицинской и психологической литературе, чтобы уголовную ответственность и наказание за совершенное преступление могли нести физические лица, являющиеся вменяемыми.

Невменяемость представляет собой противоположное понятие вменяемости и, в отличие от последнего, раскрыто в уголовном законе (ч. 1 ст. 21 УК РФ). При этом невменяемое лицо, со-

⁹⁹³ Дело 2-70/192 / Архив Ростовского областного суда за 1992 г.

вершившее какое-либо общественно опасное деяние, не является субъектом преступления. К нему могут быть применены лишь принудительные меры медицинского характера, так как оно не подлежит уголовной ответственности и к нему не может быть применено уголовное наказание. Следовательно, не являясь субъектом преступления, невменяемое лицо не обладает основным признаком субъекта, совершившего общественно опасное деяние, — вменяемостью.

Общественная опасность деяния лица, отмечает Б. А. Протченко, как правило, определяется в зависимости от реального вреда, который причиняется общественным отношениям, а отсутствие у субъекта осознанных и целенаправленных действий обуславливает специфику квалификации содеянного невменяемым⁹⁹⁴.

Следует разделить в связи с этим также правильную точку зрения В. Е. Квашиса, который особо подчеркивает, что невменяемый, совершивший общественно опасное деяние, не подлежит ответственности, так как вред причинен им невиновно, при отсутствии вины. Вместе с тем такие действия опасны для общества и его членов, ибо влекут причинение вреда и «появление» пострадавшего⁹⁹⁵.

Особо следует отметить, что общие теоретические вопросы невменяемости как обстоятельства, исключающего признание лица, совершившего общественно опасное деяние, субъектом преступления, в науке уголовного права практически не изучались и не исследовались, хотя они имеют большое практическое значение в судебной-следственной практике.

Если в судебной психиатрии проблема невменяемости является центральной по своей научной и практической значимости, то в уголовном праве и судебной-следственной практике ее важность не меньше, так как она самым тесным образом связана с институтами вины, уголовной ответственности и наказания, а также играет значительную роль в соблюдении законности в отношении психически больных лиц, совершивших преступное деяние. При этом проблема невменяемости является и одной из наиболее сложных, до конца не изученных проблем как в судеб-

⁹⁹⁴ Протченко Б. А. Невменяемость в советском уголовном праве // Правоведение. 1987. № 4. С. 84.

⁹⁹⁵ Квашис В. Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М., 1999. С. 132–133.

ной психиатрии, так и в науке уголовного права, хотя ей посвящено значительно больше научных работ и исследований, чем проблеме вменяемости.

По мнению Г. В. Назаренко, термин «невменяемость» появляется в научной литературе только в XIX в.⁹⁹⁶

Анализ законов Российской Империи: Свода законов 1832 г. (ст. 136)⁹⁹⁷; Уложения 1845 г. (ст. 101)⁹⁹⁸; Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (ст. 95); Уголовного Уложения 1903 г. (ст. 39)⁹⁹⁹ свидетельствует о том, что указанные уголовные законы не признавали субъектом преступления лицо, которое совершало преступное деяние в безумии или сумасшествии, т. е. когда оно не осознавало своих действий и не могло руководить ими вследствие болезненного расстройства душевной деятельности. Более развернутое законодательное определение невменяемости лица, совершившего преступление, освобождавшее его от уголовной ответственности и наказания, было дано в Уложении 1903 г.

Уголовное законодательство советского периода по существу сохранило традиции старой школы уголовного права, практически оставив без особых изменений формулу невменяемости и вопросы ответственности.

Согласно ст. 14 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г.¹⁰⁰⁰, Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. (ст. 17)¹⁰⁰¹, Основным началам 1924 г. (ст. 7)¹⁰⁰² и Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. (ст. 11)¹⁰⁰³ лицо, которое совершало общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не являлось субъектом преступления и не подлежало уголовной ответствен-

⁹⁹⁶ Назаренко Г. В. Невменяемость. СПб., 2002. С. 79–80.

⁹⁹⁷ Свод законов Российской Империи. Законы уголовные. Т. 15. СПб., 1832. С. 42.

⁹⁹⁸ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 20. Отдел 1. 1845. СПб., 1846. С. 614.

⁹⁹⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1903 г. Отд. 1. № 38. Ст. 416. СПб., 1903. С. 8–9.

¹⁰⁰⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

¹⁰⁰¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁰⁰² Собрание законодательства СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

¹⁰⁰³ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. М., 1950. С. 6–7.

ности и наказанию. К таким лицам применялись не виды уголовного наказания, а меры лечебного характера и меры предосторожности, а позднее меры социальной защиты медицинского характера.

Однако следует заметить, что на новом этапе развития нашего государства принятые Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. более полно на законодательном уровне закрепили понятие «невменяемость» как основание, устраняющее признание лица за совершение им общественно опасного деяния субъектом преступления.

Что же касается Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., то он не внес каких-либо существенных изменений в формулу невменяемости. По существу, ст. 11 УК воспроизводила понятие невменяемости, которое было определено в ст. 11 Основ 1958 г.

Значительный вклад в разработку учения о невменяемости в различные периоды развития нашего государства и последние годы внесли отечественные ученые-юристы: С. И. Тихенко, В. С. Трахтеров, В. С. Орлов, И. К. Шахриманьян, Ю. С. Богомяков, Р. И. Михеев, Г. В. Назаренко и др.¹⁰⁰⁴

Вместе с тем важное значение для развития учения о невменяемости имели и работы основоположников отечественной психиатрии (В. Х. Кандинского, С. С. Корсакова, В. П. Сербского, А. У. Фрезе и др.), а также ученых-психиатров советского периода и нашего времени (Ц. М. Фейнберга, Н. И. Фелинской, Д. Р. Лунца, И. Ф. Случевского, О. Е. Фрейерова, Г. В. Морозова и др.), которые теоретически обосновали понятия вменяемости и невменяемости, исходя из клинической картины психического заболевания лица¹⁰⁰⁵.

¹⁰⁰⁴ Тихенко С. И. Невменяемость и вменяемость. Киев, 1927; Трахтеров В. С. Формула невменяемости в советском уголовном праве. М., 1939; Орлов В. С. Невменяемость по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951; Шахриманьян И. К. Невменяемость по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961; Богомяков Ю. С. Проблемы невменяемости в советском уголовном праве (понятие вменяемости); Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве; Назаренко Г. В. Невменяемость: Уголовно-релевантные психические состояния. СПб., 2002; и др.

¹⁰⁰⁵ Кандинский В. Х. К вопросу о невменяемости. М., 1890; Сербский В. П. Судебная психопатология. Вып. 1. М., 1895; Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966; Шахриманьян И. 548

В процессе развития судебной психиатрии и науки уголовного права в учении о невменяемости детализировалось и уточнялось данное состояние, которое понималось и трактовалось учеными неоднозначно, в особенности когда речь шла о критериях невменяемости. Не случайно в науке уголовного права и судебной психиатрии наблюдается разный подход ученых и практиков к выработке самого понятия невменяемости и раскрытию его внутреннего содержания. Обращая внимание на данное обстоятельство, В. Х. Кандинский писал, что закрепление уже в законе общего определения понятия невменяемости необходимо прежде всего для взаимного понимания как между врачами-психиатрами, с одной стороны, так и юристами — с другой, так как при отсутствии такого взаимопонимания врач-эксперт в суде не будет иметь возможности, давая заключение о психическом состоянии обвиняемого, согласовывать принципы и взгляды психиатрии с требованиями уголовного закона¹⁰⁰⁶.

С. И. Тихенко рассматривал невменяемость как понятие юридическое, под которым подразумевается «свойство деятеля», а также совокупность биологических условий, которые в момент совершения преступного деяния могут отсутствовать¹⁰⁰⁷.

В свою очередь Я. М. Калашник, также относя невменяемость к понятию юридическому, определяет это состояние как болезнь основных психических функций человека — мышления и воли, в результате чего лицо не способно осознавать свои действия и руководить ими¹⁰⁰⁸.

В. С. Орлов обращает внимание на то, что с медицинской точки зрения невменяемость представляет собой болезненное состояние психики лица, которое лишает его способности осознавать объективную действительность и контролировать свое поведение¹⁰⁰⁹.

К. О понятии юридического (психологического) критерия невменяемости // Проблемы психиатрии. Л., 1967; Снежневский А. В. Общая психопатология. Валдай, 1970; Морозов Г. В. Невменяемость // Большая медицинская энциклопедия / Под ред. Б. В. Петровского. (далее: БМЭ). 3-е изд. Т.16. М., 1981; и др.

¹⁰⁰⁶ Кандинский В. Х. К вопросу о невменяемости. С. 11–12.

¹⁰⁰⁷ Тихенко С. И. Невменяемость и вменяемость. С. 13.

¹⁰⁰⁸ Калашник Я. М. Медицинские мероприятия в отношении психически больных, совершивших общественно опасное деяние: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1955. С. 7.

¹⁰⁰⁹ Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 56.

С точки зрения медицины, в частности судебной психиатрии, и уголовного права невменяемость определяется Г. В. Морозовым как юридическое понятие, которое означает болезненное психическое состояние лица на момент совершения им противоправного деяния, не позволяющее поставить ему в вину это деяние. Лицо же, находящееся в состоянии невменяемости во время совершения противоправного деяния, не является субъектом преступления и не подлежит уголовной ответственности¹⁰¹⁰.

Представляется, что достаточно полно и емко в науке уголовного права, уже ближе к нашим дням, понятие невменяемости сформулировано Р. И. Михеевым. Изучая и исследуя фундаментально данную проблему, он пришел к выводу, что невменяемость — это такое состояние, при котором лицо не способно осознавать во время совершения преступления характер и общественную опасность совершаемых действий (бездействия) или руководить ими, что исключает вину и уголовную ответственность. Невменяемость вызвана хронической психической болезнью, временным расстройством психической деятельности, слабоумием или иным психическим болезненным состоянием лица¹⁰¹¹.

И хотя данное определение невменяемости небезупречно, так как требует с позиций действующего уголовного законодательства и содержательной стороны уточнения, оно тем не менее имеет полное право на существование.

Привлекает внимание понятие невменяемости, которое дает Ю. С. Богомяков, считая уголовно-правовую невменяемость в момент совершения лицом преступления обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, так как оно на данном этапе не могло сознавать общественную опасность своего деяния и руководить им при наличии болезненного расстройства своей психики¹⁰¹².

Наконец, нельзя не обратить внимание на определение невменяемости, даваемое Г. В. Назаренко, которое по своей сути и содержанию с современных позиций несколько уточняется. Отсутствие способности руководить своим поведением, соотнося-

щееся со временем совершения преступления, отмечает автор, вследствие патологического расстройства психической деятельности, с позиций уголовного права означает невменяемость лица с освобождением его от уголовной ответственности¹⁰¹³.

В отечественном уголовном законодательстве понятие невменяемости в основном строится на сочетании двух критериев — медицинского (биологического) и юридического (психологического), хотя в уголовно-правовой и медицинской литературе по этому поводу имеют место самые разные точки зрения, но тем не менее превалирует названная.

Понятие невменяемости — ее содержание и сущность, в действующем уголовном законодательстве нашло свое отражение и закрепление в ст. 21 УК РФ 1996 г., которое, по сравнению с формулой невменяемости, предусмотренной в ст. 11 Основ 1958 г. (ст. 11) УК РСФСР 1960 г., значительно уточнено.

В Уголовном кодексе РФ 1996 г. законодатель более четко определил формулу невменяемости по отношению к предшествующему уголовному законодательству. В ч.1 ст. 21 УК РФ сказано, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения преступления находилось в состоянии невменяемости, т. е. не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или бездействия либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, а также слабоумия или иного болезненного состояния своей психики.

Из текста закона видно, что само понятие невменяемости, основывающееся на положениях науки уголовного права и психиатрии, существенно отличается от предыдущего. Невменяемость представляет собой, как и прежде, совокупность двух критериев — медицинского (биологического) и юридического (психологического), что соответствует доктрине отечественного, и в частности современного, уголовного права. При этом медицинский критерий, в свою очередь, предполагает не наличие душевной болезни и душевного расстройства, как это указывалось в УК РСФСР 1960 г., а действительно наличие у лица психического расстройства. Таким образом, законодатель несколько уточнил содержание медицинского критерия, акцентируя

¹⁰¹⁰ Большая медицинская энциклопедия.. Т. 16. С. 242.

¹⁰¹¹ Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 123.

¹⁰¹² Богомяков Ю. С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки // Сов. государство и право. 1989. № 9. С. 108.

¹⁰¹³ Назаренко Г. В. 1) О невменяемости в уголовном праве. Орел, 1994. С. 21;

2) Невменяемость: Уголовно-релевантные психические состояния. С. 98.

внимание на болезненном состоянии именно психики лица, а не просто болезненном состоянии его в момент совершения преступления.

Уточнен в УК РФ 1996 г. и юридический критерий, который рассматривается как невозможность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими. По УК 1960 г. интеллектуальный момент заключался в том, что лицо не могло отдавать себе отчета в своих действиях. Устранены законодателем в формуле невменяемости и другие неточности, порождающие на практике ошибочное толкование закона и неправильное его применение. Итак, состояние невменяемости по действующему уголовному законодательству определяется совокупностью или сочетанием двух критериев — медицинского и юридического. Д. Р. Лунц верно заметил, что когда решается вопрос о вменяемости или невменяемости лица, то характер и тяжесть психических расстройств всегда определяются применительно к критериям невменяемости, которые указаны в законе¹⁰¹⁴. Следовательно, для признания лица невменяемым судебно-психиатрической экспертизе, а в дальнейшем суду, основываясь на экспертном заключении, необходимо установить наличие как медицинского, так и юридического критериев во время совершения лицом общественно опасного деяния.

Исходя из анализа рассмотренных точек зрения понятия невменяемости и уточнений, внесенных законодателем в формулу невменяемости (ч. 1 ст. 21 УК РФ), представляется целесообразным, разумеется, не претендуя на бесспорность, определить ее следующим образом.

Невменяемость представляет собой различные виды болезненных психических расстройств лица, которое во время совершения общественно опасного деяния причиняет или может причинить вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, и не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, что исключает виновность данного лица и признание его субъектом преступления, а также привлечение к уголовной ответственности и назначение ему наказания.

Теперь рассмотрим подробнее медицинский и юридический критерии, которые нашли свое законодательное закрепление в ч. 1 ст. 21 УК РФ 1996 г., раскрывающие, по существу, формулу невменяемости.

Медицинский (биологический или психиатрический) критерий, как и в УК РСФСР 1960 г., также представлен наличием четырех групп психических болезней:

- 1) хронического психического расстройства;
- 2) временного психического расстройства;
- 3) слабоумия;
- 4) иного болезненного состояния психики.

При этом, как справедливо замечает Д. Р. Лунц, основное назначение медицинского критерия невменяемости состоит в том, чтобы его признаки могли охватывать самые различные формы болезненных расстройств психики больного¹⁰¹⁵. Главное же содержание медицинского критерия, по выражению Ю. С. Богомякова, — это указание на болезненный характер психических расстройств у субъекта, а не отграничение его от юридического¹⁰¹⁶.

Вместе с тем для установления медицинского критерия необходимо наличие хотя бы одного какого-либо психического заболевания любой группы, указанной в законе, которое при этом не всегда может дать основание для признания лица невменяемым, если будет отсутствовать юридический критерий. Необходимо, чтобы медицинский и юридический критерии сочетались и дополняли друг друга, составляя и образуя в совокупности невменяемость.

К первой группе хронических психических расстройств в судебной психиатрии и в уголовном праве относятся заболевания психики человека, которые носят продолжительный характер и практически неизлечимы. Данные заболевания имеют тенденцию как к прогрессированию, так и к ослаблению. Они приводят к глубоким и стойким изменениям личности больного. Такими психическими расстройствами в психиатрии принято считать: шизофрению, эпилепсию, маниакально-депрессивный психоз, сифилис мозга, прогрессивный паралич, старческое слабоумие,

¹⁰¹⁴ Лунц Д.Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 59.
552

¹⁰¹⁵ Лунц Д. Р. Критерии невменяемости в практике судебно-психиатрической экспертизы: Автореф. дис... д-ра мед. наук. М., 1958. С. 11.

¹⁰¹⁶ Богомяков Ю. С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки // Сов. государство и право. 1989. № 4. С. 107.

эпидемический энцефалит и некоторые другие трудноизлечимые или вообще не излечимые психические заболевания.

Среди психических расстройств в судебно-психиатрической и судебно-следственной практике наиболее часто встречается такое заболевание, как шизофрения (болезнь Е. Блейлера) — болезнь головного мозга. Данная болезнь может протекать непрерывно и приступообразно. Шизофрения является самым распространенным психическим заболеванием. В психиатрической практике около половины обследованных лиц, признанных невменяемыми, составляют лица, болеющие шизофренией¹⁰¹⁷. Причем наличие этой болезни не исключает вменяемости лица во время совершения им преступления.

Вопрос о вменяемости при совершении больным преступления решается с учетом также юридического критерия, если он имеет место, в каждом конкретном случае и соответствующей ситуации, а также других обстоятельств, оказавших воздействие на его психическое состояние в данный момент.

Шизофрения может иметь место в любом возрасте. Однако чаще всего этой болезнью заболевают в молодости.

Санкт-Петербургским городским судом 12 июня 1999 г. в открытом судебном заседании рассмотрено уголовное дело в отношении И., страдающего шизофренией, который на почве личных неприязненных отношений устроил с гражданкой К. ссору. В ходе ссоры И. причинял К. особо мучительные страдания, нанес ей не менее 34 ударов руками и ногами, а также кирпичом в область груди и правой половины плечевого пояса. Продолжая издеваться над своей жертвой, И. вновь нанес 14 ударов кирпичом в область головы и 3 удара в шею, после чего, убедившись, что потерпевшая мертва, вытащил ее труп на улицу.

Совершенное И. общественно опасное деяние содержит признаки преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, — умышленное убийство с особой жестокостью.

Согласно заключению амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы И. на протяжении многих лет страдает хроническим психическим расстройством — параноидной шизофренией, и заболевание протекает с периодическими

обострениями. С данным диагнозом И. длительное время состоит на учете в ПНД, а во время совершения инкриминируемого ему деяния и после него он не мог осознавать общественную опасность своих действий и руководить ими.

На основании установленных и исследованных доказательств, в том числе акта судебно-психиатрической экспертизы, И. был признан Санкт-Петербургским городским судом во время совершения общественно опасного деяния и после его совершения невменяемым. В соответствии со ст. 21, 97–99, 101 УК РФ, руководствуясь ст. 408–410 УПК РСФСР, суд от уголовной ответственности И. освободил, назначив ему принудительную меру медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением¹⁰¹⁸.

В данном случае И. не является субъектом преступления и не может нести уголовную ответственность и подвергаться уголовному наказанию.

Эпилепсия («падучая болезнь») представляет собой психическое заболевание, проявляющееся судорожными или бессудорожными припадками (пароксизмами), а также психозами и специфическими изменениями личности, которые в тяжелых случаях могут привести к слабоумию¹⁰¹⁹.

Среди психических заболеваний данной группы эпилепсия в судебно-психиатрической практике после шизофрении по распространенности является вторым психическим заболеванием.

Частота припадков у больных, которые могут случаться внезапно в любое время и в любом месте, весьма различна: от нескольких припадков в сутки до единичных в течение жизни. Как правило, больные во время припадков теряют сознание, а очнувшись, ничего не помнят.

Вместе с тем при эпилепсии, как и при шизофрении, не исключена вменяемость данного лица в момент совершения им преступления.

Маниакально-депрессивный психоз — заболевание, которое протекает в форме маниакальных и депрессивных фаз. В первом случае маниакальная фаза характеризуется повышенным настроением и чрезмерным возбуждением, во втором случае, при депрессивной фазе, — подавленностью настроения, низкой ра-

¹⁰¹⁷ Судебная психиатрия / Под ред. Г. В. Морозова. М., 1986. С. 139; Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. В. Д. Меньшагина, Н. Д. Дурманова, Г. А. Кригера. С. 154–155; и др.

¹⁰¹⁸ Дело № 2-203/199/Архив Санкт-Петербургского городского суда за 1999 г.

¹⁰¹⁹ Судебная психиатрия / Под ред. Г. В. Морозова. М., 1997. С. 170–171.

ботоспособностью, неуверенностью в себе и т. п., соматически и вегетативными расстройствами¹⁰²⁰. Что же касается прогрессивного паралича, то он обычно проявляется у 1–5 % болевших сифилисом спустя 10–12 лет и характеризуется, как правило, быстро нарастающим слабоумием и неврологическими расстройствами. При прогрессивном параличе наблюдается тяжелое поражение мозга, что имеет место в несколько легкой форме при таком психическом заболевании, как сифилис мозга¹⁰²¹.

Хронические психические расстройства медицинского критерия в большинстве своем неизлечимы или трудноизлечимы, носят длительный характер и имеют тенденцию, как правило, к прогрессированию, что создает дополнительные трудности в их профилактике и самом лечении.

Вторую группу заболеваний медицинского критерия образуют временные психические расстройства, протекающие, по сравнению с первой группой психических болезней, за более короткий период времени и поддающиеся излечению. В большинстве случаев эти болезни могут возникать внезапно и заканчиваться полным выздоровлением больного. К таким расстройствам относятся так называемые в психиатрии исключительные состояния, возникающие внезапно в связи с внешней ситуацией и сопровождающиеся кратковременным расстройством сознания.

Исключительные состояния возникают у лиц, которые не страдают психическими заболеваниями, и обычно могут носить эпизодический характер в жизни. К исключительным состояниям относятся:

- 1) патологическое опьянение, которое следует отличать от простого алкогольного опьянения;
- 2) патологический аффект;
- 3) сумеречные состояния сознания;
- 4) реакция короткого замыкания;
- 5) патологическое просоночное состояние, а также алкогольные психозы и т. п.¹⁰²².

Данная группа психических расстройств характеризуется именно кратковременным расстройством психической деятель-

ности больного, что не исключает его вменяемости при совершении преступления в каждом конкретном случае и невменяемости при наличии юридического критерия.

Так, патологическое опьянение, относясь к группе острых кратковременно протекающих психических расстройств, характеризуется сумеречным помрачением сознания, бредом и искаженным восприятием окружающей действительности. Данное состояние может иметь место от нескольких минут до нескольких часов и отличается от простого алкогольного опьянения. Обычно оно возникает на фоне алкогольной интоксикации.

Патологический аффект, в свою очередь, характеризуется кратковременным внезапным расстройством психики, связанным с тяжелыми душевными потрясениями или переживаниями, т. е. с психотравмирующими факторами (смертью близких родственников, тяжелой обидой и оскорблением, причинением имущественного вреда и т. п.).

Сумеречные состояния сознания как разновидность исключительных состояний могут повторно возникать у одного и того же лица. Характеризуются искаженным восприятием окружающего мира или дезориентированностью в окружающей обстановке. Данное психическое состояние сопровождается довольно часто бредом, галлюцинациями, злобой, яростью, что и определяет общественно опасное поведение больного. Реакция «короткого замыкания» также может иметь место в связи с затяжной психотравмирующей ситуацией. Это психическое заболевание выражается в расстройстве сознания либо резко выраженными импульсивными действиями, которые могут быть опасны для окружающих.

Что же касается алкогольных психозов, то среди них достаточно часто встречается, например, белая горячка, возникающая у лица, больного алкоголизмом, обычно от одного до трех дней после прекращения длительной интоксикации спиртными напитками. Белая горячка довольно часто сопровождается зрительными и слуховыми галлюцинациями, агрессивными действиями и сильной возбужденностью. В данный момент больной может нападать или защищаться от мнимых «врагов» или «преследователей», различных тварей, насекомых, животных и т. п., а также совершать общественно опасные действия.

Алкогольный галлюциноз при сохранности сознания у больного, как правило, отмечается наличием у него слуховых и зрительных галлюцинаций, которые постоянно преследуют данное

¹⁰²⁰ Судебная психиатрия / Под ред. Г.В. Морозова. М., 1986. С. 167–168.

¹⁰²¹ Там же. С. 218, 221.

¹⁰²² Там же. С. 298.

лицо. В свою очередь алкогольный параноид, как разновидность алкогольного психоза, не только характеризуется галлюцинациями, но и сопровождается бредом, например преследования, отравления, ревности, мести и т. п., хотя сознание у больного сохранено.

Особо следует заметить, что вопрос о невменяемости при наличии какого-либо временного психического расстройства данной группы решается — как и при психических болезнях первой группы медицинского критерия — с учетом всех факторов течения болезни и возможности больного правильно ориентироваться в окружающей обстановке и регулировать в ней свое поведение.

Третью группу медицинского критерия образует слабоумие (олигофрения). В психиатрии под олигофренией, или врожденным слабоумием, понимается патологическое состояние, обусловленное поражением мозга во время родов или приобретенное в раннем детстве в результате болезненных состояний психики ребенка. Чаще всего слабоумие характеризуется недоразвитием мышления, умственных способностей, памяти, внимания и психических функций человека, не только вследствие органических изменений мозга, но также после всякого рода травм, инфекционных и других заболеваний человека. Главным признаком слабоумия является общая психическая неполноценность¹⁰²³.

По степени глубины врожденного или приобретенного недоразвития различают три вида слабоумия:

- 1) дебильность (легкая форма);
- 2) имбецильность (менее глубокая);
- 3) идиотия (наиболее тяжелая форма).

Дебильность — самая легкая и самая распространенная форма слабоумия. Она в большинстве случаев не исключает вменяемости лиц при совершении ими самых различных преступных деяний, так как они могут осознавать характер своего поведения и руководить им в соответствующей обстановке. При данной форме слабоумия у лица наблюдается недостаточность интеллекта и отсутствие способностей к абстрактному мышлению либо просто примитивно само мышление.

Имбецильность представляет собой менее глубокую степень врожденного слабоумия. Среди других форм олигофрении дан-

ная болезнь составляет около 10 %¹⁰²⁴. Страдающие этой болезнью представляют определенную опасность для окружающих и склонны в период ее обострения совершать самые различные преступления. Чаще всего эти общественно опасные действия характеризуются отсутствием их осознанности и понимания, что они носят противозаконный характер.

Идиотия — наиболее тяжелая форма врожденного слабоумия. При данном заболевании у лица почти полностью отсутствуют речь и другие психические функции. Как правило, эти больные находятся на стационарном лечении, нуждаются в постоянном уходе. Действия больных на данной стадии олигофрении в период возбуждения и воздействия на них внешних раздражителей склонны привести к ярости по отношению к окружающим и самому себе, а также совершению преступлений. Чаще всего данная категория больных во время совершения преступлений, по заключениям судебно-психиатрических экспертиз, признается невменяемыми.

Четвертую группу психических болезней медицинского критерия образуют психические расстройства, которые в законе отнесены к иным болезненным состояниям психики. При этом под ними законодатель подразумевает не любые виды болезненных состояний, как имело место в УК РСФСР 1960 г., а только те, которые связаны с болезненным состоянием психики лица и могут быть причиной или являться основанием для признания больного лица невменяемым. Данные болезни, как правило, сопровождаются различными временными нарушениями психики, не являются хроническими или временными психическими расстройствами, но по своим психопатологическим признакам и свойствам, в зависимости от протекания болезни, могут быть приравнены к ним. К таким заболеваниям относятся: некоторые формы психопатий, характеризующиеся врожденными или приобретенными расстройствами эмоционально-волевой сферы личности при общей сохранности интеллекта; различные психические расстройства после перенесенных тяжелых инфекционных заболеваний (при сыпном или брюшном тифе); нервно-психические расстройства у наркоманов в период наркотического голодания; психические изменения личности, связанные с глухонемой или полной слепотой, и др. Любое из перечисленных психических расстройств или болезней психики

¹⁰²³ Там же. С. 351–352.
558

¹⁰²⁴ Там же..С. 253.

в отдельности может оказаться достаточным для признания наличия медицинского критерия невменяемости.

Однако наличие какого-либо психического расстройства (медицинского критерия) не всегда дает основание говорить о состоянии невменяемости. Необходимо, чтобы психическое заболевание достигло такой степени, когда при совершении преступления лицо не могло осознавать свои действия либо не могло руководить ими. В данном случае речь идет о юридическом (психологическом) критерии невменяемости, который и определяет глубину и сущность психических болезней медицинского критерия. Юридический критерий, по утверждению Д. Р. Лунца, определяет тяжесть психических нарушений в психологических понятиях, которые исключают вменяемость лица и тем самым делают понятными суду результаты экспертной оценки¹⁰²⁵.

Юридический (психологический) критерий, таким образом, заключается в отсутствии у лица во время совершения преступления возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения (интеллектуальный момент) и руководить им (волевой момент). Данный критерий занимает особое место в определении невменяемости, позволяя охватывать любые расстройства в эмоциональной сфере, поскольку деятельность органов чувств и т. п. непосредственным образом связана с деятельностью как сознания, так и воли человека.

Интеллектуальный момент (юридического критерия) означает невозможность лица осознавать свои действия во время совершения преступления, т. е. неспособность лица, имеющего какое-либо психическое расстройство, в полном объеме осознавать фактический характер и общественную опасность своего преступного поведения в той или иной конкретной ситуации или обстановке. Нарушение нормальной мыслительной деятельности психически больного не позволяет и лишает его возможности правильно ориентироваться в объективной реальности и воспринимать окружающую обстановку и явления внешнего мира. Лицо с расстройством психики, в каждом конкретном случае, не только не осознает свои действия, но и не понимает, к каким последствиям они могут привести в конечном итоге. Не случайно интеллектуальный момент юридического

критерия невменяемости выражен в уголовном законе (ч. 1 ст. 21 УК РФ) словами «...не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия)...» в силу какого-либо психического расстройства.

Таким образом, для признания невменяемости уже достаточно совокупности одного из перечисленных в законе психических расстройств медицинского критерия и интеллектуального момента юридического критерия. При этом данная ситуация может иметь место при известной сохранности волевого момента юридического критерия, что бывает довольно часто в судебно-психиатрической и судебно-следственной практике.

Следует отметить, что на практике имеют место и случаи, когда лицо осознает свое поведение, но у него отсутствует возможность руководить своими действиями, т. е. у него поражена волевая сфера. Речь в данном случае идет о волевом моменте юридического критерия. Обычно неспособность лица осознавать свои действия, как правило, связана с наличием волевого момента — невозможностью руководить этими действиями.

Волевой критерий невменяемости, следовательно, выражается в невозможности лица в силу психического расстройства, т.е. болезненного состояния, руководить своими действиями. Психическая болезнь, оказывая разрушительное воздействие на сознание человека, приводит к расстройству и других его психических функций, в результате чего лицо не только не способно осознавать и понимать свое поведение и поступки, но и не может руководить своими действиями и, в частности, управлять своей волей. Неспособность руководить своими действиями при их осознанности может выражаться, например, у психически больных, которые испытывают непреодолимое влечение к кражам (клептомания), страсть к поджогам (пиромания), стремление к бесцельным путешествиям, чаще всего выраженном в бродяжничестве (дромомания), стремление совершить убийство или самоубийство (гомицидомания, суицидомания) и др. Данные больные при осознанности своих действий и при наличии одного из психических расстройств (психической болезни) не в состоянии противостоять этим влечениям и стремлениям, которые преследуют их постоянно и не дают им покоя.

Таким образом, состояние невменяемости, образуя совокупность медицинского и юридического критериев, допускает отсутствие способности лица либо осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (интеллектуаль-

¹⁰²⁵ Лунц Д.Р. 1)Критерии невменяемости в практике судебно-психиатрической экспертизы. С.20–21; 2)Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 61.

ный момент), либо руководить ими (волевой момент) во время совершения преступления. Вместе с тем, как отмечает Д.Р. Лунц, правильное понимание юридического критерия, представляющего степень (тяжесть) болезненных расстройств, устраняет возможность разрыва между клинической картиной и ее судебно-психиатрической оценкой, что подтверждает единство медицинского и юридического критериев¹⁰²⁶.

На практике встречаются случаи, когда интеллектуальный и волевой моменты юридического критерия при совокупности с медицинским критерием обуславливают невменяемость лица во время совершения им общественно опасного деяния. В данном случае речь может идти, если можно так сказать, об «идеальном» состоянии невменяемости, когда при наличии какого-либо психического расстройства лицо не способно не только осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), но и руководить ими во время совершения правонарушения. Обычно это имеет место при патологическом опьянении либо хронических психических расстройствах и других болезненных состояниях.

В данном отношении характерно уголовное дело Майгиса.

15 июля 1985 г. он совершил хулиганские действия в Государственном Эрмитаже (зал № 254). В присутствии посетителей, грубо нарушив общественный порядок, он с целью уничтожения нанес порезы ножом и облил серной кислотой картину Рембрандта «Даная» — шедевр мирового искусства, и значительно повредил ее. Он же совершил приготовительные действия, направленные на уничтожение этой картины (государственного имущества), общеопасным способом — путем взрыва, т. е. совершил общественно опасные деяния, предусмотренные ч. 3 ст. 206, ч. 2 ст. 98, ч. 1 ст. 218 УК РСФСР.

В ходе расследования уголовного дела в отношении Майгиса была проведена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза, которая дала заключение о том, что Майгис страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении вялотекущей. Данное заболевание лишает Майгиса способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. Возникло это психическое заболевание до совершения инкриминируемых ему преступных деяний. По заключению ста-

ционарной судебно-психиатрической экспертизы Майгис был признан невменяемым.

Дзержинский народный суд г. Ленинграда, внимательно изучив материалы уголовного дела и заключение стационарной судебно-психиатрической экспертизы, не усмотрев в нем никаких противоречий и взяв его за основу в своем определении по данному вопросу, при наличии совокупности медицинского и юридического критериев в отношении инкриминируемых Майгису деяний, признал его невменяемым, назначив ему принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа МВД СССР, т. е. применил к нему принудительные меры медицинского характера¹⁰²⁷.

Следовательно, невменяемость определяется сочетанием медицинского и юридического критериев, что позволяет дать всестороннюю оценку психического состояния лица, совершившего общественно опасное деяние, не признавая его субъектом преступления. Однако вывод (заключение) судебно-психиатрической экспертизы о невменяемости лица во время совершения преступления не посягает на право суда об окончательном решении по данному вопросу, так как сочетание критериев невменяемости дает основание не только для правовой оценки самого лица, но и для правовой оценки как содеянного, так и наступивших последствий.

Таким образом, невменяемость определяется не только самим фактом совершения преступного деяния, но прежде всего наличием у данного лица во время его совершения хронического или временного психического расстройства, слабоумия или другого болезненного состояния психики, охватываемых не только медицинским, но и юридическим критериями, определяемыми судебно-психиатрической экспертизой. Суд же, установив фактические обстоятельства по уголовному делу и принимая во внимание заключение судебно-психиатрической экспертизы в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, окончательно приходит к решению (выводу) о вменяемости или невменяемости того или иного лица во время совершения им инкриминируемого деяния.

В свою очередь, как мы уже отмечали, лицо, совершившее преступное деяние в состоянии невменяемости, согласно ч. 1 ст.

¹⁰²⁶ Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 64.

¹⁰²⁷ Дело № 1-479 / 185 // Архив Дзержинского районного народного суда г. Ленинграда за 1985 г.

21 УК РФ не подлежит уголовной ответственности и наказанию. Таким лицам по решению суда в соответствии со ст. 97–104 УК РФ могут быть назначены принудительные меры медицинского характера.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что состояние невменяемости лица во время совершения им общественно опасного деяния является обстоятельством, исключающим признание его субъектом преступления. При этом, исходя из п. 2 ч. 2 ст. 24 УПК РФ, суд прекращает уголовное дело за отсутствием в деянии невменяемого лица состава, так как оно не является субъектом общественно опасного деяния и, таким образом, не подлежит уголовной ответственности и наказанию. Суд указывает конкретную меру медицинского характера в зависимости от душевного заболевания лица и общественной опасности совершенного им преступления.

В свою очередь научное понимание невменяемости теоретиками и практиками определяет их правильный подход к этой сложной проблеме и разрешению конкретных задач по борьбе с преступностью, а также осуществлению правосудия в целом.

§ 4 Возрастная невменяемость

Абсолютно новым, интересным и не бесспорным для российского законодательства является положение, нашедшее свое закрепление в ч. 3 ст. 20 УК РФ. Согласно тексту закона несовершеннолетнее лицо в возрасте от 14 до 18 лет не подлежит уголовной ответственности, если на время совершения преступления оно имело отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, и не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своего преступного поведения либо руководить им. В данном случае имеет место одно из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность в отношении совершившего общественно опасное деяние несовершеннолетнего лица, которое не является субъектом преступления.

В уголовно-правовой литературе встречаются различные подходы и обоснования положения, сформулированного законодателем в ч. 3 ст. 20 УК РФ, чаще всего определяемые авто-

рами как «возрастная невменяемость»¹⁰²⁸, «возрастная невменяемость»¹⁰²⁹, другие просто отождествляют эти понятия¹⁰³⁰.

Здесь следует говорить об ограниченной способности несовершеннолетнего лица, возникающей не в связи с каким-либо психическим расстройством, а вследствие отставания или задержки у него психического развития, обусловленных самыми различными причинами, факторами, возрастными, медико-биологическими особенностями. Такими причинами, например, могут быть: общее недоразвитие всего организма, в частности психической деятельности, органические повреждения центральной нервной системы, социальная и педагогическая запущенность, различные аномалии, проявляющиеся в нарушении психического развития, и др. Обращает на это внимание в своей монографии и Г. В. Назаренко, особо подчеркивая, что в качестве причин, детерминирующих отставание несовершеннолетних в психическом развитии, которое не связано с психическими расстройствами, как правило, выступает сочетание дефицита здоровья с дефектами воспитания. Однако попытки перенести проблему отставания в психическом развитии чаще всего в медицинскую (судебно-психиатрическую) плоскость не соответствуют формуле закона (ч. 3 ст. 20 УК РФ)¹⁰³¹.

В теоретической модели Уголовного кодекса (ч. 2 ст. 24) Р. И. Михеев отмечал, что устранение уголовной ответственности имеет место в связи не с невменяемостью лица, а с задержкой в психофизиологическом развитии несовершеннолетнего, вызванной не психической болезнью, а психической возрастной отсталостью, педагогической запущенностью, а также социальным инфантилизмом¹⁰³². При этом в данной ситуации следует

¹⁰²⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации (с коммент. Б. В. Волженкина). СПб., 1996. С.194; *Кругликов Л. Л.* Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. И. Бойко. С. 83; *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть. М., 1997. С. 187; и др.

¹⁰²⁹ *Назаренко Г. В.* Уголовное законодательство России. М., 1998. С.16.

¹⁰³⁰ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1998.

С. 45.

¹⁰³¹ *Назаренко Г. В.* Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. С. 135.

¹⁰³² Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Под ред. В.Н. Кудрявцева и С.Г. Келиной. С. 69.

говорить с достаточной определенностью не о наличии в соответствии с ч. 3 ст. 20 медицинского критерия невменяемости, а о его отсутствии, который законодателем, как мы уже отмечали, предусмотрен в ч. 1 ст. 21 УК РФ наряду с юридическим критерием.

В детском и подростковом возрасте от 14 до 16 лет, отмечал еще в 1968 г. О. Е. Фрейеров, головной мозг полностью не сформировался в результате физиологического недоразвития, а не болезненного состояния; противоправное действие не инкриминируется в таком возрасте, так как в этом случае надо говорить не о юридическом понятии невменяемости, которое определено уголовным законом, а о неспособности несовершеннолетнего полностью сознавать значение своих действий¹⁰³³.

Возможность случаев отставания в развитии несовершеннолетних, не связанного с психическим расстройством (правда, требующих уточнений), предусмотрена и в уголовно-процессуальном законе. В ч. 2 ст. 421 УПК РФ законодателем указана необходимость при производстве предварительного следствия и судебного разбирательства и при наличии данных об умственной отсталости несовершеннолетнего, не связанной с психическим расстройством, выявлять, мог ли он в данном случае в полном объеме сознавать значение своих действий во время совершения преступления.

В ч. 3 ст. 27 УПК РФ, которая предусматривает основания, заключающие преследование по уголовному делу, прямо закреплено, что уголовное преследование подлежит прекращению в отношении несовершеннолетнего, который достиг возраста, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 20 УК РФ, однако вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения преступления не мог в полной мере осознавать характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Таким образом, речь в определенном смысле идет об отставании несовершеннолетнего лица в психическом развитии, которое чаще всего не соответствует паспортному возрасту на год, два и более лет. Отсюда, устанавливая возраст привлечения к уголовной ответственности, законодатель исходит из убеждения, что, достигнув предусмотренных в УК возрастных границ,

несовершеннолетний может в полной мере понимать общественную опасность своего деяния и руководить им, даже если оно имеет криминальный оттенок. Сказанное позволяет согласиться с Г. Н. Борзенковым, который полагает, что, исходя из принципов уголовного права, более правильно говорить в ч. 3 ст. 20 УК РФ об отставании в психическом развитии, чем бы оно ни было вызвано, главное, что вследствие этого несовершеннолетний, совершая преступное деяние, не мог в полной мере осознавать общественную опасность своих действий или руководить ими.¹⁰³⁴

При ситуации, когда у несовершеннолетнего лица имеет место отставание психического развития, не связанное с психическим расстройством, и когда во время совершения преступления оно не может полностью осознавать общественную опасность своих действий либо руководить ими, вопрос об уголовной ответственности данного лица не ставится. В этом случае отставание в развитии несовершеннолетнего лица в какой-то мере позволяет говорить о той или иной разновидности инфантилизма¹⁰³⁵, вследствие которого и при определенных обстоятельствах лицо совершает преступление.

---

¹⁰³⁴ Курс уголовного права. Т. 1. / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. С. 270.

¹⁰³⁵ Инфантилизм, с точки зрения медицины, рассматривается как клинический синдром различного генезиса, который характеризуется задержкой развития организма при сохранении у больного лица физиологических, а также психических особенностей, как правило, характерных более раннему возрасту. Лечение должно быть направлено на основное заболевание, вызвавшее задержку развития (Большая медицинская энциклопедия. Т. 9. С. 306, 308). Инфантилизм, как отмечает О. Е. Фрейеров, представляет собой общее недоразвитие всего организма, в том числе и психической деятельности. (Фрейеров О. Е. Возрастной критерий уголовной ответственности. С. 40). Инфантилизм — сохранение в организме и психике человека различных особенностей, присущих раннему возрасту. Физический инфантилизм, как правило, вызван инфекционными заболеваниями, интоксикациями, а также неполноценным питанием и т. п. Психический инфантилизм представляет собой в основном отставание в личностном развитии. Общий гармонический инфантилизм характеризуется задержкой развития роста, веса и т. п. Существуют и другие виды инфантилизма, преимущественно обусловленные недостатками воспитания и т. п. (Дефектология: Словарь-справочник / Авт.-сост. С. С. Степанов. М., 1996. С. 36.

---

¹⁰³³ Фрейеров О. Е. Возрастной критерий уголовной ответственности // Соц. законность. 1968. № 12. С. 39.

Вместе с тем следует заметить, что законодатель, предусматривая в ч. 3 ст. 20 УК РФ это состояние, связанное с отставанием психического развития несовершеннолетнего, но не с психическим расстройством, при отсутствии конкретизации как бы дает повод к различному пониманию этого нововведения, а порой и к неоднозначному толкованию самого закона. Данное обстоятельство в определенной степени порождает своеобразные трудности в судебно-следственной практике при решении вопросов о привлечении к уголовной ответственности данной категории лиц при совершении ими преступлений.

Представляется, что законодательную формулировку отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, зафиксированную в ч. 3 ст. 20 УК РФ, и понятие «задержка психического развития» (ЗПР), употребляемое чаще всего в педагогике (дефектологии), психологии, медицине и т. п., видимо, следует рассматривать как одинаковые понятия, несущие равнозначную смысловую нагрузку. Что же касается терминов «отставание» и «задержка» применительно к рассматриваемым понятиям, вероятно, о них можно говорить как о синонимах, хотя каждый из них может иметь самую различную дополнительную окраску, исходя из принадлежности предмета исследования.

Задержка психического развития представляет собой основной тип аномалии, которая проявляется в нарушении нормального темпа психического развития ребенка. Она может быть вызвана дефектами конституции ребенка (гармонический инфантилизм), соматическими заболеваниями или органическими поражениями ЦНС и т. п. При этом, в отличие от олигофрении, при которой в основном наблюдается устойчивое общее недоразвитие психики у детей с ЗПР, само недоразвитие высших психических функций имеет временный характер¹⁰³⁶.

Следовательно, речь в данном случае идет о не совсем полноценном или ограниченном психическом развитии несовершеннолетнего при отсутствии расстройства психики, в резуль-

тате чего он не может в полной мере осознавать преступность своего поведения либо руководить им. Вместе с тем сама возможность оценки своего поведения у данных лиц приобретает в процессе постепенного усвоения ими на разных этапах жизненного пути норм, правил, общественных и социальных ценностей в детском саду, семье, школе, трудовых коллективах и т. п., хотя и они еще не в полном объеме включены в социальную структуру общества.

Причины отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством несовершеннолетних, достаточно многообразны и, как правило, коренятся на ранней стадии развития ребенка и даже до момента его рождения, а впоследствии и после рождения.

Причины задержек психического развития, отмечают Т. А. Власова и М. С. Певзнер, могут возникнуть из-за явлений токсикоза или нарушения питания матери во время беременности, из-за недоношенности, в результате легких природных травм, дистрофии и дизентерии, перенесенных ребенком в жизни, и т. п.¹⁰³⁷.

В свою очередь исследования, проведенные в СССР, показали, что стойкие формы задержки психического развития чаще всего связаны с органическими повреждениями центральной нервной системы. Данное обстоятельство позволяет отличать ЗПР от олигофрении, при которой преобладают не повреждения, а недоразвитие мозговых структур¹⁰³⁸. Вместе с тем проведенное массовое обследование (около 3000) 6-летних детей позволило квалифицировать задержку психического развития у 50% воспитанников городских детских садов. Причинами же отставания в развитии этих детей являлись, как правило, слабое здоровье с раннего детства и общая педагогическая запущенность с ясельного возраста или младшего дошкольного возраста¹⁰³⁹.

По данным психологического исследования, так называемые «трудные подростки» с ЗПР, обнаруживающие неустойчивость в психике, даже к 16–17 годам еще не имеют должного уровня

¹⁰³⁶ Дефектология: Словарь-справочник. С.32. Здесь же следует заметить, что в соответствии с международной классификацией болезней (МКБ - 10) ЗПР предлагается переименовать — нарушение психологического развития детского возраста. (Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств / Под ред. Ю. Г. Нуллера, С. Ю. Циркина. СПб., 1994.)

¹⁰³⁷ Власова Т.А., Певзнер М.С. Учителю о детях с отклонениями в развитии. М., 1967. С. 75.

¹⁰³⁸ Задержка психического развития детей и пути ее преодоления: обзорная информация / Под ред. Т. А. Власовой. М., 1976. С. 10.

¹⁰³⁹ Ульenkova У. В. Шестилетние дети с задержкой психического развития. М., 1990. С. 3.

развития самосознания и, следовательно, у них нет перехода к позитивной фазе подросткового возраста, в связи с чем сохраняется преимущественно незрелость эмоционально-волевой сферы¹⁰⁴⁰.

Отставание в психическом развитии несовершеннолетнего может быть обусловлено и длительными физиологическими заболеваниями, неблагоприятными и неправильными условиями воспитания, длительной изоляцией ребенка от семьи, своих сверстников, ранним употреблением спиртных напитков и наркотических средств, употреблением одурманивающих веществ, личностными отклонениями и другими причинами и условиями, способствующими задержке общего темпа развития организма, а также порождающими психическую незрелость на ранней стадии формирования личности ребенка или подростка.

Причинами отставания в психическом развитии может являться как алкоголизм родителей с возможным наступлением самых неблагоприятных последствий для будущих детей, так и их сиротство, которое в последние годы приобрело широкие масштабы.

Исследование сирот в возрасте от 7 до 17 лет, находящихся в школах-интернатах Москвы, показало, что практически у всех обнаруживалась задержка психического развития. Так, в 30 % задержка развития была легкой и мало чем отличалась от обычной педагогической запущенности, а в 48 % задержка была более выраженной и обуславливалась снижением уровня мышления и работоспособности. Многие из них обнаруживали склонности к совершению преступлений (хулиганство, кражи) и других правонарушений. Недоразвитие эмоциональной сферы, образного и абстрактного мышления в целом являлись причиной плохой успеваемости¹⁰⁴¹. По разным оценочным данным, в конце 90-х годов у нас в стране насчитывалось от двух до четырех миллионов детей-беспризорников¹⁰⁴².

---

¹⁰⁴⁰ Лебединская К. С., Райская М. М., Грибанова Г. В. Подростки с нарушениями в аффективной сфере. М., 1988. С. 106.

¹⁰⁴¹ Калинина М. А., Проселкова М. Е. О психических последствиях воспитания детей и подростков в условиях сиротства. Социальная дезадаптация: нарушения поведения у детей и подростков // Матер. рос. науч.-практич. конф., 26-28 ноября 1996 г. М., 1996. С. 111-112.

¹⁰⁴² Криминология / Под ред. А. И. Долговой. М., 1999. С. 690.

Следовательно, в результате вышеуказанных и других причин, имеющих место в раннем детстве и в подростковом возрасте, а также под влиянием внешних неблагоприятных факторов окружающей среды, оказывающих негативное воздействие на эмоционально-волевые свойства личности, происходит отставание в психическом развитии несовершеннолетнего, которое мешает ему правильно адаптироваться в обществе и формировать индивидуальные качества, с точки зрения полной осознанности своего поведения.

В свою очередь разнообразные причины, негативные условия социальной среды и совокупность множества отрицательных факторов способны достаточно активно влиять и, в частности, не только воздействовать на дальнейшее отставание психического развития несовершеннолетнего, но и порождать у него личностные деформации, выражающиеся в гипертрофированных интересах, потребностях, ценностных и общепользовательных ориентациях, которые при определенных, чаще всего неблагоприятных, ситуациях могут привести к совершению преступления.

Если же несовершеннолетнее лицо, как мы уже неоднократно отмечали, достигло минимальных и максимальных возрастных границ, предусмотренных в законе, и совершило преступление при указанных в ч. 3 ст. 20 УК РФ обстоятельствах, оно не может подлежать уголовной ответственности, так как не является субъектом общественно опасного деяния.

В результате установления данного обстоятельства, исключая привлечение несовершеннолетнего лица к уголовной ответственности, у органов дознания, предварительного следствия и суда возникает не право, а предусмотренная уголовно-процессуальным законом (ч. 3 ст. 27 УПК РФ) обязанность прекратить уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого лица.

Однако для установления отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, как на предварительном следствии, так и в суде должна в обязательном порядке проводиться комплексная психолого-медико-педагогическая экспертиза, в работе которой желательно участие эксперта-психиатра, а при необходимости целесообразно приглашение и других специалистов или консультантов.

Возможно также в отношении данной категории лиц проведение комплексной судебной психолого-медикопсихиатричес-

кой экспертизы с приглашением педагога, желательного специалиста в области дефектологии.

В судебной-следственной практике решение данных вопросов в некоторых случаях осуществляется судебной психолого-психиатрической экспертизой на базе судебно-психиатрической экспертизы (в частности, в Санкт-Петербурге).

Вместе с тем в связи со сложностью, а иногда и по другим причинам невозможно проводить в отношении данной категории несовершеннолетних, совершивших преступление, комплексные экспертизы как на стадии предварительного следствия, так и на стадии судебного разбирательства. Поэтому в некоторых случаях они проводятся специалистами в какой-либо одной области знаний (медицины, педагогики или психологии).

В качестве примера можно привести уголовное дело СО Ломоносовского РУВД г. Санкт-Петербурга в отношении несовершеннолетнего А., который совершил в конце 1998 г. две кражи чужого имущества. Одна из них была совершена с проникновением в квартиру с причинением потерпевшему значительного ущерба, а другая связана с похищением личных вещей учащихся из школьного гардероба. В инкриминируемых ему деяниях, предусмотренных п. «в» и «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, данное лицо полностью призналось.

В рамках уголовного дела на стадии предварительного следствия в отношении обвиняемого следователем была проведена психологическая экспертиза. Согласно заключению данной экспертизы у несовершеннолетнего были установлены признаки отставания в развитии, выразившиеся в недостаточном развитии познавательных функций, а это давало возможность судить о том, что к моменту совершения преступления он по своему умственному развитию не достиг уровня 14-летнего возраста.

Принимая во внимание обстоятельства уголовного дела и основываясь на заключении психологической экспертизы, что несовершеннолетнее лицо вследствие отставания в психическом развитии не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, в соответствии с п. 5 ч. 1, ч. 2 ст. 5 УПК РСФСР, ч. 3 ст. 20 УК РФ следователем уголовное дело было прекращено, а данное лицо освобождено от уголовной ответственности¹⁰⁴³.

При этом следует отметить, что случаи расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, у которых имеет место отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, без проведения комплексных соответствующих экспертиз в судебной-следственной практике не единичны. В конечном счете данное обстоятельство не способствует полному и объективному рассмотрению существа вопроса по уголовному делу, а от ответственности освобождается лицо, которое обладает признаками субъекта преступления.

Вместе с тем в судебной-следственной и прокурорской практике имеют место случаи необъективного и необоснованного решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, у которых имеет место отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, когда во время совершения общественно опасного деяния они не могут в полной мере осознавать преступность своих действий либо руководить ими.

Так, органами следствия несовершеннолетнему Бабушанову было предъявлено обвинение в совершении изнасилования малолетней с угрозой убийства. Данные действия следователем были квалифицированы по ч. 3 ст. 131 УК РФ.

Судебной коллегией по уголовным делам Смоленского областного суда установлено, что Бабушановым совершено покушение на изнасилование, предусмотренное ст. 30 и п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ; несовершеннолетний от уголовной ответственности на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ был освобожден.

Однако прокурор в частном протесте поставил вопрос об отмене определения в связи с неправильной квалификацией судом действий Бабушанова, а также необоснованным освобождением его от уголовной ответственности. Сославшись на материалы уголовного дела, государственный обвинитель утверждал, что, по его мнению, Бабушанов совершил оконченное преступление, предусмотренное п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ, сам обвиняемый достиг 14-летнего возраста, а по заключению эксперта-психиатра является вменяемым, что не вызывает сомнений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 февраля 1998 г., в свою очередь, протест прокурора оставила без удовлетворения, справедливо указав на его полную

¹⁰⁴³ Архив следственного отдела Ломоносовского РУВД г. Санкт-Петербурга за 1998 г.

необъективность и несостоятельность приводимых в нем доводов.

При этом Судебная коллегия совершенно справедливо не согласилась с доводами прокурора о привлечении Бабушанова к уголовной ответственности за изнасилование, которое не подтверждено в этой части заключением судебно-медицинской экспертизы о совершении насильственного полового акта с потерпевшей. Кроме того, по заключению экспертов, проводивших стационарную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, у несовершеннолетнего обнаружены признаки врожденного умственного недоразвития в форме олигофрении в легкой степени дебильности с эмоционально-волевыми нарушениями.

В результате личностных особенностей его развития и поведения Бабушанов не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершенных им противоправных действий, а также не мог в полной мере руководить ими. Из материалов уголовного дела усматривается и такое обстоятельство, что Бабушанов по своему умственному развитию значительно отставал от своих сверстников, т. е., обучаясь в школе, он не научился писать и считать. В силу указанных и других данных материалов дела суд обоснованно пришел к выводу, что Бабушанов по своему психическому развитию не соответствует 14-летнему возрасту, и на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ правильно освободил его от уголовной ответственности¹⁰⁴⁴.

В настоящее время в связи с новым положением в уголовном законе (ч. 3 ст. 20 УК РФ) вряд ли можно говорить о четко налаженной в стране системе и организации проведения экспертиз в отношении несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, у которых имеет место отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, а также о безошибочных решениях в судебно-следственной практике работников суда, прокуратуры и следствия. Вместе с тем сама законодательная формулировка (ч. 3 ст. 20) требует конкретизации и уточнения, а также комплексного подхода к изучению этого психического состояния как в теории, так и на практике.

С учетом того, что в настоящее время судебно-следственная практика испытывает значительные трудности в решении во-

просов, охватываемых ч. 3 ст. 20 УК РФ, возникает настоятельная необходимость в принятии специального постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором бы имели место подробные разъяснения и рекомендации в практике правильного и единообразного понимания и применения как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства в отношении рассматриваемых лиц.

В принятом постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 г. вопросы, касающиеся уголовной ответственности несовершеннолетних по ч. 3 ст. 20 УК РФ, несколько уточнены, но не решены полностью¹⁰⁴⁵. В свою очередь, принятие такого постановления при соответствующем обобщении судебно-следственной практики позволит в дальнейшем не только избежать имеющих место многочисленных трудностей, но и устранить встречающиеся недостатки и ошибки, связанные с рассмотрением этой категории уголовных дел.

Реализация данных предложений и рекомендаций может создать положительные предпосылки и необходимую базу для совершенствования уголовного законодательства в рамках анализируемой статьи УК РФ и обратить внимание правоохранительных органов и указанных специалистов на предупреждение преступлений со стороны рассматриваемой категории несовершеннолетних.

§ 5 Ограниченная вменяемость

При рассмотрении проблем, связанных с субъектом преступления, одним из малоисследованных вопросов, решение которого представляет большое теоретическое и практическое значение, является изучение преступного поведения лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Впервые в отечественном уголовном законодательстве, наряду с понятиями вменяемости и невменяемости, нашла свое отражение новая норма (ст. 22 УК РФ 1996 г.). Суть данной законодательной новеллы состоит в том, что если вменяемое лицо во

¹⁰⁴⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 12. С. 9-10. 574

¹⁰⁴⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 10.

время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния либо руководить им, оно подлежит уголовной ответственности.

В свою очередь психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом не только при назначении наказания, но и служит основанием для применения принудительных мер медицинского характера. Степень же влияния различных внешних обстоятельств и окружающей среды на уголовное наказание, как правило, определяется наличием той или иной психической болезни, глубиной расстройства психики лица, совершившего преступление, и возможностью им осознавать и понимать свое поведение и руководить им.

Несмотря на то что способность осознавать общественно опасный характер своих действий и возможность руководить ими в силу психического расстройства у данных лиц несколько ограничены по отношению к правонарушителям, которые совершили преступное деяние, не страдая психическими расстройствами, т. е. были полностью вменяемыми, это обстоятельство не устраняет установления их виновности и привлечения к уголовной ответственности и наказания, а это значит, что они являются субъектами того или иного совершенного ими преступления.

Вместе с тем при применении данного института на практике возникает много трудностей и проблем, объясняемых его новизной и противоречивостью некоторых положений, требующих дополнений и уточнений.

В юридической, медицинской и другой литературе институт «уменьшенной»¹⁰⁴⁶, «ограниченной»¹⁰⁴⁷, «пограничной»¹⁰⁴⁸, «от-

¹⁰⁴⁶ Жижиленко А. А. Спорные вопросы уменьшенной вменяемости в Уголовном кодексе РСФСР // Право и жизнь. 1924. Кн. 7–8. С. 41–47; Трахтеров В. С. Уменьшенная вменяемость в советском уголовном праве // Там же. 1925. Кн. 9–10. С. 75–77; Тихенко С. И. Невменяемость и вменяемость. С. 27–35; Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 58–68; Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 199–219; Карпец И. И. Уголовное право и этика. С. 153–155; и др.

¹⁰⁴⁷ Богомяжков Ю. С. К вопросу об ограниченной (уменьшенной) вменяемости в теории советского уголовного права. Уфа, 1980; Кудрявцев И. А. Ограниченная вменяемость // Государство и право. 1995. № 5; Назаренко Г. В. Невменяемость в уголовном праве. С. 47–59; и др.

носительной»¹⁰⁴⁹ и т. п. вменяемости всегда вызывал самые оживленные споры и дискуссии среди отечественных и зарубежных юристов, ученых и практиков, а также представителей других наук, в частности судебной психиатрии и психологии.

Русскому уголовному законодательству этот институт известен не был¹⁰⁵⁰, хотя в научной литературе о нем велись дискуссии.

Например, против уменьшенной (ограниченной) и т. п. вменяемости в различные периоды времени выступали такие известные юристы, как Н. С. Таганцев (1902) и С. В. Познышев (1912).

Отсутствовало понятие уменьшенной вменяемости и в советском уголовном законодательстве¹⁰⁵¹ при наличии сторонников и противников, которые пытались доказать его отсутствие либо существование наряду с вменяемостью и невменяемостью.

В советский период против уменьшенной вменяемости выступали В. С. Орлов (1958), В. Н. Кудрявцев (1965), Р. И. Михеев (1983), И. И. Карпец (1985) и другие ученые-юристы.

Вместе с тем данную позицию занимали и известные ученые в области отечественной психиатрии — В. Х. Кандинский (1890), В. П. Сербский (1896), а также некоторая часть советских ученых-психиатров — Е. К. Краснушкин, Д. Р. Лунц, Г. В. Морозов и др.

Сторонники, отрицавшие существование уменьшенной (ограниченной) вменяемости и необходимость закрепления ее в уголовном законодательстве, указывали на расплывчатость этого института, который не может обеспечить эффективность его применения к лицам, страдающим психическими расстройствами. Однако наиболее существенные возражения, с их точки зрения, обосновывались как невозможностью, так и трудностями определения критериев уменьшенной вменяемости¹⁰⁵², что харак-

¹⁰⁴⁸ Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 125.

¹⁰⁴⁹ Фарбер И. М. К вопросу об «относительной» вменяемости // Современная психоневрология. 1928. Т. 5. С. 246; и др.

¹⁰⁵⁰ Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступление и психические аномалии. С. 125.

¹⁰⁵¹ Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 211.

¹⁰⁵² Халецкий А. А. О проблемах правопонимания и психиатрии // Сов. государство

терно и в наши дни. Вместе с тем в защиту института уменьшенной вменяемости в своих научных исследованиях и трудах выступали видные юристы и психиатры на различных этапах развития нашего государства: А. А. Жижиленко (1924), В. С. Трахтеров (1925), С. И. Тихенко (1927), Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров, И. Б. Михайловская (1965), Ю. С. Богомягков (1980), Ю. М. Антонян, С. В. Бородин (пограничная вменяемость) (1987) и др.

По их мнению, закрепление в уголовном законе института уменьшенной (ограниченной) и т. п. вменяемости в конечном счете позволит более дифференцированно и правильно подходить к лицам с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, совершившим преступные деяния, когда ставится вопрос о применении к ним уголовного наказания. В свою очередь отсутствие в законе данного института не дает возможности суду в полном объеме учитывать психические аномалии при назначении наказания субъекту преступления. Были у сторонников и другие аргументы, однако все они сходились во мнении о необходимости существования в нашем уголовном праве и законодательстве самостоятельного института уменьшенной (ограниченной) вменяемости.

Заметим, что институт уменьшенной вменяемости давно имел место в уголовном законодательстве зарубежных государств, хотя и трактовался по-разному.

Так, уменьшенная (ограниченная) вменяемость предусмотрена, например, в Австрии, Венгрии, Дании, Италии, Польше, Финляндии, ФРГ, Франции, Швейцарии, Югославии, Японии и других странах¹⁰⁵³, которая, как правило, является основанием для снижения субъекту преступления уголовного наказания.

Институт уменьшенной (ограниченной) вменяемости в зарубежном уголовном законодательстве некоторых стран развивался не одинаково. По-разному он сформулирован и представлен в

и право. 1965. № 9. С. 135-136; Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. С. 140; Назаренко Г.В. Невменяемость в уголовном праве. С. 54; и др.

¹⁰⁵³ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Под ред. В.Н.Кудрявцева и С.Г. Келиной. М., 1987. С.76; Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. С. 133; Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): Сб. законодат. матер. С. 187, 237; Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб., 2001. С. 158-159.

новых уголовных кодексах различных государств. Опыт зарубежного уголовного законодательства и судебно-психиатрическая практика были учтены российскими юристами и психиатрами, а также представителями других наук в изучении и осмыслении института уменьшенной вменяемости, который имеет свой достаточно сложный путь до окончательного становления и закрепления в ст. 22 УК РФ 1996 г.

Особо следует заметить, что в юридической и медицинской литературе рассматриваемые психические расстройства, не включающие вменяемости, отождествляются с психическими аномалиями в связи с тем, что данные понятия представлены как равнозначные и не противоречащие друг другу, когда речь идет о лице, совершающем общественно опасное деяние и являющемся субъектом преступления. При психических аномалиях, не исключаящих вменяемости, сохраняется не только связь с внешним миром, но и детерминация всей психической деятельности и поступков человека, хотя и имеют место определенные искажения¹⁰⁵⁴.

В юридической и другой литературе можно встретить разные подходы к определению и самому понятию психических аномалий, не исключаящих вменяемости, однако их суть и внутреннее содержание во многом сходны и имеют много общих признаков. Так, по мнению Ц. А. Голумба, под психическими аномалиями, не исключаящими вменяемости, следует понимать некоторые психические заболевания и патологические состояния психики либо другие расстройства нервно-психической деятельности, которые не достигли степени душевной болезни, лишаящей данное лицо возможности отдавать себе отчет в своих действиях и в силу эмоционально-волевой или интеллектуальной патологии руководить ими в период совершения преступления¹⁰⁵⁵.

В свою очередь Н. Г. Иванов считает, что под психическими аномалиями в широком смысле понимаются все психические

---

¹⁰⁵⁴ Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М., 1982. С. 243.

¹⁰⁵⁵ Голумб Ц. А. Насильственные преступления, совершенные лицами с психическими аномалиями, и профилактика этих преступлений: автореф. дис... канд. юрид. наук. Л., 1982. С. 160.

процессы, характеризующиеся дисбалансом сил возбуждения и сил торможения¹⁰⁵⁶.

Вместе с тем, по мнению Ю. М. Антоняна и С. В. Бородина, под психическими аномалиями понимаются все расстройства психической деятельности, которые не достигли психотического уровня и не исключают вменяемости, однако влекут личностные изменения, приводящие в некоторых случаях к отклоняющемуся поведению¹⁰⁵⁷. Следовательно, если лицо во время совершения общественно опасного деяния вследствие психических аномалий, не исключających вменяемости, могло осознавать хотя бы частично фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), а также не полностью руководить ими, оно является субъектом преступления и подлежит привлечению к уголовной ответственности и наказанию.

При определении формулы ограниченной вменяемости или ее понятия, которые во многом совпадали с предыдущими, некоторые правоведы предлагали законодательно закрепить этот институт в уголовном законе¹⁰⁵⁸.

В УК РФ 1996 г. термины «уменьшенная», «ограниченная», «пограничная» и т. п. вменяемость не используются. По существу ст. 22 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключającym вменяемости, раскрывает институт так называемой уменьшенной (ограниченной) и другой вменяемости. Таким образом, в данном случае речь идет о психических аномалиях, не исключających вменяемости субъекта преступления, что не устраняет установления его вины в совершении им общественно опасного деяния. Само же лицо с психическим расстройством, не исключającym вменяемости, которое в силу данного болезненного состояния не могло в полном объеме осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими, представляя и определенную опасность для общества и граждан, подлежит уголовной ответственности и наказанию за совершенное преступление.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в нашем уголовном праве и законодательстве в определенном смысле в на-

стоящее время, по существу, разрешился довольно продолжительный спор между сторонниками и противниками института уменьшенной (ограниченной) вменяемости, который нашел свое законодательное закрепление в ст. 22 УК РФ 1996 г.

Лицо с психическим расстройством, не исключającym вменяемости, совершая преступление, предполагает виновное отношение к своему поведению, так как оно способно, хотя и не в полной мере, осознавать и понимать характер своих действий и конкретную ситуацию, в которой оно находится, а также контролировать свое противоправное поведение. Не случайно при доказанности вины и при наличии признаков субъекта преступления, а также самого состава уголовная ответственность таких лиц наступает на общих основаниях, как, например, в тех случаях, когда совершает общественно опасное деяние вменяемое лицо.

Статья 22 УК РФ прежде всего имеет в виду наиболее распространенные психические расстройства, не исключające вменяемости: олигофрения (легкой степени), различные формы неврозов (неврастения, истерия, психастения), психозы, например алкогольные, психопатии, органическое поражение центральной нервной системы и другие психические аномалии. Эти психические расстройства существенно уменьшают способность лица контролировать свое поведение, ведут к резкому снижению общего интеллекта и волевой сферы, а также затрудняют, хотя полностью не исключают, мыслительный процесс и волю лица во время совершения им преступления.

В медицинской и юридической литературе, а также судебной следственной практике отмечается преобладание лиц, болеющих различными неврозами, которые представляют группу психических расстройств, возникают в результате психических травм и сопровождаются нарушением общего самочувствия и различных соматовегетативных функций, эмоциональной неустойчивостью, повышенной психической истощаемостью при достаточной оценке окружающего и осознании своего болезненного состояния¹⁰⁵⁹.

Неврастения, например, в клинической картине представляет собой вид невроза и условно делится на три стадии: 1) гиперстеническую; 2) раздражительной слабости; 3) гипостеническую.

¹⁰⁵⁶ Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления. М., 1998. С. 20.

¹⁰⁵⁷ Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. С. 9.

¹⁰⁵⁸ Бородин С. В. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 74; Назаренко Г. В. Невменяемость в уголовном праве. С. 59; и др. 580

¹⁰⁵⁹ Судебная психиатрия / Под ред. Г.В. Морозова. М., 1997. С. 316; Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления. С. 104-105; и др.

Она характеризуется истощаемостью всех психических процессов у лиц, болеющих ею, их легкой возбудимостью до состояния аффекта и реакциями раздражительности¹⁰⁶⁰.

Истерический невроз (диссоциативные расстройства), в свою очередь, включает в себя сенсорные, вегетативные и двигательные расстройства, а также психические, которые обусловлены психопатиями и конфликтными переживаниями, нередко приводящими к истерическим припадкам¹⁰⁶¹.

Психопатии, характеризуемые как расстройства личности, занимают одно из основных мест в судебно-психиатрической и судебно-следственной практике. Психопатии представляют собой стойкие врожденные и приобретенные характерологические расстройства, которые при общей сохранности интеллекта приводят к нарушениям межличностных отношений, а также адаптации к окружающим. При этом данные распространенности психопатий колеблются в пределах от 2 до 15 % среди населения, а на учете в психоневрологическом диспансере состоит 5% лиц с патологическим характером¹⁰⁶².

В судебной психиатрии выделяются следующие формы психопатии: астеническая, возбудимая, паранойяльная, психастеническая, истерическая, аффективная, шизоидная и ряд других, которые четко классифицируются достаточно сложно и в чистом виде встречаются довольно редко. Чаще наблюдаются их смешанные формы¹⁰⁶³. Не случайно в психиатрии существуют различные точки зрения и подходы к пониманию, определению и описанию психопатий, которые занимают значительное место среди психических аномалий, не исключая вменяемости лица при совершении им конкретного преступления.

Неврозоподобные и психопатоподобные состояния, как отмечает Н. Г. Иванов, обычно возникают в результате воздействия на головной мозг различного рода факторов, к которым относятся: черепно-мозговые травмы или тяжелые инфекции, интоксикации, сосудистые и эндокринные заболевания, а также другие расстройства, приводящие к нарушениям психики, памя-

ти, снижению мышления, ослаблению личности, негативным явлениям, связанным с психической деятельностью человека¹⁰⁶⁴.

В свою очередь отрицательное состояние психического здоровья населения России в настоящее время создает определенные условия для совершения лицами с аномальными отклонениями на фоне общего роста преступности самых различных общественно опасных деяний. Свидетельством совершения преступлений лицами с психическими отклонениями могут служить и другие самые разные исследования, проводимые в нашей стране. Так, среди лиц, совершивших убийства при отягчающих обстоятельствах, субъекты преступления с такими психическими расстройствами, как психопатия и психопатоподобные состояния, образуют 49 %¹⁰⁶⁵. Так, по данным Н. Г. Иванова, психические аномалии у лиц, совершивших преступления, преобладали в следующем порядке: психопатоподобные черты характера составили 31 %, с признаками неврастения — 20,6 %, психастении — 10,4 %, олигофрены (дебильность) — 10,3 % и истерики — 6,9 %. При этом субъекты преступления с диагнозом психопатия или, например, психопатоподобное состояние наиболее часто совершали умышленные причинения тяжких телесных повреждений (ч. 1. ст. 108) — 11 %, хулиганство (ч. 3. ст. 206) — 19 %, изнасилование (ст. 117) — 9 % и другие насильственные преступные деяния, предусмотренные УК РСФСР 1960 г.¹⁰⁶⁶

Интересны и результаты исследования, проведенного Н. Д. Гомоновым, о противоправном поведении лиц с психическими аномалиями, показавшие, что данные субъекты преступления чаще всего страдают: неврозами — 27,5 %, психопатиями — 17,8 %, олигофренией (в различной степени дебильности) — 14,2 %, а также некоторые имеют органическое поражение центральной нервной системы — 7,7 % и другие психические расстройства. Чаще всего указанные лица совершают насильственные преступления и хулиганство в общественных местах¹⁰⁶⁷.

¹⁰⁶⁴ Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления. С. 108.

¹⁰⁶⁵ Кузнецова Н. Ф., Лейкина Н. С. Криминологический аспект соотношения социального и биологического // Сов. государство и право. 1977. № 9. С. 110.

¹⁰⁶⁶ Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления. С. 137–138.

¹⁰⁶⁷ Гомонов Н. Д. Криминологические аспекты противоправного поведения лиц с психическими девиациями: автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 15.

¹⁰⁶⁰ Судебная психиатрия. / Под ред. Г. В. Морозова. М., 1997. С. 319.

¹⁰⁶¹ Там же. С. 22.

¹⁰⁶² Там же. С. 329–330.

¹⁰⁶³ Там же. С. 334–342.

Таким образом, из приведенных исследований видно, что среди лиц, совершивших самые различные общественно опасные деяния и привлеченных к уголовной ответственности, достаточно большой процент составляют субъекты, страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

Особенно большую сложность для теории и практики представляют разработка и определение критериев психических расстройств аномальных субъектов преступления. В связи с этим нельзя не согласиться с Д. Р. Лунцем, который еще в 1966 г. писал, что неопределенность критериев уменьшенной вменяемости отмечается практически всеми авторами независимо от того, являются ли они ее противниками или сторонниками¹⁰⁶⁸.

Вместе с тем позиция С. В. Бородина, что ограниченная вменяемость представляет собой вменяемость, а ее медицинский и юридический критерии вполне определимы, так как они относительно пограничных состояний достаточно исследованы как в общей, так и в судебной психиатрии¹⁰⁶⁹, на наш взгляд, применительно к действующей норме (ст. 22 УК РФ) вряд ли состоятельна. В данном случае следует согласиться с Н. Г. Ивановым, который считает, что необходима комплексная разработка критериев концептуального уровня, чтобы определить границы психических аномалий, не исключающих вменяемости лиц, совершивших преступление¹⁰⁷⁰.

На необходимость разработки критериев уменьшенной вменяемости обращает внимание и А. В. Хрящев, который по результатам исследования аномальных субъектов преступления делает вывод, что сегодня эксперты, стараясь избежать ошибок, максимально сужают «ограниченно вменяемых» лиц, а это является следствием неразработанности критериев такого рода экспертных решений¹⁰⁷¹.

---

¹⁰⁶⁸ Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 206–207.

¹⁰⁶⁹ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Под ред. В.Н. Кудрявцева и С.Г. Келиной. С. 78.

¹⁰⁷⁰ Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления С. 21.

¹⁰⁷¹ Хрящев А. В. Некоторые критерии применения ст. 22 УК РФ в судебно-психиатрической практике // Российский психиатрический журнал. 2000. № 3. С. 46; Горин В. В., Пережогин Л. О. Клинико-социальная характеристика испытуемых с расстройствами личности, к которым была применена ст. 22 УК РФ // Российский психиатрический журнал. 1999. № 4. С. 35.

Представляется целесообразным для решения этой сложной проблемы разработать и законодательно закрепить в УК РФ критерии вменяемости, а затем с позиции медицины (судебной психиатрии), науки уголовного права, психологии и других наук на комплексной основе, с учетом критериев вменяемости и невменяемости, определить медицинский и юридический критерии психического расстройства, не исключающего вменяемости, в отношении лиц, являющихся субъектами совершенных преступлений.

Определенные попытки разработать критерии уменьшенной вменяемости со стороны ученых предпринимались неоднократно, имеют место они и в последние годы. Интересны в этом отношении исследования, которые были проведены на базе Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского с 1997 г. по июнь-август 1999 г. Например, А. В. Хрящевым были разработаны некоторые критерии «ограниченной вменяемости», которая рассматривается им в различных вариантах¹⁰⁷². При изучении аномальных субъектов преступления Л. О. Пережогин определил алгоритм дифференцированной экспертной оценки расстройств личности с учетом норм ст. 22 УК РФ¹⁰⁷³.

При этом данные критерии в более полной форме, как и критерии невменяемости, должны найти свое законодательное закрепление в ст. 22 УК РФ с четкой формулировкой психических аномалий как нового института в отечественном уголовном праве.

Все это позволяет говорить, исходя из буквы закона (ст. 22 УК РФ), об уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, совершивших преступления, которая наступает при установлении их виновности. Данная категория лиц привлекается к уголовной ответственности, в принципе, на общих основаниях, как и абсолютно вменяемые правонарушители, хотя психические расстройства не позволяют указанным субъектам полностью осознавать

---

¹⁰⁷² Хрящев А. В. Некоторые критерии применения ст. 22 УК РФ в судебно-психиатрической практике. С. 47.

¹⁰⁷³ Пережогин Л. О. Клинические критерии применения ст. 22 УК РФ при судебно-психиатрической оценке расстройств личности // Российский психиатрический журнал. 2000. № 3. С. 40.

происходящее в объективной реальности при совершении ими какого-либо преступления.

Само привлечение к уголовной ответственности как реакция государства на совершенное преступление в отношении виновного вменяемого лица, нарушившего уголовно-правовые запреты и противопоставившего свои интересы общественным, таким образом, касается лиц с психическим расстройством, не исключаящим вменяемости, которые не могли в полной мере осознавать характер и общественную опасность своего поведения или руководить им.

В свою очередь каждое лицо, совершившее преступное деяние, должно получить от имени государства не только соответствующую общественно-политическую, но, прежде всего, уголовно-правовую оценку в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления и причиненного вреда (ущерба) общественным отношениям. Не исключением в данном случае является и аномальный субъект преступления, разумеется, при доказанности его вины в совершении преступного деяния.

Таким образом, уголовная ответственность в отношении лиц с психическим расстройством, не исключаящим вменяемости, как и при полной вменяемости, наступает, когда лицом совершается конкретное общественно опасное деяние, так как и в первом, и во втором случаях налицо субъект преступления, который отсутствует при совершении уголовного деяния невменяемым лицом при наступлении или отсутствии вредных последствий.

Вместе с тем психическое расстройство, не исключаящее вменяемости, хотя и снижает возможность осознанно оценивать лицом общественную опасность своих действий либо руководить ими, однако не препятствует следствию и суду в каждом конкретном случае устанавливать его виновность, которая является и может служить условием для наступления уголовной ответственности. Поэтому при наличии признаков правонарушителя — возраста и вменяемости — можно говорить об аномальном субъекте преступления, совершившем общественно опасное деяние, и установлении его виновности с последующим привлечением к уголовной ответственности, а в дальнейшем и к наказанию.

Вопрос об уголовной ответственности в рассматриваемом нами случае возникает только тогда, когда есть субъект престу-

пления, в отношении которого установлена вина по поводу инкриминируемого ему общественно опасного деяния. Вина же в свою очередь устанавливается только в том случае, если лицо, совершившее преступление, вменяемо, на чем делает акцент законодатель в диспозиции ч. 1 ст. 22 УК РФ.

Следовательно, вменяемость рассматриваемого субъекта преступления предполагает, несмотря на психические отклонения, в то же время и определенную сумму психических и психологических возможностей осознанно совершать правонарушения различной степени общественной опасности, что и составляет ее внутреннее содержание. Даже наличие у такого лица психических расстройств, которые не дают ему возможности, как мы уже отмечали, в полной мере осознавать и понимать фактическую сторону, социальную значимость и общественную опасность своих преступных действий либо руководить ими, в отличие от невменяемого, позволяет говорить об установлении его виновности.

Определенную специфику в отношении аномальных субъектов преступления наряду с уголовной ответственностью имеет правильное применение к ним наказания, которое должно быть определено судом в соответствии с принципом справедливости (ст. 6) и общих начал его назначения (ст. 60) по УК РФ. В этом случае, хотя данная категория субъектов преступления и представляет определенную опасность для общества и его граждан, они вряд ли могут нести уголовное наказание наравне с психически здоровыми преступниками. Данное обстоятельство не исключает дифференцированного подхода к аномальному правонарушителю с учетом его психических отклонений и совершенного им общественно опасного деяния в каждом конкретном случае.

Вместе с тем в судебной практике допускаются грубые ошибки, связанные с нарушением требования, регламентированного ч. 2 ст. 22 УК РФ. В качестве примера можно привести следующее уголовное дело.

Тверским областным судом 7 августа 1997 г. Лебедев был осужден по п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ к лишению свободы сроком на 6 лет. Он признан виновным в умышленном причинении десятилетнему Янину вреда здоровью, опасного для его жизни. Вечером нетрезвый Лебедев поднимался на 9-й этаж своего дома, чтобы вернуть соседу деньги, взятые в долг. В это время к нему пошел подросток, который проживал в этом же доме, и стал про-

сдать у него деньги на жевательную резинку. Когда Лебедев отказал Янину, тот стал обзывать его обидной кличкой. Желая наказать мальчика, Лебедев спустил с Янина штаны и собирался его отшлепать, но так как ребенок продолжал его оскорблять и дальше, он с целью причинения тяжкого вреда здоровью стал душировать подростка, сжимая ему горло рукой. Увидев, что Янин захрипел и потерял сознание, Лебедев начал оказывать ему первую помощь, но в это время прибежали соседи по дому.

Судебной коллегией Верховного Суда РФ данный приговор в отношении Лебедева оставлен без изменения. Однако заместитель председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об изменении судебных решений и смягчении назначенного Лебедеву уголовного наказания до трех лет лишения свободы. В свою очередь Президиум Верховного Суда РФ этот протест совершенно справедливо удовлетворил, указав на ряд важных обстоятельств, которые не были учтены судами обеих инстанций.

В результате совершенного преступления Лебедевым — инициатором конфликта был Янин — у потерпевшего длительного нарушения здоровья не наступило. При этом Лебедев свою вину признал полностью и глубоко раскаялся в содеянном. Вместе с тем из материалов уголовного дела усматривается, что у Лебедева обнаружены признаки умственного недоразвития (олигофрении) в степени легкой дебильности. Данное заболевание, отраженное в заключении судебно-психиатрической экспертизы, не исключает для Лебедева возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, что дает основания считать его вменяемым в отношении инкриминируемого ему преступного деяния.

Однако при назначении наказания все эти обстоятельства и, в частности, то, что Лебедев страдает психическим расстройством, не исключаям вменяемости, и требования ч. 2 ст. 22 УК РФ указанными судами не были учтены.

Поэтому Президиум Верховного Суда РФ вынес абсолютно правильное решение: приговор Тверского областного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении Лебедева изменить, а меру наказания ему снизить до трех лет лишения свободы¹⁰⁷⁴.

Таким образом, совершение лицом с психическим расстройством, не исключаям вменяемости, преступления влечет как уголовную ответственность, так и отбывание наказания, а само психическое отклонение учитывается судом и может служить основанием согласно ч. 2 ст. 22 и ст. 97 УК РФ для назначения, как было отмечено, принудительных мер медицинского характера.

Проведенное исследование нового института в нашем уголовном законодательстве в рамках ст. 22 УК РФ, а также изучение судебно-психиатрической и судебно-следственной практики позволили прийти к выводу о необходимости проведения дальнейших комплексных исследований по изучению субъекта преступления с психическим расстройством, не исключаям вменяемости, а также вопросов уголовной ответственности и наказания в отношении данной категории лиц.

Не последнее место в связи с этим должно занимать и совершенствование уголовного закона, который требует своего принципиального уточнения и дополнения, а также закрепления в нем пограничного понятия между вменяемостью и невменяемостью, т. е. так называемого условно института «уменьшенной (ограниченной) вменяемости» и его критериев.

В целях обеспечения правильного применения законодательства, предусматривающего уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключаям вменяемости, представляется целесообразным Пленуму Верховного Суда РФ обобщить судебную практику и дать судам разъяснения и рекомендации по применению ст. 22 УК РФ.

Реализация данных предложений и ранее указанных в свою очередь позволит в судебно-следственной практике избежать имеющихся ошибок, а также более всесторонне, полнее и объективнее исследовать все обстоятельства дела в отношении лиц с психическим расстройством, не исключаям вменяемости, как субъектов преступления, которые при доказанности вины подлежат уголовной ответственности и наказанию в соответствии со ст. 22 УК РФ.

¹⁰⁷⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999 № 2. С. 10–11.
588

§ 6 Уголовная ответственность за совершение преступления в состоянии опьянения

Для исследования субъекта преступления в современном российском уголовном праве большое теоретическое и практическое значение имеет изучение вопросов уголовной ответственности лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии опьянения. Положение об ответственности за совершение преступления в состоянии опьянения в отечественном уголовном законодательстве нашло свое конкретное разрешение не сразу. По существу, длительное время уголовная ответственность была предусмотрена за совершение преступного деяния в состоянии алкогольного опьянения, которое по усмотрению суда могло быть признано отягчающим обстоятельством.

Вместе с тем согласно ст. 23 УК России 1996 г. уголовная ответственность наступает за совершение преступления не только в состоянии алкогольного опьянения, но также вызванного употреблением наркотических средств и одурманивающих веществ. Следовательно, любой вид опьянения по действующему законодательству не освобождает лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности и наказания.

Данное положение, которое в дальнейшем будет рассмотрено подробно, в принципе не вызывает особых возражений как в теории уголовного права, так и на практике, хотя, несомненно, требует и в дальнейшем изучения и исследования, поскольку имеет прямое отношение к проблеме субъекта преступления и различным уголовно-правовым институтам.

Среди многообразных видов антиобщественного (девиантно-го) поведения наиболее распространенным и достаточно живучим является пьянство, выражающееся в злоупотреблении спиртными напитками, которое особенно в последние годы приобрело широкие масштабы и которое, как правило, заканчивается болезненным состоянием — алкоголизмом, как злоупотребление наркотическими средствами — наркоманией, а одурманивающими веществами — токсикоманией. Следовательно, совершение преступления в состоянии любого опьянения представляет серьезную опасность как для всего общества, так и для граждан.

Не случайно этим социально негативным явлениям (пьянству, наркотизму, токсикотизму) и болезненным состояниям (алкоголизму, наркомании, токсикомании) посвящены многочисленные научные труды, криминологические и социологические исследования на различных этапах развития нашего государства¹⁰⁷⁵.

Однако, несколько сузив проблему нашего исследования, обратимся к истории вопроса, нашедшего свое отражение в отечественном уголовном законодательстве.

Если говорить о Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., то в них не предусматривалась ответственность за совершение преступления в состоянии опьянения, хотя такого рода вопросы на практике возникали.

Первый УК РСФСР 1922 г. в примечании к ст. 17 не предусматривал состояние опьянения обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, если лицо привело себя в такое состояние для совершения преступления. В свою очередь Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г., как и Руководящие начала 1919 г., не решали вопроса об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Вместе с тем принципиально важные положения данного вопроса, нашедшие отражение в УК РСФСР 1922 г., получили свое дальнейшее развитие в ст. 11 УК РСФСР 1926 г., в которой

¹⁰⁷⁵ *Лейкина Н. С.* К вопросу об основании ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Вестник ЛГУ. 1958. № 11; *Смирнов В. Г.* Основания уголовной ответственности и наказания за преступление, совершенное в состоянии опьянения // Вестник ЛГУ. 1964. № 11; *Бейсенов Б. С.* Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1981; *Антонов-Романовский Г. В.* Пьянство под запрет закона. М., 1985; *Миньковский Г. М., Побегайло Э. Ф., Ревин В. П.* Уголовно-правовые средства борьбы с пьянством, алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией. М., 1990; *Габбани А. А.* На краю пропасти: наркомания и наркоманы. М., 1990; *Ткачевский Ю. М.* Правовые аспекты борьбы с наркоманией и алкоголизмом. М., 1990; *Дунаевский В. В., Стяжкин В. Д.* Наркомании и токсикомании. Л., 1991; *Заиграев Г. Г.* Общество и алкоголь. М., 1992; *Гришко А. Я.* Правовые и криминологические проблемы социальной реабилитации хронических алкоголиков и наркоманов. Рязань, 1993; *Петрова Ф. Н.* Антиалкогольная политика в России: история и современность. СПб., 1996; *Криминология / Под ред. В. Н. Буракова, В. П. Сальникова, В. С. Степашина.* СПб., 1999, и др.

отмечалось, что лица, совершившие преступления в состоянии невменяемости, освобождаются от уголовной ответственности. При этом в примечании к данной статье особо указывалось, что действие настоящей нормы не распространяется на лиц, совершивших преступное деяние в состоянии опьянения.

Тем не менее проблема обоснования ответственности за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, получила свое более конкретное выражение и закрепление в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а в дальнейшем — в уголовных кодексах соответствующих субъектов советского государства.

Согласно ст. 12 Основ и ст. 12 УК РСФСР 1960 г. лица, которые совершили преступление в состоянии опьянения, не освобождались от уголовной ответственности. В данном случае речь шла об уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения. Согласно п. 10 ст. 39 УК 1960 г. совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, с учетом всех обстоятельств дела и характера самого преступного деяния могло быть по усмотрению суда признано как отягчающее обстоятельство. Однако это не предусмотрено в действующем УК РФ 1996 г.

В свою очередь положение действующего закона, что совершение преступления лицом в состоянии опьянения, которое вызвано употреблением не только алкоголя, но и наркотических средств, а также одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности, является новизной для нашего уголовного законодательства, требующей ее осмысления как теорией, так и практикой.

В связи с этим представляется целесообразным в первую очередь раскрыть смысл, вкладываемый законодателем в понятие «алкогольное опьянение», так как именно в данном состоянии лица чаще всего совершают самые различные общественно опасные деяния, что имеет принципиальное значение не только для привлечения субъекта преступления к уголовной ответственности, но и тогда, когда она отсутствует, если речь идет о патологическом опьянении, которое необходимо отличать от физиологического (простого) опьянения.

Решая вопросы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения, необходимо исходить из влияния и воздействия алкогольных напитков на общее состояние и психику лица, их употребившего. Алкоголь,

воздействуя на организм человека, поражает его сознание и волю тем сильнее, чем тяжелее степень опьянения. Не случайно некоторые лица, совершившие преступления в состоянии алкогольного опьянения, часто ссылаются на то, что они в данный момент ничего не понимали и не осознавали случившегося.

Физиологическое (простое) опьянение, разумеется, не может служить основанием для утверждения, что субъект преступления не осознавал своих противоправных действий и наступления вредных последствий. Обычно физиологическое опьянение наступает постепенно, а лицо, принимающее алкогольные напитки, осознает и понимает, что, употребляя их по своей воле при отсутствии насильственного принуждения, приводит себя в такое состояние. Поэтому в тех случаях, когда преступление совершает пьяный, как справедливо подметила Н. С. Лейкина, не исключается его вменяемость, так как в состоянии опьянения, как правило, налицо объективные и субъективные основания для уголовной ответственности, которая ни при каких условиях не может быть исключена при обычном опьянении¹⁰⁷⁶.

Вместе с тем при решении вопроса об уголовной ответственности, когда алкогольное опьянение, а также наркотическое и токсическое, наступило в результате насильственного, т. е. физического принуждения, произошедшего против воли лица, в некоторых случаях, при отсутствии вины в его действиях, может иметь место освобождение от уголовной ответственности. Правда, подобное положение действующим уголовным законодательством не регламентировано, хотя требует своего законодательного разрешения.

В состоянии физиологического опьянения полностью не искажается восприятие окружающего мира и объективной реальности, так как происходит лишь некоторое временное нарушение психической деятельности, которое прямо противоположно патологическому опьянению. Следовательно, при физиологическом опьянении, хотя и ослабляется функционирование тормозных процессов, происходящих в организме, и теряется контроль над своим поведением, однако у пьяного субъекта не только сохраняется непосредственный контакт с окружающей средой, но и его действия и поступки, как у любого нормального и трезвого человека, носят мотивированный характер.

¹⁰⁷⁶ Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 55.

Основное действие алкоголя — опьянение. Само же влияние и действие алкоголя на организм определяется не только количеством принятого спиртного, но и его крепостью. В судебно-психиатрической практике обычно принято различать простое алкогольное опьянение и патологическое опьянение. При этом простое алкогольное опьянение условно подразделяется на степени опьянения: 1) легкую; 2) среднюю и 3) тяжелую¹⁰⁷⁷.

При физиологическом (простом) опьянении хотя и появляются некоторые нарушения психики в зависимости от степени опьянения, однако они не влекут, как было отмечено, утраты способности понимать совершаемые действия и руководить ими не только в повседневном поведении при употреблении алкоголя, но и в момент совершения преступления, что не освобождает лицо от уголовной ответственности.

Для легкой степени опьянения, как описывается в литературе, характерны понижение восприятия окружающей среды, нарушение интеллектуальной сферы деятельности, расстройство внимания, замедленность реакции и процесса мышления, а также неустойчивость настроения и другие нарушения.

При средней степени опьянения, как правило, быстро нарушается внимание, отсутствует четкость восприятия и замедляется мыслительный процесс. Лица в данной степени опьянения довольно часто бывают злыми и агрессивными, что приводит к дракам, скандалам, совершению различных преступлений.

При тяжелой степени опьянения имеют место более серьезные нарушения функций головного мозга. В данном состоянии пьяный человек утрачивает способность к разумным поступкам и рассуждениям, появляется склонность к агрессивным разрушительным действиям. Тяжелая степень опьянения чаще всего выражается клинической картиной с последующим глубоким сном опьяневшего, засыпающего в самых различных местах. Воспоминания об опьянении, как правило, носят отрывочный характер¹⁰⁷⁸.

Особо следует обратить внимание на то, что при любой степени опьянения, даже при тяжелой, как отмечается в юридической литературе, и с этим следует согласиться, отсутствует ме-

дицинский критерий невменяемости, т. е. какое-либо психическое расстройство. Наряду с этим при физиологическом опьянении любой степени, как правило, отсутствует и юридический критерий невменяемости, так как опьянение не приводит к полному отсутствию контроля над сознанием и возможности руководить своими действиями¹⁰⁷⁹.

Следовательно, лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии физиологического опьянения любой степени, является субъектом преступления и не освобождается от уголовной ответственности, так как в его действиях отсутствуют как медицинский, так и юридический критерии невменяемости, хотя у лица и нарушаются психические процессы, которые не являются болезненным состоянием, как при патологическом опьянении. При этом лицо, находящееся в состоянии алкогольного опьянения, может совершить самые различные правонарушения, вплоть до тяжкого и особо тяжкого преступления.

Так, в апреле 1998 г. около 22 часов гражданка А. после совместного распития спиртных напитков со своим сожителем Б., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры, возникшей между ними на почве личных отношений, умышленно, с целью убийства нанесла потерпевшему четыре ножевых удара в различные части тела. Подсудимая вину свою полностью признала, показав, что она в течение дня вместе с Б. употребляла спиртные напитки. В процессе возникшей между ними ссоры на почве ревности Б. несколько раз ударил ее кулаком по голове и телу. Не выдержав такого к ней отношения, она схватила со стола нож и три раза ударила обидчика ножом в грудь, а когда он нагнулся вперед — нанесла потерпевшему четвертый удар ножом в область правого предплечья.

От полученных колото-резаных повреждений, которые согласно заключению судебно-медицинской экспертизы были нанесены со значительной силой, Б. скончался утром на следующий день. Таким образом, А. совершила убийство, т. е. умышленное причинение смерти другому человеку, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ.

¹⁰⁷⁷ Судебная психиатрия / Под ред. Г.В. Морозова. М., 1997. С. 230.

¹⁰⁷⁸ Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 52–53; Бейсенов Б. С. Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. С. 91; Судебная психиатрия. М., 1997. С. 230; и др.

¹⁰⁷⁹ Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 78; Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. Г. А. Кригера и др. М., 1988. С. 99–100; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. В. Наумова. М., 1996. С. 84; Курс уголовного права. Общая часть / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. Т.1. С. 232; и др.

Вместе с тем при проведении предварительного расследования и в суде в период инкриминируемых ей действий установлено, что А. не находилась в состоянии аффекта, а также не обнаруживала признаков хронического психического заболевания и временного расстройства психической деятельности.

Не пребывала она и в состоянии патологического опьянения, в связи с чем могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Приняв во внимание все обстоятельства совершенного преступления, а также противоправное поведение самого потерпевшего, суд справедливо признал гражданку А. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, т. е. в убийстве¹⁰⁸⁰.

Итак, как мы уже ранее отмечали, состояние физиологического опьянения необходимо отличать от патологического, которое является кратковременным психическим расстройством, возникшим на почве злоупотребления алкоголем. Вместе с тем патологическое опьянение должно отграничиваться от тяжелой степени физиологического опьянения, которое качественно отличается от кратковременного психического расстройства.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для решения вопросов о привлечении лиц, совершивших самые разные преступления в состоянии опьянения, к уголовной ответственности или освобождении от нее, когда речь идет о состоянии невменяемости при патологическом опьянении.

В психиатрии патологическое опьянение относится к группе острых кратковременно протекающих психических расстройств. Оно возникает в результате приема не только значительных, но и малых доз алкоголя. Для данного состояния характерно внезапно наступающее изменение сознания. В клинической картине патологического опьянения сочетаются, как правило, признаки сумеречного помрачения сознания и галлюцинаторно-бредовые переживания, в результате чего возникает искаженное восприятие окружающего. Совершаемые в состоянии патологического опьянения преступные действия не являются реакцией на какие-либо имеющие место реальные события. Заканчивается патологическое опьянение обычно внезапно, так же как и начинается.

Иногда оно переходит в сон, после которого чаще всего наступает полная амнезия, но могут сохраняться отрывочные воспоминания о пережитом¹⁰⁸¹.

Такое поведение лица, находящегося в состоянии патологического опьянения, объясняется, прежде всего, болезненным искаженным восприятием окружающей среды, в которой находится данное лицо, немотивированным и довольно часто агрессивным поведением. Таким образом, в судебно-психиатрической практике, на что уже обращалось внимание, патологическое опьянение рассматривается как кратковременный психоз, а лица, совершившие общественно опасное деяние, в данном состоянии признаются невменяемыми, если имеет место совокупность медицинского и юридического критериев. В этом случае лицо не признается субъектом преступления.

Следовательно, если лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии физиологического опьянения, как мы уже ранее отмечали, является субъектом преступления и несет уголовную ответственность, так как оно признается вменяемым, то в состоянии патологического опьянения при установлении судом его невменяемости уголовная ответственность в отношении данного лица исключается.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что совершение преступлений в состоянии алкогольного опьянения представляет большую общественную опасность как для государства, так и для его граждан. Не случайно между пьянством и преступностью существует тесная связь.

Криминальная напряженность в обществе усугубляется не только с общей алкоголизацией населения, в частности преступного элемента, она напрямую связана и с совершением лицами в состоянии алкогольного опьянения тяжких и особо тяжких преступлений.

Судебно-следственная практика свидетельствует, что правоохранительными органами не в полной мере применяется уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, в частности в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ и т. п. (ст. 151 УК РФ), где субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста. Само же преступное

¹⁰⁸⁰ Дело № 1-2076/1998 // Архив Федерального суда Кировского района Санкт-Петербурга за 1998 г.
596

¹⁰⁸¹ Судебная психиатрия / Под ред. Я.М.Калашника. М., 1961. С.279.

деяние предполагает склонение несовершеннолетнего к употреблению алкоголя и одурманивающих веществ не менее трех раз в течение непродолжительного периода.

В связи с этим следует заметить, что в результате широкого распространения пьянства среди молодежи многие учащиеся среднеобразовательных учебных заведений начинают употреблять спиртные напитки уже в 15–16 лет, затем часть из них бросает учебу, не проявляя какого-либо интереса и к общественно полезному труду. Несмотря на снижение числа детей, употребивших спиртные напитки и принявших участие в совершении преступлений, на 29,4 %, количество несовершеннолетних, к которым применены меры воздействия за распитие спиртных напитков или появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, возросло за пятилетие на 87,4 % (с 162,2 до 303,9 тыс.)¹⁰⁸².

Нельзя не отметить, что отсутствие в УК РФ специальных норм, предусматривавших по УК РСФСР 1960 г. уголовную ответственность за нарушение правил торговли спиртными напитками (ст. 156¹), а также за изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки (ст. 158) и других преступлений, связанных с пьянством, порождает бесконтрольность и пассивность со стороны правоохранительных органов в предупреждении пьянства и алкоголизма на современном этапе борьбы с преступностью.

Изложенное настоятельно указывает на необходимость укрепления законодательной базы в предупреждении и искоренении пьянства не только на общесоциальном, но и на специально-криминологическом уровне, так как данное социально негативное явление, тесно связанное с преступностью, в свою очередь является питательной средой для нее, и здесь не последнюю роль играет алкогольное опьянение. Вместе с тем уголовная ответственность за совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, нашедшая свое законодательное закрепление, требует более четкого уголовно-правового оформления, а также дальнейшего изучения и исследования специалистами самых различных направлений наряду с криминалистами и представителями медицины.

Однако под опьянением в ст. 23 УК РФ понимается состояние, вызванное не только употреблением алкоголя, но и потреблением наркотических средств или одурманивающих веществ. Последние виды опьянения, как мы уже отмечали, представляют собой новшество для отечественного уголовного законодательства и имеют принципиальное отличие, с точки зрения медицины, от алкогольного опьянения.

Следовательно, согласно ст. 23 УК РФ лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии наркотического опьянения, если оно является субъектом преступления, от уголовной ответственности не освобождается.

Состояние наркотического опьянения обычно наступает при употреблении лицом или воздействии на организм наркотических средств, которые могут являться как лекарственными, так и нелекарственными. Поэтому данное опьянение связано с потреблением внутрь в виде таблеток, порошка, путем инъекций, вдыхания порошка через нос, курения и т. п. наркотических средств, которыми признаются вещества растительного и синтетического происхождения, а также лекарственные препараты, содержащие наркотики.

Согласно Федеральному закону «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 10 декабря 1997 г. под наркотическими средствами понимаются вещества синтетического или естественного происхождения, а также препараты и растения, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и т. п., которые подлежат контролю в России в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами¹⁰⁸³.

К наиболее распространенным наркотическим средствам согласно списку, который содержит три перечня, в настоящее время, например, относятся: гашиш (анаша), героин, каннабис (марихуана), кодеин, кокаин, концентрат из маковой соломы, эфедрин, морфин, тебаин, опий, промедол, амфетамин, метаквалон, проперидин и др.¹⁰⁸⁴, которые имеют стимулирующее или возбуждающее воздействие на организм, в частности, на центральную нервную систему.

¹⁰⁸² Преступность несовершеннолетних в России (1993–1997 гг.): Статистический сборник. М., 1998. С. 5. 598

¹⁰⁸³ Криминальный вестник. 1998. № 3–4.

¹⁰⁸⁴ Законодательство о незаконном обороте наркотиков / Под ред. Г.В. Зазулина. СПб., 1998. С. 93, 98.

К наркосодержащим растениям, что общеизвестно, относятся: опийный мак, конопля южночуйская, южноманьчжурская, южноархонская, индийская и другие разновидности конопли и наркосодержащих растений, используемых для приготовления наркотических средств и их употребления¹⁰⁸⁵.

В свою очередь наркотические лекарственные препараты в основном используются в лечебных целях и отпускаются больным гражданам по рецептам врачей в индивидуальном порядке.

Наркотическое опьянение имеет свои особенности, в отличие от алкогольного, и по внешним проявлениям чаще всего может быть определено как эйфорическое. Оно также характеризуется вялостью и сонливостью, часто бессмысленным выражением лица, монотонной и неясной речью. Картина поведения в целом, как отмечается в специальной литературе, напоминает и похожа на поведение лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, однако запах алкоголя изо рта отсутствует. Сам субъект становится вялым и малоподвижным, отгороженным от окружающего. Субъективно данные лица испытывают или переживают блаженство, так как все окружающее представляется им далеким и нереальным, не имеющим к ним отношения. Нередко наркотическое опьянение сопровождается галлюцинаторными переживаниями¹⁰⁸⁶.

Следует также отметить, что, как и при алкогольном опьянении, осознанность своего поведения и контролируемость поступков у лица, находящегося в данном состоянии, сохраняется. Вместе с тем, как отмечает И. Н. Пятницкая, характер и сила состояния эйфории находятся, как правило, в прямой зависимости от вида и дозы наркотического средства и продолжительности и частоты его приема, а также индивидуальных психических особенностей личности и ее отношения к тому или иному наркотику. Например, внутренний прием опия и морфина сопровождается почти мгновенным ощущением тепловой волны, которая длится в течение минуты, а затем состоянием эйфории¹⁰⁸⁷.

Состояние эйфории, т. е. наркотическое опьянение, может также наступать и в результате курения гашиша, марихуаны и других наркотических средств. Обычно через несколько минут

после приема указанных наркотиков путем курения, как свидетельствует практика, наступает довольно сильное возбуждение, лицо не в состоянии всегда контролировать себя, свои поступки, оно весело, суетливо, беспрестанно двигается, произносит непонятные речи, у него искажается чувство времени и пространства. В данном состоянии лицо становится опасным для окружающих и может совершить какое-либо преступление¹⁰⁸⁸.

При этом лицо, совершившее преступление в состоянии наркотического опьянения, как мы уже неоднократно отмечали, в связи с указанием закона (ст. 23 УК РФ) не освобождается от уголовной ответственности. Оно в данном случае является субъектом преступления, как и при физиологическом алкогольном опьянении.

Вместе с тем вопросы уголовной ответственности за совершение преступления в состоянии наркотического, как и алкогольного опьянения, вызванного насильственным, против воли лица, потреблением наркотических средств, действующим УК РФ не регламентированы.

Далее следует отметить, что немедицинское потребление наркотических средств и злоупотребление ими принимает характер заболевания, которое называется наркоманией. Специфика наркомании как заболевания, проявляющегося в постоянном влечении к приему наркотиков, а также психической и физической зависимости от них, как и алкоголизм, приводит к глубоким изменениям личности и истощению функций организма. При этом особенность наркомании позволяет рассматривать ее не только как болезнь, но и как своеобразную проблему, причиняющую огромный вред личности и обществу.

Следовательно, наркомания представляет собой болезнь, которая требует медицинского вмешательства, а в отношении лица, злоупотребляющего наркотическими средствами, совершившего преступление, наряду с уголовным наказанием в соответствии со ст. 97 УК РФ суд может применить принудительную меру медицинского характера в виде принудительного лечения от наркомании.

Показательно в этом отношении уголовное дело по обвинению гражданина Д. в совершении им в 1996 г. преступлений,

¹⁰⁸⁵ Там же. С. 93, 98.

¹⁰⁸⁶ Судебная психиатрия / Под ред. Г.В. Морозова. М., 1986. С. 245; Дунаевский В. В., Стяжкин В. Д. Наркомании и токсикомании. С. 109–110.

¹⁰⁸⁷ Пятницкая И. Н. Клиническая наркомания. Л., 1975. С. 19, 60.

¹⁰⁸⁸ Федотов Д. Д. Современное состояние и перспективы разработки проблемы лечения и профилактики неалкогольных токсикоманий //Алкоголизм и токсикомания. М., 1968. С. 178.

предусмотренных УК РСФСР: ч. 2 ст. 145 — грабеж и ч. 3 ст. 224 — незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или сбыт наркотических средств.

Подсудимый Д. вину свою в совершении инкриминируемых ему деяний признал полностью, пояснив, что данные преступления совершил, так как находился в наркотической зависимости и готов понести наказание и пройти курс лечения от наркомании. Проведенной судебно-психиатрической экспертизой было установлено, что Д. психическим заболеванием не страдает, однако обнаруживает психотические черты характера, а также признаки наркомании.

В период совершения преступления Д. не обнаруживал признаков временного психического расстройства, связанного с употреблением наркотиков, а потому мог осознавать свои действия и руководить ими, являясь, таким образом, вменяемым.

На основании ст. 10 УК РФ, переqualифицировав действия Д. с ч. 2 ст. 145 УК РСФСР на п. «а» и п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ по признакам совершения грабежа группой лиц по предварительному сговору и с незаконным проникновением в жилище, суд наряду с наказанием в виде лишения свободы условно, в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 97 УК РФ применил к Д. принудительные меры медицинского характера, обязав его пройти курс лечения от наркомании в наркологическом диспансере по месту жительства¹⁰⁸⁹.

Как показывают исследования, среди лиц, злоупотребляющих наркотиками, почти $\frac{2}{3}$ наркоманов — молодежь, из которых несовершеннолетние составляют 43 %¹⁰⁹⁰, и эти показатели из года в год увеличиваются, представляя серьезную угрозу для общества и государства в целом.

Вместе с тем ст. 23 УК РФ, на что мы уже обращали внимание, предусматривает уголовную ответственность не только за совершение преступления в состоянии физиологического и наркотического опьянения, но и за состояние, которое может быть достигнуто и при воздействии на организм человека одурманивающих веществ.

¹⁰⁸⁹ Дело № 1–150/198 // Архив Федерального суда Кировского района Санкт-Петербурга за 1998 г.

¹⁰⁹⁰ Шабский В. А. Наркотизм несовершеннолетних (правовой и криминологический аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 2–3.

К одурманивающим веществам относятся лекарственные препараты, не являющиеся наркотическими средствами: димедрол, типольфен, эфир, эфрин, теофедрин, седуксен, триоксазин, элениум, фназепам, хлороформ и др., которые при приеме без разрешения врача и в недозволенных дозах могут оказать одурманивающее воздействие на организм человека и вызвать состояние опьянения.

Следует также отметить, что достаточно большую группу влекущих одурманивание веществ, которые не относятся к медицинским (лекарственным) препаратам, образуют, в частности, средства хозяйственно-бытового назначения, токсичные вещества и различные летучие растворители: ацетон, бензин, бензол, толуол, дихлофос, карбофос, хлорэтил и средства бытовой химии, а также различные лаки, краски, клеи и т. п. вещества, обладающие повышенными одурманивающими свойствами.

При их вдыхании перечисленные вещества воздействуют на организм человека и вызывают одурманивающее состояние. При этом к подобному состоянию может привести не только вдыхание паров различных растворителей, ацетона, бензина, выхлопного газа от работающего двигателя автомашины, клея «Момент», летучих ароматических веществ и самых различных жидкостей, используемых в промышленности, и других химических соединений, но и употребление лекарственных средств вместе со спиртными напитками. В последнем случае речь идет о смесях, например димедрола с алкоголем, барбитурато-алкогольной смеси, клофелина, т. е. алкогольных смесей любой концентрации, употребляемых для усиления состояния одурманивания (опьянения).

Так, картина опьянения, вызванная барбитуратами (снотворными средствами), как отмечается в медицинской литературе, чаще всего напоминает по внешним признакам алкогольное опьянение, а лицо испытывает приятное состояние эйфории, а также общего соматического благополучия. Оно становится расторможенным, довольно развязным, многословным, грубым и навязчивым¹⁰⁹¹.

Далее следует отметить, что частое использование одурманивающих веществ может привести человека к токсикомании, как употребление спиртными напитками приводит к

¹⁰⁹¹ Дунаевский В. В., Стяжкин В. Д. Наркомании и токсикомании. С. 140; Судебная психиатрия / Под ред. Г.В. Морозова. С. 253; и др.

алкоголизму, а наркотическими средствами — к наркомании. Следовательно, токсикомания представляет собой также заболевание, но уже вызванное злоупотреблением одурманивающими лекарственными или нелекарственными веществами различной природы, которые не являются наркотическими средствами, но обуславливают привыкание (зависимость).

Акцентируем еще раз внимание на том, что, как при физиологическом и наркотическом опьянении, так и при одурманивающем состоянии (опьянении), виновное лицо согласно закону не освобождается от уголовной ответственности за совершенное преступление. При установлении вменяемости и соответствия закону возраста лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии токсического опьянения, оно признается субъектом преступления.

Далее следует отметить, что в судебной практике в настоящее время при вынесении приговоров (в Новосибирской, Астраханской и других областях) имеют место случаи расширенного толкования судами отягчающих обстоятельств, в частности относительно совершения преступления в состоянии опьянения. В связи с этим Пленум Верховного Суда РФ дает разъяснение судам, исходя из положения ч. 3 ст. 60 УК РФ, что указанные обстоятельства (алкогольное, наркотическое и токсическое опьянение) могут учитываться судом, как правило, при оценке данных, характеризующих личность¹⁰⁹².

Само указание закона (ст. 23 УК РФ) об уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, и отсутствие его в перечне обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63), скорее, носит превентивный, а не репрессивный характер. Вместе с тем, как свидетельствует уголовная статистика и судебно-следственная практика, за последние годы в России и на региональных уровнях количество совершаемых преступлений в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, а также связанного с употреблением одурманивающих веществ, особенно среди несовершеннолетних, из года в год увеличивается. Данное обстоятельство представляет серьезную угрозу не только для нашего общества и государства, но и для всех граждан России, в частности для детей и молодежи, т. е.

¹⁰⁹² Лебедев В. М. О некоторых вопросах назначения судами наказания // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 9. С. 4. 604

когда речь идет о преступности несовершеннолетних и молодежной преступности.

Вышеизложенное позволяет сделать предложение, направленное на совершенствование уголовного законодательства и эффективность его применения в рамках рассматриваемой проблемы, об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения.

В связи с этим представляется целесообразным в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), включить пункт в следующей редакции: «Совершение преступления лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения. Суд вправе, в зависимости от характера совершенного преступления, не признать это обстоятельство отягчающим наказанием».

§ 7 Специальный субъект

Наряду с существованием в уголовном праве общего понятия «субъект преступления», признаки которого нашли законодательное закрепление в ст. 19, 20, 22 УК РФ (физическое лицо, возраст, вменяемость), существует понятие «специальный субъект преступления», обладающий дополнительными свойствами, присущими определенной категории лиц, совершивших общественно опасное деяние.

В действующем уголовном законодательстве отсутствует понятие специального субъекта преступления. Не было его и в уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926 и 1960 г. г.

Даже в юридической литературе, в частности уголовно-правового характера, проблеме специального субъекта отводилось мало внимания. В науке отечественного уголовного права, как справедливо отмечает В. В. Устименко, разработка понятия специального субъекта преступления наиболее активно началась только с конца 50-х годов¹⁰⁹³.

В последующем важный вклад в исследование этой проблемы внесли ученые-юристы В. С. Орлов, А. А. Пионтковский, Ш. С. Рашковская, А. М. Лазарев, Г. Н. Борзенков, Р. Орымбаев, В. В. Устименко и др. Вместе с тем, несмотря уже на опреде-

¹⁰⁹³ Устименко В. В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1989. С. 7-8.

ленный интерес к этой проблеме, в науке уголовного права довольно крупных исследований специального субъекта преступления практически не имеется, за исключением монографий Р. Орымбаева (1977) и В. В. Устименко (1989)¹⁰⁹⁴.

На одну из сторон этой проблемы было обращено внимание И. И. Карпецом, который отмечал, что, когда с особой остротой возникает вопрос о профессиональной пригодности людей, работающих с техникой, в уголовном праве проблема о специальном субъекте преступления рассматривается весьма ограниченно¹⁰⁹⁵.

Специфика совершения отдельных видов преступлений предполагает, что в соответствии с положениями закона субъект в каждом конкретном случае должен обладать дополнительными признаками, или свойствами, для выполнения объективной стороны преступления.

Данное обстоятельство дает возможность определить специальный субъект преступления и играет существенную роль для более правильной квалификации общественно опасных деяний. Само же уяснение понятия специального субъекта преступления имеет важное как теоретическое, так и практическое значение в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Так, при квалификации преступлений против государственной власти, преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, преступлений, направленных против военной службы и др., существенно установление, или выявление, в первую очередь специальных признаков субъектов, совершивших эти преступления.

Однако по определению специального субъекта преступления в уголовно-правовой литературе нет единого мнения. Одни ученые специальным субъектом считают лицо, не только обладающее свойствами общего субъекта, но и наделенное дополнительными, присущими только ему качествами (В. С. Орлов, А. А. Пионтковский,

А. М. Лазарев, Г. Н. Борзенков)¹⁰⁹⁶. Другие главный акцент делают на более характерных особенностях специального субъек-

екта, нашедших отражение в диспозициях соответствующих статей Уголовного кодекса. Так, по мнению Н. С. Лейкиной и Н. П. Грабовской, специальными называются такие субъекты, которые обладают конкретными особенностями, указанными в диспозиции статьи. При этом признание некоторых лиц специальными субъектами обусловлено, прежде всего, тем, что вследствие занимаемого ими положения они уже могут совершать преступления, которые не могут быть совершены иными лицами¹⁰⁹⁷.

Имеет место в юридической литературе при определении специального субъекта и другая точка зрения — ограничительного характера, когда значительно суживается круг лиц, подлежащих уголовной ответственности, при наличии тех или иных дополнительных признаков субъекта преступления. Так, по утверждению Ш. С. Рашковской и Р. Орымбаева, специальным субъектом преступления является лицо, которое кроме необходимых признаков общего субъекта (возраст и вменяемость), предусмотренных в законе, должно еще обладать особыми дополнительными признаками, дающими возможность привлечь данное лицо к уголовной ответственности за совершение преступления¹⁰⁹⁸.

При этом следует сказать, что, несмотря на неоднозначный подход в определении понятия специального субъекта, в уголовном праве большинство авторов едины в том, что кроме общих признаков, предусмотренных в законе, лицо, совершившее преступление, должно еще обладать и дополнительными, присущими только ему признаками (свойствами). Следует согласиться с В. В. Устименко, который справедливо отмечает, что разное понимание в определении составов преступлений со спе-

---

М., 1970. С. 208; Лазарев А. М. Субъект преступления. М., 1981. С. 9; Ермакова Л. Д. Специальный субъект преступления // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. / Под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 214; Борзенков Г. Н. Специальный субъект преступления // Курс уголовного права. Т. 1. / Под. ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 284; и др.

¹⁰⁹⁷ Лейкина Н. С., Грабовская Н. П. Субъект преступления // Курс советского уголовного права. Т. 1. / Под ред. Н. А. Беляева и М. Д. Шаргородского. Л., 1968. С. 389–390; Владимиров В. А., Левицкий Г. А. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1964. С. 8; и др.

¹⁰⁹⁸ Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1972. С. 202; Орымбаев Р. Специальный субъект преступления / Под ред. Ш. С. Рашковской. С. 46.

---

¹⁰⁹⁴ Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1977; Устименко В. В. Специальный субъект преступления. С. 7.

¹⁰⁹⁵ Карпец И. И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 150.

¹⁰⁹⁶ Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 138. Курс советского уголовного права Т. 2. / Под ред. А. А. Пионтковского. 606

циальным субъектом вызвано не только возрастанием количества таких составов, но и различиями в трактовке самого понятия специального субъекта и его признаков¹⁰⁹⁹.

Разное понимание специального субъекта преступления обусловлено, на наш взгляд, еще и тем, что в теории многие ученые, занимающиеся данной проблемой, вкладывают в его содержание большое количество признаков, которые, по существу, и порождают многообразие взглядов в определении самого понятия данного субъекта. Такое положение, напрямую связанное с вопросами квалификации и ответственности, вызывает определенные трудности в судебной-следственной практике. При этом классификация дополнительных признаков специального субъекта преступления в уголовно-правовой литературе представлена самая разнообразная.

Так, раскрывая природу специального субъекта преступления, Р. Орымбаев подразделяет его признаки на следующие группы:

- 1) признаки, которые характеризуют правовое положение лица;
- 2) демографические признаки, определяющие физические свойства личности преступника;
- 3) признаки, указывающие на должностное положение, характер выполняемой работы и какую-либо профессию лица;
- 4) признаки, характеризующие лицо, занимавшееся в прошлом антисоциальной деятельностью, а также наличие повторности преступлений¹¹⁰⁰.

Классификация признаков специального субъекта преступления, предложенная Л. Д. Ермаковой, также условна и не является исчерпывающей. Так, основные признаки специального субъекта она группирует: по государственно-правовому положению; демографическому признаку; семейно-родственным отношениям; должностному положению; характеру выполняемой работы; отношению к военной службе; характеру обязанностей граждан в отношении государства; особому положению лица,

связанного с совершением какого-либо преступления, и другим признакам¹¹⁰¹.

В свою очередь Г. Н. Борзенков подразделяет признаки специального субъекта преступления на три большие группы, характеризующие:

- 1) социальную роль, а также правовое положение субъекта;
- 2) физические свойства лица, совершившего преступление;
- 3) взаимоотношение субъекта с потерпевшим¹¹⁰².

Наиболее многочисленной из представленных групп, как и во многих других классификациях, является первая группа, объединяющая специальных субъектов по следующим признакам: гражданство (гражданин РФ, иностранец, лицо без гражданства); должностное положение лица, профессия (врач, водитель, педагог); род занятий; разновидность представителя власти (следователь, судья, прокурор, депутат); участник судебного процесса (свидетель, потерпевший, переводчик, эксперт); отношение к военной службе (военнослужащий); отношение лица к судимости и т. п.

Вторую, значительно меньшую, группу образуют признаки специального субъекта, которые характеризуют его социально-демографические данные (пол, возраст, состояние здоровья и т. п.).

Третья группа признаков специального субъекта, как уже было отмечено, содержит и отражает особенности, характеризующие отношение данного лица с потерпевшим и другими лицами¹¹⁰³.

Данная классификация признаков специального субъекта, разумеется, как и предыдущая, также условна и не бесспорна. Так, к многочисленным признакам специального субъекта Г. Н. Борзенков относит судимость за однородное преступление¹¹⁰⁴. Представляется, что с этим утверждением вряд ли можно согласиться, так как судимость лица не является дополнительным признаком субъекта преступления. Судимость правильнее рассматривать как признак или особенность уголовно-правовой характеристики личности преступника, которая в большинстве

¹⁰⁹⁹ Устименко В. В. Специальный субъект преступления. С. 7.

¹¹⁰⁰ Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. С. 49–59. Данную точку зрения автора в этом вопросе разделяют В. В. Труфанов и С. Ф. Милуков (см. рецензию на монографию Р. Орымбаева «Специальный субъект преступления»//Правоведение. 1980. № 3. С. 109–110).

¹¹⁰¹ Ермакова Л. Д. Специальный субъект преступления. С. 217.

¹¹⁰² Курс уголовного права Т.1 / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. С. 292.

¹¹⁰³ Там же. С. 292 – 293.

¹¹⁰⁴ Там же. С. 293.

своем свидетельствует о его повышенной общественной опасности. В данном случае следует говорить о свойствах личности преступника, так как судимость, как правило, определяет устойчивую антиобщественную направленность лица, которое вновь совершает преступное деяние. При этом существование в уголовном праве понятия специального субъекта, прежде всего, обусловлено спецификой совершения отдельных видов преступлений и самого субъекта, наделенного дополнительными признаками.

Давая понятие специального субъекта, В. В. Устименко особо отмечает, что специальный субъект преступления — это такое лицо, которое обладает наряду с вменяемостью и возрастом еще и иным, дополнительным признаком, предусмотренным в уголовном законе или прямо вытекающим из него, ограничивающим круг лиц, несущих ответственность по данному закону¹¹⁰⁵.

Вызывает определенный интерес классификация признаков специального субъекта в УК Франции 1992 г., которые по своему содержанию весьма разнообразны и могут быть подразделены на три группы.

К первой группе относятся признаки, характеризующие правовое положение лица, а также выполняемые им функции (гражданство, служебное или должностное положение, профессия или род занятий, лицо, участвующее в судебном процессе, лицо, которое осуждено или заключено под стражу, и т. п.).

Ко второй группе относятся признаки субъекта, отражающие его демографические особенности (пол, возраст и др.).

К третьей группе признаков относятся особенности субъекта, характеризующие его отношения с потерпевшим (брачно-семейные, родственные и другие отношения)¹¹⁰⁶.

Следует отметить, что некоторые признаки специального субъекта данной классификации и ранее рассмотренных в какой-то степени перекликаются, что свидетельствует об общих подходах в исследовании данной проблемы как отечественных, так и зарубежных ученых.

В связи с этим подавляющее большинство исследователей в определении понятия специального субъекта преступления де-

лают акцент на наличии в нем дополнительных признаков, позволяющих отграничивать его от общего субъекта.

В действующем УК РФ 1996 г. содержится 43 % статей со специальным субъектом преступления. Из них 32 % преступлений законодателем сконструированы как основные составы, а 11 % можно отнести к квалифицированным.

Наиболее характерны разделы с ярко выраженными признаками специального субъекта, например: преступления, направленные против государственной власти, — 11 %; преступления против личности — 9 %; преступления, посягающие на общественную безопасность и общественный порядок, — 8 %; а также группа преступлений, направленных против военной службы, — 8 %¹¹⁰⁷.

По данным другого исследования, количество статей Особенной части УК РФ 1996 г. со специальным субъектом составляет около 40 %¹¹⁰⁸, что также свидетельствует о сложном и неоднозначном подходе в его определении.

Особо следует отметить, что в УК РФ имеется много норм, в которых специальным субъектом преступления является должностное лицо. Признаки его определены в примечании к ст. 285 УК РФ. Так, основные традиционные составы со специальным субъектом следующие: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ) и др. Хотя понятие должностного лица более детализировано, по сравнению с понятием, которое имело место в примечании к ст. 170 УК РСФСР 1960 г., тем не менее и оно требует некоторого уточнения в части, касающейся признаков должностного лица.

К новым составам со специальным субъектом преступления относятся, например, следующие преступные деяния: отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ), воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ), отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации (ст. 287 УК РФ), фальсификация

¹¹⁰⁵ Устименко В. В. Специальный субъект преступления. С. 23.

¹¹⁰⁶ Крылова Н. Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. М., 1996. С. 47.

¹¹⁰⁷ Павлов В. Г. Субъект преступления. С. 203.

¹¹⁰⁸ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Б. В. Здравомыслова. С. 241.

доказательств (ст. 303 УК РФ), планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ) и др.

Специальными субъектами преступлений нередко бывают представители власти, правоохранительных или контролирующих органов, являющиеся должностными лицами. Представители власти в установленном законом порядке от имени государства по отношению к другим гражданам наделены определенными функциями и полномочиями. Так, к данной категории лиц относятся: депутаты любого уровня, главы администраций, мэры городов, работники органов надзора в различных сферах деятельности и т. п.

К представителям власти согласно закону (примечание к ст. 318 УК РФ — применение насилия в отношении представителя власти) относятся: прокурор, следователь или лицо, производящее дознание, когда речь идет о привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ) или незаконном освобождении от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), а также судья, который вынес заведомо неправосудный приговор, решение или иной судебный акт (ст. 305 УК РФ).

Специальными субъектами согласно ст. 307 УК РФ, предусматривающей ответственность за дачу заведомо ложных показаний, являются свидетели, потерпевшие, эксперт и переводчик. Достаточно яркими признаками специального субъекта преступления обладают лица, осужденные по приговору суда к уголовному наказанию и совершившие преступление по месту их отбытия, например побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ), дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), и др.

Иногда закон не указывает прямо на специального субъекта преступления, обладающего дополнительными признаками, и тогда это лицо следует устанавливать по характерным особенностям профессии, роду работы, занимаемого положения в социальном плане, его обязанностей, полномочий и по другим признакам, о которых мы уже частично упоминали.

Так, специальным субъектом преступления по ст. 263 УК РФ — нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта — может быть лицо, которое в силу выполняемой работы или за-

нимаемой должности обязано соблюдать правила безопасности и эксплуатации указанных видов транспорта.

Специальным субъектом будет и лицо, обязанное по закону оказывать помощь больным. Как правило, ими являются врачи, в отношении которых наступает уголовная ответственность по ст. 124 УК РФ за неоказание помощи больному, а также за преступление, предусмотренное ст. 128 УК РФ, — незаконное помещение в психиатрический стационар.

В основе определения специального субъекта преступления могут иметь место социально-демографические особенности, вытекающие из смысла самого закона. Например, при изнасиловании (ст. 131 УК РФ) специальным субъектом преступления является лицо мужского пола, совершившее половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей либо к другим лицам, а также использованием им беспомощного состояния потерпевшей.

Признаки специального субъекта вытекают из смысла закона и тогда, когда имеет место вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) и вовлечение указанного лица в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ). В этих составах специальным субъектом может быть только лицо, достигшее 18-летнего возраста. В свою очередь ч. 1 ст. 157 УК РФ предусматривает ответственность за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей, где специальным субъектом являются родители.

С установлением впервые в отечественном уголовном законодательстве ответственности за преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ) возникает необходимость уточнения субъекта данного общественно опасного деяния. Речь в этом случае идет о разграничении общего и специального субъектов преступлений, предусмотренных ст. 272 — 274 УК РФ, путем определения их признаков, так как в теории и практике этот вопрос решается неоднозначно. В свою очередь правильное установление признаков лиц, совершающих компьютерные преступления, позволит избежать в судебной практике ошибок при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности.

При применении ч. 1 ст. 272 УК РФ, предусматривающей ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, где субъект преступления общий, т. е. любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, опре-

деление субъекта преступления не вызывает особых затруднений.

Однако при квалифицированном составе преступления (ч. 2 ст. 272 УК РФ), которое совершается лицом, использующим своего служебное положение и имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, скорее, следует говорить о специальном субъекте преступления, так как лица, о которых идет речь, обладают дополнительными признаками. Это, как правило, лица государственной или другой организации, пользующиеся информацией на законном основании и непосредственно решающие задачи в режиме эксплуатации или обработки баз данных, а также по специфике своей деятельности имеющие право работы на компьютерах и знакомства с хранящейся в них информацией.

Что же касается двух других квалифицированных видов неправомерного доступа к компьютерной информации, характеризующих объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 272 УК РФ, — совершение группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, то здесь необходимо говорить об общем субъекте преступления.

Относительно общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 273 УК РФ, следует заметить, что уголовная ответственность лица за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ в теории и практике в подавляющем большинстве решается одинаково.

Субъектом данного преступления может быть только вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. Таким образом, уголовный закон не требует, чтобы это лицо занималось определенной деятельностью или занимало какую-либо должность, а также получило специальное образование или навыки работы на ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Значит, и в данном случае мы можем говорить не о специальном, а об общем субъекте преступления.

В свою очередь ст. 274 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. В теории и практике можно встретить по поводу данного субъекта преступления разные точки зрения. Предпочтительна позиция Н. Ф. Кузнецовой, Ю. И. Ляпунова, А. В. Наумова, А. И. Рарога и других ученых-юристов, которые утверждают, что в указанном общественно опасном деянии субъект преступления специальный, т. е. лицо, имеющее доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети. Ими могут быть программисты,

операторы ЭВМ, техники-наладчики, другие лица, имеющие для работы на них соответствующую квалификацию и доступ, т. е. их законные пользователи.

Противоположной точки зрения придерживаются в этом вопросе А. И. Бойко, Ю. И. Скуратов и др. По их мнению, в этом случае имеют место признаки общего субъекта преступления. Это лицо, достигшее возраста 16 лет, получившее фактическую возможность вмешиваться в эксплуатацию указанных электронных устройств, их систем или сети. Думается, их позиция требует более веской аргументации.

Далее следует отметить, что исходя из государственно-правового положения лиц, проживающих у нас в стране, специальным субъектом государственной измены (ст. 275 УК РФ) может быть только гражданин РФ, достигший 16-летнего возраста, а специальным субъектом шпионажа (ст. 276 УК РФ) могут являться представители иностранного государства или лица без гражданства в возрасте от 16 лет.

Особую и многочисленную группу уголовно-правовых норм со специальным субъектом, как и в УК РСФСР 1960 г., составляют преступления против военной службы, объединенные законодателем в самостоятельный 11-й раздел, которому соответствует и название 33-й главы (ст. 331–352 УК РФ).

Специальными субъектами воинских преступлений в соответствии со ст. 331 УК РФ являются военнослужащие, а также граждане, находящиеся в запасе и проходящие военные сборы. На последних распространяется уголовная ответственность за совершение ими воинских преступлений по соответствующим статьям гл. 33 УК РФ.

В Законе РФ «Об обороне» (1996) дан исчерпывающий перечень вооруженных формирований, личный состав которых признается военнослужащими, а их служба является военной. Нарушение военнослужащими и военнообязанными уголовно-правовых норм, как правило, связано с посягательством на установленный порядок прохождения военной службы и другие общественные отношения. Преступления против военной службы могут быть совершены только специальным субъектом.

С учетом изложенного и уточнения специального субъекта преступления в российском уголовном праве представляется целесообразным его понятие определить следующим образом: «Специальным субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста,

наделенное или обладающее дополнительными признаками, присущими ему на момент совершения общественно опасного деяния, и способное нести уголовную ответственность за преступление». Данное понятие, на наш взгляд, наиболее полно выражает внутреннее содержание специального субъекта преступления, исходя из действующего уголовного законодательства в нашей стране.

Таким образом, проблема специального субъекта преступления и в настоящее время требует со стороны ученых и практических работников более внимательного рассмотрения, а изучение и глубокое исследование понятия, признаков, видов специального субъекта тесно связано с вопросами правильной квалификации преступлений и с уголовной ответственностью. Успешное решение этой проблемы будет способствовать также неукоснительному исполнению уголовного закона в борьбе с преступностью и при осуществлении правосудия, где главенствующую роль должен играть принцип законности.

§ 8 Субъект преступления и личность преступника

Одним из наиболее сложных и важных теоретических вопросов уголовного права и криминологии является отличие понятий «субъект преступления» и «личность преступника», которые, на первый взгляд, похожи, но по своей сути и содержанию различны. Вместе с тем отождествление этих понятий неизбежно приводит к методологической ошибке, которая подстерегает каждого исследователя при их изучении. Поэтому существенным и необходимым моментом с позиции и теории, и методологии является, как нам представляется, разграничение, или отличие, этих понятий друг от друга.

Отождествление, а порой и просто подмена рассматриваемых понятий, скорее всего, обусловлены весьма ограниченным вниманием ученых-криминалистов к самой проблеме субъекта преступления, занимающей важное место в уголовном праве. Это подтверждается и весьма редким изданием научных работ по данной проблематике за достаточно длительный период¹¹⁰⁹. Не

¹¹⁰⁹ Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву; Владимиров В. А., Левицкий Г. А. Субъект преступления по советскому уголовно-

случайно в уголовно-правовой и криминологической литературе в 60-е, 70-е и 80-е годы понятия «субъект преступления» и «личность преступника» часто отождествлялись.

В это время приоритетным направлением являлось изучение личности преступника. Криминология, писал И. И. Карпец, стимулировала развитие уголовного и исправительно-трудового права во всех вопросах, связанных с подходом к личности людей, совершивших общественно опасные деяния¹¹¹⁰.

Если говорить сразу о разграничении данных понятий, то «субъект преступления» как уголовно-правовая категория по своей сути и содержанию уже понятия «личность преступника».

Субъект преступления представляет собой понятие правовое и определяет юридическую характеристику лица, совершившего преступление. Вместе с тем субъект преступления как уголовно-правовое понятие ограничено только признаками (физическое лицо, возраст, вменяемость), которые необходимы для наступления уголовной ответственности в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние. Сами же признаки субъекта преступления нашли свое законодательное закрепление в соответствующих статьях уголовного закона.

Однако, рассматривая субъект преступления как физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста, которое совершило общественно опасное деяние, следует заметить, что данное понятие самым тесным образом связано со многими институтами уголовного права, являясь как бы связующим звеном. При этом субъект преступления отражает лишь предусмотренные в уголовном законе признаки из многочисленных свойств лица, совершившего общественно опасное деяние. С признаками субъекта преступления закон связывает не только наступление уголовной ответственности, но и применение судом соответствующего наказания.

Таким образом, «субъект преступления» как уголовно-правовое понятие по своему содержанию более конкретно по отношению к понятию «личность преступника», так как ограничено законодательными признаками (физическое лицо, вменяе-

му праву. М., 1964; Орымбаев Р. Специальный субъект преступления; Лазарев А. М. Субъект преступления. М., 1981; Устименко В. В. Специальный субъект преступления. М., 1989; и др.

¹¹¹⁰ Карпец И. И. Соотношение криминологии, уголовного и исправительно-трудового права // Сов. государство и право. 1981. № 4. С. 78.

мость и возраст), которые имеют уголовно-правовое значение для лица, совершившего преступное деяние.

Вместе с тем, несмотря на очевидность самого положения, что субъектом преступления может быть лицо, которое совершило преступление, а «личность преступника» — более емкое понятие, тем не менее точки зрения на этот счет в юридической литературе самые разные и спорные.

Встречающееся в литературе отождествление понятий «личность преступника» и «субъект преступления», писал по этому поводу Н. А. Стручков, свидетельствует, по существу, о необоснованном упрощении данной проблемы, на самом же деле все обстоит гораздо сложнее¹¹¹¹. И здесь нельзя не согласиться с Н. С. Лейкиной, что лицо, совершившее преступление, является преступником, а личность преступника, как и любая личность вообще, представляет собой не что иное, как совокупность признаков и свойств, которые присущи человеку и составляют его индивидуальность¹¹¹².

Действительно, только после совершения лицом какого-либо общественно опасного деяния при наличии соответствующих признаков, предусмотренных в законе (ст. 19, 20 УК РФ), можно говорить о субъекте преступления. В свою очередь, Н. А. Стручков отмечал, что человек становится субъектом преступления тогда, когда, обладая личностью преступника, он совершил общественно опасное деяние¹¹¹³. Представляется, что данная точка зрения не вносит достаточной ясности в разграничение понятий «субъект преступления» и «личность преступника», но и не исключает их тесной взаимозависимости.

Однако наиболее обстоятельную позицию рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, занял П. С. Дагель, который особо отмечал, что понятия «субъект преступления» и «личность преступника» имеют различные функции. При этом первая характеризует одно из условий уголовной ответственности, а вторая отражает индивидуализацию уголовного наказания. Понятие «субъект преступления» отвечает на вопрос, кто может нести ответственность за совершенное преступление. Понятие же «личность

преступника» дает ответ, какую ответственность должно нести лицо, совершившее преступное деяние¹¹¹⁴.

Смешение понятий «субъект преступления» и «личность преступника» недопустимо и потому, что это разные категории — уголовного права и криминологии, и на уровне рассмотрения их в системе состава преступления. Так, анализируя точку зрения Б. С. Утевского, что понятие «субъект преступления» вообще должно быть исключено из состава преступления и заменено на понятие «личность преступника» и не соглашаясь с этими доводами, Р. И. Михеев совершенно правильно пишет: доктрина советского уголовного права исходит из того, что как понятие «состав преступления» невозможно заменить понятием «преступление», так нельзя заменить или подменить и понятие «субъект преступления» понятием «личность преступника»¹¹¹⁵.

Субъект преступления как один из элементов состава, как мы уже отмечали, содержит конкретные законодательные признаки, при отсутствии которых не будет состава преступления и основания для привлечения лица к уголовной ответственности. Личность преступника как более емкое понятие — носитель самых различных сторон, положительных и отрицательных свойств, признаков и качеств лица, совершившего преступление. В этом случае мы уже можем говорить о личности преступника как категории не уголовно-правовой, а криминологической. Поэтому подмена рассматриваемых понятий в составе преступления просто недопустима и является грубейшей ошибкой как с точки зрения теории, так и методологии, хотя проблема как таковая имеет право на существование. Вопрос о включении в состав преступления признаков, раскрывающих личность виновного, замечает по этому поводу В. В. Устименко, является важной частью проблемы соотношения понятий «субъект преступления» и «личность преступника»¹¹¹⁶.

¹¹¹⁴ Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 10, 15–16.

¹¹¹⁵ Михеев Р. И. Субъект уголовной ответственности и личность преступника // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвузовский сборник. Красноярск, 1986. С. 38.

¹¹¹⁶ Устименко В. В. Субъект преступления и личность преступника // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации: межвузовский сборник науч. тр. Воронеж, 1989. С. 52.

¹¹¹¹ Стручков Н. А. Проблема личности преступника. Л., 1983. С. 6–7.

¹¹¹² Курс советского уголовного права. Т. 2./ Под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1970. С. 9.

¹¹¹³ Стручков Н. А. Личность преступника // Методологические проблемы учения о личности преступника: Тез. выступл. Горький, 1976. С. 8.

В свою очередь состав преступления представляет собой совокупность установленных уголовным законом юридических признаков, характеризующих общественно опасное деяние как конкретное преступление, и согласно ст. 8 УК РФ является единственным основанием уголовной ответственности. При этом состав преступления как законодательное описание преступного деяния может иметь место только при наличии всех четырех элементов, одним из которых является субъект преступления.

Однако, по справедливому выражению А. Б. Сахарова, преступление как акт сознательной деятельности человека не только немислимо вне лица, его совершающего, но и в значительной мере обусловлено как сущностью, так и особенностью подобного лица¹¹¹⁷. Данное положение имеет прямое отношение к субъекту преступления как уголовно-правовой категории.

В некоторых случаях, как мы отмечали в предыдущем параграфе, субъект преступления наделен дополнительными свойствами (признаками), и тогда речь идет о специальном субъекте. Но это понятие также конкретно, по сравнению с понятием «личность преступника», поскольку эти дополнительные признаки могут вытекать из уголовного закона (должностное лицо, военно-служащий, осужденный и т. п.).

Это понятие конкретно и тогда, когда субъект преступления в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством становится обвиняемым, подсудимым или осужденным. В данном случае только несколько меняется процессуальное положение лица, совершившего преступление.

Объяснение понятия и сущности субъекта преступления с точки зрения науки уголовного права имеет важное значение не только для теории и практики по применению уголовного законодательства, но и для криминологии по изучению личности преступника. Как справедливо отмечал И. И. Карпец, правовое понятие «субъект преступления» в уголовном праве не дает оснований для отказа от криминологического изучения самых различных преступников¹¹¹⁸.

¹¹¹⁷ Сахаров А. Б. Методологические проблемы учения о личности преступника // Методологические проблемы учения о личности преступника: тезисы выступления. Горький, 1976. С. 2.

¹¹¹⁸ Карпец И. И. Уголовное право и этика. С. 146.

С учетом того, что основные положения, касающиеся субъекта преступления, в данной главе освещены в полном объеме, представляется целесообразным понятие «личность преступника» рассматриваемого параграфа проанализировать с позиции криминологии.

Вместе с тем развитие криминологии в стране обусловило значительный интерес юристов, психологов, социологов, педагогов и представителей других наук к проблеме личности преступника. Личность преступника как самостоятельная проблема образует раздел криминологии, но имеет важное значение и для науки уголовного права.

Последние десятилетия этой проблеме посвящены не только многочисленные статьи и брошюры, но и фундаментальные работы, различные криминологические и другие исследования¹¹¹⁹. Однако личность преступника рассматривается в отечественной криминологии прежде всего как личность человека. Понятие же сущности личности человека как философской категории более емко и содержательно. Определяя понятие и сущность личности в обществе, К. Маркс в работе «Тезисы о Фейербахе» писал, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»¹¹²⁰.

Учение о личности человека исходит из положений философии, так как личность всегда определяется системой общественных отношений, связанных с общественными ценностями, а также биологическими особенностями, влияющими на ее развитие. В обществе, как замечает Н. Г. Янгол, человек приобретает новые социальные роли и свойства, а они характеризуют его

¹¹¹⁹ Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. 1961; Герцензон А. А. Уголовный закон и личность преступника. М., 1968; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность; Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника (предпосылки, содержание, категории). Томск, 1970; Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве; Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974; Волков Б. С. Личность преступника и применение наказания. Казань, 1980; Бурлаков В. Н. 1) Личность преступника и назначение наказания. Л., 1986; 2) Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение наказаний: проблемы моделирования. СПб., 1998; 3) Криминология личности. СПб., 2005; и др.

¹¹²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

уже как социальное существо, а также как участника общественных отношений. Вот такое новое его состояние и охватывается понятием «личность»¹¹²¹. Поэтому учение о личности преступника является частью общего учения о личности человека.

Лицо, совершившее правонарушение и рассматриваемое как личность преступника, отличается от законопослушных граждан уже своей антиобщественной направленностью и присущими ему отрицательными чертами. Однако преступник, как и всякая личность, характеризуется сочетанием самых различных социальных, биологических, психологических свойств, черт и признаков, которыми обладает любой человек. На данное обстоятельство было обращено внимание Н. С. Лейкиной, А. В. Кузнецова, Н. А. Стручкова и других

ученых в области уголовного права и криминологии¹¹²². С точки зрения социологии уголовного права, отмечал Л. И. Спиридонов, методологическое назначение понятия «социальный тип личности» в том, чтобы объяснить, почему в равных социальных условиях одни люди нарушают уголовно-правовые запреты, а другие люди соблюдают закон. Преступление же, представляя собой частный случай общественно значимого поступка, может быть рассмотрено с позиций состояния социальной среды и социального типа личности¹¹²³.

В настоящее время уголовное право и криминология как научные направления исходят из того, что структура личности преступника рассматривается как система социально значимых свойств лица, совершившего преступление, и характеризуется прежде всего совокупностью социально-демографических, психологических, нравственных и правовых свойств и качеств, влияющих при определенных ситуациях на формирование механизма преступного поведения¹¹²⁴.

¹¹²¹ Янгол Н. Г. Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: история и современность. СПб., 2000. С. 18.

¹¹²² Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 9; Кузнецов А. В. Уголовное право и личность. М., 1977. С. 15, 44; Стручков Н. А. Проблема личности преступника. С. 6; и др.

¹¹²³ Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 144.

¹¹²⁴ Советское уголовное право. Общая часть. /Под ред. Г.А. Кригера, А.В. Наумова и Ю.М. Ткачевского. М., 1988. С. 102; Курс уголовного права / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. Т.1. С. 288–289; Криминология: Курс лекций / Под ред. В. Н. Бурлакова, С. А. Сидорова, С. Ф. Милукова и др.

Следовательно, личность преступника раскрывается через социальную сущность лица, а также сложный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, отношений во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными факторами, лежащими в основе преступного поведения. В свою очередь сознание и воля данного лица реагируют на внешние условия и активно обуславливают его поведение в каждой конкретной ситуации.

Антиобщественная и преступная ориентация является показателем общественной опасности личности преступника. В преступлении, отмечала Н. С. Лейкина, как акте поведения человека выражены личность преступника, а также различные индивидуальные свойства и особенности, в связи с чем по преступному деянию можно судить и об общественной опасности преступника¹¹²⁵. Аналогичного мнения придерживается и Б. В. Волженкин, который замечает, что степень общественной опасности преступника, как правило, определяется на основе самых различных обстоятельств, как связанных с совершенным преступлением, так и не связанных с ним, но вместе с тем характеризующих исключительно личность виновного¹¹²⁶. Обычно к таким обстоятельствам, как мы уже ранее отмечали, в криминологической литературе относят самые разные данные и особенности социально-демографического характера, нравственно-психологические признаки и свойства лица, связанные с совершением преступления. Поэтому понятие «личность преступника» необходимо рассматривать комплексно, т. е. не только с позиций криминологии и уголовного права, но и с позиций психологии, педагогики, уголовно-исполнительного права и других дисциплин.

Прав в этом отношении К. Е. Игошев, утверждая, что одним из методологических принципов анализа личности преступника является типологический подход, с позиций которого каждый преступник рассматривается в виде особого социального типа личности¹¹²⁷.

СПб., 1995. С. 87; Криминология / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, В. С. Степашина. С. 165; и др.

¹¹²⁵ Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 298.

¹¹²⁶ Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 92–93.

¹¹²⁷ Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. С. 41.

Личность преступника как более широкое и емкое понятие, таким образом, включает в себя, помимо признаков субъекта преступления (вменяемости и возраста), еще и самые различные характеристики и особенности, которые лежат за пределами состава, но обязательно учитываются судом при вынесении приговора за совершенное общественно опасное деяние. При этом исследуется личность преступника в ее взаимодействии с социальной средой и наряду с социально-демографическими данными: возраста, пола, социального положения, образования, рода занятий, профессии, семейного положения, жилищных и материальных условий и ряда других признаков.

В процессуальных документах обязательно должна найти свое место и нравственно-психологическая характеристика личности преступника. Она, главным образом, раскрывается следователем и судом через сведения, которые характеризуют мировоззрение преступника, его взгляды, привычки, потребности, интересы, отношение к работе, нормам права и морали, общественной деятельности, заслуги перед государством, сведения о наградах, поощрениях, взысканиях, об антиобщественном поведении до совершения преступления и другие данные лица, оказавшегося на скамье подсудимых.

Однако социально-демографические и нравственно-психологические черты личности преступника еще не образуют ее законченную криминологическую характеристику. Для более полного представления о лице, совершившем преступление, необходимо располагать, кроме того, информацией уголовно-правового характера. Речь в данном случае идет об уголовно-правовой характеристике личности преступника, которая складывается из совокупности сведений о направленности преступного поведения, мотивах и целях преступления, прошлых судимостях, рецидиве, совершении одновременно нескольких преступлений и т. п.¹¹²⁸

Установление уголовно-правовых признаков личности преступника имеет важное значение для правильной квалификации преступления, для определения вида и срока наказания, а также для исправления и перевоспитания осужденных.

Таким образом, личность преступника при совершении любого преступления, как правило, рассматривается через призму трех основных характеристик: социально-демографической, нравственно-психологической и уголовно-правовой, которые находятся в тесной взаимозависимости друг от друга, позволяющих, а также являющихся основанием для разработки в дальнейшем типологических особенностей личности преступника и классификации.

При этом следует отметить, что у правонарушителей встречаются и общие признаки, позволяющие говорить в целом о личности преступника и о субъекте преступления, когда совершено лицом общественно опасное деяние.

Прав в связи с этим А. Б. Сахаров, утверждая, что понятие «личность преступника» применимо лишь к такому лицу, которое по закону признается субъектом преступления¹¹²⁹.

В уголовном законе личность преступника выступает как одно из оснований как индивидуализации уголовной ответственности, так и уголовного наказания (ч. 3 ст. 60 УК). Вместе с тем следует отметить, что отдельные свойства личности преступника находят свое отражение и в перечне смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных в ст. 61, 63 УК, а также когда речь идет о назначении с учетом относительно определенных и альтернативных санкций более мягкого наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 62 УК РФ) или применения условного осуждения (ст. 73 УК РФ).

Личность преступника учитывается и для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 78 УК РФ), а также для решения вопроса о применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ).

Словом, данные характеристики личности преступника, как уже было отмечено выше, наряду с другими обстоятельствами учитываются при дифференциации уголовной ответственности и наказания, что не всегда делается на практике. Особенно тщательно и с наибольшей полнотой должно производиться изучение личности несовершеннолетнего преступника. Статья 421

¹¹²⁸ Павлов В. Г. 1) Структурные особенности лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда // Вестник ЛГУ. 1985. Вып. 4. № 27. С. 109–112; 2) Проблемы борьбы с социальным паразитизмом и деятельность органов внутренних дел по его предупреждению. Л., 1989. С. 18–52.

¹¹²⁹ Сахаров А. Б. Методологические проблемы учения о личности преступника // Методологические проблемы учения о личности преступника: тезисы выступления. С. 2.

УПК РФ требует от следователя, суда установления не только общих сведений о личности несовершеннолетнего, но и выявления условий жизни и воспитания, уровня психического развития, а также установления других особенностей его личности.

Таким образом, установление характерных свойств (особенностей) личности конкретного преступника с учетом его индивидуальных качеств имеет большое практическое значение как на стадии расследования преступления, так и в процессе рассмотрения уголовного дела в суде, что способствует более правильной индивидуализации наказания.

Наконец, следует отметить, что уголовное право и криминология как науки и как самостоятельные дисциплины имеют свой объект и предмет изучения и исследования. Они оперируют присущими им понятиями и категориями. При этом, если субъект преступления является одним из центральных понятий уголовного права, то личность преступника является объектом исследования криминологии, на что неоднократно обращалось нами внимание. Следовательно, понятия «субъект преступления» и «личность преступника», с точки зрения теории, методологии и практической значимости, необходимо разграничивать, а также продолжать более активные научные исследования в этом направлении.

Личность преступника должна изучаться и рассматриваться как объект комплексного исследования учеными различных наук, не исключая и такого подхода к изучению субъекта преступления, как учение уголовного права и уголовно-правовая категория.

Поэтому важное и относительно самостоятельное значение в комплексе уголовно-правовых и криминологических исследований принадлежит решению вопроса о соотношении понятий «субъект преступления» и «личность преступника», требующих более четкого разграничения как по смыслу, так и по содержанию.

Таким образом, необходимость разграничения понятий «субъект преступления» и «личность преступника» диктуется не только совершенствованием уголовного законодательства, но и его практической необходимостью, а также значимостью наиболее важных проблем уголовного права и криминологии, связанных с рассматриваемыми категориями.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987.
2. Бейсенов Б. С. Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1981.
3. Богомягков Ю. С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки // Сов. государство и право. 1989. № 4.
4. Богомягков Ю. С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки // Советское государство и право. 1989. № 9.
5. Богомягков Ю. С. Проблемы невменяемости в советском уголовном праве (понятие вменяемости). Уфа, 1978.
6. Бородин С. В., Носкова Н. А. К вопросу совершенствования законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994.
7. Волгарева И. В. Проблема повышения возраста уголовной ответственности за совершение некоторых преступлений // Вестник ЛГУ. Сер. 6. 1989. Вып. 4. № 27.
8. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998.
9. Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления. М., 1998.
10. Карпец И. И. Соотношение криминологии, уголовного и исправительно-трудового права // Сов. государство и право. 1981. 11.
11. Кудрявцев И. А. Ограниченная вменяемость // Государство и право. 1995. № 5.
12. Лазарев А. М. Субъект преступления. М., 1981.
13. Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966.
14. Михеев Р. И. Субъект уголовной ответственности и личность преступника // Вопросы уголовной ответственности и наказания: – Межвузовский сборник. Красноярск, 1986.
15. Назаренко Г. В. О невменяемости в уголовном праве. Орел, 1994.
16. Назаренко Г. В. Невменяемость: Уголовно-релевантные психические состояния. СПб., 2002.
17. Назаренко Г.В. Невменяемость. СПб., 2002.

18. Наумов А. В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. 1992. № 17–18.

19. Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1977.

20. Пережогин Л. О. Клинические критерии применения ст. 22 УК РФ при судебно-психиатрической оценке расстройств личности // Российский психиатрический журнал. 2000. № 3.

21. Павлов В. Г. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве // Правоведение. 1996. №3.

22. Павлов В.Г. Субъект преступления в уголовном праве (историко-правовое исследование). СПб., 1999.

23. Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000.

24. Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб., 2001.

25. Ткачевский Ю. М. Правовые аспекты борьбы с наркомагией и алкоголизмом. М., 1990.

26. Устименко В. В. Специальный субъект преступления. М., 1989.

27. Хрящев А. В. Некоторые критерии применения ст. 22 УК РФ в судебно-психиатрической практике // Российский психиатрический журнал. 2000. № 3.

28. Шахриманьян И. К. О понятии юридического (психологического) критерия невменяемости // Проблемы психиатрии. Л., 1967.

ГЛАВА V СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1 Понятие субъективной стороны преступления

Под субъективной стороной преступления в науке уголовного права понимается психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Образуя психологическое содержание общественно опасного деяния, субъективная сторона преступления является его внутренней (по отношению к объективной) стороной.

Если объективная сторона преступления характеризуется признаками, отражающими реальные явления, и поэтому воспринимается непосредственно с помощью органов чувств (осязания, слуха, зрения), то субъективная сторона преступления отражает внутренний мир человека и не может восприниматься непосредственно. Она познается только путем анализа и оценки объективных характеристик преступления — содержания действий или бездействия, способа их совершения, используемых при этом орудий и средств и т. д.

Вопрос о содержании субъективной стороны преступления, точнее о ее соотношении с виной, до сих пор является дискуссионным в отечественной юридической науке. По этому вопросу высказаны три основные точки зрения.

Некоторые ученые исходят из того, что вина и субъективная сторона преступления — это понятия тождественные, поскольку интеллектуально-волевая деятельность человека неразрывно связана с мотивационной и эмоциональной деятельностью¹¹³⁰. Эта точка зрения наиболее последовательно отстаивалась и наиболее глубоко аргументировалась профессором ДВГУ П.С. Дагелем. По его мнению, «вина представляет собой внутреннюю, субъективную сторону преступления, психическое отношение

¹¹³⁰ См.: *Лекшас И.* Вина как субъективная сторона преступления. М., 1958; *Дагель П.С., Котов Д.П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 41, 42, 59 и др.; *Ворошилин Е.В., Кригер Г.А.* Субъективная сторона преступления. М., 1987. С. 6–12.

субъекта к своему общественно опасному деянию и его последствию, выраженное в преступлении»¹¹³¹.

Обосновывая свою позицию, ученый писал: «Точка зрения, согласно которой субъективная сторона преступления не исчерпывается виной, а включает в себя наряду с виной мотив и цель преступления, основана <...> на смешении субъективной стороны преступления (вины) и признаков состава преступления, характеризующих эту субъективную сторону (умысел, неосторожность, мотив, цель, аффект, заведомость и др.), а также на смешении понятий содержания и формы вины»¹¹³².

Позиции П.С. Дагеля придерживался его ученик и последователь профессор ДВГУ Р.А. Михеев¹¹³³.

Сходное мнение высказывает и профессор Ю.А. Красиков. Он пишет: «В законодательной формулировке (ст. 25, 26 УК) форм вины (умысла и неосторожности) нет упоминаний о мотиве, цели и эмоциях. Однако это не означает, что они не входят в содержание вины. Эти компоненты присущи любому поведению человека. Мотив, цель, эмоции, характеризуя психическую деятельность виновного, входят в субъективную сторону преступления через умысел и неосторожность»¹¹³⁴. Изложенная позиция недостаточно убедительна в теоретическом отношении и неприемлема в практическом по следующим соображениям.

Во-первых, отождествление вины с субъективной стороной преступления не соответствует законодательной характеристике вины. Указание в ст. 5 УК РФ на то, лицо подлежит уголовной ответственности только за те деяния и за те общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина, единодушно толкуется как необходимость установления в деянии умысла или неосторожности. Такая трактовка вины полностью согласуется с ч. 1 ст. 24 УК РФ, согласно которой виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. Из этого законодательного

положения недвусмысленно вытекает, что законодатель рассматривает вину как родовое понятие умысла и неосторожности, не включая в нее никаких иных психологических моментов. Попутно можно заметить, что именно такое понимание вины встречается и в законодательстве некоторых государств.

Например, ст. 21 УК Республики Беларусь под названием «Вина и ее формы» определяет вину как «психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности», а «виновным в преступлении может быть признано вменяемое лицо, совершившее общественно опасное деяние умышленно или по неосторожности». Таким же образом определяется вина и в ст. 23 УК Украины: «Виной признается психическое отношение лица к совершаемому действию или бездействию, предусмотренному настоящим Кодексом, и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности». В соответствии со ст. 8 УК Латвийской Республики «виновным в преступном деянии признается только лицо, совершившее его с умыслом (умышленно) или по неосторожности».

Как видно из приведенных легальных определений, закон обычно относит к содержанию вины, т.е. умысла и неосторожности, лишь психическое отношение — сознание и волю, не оставляя ни в интеллектуальном, ни волевом элементах умысла и неосторожности места для мотива, цели и иных признаков, характеризующих психическую активность субъекта в связи с совершением преступления.

Во-вторых, в трактовке П.С. Дагеля вина представляет собой недостаточно конкретное понятие как в плане ее психологического содержания, так и с точки зрения ее юридической характеристики. Неосновательно разрывая понятие вины и характеризующих ее признаков состава, названный ученый в различных своих работах давал неодинаковый перечень таких признаков. Примечательно, что этот перечень представляет открытый, незаконченный ряд признаков, обычно завершаемый словами: «и др.»¹¹³⁵, «и т. д.»¹¹³⁶, «и некоторые другие»¹¹³⁷. Остается неясным, что подразумевают подобного рода обобщения и какие

¹¹³¹ Дагель П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве // Правоведение. 1969. № 1. С. 78.

¹¹³² Дагель П.С. Понятие вины в советском уголовном праве // Материалы XIII конференции ДВГУ. Ч. IV. Владивосток, 1968. С. 123.

¹¹³³ Российское уголовное право: Курс лекций / Под ред. А.И. Коробеева. Т.1. Владивосток, 1999.

¹¹³⁴ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Х.Д. Аликперова и Э.Ф. Побегайло. М., 2001. С. 68–69.

¹¹³⁵ Дагель П.С. Понятие вины в советском уголовном праве. С. 123.

¹¹³⁶ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 41, 42, 59 и др.

¹¹³⁷ Дагель П.С. Вина и состав преступления // Матер. III Дальневосточной межвузовской зональной конф. Владивосток, 1968. С. 85.

вообще могут мыслиться признаки, характеризующие субъективную сторону преступления, помимо мотива, цели, заведомости, аффекта и эмоций, называемых П.С. Дагелем в качестве юридических характеристик субъективной стороны преступления.

Включение в вину наряду с умыслом и неосторожностью также мотива, цели, эмоций, заведомости и других психологических признаков, круг которых точно не определен, вносит путаницу в решение вопроса о форме вины и лишает эти признаки самостоятельного значения как признаков субъективной стороны, хотя в законе такое значение им в некоторых случаях законодатель придает.

В-третьих, рассматриваемая концепция непоследовательна с точки зрения логики. Касаясь мотива и цели преступления как признаков состава, *характеризующих вину*, П.С. Дагель тем самым ставил их на один уровень с умыслом и неосторожностью. Но при анализе *содержания умысла и неосторожности* он ставил мотив и цель в один ряд уже не с умыслом и неосторожностью, а с сознанием и волей. Следовательно, концепция П.С. Дагеля создает противоречивую ситуацию, при которой в одном случае мотив и цель рассматриваются как признаки, характеризующие вину *наряду* с умыслом и неосторожностью, а в другом «являются элементами самого психического отношения субъекта, элементами самого умысла»¹¹³⁸.

В-четвертых, рассматриваемая позиция неприемлема и в силу ее несоответствия философскому пониманию соотношения формы и содержания. По мнению П.С. Дагеля, форма вины определяется соотношением лишь сознания и воли, а «остальные психологические элементы <...> на форму вины не влияют, хотя и входят в содержание вины»¹¹³⁹. И далее автор продолжает: «Форма вины, следовательно, уже, чем ее содержание»¹¹⁴⁰. Вряд ли с позиции философии можно согласиться с тем, что, с одной стороны, форма не вмещает всего содержания, слишком узка для него, а с другой — признается существование «бесформенного» содержания, его наличие где-то вне формы.

Таким образом, отождествление вины с субъективной стороной преступления с теоретических позиций представляется неосновательным, а с практической точки зрения — неприемлемым, способным дезориентировать судебную практику.

Некоторыми учеными вина рассматривается как понятие более широкое, чем субъективная сторона преступления. Так, по мнению Ю.А. Демидова, вина «не может сводиться к какому-либо элементу преступления, хотя бы к умыслу и неосторожности, или к деянию, взятому с его объективной стороны. Она равно выражается как в объективной, так и в субъективной стороне преступления»¹¹⁴¹. Возражая против переоценки как объективной, так и субъективной сторон преступления, ученый утверждал, что «содержание вины необходимо видеть в совершении преступления конкретным лицом, в единстве объективных и субъективных обстоятельств, в которых выразилась вина — отрицательное отношение лица к ценностям социалистического общества»¹¹⁴².

Эту же точку зрения разделял и Г.А. Злобин, писавший: «Вина, составляющая субъективную сторону преступного деяния, одновременно выступает как целостная характеристика преступления во всех его существенных для ответственности отношениях <...> Эти свойства вины и делают ее необходимым и достаточным основанием уголовной ответственности, в равной мере противоположным как объективному, так и абстрактно-субъективному вменению»¹¹⁴³. Подобный взгляд практически накануне принятия Уголовного кодекса Российской Федерации был высказан и В.П. Малковым, по мнению которого вина есть основание уголовной ответственности. Вина не сводится к субъективным элементам преступления, а представляет собой основание уголовной ответственности, заключающейся в совершении преступления. Вина — не отдельный элемент преступления, она включает в себя все его элементы и как таковая содержит юридическую оценку содеянного, т. е. оценку с точки зрения закона: субъект виновен, если совершил преступления, невиновно-

¹¹³⁸ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. раб. С. 83.

¹¹³⁹ Дагель П.С. Понятие вины в советском уголовном праве. С. 126.

¹¹⁴⁰ Дагель П.С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве. С.81.

¹¹⁴¹ Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С.114.

¹¹⁴² Там же. С. 117–118.

¹¹⁴³ Злобин Г.А. Виновное вменение в историческом аспекте // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 23.

вен, если преступления не совершал¹¹⁴⁴. Из приведенных высказываний явно просматривается стремление авторов выделить два качества вины: как субъективной стороны преступления и как основания уголовной ответственности. Во втором случае они рассматривают вину как «целостную характеристику преступления».

Судя по приведенным высказываниям, их авторы не считают вину одним из элементов субъективной стороны преступления, а наоборот, полагают, что вина включает в себя и объективную, и субъективную стороны преступного деяния, а также все другие «существенные для ответственности» свойства совершенного преступления, в которых выражается отрицательное отношение субъекта к важнейшим ценностям общества. Такая оценка вины уже была предложена профессором Б.С. Утевским в вышедшей в 1950 г. монографии «Вина в советском уголовном праве», в которой вина рассматривалась в двух качествах: как общее основание уголовной ответственности и как субъективная сторона преступления¹¹⁴⁵. После длительной дискуссии (1950—1955 гг.) двойственная трактовка вины была отвергнута отечественной уголовно-правовой наукой, и возврат к ней вряд ли продуктивен на современном уровне развития юридической доктрины.

Попытка возродить позицию Б.С. Утевского, предпринятая, по существу, Ю.А. Демидовым, Г.А. Злобиным, В.П. Малковым и некоторыми другими учеными, объективно обусловлена тем, что в судебно-следственной практике термин «вина» («виновность») употребляется в двух значениях. Если в науке уголовного права понятие вины означает не что иное, как наличие в совершенном деянии умысла или неосторожности, то на практике нередко говорят о вине как о доказанности самого факта совершения преступления данным конкретным лицом¹¹⁴⁶. Этому

в немалой степени способствует редакция некоторых норм уголовно-процессуального законодательства.

Так, в п.2 ч.1 ст.73 УПК РФ, определяющей предмет доказывания по уголовному делу, к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию, наряду с событием преступления, отнесены *виновность* лица в совершении преступления, а также *форма* его вины и мотивы преступления. Очевидно, что указание на виновность наряду с установлением формы вины вольно или невольно создает основания для двойного понимания термина «виновность».

Тем не менее отождествление вины с фактом совершения преступления означает объективирование вины, лишение ее конкретной определенности как юридического признака состава преступления. Такое понимание не согласуется и с нормой уголовно-процессуального закона, в соответствии с которой суд при постановлении обвинительного приговора *помимо* установления *факта* совершения общественно опасного деяния, содержащего состав определенного преступления, предусмотренного уголовным законом, обязан установить еще и *виновность* подсудимого в совершении этого преступления (ст. 299 УПК РФ).

В отечественной науке уголовного права преобладает мнение, что психологическое содержание субъективной стороны преступления раскрывается с помощью таких юридических признаков, как вина, мотив и цель, характеризующие различные формы психической активности человека. Они органически связаны между собой и зависимы друг от друга, но тем не менее представляют самостоятельные психологические явления, ни одно из которых не может включать в себя других в качестве составной части. Все названные признаки имеют различные значения.

Вина — это определенная форма психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию, она составляет ядро субъективной стороны преступления, но не исчерпывает полностью ее содержания. Вина является *обязательным признаком* любого преступления, что недвусмысленно вытекает из ст. 5, ч. 1 ст. 14 и ч. 1 ст. 24 УК РФ, следовательно, при отсутствии вины нет и состава преступления. Однако вина не содержит в себе ответа на вопросы, *почему и для чего* виновный совершил преступление. Это устанавливается с помощью таких признаков субъективной стороны преступления, как мотив и цель.

¹¹⁴⁴ Малков В.П. Субъективные основания уголовной ответственности // Государство и право. 1995. № 1.

¹¹⁴⁵ Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950.

¹¹⁴⁶ Именно в таком понимании вина трактуется М.И. Еникеевым в статье «Психолого-юридическая сущность вины и вменяемости» (Советское государство и право. 1989. № 12. С.76-82), В.П. Малковым в статье «Субъективные основания уголовной ответственности» (Государство и право. 1995. № 1) и А.И. Плотниковым в монографии «Объективное и субъективное в уголовном праве. Оценка преступления по юридическим признакам». Оренбург, 1997.

Мотив преступления — это обусловленное определенными потребностями внутреннее побуждение, которым виновный руководствовался при совершении преступления. *Цель* представляет собой субъективный образ желаемого результата действия или деятельности¹¹⁴⁷, т. е. идеальную мысленную модель будущего конечного результата, к достижению которого стремится субъект преступления.

Ни мотив, ни цель не входят в содержание *психического отношения* лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям, они лежат вне сферы интеллекта и воли как элементов вины и наряду с ними представляют самостоятельные формы психической деятельности лица.

Мотивы и цели составляют ту базу, ту психологическую основу, на которой рождается вина. Как верно отмечается в юридической литературе, «содержание самой вины во многом определяется как мотивом, так и целью преступления. Без уяснения мотива и цели совершаемого невозможно порой отличить одно преступление от другого, непроступного или даже социально полезного и желательного для общества поведения»¹¹⁴⁸. В качестве компонентов психической деятельности лица *в связи с совершением преступления*, т. е. как мотивы и цели *преступления*, они трансформируются из *непроступных* мотивов и целей *поведения*, безразличного для уголовного права, и в этом смысле имеют допустимое происхождение. Этого нельзя сказать о вине, которая не существует до преступления и вне его. Как уголовно-правовое явление (как психическое отношение к совершаемому общественно опасному деянию) вина возникает и проявляется лишь в момент совершения преступления. Рождаясь на основе уже существующих мотивов и целей, она не включает их в себя в качестве составных элементов. Мотивы и цели преступления, не входя в содержание вины, формируют такое психическое отношение лица к деянию и его последствиям, в котором проявляется сущность вины.

В литературе высказывались суждения о том, что субъективная сторона преступления включает и такие признаки, как эмо-

ции, аффект и заведомость¹¹⁴⁹. Однако анализ их психологической сущности и юридического значения свидетельствует о том, что в содержание вины они не входят.

Эмоции не являются элементом психического отношения лица к общественно опасному деянию, а означают *психические переживания*, которые могут испытываться до начала преступления, в процессе его совершения или даже после его окончания. Чаще всего они не имеют юридического значения, особенно эмоции, переживаемые *после* совершения преступления (чувство удовлетворения от содеянного или, наоборот, раскаяния, чувство страха перед возмездием со стороны потерпевшего или его близких, опасение неизбежности наказания за совершенное преступление и т. д.). Но и в тех случаях, когда они имеют значение для оценки психологического содержания преступления, эмоции не являются самостоятельным признаком субъективной стороны преступления. «Эмоции, вызывающие желания, хотения и страсти, являются энергетическим компонентом мотива»¹¹⁵⁰, т. е. могут способствовать возникновению, формированию мотива.

Признавая мотивообразующую роль эмоций, Ю.А. Красиков неосновательно придает им *самостоятельное* юридическое значение, по сути, отождествляя их с мотивом: «В преступном поведении эмоции играют роль мотива (ненависть, страх, жестокость и т. д.); фона, на котором протекают интеллектуальные и волевые процессы, аффекта — сильного и кратковременного эмоционального состояния, связанного с резким изменением важных для субъекта жизненных обстоятельств»¹¹⁵¹. Правда, роль мотива придается эмоциям лишь как частное проявление их уголовно-правового значения (наряду с *фоном*, на котором протекают интеллектуальные и волевые процессы, и *аффек-*

¹¹⁴⁷ Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1984. С. 164.

¹¹⁴⁸ Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 1998. С. 170.

¹¹⁴⁹ Дагель П.С. Понятие вины в советском уголовном праве. С. 123. См. также: Практический комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. / Под ред. Х.Д. Аликлерова и Э.Ф. Побегайло. С. 68–69.

¹¹⁵⁰ Зелинский А.Ф. Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности. Киев, 1990. С. 19.

¹¹⁵¹ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. / Под ред. Х.Д. Аликлерова и Э.Ф. Побегайло. С. 68. См. также: Уголовное право России. Общая часть: Учеб. Для вузов / Под ред. А.Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. М., 1998. Т.1. С. 180.

том), но и это отождествление эмоций с мотивом преступления недопустимо с точки зрения психологии.

В отдельных случаях, учитывая большое *мотивообразующее* значение эмоций, законодатель придает им значение фактора, смягчающего наказание. Например, обстоятельством, смягчающим наказание, может признаваться сильный испуг (совершение преступления под влиянием угрозы). Но и в этом случае эмоции в большей мере выражают *социальную*, нежели юридическую, характеристику и относятся к *субъекту* преступления, а не к его субъективной стороне (характеризуют особенности психического состояния лица, а не его психическое отношение к совершаемому им общественно опасному деянию). С учетом высказанных соображений эмоции следует признать не юридическим признаком субъективной стороны преступления, а социальным признаком, характеризующим личность виновного, которому по воле законодателя в отдельных случаях придается определенное юридическое значение.

Аффект тоже не является элементом психического отношения к общественно опасному деянию, хотя многие ученые-криминалисты относят его к числу факультативных признаков субъективной стороны преступления. Он представляет определенное психическое состояние действующего лица¹¹⁵², вызванное неблагоприятными внешними обстоятельствами, и имеет весьма ограниченное юридическое значение (при убийстве и умышленном причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью). Аффект определяется как «бурный и кратковременный эмоциональный процесс, оказывающий влияние на сознание и деятельность человека и сопровождающийся изменениями в деятельности двигательной, эндокринной, сердечно-сосудистой и других систем организма»¹¹⁵³.

Именно с *психическим состоянием* человека, а не с его интеллектуально-волевой деятельностью аффект связывают не только ученые, представляющие судебную психиатрию и судебную психологию, но и представители науки уголовного права. Так, А.И. Коробеев подчеркивает сужение способности ко вменению в состоянии аффекта, который представляет «исключительно

сильное, быстро возникающее и бурно протекающее кратковременное эмоциональное состояние, резко сужающее возможности человека осознавать, контролировать и регулировать свое социально значимое поведение, но не исключаящее его полностью»¹¹⁵⁴.

Очень детальную характеристику аффекта как *психического состояния* дает Б.А. Спасенников: «Под сильным душевным волнением (аффектом) в уголовно-правовой науке следует понимать психическое расстройство, возникающее в ответ на психотравмирующую ситуацию, стремительно протекающее (секунды, минуты), исключительно бурное, сильное, существенно ограничивающее, изменяющее, но не обрывающее течение эмоциональных, волевых и интеллектуальных процессов, конструктивно-продуктивной функции памяти, проявляющееся в концентрации внимания на личностно значимых переживаниях, временной дезорганизации ("сужении") сознания с нарушением целостности, адекватности восприятия действительности и места в ней, опосредованного отображения сущности явлений, характеризующееся ограничением возможности целеполагания и способности выбора социально приемлемого варианта поведения с преобладанием эмоционально-чувственной стороны над содержательно-смысловой, сопровождающееся импульсивными действиями, приводящее к постаффективному психическому (вплоть до сна) и физическому (вплоть до обездвиженности) истощению»¹¹⁵⁵. В приведенном высказывании примечательна трактовка аффекта не как психической деятельности, а именно как психического состояния, проявляющегося в снижении способности ко вменению, т. е. как характеристики субъекта, а не субъективной стороны преступления.

Психологами и юристами уже установлена несомненная связь между типом высшей нервной деятельности человека и его подверженностью негативному влиянию провоцирующих внешних факторов негативного характера. «Тот или иной тип, или темперамент, обусловлен силами возбуждения и торможения, протекающих в головном мозге, их сбалансированностью и подвижностью. Например, личность флегматичного типа не от-

¹¹⁵² Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М., 2000. С. 44–58.

¹¹⁵³ Ситковская О.Д. Аффект: Криминально-психологическое исследование. М., 2001. С. 34.

¹¹⁵⁴ Уголовное право Российской Федерации / Под ред. Л.В. Иногамовой-Херай. М., 2002. Т.2. С. 32.

¹¹⁵⁵ Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера: История, теория, практика. СПб., 2003. С. 309.

реагирует аффективно в криминогенной ситуации, в которой личность холерического типа даст бурную аффективную реакцию»¹¹⁵⁶.

Как отмечал С.Л.Рубинштейн, «повышенная импульсивность (у холериков) приводит к тому, что действие вырывается у субъекта. При таких условиях нарушена существенная для волевого акта возможность сознательного регулирования»¹¹⁵⁷. Приведенные суждения наглядно свидетельствуют о том, что их авторы считают аффект не интеллектуально-волевой деятельностью, а особым психическим состоянием, определяющим уровень способности к адекватному интеллектуально-волевому восприятию действительности, т. е. признаком, характеризующим не субъективную сторону, а субъекта преступления.

Хотя аффект, снижая возможности человека осознавать фактический характер и, что более важно, социальное значение своих действий и (или) руководить ими, и накладывает определенную окраску на интеллектуальные и волевые процессы, протекающие в психике виновного, но элементом этих процессов, образующих вину, не является. Как писал в свое время известный русский психиатр А.Я. Боткин, «с научной точки зрения преступный аффект, будь он физиологический или патологический, должен составлять условие невменяемости, если доказано, что человек, находившийся в состоянии такого аффекта, не мог руководить своими поступками»¹¹⁵⁸. Точно так же, как патологический аффект исключает вменяемость, т. е. признак субъекта преступления, точно так же и физиологический аффект, свидетельствуя о пониженных интеллектуальных и волевых возможностях человека, характеризует субъекта, а не субъективную сторону преступления.

Следует признать не обоснованным и включение *заведомости* в число признаков субъективной стороны преступления. Заведомость — это не самостоятельный элемент психической деятельности человека. Термин «заведомость» представляет особый *технический прием*, применяемый законодателем для характеристики субъективной стороны преступления. Он означает способ указания в законе на то, что субъекту при соверше-

нии деяния было *заранее известно* (ведомо) о наличии тех или иных обстоятельств, имеющих существенное значение для квалификации преступления или для назначения наказания, т. е. он *достоверно знал* об этих обстоятельствах. Например, формулировка «привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности» (ст. 299 УК РФ) содержит указание и на объективное свойство принятого субъектом решения о привлечении к уголовной ответственности — на его незаконность, и на то, что об этом объективном свойстве виновному было известно в момент принятия такого решения. Совершение преступления в отношении заведомо беременной женщины (п. «г» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 2 ст. 117 УК РФ и др.), в отношении лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ), в отношении заведомо несовершеннолетнего (п. «г» ч. 2 ст. 117, п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ и др.) означает, что во всех подобных случаях виновный осознавал, что потерпевшим является лицо, обладающее указанными свойствами (беременность, беспомощность, несовершеннолетие).

Таким образом, содержание субъективной стороны преступления исчерпывается тремя признаками: виной, мотивом и целью, которые органически связаны между собой, взаимозависимы и взаимообусловлены. Между виной и прочими компонентами субъективной стороны преступления существует тесная связь, не исключаящая, правда, самостоятельного юридического значения каждого отдельного признака. В отличие от вины, являющейся *необходимым* признаком *любого* состава преступления, мотив и цель характеризуют составы *лишь некоторых* преступлений, входя в них в качестве обязательных или квалифицирующих признаков либо обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание.

Субъективная сторона преступления имеет важное юридическое значение.

Во-первых, являясь элементом состава преступления, она представляет собой часть основания уголовной ответственности и, следовательно, отграничивает преступное поведение от не-преступного. Так, не может быть признано преступлением совершение общественно опасных действий (бездействия) и причинение каких бы то ни было вредных последствий без вины (ст. 5 УК РФ) либо неосторожное совершение деяния, которое по закону является наказуемым только при умышленном совершении (ст. 115 УК РФ), а также совершение деяния без указан-

¹¹⁵⁶ Там же. С. 295.

¹¹⁵⁷ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1989. Т. 2. С. 200.

¹¹⁵⁸ Боткин Я.А. Преступный аффект как условие невменяемости: вступительная лекция в курсе судебной психопатологии. М., 1893. С. 11.

ной в законе цели либо по иным, чем указано в законе, мотивам (например, отсутствие *цели* подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации исключает ответственность за диверсию — ст. 281 УК РФ, а при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности, т. е. указанного в законе *мотива*, отсутствует состав злоупотребления должностными полномочиями — ст. 285 УК РФ).

Во-вторых, по признакам субъективной стороны отграничиваются друг от друга составы преступлений, сходные по объективной стороне. Так, по *формам вины* различаются убийство (ст. 105–108 УК РФ) и причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК); по наличию или отсутствию *цели* нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти терроризм (ст. 205 УК РФ) отличается от посягательств на личность или на собственность; по содержанию *мотивов* корыстной или иной личной заинтересованности злоупотребление полномочиями (ст. 285 ил ст. 201 УК РФ) отличается от неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315 УК РФ).

В-третьих, содержанием субъективной стороны в значительной мере определяется степень общественной опасности как совершенного деяния, так и субъекта преступления, а значит — характер ответственности и размер наказания. Поэтому Пленум Верховного Суда РФ в постановлениях «О судебном приговоре», «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», «О практике назначения судами уголовного наказания», «О практике назначения судами видов исправительных учреждений» и др. подчеркивал необходимость тщательно исследовать содержание и направленность умысла, мотивы и цели преступления, проводить необходимое различие между преступлениями, совершенными умышленно и по неосторожности.

§ 2. Вина и ее формы

Уголовное право нашей страны всегда основывалось на принципе субъективного вменения, который в действующем УК

приобрел статус законодательного¹¹⁵⁹. Его сущность заключается в том, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина, и что запрещается объективное вменение, т. е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда (ст. 5 УК РФ).

«Проблема вины, — пишет Г.В. Назаренко, — выходит за рамки уголовного права и права вообще. Принцип виновной ответственности является не только правовым, но и нравственным. Это означает, что категория вины вообще, и в уголовном праве в частности, насыщена определенным философско-этическим содержанием. Проблема вины есть проблема нравственно-правовой оценки антиобщественного поведения, осуществляемая нормативными средствами»¹¹⁶⁰.

Вина является основным юридическим признаком, характеризующим психологическое содержание любого правонарушения. Поэтому она имеет общетеоретическое значение и подвергалась исследованию представителями различных отраслей юридической науки¹¹⁶¹. Как верно было отмечено еще в позапрошлом столетии, «учение о виновности и его большая или меньшая глубина есть как бы барометр уголовного права. Оно — лучший показатель его культурного уровня»¹¹⁶².

Прежде чем перейти к рассмотрению понятия вины, следует отметить, что в уголовном законодательстве различных государств проявляются три подхода к этому понятию. Большинство стран вообще не используют понятия вины, вполне обходясь понятиями умысла и неосторожности (например Германия, Дания, Испания, Польша, Швеция и др.). В уголовном законодательстве США и стран общего права используется совершенно иная терминология для обозначения психологической состав-

¹¹⁵⁹ Якушин В.А. Указ. соч. С. 6–28.

¹¹⁶⁰ Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве. Орел, 1996. С. 3.

¹¹⁶¹ См.: Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955; Лунев А.Е. Административная ответственность за правонарушение. М., 1961; Хвостов М. Вина в советском трудовом праве. Минск, 1970; Ойгензихт В.А. Воля и вина в гражданском праве // Советское государство и право. 1982. № 4. С.49–54; и др.

¹¹⁶² Фельдштейн Г.С. Природа умысла. М., 1898. С. 2.

ляющей преступления. Другие страны, не давая определения вины, указывают на то, что виновным в преступном деянии признается лицо, совершившее его с умыслом или по неосторожности (например, ст. 19 УК Республики Казахстан, ст. 16 УК Китайской Народной Республики, ст. 8 УК Латвийской Республики, ст. 24 УК Российской Федерации). И лишь некоторые УК стран, ранее входивших в состав СССР, содержат легальное определение вины. Так, в ч. 1 ст. 21 УК Республики Беларусь вина определяется как «психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности». Аналогичное, но несколько более полное определение вины дается в ст. 23 Уголовного кодекса Украины: «Виной признается психическое отношение лица к совершаемому действию или бездействию, предусмотренному настоящим Кодексом, и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности». Психологическое понимание вины, нашедшее закрепление в уголовных кодексах Беларуси и Украины, преобладает и в российской уголовно-правовой науке.

Вина в соответствии с психологическим ее пониманием, господствующим в отечественной правовой науке, — это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и к его общественно опасным последствиям. Основными категориями, характеризующими вину, являются содержание, форма, сущность, степень и объем. Центральное место среди них занимает *содержание вины*.

Под содержанием в философии понимается единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций, которое представляет определяющую сторону явлений или объектов¹¹⁶³. Вина как уголовно-правовое понятие — это *психическое отношение*, проявленное в конкретном преступлении. Его составными элементами являются сознание и воля. Различные предусмотренные уголовным законом комбинации сознательного и волевого элементов образуют разные модификации вины. Поэтому интеллект и воля — это элементы, совокупность которых образует *содержание вины*.

Вина — понятие юридическое, поэтому не следует чрезмерно психологизировать ее, стремясь во что бы то ни стало на-

полнить термины, с помощью которых закон определяет умысел и неосторожность, тем смыслом, который вкладывает в них психология, а тем более — дополнить характеристику форм вины психологическими терминами, не используемыми законодателем. Психологи справедливо отмечают избыточность психологической терминологии для теоретического описания юридических признаков, которые нужны законодателю и практике¹¹⁶⁴. В то же время не менее вредными могут стать попытки излишней «юридизации» вины, стремление выхолостить ее психологическое содержание.

Вопреки устоявшимся в науке представлениям о содержании вины некоторые ученые предпринимают неосновательные попытки сузить психологическое содержание вины за счет исключения из него одного из двух элементов. Так, Бежан Хорнабуджели высказал мнение, что умысел означает лишь предвидение неизбежности или вероятности наступления общественно опасных последствий, а наличие желания или сознательного допущения этих последствий вообще не относится к характеристике этой формы вины¹¹⁶⁵. Такую же позицию заняли Н.Г. Иванов¹¹⁶⁶ и С.В. Скляр¹¹⁶⁷, которые не видят в желании как элементе умысла самостоятельного значения и предлагают определить умысел только с помощью признака осознания общественно опасного и противоправного характера совершаемого деяния. С подобными попытками нельзя согласиться, поскольку они не только не соответствуют закону, но и не учитывают положений психологической науки, в соответствии с которыми «уголовно-правовое понятие вины не сводится к характеристике мыслительных процессов — оно включает и волевой компонент, это умышленный или неосторожный *поступок*, запрещенный законом»¹¹⁶⁸.

Предметное содержание обоих элементов вины, т. е. совокупность юридически значимых фактических обстоятельств,

¹¹⁶⁴ Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. С. 26.

¹¹⁶⁵ Хорнабуджели Б. Психологическая сторона вины. Тбилиси, 1981. С. 34, 40, 107.

¹¹⁶⁶ Иванов Н.Г. Умысел в уголовном праве РФ // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 16–18.

¹¹⁶⁷ Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С. 23–33.

¹¹⁶⁸ Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999. С. 40.

¹¹⁶³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 621.

психическое отношение к которым образует содержание вины, определяется конструкцией состава конкретного преступления.

При совершении преступлений сознанием лица охватываются самые разнообразные обстоятельства. Так, грабитель осознает, в какое время суток совершается преступление, предвидит затруднения с реализацией награбленного, понимает вероятность его разоблачения и привлечения к уголовной ответственности и т. д. Однако все эти обстоятельства не характеризуют юридическую сущность грабежа, поэтому их осознание не входит в содержание вины.

Предметом сознания как элемента вины в уголовном праве являются только те объективные факторы, которые определяют юридическую характеристику данного вида преступлений, т. е. входят в число признаков состава этого преступления. Применительно к грабежу такими объективными факторами являются, во-первых, то обстоятельство, что похищаемое имущество является для виновного *чужим*, во-вторых, *открытый способ* его похищения, в-третьих, имущественный *ущерб*, причиняемый собственнику. Если же говорить о разбое, то третье из названных обстоятельств находится за пределами состава этого преступления, поэтому и интеллектуальное отношение к нему не входит в содержание вины при разбое.

Законодатель обычно не раскрывает предметного содержания вины, оставляя этот вопрос на решение теории уголовного права и судебной практики. Исключением является УК Латвийской Республики, в ч. 2 ст. 8 которого предписано, что «при определении формы вины лица, совершившего преступное деяние, необходимо установить психическое отношение данного лица к *объективным признакам* (курсив мой. — А.Р.) преступного деяния».

Итак, содержание *интеллектуального* элемента вины зависит от способа законодательного описания преступления. В него входит осознание характера объекта, фактического содержания и социального значения совершаемого действия или бездействия. При совершении преступлений с материальным составом в интеллектуальный элемент вины входит также и предвидение (либо возможность предвидения) общественно опасных последствий. Если законодатель вводит в число признаков состава преступления какой-либо дополнительный признак, характеризующий место, время, способ, обстановку и т. п., то осознание

этих дополнительных признаков общественно опасного деяния также входит в содержание интеллектуального элемента вины.

Волевая сторона психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию образует *волевой элемент* вины, предметное содержание которого также определяется конструкцией состава преступления. Предметом волевого отношения субъекта является практически тот же круг фактических обстоятельств, которые составляют предмет интеллектуального отношения, т. е. обстоятельства, определяющие юридическую сущность деяния и в своей совокупности образующие состав данного преступления. Однако при этом необходимо выделить волевое отношение к *главному* объективному признаку состава преступления, в котором воплощается общественная опасность данного деяния. Отношение к этому признаку служит определяющим критерием при установлении формы вины.

Философия характеризует форму как внутреннюю структуру устойчивых связей и взаимодействия элементов, свойств и процессов, образующих предмет или явление, а также способ существования и выражения содержания¹¹⁶⁹. *Форма вины* определяется закрепленным в уголовном законе соотношением психических элементов (сознание и воля), образующих содержание вины, т. е. различиями в интенсивности и определенности интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике субъекта преступления. Форма вины указывает на способ интеллектуального и волевого взаимодействия субъекта с *объективными обстоятельствами*, составляющими юридическую характеристику данного вида преступлений.

В уголовном законодательстве содержится описание двух форм вины: умысла и неосторожности. Каждая из названных форм вины делится на виды, умысел — на прямой и косвенный, а неосторожность — на легкомыслие и небрежность. Этим модификациям вины свойственно *определенное законом* сочетание интеллектуальных и волевых процессов, т. е. каждая разновидность вины имеет специфическое содержание. Вместе с тем прямой и косвенный умысел не имеют значения самостоятельных форм вины, а являются видами одной и той же формы. Общим для них (как для видов умысленной формы вины) с *интеллектуальной* стороны является *осознание* общественно опасного характера совершаемого деяния и *предвидение* общественно

¹¹⁶⁹ Философский энциклопедический словарь. С. 621.

опасных последствий. В отличие от умысла оба вида неосторожной формы вины характеризуются *отсутствием* осознания реальной опасности деяния и предвидения общественно опасных последствий в конкретном случае. Волевой элемент обоих видов умысла заключается в *положительном* (в форме желания или сознательного допущения либо безразличия) отношении к общественно опасным последствиям, а волевой элемент обоих видов неосторожности состоит в *отрицательном* отношении к общественно опасным последствиям, наступления которых виновный старается избежать либо вообще не предвидит.

Форма вины имеет многообразное юридическое значение.

Во-первых, она является субъективной границей, отличающей преступное поведение от непроступного. Это касается прежде всего неосторожного совершения деяний, наказуемых лишь при умышленном их совершении (например, лишение жизни посягающего с превышением пределов необходимой обороны образует состав преступления, предусмотренный в ч. 1 ст. 108 УК, только при умышленной форме вины).

Во-вторых, форма вины определяет квалификацию преступлений, если законодатель предусматривает различное наказание за совершение одного и того же общественно опасного деяния, но с различными формами вины.

Ответственность за некоторые преступления в уголовном законе дифференцируется в зависимости от того, с какой формой вины совершено деяние. Так, за убийство, умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества предусмотрена ответственность специальными нормами с достаточно суровыми санкциями, а за эти же деяния, но совершенные по неосторожности, назначается менее строгое наказание по другим нормам. Следовательно, в этих случаях форма вины определяет квалификацию за деяния, неразличимые по объективным признакам.

Например, рабочие подсобного хозяйства К. и З. после распития спиртных напитков, в котором принимал участие и начальник подсобного хозяйства С., решили искупать последнего в реке по существующим в деревне обычаям. Они столкнули С., который к этому времени был в состоянии сильного опьянения, с деревянных мостков в воду. Он некоторое время плыл по реке, а потом утонул. В результате неверной оценки субъективной стороны этого преступления Горьковский областной суд осу-

дил К. и З. за убийство из хулиганских побуждений. Рассмотрев дело по кассационным жалобам, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что вывод об умышленном характере совершенного преступления областной суд сделал «без должного учета конкретных обстоятельств дела, взаимоотношений потерпевшего и виновных, их намерений и всей обстановки происшедшего», поскольку «К. и З., ставкая С. в воду, не предвидели его гибели, хотя при сложившейся ситуации должны были и могли предвидеть, что в результате их действий могут наступить указанные последствия»¹¹⁷⁰.

На этом основании Судебная коллегия квалифицировала описанное преступление как причинение смерти по неосторожности.

Ошибка противоположного характера допустил Президиум областного суда Карачаево-Черкесской автономной области, который переквалифицировал с ч. 1 ст. 108 УК РСФСР (ч. 1 ст. 111 УК РФ) на ч. 1 ст. 114 УК РСФСР (ч. 1 ст. 118 УК РФ) действия К. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала по этому делу: «Нанося удар обувью в туристический ботинок ногой в живот потерпевшему, К. предвидел и сознательно допускал возможность причинения потерпевшему тяжких телесных повреждений»¹¹⁷¹, т. е. совершил преступление не по неосторожности, а умышленно.

В обоих случаях суд допустил ошибку в определении формы вины, что повлекло неправильную квалификацию, которая была исправлена лишь Верховным Судом РСФСР.

Форма вины оказывает определяющее влияние на квалификацию преступления и в том случае, если деяние совершается без умысла, необходимого для привлечения к уголовной ответственности за причинение фактически наступивших последствий.

Так, Чертановским межмуниципальным судом г. Москвы М. осужден по ст. 115 УК РФ за то, что в ходе ссоры он нанес удар по лицу Б., которая, падая, ударилась головой о стену, что повлекло причинение легкого вреда ее здоровью по признаку кратковременного расстройства здоровья.

¹¹⁷⁰ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1986. № 5. С. 6.

¹¹⁷¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1986. № 6. С. 5.

По протесту Заместителя Председателя Верховного Суда РФ Президиум Московского городского суда переквалифицировал деяние на ст. 116 УК РФ, указав на отсутствие оснований для утверждения, что умыслом М. охватывалось причинение вреда здоровью потерпевшей. Данные последствия наступили по неосторожности М., но, поскольку УК РФ не предусматривает уголовной ответственности за причинение легкого вреда здоровью по неосторожности, его деяние надлежит квалифицировать как совершение насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших причинения легкого вреда здоровью¹¹⁷².

Третье значение формы вины состоит в том, что она в сочетании со степенью общественной опасности деяния лежит в основе законодательной классификации преступлений: в соответствии со ст. 15 УК РФ к категориям тяжких и особо тяжких преступлений относятся только умышленные преступления.

В-четвертых, форма вины предопределяет условия отбывания наказания в виде лишения свободы. Согласно п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ, лица, осужденные к этому наказанию за преступления, совершенные по неосторожности, а также осужденные впервые к лишению свободы на срок не свыше пяти лет за умышленные преступления небольшой или средней тяжести, по общему правилу, направляются для отбывания лишения свободы в колонию-поселение, а мужчины, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления, отбывают наказание в исправительных колониях общего, строгого или особого режима либо в тюрьме.

В-пятых, некоторые институты уголовного права (приготовление, покушение, соучастие, рецидив) связаны только с умышленной формой вины.

В-шестых, наличие умышленной формы вины обязывает суд исследовать вопрос о мотивах и целях преступления, в то время как по делам о неосторожных преступлениях такая задача не ставится.

С содержанием и формой тесно связана категория *объема вины*.

Определяя умысел и неосторожность, законодатель исходит из психического отношения только к деянию (действию или бездействию) и его последствиям. Казалось бы, виной не охватыва-

ется отношение к таким признакам, как место, время, способ, обстановка совершения преступления и т. п. Однако такой вывод был бы ошибочным, поскольку он основан на чрезмерно узком толковании термина «деяние», понимаемого только как родовое понятие действия или бездействия. Между тем деяние — это не просто активная либо пассивная форма поведения, а поступок, совершаемый определенным способом в конкретных условиях, времени и т. п. Причем нередко именно эти обстоятельства придают деянию общественно опасный характер. Так, занятие охотой в виде промысла либо в качестве «хобби» превращается в уголовно наказуемое браконьерство, если совершается с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей; в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена; на территории заповедника, заказника либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации (п. «б» — «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ). В таких случаях осознание общественно опасного характера совершаемого деяния означает непереносимое понимание не только фактической стороны совершаемых действий (выслеживание, преследование и добыча зверя или птицы), но и того, что они совершаются незаконными способами, или в отношении запрещенных для охоты птиц и зверей, или в не установленных местах.

Иное положение складывается, если названные объективные признаки не являются имманентным свойством самого деяния, а служат квалифицирующими признаками либо обстоятельствами, смягчающими или отягчающими наказание. В этих случаях психическое отношение к действию (бездействию) и к прочим объективным признакам преступления может быть неоднородным, например, действие — желаемым, а квалифицирующее последствие — непредвиденным, причиняемым по небрежности. Из совокупности разнородных психических отношений следует выделить отношение к признаку, определяющему в концентрированном виде общественную опасность деяния. По общему правилу¹¹⁷³, в формальных составах признаком, воплощающим общественную опасность совершаемого преступления, является запрещенное законом действие (бездействие), а в материальных — предусмотренное диспозицией уголовно-

¹¹⁷² Буллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 4. С. 16–17.

¹¹⁷³ Более подробно об этом см. в § 3 настоящей главы.

правовой нормы общественно опасное последствие. Отношение именно к этому признаку и определяет форму вины. Отношение же к остальным объективным признакам деяния, входя в содержание вины, на ее форму не влияет. Совокупность психических отношений виновного ко всем юридически значимым объективным признакам, инкриминируемым субъекту, составляет *объем вины*. Он устанавливает границы круга тех фактических обстоятельств, которые выражают юридическую сущность совершаемого деяния и виновное отношение к которым обосновывает возможность их вменения субъекту преступления. Иными словами, объем вины является тем показателем, который устанавливает конкретные пределы ее содержания.

Рассмотрев достаточно подробно категорию «объем вины», В.А. Якушин выразил несогласие с приведенным выше пониманием объема вины и его соотношением с формами и содержанием вины, поскольку, по его мнению, оно грешит противопоставлением объема вины ее формам и содержанию¹¹⁷⁴. Представляется, что для критического отношения к изложенной выше трактовке категории объема вины у В.А. Якушина не было веских оснований.

В предложенной трактовке объем вины определяется как совокупность психических отношений ко всем юридически значимым объективным обстоятельствам совершения преступления. А это значит, что он рассматривается в рамках психического отношения к деянию и его последствиям, т. е. входит в содержание вины. А поскольку любое содержание вины может существовать только в рамках какой-нибудь из ее форм, постольку объем вины определяет рамки субъективного вменения лишь применительно к конкретной форме вины. При этом объем вины складывается из психических отношений к обстоятельствам, характеризующим объект и объективную сторону преступления, которые: а) являются конститутивными признаками, б) имеют квалифицирующее значение, в) включены законом в число обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание.

Как уголовно-правовое явление вина существует только в преступлении, которое представляет собой социальный феномен. Поэтому вина тоже представляет собой социальное явление. Именно *социальная сущность* вины позволяет обосновать

осуждение, порицание общественно опасного поведения субъекта.

Вопрос о социальной сущности вины затрагивался русскими криминалистами еще в начале прошлого столетия. Так, Н.С. Таганцев писал: «Воля и составляет сущность виновности, так как всякая виновность заключает в себе порочность или недостаток, дефект нашей воли, нашего самонаправления к деятельности»¹¹⁷⁵. Сходное понимание сущности вины видно и у Э.Я. Немировского, определявшего ее как психологическую настроенность правонарушителя против существующего правопорядка¹¹⁷⁶. Выяснению социальной сущности вины как важной теоретической проблеме уделялось серьезное внимание и в советской юридической науке.

Некоторые советские ученые усматривали социальную сущность вины в самом психическом отношении лица к деянию, которое, по их мнению, является предметом отрицательной оценки и порицается от имени государства и общества¹¹⁷⁷. На это следовало весьма веское возражение, что неверно было бы распространять момент государственного осуждения только на вину, так как «моральной, политической, юридической, короче говоря, классовой оценке подлежит все деяние в целом, ибо только все деяние в целом способно причинить тот или иной с точки зрения его общественного значения результат»¹¹⁷⁸. К этому добавлялся убедительный аргумент, что «момент порицания, осуждения есть момент вторичный, есть следствие социально-политической сущности вины»¹¹⁷⁹. Действительно, вина оценивается отрицательно не только как формально-юридическая категория, а как психическое отношение к деянию, в котором проявляются определенные антисоциальные черты, свойства и привычки самого правонарушителя.

¹¹⁷⁵ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. СПб., 1902. Т. 1. С. 453.

¹¹⁷⁶ Немировский Э.Я. Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. С. 190–191.

¹¹⁷⁷ Макашвили В.Г. Вина и сознание противоправности // Методические материалы ВЮЗИ. Вып. 2. М., 1948. С. 92.

¹¹⁷⁸ Никифоров А.С. Основные вопросы уголовной ответственности за преступления, совершенные по небрежности // Ученые записки ВЮИОН. Вып. 1. М., 1955. С. 136.

¹¹⁷⁹ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 43.

¹¹⁷⁴ Якушин В.А. Указ соч. С. 160.

До середины 70-х годов XX в. наиболее распространенным был взгляд на социальную сущность вины как на *отрицательное* отношение лица к важнейшим *интересам* общества, выраженное в общественно опасном деянии. Благодаря вине деяние является не просто объективно противоправным, но и свидетельствует об определенном отрицательном отношении правонарушителя к интересам общества либо к правам и законным интересам отдельных граждан. По мере все более глубокого изучения аксиологических (ценностных) аспектов права некоторые ученые стали приходить к выводу, что категория «интерес» является слишком узкой и входит в более широкое понятие «ценность». Кроме того, определение социальной сущности вины через категорию ценностей стало необходимым еще и потому, что вина служит обоснованию отрицательной оценки, осуждения преступника, следовательно, определение вины должно нести этическую нагрузку, которой интерес, в отличие от ценности, не несет¹¹⁸⁰. Поэтому более точным представляется определение социальной сущности вины как неправильного отношения к наиболее важным *ценностям* общества, выраженного в общественно опасном деянии¹¹⁸¹.

В приведенных определениях вызывает сомнение правомерность характеристики отношения к социальным ценностям во всех случаях как *отрицательного*. В литературе уже обращалось внимание на неприменимость такой характеристики к большинству неосторожных преступлений¹¹⁸². Качественное различие в психологическом содержании умысла и неосторожности обусловлено различием в ценностных ориентациях субъектов умышленного и неосторожного преступлений. Подчеркивая это различие, Н.С. Таганцев писал, что «основной признак неосторожности имеет отрицательный характер: учинивший преступное деяние должен был действовать иначе, чем он действовал, он проявил ненадлежаще правомерную волю; основной признак умысла — положительный: учинивший преступное деяние сознательно направил свою деятельность вопреки требо-

ваниям права и закона, он проявил злую волю»¹¹⁸³. Конечно, иногда в неосторожных преступлениях может проявиться именно отрицательное отношение к основным ценностям общества. О нем могут свидетельствовать сознательное грубое нарушение профессиональной предосторожности либо злостное или систематическое пренебрежение нормами социального поведения. Одним из показателей отрицательных ценностных ориентаций неосторожного преступника является предшествующее привлечение его к дисциплинарной, административной или иной юридической ответственности за нарушение норм социального поведения. Но и у таких лиц уровень деформации ценностных ориентаций значительно ниже, чем у лиц, совершающих умышленные преступления. В большинстве случаев ценностные ориентации субъектов неосторожных преступлений гораздо ближе к направленности благополучных в криминальном отношении граждан, чем к ориентациям лиц, совершающих преступления умышленно. Поэтому вряд ли правильно одним и тем же термином характеризовать искаженное отношение к социальным ценностям лиц, совершающих преступления с умыслом, и лиц, виновных в совершении преступлений по неосторожности. Отношение последних к признанным социальным ценностям общества точнее определять не как отрицательное, а как *недостаточно бережное* либо *недостаточно внимательное*. Оно может иметь различные оттенки: пренебрежение, беспечность, невнимание, недостаточное внимание. Но при этом общественно опасный результат всегда является для виновного нежелательным и неожиданным.

Следовательно, *социальную сущность вины составляет отрицательное (что характерно для умысла) либо пренебрежительное, или недостаточно внимательное (что характерно для неосторожности) психическое отношение к основным социальным ценностям, проявившееся в конкретном преступном деянии*.

Одним из основных показателей, характеризующих вину, является ее *степень*. Так же, как и понятие сущности вины, понятие степени вины в уголовном законодательстве отсутствует и в настоящее время носит теоретический характер. Тем не менее теоретическая разработка степени вины имеет определенное практическое значение, тем более что судебная практика приме-

¹¹⁸⁰ Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. С. 111.

¹¹⁸¹ Там же. С. 112.

¹¹⁸² См., напр.: Куринов Б.А. Рецензия на монографию И.С. Самошенко «Понятие правонарушения в советском законодательстве» // Советское государство и право. 1964. № 3. С. 137.

¹¹⁸³ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 453.

няет это понятие достаточно широко. Для дальнейшего внедрения этого показателя вины в судебную практику необходимо максимально его конкретизировать и разработать определенные показатели объективного характера.

Степень вины изучали многие ученые, но единства в трактовке этого понятия до сих пор не достигли, как и в толковании многих других уголовно-правовых понятий, носящих оценочный характер. Задача науки уголовного права заключается в том, чтобы приспособить это понятие к нуждам судебной практики, снабдив его объективными критериями.

Некоторые исследователи вины разницу в ее степени усматривали в различиях между умыслом и неосторожностью¹¹⁸⁴ и тем самым неосновательно смешивали качественную и количественную характеристики вины. Другие ученые под степенью вины подразумевали определенный уровень интенсивности интеллектуальных и волевых процессов, составляющих в своей совокупности содержание вины¹¹⁸⁵, т. е. считали степень вины чисто психологической категорией, лишенной социально-этической нагрузки. Было высказано и мнение, что «вопрос о степенях вины лежит за рамками признания наличия умысла или неосторожности. Он разрешается не только в зависимости от наличия этих признаков, а в зависимости от всех обстоятельств дела, объективных и субъективных, то есть зависимости от степени вины как основания уголовной ответственности»¹¹⁸⁶. Искусственно разрывая юридическую и социальную сущность вины, сторонники этой точки зрения относят юридическую сущность к умыслу и неосторожности, а социальную сущность — к общественно опасному деянию в целом.

Следует подчеркнуть, что степень вины — это количественная характеристика не юридической, а *социальной сущности* вины, а именно характеристика глубины деформированности социальных ориентаций субъекта. Она определяется не только формой вины, но и особенностями психической деятельности лица в процессе совершения преступления, целями и мотивами его поведения, личностными особенностями и т. д. «Лишь сово-

купность формы и содержания вины с учетом всех особенностей психического отношения лица к объективным обстоятельствам преступления и его субъективных, психологических причин определяет степень отрицательного отношения лица к интересам общества, проявленного в совершенном лицом деянии, то есть степень его вины»¹¹⁸⁷.

Влияние *формы вины* на ее степень неоспоримо и первоначально.

В умышленном преступлении виновный, сознательно посягая на социальные ценности, определенно проявляет свое отрицательное к ним отношение, а при неосторожном преступлении такая определенность отсутствует. Следовательно, ценностные ориентации субъекта при умысле более деформированы, чем при неосторожности.

Сложнее соизмерить соотносительную тяжесть видов умысла и видов неосторожности. Если сравнивать прямой и косвенный умыслы при одинаковых прочих условиях, то *прямой* умысел всегда *опаснее косвенного*. Так, человек, желающий причинить смерть многим людям, опаснее человека, открывшего в толпе беспорядочную стрельбу без желания убить кого-то конкретно, а лицо, сознательно допускающее смерть больного в поджигаемом доме, менее опасно, чем поджигатель, стремящийся причинить смерть тому же больному.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. говорится: «По каждому такому делу должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти другому человеку, а также исследованы иные обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания»¹¹⁸⁸.

Не случайно на первое место среди субъективных признаков умышленного убийства был поставлен вид умысла как фактор, влияющий на опасность преступления (формулировку «форма вины» следует считать недоразумением, связанным с некритическим использованием формулировки, заимствованной из постановления от 22 декабря 1992 г., и понимать именно как «вид

¹¹⁸⁴ Ошерович Б. К вопросу о степенях виновности // Ученые записки ВИНУН. Вып. 1. М., 1940. С. 68–69.

¹¹⁸⁵ Макашвили В.Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957. С. 13, 18.

¹¹⁸⁶ Утевский Б.С. Указ. соч. С. 74.

¹¹⁸⁷ Дагель П.С., Михеев Р.И. Установление субъективной стороны преступления. Владивосток, 1972. С. 17.

¹¹⁸⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 2.

умысла»). Это разъяснение, не раз повторенное Пленумом Верховного Суда РФ, в полной мере относится ко всем умышленным преступлениям. И точно так же следует устанавливать вид неосторожности по всем делам о преступлениях, совершенных с этой формой вины, поскольку легкомыслие всегда опаснее небрежности. При легкомыслии виновному приходится преодолевать контрмотивы, удерживающие его от неразумного поступка, и он не только не воздерживается от совершения действий, чреватых общественно опасными последствиями, но даже не дает себе труда тщательно оценить все детали сложившейся обстановки и ее возможные социальные последствия. Такое отношение к деянию, безусловно, опаснее небрежности, при которой виновный совершает опрометчивый поступок только потому, что не предвидит возможных вредных последствий.

Помимо форм и видов вины на ее степень влияют *особенности содержания* интеллектуального и волевого процессов, происходящих в психике виновного. Объем и определенность сознания, характер предвидения, преднамеренность, настойчивость в достижении цели могут существенно повлиять на степень вины при умысле. Степень легкомыслия в оценке обстановки, степень самонадеянности при построении расчета избежать наступления общественно опасных последствий, характер обязанности предвидеть и причины непредвидения вредных последствий могут повысить или снизить степень неосторожной вины.

Влияние *мотива и цели* на степень вины осуществляется не непосредственно, не в качестве ее составных элементов (каковыми эти признаки не являются), а в силу их диалектической взаимосвязи с интеллектуальной и волевой сторонами психики человека. «Именно мотив является связывающим звеном между сознанием и волей индивида. Более того, именно он связывает все объективные и субъективные признаки состава в единое целое»¹¹⁸⁹. Цель и мотив определяют постановку конкретных задач реальных действий, выбор средств и способов их решения. На их основе возникает идеальная мысленная модель преступного деяния, следовательно, они представляют тот фундамент, на котором рождается реальное психическое отношение лица к общественно опасному деянию, т. е. вина. Являясь непосредствен-

ным порождением неправильных ценностных ориентаций человека, они несут отрицательный в социальном плане заряд в психическую деятельность этого лица, связанную с определенным общественно опасным деянием, придают этой психической деятельности предосудительный, порицаемый характер.

Особенности объекта и объективной стороны, а иногда и *особые свойства предмета* посягательства оказывают влияние на степень вины через содержание умысла или неосторожности. Например, осознание общественной опасности конкретного преступления предполагает, что виновный предвидит не абстрактный вред своего деяния, а наступление в каждом случае вполне определенного по характеру и количественным показателям вреда: легкого, средней тяжести либо тяжкого вреда здоровью. Поэтому осознание большей или меньшей тяжести причиняемого вреда означает большую или меньшую степень отрицательного отношения к основным социальным ценностям. То же самое касается и других объективных черт преступного деяния.

Таким образом, *степень вины* — это оценочная категория, содержащая психологическую и социальную характеристику вины с ее количественной стороны и выражающая меру отрицательного, пренебрежительного или недостаточно внимательного отношения лица, виновного в совершении преступления, к основным социальным ценностям.

Степень вины конкретного лица в совершении определенного преступления является непосредственным выражением меры искажения ценностных ориентации виновного. Поэтому она находится в прямой зависимости с величиной уголовно-правового принуждения, необходимого для устранения дефектов в социальных ориентациях правонарушителя, с характером и размером назначаемого ему наказания.

Обобщая все изложенное, можно дать следующее определение вины.

Вина есть психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная

¹¹⁸⁹ Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1977. С. 61.

либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей.

§ 3. Умысел и его виды

Умысел — наиболее распространенная форма вины.

По состоянию на 1 января 2005 г. УК РФ предусматривал ответственность за 278 преступлений, из которых 224 (81,3%) являются умышленными, 24 (8,6%) характеризуются альтернативной формой вины, т. е. в соответствии с их законодательным описанием могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности, и 28 преступлений (10,1%) являются неосторожными. Выборочные исследования показывают, что и в реальной жизни удельный вес умышленных преступлений достигает 90–92 % от общего числа совершенных преступных деяний. Этим обусловлена необходимость углубленного исследования психологического содержания и социальной сущности умышленной формы вины, что соответствует и требованию Верховного Суда РФ, который, в частности, в постановлении «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. обратил внимание судов на обязательность учета вида умысла, мотивов и целей преступления при назначении наказания.

А) Прямой умысел

В зависимости от психологического содержания умысел подразделяется на два вида — прямой и косвенный. В соответствии с законом преступление признается совершенным с **прямым умыслом**, если лицо, его совершившее, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (ч. 2 ст. 25 УК РФ).

Осознание общественно опасного характера совершаемого деяния и предвидение общественно опасных последствий определяют процессы, протекающие в сфере сознания, поэтому они составляют *интеллектуальный элемент* прямого умысла, а желание наступления указанных последствий, определяя волевую сторону психической деятельности, образует *волевой элемент* прямого умысла.

Предметом сознания как элемента умысла являются прежде всего те фактические обстоятельства, из которых складывается

общественно опасное деяние. Но в то же время «умысел — понятие с социальным содержанием, ввиду чего сознание одних только фактических элементов не может обосновать ответственности лица за умышленное преступление»¹¹⁹⁰. Умысел представляет собой отражение в психике человека важнейших фактических и социальных свойств совершаемого деяния. Поскольку главным социальным признаком преступного деяния, определяющим его материальное содержание, является общественная опасность, то в содержание умысла законодатель включает прежде всего осознание общественно опасного характера деяния. Из этого следует, что предметом сознания при умысле являются, во-первых, фактическое содержание совершаемого деяния и, во-вторых, его социальное значение.

Общественно опасным является лишь такое деяние, которое по своим объективным фактическим свойствам способно причинить вред определенным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, т. е. посягает на определенный объект. Эта направленность на конкретный объект является одним из критериев общественной опасности деяния и, безусловно, должна охватываться сознанием лица, действующего умышленно. Разумеется, осознание лицом объекта преступления не равнозначно знанию его юридической определенности. Субъект умышленного преступления может не знать точно, на какой непосредственный объект посягает его деяние, но должен осознавать, что причиняет вред определенным охраняемым уголовным законом интересам личности, общества или государства. Так, намеренно причиняя легкие телесные повреждения при совершении хулиганских действий, субъект действует умышленно независимо от того, считает ли он основным объектом посягательства здоровье потерпевшего или общественный порядок. Определяющим является то, что виновный понимает характер совершаемого деяния и в общих чертах осознает, на какую сферу общественных отношений он посягает.

Осознанию общественно опасного характера совершаемого деяния помогает не только отражение (хотя бы в общих чертах) объекта преступления, но и понимание социального значения всех фактических свойств совершаемого деяния. К таким свойствам относятся место, время, способ, обстановка совершаемого

¹¹⁹⁰ Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству // Советское государство и право. 1965. № 6. С. 30

преступления, которые, будучи включенными законодателем в объективную сторону преступления, содержат дополнительную характеристику действия или бездействия, становятся их индивидуальными фактическими признаками. Так, грабитель осознает не только факт изъятия чужого имущества, но и то, что имущество похищается им *открытым способом*. Сознанием же браконьера охватывается не только факт незаконной охоты, но и то обстоятельство, что она осуществляется на территории государственного заповедника, т. е. в определенном *месте*. В обоих случаях речь идет об осознании виновным дополнительных признаков действия, которые придают деянию новые социальные качества и существенно влияют на степень его общественной опасности.

В содержание умысла не входит осознание признаков самой субъективной стороны и признаков, характеризующих субъекта преступления. Если же речь идет о преступлениях со специальным исполнителем, то умыслом виновного должны охватываться не сами по себе дополнительные признаки субъекта, а *характер* нарушенных виновным специальных *обязанностей*, которые определяют специфические свойства самого *деяния*.

Осознание общественной опасности деяния не следует отождествлять с осознанием его противоправности, т. е. запрещенности уголовным законом. В подавляющем большинстве случаев лица, совершающие умышленные преступления, осознают их противоправность. Но в теории уголовного права до сих пор господствующим является мнение, что осознание противоправности не входит в содержание умысла. Такое мнение сформировалось в период, когда в советских уголовных кодексах было закреплено материальное определение преступления, лишенное формального признака — указания на противоправность деяния, и допускалось применение аналогии в уголовном праве. Но после закрепления в Основах 1958 г., а затем и в УК союзных республик формально-материального определения признаков противоправности стал таким же полноправным признаком преступления, как общественная опасность, виновность и наказуемость. Поэтому неотъемлемой чертой умышленной формы вины следует признать *осознание* (а при неосторожности — возможность осознания) *противоправного характера* совершаемого деяния. Уместно заметить, что уголовным законодательством ряда стран осознание противоправности совершаемого деяния включено в содержание умысла.

Так, в силу ч. 3 ст. 14 УК Испании непреодолимая ошибка относительно противоправности деяния, составляющего правонарушение (включая и преступления, и проступки), исключает уголовную ответственность лица.

Аналогичное положение закреплено в ст. 30 УК Польши: «Не совершает преступления тот, кто совершает запрещенное деяние, добросовестно заблуждаясь в его противоправности». В теоретической литературе по уголовному праву некоторые российские ученые обосновывают необходимость законодательного определения вины как психического отношения к деянию не только общественно опасному, но и противоправному¹¹⁹¹. Тем не менее российский уголовный закон при описании умысла прямо не включает осознание противоправности совершаемого деяния в содержание этой формы вины.

Поэтому объективно общественно опасное деяние по формальным признакам может быть признано умышленным преступлением и в тех, весьма редких, случаях, когда противоправность совершенного деяния не осознавалась виновным (например, он не ознакомился и в конкретных жизненных условиях не имел возможности ознакомиться с законодательным установлением уголовно-правового запрета), что, впрочем, вряд ли соответствует психологическому содержанию умысла.

Итак, первым признаком интеллектуального элемента прямого умысла является осознание общественно опасного характера совершаемого деяния, т. е. хотя бы общей характеристики объекта посягательства, а также фактического содержания и социальных свойств всех составных элементов действия или бездействия.

Вторым интеллектуальным признаком прямого умысла в преступлениях с материальным составом является *предвидение* общественно опасных последствий совершаемого деяния. Под предвидением подразумевается отражение в сознании тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем. Поэтому предвидение общественно опасных последствий следует понимать как мысленное представление виновного о вреде, который он своим деянием причинит (или может причинить) тем общественным отношениям, которые находятся под охраной уголовного закона. При прямом умысле предвидение включает представление о фактическом содержании предстоя-

¹¹⁹¹ Якушин В.А. Указ. соч. С. 122.

щих изменений в объекте преступления, понимание их социального значения, т. е. вредности для охраняемых законом общественных отношений, а также осознание причинно-следственной зависимости между собственным деянием и его общественно опасными последствиями. При этом опережающее сознание субъекта может отражать не все детали, а лишь общий характер причинно-следственной цепи.

В одном из определений Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что осуждение Ф. за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью является необоснованным, поскольку установленные судом обстоятельства не позволяют утверждать, будто Ф. предвидела, что в результате ее действий потерпевшая упадет и получит закрытый перелом шейки левого бедра со смещением, поэтому квалификация преступления как умышленного исключается¹¹⁹². В данном случае Ф. не осознавала причинно-следственной зависимости между своими действиями и причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей и не предвидела такого последствия, поэтому умысел исключается.

Для прямого умысла характерным является предвидение *неизбежности* наступления общественно опасных последствий. «Желание, — писал известный советский психолог С.Л. Рубинштейн, — переходит в подлинно волевой акт, когда к знанию цели присоединяется установка на ее реализацию, *уверенность* (курсив мой. — А.Р.) в ее достижимости и направленность на овладение соответствующими средствами»¹¹⁹³. Характерная для прямого умысла намеренность в достижении определенного результата связана с обязательным условием осуществимости этого намерения. А оно, с точки зрения лица, действующего с прямым умыслом, осуществимо, если планируемые последствия должны наступить в обязательном порядке. Конечно, речь не идет о фактической неизбежности планируемых последствий, поскольку она зависит не только от желания и действий субъекта, но и от многих других объективных факторов, частично или совсем не зависящих от воли виновного. Речь идет о мысленной (построенной в сознании субъекта) модели причинно-следственной связи, в которой причина (деяние) обязательно вызывает следствие (желаемый результат). Именно уверенность

в неизбежности, закономерности наступления последствий побуждает виновного действовать ради их достижения.

Лишь в отдельных случаях совершения преступления с прямым умыслом возможно предвидение не неизбежности, а лишь реальной возможности наступления желаемых общественно опасных последствий. Это происходит тогда, когда избранный виновным способ осуществления преступления может с примерно равной степенью вероятности вызвать разноплановые последствия. Так, выбрасывая грудного ребенка из окна третьего этажа многоквартирного дома, виновный понимает, что и смерть, и любой тяжести вред здоровью младенца в зависимости от обстоятельств его падения (например, на ветви дерева или в снежный сугроб) будут одинаково закономерным, хотя и не единственно возможным результатом совершенных действий. В этом случае желаемое последствие (смерть) является закономерным, но заведомо не единственно возможным последствием, поэтому виновный предвидит не неизбежность, а лишь реальную возможность его наступления.

Следовательно, интеллектуальный элемент прямого умысла складывается из осознания общественно опасного характера совершаемого деяния и предвидения, как правило, неизбежности, а в исключительных случаях — реальной возможности наступления общественно опасных последствий.

Волевой элемент прямого умысла, характеризующий направленность воли субъекта, определяется в законе как *желание* наступления общественно опасных последствий.

Для уяснения психологической сущности желания представляет интерес механизм его возникновения, процесс формирования этого проявления воли человека. Этому вопросу уделялось внимание еще в русской науке уголовного права конца XIX — начала XX в.¹¹⁹⁴ При некоторых небольших расхождениях в деталях схемы формирования желания, предлагаемые русскими учеными, имели большое сходство.

Процесс формирования желания рассматривался как совокупность следующих этапов:

1) ощущение определенной потребности;

¹¹⁹² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 12. С. 13.

¹¹⁹³ Рубинштейн С.Л. Указ. соч. С. 514.

¹¹⁹⁴ Чебышев-Дмитриев А. Русское уголовное право. Лекции СПб, 1866. С. 130; Колоколов Э.О. Уголовное право. Курс лекций. Общая часть. М., 1892–1893. С. 32–33; Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 593–594.

2) превращение ее в побуждение к действию, т. е. в мотив преступления;

3) постановка цели, достижение которой должно прямо удовлетворять ощущаемую потребность или служить средством ее удовлетворения;

4) желание (хотение) достичь поставленной цели.

Понимание желания как *процесса*, проходящего в своем развитии несколько стадий, от осознания определенной потребности до воли, мобилизованной на достижение определенной цели, было воспринято и уголовно-правовой наукой советского периода. «Желание — это опредмеченное стремление, оно направлено на определенный предмет. Зарождение желания означает всегда поэтому возникновение и постановку цели. Желание — это целенаправленное стремление»¹¹⁹⁵.

Как стремление к определенному результату желание может иметь различные психологические оттенки. Желаемыми являются не только те последствия, которые приятны виновному, доставляют ему внутреннее удовлетворение, но и те, которые при внутренне отрицательном эмоциональном отношении к ним со стороны виновного представляются ему тем не менее нужными или неизбежными на пути удовлетворения потребности, ставшей побудительной причиной к действию. «При другом взгляде на сущность умысла, при отнесении к нему только желанных последствий, то есть таких, которые представляются ему приятными, в области умышленной вины осталось бы только незначительное количество преступных деяний, предпринимаемых ради них самих, не преследующих других целей, кроме причинения запрещенного результата»¹¹⁹⁶.

Итак, желание как элемент умысла заключается в *стремлении* к определенным последствиям, в восприятии их как *нужных* для удовлетворения ощущаемой потребности посредством совершения преступления.

Эти последствия могут выступать для виновного в одном из следующих качеств:

1) конечной цели (например, убийство из ревности, мести);

2) промежуточного этапа на пути к достижению конечной цели (убийство с целью облегчить совершение другого преступления);

3) средства достижения цели (убийство с целью получения наследства убитого);

4) неизбежного сопутствующего элемента деяния.

«Обобщая указанные выше оттенки волевого отношения виновного к результату при прямом умысле, можно сказать, что виновный в этом случае относится к результату как к *нужному ему событию*»¹¹⁹⁷.

Хотя изложенная трактовка желания как признака прямого умысла заняла господствующее положение в современной отечественной науке уголовного права, отдельными авторами высказывается мнение, что прямому умыслу свойственно представление об общественно опасных последствиях только как о конечной цели деяния или как о средстве достижения конечной цели, а представление о последствиях как побочном результате действий виновного характерно только для косвенного умысла¹¹⁹⁸.

Высказанное в юридической литературе утверждение, что предвидимые в качестве неизбежных побочные последствия «не становятся желаемыми, не делаются ни целью действия, ни средством достижения цели»¹¹⁹⁹, — справедливо лишь отчасти. Такие последствия действительно *не превращаются* ни в цель, ни в средство ее достижения, они *не становятся* желаемыми. Как неизбежное сопутствующее обстоятельство единой преступной ситуации, они *с самого начала являются* желаемыми в силу диалектики взаимной обусловленности сознания и воли: если желаемым является деяние, которое заведомо повлечет определенные вредные последствия, то желание распространяется и на эти последствия как необходимый элемент этого деяния.

Данное в законе определение умысла ориентировано на преступления с материальным составом, и желание связывается в нем только с общественно опасными последствиями, в которых воплощается причиняемый объекту вред. Однако в Уголовном кодексе РФ большинство составов преступлений сконструированы по типу формальных, поэтому последствия лежат за пре-

¹¹⁹⁷ Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству. С. 30.

¹¹⁹⁸ См.: Питецкий В. Сужение понятия косвенного умысла влечет ужесточение репрессии // Российская юстиция. 1998. № 11. С. 49.

¹¹⁹⁹ Дагель П.С. О косвенном умысле при предварительной преступной деятельности // Вопросы государства и права. Л., 1964. С. 197.

¹¹⁹⁵ Рубинштейн С.Л. Указ. соч. С. 513.

¹¹⁹⁶ Немировский Э.Я. Указ. соч. С. 278.

делами их объективной стороны и не могут быть предметом ни интеллектуального, ни волевого отношения.

В преступлениях с формальным составом признаком объективной стороны, воплощающим общественную опасность деяния, во всех случаях является само запрещенное законом действие или бездействие.

Поэтому в формальных составах волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям (бездействию).

Например, «согласно диспозиции ст. 129 УК РФ уголовная ответственность за клевету наступает в том случае, если виновный заведомо осознавал ложность сообщаемых им сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, и *желал их совершить* (курсив мой. — А.Р.)»¹²⁰⁰. Аналогично насильник, осознавая, что вступает в половое сношение с женщиной вопреки ее воле посредством применения насилия или использования беспомощного состояния потерпевшей, во всех случаях желает совершить действия, обладающие именно таким фактическим содержанием и такими социальными свойствами.

Следовательно, при совершении преступлений с формальным составом волевой элемент умысла всегда заключается в *желании совершить общественно опасные действия*, запрещенные уголовным законом, т. е. он может быть только прямым.

Конструкция умысла в преступлениях с формальным составом как сознательно-волевое отношение именно к действиям (бездействию) постепенно внедряется в уголовное законодательство.

Так, в ст. 24 УК Республики Беларусь, которая называется «Вина в преступлении, не связанном с наступлением последствий», закреплено положение, что «в преступлении, для наличия которого не требуется наступления общественно опасных последствий, форма вины устанавливается по отношению лица к общественно опасному деянию». В ч. 2 этой статьи сказано: «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия и желало его совершить», т. е. предметом желания является само общественно опасное деяние,

а единственно возможным видом умысла в таких преступлениях УК Беларуси считает только прямой умысел.

Помимо содержания важным показателем прямого умысла является его *направленность*, которая во многих случаях определяет квалификацию преступления.

Так, без должного учета направленности умысла К. был осужден по п. «в» ч. 3 ст. 228 УК РФ за незаконную перевозку маковой соломки.

Рассмотрев дело по протесту заместителя Генерального прокурора РФ, Судебная коллегия Верховного Суда РФ признала, что умысел осужденного после приобретения одного пакетика маковой соломки весом 19,5 г был направлен на ее доставку к месту своего жительства для личного потребления, поэтому деяние следует признать незаконным хранением наркотических средств, которое при отсутствии признака крупного размера не является уголовно наказуемым, и дело прекратила за отсутствием состава преступления¹²⁰¹.

Под направленностью умысла понимается мобилизация интеллектуально-волевых усилий виновного на совершение деяния, посягающего на *определенный объект*, совершаемого *определенным способом*, причиняющего *конкретные последствия*, характеризующегося наличием определенных *смягчающих и отягчающих обстоятельств*.

Учитывая значение направленности умысла для квалификации преступлений, Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал необходимость ее установления по конкретным делам.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что деяние не является преступлением, если умысел лица «после приобретения маковой соломки был *направлен* (курсив мой. — А.Р.) на доставку ее к месту своего жительства для личного пользования»¹²⁰²; что убийство может быть квалифицировано как совершенное с особой жестокостью, если умысел виновного был *направлен* на причинение, в частности, особых страданий близким потерпевшего¹²⁰³; что убийство может квалифицироваться по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ только при условии, что умысел был *направлен* на лишение жизни

¹²⁰¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 10. С. 8.

¹²⁰² Там же.

¹²⁰³ Там же.

¹²⁰⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 3. С. 21–22.

именно двух лиц¹²⁰⁴; что хищение квалифицируется как кража или грабеж в зависимости от *направленности умысла* на изъятие имущества тайным или открытым способом¹²⁰⁵.

Об определяющем значении направленности умысла на *определенный объект* для квалификации преступления наглядно свидетельствует следующий пример.

Р. и К., договорившись об ограблении потерпевшей, обманым путем проникли в ее квартиру, где К. стал избивать потерпевшую, требуя выдачи денег и ценностей, а Р. стал обыскивать квартиру. Затем К., продолжая требовать выдачи денег и ценных вещей, стал сдавливать шею потерпевшей матерчатой удавкой. В процессе удушения у потерпевшей произошел сердечный приступ, от которого наступила смерть. После этого нападавшие завладели деньгами и ценным имуществом потерпевшей.

Президиум Верховного Суда РФ, отклоняя протест Заместителя Генерального прокурора РФ, признал правильным осуждение К. по ч. 1 ст. 109 УК РФ (помимо ответственности за хищение), подчеркнув, что неоднократное сдавливание шеи потерпевшей имело целью понудить ее к выдаче денег и ценностей, поэтому умысел не был направлен на лишение жизни, хотя К. должен был и мог предвидеть наступление такого последствия своих действий, т. е. причинил смерть по неосторожности¹²⁰⁶.

Квалификация преступлений непосредственно зависит от направленности умысла на определенный объект и в случаях, когда совершенные действия могут иметь неодинаковое юридическое значение.

Так, сообщение заведомо ложных сведений о якобы совершенном другим лицом тяжком или особо тяжком преступлении может составлять признаки либо клеветы (ч. 3 ст. 129 УК РФ), либо заведомо ложного доноса (ч. 2 ст. 306 УК РФ). Решающим критерием квалификации здесь является направленность умысла. Клевета, соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, отличается от заведомо ложного доноса, соединенного с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, тем, что при доносе умысел виновного направлен на привлечение потерпевшего к уголовной

ответственности, а при клевете — на унижение его чести и достоинства.

Неправильное установление направленности умысла на определенный объект на практике иногда влечет необоснованное вменение состава преступления, совершение которого не входило в намерение виновных.

Так, Му-в и Мо-в были осуждены за убийство из корыстных побуждений и разбой, совершенные по предварительному сговору группой лиц с применением предметов, используемых в качестве оружия. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах.

Договорившись между собой об обманном завладении квартирой, а при неудачном исходе этой попытки убить хозяина квартиры, виновные для реализации своего плана предложили потерпевшему продать им квартиру, но последний отказался. После этого осужденные вместе с потерпевшим приехали на берег реки, где распивали спиртные напитки. Когда потерпевший уснул, они нанесли ему несколько ударов камнями по голове, отчего наступила смерть. Осужденные завладели ключами от квартиры потерпевшего и впоследствии пытались продать ее разным лицам.

Исключая из приговора осуждение за разбой, Президиум Верховного Суда РФ указал, что «умысел осужденных был направлен исключительно на лишение потерпевшего жизни с целью последующего завладения его квартирой, но не путем разбойного нападения»¹²⁰⁷. Кроме того, осужденные заранее предполагали распорядиться квартирой потерпевшего путем мошенничества.

Направленность умысла на тот или иной объект имеет определяющее значение при квалификации преступлений, связанных с посягательством на личность, и для их отграничения от иных преступлений, сходных по объективным признакам. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О судебной практике по делам о хулиганстве» от 24 декабря 1991 г. указал: «Судам следует отграничивать хулиганство от других преступлений в зависимости от содержания и направленности умысла виновного, мотивов, целей и обстоятельств совершенных им действий.

Нанесение оскорблений, побоев, причинение легких или менее тяжких телесных повреждений и другие подобные действия,

¹²⁰⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 11. С. 19.

¹²⁰⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. С. 14.

¹²⁰⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 12. С. 13.

¹²⁰⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 10. С. 7–8.

совершенные в семье, квартире, в отношении родственников, знакомых и вызванные личными неприязненными отношениями, неправильными действиями потерпевших и т. п., должны квалифицироваться по статьям УК, предусматривающим ответственность за преступления против личности»¹²⁰⁸.

Ошибка в определении направленности умысла была допущена и по делу Б., осужденного по п. «а», «в», «д» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судебная коллегия Верховного Суда РФ приговор изменила, переквалифицировав деяние с п. «а» на п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и указала, что после убийства М-ва на почве личных неприязненных отношений Б. совершил убийство М-вой с целью сокрытия первого убийства, т. е. умысел осужденного не был направлен сразу на убийство двух лиц¹²⁰⁹.

Направленность умысла была неверно установлена и по делу У., осужденного Пермским областным судом по ч. 4 ст. 117 и п. «г» и «е» ст. 102 УК РСФСР.

Преодолевая сопротивление потерпевшей в процессе изнасилования, У. нанес ей несколько ударов кулаком по голове, причинив травму, результатом которой стало повреждение головного мозга. Потерпевшая сумела дойти до деревни, где и скончалась в своем доме. Суд не учел того, что у подсудимого не было причин желать смерти потерпевшей. После того, как она прекратила сопротивляться, У. перестал избивать ее, а после изнасилования не только не пытался убить, а даже звал с собой, но она отказалась.

Таким образом, умысел подсудимого был направлен на совершение полового акта с применением насилия по отношению к потерпевшей, а причинение вреда здоровью и даже неосторожное причинение смерти потерпевшей охватывается диспозицией уголовно-правовой нормы об изнасиловании, повлекшем особо тяжкие последствия. Следовательно, дополнительное вменение убийства было необоснованным¹²¹⁰.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что неправильная оценка направленности умысла на определенный объект влечет ошибочную квалификацию преступления. Но направленность умысла может определять квалификацию престу-

плений и в том случае, когда уголовная ответственность дифференцируется в законе в зависимости от *количественной характеристики причиненного вреда*.

Подобная ошибка в определении направленности умысла была допущена и по делу Б., осужденного по п. «а», «в», «д» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судебная коллегия Верховного Суда РФ приговор изменила, переквалифицировав деяние с п. «а» на п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и указала, что после убийства М-ва на почве личных неприязненных отношений Б. совершил убийство М-вой с целью сокрытия первого убийства, т. е. умысел осужденного не был направлен сразу на убийство двух лиц¹²¹¹.

Квалификация преступления нередко зависит от направленности умысла на причинение вреда избранному объекту *определенным способом*. Эта зависимость наглядно проявляется при квалификации хищения, ответственность за которое дифференцируется в законе в зависимости от формы хищения, т. е. от способа незаконного завладения имуществом.

Преимущественное влияние направленности умысла на квалификацию хищения подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г., в котором сказано: «Как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них.

В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества»¹²¹².

Квалификация преступлений может зависеть и от направленности умысла на совершение деяния конкретным способом, имеющим значение не обязательного, а *квалифицирующего признака*.

В соответствии с действующим законодательством кража, грабеж и разбой считаются совершенными при отягчающих об-

¹²⁰⁸ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1999. С. 454.

¹²⁰⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 11. С. 19.

¹²¹⁰ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1989. № 6. С. 8-9.

¹²¹¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 11. С. 19.

¹²¹² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 2.

стоятельствах, если они совершены с проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

Для квалификации преступлений по соответствующим статьям УК необходимо установить, что умысел виновного был направлен на совершение деяния именно этим способом.

Между тем Верховный Суд РФ указал: «Решая вопрос о наличии в действиях лица, совершившего кражу, грабеж или разбой, признака незаконного проникновения в жилище, помещение или иное хранилище, судам необходимо выяснять, с какой целью виновный оказался в помещении (жилище, хранилище), а также когда возник умысел на завладение чужим имуществом. Если лицо находилось там правомерно, не имея преступного намерения, но затем совершило кражу, грабеж или разбой, в его действиях указанный признак отсутствует» (п. 19 названного выше постановления от 27 декабря 2002 г.).

Направленность умысла на совершение деяния определенным способом нередко влияет на квалификацию преступлений против личности.

Так, Уголовный кодекс относит к квалифицированным видам убийства, в частности, убийство, совершенное с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

В соответствии с разъяснением, содержащимся в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», от 27 января 1999 г. «при решении вопроса о направленности умысла следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения»¹²¹³.

О направленности умысла на причинение потерпевшему особых страданий как квалифицирующем признаке убийства в п. 8 названного постановления указано: «Признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязания или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который за-

ведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение человека заживо, длительное лишение пищи, воды и т. п.)»¹²¹⁴.

Обращает на себя внимание вторая половина приведенного разъяснения, в которой подчеркивается субъективная направленность деяния на причинение потерпевшему особых страданий: убийство признается совершенным с особой жестокостью, если виновный намеренно причинил потерпевшему особые страдания, т. е. избранный способ лишения жизни заведомо был связан с такими страданиями.

Это правило полностью относится и к убийству, совершенному общеопасным способом, под которым «следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов в местах скопления людей, отравления воды и пищи, которыми, помимо потерпевшего, пользуются другие люди)»¹²¹⁵, т. е. убийство, при котором умысел направлен на причинение смерти конкретному человеку именно способом, представляющим реальную опасность для жизни и других лиц.

Направленность умысла является тем показателем, который определяет не только квалификацию преступления, но и вид умысла. Между тем, в теории уголовного права данная функция умысла явно недооценивается. Это проявляется в том, что при определении вида умысла и раскрытии его содержания в конкретном составе преступления комментаторы механически используют законодательную конструкцию умысла, ориентированную на преступления с материальным составом, и делают вывод, что преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. Такой подход оправдан лишь в тех случаях, когда предусмотренные законом последствия являются тем объективным признаком состава преступления, в котором в концентрированном виде воплощается общественная опасность описанного в законе деяния (как, например, при убийстве, заражении ВИЧ-инфекцией, нарушении правил охраны окружаю-

¹²¹³ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. С. 533.

¹²¹⁴ Там же. С. 534.

¹²¹⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 3.

щей среды при производстве работ и т. п.). Такие преступления можно условно именовать преступлениями, состав которых является *материальным по существу*. В них действия сами по себе, в отрыве от предусмотренных диспозицией уголовно-правовой нормы последствий, не обладают свойством общественной опасности в уголовно-правовом смысле. Однако во многих случаях юридическим признаком, концентрирующим общественную опасность деяния, являются не указанные в диспозиции уголовно-правовой нормы последствия, а сами запрещенные уголовным законом действия. Последствиям же законодатель придает значение признака, отграничивающего преступление от иных правонарушений, либо квалифицирующего признака, выполняющего функцию дифференциации наказания. А в некоторых случаях указание на последствия выглядят вообще ненужными, поскольку они неотделимы от действий и составляют их неотъемлемое качество (например, указание на то, что разглашенные сведения, составляющие государственную тайну, стали достоянием других лиц (ч. 1 ст. 283 УК РФ), поскольку именно в этом и заключается сущность *разглашения* сведений; ссылка на то, что неправомерный отказ должностного лица в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, должны причинить вред его правам и законным интересам (ст. 140 УК РФ), поскольку указанные права и интересы нарушаются самим фактом отказа в предоставлении требуемой информации, и т. д.).

Такие преступления можно условно обозначить как преступления, состав которых является *материальным по конструкции*, поскольку они ничем не отличаются от таких, например, преступлений, как нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ), нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ), которыми точно так же нарушаются права и законные интересы граждан, хотя на это в диспозиции статьи УК прямо не указывается.

Существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства при превышении должностных полномочий является признаком, отграничивающим преступление (ч. 1

ст. 286 УК РФ) от дисциплинарного проступка. Общественная опасность этого деяния концентрированно выражается не в указанных последствиях, а в намеренном совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и уже поэтому чреватых грубым нарушением прав и законных интересов. Преднамеренный же характер совершения таких действий свидетельствует о том, что преступление совершается с прямым умыслом, независимо от содержания волевого отношения к последствиям, описанным в диспозиции ч. 1 ст. 286 УК РФ.

При механическом применении законодательной формулы умысла для раскрытия содержания вины в любых преступлениях с материальным составом (в том числе в преступлениях, состав которых является материальным лишь по конструкции) упускается из виду волевое отношение к действиям (бездействию) даже в тех случаях, когда именно в них концентрируется характер общественной опасности преступного деяния. Как результат, делается необоснованный вывод о возможности совершения преступления с любым видом умысла или даже только с косвенным.

Например, по мнению С.В. Бородина, с прямым или косвенным умыслом могут совершаться такие преступления, как нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ, хотя без желания невозможны собирание или распространение сведений о частной жизни лица без его согласия); отказ в предоставлении гражданину информации, затрагивающей его права и свободы (ст. 140 УК РФ, хотя неправомерно отказать в предоставлении такой информации, предоставить гражданину неполную или заведомо ложную информацию возможно лишь при желании совершить такие деяния); нарушение авторских или смежных прав (ст. 146 УК РФ, хотя трудно представить незаконное использование объектов авторского права или смежных прав либо присвоение авторства без желания совершить названные действия); нарушение изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ)¹²¹⁶.

А.Э. Жалинский полагает, что с любым видом умысла могут совершаться: незаконное предпринимательство и незаконная банковская деятельность (ст. 171 и 172 УК РФ), незаконное по-

¹²¹⁶ Комментарий к УК РФ / Под ред. А.В. Наумова. М., 1996. С. 359, 365, 375, 377.

лучение кредита (ст. 176 УК РФ)¹²¹⁷, хотя все описанные в диспозициях указанных статей УК действия носят целенаправленный характер и именно в них воплощена опасность названных преступлений. Более того, механическое использование законодательной конструкции умысла привело А.Э. Жалинского к ошибочному выводу, будто лжепредпринимательство (ст. 173 УК) может совершаться только с косвенным умыслом при обязательном наличии любой из целей, сформулированных в диспозиции ст. 173 УК РФ¹²¹⁸, хотя в теории уголовного права общепризнанно, что введение в диспозицию нормы УК специальной цели деяния указывает на то, что преступление возможно лишь при наличии прямого умысла.

Механическое применение легального определения умысла при анализе субъективной стороны преступлений с материальным составом привело Н.А. Лопашенко к выводу о возможности совершения с любым видом умысла таких преступлений, как незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ)¹²¹⁹, хотя объективную сторону названных преступлений образуют целенаправленные действия, обманный способ совершения которых, во-первых, воплощает общественную опасность деяния, а во-вторых, явно свидетельствует о желании совершить указанные действия, т. е. о прямом умысле.

Видимо, традиционное понимание умысла в преступлениях с материальным составом только как волевого отношения главным образом и в первую очередь к общественно опасным последствиям, предусмотренным в диспозиции уголовно-правовой нормы, нуждается в корректировке. В противном случае механическое применение законодательной конструкции умысла может привести к явно ошибочным выводам.

Например, кража чужого имущества образует преступление (ч.1 ст. 158 УК РФ) лишь тогда, когда причиненный ею ущерб превышает один минимальный размер оплаты труда, в против-

ном случае она квалифицируется как административное правонарушение (ст. 7.27 КоАП РФ).

Не вызывает сомнения, что мелкая кража с субъективной стороны характеризуется только прямым умыслом, содержание которого раскрывается в ч. 1 ст. 2.2. КоАП РФ. Было бы совершенно необъяснимым превращение правонарушения, совершаемого с прямым умыслом, в правонарушение с косвенным умыслом только из-за того, что стоимость похищенного имущества превысила один минимальный размер оплаты труда. Ведь нельзя же утверждать, будто уголовно наказуемая кража чужого имущества может совершаться с косвенным умыслом, на том основании, что виновный не желал, а лишь сознательно допускал причинение потерпевшему большего ущерба, чем один минимальный размер оплаты труда.

В теории уголовного права и в судебной практике существует лишь одно мнение: уголовно наказуемая кража может совершаться только с прямым умыслом. Если же, однако, механически применять законодательную конструкцию умысла ко всем преступлениям с материальным составом, то можно прийти к выводу, что кража чужого имущества, причинившая значительный ущерб гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ), может совершаться с косвенным умыслом, если виновный не желал причинения такого последствия, а лишь сознательно допускал его наступление.

Абсурдность подобного суждения очевидна. Точно так же нельзя присвоение авторства или принуждение к соавторству признать совершенными с косвенным умыслом на том основании, что виновный не желал причинить потерпевшему крупный ущерб, а лишь сознательно допускал такую возможность. Совершенно очевидно, что такие преступления характеризуются *желанием* совершить действия, в которых воплощен характер общественной опасности этого преступления, что указывает именно на прямой умысел.

В действующем Уголовном кодексе уголовная наказуемость целого ряда деяний, прежде всего в сфере экономической деятельности, связывается с наступлением последствий в виде *крупного* ущерба. Представляется, что вид умысла в таких преступлениях определяется волевым отношением не к этому признаку, который предназначен всего лишь для отграничения преступления от иных правонарушений (гражданско-правовых, налоговых, бюджетных, административных и т. д.), а к *действиям*,

¹²¹⁷ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. проф. Х.Д. Аликперова и проф. Э.Ф. Побегайло. С. 430, 444, 453.

¹²¹⁸ Там же. С. 446.

¹²¹⁹ Российское уголовное право. Т. 2. / Под ред. А.И. Рарога. М., 2002. С. 240, 286.

характеризующим объективную сторону соответствующих преступлений и в концентрированном виде выражающим их общественную опасность.

Например, способами незаконного получения кредита либо льготных условий кредитования в соответствии с законом (ч. 1 ст. 176 УК РФ) служит предоставление банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии получателя кредита, иначе говоря, прямой обман. Это означает, что лицо, вводя кредитора в заблуждение, желает совершить данное деяние, т. е. действует с *прямым* умыслом, даже если оно не желало, а лишь сознательно допускало причинение *крупного* ущерба.

Точно так же следует признать совершенным с прямым умыслом использование государственного целевого кредита не по прямому назначению (ч. 2 ст. 176 УК РФ), даже если виновный лишь сознательно допускал причинение последствий в виде *крупного* ущерба гражданам, организациям или государству. В противном случае можно прийти к совершенно нелепому выводу о возможности совершения по неосторожности подобных преступлений, включая кражу, причинившую значительный ущерб гражданину.

Еще меньше оснований признавать умысел косвенным, если сознательное допущение устанавливается по отношению к признаку, имеющему квалифицирующее или особо квалифицирующее значение. Например, последствием преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 165 УК РФ, является *любой* имущественный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, причиненный путем обмана или злоупотребления доверием. Это преступление — корыстное, оно совершается только с прямым умыслом, и для его субъективной оценки не имеет никакого значения волевое отношение к такому *квалифицирующему* последствию, как причинение крупного ущерба (п. «б» ч. 3 ст. 165 УК РФ).

Видимо, настало время модернизировать (хотя бы на теоретическом уровне) законодательную конструкцию прямого умысла для использования при анализе вины в преступлениях с материальным составом. Суть этой модернизации заключается в следующем: в случаях, когда предусмотренное законом последствие играет роль признака, *отграничивающего* преступление от иных правонарушений, либо *дифференцирующего* ответственность, умысел должен признаваться прямым, если он был на-

правлен на совершение *заведомо незаконных* действий (бездействия), характеризующих юридическую сущность преступления и выражающих его общественную опасность, т. е. если виновный желал совершить эти действия. Иными словами, безусловным показателем прямого умысла следует признать *осознание* лицом *противоправного характера совершаемого деяния*.

Б) Косвенный умысел

Вторым видом умысла, выделяемым в законе по психологическому содержанию, является **косвенный умысел**. В соответствии с законодательным определением он заключается в том, что лицо, совершающее преступление, осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает наступление этих последствий либо относится к ним безразлично.

Осознание общественно опасного характера деяния при косвенном умысле по существу не отличается от соответствующего признака прямого умысла. Что же касается *характера предвидения* при косвенном умысле, то по этому вопросу в науке уголовного права высказывались две точки зрения. Одни ученые считали, что лицо, действующее с косвенным умыслом, предвидит возможность либо неизбежность наступления общественно опасных последствий, другие полагали, что сознательное допущение последствий психологически совместимо только с предвидением возможности их наступления. Вторая точка зрения разделялась высшими судебными органами страны, которые предвидение неотвратимости последствий связывали с прямым умыслом, а предвидение их возможности — в основном с косвенным¹²²⁰.

Психологически невозможно не желать, а можно лишь сознательно допускать наступление последствий, которые неизбежно причиняются осознанными и волевыми действиями виновного. Если лицо желает совершить определенные действия, понимая, что их неизбежным результатом будет наступление общественно опасных последствий, то желание распространяется не только на сами действия, но и на их последствия, поскольку те и другие составляют единую криминальную ситуацию. Следовательно, интеллектуальный элемент косвенного умысла харак-

¹²²⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1968. № 3. С. 21. № 5. С. 12–13; 1970. № 5. С. 22.

теризуется предвидением только возможности, но никак не неизбежности наступления общественно опасных последствий. Именно такое понимание интеллектуального элемента косвенного умысла нашло свое законодательное закрепление в ч. 3 ст. 25 УК РФ¹²²¹.

Возможность наступления последствий как предмет предвидения при косвенном умысле в литературе нередко определяется как «реальная».

Термин «реальная возможность» точно передает оттенок в характере предвидения при косвенном умысле. Возможность наступления общественно опасных последствий предвидится как реальная, если субъект считает эти последствия закономерным результатом развития причинной связи именно в данном конкретном случае. Если же лицо, осознавая закономерность наступления подобных последствий во многих *других* аналогичных случаях, не распространяет ее на *данную* конкретную ситуацию (абстрагируется от нее), то можно говорить о предвидении лишь абстрактной возможности наступления общественно опасных последствий.

Сознательное допущение совместимо с предвидением только реальной, а не абстрактной возможности наступления преступных последствий, ибо невозможно соглашаться на последствия, которые не являются закономерными для данного конкретного случая. Содержание косвенного умысла в том и состоит, что лицо, осознавая общественно опасный характер своего деяния, предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий и сознательно допускает их наступление. Следовательно, различие в психологическом содержании прямой и косвенного умысла имеется не только в сфере воли, но и в сфере сознания.

Различие в интеллектуальном элементе обоих видов умысла заключается в неодинаковом характере предвидения: при прямом умысле виновный предвидит, как правило, неизбежность, а иногда — реальную возможность, при косвенном же — только

реальную возможность наступления общественно опасных последствий.

Однако главное, решающее отличие косвенного умысла от прямого коренится в волевом элементе: прямой умысел характеризуется желанием, а косвенный — сознательным допущением общественно опасных последствий либо безразличным к ним отношением.

Сознательное допущение — это специфическая форма положительного волевого отношения к общественно опасным последствиям.

Некоторыми учеными в формулу «сознательно допускало» вкладывалось не волевое, а интеллектуальное содержание, а в качестве предмета сознательного допущения понимались не последствия преступления, а социальные свойства совершаемых действий (бездействия)¹²²².

Такая трактовка противоречит законодательной конструкции косвенного умысла, в соответствии с которой сознательное допущение связывается исключительно с общественно опасными последствиями и означает, что виновный сознательно, т. е. намеренно, допускает развитие вызванных его деянием событий и наступление их результата в виде общественно опасных последствий.

При характеристике косвенного умысла слова «не желало» нельзя понимать как негативное отношение к вредным последствиям, как активное их нежелание, т. е. как стремление избежать наступления последствий. Наоборот, это отношение является позитивным, одобрительным, хотя у виновного и нет прямой заинтересованности в причинении вредных последствий. Тем не менее он *сознательно* допускает их наступление, заранее соглашается с их причинением. Эти последствия являются как бы той ценой, которую виновный готов заплатить ради достижения своих целей, лежащих, как правило, за рамками состава данного преступления или, во всяком случае, не совпадающих с его преступными последствиями.

Сознательное допущение означает, что виновный своими волевыми действиями вызывает определенную цепь событий и *сознательно*, т. е. намеренно, допускает такое развитие причинно-следственной цепи, которое приводит к наступлению общественно опасных последствий. В этом проявляется определен-

¹²²¹ Отдельными учеными продолжает отстаиваться мнение, что предвидение неизбежности наступления общественно опасных последствий возможно и при косвенном умысле (см.: Питецкий В. Указ. соч. С. 49; Милоков С.Ф. Российское уголовное законодательство: Опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 59–61). Однако это мнение противоречит букве закона.

¹²²² Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству. С. 32.

ное содержание воли, довольно близкое по своей психологической сущности к желанию. Именно положительное, одобрительное отношение к последствиям сближает сознательное допущение с желанием, делает их разновидностями волевого содержания одной и той же формы вины.

Волевое содержание косвенного умысла может проявляться не только в сознательном допущении общественно опасных последствий, но и в *безразличном отношении* к их наступлению. Сам термин «безразличное отношение» представляется несколько сомнительным, поскольку безразличие к какому-либо предмету означает, что этот предмет оставляет субъекта совершенно равнодушным, не вызывает у него *никакого отношения*. По приведенным соображениям термин «безразличное отношение» вызывал критику со стороны отдельных ученых¹²²³. Безразличное отношение как проявление воли при косвенном умысле, по сути, мало чем отличается от сознательного допущения и означает отсутствие активных эмоциональных переживаний в связи с общественно опасными последствиями, реальная возможность наступления которых отражается опережающим сознанием виновного. В этом случае субъект причиняет вред, что называется, «не задумываясь» о вредных последствиях совершаемого деяния, возможность причинения которых представляется ему весьма реальной.

Психологическая конструкция косвенного умысла резко сужает сферу его возможного бытия, поскольку он может существовать только в преступлениях с материальным составом. Правда, в юридической литературе предпринимались попытки доказать, что косвенный умысел возможен и в формальных составах. Их обосновывали по-разному.

Одни ученые исходили из того, что в преступлениях с формальным составом, так же как и с материальным, вина тоже представляет собой психическое отношение не только к действиям или к бездействию, но и к общественно опасным последствиям¹²²⁴. Однако это суждение не является корректным, поскольку отношение к последствиям, не имеющим юридического

значения и поэтому не включенным в число признаков состава преступления, не может определять содержание вины как уголовно-правового феномена.

Другие ученые, конструируя косвенный умысел в преступлениях с формальным составом, вопреки закону определяют волевое отношение в виде сознательного допущения по отношению не к последствиям, а к социальным свойствам совершаемого деяния, т. е. к его общественной опасности.

Так, по мнению одного из сторонников такой позиции, «хулиганство с косвенным умыслом имеет место тогда, когда субъект предвидит, что его действия могут нарушить общественный порядок, затронуть общественные интересы, и совершает их, сознательно допуская объективное проявление неуважения к обществу»¹²²⁵.

Однако грубое нарушение общественного порядка и проявление явного неуважения к обществу — это не следствие, а социальное свойство хулиганских действий, придающее им общественно опасный характер, и поэтому составляет предмет сознания, а не воли. Смешивая социальные свойства преступного деяния с общественно опасными последствиями и тем самым отступая от законодательного определения косвенного умысла, пытаются конструировать его в преступлениях с формальным составом и авторы некоторых учебников. Утверждения о возможности косвенного умысла можно встретить при теоретическом анализе таких преступлений, как клевета, половое сношение с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста, хулиганство и др.¹²²⁶

С этими утверждениями вряд ли можно согласиться, поскольку они противоречат законодательному определению и психологической сущности косвенного умысла, при котором сознательное допущение проецируется только на общественно опасные последствия, а не на какие-то иные объективные признаки и свойства деяния.

Косвенный умысел на практике встречается значительно реже прямого. Дело в том, что его психологическая сущность несовместима с рядом институтов уголовного права и с опреде-

¹²²³ См.: Макашвили В.Г. Волевой и интеллектуальный момент умысла // Советское государство и право. 1966. № 7. С. 109–110; Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 103.

¹²²⁴ См.: Немировский Э.Я. Указ. соч. С. 167; Утевский Б.С. Указ. соч. С. 238; Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству. С. 27.

¹²²⁵ Игнатов А. Спорные вопросы квалификации хулиганства // Советская юстиция. 1967. № 2. С.14.

¹²²⁶ Российское уголовное право. Курс лекций. Т.3. / Науч. ред. А.И. Коробеев. Владивосток, 2000. с.320.

ленными конструкциями составов преступлений. Косвенный умысел невозможен не только в преступлениях с формальным составом, но также в преступлениях, состав которых включает указанную в законе цель, при покушении на преступление и приготовлении к преступлению, в деятельности организатора, подстрекателя и пособника и в ряде других случаев. Поэтому, как показывают выборочные исследования, с косвенным умыслом совершается примерно 10–12% всех умышленных преступлений.

Прямой и косвенный умысел — это разновидности одной и той же формы вины, поэтому между ними много общего. Интеллектуальный элемент обоих видов умысла характеризуется осознанием общественной опасности совершаемого деяния и предвидением его общественно опасных последствий. Для волевого элемента обоих видов умысла общим является положительное, одобрительное отношение к наступлению общественно опасных последствий. Тем не менее речь идет о различных видах умысла, каждый из которых имеет свои особенности.

Различие между прямым и косвенным умыслом по содержанию интеллектуального элемента состоит в неодинаковом характере предвидения общественно опасных последствий. Если прямой умысел характеризуется предвидением, как правило, неизбежности, а иногда — реальной возможности их наступления, то косвенному умыслу присуще предвидение только реальной возможности наступления указанных последствий. Но основное различие между прямым и косвенным умыслом заключается в том, что волевое отношение субъекта к вредным последствиям проявляется в различных формах. Положительное отношение к ним при прямом умысле выражается в желании, а при косвенном умысле — в сознательном допущении либо в безразличном отношении.

Помимо закрепленного в законе деления умысла на виды в зависимости от особенностей их психологического содержания, теории и практике уголовного права известны *иные классификации видов умысла*.

По моменту возникновения преступного намерения различаются заранее обдуманый и внезапно возникший умысел. Следует отметить, что данная классификация носит условный характер. «Дело в том, что умысел является элементом состава преступления, то есть возможен только в преступлении, только в связи с деянием. Помимо деяния нет и не может быть умысла.

Когда же говорят о заранее обдуманном умысле, то имеют в виду психическую деятельность до совершения преступления, а именно: возникновение побуждения, выработку цели и этапы воли, включая принятие решения»¹²²⁷. Следовательно, точнее было бы говорить об умысле, соединенном с внезапно возникшим побуждением, и умысле, соединенном с побуждением, возникшим заранее. С этой оговоркой можно использовать общепринятый термин — заранее обдуманый умысел — с учетом его краткости и распространенности в науке и в судебной практике.

Заранее обдуманый умысел характерен тем, что намерение совершить преступление осуществляется через более или менее значительный отрезок времени после возникновения.

Принято считать, что такой умысел опаснее внезапно возникшего. Но опасность деяния не всегда повышается при заранее обдуманном умысле. Сам по себе момент возникновения намерения совершить преступление — обстоятельство в значительной мере случайное и по своей сути не может оказать большого влияния на степень общественной опасности деяния или личности виновного. Гораздо важнее те причины, по которым лицо осуществило свой замысел не сразу. Если это объясняется его нерешительностью, колебаниями, отрицательным эмоциональным отношением к результатам преступления, то заранее обдуманый умысел несколько не опаснее внезапно возникшего. Но если разрыв во времени между возникновением и реализацией преступного замысла обусловлен особым коварством субъекта или изощренностью способов достижения преступной цели, то заранее обдуманый умысел существенно повышает опасность преступления и личности виновного.

В отечественной правовой науке уже высказывалась мысль, что изощренность и коварство повышают опасность преступления: «Соединенное с изощренным, а иногда и коварным обманом <...> мошенничество глубоко аморально и особенно нетерпимо»¹²²⁸. Особое коварство проявляется, например, в том, что виновный использует доверчивость или неопытность жертвы, чтобы заманить ее в хитроумно расставленную ловушку, либо

¹²²⁷ Ткаченко В.И. Ответственность за умышленные преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта. М., 1979. С. 27.

¹²²⁸ Владимиров В.А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974. С. 92.

создает ложные доказательства своей непричастности к преступлению, бросая тень подозрений на другое лицо, либо в процессе совершения преступления использует других лиц, не осознающих своей роли в достижении преступной цели виновного, и т. п.

К особо изощренным способам совершения преступления можно отнести, например, систематическое подмешивание в пищу жертвы медленно действующего и трудно обнаруживаемого в организме яда; применение взрывных устройств, замаскированных под безобидные предметы и срабатывающих при физическом контакте с ними; использование поддельных документов или формы работников милиции при совершении мошеннических и других действий, включающих элементы обмана, и т. д. При наличии указанных признаков заранее обдуманый умысел, разумеется, опаснее внезапно возникшего.

В отдельных случаях сам законодатель признает преднамеренный характер преступления фактором, существенно повышающим опасность деяния. Так, незаконное проникновение в жилище, помещение или хранилище является квалифицирующим признаком при совершении кражи, грабежа или разбоя, придавая им преднамеренный характер. Осуществление преступления с использованием форменной одежды или документов представителей власти как изощренный способ, свидетельствующий о преднамеренности деяния, рассматривается как обстоятельство, отягчающее наказание (п. «н» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Внезапно возникшим называется такой вид умысла, который реализуется в преступлении сразу же или через незначительный промежуток времени после возникновения преступного намерения. Он может быть простым или аффектированным.

Простым внезапно возникшим умыслом называется такой умысел, при котором намерение совершить преступление возникает у виновного, находящегося в нормальном психическом состоянии, и реализуется сразу же или через очень короткий отрезок времени после возникновения. На такой вид умысла часто влияет провоцирующая ситуация или наличие повода к совершению преступления. С внезапно возникшим умыслом нередко совершаются корыстные преступления лицами со стойкими преступными наклонностями, проявляющимися при любом «удобном случае» (ворами, грабителями и др.).

Аффектированный умысел, в отличие от простого внезапно возникшего, характеризуется не столько моментом, сколько психологическим механизмом возникновения намерения совершить преступление. Поводом к его возникновению являются неправомерные или аморальные действия потерпевшего в отношении виновного или его близких либо систематическое противоправное или аморальное поведение потерпевшего, создавшее длительную психотравмирующую ситуацию. Под их влиянием у субъекта внезапно возникает сильное эмоциональное волнение, существенно затрудняющее сознательный контроль над волевыми процессами. Поэтому в преступлении, совершенном с аффектированным умыслом, в меньшей степени проявляется антисоциальная установка личности, а больше сказывается влияние ситуации как внешнего повода к совершению преступления. Этим и объясняется смягчение наказания за преступление, совершенное с аффектированным умыслом.

По своему психологическому содержанию и заранее обдуманый, и внезапно возникший умысел может быть как прямым, так и косвенным.

В зависимости от *степени определенности* представлений субъекта о важнейших фактических и социальных свойствах деяния умысел может быть определенным (конкретизированным) или неопределенным (не конкретизированным). Эти важнейшие свойства деяния могут касаться различных признаков состава преступления: и объекта (общественный порядок или здоровье человека), и способа совершения преступления (тайное или открытое хищение имущества), и последствий (характер существенного вреда при злоупотреблении должностными полномочиями).

В литературе была высказана мысль, что рассматриваемая классификация видов умысла применима только к прямому умыслу¹²²⁹. С этим вряд ли можно согласиться. Ведь критерием отнесения умысла к определенному, неопределенному или альтернативному является степень конкретности представлений лица об основных социальных свойствах деяния. А лежит этот критерий в плоскости интеллектуального элемента умысла, во-

¹²²⁹ См.: Демидов Ю.А. 1) Умысел и его виды по советскому уголовному праву: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1964. С. 13; 2) Предметное содержание умысла по советскому уголовному праву //Труды ВШ МОП.М.,1965.С.27-28.
44 Малинин

левое же его содержание при одной и той же степени определенности может быть различным.

Определенный (конкретизированный) умысел характеризуется наличием конкретного представления о качественных и количественных показателях важнейших свойств деяния, определяющих его юридическую сущность. Если у субъекта имеется четкое представление о каком-то одном индивидуально определенном результате, умысел является *простым* определенным. Данный вид умысла является главным критерием квалификации преступления при субъективной ошибке, при недоведении преступления до конца и в некоторых других случаях, в которых совершенное деяние квалифицируется не по фактически наступившим последствиям, не в зависимости от фактически пострадавшего объекта, а именно в соответствии с представлениями виновного. Так, лицо должно нести ответственность за кражу, а не за грабеж, если даже за его преступными действиями наблюдали посторонние лица, но об этом не было известно субъекту преступления. Точно так же деяние квалифицируется как покушение на убийство, если сознанием виновного охватывалось последствие в виде смерти потерпевшего, даже если оно не наступило и фактически был причинен, например, средней тяжести вред здоровью.

Альтернативным называется такая разновидность определенного умысла, при которой сознанием виновного охватывается возможность наступления двух или более конкретно определенных последствий либо возможность причинения вреда одному из двух объектов, охватываемых сознанием субъекта.

Неопределенный (не конкретизированный) умысел характеризуется тем, что у виновного имеется не индивидуально определенное, а обобщенное представление об объективных свойствах деяния, т. е. он осознает только его видовые признаки. Например, нанося сильные удары ногами по голове, груди и животу потерпевшего, виновный предвидит, что в результате будет причинен вред здоровью, но не осознает количественных показателей этого вреда.

Некоторыми учеными высказывалась мысль о том, что квалификация преступления может зависеть от того, с каким *видом умысла* (прямым или косвенным) оно совершено.

Так, по мнению Н.И. Загородникова, субъективная сторона преступного нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного или воздушного транс-

порта, предусмотренного ч. 1 ст. 85 УК РСФСР 1960 г., могла характеризоваться только неосторожностью или косвенным умыслом, а если имел место прямой умысел, то деяние следовало квалифицировать как повреждение путей сообщения и транспортных средств либо как умышленное преступление против жизни или здоровья¹²³⁰.

Сходное мнение высказано П.И. Гришаевым¹²³¹, С.В. Бородиным¹²³² и некоторыми другими авторами¹²³³, полагающими, что доведение до самоубийства может характеризоваться только неосторожностью либо косвенным умыслом, а при наличии прямого умысла деяние должно рассматриваться как своеобразный вид убийства «руками потерпевшего».

В связи с приведенными суждениями следует подчеркнуть: ни в действующем уголовном законодательстве, ни в теории уголовного права не имеется никаких оснований для различной квалификации оконченного преступления в зависимости от того, совершено ли оно с прямым или косвенным умыслом. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти путем осознанного нарушения правил безопасности движения или эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта, независимо от вида умысла, должно квалифицироваться по ст. 111 или 105 УК РФ. Точно так же доведение до самоубийства квалифицируется по ст. 110 УК при любой форме вины; независимо от вида умысла оно ни при каких обстоятельствах не может быть признано убийством, поскольку отсутствует объективная сторона последнего.

Отрицая влияние вида умысла (прямого или косвенного) на квалификацию преступления, следует вместе с тем признать,

---

¹²³⁰ Советское уголовное право. Общая часть. / Под ред. В.Д. Меньшагина. М., 1969. С. 278.

¹²³¹ Советское уголовное право. Особенная часть. / Под ред. П.И. Гришаева и Б.З. Здравосмылова. М., 1988. С. 161.

¹²³² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. С. 299.

¹²³³ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 1994; Уголовный кодекс Российской Федерации. Научно-практический комментарий. / Под ред. Л.Л. Кругликова и Э.С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 325; Уголовное право. Особенная часть. / Под ред. Н.А. Беляева, Д.П. Водяникова, В.В. Орехова. СПб., 1995. Ч. 1. С. 101; Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.И. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997. С. 58.

что на квалификацию преступления влияет вид умысла, определяемый степенью определенности представлений субъекта о существенных объективных свойствах деяния. Речь идет об альтернативном и неопределенном (не конкретизированном) умысле.

Преступления, совершенные с неопределенным умыслом, следует квалифицировать как умышленное причинение тех последствий, которые фактически были причинены.

Так, Х. был осужден к шести годам лишения свободы за покушение на убийство А. Кассационная инстанция переквалифицировала совершенное деяние как покушение на убийство в состоянии аффекта и снизила наказание. Президиум Верховного Суда РСФСР, рассмотрев дело по принесенному в порядке надзора протесту Заместителя Генерального прокурора, указал следующее.

Осужденный и потерпевший находились в дружеских отношениях, ссора между ними возникла случайно, и ее инициатором был сам потерпевший, который в процессе ссоры ударил Х. кулаком по переносице и ногой в пах. После этого Х. выхватил нож и нанес им потерпевшему два удара: один — в грудь, а второй — в спину, после чего драка прекратилась, и Х. не предпринимал никаких попыток лишить потерпевшего жизни.

Напротив, собранные по делу доказательства указывают на то, что Х., находясь в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием со стороны потерпевшего, нанес ему ножевые ранения, действуя с неопределенным умыслом. Поэтому его деяние должно квалифицироваться в зависимости от фактически наступивших последствий, т. е. как умышленное причинение тяжкого телесного повреждения¹²³⁴.

Преступления, совершенные с *альтернативным* умыслом, тоже следует квалифицировать в зависимости от фактически причиненных последствий. Так, лицо, наносящее проникающее ножевое ранение в грудь, действует с альтернативным умыслом, если с равной долей вероятности предвидит любое из двух возможных последствий: смерть или тяжкий вред здоровью. Его действия должны квалифицироваться как умышленное причинение тех последствий, которые фактически наступили. В литературе высказывалась и иная точка зрения, согласно которой

преступления, совершенные с альтернативным умыслом, должны квалифицироваться как покушение на причинение наиболее тяжких последствий из числа тех, которые охватывались сознанием виновного¹²³⁵. Такая позиция аргументировалась доводом, что последствия, вменяемые субъекту, «охватывались его сознанием и его воля была направлена на достижение этих более тяжких последствий»¹²³⁶. Ошибочность приведенной точки зрения обусловлена тем, что она исходит из необоснованной презумпции, будто воля субъекта направлена на достижение более тяжких последствий из числа охватываемых его умыслом. Но если бы это было так, то умысел был бы не альтернативным, а простым определенным.

§ 4. Неосторожность и ее виды

Как показывают выборочные исследования, неосторожные преступления составляют 8–10% от общего числа совершаемых в стране преступлений.

Однако нельзя недооценивать их распространенность и опасность. В условиях научно-технического прогресса заметно увеличивается число неосторожных преступлений в таких сферах, как охрана окружающей среды, безопасность движения и эксплуатация различных видов транспорта, безопасность условий труда, использование новых мощных источников энергии и т. п. Подобные деяния способны причинять колоссальный экономический, экологический, организационный и иной вред. Достаточно сказать, что гибель людей чаще наступает вследствие неосторожных преступлений, чем от убийств.

Специальные исследования показали, что размер имущественного ущерба от неосторожных преступлений (включая транспортные и преступления, влекущие лесные и прочие пожары) вполне сопоставим с ущербом от умышленных преступле-

¹²³⁴ Практика прокурорского надзора при рассмотрении судами уголовных дел: Сб. документов. М., 1987. С. 110.

¹²³⁵ Селезнев М. Умысел как форма вины // Российская юстиция. 1997. № 3. С. 11.

¹²³⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996. С. 55.

ний, поэтому проблема ответственности за неосторожные преступления приобретает особое значение¹²³⁷.

Приведенные соображения свидетельствуют о большой общественной опасности неосторожных преступлений в социальном смысле, т. е. на статистическом уровне. Если же рассматривать преступления, совершенные по неосторожности, на индивидуальном уровне, то становится очевидным, что неосторожность — менее опасная форма вины по сравнению с умыслом. Это видно из существенного различия в санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за причинение одних и тех же последствий умышленно или по неосторожности (например, ст. 105 и 109, 111 и 118, 167 и 168 УК РФ). По этой причине законодатель исправил свою первоначальную ошибку и Федеральным законом № 25-ФЗ 2001 г. исключил неосторожные преступления из категории тяжких, отнеся все неосторожные преступления, за совершение которых максимальное наказание по закону превышает два года лишения свободы, к преступлениям средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ).

Одним из неперенных условий повышения эффективности борьбы с неосторожными преступлениями является правильное применение законодательства о таких преступлениях. В частности, необходимо по каждому делу точно устанавливать вид неосторожности и учитывать его при назначении наказания.

Между тем, в судебной практике редко решается вопрос о том, с каким видом неосторожной вины совершено преступление¹²³⁸.

Например, по делам о преступном нарушении правил охраны труда следственные органы и суд в 67% случаев не устанавливали вида неосторожности при наступлении последствий в виде травмирования людей¹²³⁹. Для того, чтобы устранить эти недостатки судебной практики, необходимо четко и единообразно

применять уголовно-правовые нормы о неосторожности и преступлениях, совершаемых по неосторожности.

В действующем УК России допускается возможность конструирования некоторых составов преступлений таким образом, что их субъективная сторона может характеризоваться как умышленной, так и неосторожной формой вины. Поэтому зачастую возникают проблемы определения формы вины в отдельных видах преступлений, из законодательного описания которых не очевидно, с какой формой вины они могут совершаться. Из-за сложности этой задачи суды нередко уклоняются от ее решения и оставляют без рассмотрения вопрос о том, умышленным или неосторожным было преступление в конкретном случае. Как следствие этого значительно распространены случаи назначения наказания без учета формы вины, возникают неразрешимые сложности в определении вида режима отбывания наказания в виде лишения свободы, остаются нерешенными и некоторые другие практические вопросы.

Принципиальным шагом по пути решения обозначенной проблемы явилось законодательное ограничение сферы уголовной наказуемости за неосторожность путем указания на то, что «деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса» (ч. 2 ст. 24 УК РФ в первоначальной редакции).

Подобным образом сфера ответственности за неосторожность ограничивается в уголовных кодексах целого ряда зарубежных государств (например, ст. 12 УК Испании, ч. 4 ст. 19 УК Республики Казахстан, ч. 2 ст. 15 УК КНР, ст. 8 УК Республики Польша, ч. 1 ст. 2 УК Швеции).

Однако российский законодатель отказался от своего первоначального решения и, по сути, возвратился к тому, что некоторые преступления могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности (например, заражение венерической болезнью, разглашение государственной тайны и т. п.).

Это возлагает на суды дополнительную обязанность устанавливать и указывать в приговоре форму вины, с которой было совершено такое преступление в конкретном случае.

Не учитывая изменений в редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ, отдельные ученые продолжают утверждать, будто за деяния, совершенные по неосторожности, уголовная ответственность на-

¹²³⁷ См.: *Квашис В.Е.* Преступная неосторожность: Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986; *Нуртаев Р.Т.* Борьба с неосторожными видами преступлений. Алма-Ата, 1990; *Нерсисян В.А.* Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002; *Тяжкова И.М.* Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002.

¹²³⁸ *Камхадзе К.* Учет неосторожной вины в судебной практике // Советская юстиция. 1984. № 5. С. 12.

¹²³⁹ *Лановенко И.П.* Охрана трудовых прав. Киев, 1975. С. 262.

ступает лишь в случаях, когда это специально указано в Особенной части УК¹²⁴⁰.

Итак, в соответствии с буквой ч. 2 ст. 24 УК РФ преступления, при описании которых законодатель прямо не указывает на неосторожную форму вины, могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности.

Такое мнение достаточно распространено в теории уголовного права, его поддерживают, в частности, В.В. Сверчков¹²⁴¹, Э.Н. Жевлаков¹²⁴², М.А. Кауфман¹²⁴³ и др.

Вместе с тем некоторые сторонники этой точки зрения подчеркивают неудачность сложившегося законодательного решения.

Так, М.А. Кауфман, признавая, что по смыслу ч. 2 ст. 24 УК РФ преступления, неосторожный характер которых не подчеркнут в диспозиции уголовно-правовой нормы, могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности, замечает: «Это, однако, вызывает серьезные сомнения. Во-первых, совершенно необъяснимо, почему умышленные и неосторожные преступления наказываются одинаково (у них общая санкция). Во-вторых, непонятно, чем руководствовался законодатель, когда избирал непозволительно мягкое наказание за причинение умышленного вреда»¹²⁴⁴.

Вытекающее из ч. 2 ст. 24 УК РФ положение о том, что в случаях, когда в диспозиции нормы Особенной части УК прямо не указано на то, что преступление совершается только по неосторожности, должна предполагаться возможность его совершения с любой формой вины, вовсе не следует абсолютизировать.

Во-первых, многие преступления, при законодательном описании которых не указывается никакая форма вины, могут совершаться исключительно умышленно. Это может определяться введением в состав преступления специальной цели или специ-

ального мотива деяния, или указанием на заведомую незаконность либо злостный характер совершаемых действий, или самим характером преступления (клевета, изнасилование, государственная измена и др.), или способом его совершения (обман, злоупотребления доверием, использование своего служебного положения и т. п.).

Во-вторых (что особенно важно), Федеральный закон от 25 июня 1998 г., изменив редакцию ч. 2 ст. 24 УК РФ, не привел в соответствие с нею Особенную часть Кодекса. В этом направлении была сделана лишь робкая попытка — указано на неосторожную форму вины в ч. 1 ст. 249, ч. 2 ст. 249, ч. 2 ст. 251 и ст. 348 УК. Между тем, во многих нормах Особенной части Уголовного кодекса отсутствие указания на неосторожную форму вины, а значит, признание возможности *умышленного* совершения соответствующих преступлений явно не соответствует санкциям, установленным за эти преступления. Особенно очевидно это в случаях, когда преступления связаны с причинением вреда здоровью человека. В первую очередь это относится к некоторым экологическим преступлениям.

Так, не указывается на причинение по неосторожности последствий в виде вреда здоровью человека при нарушении правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ) и нарушении правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ч. 2 ст. 247 УК РФ), максимальное наказание за совершение которых составляет пять лет лишения свободы. Эти санкции строже, чем неосторожное причинение любого вреда здоровью, но мягче, чем умышленное причинение тяжкого вреда. А значит, применение в этом случае только ст. 246 или 247 УК РФ «означало бы на практике нарушение принципа справедливости и фактическое освобождение от уголовной ответственности за совершение более тяжкого преступления»¹²⁴⁵, поэтому умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека как не учтенное в рамках санкции ст. 246 или ч. 2 ст. 247 УК РФ требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ.

Точно так же умышленное уничтожение или повреждение лесов, которое явилось результатом нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ, если оно было сопряжено с использованием общепризнанного способа либо про-

¹²⁴⁰ Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъективная сторона преступления. Ростов-на-Дону, 1999. С. 18; Лунеев В.В. Субъективное вменение. М., 2000. С. 9.

¹²⁴¹ Сверчков В.В. Ответственность за экологические преступления по российскому уголовному законодательству. Н. Новгород, 1998. С. 18.

¹²⁴² Российское уголовное право. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. С. 518.

¹²⁴³ Кауфман М.А. Некоторые вопросы применения Общей части УК РФ // Государство и право. 2000. № 6. С. 59.

¹²⁴⁴ Там же. С. 59.

¹²⁴⁵ Лопашенко Н.А. Экологические преступления. СПб, 2002. С. 58–59.

изошло в результате загрязнения вредными веществами или отходами, необходимо квалифицировать не только по ст. 246, но и по ч. 2 ст. 261 УК РФ¹²⁴⁶.

Еще сложнее квалифицировать при умышленном причинении вреда здоровью такие преступления, как нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами (ст. 248 УК РФ) и загрязнение вод (ч. 2 ст. 250 УК РФ), наиболее строгое наказание за совершение которых по закону равняется трем годам лишения свободы. Такими санкциями не охватывается *умышленное* причинение тяжкого (ст. 111 УК РФ) и средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ).

Значит, умышленное причинение названных последствий нуждается в *дополнительной* квалификации по ст. 111 или 112 УК РФ¹²⁴⁷.

Квалифицированный вид загрязнения морской среды (ч. 2 ст. 252 УК РФ) предусматривает, в частности, последствия в виде причинения *существенного* вреда здоровью человека.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические преступления» от 5 ноября 1998 г. (п. 4), «причинение вреда здоровью человека (ст. 246, 247, 248, 250, 251, 252, 254 УК РФ) выражается в расстройстве здоровья, временной или постоянной утрате трудоспособности, причинении тяжкого, средней тяжести или легкого вреда одному или нескольким лицам»¹²⁴⁸.

Однако приведенное разъяснение вызывает определенные сомнения.

Во-первых, Пленум неправомерно отождествляет различные законодательные понятия: вред здоровью человека и *существенный* вред здоровью человека.

Во-вторых, перечисляя все возможные виды вреда здоровью без связи с формой вины и без учета санкций, установленных за причинение вреда здоровью при совершении преступлений, перечисленных в п. 4 постановления,

Пленум неосновательно ориентирует правоприменительные органы на квалификацию преступлений *только* по статьям УК

об экологических преступлениях, хотя их санкции во многих случаях не учитывают степени общественной опасности умышленного причинения вреда здоровью человека. Поэтому разъяснение Пленума Верховного Суда РФ нужно воспринимать со следующими поправками.

Прежде всего, данная в п. 4 постановления расшифровка термина «вред здоровью человека» относится только к последствиям, обозначенным в статьях 246–248, 250 и 254 УК именно как «вред здоровью человека», а следствие, обозначенное как «существенный вред здоровью человека» (ч. 2 ст. 252 УК РФ), должно пониматься более узко, а именно как средней тяжести и тяжкий, *но не легкий* вред здоровью.

Кроме того, эту расшифровку следует понимать только как указание на виды вреда здоровью, предусмотренные Уголовным кодексом, но не как рекомендации по квалификации экологических преступлений, соединенных с причинением вреда здоровью людей.

Итак, ч. 2 ст. 252 УК РФ предусматривает наступление общественно опасных последствий, в частности, в виде причинения *существенного вреда* здоровью человека. Если исходить из санкции этой нормы (максимум — три года лишения свободы), то следует, что ею охватывается умышленное причинение легкого (ст. 115 УК РФ) и средней тяжести без отягчающих обстоятельств вреда здоровью (ч. 1 ст. 112 УК РФ), а также неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью человека (ст. 118 УК РФ). Если же при совершении этого преступления умышленно причиняется тяжкий (ст. 111 УК РФ) или средней тяжести вред здоровью при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 112 УК РФ), то содеянное надлежит квалифицировать по совокупности ч. 2 ст. 252 с перечисленными статьями УК.

Еще с большей осторожностью следует воспринимать приведенное выше разъяснение Пленума Верховного Суда РФ при квалификации преступления по ч. 1 ст. 254 УК РФ, санкция которой устанавливает максимально строгое наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет. Этой нормой, исходя из ее санкции, охватывается только умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), да и то лишь по признаку более низкого верхнего предела исправительных работ, чем в ч. 1 ст. 254 УК РФ. Но поскольку в ст. 115 УК РФ предусмотрено еще и наказание в виде ареста, то ее санкция может рассматриваться как более строгая, чем санкция ч. 1 ст. 254 УК

¹²⁴⁶ Там же. С. 59.

¹²⁴⁷ Там же. С. 88, 114.

¹²⁴⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1. С. 3.

РФ. А при такой оценке указание на последствия в виде причинения вреда здоровью человека в санкции ч. 1 ст. 254 УК РФ вообще теряет смысл, поскольку при наступлении этого последствия деяние нуждается в квалификации по совокупности ч. 1 ст. 254 и ст. 115 УК РФ.

Вопрос о форме вины по отношению к квалифицирующим последствиям, состоящим в причинении вреда здоровью человека, возникает при квалификации не только экологических, но и многих других преступлений, при законодательном описании которых квалифицирующее значение отведено применению *насилия* (ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151, ч. 4 ст. 166, ч. 3 ст. 178, п. «б» ч. 2 ст. 179, п. «в» ч. 3 ст. 188, п. «в» ч. 2 ст. 206, п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ и др.), причинению *тяжкого вреда здоровью* (например, п. «в» ч. 3 ст. 162, п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ и др.) или причинению *тяжких последствий* (например, п. «в» ч. 3 ст. 186 УК РФ).

Анализ субъективной стороны преступления предполагает установление не только формы вины, но также вида неосторожности как в случаях, когда преступление является неосторожным, так и в случаях, когда неосторожность в соответствии с законодательным описанием преступления является *возможной* формой вины *наряду* с умыслом.

Законодатель различает два вида неосторожности: легкомыслие и небрежность.

А) Легкомыслие

Преступление признается совершенным по **легкомыслию**, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий (ч. 2 ст. 26 УК РФ).

Как видно из текста закона, при определении легкомыслия законодатель не касается психического отношения лица к совершаемому общественно опасному действию или бездействию, а ограничивается характеристикой отношения только к последствиям. На этом основании некоторые криминалисты утверждают, что при данном виде неосторожности у субъекта отсутствует осознание общественной опасности совершаемого деяния, что признаком легкомыслия является лишь обязанность и возможность такого осознания¹²⁴⁹.

¹²⁴⁹ См.: Тихонов К.Ф. К вопросу о разграничении форм виновности в советском уголовном праве // Правоведение. 1963. № 3. С. 87; Орлов В.С. Вина и 700

Однако другие ученые считают, что лишь исходя из отрицательной социальной оценки возможных последствий правонарушитель, действующий по легкомыслию, стремится к предотвращению этих последствий, следовательно, осознание потенциальной общественной опасности совершаемого деяния входит в содержание легкомыслия как разновидности неосторожной формы вины¹²⁵⁰.

То обстоятельство, что при определении легкомыслия законодатель не касается психического отношения виновного к самому деянию, можно объяснить следующими соображениями.

Во-первых, в соответствии с законом ответственность за неосторожность обычно наступает при наличии общественно опасных последствий. Поэтому отношение к действию или бездействию не имеет здесь столь важного значения, как при умысле, который может влечь ответственность и без наступления каких-то последствий, обозначенных в законе (за преступления с формальным составом). Лишь в отдельных случаях законодатель допускает ответственность за неосторожные действия, которые создают угрозу причинения тяжких последствий (например, нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах).

Во-вторых, последствия — это именно тот объективный признак, который придает неосторожному преступлению качество общественной опасности. Поэтому отношение к последствию — это, по сути, и есть отношение к общественной опасности деяния.

Следовательно, можно признать, что при совершении преступления по легкомыслию субъект «всегда сознает отрицательное значение возможных последствий»¹²⁵¹, поэтому по общему правилу он осознает общественную опасность совершаемого действия или бездействия, которое, поскольку оно чревато

мотив в преступлениях несовершеннолетних // Вестник МГУ. Серия Право. 1968. № 1. С. 29; Дагель П.С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 120.

¹²⁵⁰ См.: Демидов Ю.А. Сознание общественной опасности деяния как признак умышленного преступления // Труды ВЮЗИ. Т. 8. М., 1965. С. 170; Куринов Б.А. Квалификация транспортных преступлений. М., 1965. С. 170; Загородников Н.И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М., 1975. С. 79.

¹²⁵¹ Тяжкова И.М. Указ. соч. С. 22.

социально вредными последствиями, содержит *потенциальную угрозу* причинения вреда общественным отношениям, поставленным под защиту уголовного закона. Если даже такое осознание не является обязательным признаком легкомыслия, поскольку он прямо не вытекает из закона и не подлежит непременно установлению судом по каждому делу, тем не менее оно типично для преступлений, совершенных по легкомыслию, и составляет *первый признак интеллектуального элемента* этого вида неосторожности.

Вторым интеллектуальным признаком легкомыслия является предвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния. Но, как было показано, и при косвенном умысле имеется предвидение лишь возможности, а не неизбежности наступления последствий. Значит ли это совпадение легкомыслия и косвенного умысла по данному признаку? Нет, не значит. Косвенный умысел характеризуется предвидением *реальной* (именно в данном конкретном случае) возможности наступления общественно опасных последствий. А при легкомыслии виновный предвидит не реальную, а *абстрактную* возможность наступления последствий. Это значит, что он «осознает лишь абстрактную опасность такого рода деятельности, он представляет, что вообще подобные действия могут вызвать общественно опасное последствие, но исключает реализацию опасности в данном конкретном случае»¹²⁵². Иначе говоря, лицо, действующее по легкомыслию, в своем предвидении общественно опасных последствий *абстрагируется* от реальной сложившейся ситуации и не распространяет на нее возможность наступления таких последствий.

При легкомыслии предвидение характеризуется тем, что лицо не осознает действительного развития причинной связи, хотя при надлежащем напряжении психических сил и может осознать это. Виновный несерьезно подходит к оценке тех обстоятельств, которые, по его мнению, должны предотвратить наступление преступного результата, но на самом деле оказались неспособными противодействовать его наступлению.

Следовательно, *третьим интеллектуальным признаком* легкомыслия является осознание субъектом фактического наличия сил и обстоятельств, способных, по его мнению, предотвратить

наступление общественно опасных последствий. Это очень важный признак, без которого невозможен расчет избежать вредных последствий. Именно с наличием этого признака связана специфика волевого элемента легкомыслия, который характеризуется самонадеянным расчетом на предотвращение общественно опасных последствий.

Основное, главное отличие легкомыслия от косвенного умысла заключается в содержании *волевого элемента*. Если при косвенном умысле виновный сознательно допускает наступление общественно опасных последствий, т. е. относится к ним одобрительно, то при легкомыслии отсутствует не только желание, но и сознательное допущение этих последствий и, наоборот, субъект стремится не допустить их наступление, относится к ним *отрицательно*. Разграничение между косвенным умыслом и легкомыслием видно на следующем примере.

По предварительной договоренности между собой С. и И. с целью хищения имущества проникли в дом 76-летней А., избив ее, причинив тяжкие телесные повреждения, в том числе переломы костей носа, скуловых костей и основания черепа, связали ее и вставили в рот кляп. В результате механической асфиксии, развившейся вследствие введения тряпичного кляпа в рот, А. на месте происшествия скончалась.

Суд первой инстанции деяние в части лишения А. жизни квалифицировал как причинение смерти по неосторожности, основываясь на показаниях подсудимых о том, что они избивали А. не с целью убийства, а чтобы сломить ее сопротивление, рассчитывая, что утром к А. придут родственники или знакомые и освободят ее. Однако Военная коллегия Верховного Суда РФ приговор отменила и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Осужденные, зная о преклонном возрасте А., применили к ней насилие, опасное для жизни, а затем, связав руки и ноги, оставили ее с разбитым лицом, залитой кровью носоглоткой и кляпом, закрывавшим дыхательные пути, забросав ее одеялом и матрацем. Для С. и И. было очевидным беспомощное состояние А., и они безразлично относились к этому, а также к возможным последствиям.

Ошибка суда первой инстанции заключалась в неправильной оценке психического отношения виновных к последствиям со-

¹²⁵² Макашвили В. Г. О разграничении эвентуального умысла и самонадеянности // Правоведение 1965. № 2. С. 167.

вершенного деяния как неосторожного, тогда как имел место косвенный умысел¹²⁵³.

При легкомыслии, в отличие от косвенного умысла, сознание и воля лица не безразличны к возможным отрицательным последствиям деяния, а направлены на их предотвращение.

Закон характеризует волевое содержание легкомыслия не как надежду, а именно как *расчет* на предотвращение общественно опасных последствий. Прежнюю законодательную характеристику этого вида неосторожности дополнила формулировка, что лицо «без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение» возможных отрицательных последствий своего деяния. Она явно указывает на то, что при легкомыслии расчет избежать наступления общественно опасных последствий имеет под собой вполне реальные, хотя и *недостаточные* основания. Расчет на предотвращение общественно опасных последствий своего деяния означает отсутствие у лица положительного (свойственного обоим видам умысла), одобрительного отношения к наступлению этих последствий. Наоборот, он означает *отрицательное* отношение к ним, нежелание их, стремление избежать их наступления. В основе этого расчета должны лежать конкретные фактические обстоятельства, которые могут, по мнению виновного, помешать наступлению вредных последствий. При этом расчет оказывается самонадеянным из-за несерьезного подхода к оценке этих обстоятельств. Важно иметь в виду, что в законодательном определении легкомыслия говорится о расчете не «предотвратить», а «на предотвращение».

Из этого следует, что виновный рассчитывает не только на собственные возможности (физическую силу, знания, опыт, ловкость, быстроту реакции и т. д.), но и на действия других людей, на влияние определенных орудий и механизмов, особенности обстановки, вмешательство природных явлений и т. д. Для легкомыслия характерно действительное наличие обстоятельств, принимаемых в расчет виновным в момент совершения деяния, либо закономерность их проявления в этот момент. Поэтому для констатации легкомыслия суд должен по каждому делу установить, на каких реальных факторах строился расчет виновного избежать общественно опасных последствий.

Легкомыслию присущи, *во-первых*, предвидение возможности наступления вредных последствий, а *во-вторых*, отражение сознанием виновного каких-то реальных факторов, которые и кладутся виновным, хотя и неосновательно, в основу расчета избежать наступления этих последствий. Между тем, в судебной следственной практике и научных исследованиях нередко вывод о наличии легкомыслия делается без учета двух отмеченных особенностей этого вида неосторожности, а лишь исходя из того, что виновный осознавал факт нарушения определенных норм социального поведения.

Так, по делам о транспортных преступлениях подчас делается неосновательный вывод о наличии легкомыслия только потому, что виновный признавал *факт нарушения правил* движения и эксплуатации транспортных средств.

Однако сознательного нарушения тех или иных правил еще недостаточно для вывода о наличии легкомыслия, поскольку оно не доказывает ни предвидения последствий, ни наличия расчета избежать их. Нельзя упускать из виду, что основным видом неосторожности является небрежность, а легкомыслие встречается лишь в 10–15% от всех преступлений, совершенных по неосторожности.

Б) Небрежность

Преступление признается совершенным по **небрежности**, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия (ч. 3 ст. 26 УК РФ).

Непредвидение общественно опасных последствий при небрежности не означает отсутствия всякого психического отношения к наступлению таких последствий, а представляет особую форму такого отношения, свидетельствуя о пренебрежении лица к требованиям закона, правилам социального поведения, интересам других лиц.

Сущность этого вида неосторожной вины заключается в том, что лицо, имея реальную возможность предвидеть наступление общественно опасных последствий своего деяния, не проявляет необходимой внимательности и предусмотрительности, чтобы совершить необходимые волевые действия для предотвращения указанных последствий, не превращает реальную возможность в действительность.

¹²⁵³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3. С. 8–9.

Преступная небрежность представляет такую своеобразную форму психического отношения виновного к общественно опасным последствиям своего деяния, при которой волевой элемент характеризуется волевым характером совершаемого действия или бездействия и (или) отсутствием волевых актов поведения, направленных на предотвращение общественно опасных последствий.

Последняя ситуация характерна для так называемых деликтов упущения, при которых виновный не выполняет своих обязанностей без волевых поведенческих актов (проспал, забыл и т. п.).

Интеллектуальное содержание небрежности характеризуется двумя признаками: отрицательным и положительным.

Отрицательный признак небрежности — непредвидение лицом возможности наступления общественно опасных последствий — включает в себя, во-первых, отсутствие осознания общественной опасности совершаемого действия или бездействия, а во-вторых, отсутствие предвидения преступных последствий. Практически возможны три варианта рассматриваемого психического отношения:

а) лицо осознает, что нарушает определенные правила предосторожности, но не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния;

б) лицо, осознанно совершая волевой поступок, не осознает, что этим поступком оно нарушает какие-то правила предосторожности;

в) само деяние субъекта лишено сознательного волевого контроля, но этот контроль не осуществляется по вине самого субъекта (часовой уснул на посту, инженер по технике безопасности «забыл» проинструктировать рабочих и т. п.).

Во всех приведенных вариантах субъект не осознает (имея возможность осознавать) общественную опасность совершаемого деяния и не предвидит возможность наступления общественно опасных последствий.

Небрежность — это единственная разновидность вины, при которой виновный не предвидит последствий ни в форме неизбежности, ни в форме реальной или даже абстрактной возможности их наступления. Здесь вообще отсутствует позитивная психологическая связь между субъектом преступления и причиненными им преступными последствиями. Именно ее отсутствие с давних пор порождало у криминалистов сомнение в

обоснованности признания небрежности виной в уголовно-правовом смысле. Однако наличие положительного признака как раз и позволяет придать небрежности качество уголовно-правовой вины.

Положительный признак интеллектуального элемента небрежности состоит в том, что виновный должен был и мог проявить необходимую внимательность и предусмотрительность и предвидеть наступление фактически причиненных вредных последствий. Именно этот признак превращает небрежность в разновидность вины в ее уголовно-правовом понимании. Он устанавливается с помощью двух критериев: долженствование означает объективный критерий, а возможность предвидения — субъективный критерий небрежности.

Содержание *объективного критерия* небрежности раскрывается в юридической литературе неоднозначно. Так, Ш.С. Рашковская полагала, что, «пользуясь объективным критерием, суд исходит из требований предусмотрительности, которые должны соблюдать лица той профессии, специальности или деятельности, к которой принадлежит или которой занимается виновный, чтобы предотвратить наступление преступного результата, либо из той меры должной предусмотрительности, которая предъявляется к любому члену общества правом, моральным кодексом, правилами человеческого общежития»¹²⁵⁴. Подобное толкование объективного критерия представляется недостаточно последовательным и убедительным.

Во-первых, предоставление суду права выбора в применении либо одного, либо другого масштаба оценки должной меры предусмотрительности несовместимо с принципом равенства граждан перед законом и не может обеспечить единообразия судебной практики по делам о преступлениях, совершенных по небрежности.

Во-вторых, обращение к мере предусмотрительности, предъявляемой «вообще к любому члену общества», с одной стороны, противоречит принципу персональной виновной ответственности, а с другой — неизбежно ведет к недопустимой пре-

¹²⁵⁴ Советское уголовное право. Общая часть. / Под ред. П.И. Гришаева. М., 1982. С. 145. Аналогичную позицию занимал и В.Д. Меньшагин (см.: Советское уголовное право. Общая часть. / Под ред. В.Д. Меньшагина. М., 1974. С. 167).

зупмции, что любой член общества обязан предвидеть фактически причиненные вредные последствия.

Сходное с приведенным выше толкованием объективного критерия предложено и А.В. Наумовым: «У конкретного лица наличие возможности предвидения наступления вредных последствий своего деяния признается тогда, когда при данных обстоятельствах эти последствия мог предвидеть "средний благоразумный человек"»¹²⁵⁵.

Подобное понимание объективного критерия небрежности вряд ли приемлемо, поскольку в нем, во-первых, объективный критерий раскрывается через субъективный критерий *возможности* «благоразумного человека», а во-вторых, оно представляет по существу обращение к масштабу «среднего человека», который подвергался убедительной критике в отечественной литературе¹²⁵⁶.

В самом деле, что означает понятие «средний благоразумный» (или всякий другой) человек? И почему все-таки последствий не предвидел виновный, если их мог предвидеть *всякий* человек? И наоборот, раз не предвидел виновный, то вполне реально, что их не мог предвидеть и «средний благоразумный человек», поскольку таковой вполне мог обладать более ограниченными, чем у виновного, возможностями к предвидению последствий в такой же ситуации. Следовательно, изложенная трактовка объективного критерия небрежности не исключает возможности объективного вменения.

Более правильным представляется мнение, что *объективный* критерий небрежности носит нормативный характер, т. е. обозначает вытекающую из различных социальных норм *обязанность* лица предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния при соблюдении обязательных для этого лица мер внимательности и предусмотрительности. Эта обязанность может вытекать из прямого указания закона, из специальных правил, профессиональных, служебных или иных функций виновного, а также из общеобязательных правил общежития. Отсутствие обязанности предвидеть наступление

общественно опасных последствий исключает вину данного лица за их фактическое причинение.

Так, прекращая за отсутствием состава преступления уголовное дело по обвинению Н., которая не проверила должным образом качество ремонта печи в магазине, из-за чего возник пожар, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что в обязанности Н. не входила проверка качества ремонта печи, поэтому она не была обязана предвидеть возможные последствия некачественного ремонта, проведенного специалистами¹²⁵⁷.

Но и наличие такой обязанности еще недостаточно для возложения на обязанное лицо ответственности за реальное наступление вредных последствий. Для этого необходимо установить, что лицо *имело реальную возможность* в данном конкретном случае предвидеть наступление общественно опасных последствий (субъективный критерий), но эту возможность не реализовало и последствий не избежало.

Субъективный критерий небрежности означает персональную способность лица в конкретной ситуации, с учетом его индивидуальных качеств и, как впервые сказано в российском УК, *при проявлении необходимой внимательности и предусмотрительности* предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния.

Это означает, что возможность предвидения последствий определяется, во-первых, особенностями ситуации, в которой совершается деяние, а во-вторых, индивидуальными качествами виновного.

Ситуация не должна быть чрезмерно сложной, с тем чтобы задача предвидеть последствия была в принципе разрешимой. А индивидуальные качества виновного (его физические данные, уровень развития, профессиональный и жизненный опыт, образование, состояние здоровья, степень восприимчивости и т. д.) должны позволять правильно воспринять информацию, вытекающую из обстановки совершения деяния, дать правильные оценки и сделать обоснованные выводы. Наличие этих двух предпосылок делает для виновного реально возможным предвидение общественно опасных последствий.

Таким образом, при установлении субъективного критерия небрежности «учитываются не качества абстрактной усреднен-

¹²⁵⁵ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1999. С. 241. См. также: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 1996. С. 39.

¹²⁵⁶ Сергеева Т.Л. К вопросу об определении преступной небрежности // Сов. государство и право. 1947. № 4. С. 19–20.

¹²⁵⁷ Тяжкова И.М. Указ. соч. С. 27–28.

ной личности, а конкретный человек, действующий в конкретной обстановке»¹²⁵⁸.

Нетрудно заметить, что ссылка законодателя на необходимую внимательность и предусмотрительность касается не объективного критерия (обязанности предвидеть вредные последствия), а только субъективного (возможности предвидеть и предотвратить такие последствия).

Совершенно правильно С.Ф. Милуков заметил по этому поводу, что «действующая редакция этой нормы (ч. 3 ст. 26 УК РФ. — А.Р.) вносит элемент субъективизма в *объективный* критерий этой разновидности неосторожной формы вины»¹²⁵⁹.

Поэтому законодательное определение небрежности было бы более точным в следующем изложении: «Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя должно было и при необходимой внимательности и предусмотрительности могло предвидеть эти последствия».

В) Конструкция состава преступления и виды неосторожности

Законодательное описание неосторожности, так же как и умысла, ориентировано исключительно на преступления с материальным составом. Поэтому представляется важным исследовать вопрос о возможности совершения по неосторожности преступлений с формальным составом.

Легкомыслие, как и косвенный умысел, по своей психологической сущности неразрывно связано с общественно опасными последствиями. В отрыве от них даже теоретически невозможно сконструировать ни интеллектуальный, ни волевой элементы этого вида неосторожности.

В преступлениях, состав которых не включает последствий как признака объективной стороны, легкомыслие существовать не может, так как неуместно говорить о предвидении или о расчете на предотвращение собственных действий, совершаемых сознательно и по собственной воле.

В этой связи следует отметить голословно высказанное утверждение С.В. Склярова, будто «подавляющее большинство авторов допускает совершение преступлений с формальными

составами с неосторожной формой вины в виде преступного легкомыслия»¹²⁶⁰.

Приведенный тезис не подкреплён ссылкой ни на один источник и неправилен по существу: теория уголовного права отрицает возможность легкомыслия в преступлениях с формальным составом.

Тем не менее возможность неосторожного совершения преступлений с формальным составом не исключается.

Такую возможность допускали, в частности, Верховный Суд СССР, указавший в постановлении от 5 апреля 1985 г. № 1, что не только умышленно, но и по неосторожности может совершаться выпуск недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции¹²⁶¹, и Верховный Суд РФ, указавший в п. 20 постановления от 5 ноября 1998 г. № 14, что вред, причиненный нарушением экологического законодательства, подлежит возмещению «независимо от того, причинен ли вред в результате умышленных действий (бездействия) или по неосторожности»¹²⁶².

Возможность неосторожного совершения этих, а также некоторых других преступлений, имеющих формальный состав, признается и в юридической литературе. Но речь идет *только о небрежности*.

Поскольку в формальных составах к признакам объективной стороны относятся лишь свойства совершаемого деяния, т. е. действия или бездействия, то именно они и составляют предметное содержание неосторожной вины. А социальные свойства совершаемого деяния могут быть предметом только сознания, но никак не предвидения. Значит, психологическое содержание неосторожности в преступлениях с формальным составом можно охарактеризовать как отсутствие осознания общественно опасного характера совершаемого деяния при наличии обязанности и возможности такого осознания.

Именно такой вывод косвенно вытекает из определения субъективного случая в ч. 1 ст. 28 УК РФ: «Деяние признается невиновным, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опас-

¹²⁶⁰ Скляров С.В. Указ. соч. С. 186–187.

¹²⁶¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 3. С. 15.

¹²⁶² Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. С. 530.

¹²⁵⁸ Там же. С. 31.

¹²⁵⁹ Милуков С.Ф. Указ. соч. С. 58–59.

ности своих действий (бездействия)». Деяние из невинного превращается в неосторожное, если лицо, не осознающее его общественной опасности, по обстоятельствам дела *должно было и могло* осознавать общественно опасный характер своих действий (бездействия).

Такое содержание психического отношения лица к совершаемому деянию присуще небрежности, которая и является единственным видом неосторожной вины, возможным в формальных составах преступлений.

Именно такое решение закреплено, например, в ч. 3 ст. 24 УК Республики Беларусь: «Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, не сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, хотя должно было и могло это сознавать».

Как форма психического отношения лица к деянию и его общественно опасным последствиям небрежность занимает промежуточное положение между легкомыслием и случайным, невинным причинением вреда.

Г) *Вопрос об иных видах неосторожности*

Помимо двух предусмотренных в законе видов неосторожной формы вины, в науке уголовного права некоторыми учеными выделяются и другие ее разновидности. Такие попытки предпринимались еще в дореволюционной науке уголовного права.

Так. Э.О. Колоколовым выделялся третий вид неосторожности, сущность которого якобы заключается в предвидении вероятности наступления вредных последствий совершаемого деяния при нежелании их наступления и надежде (но не расчете) избежать их. В пример приводился поджог дома из мести при нежелании причинить смерть находящемуся в доме тяжело больному и надежде, что ему удастся спастись самому или с посторонней помощью¹²⁶³.

Вряд ли на современном уровне развития уголовного права требуются особые доказательства того, что в приведенном примере нет не только никакого нового вида неосторожной формы вины, но и вообще неосторожности, поскольку причинение смерти при описанных обстоятельствах сопряжено с ни на чем не основанной надеждой избежать этих последствий, а значит, она причинена с косвенным умыслом.

В теории российского уголовного права советского периода также высказывались предложения выделить и иные, помимо указанных в уголовном законе, виды неосторожной вины.

Так, В.Ф. Кириченко высказался за выделение самостоятельного вида неосторожности в виде «правовой неосторожности»¹²⁶⁴ и в этом мнении был поддержан А.С. Никифоровым¹²⁶⁵. Мнение о том, что законодательное определение неосторожности не охватывает всех видов этой формы вины, приобрело форму цельной концепции в работах П.С. Дагеля.

Помимо двух видов неосторожности, предусмотренных законом, он предложил выделить правовую неосторожность, волевою небрежность и преступное невежество, которые, по его мнению, не укладываются в законодательные рамки ни легкомыслия, ни небрежности¹²⁶⁶.

Об этих же трех видах неосторожности писал ученик и соратник П.С. Дагеля Р.И. Михеев, утверждая, что они встречаются на практике и, не соответствуя признакам легкомыслия и небрежности, обладают свойствами самостоятельных видов неосторожной вины¹²⁶⁷.

«Правовую неосторожность» П.С. Дагель характеризовал как осознание всех фактических признаков деяния (действие, последствие, причинная связь), соединенное с непониманием без уважительных причин общественно опасного характера совершаемого деяния. Для иллюстрации «правовой неосторожности» автор приводил пример, в котором из сострадания к тяжело и безнадежно больному и по его просьбе ему дается смертельная доза морфия лицом, которое ошибочно считает свой поступок дозволенным.

Приведенный пример является неудачной иллюстрацией неосторожности. Вряд ли кто-нибудь может счесть правомерным лишение жизни тяжело больного из сострадания к нему и по его

¹²⁶⁴ Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 28.

¹²⁶⁵ Никифоров А.С. Основные вопросы уголовной ответственности за преступления, совершенные по небрежности. С. 173–174.

¹²⁶⁶ См.: Дагель П.С. Проблемы вины в советском уголовном праве: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Л., 1969. С. 21–22; Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 149–157.

¹²⁶⁷ Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. / Науч. ред. А.И.Коробеев. С. 419–423.

¹²⁶³ Колоколов Э.О. Указ. соч. С. 132–133.

просьбе выстрелом из пистолета или ударом кинжала, хотя юридическое значение этих способов лишения жизни идентично тому, который использовался в примере П.С. Дагеля.

Не менее трудно найти человека, который считал бы дозволенным лишение жизни человека из сострадания к нему таким «гуманным» способом, как отравление морфием. И если применительно к приведенному гипотетическому примеру можно говорить о каком-то заблуждении лица, то только относительно уголовной наказуемости, но не общественной опасности деяния, а это уже не фактическая, а юридическая ошибка, которая не исключает умысла.

Правда, для иллюстрации «правовой неосторожности» можно было бы привести пример, где общественная опасность деяния была бы не столь очевидна, как в приведенном выше примере (например, согласие неправомочного лица на уничтожение ценной вещи). Но в таком случае лицо, предвидя последствия своего деяния в их *фактическом* содержании, не осознавало бы их общественной опасности.

Следовательно, в подобных случаях речь идет об отсутствии предвидения *общественно опасных* последствий при наличии возможности и обязанности такого предвидения. Значит, конструкция «правовой неосторожности» полностью укладывается в законодательные рамки небрежности, на что уже указывалось в правовой литературе.

Так, резко отрицательно высказывался против понятия «правовой неосторожности» В.Г. Макашвили¹²⁶⁸, ее тождество с небрежностью отмечал М.Г. Угрехелидзе¹²⁶⁹. Примечательно, что в одной из своих более поздних работ П.С. Дагель говорит лишь о двух (помимо указанных в законе) видах неосторожности, уже не упоминая о «правовой неосторожности»¹²⁷⁰.

Под «волевой небрежностью» П.С. Дагель понимал случаи, когда лицо, оказавшись в опасной ситуации, не смогло найти правильного решения для предотвращения общественно опасных последствий своего деяния, хотя должно было и могло найти это решение и не допустить указанных последствий (напри-

мер, причинение тяжкого вреда здоровью человека в результате того, что в сложной дорожной обстановке водитель транспортного средства растерялся и это привело к дорожно-транспортному происшествию. При этом автор рассмотрел два возможных варианта.

Во-первых, опасная ситуация создается *по вине* водителя в результате нарушения им правил предосторожности. В этом случае виновный либо предвидел возможность создания такой ситуации и рассчитывал с помощью каких-то конкретных действий избежать наступления вредных последствий, либо не предвидел возможности возникновения ситуации, чреватой опасными последствиями, хотя должен был и мог предвидеть возможность ее наступления. Нетрудно заметить, что в этом варианте «волевая небрежность» сводится к одному из двух легальных видов неосторожности.

Во-вторых, опасная ситуация возникает *не по вине* водителя, но последний был обязан и мог предотвратить наступление вредных последствий¹²⁷¹. Однако в этом случае лицо несет уголовную ответственность только при условии, что они явились результатом нарушения этим лицом обязанности действовать определенным образом в сложившейся ситуации. И если субъект, нарушая указанную обязанность, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, но рассчитывает *своими иными действиями* избежать наступления вредных последствий, то налицо преступное легкомыслие. А в том случае, когда водитель нарушает обязанность действовать в сложившейся ситуации определенным образом и при этом *не предвидит* возможности наступления общественно опасных последствий допустимого нарушения, вина заключается в преступной небрежности.

Этот же вид неосторожности имеет место и в случае, когда виновный не осознает, что нарушает обязанность действовать определенным образом.

Следовательно, и второй вариант возникновения опасной ситуации тоже сводится либо к легкомыслию, либо к небрежности.

Это указывает на то, что «волевая небрежность» полностью вписывается в установленные законом рамки неосторожности и

¹²⁶⁸ Макашвили В.Г. Вина и сознание противоправности. С. 180.

¹²⁶⁹ Угрехелидзе М.Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. Тб., 1976. С. 105–108.

¹²⁷⁰ Дагель П.С. Неосторожность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. С. 115.

¹²⁷¹ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 153.

не может претендовать на самостоятельное значение наряду с легкомыслием и небрежностью.

«Преступным невежеством» П.С. Дагель называл случаи причинения общественно опасных последствий, наступление которых субъект не предвидел и по своему невежеству не мог предвидеть, поскольку взялся осуществлять деятельность, требующую специальных познаний, не обладая таковыми. «Момент вины» автор усматривал здесь в том, что неспособность предвидеть вредные последствия своего деяния обусловлена неизвинительным характером невежества субъекта. По мнению ученого, «преступное невежество» имеет определенное сходство с обоими видами неосторожности и в то же время отличается от каждого из них.

С легкомыслием «преступное невежество» якобы сходно в том, что при нем лицо «сознает общую опасность такого рода деятельности, хотя конкретного характера этой опасности он может и не представлять. Момент самонадеянности здесь относится к самому факту совершения действий»¹²⁷². В отличие же от легкомыслия субъект не рассчитывает на какие-либо обстоятельства, способные предотвратить возможные вредные последствия. «Он рассчитывает лишь на то, что "справится" со своими обязанностями»¹²⁷³. Однако отличие «преступного невежества» от легкомыслия и небрежности является мнимым.

Если предвидением субъекта охватывается любое из сколько угодно широкого набора конкретных последствий (авария, наезд и т. д.) при управлении автомобилем без знания автодела и практических навыков езды, то налицо интеллектуальный элемент легкомыслия. Если же сознание лица регистрирует лишь «опасность вообще» специальной деятельности без специальных знаний, то это, по существу, и означает отсутствие предвидения конкретных общественно опасных последствий, что характерно для небрежности.

Не обладает качественной спецификой и волевой элемент «преступного невежества». Он, по мнению П.С. Дагеля, характеризуется тем, что субъект рассчитывает не на какие-то конкретные обстоятельства, а на то, что сможет «справиться» со своими обязанностями. Что же кроется за этой формулировкой? Здесь возможны два варианта.

¹²⁷² Там же. С. 155.

¹²⁷³ Там же.

Во-первых, лицо надеется вообще избежать всяких опасных ситуаций. А это означает не что иное, как отсутствие предвидения общественно опасных последствий, т. е. указывает на наличие небрежности.

Во-вторых, лицо допускает возможность возникновения опасных ситуаций, но полагает, что без ущерба выйдет из них благодаря надлежащим и своевременным мерам. Такое предположение уже представляет характерный для легкомыслия расчет, основанный на влиянии реальных факторов.

При непредвидении последствий отличие «преступного невежества» от небрежности П.С. Дагель видел в том, что лицо *не могло их предвидеть*, хотя и должно было это сделать. Ответственность в данном случае обусловлена *неизвинительным* характером профессионального невежества субъекта. Это мнение представляется весьма спорным.

Отсутствие возможности предвидеть последствия *исключает* уголовно-правовую вину независимо от причин, по которым лицо *не могло* предвидеть эти последствия. Не случайно судебной практике известен ряд случаев оправдания лиц, принятых на должности, которым эти лица не соответствовали по уровню своих знаний, и причинивших своей неквалифицированной деятельностью общественно опасные последствия.

Следовательно, «преступное невежество», характеризующееся непредвидением и отсутствием возможности предвидеть общественно опасные последствия, представляет собой разновидность случайного (невиновного) причинения вреда.

Поэтому и «правовая неосторожность», и «волевая небрежность», и «преступное невежество» не представляют самостоятельных видов неосторожности и полностью вписываются в законодательные рамки либо легкомыслия, либо небрежности¹²⁷⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодательное определение неосторожности и ее видов — легкомыслия и небрежности — охватывает все встречающиеся в реальной жизни

¹²⁷⁴ На это в той или иной мере уже обращалось внимание в юридической литературе. См.: Макашвили В.Г. Уголовная ответственность за неосторожность. С. 180; Угрехелидзе М.Г. Указ. соч. С. 124–126; Афиногенов Ю.А. Проблемы эффективности норм о неосторожных преступлениях // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции. Тем. сб. Т. 175. Владивосток, 1976. С. 64.

разновидности этой формы вины в преступлениях с материальным составом.

§ 5. Двойная форма вины

В подавляющем большинстве случаев преступления совершаются с какой-то одной формой вины. Но иногда законодатель усиливает ответственность за умышленное преступление, если оно по неосторожности причинило последствие, которому придается значение квалифицирующего признака. В таких случаях возможно параллельное существование двух разных форм вины в одном преступлении. Сочетание умысла и неосторожности в одном преступлении ранее именовалось в литературе «смешанной», «двойной» или «сложной» формой вины. Подобные термины являются неточными, так как совпадение умысла и неосторожности в одном преступлении не образует никакой третьей формы вины: умысел и неосторожность между собой не смешиваются, они существуют самостоятельно, хотя и в одном преступлении. Две формы вины могут параллельно сосуществовать только в квалифицированных составах преступлений: умысел как *конструктивный* элемент основного состава умышленного преступления и неосторожность в отношении *квалифицирующих последствий*.

Возможность сочетания в одном преступлении двух форм вины — умысла и неосторожности — предусмотрена уголовным законодательством ряда стран (например, ст. 25 Республики Беларусь, § 20 УК Дании, ст. 22 УК Республики Казахстан, § 3 ст. 9 УК Республики Польша).

Отдельными учеными искажается смысл законодательной характеристики преступлений с двумя формами вины.

Так, В.Д. Иванов и С.Х. Мазуков пишут: «Особенность рассматриваемых преступлений состоит в том, что при их совершении наблюдается неоднородное психическое отношение лица к совершаемым действиям (бездействию) и к наступившим последствиям в материальных составах преступлений, которые содержат последствия в качестве самостоятельного признака объективной стороны».

В формальных составах преступлений последствие неотделимо от действия, слито с ним, а поэтому психическое отноше-

ние к действию (бездействию) и последствию является только однородным»¹²⁷⁵.

Аналогичное искажение мысли законодателя в трактовке преступлений с двумя формами вины встречается и у других авторов.

Так, по мнению Ю.А. Красикова, «сложная (двойная) форма вины характеризуется различным отношением лица к деянию и к последствию. Она возможна лишь в материальных преступлениях, где последствие выступает самостоятельным признаком объективной стороны. В формальных же преступлениях последствие не отделено от действия, а поэтому психическое отношение к действию и к последствию является однородным»¹²⁷⁶.

Подобные суждения, по сути, представляют собой возврат к чрезмерно широкой трактовке концепции так называемой смешанной формы вины, которая была подвергнута жесткой и весьма аргументированной критике еще в середине 70-х годов прошлого века. На самом деле речь идет вовсе не о неоднородности отношения к совершаемому действию (бездействию) и его общественно опасным последствиям, а о различном психическом отношении к *разным юридически значимым объективным признакам*, один из которых является *обязательным* признаком *основного* состава преступления, а второй — *квалифицирующим* последствием.

Несмотря на то, что действующий УК и терминологически, и по существу разрешил ситуацию, при которой умысел и неосторожность сочетаются в одном умышленном преступлении, некоторые ученые продолжают утверждать, что в подобных случаях имеет место некая третья форма вины, совмещающая некоторые признаки обеих форм вины, но при этом отличающаяся и от умысла, и от неосторожности¹²⁷⁷.

Понятие *преступлений с двумя формами вины* нашло законодательное закрепление в ст. 27 УК РФ — «Ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины», — которая

¹²⁷⁵ Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Указ. соч. С. 23–24.

¹²⁷⁶ Практический комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Х.Д. Аликперова и Э.Ф. Побегайло. С. 75.

¹²⁷⁷ См.: Ширяев В.А. «Раздвоенная» форма вины как уголовно-правовая категория: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Российское уголовное право: Курс лекций. Т.1. / Науч. ред. А.И. Коробеев. С. 423–428; Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений. С. 163–166.

гласит: «Если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно».

Реальная основа для существования преступлений с двумя формами вины заложена в специфической законодательной конструкции отдельных преступлений. Их своеобразие состоит в том, что законодатель как бы сливает в один состав, т. е. юридически объединяет два самостоятельных преступления, одно из которых является умышленным, а другое — неосторожным, причем оба могут существовать самостоятельно, но в сочетании друг с другом образуют качественно иное преступление со специфическим субъективным содержанием. Составляющие части такого преступления обычно посягают на различные непосредственные объекты, но могут посягать и на один (например, незаконное производство аборта, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей). При этом важно иметь в виду, что каждая из составляющих частей не утрачивает своего преступного характера и при раздельном существовании.

Таким образом, субъективные особенности подобных преступлений производны от специфической конструкции объективной стороны: сосуществование двух различных форм вины в одном преступлении обусловлено наличием двух самостоятельных предметов виновного отношения субъекта — *умысел* (прямой или косвенный) является субъективным признаком *основного состава* преступления, а *неосторожность* (в виде легкомыслия или небрежности) характеризует психическое отношение к последствиям, играющим роль *квалифицирующего признака*. При этом каждая из форм вины, сочетающихся в одном преступлении, полностью сохраняет свое качественное своеобразие. Именно поэтому подобные преступления характеризуются в законе как совершаемые с двумя формами вины.

Преступлений с двумя формами вины в уголовном законодательстве немного, и все они сконструированы по одному из следующих двух типов.

Первый тип образуют преступления с двумя указанными в законе и имеющими неодинаковое юридическое значение последствиями. Речь идет о квалифицированных видах преступлений, основной состав которых является материальным, а в роли квалифицирующего признака выступает более тяжкое последствие, чем последствие, являющееся обязательным признаком основного состава. Характерно, что квалифицирующее последствие, как правило, заключается в причинении вреда другому, а не тому непосредственному объекту, на который посягает основной вид данного преступления.

Так, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ) имеет объектом здоровье человека, но если оно сопряжено с неосторожным причинением смерти потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), то объектом этого неосторожного посягательства становится жизнь.

Это, а также другие преступления подобной конструкции, например умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 167 УК РФ), характеризуются умышленным причинением *обязательного* последствия и неосторожным отношением к более тяжкому последствию, которому законодатель отвел роль *квалифицирующего признака*.

Второй тип преступлений с двумя формами вины характеризуется неоднородным психическим отношением к действию или бездействию, являющемуся преступным независимо от последствий, и к квалифицирующему последствию. При этом квалифицирующее последствие состоит в причинении вреда, как правило, дополнительному объекту, а не тому, который поставлен под уголовно-правовую охрану нормой, формулирующей основной состав данного преступления. К этому типу относятся квалифицированные виды преступлений, основной состав которых является *формальным*, а *квалифицированный* состав включает определенные тяжкие *последствия*. Они могут указываться в диспозиции в конкретной форме (например, смерть человека при незаконном производстве аборта, при угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава — ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 211 УК РФ) либо оцениваться с точки зрения тяжести (крупный либо особо крупный ущерб

— ч. 2 ст. 169, ч. 3 ст. 165 УК РФ и др.; тяжкие последствия — ч. 2 ст. 145-1, ч. 2 ст. 201, ч. 2 ст. 203, ч. 3 ст. 285 УК РФ и др.).

В составах подобного типа умышленное совершение преступного действия (бездействия) сочетается с неосторожным отношением к квалифицирующему последствию.

Подводя итог рассмотрению вопроса о преступлениях с двумя формами вины, можно сделать следующие выводы:

а) такие преступления характеризуются сочетанием двух различных форм вины, т. е. умысла и неосторожности (сочетание прямого умысла с косвенным или легкомыслия с небрежностью не образует двух форм вины);

б) указанные формы вины устанавливаются по отношению к различным юридически значимым признакам общественно опасного деяния;

в) в преступлениях с двумя формами вины неосторожным может быть отношение только к *квалифицирующим* последствиям;

г) две формы вины могут параллельно существовать только в квалифицированных составах преступлений;

д) преступления с двумя формами вины в целом, как это указано в законе, относятся к умышленным, что определяется умышленной формой вины в основном составе преступления.

Исследование субъективного содержания преступлений с двумя формами вины необходимо для отграничения таких преступлений, с одной стороны, от умышленных, а с другой — от неосторожных преступлений, сходных по объективным признакам.

Так, если вследствие тяжкого вреда здоровью, который был причинен умышленно, наступила смерть потерпевшего, которая также охватывается умыслом виновного (хотя бы косвенным), деяние характеризуется единой формой вины и квалифицируется как убийство. И наоборот, если при неосторожном лишении жизни отсутствует умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, то нет и двух форм вины, а деяние следует квалифицировать как причинение смерти по неосторожности. И лишь сочетание умысла на причинение тяжкого вреда здоровью с неосторожностью в отношении наступившей смерти позволяет квалифицировать деяние по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Итак, преступления,отягченные наступлением квалифицирующих последствий, в зависимости от виновного к ним отно-

шения могут быть либо «чисто умышленными», либо относиться к преступлениям с двумя формами вины.

Рассмотренную выше концепцию преступлений с двумя формами вины некоторые ученые пытались использовать для установления отношения не к последствию, а к иным квалифицирующим признакам умышленных преступлений, например, к признаку особой жестокости при убийстве¹²⁷⁸. При этом «умысел» в обоих его видах и оба вида «неосторожности» конструируются как психическое отношение субъекта к самым различным признакам, характеризующим объект, способ, обстановку совершения преступления и т. п.¹²⁷⁹ К сожалению, подобные теоретические конструкции имеют под собой определенные основания, содержащиеся в разъяснениях высших судебных органов страны. Так, в постановлении «О судебной практике по делам об изнасиловании» от 25 марта 1964 г. говорилось, что за изнасилование несовершеннолетней несет ответственность «лицо, которое знало или допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо могло и должно было это предвидеть»¹²⁸⁰. Аналогичное разъяснение содержалось и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную или иную антиобщественную деятельность» от 3 декабря 1976 г., в соответствии с п. 9 которого «уголовная ответственность наступает как при условии осведомленности взрослого о несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого лица, так и в тех случаях, когда по обстоятельствам дела он мог и должен был предвидеть это»¹²⁸¹.

¹²⁷⁸ См.: Воробьева Т., Санталов А. Квалификация убийства с особой жестокостью // Советская юстиция. 1986. № 11. С. 13; Бородин С. Значение субъективной стороны убийства с особой жестокостью для его квалификации // Соц. законность. 1986. № 8. С. 47.

¹²⁷⁹ См.: Кириченко В. Смешанные формы вины // Советская юстиция. 1966. № 19. С. 14; Куринов Б.А. Указ. соч. С. 129; Горбуза А., Сухарев Е. О вменении при умышленной вине обстоятельств, допущенных по неосторожности // Советская юстиция. 1982. № 18. С. 8.

¹²⁸⁰ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. С. 25–26.

¹²⁸¹ Там же. С. 123.

В несколько измененном виде приведенное выше положение было воспроизведено и Пленумом Верховного суда РФ, который в постановлении № 4 от 22 апреля 1992 г. разъяснил, что деяние может квалифицироваться как изнасилование несовершеннолетней или малолетней, «когда виновный знал или допускал, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней или малолетней»¹²⁸². Как видно из приведенного суждения, Пленум Верховного Суда РФ уже не признавал возможности отношения к названным квалифицирующим признакам в виде небрежности, но допускал возможность косвенного умысла по отношению к ним.

Изложенная позиция не соответствовала теоретическому понятию и психологической сущности, а также законодательному описанию умысла и неосторожности, поэтому подвергалась обоснованной критике со стороны известных ученых. Так, А.Я. Светлов писал: «Психическое отношение к отдельным объективным признакам состава не следует называть "умыслом" или "неосторожностью", поскольку закон употребляет эти понятия лишь для обобщенной характеристики деяния в целом»¹²⁸³. Аналогичное мнение отстаивал и П.С. Дагель: «Формы вины характеризуют отношение виновного к деянию и вредным последствиям в целом, то есть в целом к совершенному преступлению. Поэтому они не могут рассматриваться только по отношению к одному из признаков, который характеризует какой-либо из элементов состава преступления»¹²⁸⁴.

Если вопрос о психическом отношении к возрасту потерпевших не был с абсолютной точностью разрешен в ст. 117 УК РФ, где речь шла об изнасиловании несовершеннолетней (ч. 3) или малолетней (ч. 4), и в ст. 210 УК РФ (вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность) УК РСФСР, то в аналогичных и других статьях УК РФ говорится о *заведомо* несовершеннолетнем либо малолетнем возрасте потерпевших. Тем самым положен конец спорам о формах и видах вины в отношении этого признака состава преступления. С учетом конкретизации данного квалифицирующего признака изнасилования и насильственных действий сексуального характера в действующем за-

конодательстве Пленум Верховного Суда РФ в п. 14 постановления «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного Кодекса Российской Федерации» от 15 июня 2004 г., дал принципиально новое разъяснение:

«Судам следует исходить из того, что ответственность за совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении заведомо несовершеннолетнего лица либо не достигшего четырнадцатилетнего возраста наступает лишь в случаях, когда виновное лицо достоверно знало о возрасте потерпевшего лица (являлось родственником, знакомым, соседом) или когда внешний облик потерпевшего лица явно свидетельствовал, например, о его возрасте»¹²⁸⁵.

Таким образом, вменение квалифицирующего признака, отражающего особые свойства потерпевшего, возможно только при *достоверном знании* виновным об этих свойствах либо при наличии объективных данных, *явно* указывающих на эти свойства.

Все объективные признаки преступления, за исключением последствий, осознаются либо не осознаются субъектом, т. е. составляют предмет *интеллектуального*, а не волевого отношения, а само это отношение не является ни умыслом, ни неосторожностью. Поэтому конструирование двух форм вины на основе неоднородного психического отношения к чему-либо, кроме последствий, теоретически несостоятельно.

Таким образом, научно не обоснованным является построение неосторожной вины по отношению к таким квалифицирующим признакам, как особые свойства объекта (возраст потерпевших при изнасиловании), способ совершения преступления (например, общеопасный), обстановка (например, условия стихийного бедствия) и т. п. При совершении умышленного преступления неосторожным может быть отношение только к одному квалифицирующему признаку — последствию, а «и ны е квалифицирующие обстоятельства умышленного преступления могут вменяться в вину только тогда, когда преступник заведомо знал о наличии этих обстоятельств»¹²⁸⁶. Отвергая возможность вменения при совершении умышленных

¹²⁸² Там же. С. 459.

¹²⁸³ Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. Киев, 1978 С. 68.

¹²⁸⁴ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 174–175.
724

¹²⁸⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004 № 8. С.4.

¹²⁸⁶ Угрехелидзе М.Г. Указ. соч. С. 94.

преступлений таких обстоятельств, о которых лицо не знало, но могло и должно было знать, Г.А. Кригер писал: «Поскольку умышленное деяние предполагает осознание лицом общественно опасного характера своих действий, то видимо, все обстоятельства, влияющие на характер общественной опасности, должны быть известны лицу»¹²⁸⁷.

Действительно, никакое преступление не может быть признано умышленным, если субъект не осознает характера объекта либо тех обстоятельств объективной стороны, которые существенно влияют на характер и степень общественной опасности деяния. Ведь по законодательному определению умысел характеризуется осознанием общественной опасности совершаемого деяния. А применительно к квалифицированным составам это требование означает осознание *повышенной* общественной опасности деяния, что предполагает обязательное знание субъектом тех фактических обстоятельств, которые и повышают эту опасность.

Не случайно высшие судебные органы необходимым компонентом умышленного преступления обычно считают знание виновным не только основных, но и квалифицирующих обстоятельств.

Например, такую позицию занял Президиум Верховного Суда РСФСР по делу Х., осужденного Кемеровским областным судом по ч. 4 ст. 117 УК РСФСР.

Президиум переквалифицировал содеянное на ч. 3 ст. 117 УК на том основании, что Х. не знал, что потерпевшая является малолетней, а внешне она выглядела на 17–18 лет¹²⁸⁸.

Эта позиция разделяется и Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая по конкретному делу указала: «Если умысел виновного был *направлен* (курсив мой. — А.Р.) на получение взятки в крупном размере и заранее было обусловлено, что она будет получена по частям, то при получении хотя бы части взятки содеянное должно квалифицироваться как оконченное преступление в виде получения взятки в крупном размере»¹²⁸⁹.

¹²⁸⁷ Кригер Г. Еще раз о смешанной форме вины // Советская юстиция. 1967. № 3. С. 7. См.: его же. Определение формы вины // Советская юстиция. 1979. № 20. С. 8.

¹²⁸⁸ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 10. С. 14.

¹²⁸⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 5. С. 12.

Итак, психическое отношение к квалифицирующим последствиям может быть, чаще всего, неосторожным либо, значительно реже, умышленным. Все прочие, помимо последствий, квалифицирующие обстоятельства, характеризующие особые свойства объекта или объективной стороны преступления, могут быть вменены лишь при условии, что виновному было *известно* о наличии этих обстоятельств.

§ 6. Невинное причинение вреда

В соответствии со ст. 5 УК лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Уголовная ответственность за невинное причинение вреда не допускается.

Действующий УК впервые включил норму о *невинном причинении вреда*, предусмотрев две его разновидности.

В ч. 1 ст. 28 УК РФ закреплена такая разновидность невинного причинения вреда, которая в теории уголовного права именуется субъективным случаем или «казусом». Применительно к преступлениям с формальным составом отсутствие вины означает, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия). Подобного рода «казусом» является, например, сбит при расчете за покупку фальшивой денежной купюры, о поддельности которой покупатель не знал и не имел оснований догадываться. Применительно к преступлениям с материальным составом субъективный случай заключается в том, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Эта разновидность субъективного случая отличается от небрежности отсутствием либо обоих, либо хотя бы одного из ее критериев.

Например, К. был осужден за неосторожное убийство, совершенное при следующих обстоятельствах.

Закурив на дороге, он бросил через плечо горящую спичку, которая попала в лежащую у дороги бочку из-под бензина и

вызвала взрыв бензиновых паров. При этом дно бочки вылетело и, попав в С., причинило ему смертельное ранение. Учитывая все обстоятельства данного дела, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР пришла к выводу, что смерть С. наступила в результате несчастного случая, поскольку К. не предвидел и по обстоятельствам дела не должен был и не мог предвидеть и предупредить фактически наступившие последствия, следовательно, он причинил их без вины¹²⁹⁰.

Для констатирования «казуса» не обязательно одновременное отсутствие обоих критериев небрежности, достаточно отсутствия хотя бы одного из них — или объективного или субъективного.

Ш. был осужден за причинение смерти по неосторожности, совершенное при следующих обстоятельствах.

Вместе с другим лицами Ш. распивал спиртные напитки в доме П. Свидетельница И., войдя в комнату, взяла лежащий на столе обрез одноствольного охотничьего ружья, принадлежавший К., и зарядила его. Это увидел вошедший в комнату К. и, отобрав обрез у И., положил его на стул, а сам лег на диван, никому не сказав, что оружие заряжено. Вскоре туда вошел Ш. Взяв в руки обрез и не убедившись в том, что он не заражен, Ш. в шутку направил его ствол на себя и нажал на спусковой крючок, но из-за осечки выстрела не последовало. После этого Ш. наставил обрез на К. и снова нажал на спусковой крючок. Произошел выстрел, причинивший К. огнестрельное ранение в голову, от которого потерпевший скончался на месте.

Рассмотрев дело по протесту Председателя Верховного Суда РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам этого суда указала, что при рассмотрении дела суд не дал надлежащей оценки тому обстоятельству, что незадолго до описанного происшествия Ш. взял обрез, открыл его и, посмотрев на свет, убедился, что ствол пуст. Вновь войдя в комнату и считая, что обрез не заряжен, Ш. наставил его на себя и нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Будучи уверенным, что оружие не заряжено, он направил его на К. и вновь нажал на спусковой крючок. Выстрел, от которого погиб потерпевший, был для Ш. полной неожиданностью. Судебная коллегия пришла

к выводу, что при таких обстоятельствах Ш. «не мог предвидеть, что в результате его действий наступит смерть К.», и дело производством прекратила за отсутствием состава преступления в действиях Ш.¹²⁹¹

Как видно из приведенного примера, наличие «казуса» было аргументировано отсутствием субъективного критерия небрежности.

В ч. 2 ст. 28 УК РФ закреплена новая, ранее не известная закону и судебной практике разновидность невиновного причинения вреда. Она характеризуется тем, что лицо, совершившее общественно опасное деяние, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

Отказавшись от постановки вопроса о способности или неспособности субъекта осознавать общественную опасность своих действий, законодатель невольно перевел проблему из субъективной плоскости в объективную. В ситуации, описанной в ч. 2 ст. 28 УК РФ, причинение вреда признается невиновным не из-за дефектов интеллектуального или волевого отношения, а вследствие объективной невозможности предотвратить наступление общественно опасных последствий, возможность наступления которых лицом осознается, по одной из двух указанных в законе причин.

Во-первых, невозможность предотвратить вредные последствия, которые охватываются предвидением действующего лица, исключает уголовную ответственность, если она обусловлена несоответствием психофизиологических качеств причинителя вреда требованиям экстремальных условий, т. е. таким неожиданным или изменившимся ситуациям, к которым лицо не готово и по своим психофизиологическим качествам не способно принять адекватное решение и найти способ предотвращения вредных последствий (например, в условиях аварии по причине конструктивных дефектов или заводского брака машины или механизма; в обстановке стихийного бедствия или чрезвычайной ситуации; в случае возникновения нештатной си-

¹²⁹⁰ Сборник постановлений Пленума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1957–1959 гг. М., 1960. С. 19.

¹²⁹¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1981. № 10. С. 4–5.

туации при выполнении работ водолазами, спелеологами, при занятии альпинизмом и т. д.).

Во-вторых, деяние признается невиновным, если невозможность предотвратить общественно опасные последствия обусловлена несоответствием психофизиологических качеств причинителя вреда его *нервно-психическим перегрузкам* (усталость, физическое или психическое перенапряжение в результате тяжелой физической работы, длительного непрерывного интеллектуального труда, например при работе пилота самолета или машиниста электровоза во вторую смену подряд).

Установление несоответствия психофизиологических качеств оператора как требованиям экстремальных условий, так и нервно-психическим перегрузкам требует применения специальных познаний, поэтому должно быть предметом обязательного исследования судебно-психологической либо психолого-психиатрической экспертизы¹²⁹².

§ 7. Мотив и цель преступления

В юридической литературе много внимания уделялось вопросу о мотивах и целях преступления: их понятию, связи с виной и ее отдельными формами, классификации, юридическому значению и некоторым иным аспектам. Однако, думается, большинство ученых невольно смещали акценты в плоскость мотивированности человеческого поведения вообще, уходя от уголовно-правового аспекта. Более того, отдельные исследователи пытались доказать, что стремление дать правовое определение мотива (как и цели) является искусственным и ненаучным¹²⁹³.

В настоящее время распространено мнение о том, что мотивы и цели существуют и должны устанавливаться в любых преступлениях, независимо от того, совершены они умышленно или по неосторожности и введены ли они в число признаков состава соответствующего преступления.

¹²⁹² Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С. 47.

¹²⁹³ Харацишвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963. С. 4.

Однако утверждения о наличии мотивов и целей в неосторожных преступлениях сопровождаются оговорками о том, что мотивы и цели в неосторожных преступлениях имеют качественно иное содержание, характер, интерпретацию и механизм психологического воздействия на поведение, чем мотивы и цели умышленных преступлений.

Например, Р.И. Михеев подчеркивал, что мотивы и цели неосторожных преступлений не распространяются на общественно опасные последствия, предусмотренные законом: «По структуре мотивации и целеполагания неосторожные преступления характеризуются разрывом между мотивом и целью поведения субъекта и фактически наступившим (или угрожавшим) общественно опасным последствием. Это последствие не "утоляет" мотив (точнее, лежащую в его основе потребность) и даже не "открывает дверь к ее утолению"¹²⁹⁴.

Еще более рельефно эта мысль выражена В.Е. Квашисом, по мнению которого "последствия при неосторожном деянии наступают не по воле субъекта, не входят в содержание его мотива и цели, а наоборот, чаще всего противоречат общей направленности его действий"¹²⁹⁵.

Представляется, что ученые, доказывающие наличие мотивов и целей в неосторожных преступлениях, допускают смешение уголовно-правового и криминологического подхода к этим явлениям. Криминология имеет дело с различными формами человеческого поведения, так или иначе связанного с преступлением. Поэтому вполне естественно, что предметом криминологического анализа могут быть мотивы не только криминального, но также докриминального и посткриминального поведения. Поскольку же уголовным правом исследуется только преступное деяние, то из всех мотивов, которым определялось социально значимое поведение определенного лица, для уголовного права важны только те, которые побудили его совершить *преступление* и проявились в нем, т. е. *преступные* мотивы или, точнее, мотивы преступления.

Практически все ученые исходят из правильного положения о том, что всякое сознательное поведение является мотивированным и целенаправленным. Из этого некоторые юристы де-

¹²⁹⁴ Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. / Науч. ред. А.И. Коробеев. С. 437

¹²⁹⁵ Квашис В.Е. Указ. соч. С. 51.

лают вывод, будто можно ставить вопрос о мотивах и целях любого поступка, в том числе и неосторожного преступления.

Однако вряд ли имеются достаточные основания распространять правильное положение о мотивированности и целенаправленности человеческого поведения на *любое* уголовное правонарушение.

Во-первых, вряд ли правомерно считать мотивированным и целенаправленным такое поведение, когда лицо не выполняет лежащих на нем обязанностей неосознанно: по забывчивости, из-за сна, в силу бессознательного состояния и т. д. Тем меньше оснований искать мотивы и цели такого неосторожного преступления.

Во-вторых, подавляющее большинство неосторожных преступлений по своей юридической конструкции представляет собой неразрывное сочетание неосмотрительного поведения с общественно опасными последствиями, указанными в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Поскольку само неосмотрительное поведение в отрыве от последствий не имеет уголовно-правового значения, его мотивированность и целенаправленность отнюдь не равнозначны *преступным* мотивам и целям.

В-третьих, вопрос о мотивах и целях может ставиться в уголовном праве лишь в том случае, если они либо являются одним из обязательных условий уголовной ответственности, либо влияют на квалификацию преступления, либо в качестве смягчающих или отягчающих обстоятельств подлежат учету при назначении наказания.

Мотив и цель — это признаки субъективной стороны преступления, неразрывно связанные с виной, но в отличие от нее имеющие факультативное значение.

Мотив преступления — это обусловленное определенными потребностями и интересами побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и проявляется в нем. В науке уголовного права мотив понимается как внутреннее побуждение к преступному деянию, его психологическая причина. Еще в конце XIX в. известный российский криминалист М.П. Чубинский определял мотив преступления как «внутреннюю силу, которая, порождая волевой процесс, движет индивидом в

его сознательной деятельности и приводит при содействии всей его психики к результатам, проявляющимся вовне».¹²⁹⁶

Такого понимания мотива преступления придерживается большинство представителей уголовно-правовой науки.

Однако о степени осознанности мотива учеными высказываются различные мнения. Большинство из них определяет мотив преступления как *осознанное* побуждение.

Так, Д.П. Котовым он определяется как «порожденное системой потребностей осознанное и оцененное побуждение, принятое лицом в качестве идеального основания оправдания своего преступного поведения».¹²⁹⁷

В последние годы все чаще в науке уголовного права высказывается мнение, что «мотивы могут иметь как осознанный, так и подсознательный (неосознанный) характер».¹²⁹⁸

Обосновывая эту позицию, О.С. Капинус пишет: «Дело в том, что при исследовании потребностей, мотивов, целей и аналогичных категорий мы так или иначе сталкиваемся с психикой человека, т. е. субъективным отражением объективной действительности в сознании человека, поэтому не вполне правильно вести речь об осознанной или неосознанной потребности, цели и т. п. Все они либо присутствуют в сознании, либо отсутствуют. Что же касается поведения, носящего установочный характер, то и оно относится к осознанному, но отработанному до автоматизма сознанию, мотивация же в данном случае просто носит «свернутый» характер (стимул — действие)».¹²⁹⁹

Видимо, для отказа от понимания мотива преступления только как *осознанного* побуждения имеются определенные основания и психологического, и правового характера. Действительно, содержание психической деятельности, как признавал С.Л. Рубинштейн, не исчерпывается только осознанными мотивами. Следовательно, в психической деятельности человека остается

¹²⁹⁶ Чубинский М.П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве. Ярославль, 1900. С. 25.

¹²⁹⁷ Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж, 1975. С. 11.

¹²⁹⁸ Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. С. 433. См. также: Зелинский А.Ф. Осознанное и неосознанное в уголовном праве. Харьков, 1986; Луниева В.В. Предпосылки объективного вменения и принцип виновной ответственности // Государство и право. 1992. № 9. С. 60; Рапог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 139.

¹²⁹⁹ Капинус О.С. Убийства: мотивы и цели. М., 2004. С. 21.

место и для бессознательных элементов, в том числе и для неосознанных мотивов.

Вряд ли можно возразить Б.С. Волкову, утверждающему, что характеристика мотива как побуждения, опосредованного желанием достигнуть определенной цели ради удовлетворения осознанной потребности, возможна лишь в рамках единого процесса проявления воли, в котором «мотив, сознание, воля и другие психологические признаки выступают в единстве и взаимообусловленности».¹³⁰⁰

Очевидно, в рамках отмеченного единого процесса проявления воли сознательные элементы психики дополняются ее подсознательными элементами.

Придерживаясь понимания мотива только как *осознанного* побуждения, В.А. Якушин утверждает, что «мотив и выступает как таковой, как побуждение только тогда, когда именно на его основе осуществляется действие, поступок, посредством которого личность, его совершающая, соотносит себя с окружающим миром — другими людьми, природой, дает оценку своим побуждениям».¹³⁰¹ Использованный в приведенных рассуждениях аргумент, что мотив выступает как побуждение лишь в случае, когда субъект дает ему оценку, не основан ни на данных психологии, ни на достижениях юридической науки.

Общеизвестно, что психическая деятельность человека не ограничена областью осознанного, поэтому нет оснований утверждать, что мотив не может родиться в сфере подсознательного, что эта сфера находится за пределами мотивов.

С учетом приведенных доводов и следует воспринимать мотив как психолого-юридическое явление, которое может носить как осознанный, так и не осознанный характер.

Рассматривая процесс формирования желания, ученые выделяют в нем несколько этапов:

- 1) ощущение определенной потребности;
- 2) превращение ее в побуждение к действию, т. е. в мотив;
- 3) постановка цели, достижение которой должно прямо удовлетворить ощущаемую потребность или служить средством для ее удовлетворения;
- 4) желание (хотение) достичь поставленной цели.

В этом ряду этапов четко прослеживается взаимосвязь всех субъективных признаков преступления: мотив рождается из потребностей и в определенной мере способствует формированию цели, а цель вместе с мотивом порождают желание определенными способами добиться желаемого результата.

Мотив человеческого поведения только тогда становится мотивом преступления, когда он охватывает все наиболее существенные свойства преступного деяния, а это возможно только в умышленном преступлении.

В юридической литературе было высказано суждение, что включение специального мотива в диспозицию уголовно-правовой нормы означает возможность совершения такого преступления только с прямым умыслом¹³⁰². Однако для такого категорического суждения не имеется достаточных оснований.

Указание в законе на специальный мотив преступления действительно свидетельствует об умышленной форме вины, но вида умысла не предопределяет. Поэтому совершение преступления с указанным в диспозиции уголовно-правовой нормы мотивом обычно возможно с любым видом умысла. Применительно же к конкретным составам преступления вид умысла определяется их конструкцией.

Выше уже доказывалось, что преступления с формальным составом вообще не могут совершаться с косвенным умыслом, он может быть только прямым.

К этому можно добавить, что совершение действий, общественная опасность которых не ставится законодателем в зависимость от наступления каких-то последствий, служит средством удовлетворения потребностей, лежащих в основе преступного мотива (изнасилование — средством утоления половой потребности, хулиганские действия — средством выражения виновным своего гипертрофированного «я» и т. д.).

Следовательно, мотив преступления, имеющего формальный состав, свидетельствует о том, что такое преступление может совершаться только с прямым умыслом.

Не так однозначно решается вопрос о видах умысла при совершении с указанным в законе мотивом преступлений, имеющих материальный состав.

¹³⁰⁰ Волков Б.С. Указ соч. С. 22.

¹³⁰¹ Якушин В.А. Указ соч. С. 178.

¹³⁰² Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974 С. 125.

Перечисленные в законе специальные мотивы при совершении преступлений с материальным составом по общему правилу могут сочетаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Например, сочетание определенного мотива с неконкретизированным косвенным умыслом возможно при убийстве или причинении вреда здоровью из хулиганских побуждений, при убийстве в связи с осуществлением потерпевшим или его близкими служебной деятельности или выполнением общественного долга, при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью по мотиву национальной вражды и т. д.

В основе названных мотивов может лежать «потребность» виновного в расправе над потерпевшим. Средством удовлетворения этой «потребности» является сам процесс расправы, в ходе которой виновный предвидит и сознательно допускает причинение неопределенного по тяжести вреда.

Правило о возможности совершения преступления, имеющего материальный состав, по специальному мотиву при любом виде умысла не распространяется на преступления, совершаемые из *корыстных побуждений*. В этом случае лежащая в основе мотива «потребность» может быть удовлетворена лишь получением материальных выгод (прямых или косвенных) именно в результате смерти потерпевшего и только после ее наступления. Иными словами, совершение преступления по корыстным мотивам всегда *преследует цель* извлечения материальной выгоды или избавления от материальных затрат.

Это мнение разделяется не всеми учеными.

Так, А.Н. Попов считает, что «вывод о том, что, поскольку способ является неотъемлемым признаком достижения цели, убийство выступает обязательным результатом, к которому стремится виновный, является ложным. Средством достижения корыстной цели выступает не убийство потерпевшего, а то насилие, которое виновный применяет к нему. Нет оснований утверждать, что убийство из корыстных побуждений не может быть совершено с косвенным умыслом. В каких-то случаях вполне вероятна ситуация, когда виновный стремится к достижению корыстной цели путем применения физического насилия к потерпевшему, безразлично относясь к его смерти или сознательно допуская ее. В этих ситуациях содеянное должно квалифицироваться как убийство, совершенное из корыстных побуж-

дений, несмотря на то, что виновный не планирует убить потерпевшего»¹³⁰³.

Не касаясь вопроса о претенциозной и безапелляционной форме приведенных суждений, следует отметить их необубедительность.

Во-первых, корыстные побуждения и в теории уголовного права, и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» раскрываются с помощью категорий «намерение», «стремление», «цель», которые указывают на наличие прямого умысла.

Таким же образом раскрывает сущность корыстного мотива и сам А.Н. Попов: «Корыстные побуждения (корысть) при совершении убийства — это *стремление* виновного к приобретению материальных благ или нежелание потери материальных благ (совершения материальных затрат) для себя и (или) иных лиц, когда посягательство на потерпевшего выступает средством достижения этих *целей*»¹³⁰⁴ (курсив мой. — А.Р.).

Во-вторых, моделируя ситуацию, при которой «виновный стремится к достижению корыстной цели путем применения физического насилия к потерпевшему, безразлично относясь к его смерти или сознательно допуская ее», а также утверждая, что «средством достижения цели выступает не убийство потерпевшего, а то насилие, которое виновный применяет к нему», А.Н. Попов вступает в прямое противоречие с законом. В п. «з» ч. 2 ст. 105 УК уголовная ответственность предусмотрена не за насилие, применяемое ради достижения корыстной цели, а именно за убийство, которое и выступает в качестве способа извлечения материальной выгоды или избавления от материальных затрат.

Следует заметить, что А.Н. Попов не первый высказывает мысль о возможности убийства из корыстных побуждений с косвенным умыслом. За три года до него по этому поводу Т.В. Кондрашова писала: «Этот вид корыстного убийства преимущественно совершается с прямым умыслом, но в редких случаях возможен и косвенный умысел. Например, при длительном избивании своего кредитора с целью заставить его отказаться от взыскания долга, когда виновный предвидит лишь возможность

¹³⁰³ Попов А.Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 718–719.

¹³⁰⁴ Там же. С. 711.

его смерти и относится к ее наступлению равнодушно»¹³⁰⁵. Приведенные суждения также не доказывают возможность корыстного убийства с косвенным умыслом.

Дело в том, что автор, как и А.Н. Попов, подменяет предмет дискуссии.

В приведенном ею примере не усматривается убийство из корыстных побуждений. В зависимости от конкретных обстоятельств описанные Т.В. Кондрашовой действия образуют либо состав убийства, сопряженного с вымогательством, при котором корыстные побуждения являются обязательным признаком не самого убийства, а только вымогательства, либо совокупность вымогательства с применением насилия и причинения смерти по неосторожности.

Характер корыстного мотива и способ его «утоления» свидетельствуют о том, что, например, убийство из корысти возможно только с прямым умыслом и с целью получения материальных выгод.

Итак, специальные мотивы, указанные в диспозиции нормы уголовного права, могут сочетаться только с прямым умыслом в преступлениях с формальным составом и, как правило, с любым видом умысла в преступлениях с материальным составом.

В неосторожных преступлениях мотивированность поведения человека никогда не распространяется на общественно опасные последствия, поскольку они не выступают средством удовлетворения потребностей, лежащих в основе неосмотрительного поведения. А сами *мотивы* неосмотрительного поведения лежат за рамками состава неосторожного преступления, поэтому никогда не вводятся законодателем в состав неосторожных преступлений и не являются *преступными мотивами*.

Теоретически и практически важным является вопрос о классификации мотивов преступления.

Еще в первой четверти прошлого столетия Г.С. Фельдштейн выделял мотивы «крайней нужды (при совершении действий в состоянии голода, нужды, угрозы, принуждения, необходимой обороны, крайней необходимости); половые побуждения; мотивы злобы, мести, ревности, корысти; мотивы наслаждения; мотивы поведения и ошибки; мотивы альтруизма»¹³⁰⁶.

Нетрудно заметить, что приведенное перечисление не было собственно классификацией в общепринятом значении этого слова: в нем просто названы наиболее часто встречающиеся на практике мотивы преступных деяний.

Примерно на такой же основе классифицировал мотивы преступлений и грузинский ученый Б.В. Харацишвили, который подразделял мотивы поведения преступника на две группы:

1) мотивы, связанные с идейными явлениями (общесоциальные мотивы): морально-политические, этические, религиозные, вкусы, стремления, пережитки родового быта;

2) мотивы предметного характера, куда входят прежде всего мотивы личного характера (карьеризм, месть, ревность, корысть, чувство самолюбия, стыда, жалости, альтруизма), а также мотивы, вытекающие из настроения, аффекта, других интересов и потребностей¹³⁰⁷.

Данная классификация вряд ли имеет практическую ценность, поскольку, как справедливо отмечалось другими учеными (И.Н. Даньшин, П.С. Дагель, Д.П. Котов и др.), в нее включены мотивы *поведения вообще*, а не мотивы преступлений.

По классификации С.А. Тарарухина, мотивы преступления следует подразделять на три группы:

1) мотивы личностного характера, которые в свою очередь делятся на мотивы, порождаемые различными потребностями и интересами предметного характера, и мотивы, вызываемые эмоциональными переживаниями и состояниями, не имеющими предметного характера;

2) мотивы, не имеющие личностного смысла, значения и не связанные с удовлетворением собственных потребностей и интересов виновного;

3) ситуационные мотивы, вызываемые прежде всего противоправным поведением потерпевшего, носящие вынужденный характер¹³⁰⁸.

Приведенная классификация также не безупречна.

Во-первых, третья группа мотивов не может быть отграничена от двух первых, поскольку и те и другие могут оказаться ситуационными.

Во-вторых, деление мотивов на личностные и неличностные противоречит научному определению мотива преступления как

¹³⁰⁵ Кондрашова Т.В. Указ. соч. С. 103–104.

¹³⁰⁶ Фельдштейн Г.С. Уголовное право и психология. Роль мотива в уголовном праве // Право и жизнь. Кн. 6. 1925. С. 55.

¹³⁰⁷ Харацишвили Б.В. Указ. соч. С. 58–63.

¹³⁰⁸ Тарарухин С.А. Указ. соч. С. 22–24.

побуждения, порожденного потребностями человека, т. е. как глубоко личного, психологического явления.

В-третьих, данная классификация не имеет уголовно-правового значения, так как не раскрывает юридического значения мотива преступления.

Представляется, что для целей уголовного права пригодна только такая классификация мотивов и целей преступления, которая содержит их морально-этическую и правовую оценки, благодаря которым можно не только квалифицировать общественно опасное деяние, но также определить степень его морального порицания и назначить адекватное наказание.

Первым советским ученым, предложившим такую классификацию, был С.В. Познышев, который выделил три группы мотивов преступления: 1) чувствования, побуждающие служить другим людям, т. е. альтруистические; 2) чувствования, побуждающие человека к удовлетворению собственных нужд, но без стремления причинить вред другим людям, т. е. эгоистические; 3) чувствования антиальтруистические, т. е. направленные на причинение вреда другим людям (гнев, злоба, месть и т.п.)¹³⁰⁹.

Развивая идею С.В. Познышева, критерий моральной и правовой оценки мотивов использовал в своей классификации и А.А. Герцензон. В его классификации мотивы преступлений подразделялись на: 1) контрреволюционные; 2) низменные; 3) обусловленные недисциплинированностью.¹³¹⁰

Думается, схема А.А. Герцензона не в полной мере отвечает принципам классификации.

Во-первых, все три классификационные группы он выделял по различным признакам. Группа контрреволюционных мотивов выделена по признаку социальной направленности, низменные — по степени морально-этической предосудительности, а мотивы третьей группы выделены по их психологическому происхождению. Это не позволяет четко отграничить мотивы одной группы от мотивов других групп.

Во-вторых, классификацией не охватываются многие мотивы, встречающиеся на практике и имеющие уголовно-правовое значение.

¹³⁰⁹ Познышев С.В. Очерки основных начал уголовного права. Общая часть. М., 1929. С. 132.

¹³¹⁰ Уголовное право. Часть Общая./ Под ред. А.А. Герцензона. М., 1948. С. 384. 740

Исходя из различия в уголовно-правовом значении мотивов преступления, П. С. Дагель и Д. П. Котов¹³¹¹ подразделяют их на три группы: 1) общественно опасные (антигосударственные и личные низменные); 2) общественно нейтральные; 3) общественно полезные.

В литературе уже отмечалось, что с точки зрения уголовного права вряд ли существуют общественно полезные мотивы преступления¹³¹².

Думается, что общественно полезных мотивов *преступления* действительно быть не может. Если для достижения социально нейтрального или даже социально полезного результата субъект прибегает к способам и средствам, преступным с точки зрения права, и его сознанием отражается социальная вредность этих способов, средств и конечного результата, закономерно связанного с избранными способами достижения результата, то и субъективные побуждения лица приобретают социально порицаемую окраску.

В статье 61 действующего УК в числе обстоятельств, смягчающих наказание, предусмотрено совершение преступления по мотиву сострадания (п. «д»), в ответ на противоправное или аморальное поведение потерпевшего (п. «з»). Эти мотивы являются *извиняющими*, причем лишь в *некоторой степени*, но, коль скоро они явились побудительной причиной совершения *преступления*, т. е. стали *преступными мотивами*, они ни в коей мере не могут характеризоваться как социально полезные.

Исходя из того, что все преступные мотивы являются общественно опасными, Б.С. Волков делит их на три группы:

1) политического характера (классовая ненависть, классовая месть); 2) низменные; 3) лишенные низменного характера¹³¹³. Эта классификация представляется наиболее обоснованной и практически значимой, поскольку базируется на различиях в нравственной и правовой оценках мотивов. Однако проблема-

¹³¹¹ См.: Дагель П.С. Классификация мотивов и ее криминологическое значение // Некоторые вопросы социологии права: (Материалы научно-теоретической конференции «Конкретно-социологические исследования правовых отношений») /Под ред. проф. Л.А.Петрова. Иркутск, 1967. С. 272–275; Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 196–198.

¹³¹² Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. С. 60–62.

¹³¹³ Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. С. 16.

тичным является обоснованность выделения в особую группу политических мотивов. Ведь в этом случае они не должны относиться ни к низменным, ни к лишенным низменного характера, что логически невозможно.

Классификацию мотивов преступления, близкую к классификации Б.С. Волкова, предлагает О.С. Ивченко, которая применительно к убийству выделяет три группы мотивов и целей: 1) мотивы и цели, с которыми уголовный закон связывает установление уголовной ответственности за конкретное деяние; 2) мотивы и цели, с которыми уголовный закон связывает ужесточение наказания; 3) мотивы и цели, с которыми уголовный закон связывает смягчение наказания¹³¹⁴.

Предложенная классификация по принципу ее построения не вызывает возражений, однако она страдает явной неполнотой, поскольку за ее рамками остается большая группа мотивов, которые не являются обязательным условием наказуемости деяния, не обосновывают ни ужесточения, ни смягчения наказания. В частности, вне предложенной классификации О.С. Ивченко оставляет все мотивы убийства, подпадающие под действие ч. 1 ст. 105 УК РФ.

По мнению Г.В. Веринной, наиболее приемлемой является классификация, в которой выделяются: 1) мотивы с наиболее ярко выраженным антиобщественным содержанием (корысть, хулиганские побуждения); 2) мотивы крайне эгоистического характера (карьеризм, злоба и т. п.); 3) мотивы с изменчивым антиобщественным содержанием (месть, ревность, зависть); 4) мотивы, лишенные антиобщественного содержания (стремление отразить общественно опасное посягательство при превышении пределов необходимой обороны, стремление задержать и доставить в правоохранительные органы лицо, совершившее преступление, при превышении мер, необходимых для этого, ложно понятые государственные интересы и т. д.)¹³¹⁵.

Думается, предлагаемая классификация далеко не безусловно является приемлемой.

Во-первых, она построена с нарушением требования единого классификационного критерия (группы 1, 3 и 4 выделены по

степени выраженности антиобщественного содержания мотивов, а вторая группа выделена по *характеру* мотивов).

Во-вторых, непонятно, какую роль играет степень выраженности антиобщественного содержания мотива и что означает изменчивость этого содержания.

Н.К. Семернева по характеру мотивов и степени их общественной опасности выделяет мотивы: 1) человеконенавистнические; 2) корыстные, или низменные; 3) личные (ревность, зависть, карьеризм и т. п.)¹³¹⁶.

И эта классификация не полностью отвечает принципу единства классификационного критерия. Кроме того, неясен объем второй группы мотивов и соотношение корыстного мотива с низменными.

Исходя из их уголовно-правового значения О.В. Дмитриев и М.С. Фокин делят мотивы преступлений на пять групп: 1) мотивы, являющиеся обязательными признаками основного состава преступления; 2) мотивы, являющиеся обязательными признаками квалифицированного (или особо квалифицированного) состава преступления; 3) мотивы, являющиеся обязательными признаками привилегированного состава преступления; 4) мотивы, учитываемые в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание; 5) мотивы, не имеющие уголовно-правового значения¹³¹⁷.

Приведенная классификация выпадает из всех приведенных выше, поскольку она, по сути, выделяет не виды самих мотивов, а определяет их уголовно-правовое значение.

Для построения уголовно-правовой классификации мотивов преступлений, основанной на нравственной и правовой их оценке, необходимо исходить из уголовно-правового понятия «низменных побуждений». Правда, Г.М. Миньковским была отмечена недостаточная определенность этого понятия, в силу которой оно исчезло из уголовного законодательства и судебной практики¹³¹⁸.

¹³¹⁴ Ивченко О.С. Проблема мотива и цели убийства в уголовном праве России: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9–10.

¹³¹⁵ Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. Р.Р. Галиакбарова. Саратов, 1997. С. 211.

¹³¹⁶ Уголовное право. Общая часть / Под ред. И. Я. Козаченко и З.А. Незнамовой. М., 1997. С.203.

¹³¹⁷ Дмитриев О.В., Фокин М.С. Сектанство: уголовно-правовые аспекты. Омск, 2002. С. 134–135.

¹³¹⁸ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Х.Д. Аликуперова и Э.Ф. Побегайло. М., 2001. С. 368.

Однако этот мотив входит в число признаков состава двух преступлений (ст. 153 и 155 УК РФ), поэтому его содержание необходимо обозначить, тем более что в юридической литературе это понятие подчас используется без раскрытия его смысла, а перечень низменных мотивов носит произвольный и не аргументированный характер.

Так, Д.П. Котов к низменным мотивам относит многие побуждения политического (классовая ненависть, месть со стороны эксплуататорских классов), религиозного (суеверия), а также личного характера (месть, трусость, зависть)¹³¹⁹, которые, с точки зрения действующего уголовного законодательства, не могут признаваться отягчающими обстоятельствами и свидетельствовать о повышенной общественной опасности преступления. Думается, это непозволительно широкая трактовка понятия «низменные побуждения».

Применительно к ст. 153 и 155 УК, например, А.Н. Игнатов полагает, что низменными могут считаться «корысть, месть, зависть и другие побуждения, которые суд признает низменными»¹³²⁰.

По мнению А.В. Пушкина, «к иным низменным побуждениям судебная практика, в частности, относит зависть к родителям ребенка (подменяемого. — *А.Р.*), месть, хулиганство, то есть такие побуждения, которые резко противоречат требованиям общественной морали и нравственности»¹³²¹.

В обоих приведенных высказываниях обращает на себя внимание прежде всего то, что признание мотива низменным входит, по мнению авторов, в компетенцию суда, а не законодателя, что чревато необоснованно широким судебским усмотрением.

В.Б. Боровиков полагает, что «низменными являются побуждения, противоречащие нормам общественной нравственности (например, досадить родителям ребенка, использовать его для шантажа, расистские и националистические мотивы)»¹³²². В по-

¹³¹⁹ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч. С. 196–198.

¹³²⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. С. 328.

¹³²¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с учетом судебной практики. Кн. I / Под ред. О.Ф. Шишова. М., 1998. С. 428.

¹³²² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под ред. С.И. Никулина. М., 2002. С. 459.

рядке комментария в приведенным словам можно заметить, что, во-первых, их мотивировка представляется неубедительной, поскольку законодатель при описании преступлений вообще не использует мотивов, которые *соответствовали* бы нормам общественной нравственности, а во-вторых, перечень побуждений, оцениваемых автором как низменные, носит весьма произвольный характер и наряду с мотивами, которые действительно можно отнести к низменным, включает также мотивы, не носящие низменного характера: «например, месть усыновителю, желание внести разлад в семью усыновителей»¹³²³.

Иногда перечень низменных мотивов подмены ребенка (ст. 153 УК РФ) приводится вообще без какого бы то ни было теоретического обоснования и без ссылки на судебную практику, как это делает, например, Ю.Е. Пудовочкин: «Низменные побуждения могут выражаться в желании отомстить, унижить, заменить здорового ребенка на неполноценного, заменить ребенка по признаку пола или внешним данным».

К числу низменных побуждений следует отнести также стремление использовать ребенка для проведения каких-либо медицинских экспериментов, использовать его органы или ткани для трансплантации, использовать его в сексуальных, ритуальных целях и др.»¹³²⁴

Поскольку понятие низменных побуждений, с одной стороны, является законодательным, а с другой стороны, носит оценочный характер, необходимо сформулировать критерии, по которым мотив может быть признан низменным.

Побуждения, которыми лицо руководствовалось при совершении преступления, можно считать низменными при условии, что законодатель рассматривает их как повышающие общественную опасность деяния. Это возможно в трех случаях.

Во-первых, когда с помощью мотива, введенного в число признаков состава, конструируется *специальный состав* преступления, рассматриваемый по закону как более опасный, чем обладающий теми же объективными свойствами, но лишенный данного мотива. Например, причинение тяжкого вреда здоровью одним осужденным другому осужденному на почве мести за оказание последним содействия администрации учреждения

¹³²³ Там же. С. 464.

¹³²⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Д. Иванова. Ростов-на-Дону. 2002. С. 215.

или органа уголовно-исполнительной системы (ч. 3 ст. 321 УК РФ) представляет собой специальный вид преступления, более опасный, чем умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ). Однако нельзя во всех случаях признавать низменными те мотивы (как и цели), которые входят в состав *конкретного* преступления в качестве *обязательного* признака. Так, личную заинтересованность при злоупотреблении должностными полномочиями нельзя признать низменным побуждением, поскольку она не усиливает, а обосновывает (в сочетании с другими необходимыми признаками) уголовную ответственность за данное деяние.

Во-вторых, мотив можно считать низменным, если ему придается значение *квалифицирующего признака конкретного преступления*. Так, корыстные, хулиганские побуждения, мотив национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, мотив кровной мести также являются низменными, поскольку они существенно повышают опасность убийства и усиливают наказание за него (например, п. «з», «и», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

В-третьих, мотив следует признать низменным, если он включен законодателем в число обстоятельств, отягчающих наказание (п. «е» и «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Эти мотивы должны учитываться как обстоятельства, отягчающие наказание, при совершении *любых* преступлений.

К низменным относятся такие мотивы, как корыстные (п. «з» ч. 2 ст. 105, п. «з» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ), хулиганские (п. «и» ч. 2 ст. 105, п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «д» ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 116, ст. 245 УК РФ), национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести (п. «е» ч. 1 ст. 63, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ), мести за осуществление потерпевшим или его близкими служебной деятельности или выполнение общественного долга (п. «ж» ч. 1 ст. 63, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ), мести за правомерные действия других лиц (п. «е» ч. 1 ст. 63, ст. 295, 317 УК РФ).

Термин «низменные побуждения» в действующем законодательстве используется только в ст. 153 и 155 УК РФ. В обоих случаях использование данного термина является весьма неудачным, ибо оно неосновательно сужает рамки применения указанных норм. Представляется, что потребностям практики гораздо больше соответствовало бы определение мотивов под-

мены ребенка, а также разглашения тайны усыновления (удочерения) из корыстной или *иной личной заинтересованности*.

Мотивы, не предусмотренные в перечне обстоятельств, отягчающих наказание, а также не используемые в Особенной части УК для усиления наказания, не могут признаваться низменными, хотя степень их предосудительности может довольно существенно различаться (месть, ревность, карьеризм, личная неприязнь, сексуальная неудовлетворенность и т. п.).

Действительный мотив преступления и его мотивировка виновным, нередко намеренно скрывающим свои подлинные побуждения, зачастую не совпадают. Поэтому для установления психологического мотива конкретного преступного поведения может быть назначена судебно-психологическая экспертиза¹³²⁵.

Важным признаком субъективной стороны преступления является *цель* деяния.

Психологи определяют цель как обоснованную мысль о будущем желаемом результате собственных действий, выраженную в образной или речевой форме¹³²⁶; как осознанное, выраженное в словах или образе, предвосхищение результата действия, связанное с мотивом¹³²⁷.

Нисколько не умаляя тесной связи между мотивом и целью действия, следует все же подчеркнуть, что это самостоятельные психические явления. По степени осознанности побуждений, ставших двигателем поведения, различают мотив-влечение, мотив-желание и мотив-цель¹³²⁸. Только в последнем случае может наблюдаться совпадение (причем неполное) мотива и цели. В прочих случаях мотив и цель не совпадают.

Цель преступления — это идеальная (мысленная) модель будущего желаемого результата, к причинению которого стремится правонарушитель посредством совершения преступления.

Отдельными учеными цель рассматривается как элемент умысла.

Так, по мнению Р.И. Михеева, «цель, заключающаяся в достижении преступного последствия, является элементом прямого умысла; цель, направленная на результат, находящийся за рам-

¹³²⁵ Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М. Указ. соч. С. 21.

¹³²⁶ Беспалов Б.И. Действие: Психологические механизмы визуального мышления. М., 1984. С. 183.

¹³²⁷ Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 1984. С. 107.

¹³²⁸ Теоретическая и прикладная психология. М., 1988. С. 87.

ками состава, характеризует направленность умысла...»¹³²⁹ Ошибка названного ученого состоит в том, что будущий желаемый результат неосновательно отождествляется им с общественно опасным последствием, входящим в объективную сторону преступления. Если бы цель и последствие были бы одним и тем же, то не было бы никакой необходимости вводить специальную цель деяния в число признаков состава преступления. Цель *никогда* не совпадает с последствием и отделена от него во времени. Квалификация преступления определяется *постановкой* цели, а вовсе не ее реализацией. Именно *наличием* цели, находящейся за рамками объективной стороны преступления с материальным составом, обусловлено повышение общественной опасности деяния.

Поэтому в одних случаях именно благодаря наличию у правонарушителя специальной цели деяние становится уголовно наказуемым, а в других — такая цель обосновывает усиление ответственности за деяние, которое является преступным и без этой цели.

Цель как признак субъективной стороны преступления связана не только с мотивом, но и с виной. Включение специальной цели в субъективную сторону конкретного преступления свидетельствует о целенаправленном характере деяния, которое в этом случае служит не самоцелью, а способом достижения того конечного результата, который и является целью. Этот результат, а также само деяние и его общественно опасные последствия как способ достижения поставленной цели, являются для субъекта преступления желаемыми.

Поэтому следует констатировать, что специальная цель деяния совместима только с прямым умыслом. Ни неосторожные преступления, ни преступления с альтернативной формой вины, ни даже преступления, совершение которых возможно с любым видом умысла, *никогда не включают* в свой состав специальной цели, сформулированной законодателем.

Для уголовно-правовой классификации целей преступления можно использовать те же критерии, что и для классификации мотивов.

К *низменным* следует отнести такие цели, как цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «е» ч. 1

ст. 63, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), цель использования органов или тканей потерпевшего (п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ), цель прекращения государственной или иной политической деятельности потерпевшего (ст. 277 УК РФ), цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ (ст. 281 УК РФ). Прочие цели, когда они вводятся в состав конкретных преступлений, относятся к *не имеющим измененного характера* (например, цель придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом при их легализации — ст. 174 УК РФ; цель получения кредитов при лжепредпринимательстве — ст. 173 УК РФ; цель устрашения населения при терроризме — ст. 205 УК РФ; цель завладения чужим имуществом при пиратстве — ст. 227 УК РФ и т. п.), поскольку они не рассматриваются законодателем как повышающие общественную опасность деяния, хотя степени предосудительности этой группы целей могут существенно различаться.

Мотив и цель преступления могут выполнять в уголовном праве четыре функции.

Во-первых, они играют роль признаков, придающих деянию характер уголовно наказуемого и отграничивающих преступления от непроступных деяний. Например, невыплата свыше двух месяцев заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат является преступной только при совершении из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 145¹ УК РФ). А лжепредпринимательство уголовно наказуемо только при наличии цели получения кредитов, освобождения от налогов, извлечения иной имущественной выгоды или прикрытия запрещенной деятельности (ст. 173 УК РФ).

Рассматриваемое значение мотива и цели проявляется в тех случаях, когда эти признаки введены в диспозицию уголовно-правовой нормы в *качестве конститутивного элемента состава преступления*. При этом возможны два юридико-технических способа их введения в состав преступления.

Первый способ характеризуется тем, что либо при определении родового понятия, либо при описании преступления законодатель прямо указывает на мотив или цель деяния (корыстная цель при хищении чужого имущества — примечание 1 к ст. 158 УК РФ, цель подрыва экономической безопасности и обороноспособности при диверсии — ст. 281 УК РФ, отказ в приеме женщины на работу по мотиву ее беременности — ст. 145 УК

¹³²⁹ Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. / Отв. ред. А.И. Коробеев. С. 385.
748

РФ). Казалось бы, при таком способе указания на мотив или цель толкование уголовно-правовой нормы не могут быть различными.

Тем не менее отдельными учеными оспаривается обязательность признака, прямо указанного в законе.

Так, по мнению С.Ф. Милюкова, при хищении чужого имущества корыстная цель не является обязательной, поэтому ее нужно обозначить как цель распорядиться чужим имуществом как своим собственным¹³³⁰.

Способ прямого указания на мотив или цель преступления является самым распространенным и наиболее предпочтительным, поскольку он не оставляет возможности для разночтений в толковании правовой нормы, но, к сожалению, не единственным. В ряде случаев законодатель прямо не формулирует цели или мотива преступления, но подразумевает их.

Так, в ст. 313 УК РФ не названа цель деяния, хотя в теории уголовного права и в судебной практике господствует мнение, что обязательным признаком состава побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи является цель уклонения от исполнения наказания или от избранной меры пресечения¹³³¹.

Хотя при описании похищения человека в ст. 126 УК РФ не называется цель деяния, Верховный Суд РФ подчеркнул, что «одним из признаков объективной стороны данного преступления является изъятие и перемещение потерпевшего с целью (курсив мой. — А.Р.) последующего удержания в другом месте»¹³³².

При законодательном описании хулиганства (ст. 213 УК РФ) не указан мотив этого преступления, однако и в науке уголовного права, и в судебной практике единодушно признается, что это деяние квалифицируется как хулиганство только тогда, когда оно совершается по мотивам неуважения к обществу и общественному порядку.

Мотивы и цели преступления всегда конкретны и, как правило, формулируются в диспозициях норм Особенной части УК: цель завладения имуществом, цель скрыть другое преступление или облегчить его совершение, цель подрыва экономической

безопасности и обороноспособности РФ и т. п.; мотивы корыстные, садистские, хулиганские, кровной мести и т. д.

Но иногда законодатель дает обобщенную характеристику мотивов как личной заинтересованности (ст. 145¹, 170, 285 УК РФ и др.), а в двух случаях — как низменных (ст. 153 и 155 УК РФ). В подобных случаях деяние может квалифицироваться по соответствующим статьям УК только тогда, когда точно установлено содержание мотива и обоснован вывод о том, что мотив носит характер личной заинтересованности либо является низменным.

Отсутствие мотива или цели, которые служат необходимой предпосылкой уголовной ответственности, исключает ее в силу отсутствия состава преступления.

Так, президиум Горьковского областного суда отменил приговор народного суда и прекратил за отсутствием состава преступления уголовное дело в отношении Ж. на том основании, что, будучи начальником сводной автоколонны, направленной в Омскую область на сельскохозяйственные работы, Ж. обменял запасные части к автомашинам на бензин, чтобы не допустить простоя автомашин и обеспечить их отправку в г. Горький после окончания уборочных работ. Следовательно, его действия были вызваны необходимостью, и Ж. при этом не имел корыстной или иной личной заинтересованности, что является обязательным признаком состава должностного злоупотребления¹³³³.

Преображенским межмуниципальным судом Восточного административного округа г. Москвы М. осужден по ст. 213 УК РФ за то, что «он совершил неправомерные действия в отношении пожилого человека в дневное время в общественном месте»¹³³⁴ (ударил кулаком по лицу К., сидящего за рулем своего автомобиля).

Судебная коллегия Верховного Суда РФ переквалифицировала действия М. на ст. 115 УК РФ, поскольку М. ударил потерпевшего не из хулиганских побуждений, а за то, что тот совершил наезд на автомобиль М. и, повредив его, пытался скрыться с места дорожно-транспортного происшествия.

Примером ошибочного определения юридической сущности совершенного деяния из-за неверной оценки мотива может слу-

¹³³⁰ Милюков С.Ф. Указ. соч. С. 230–232.

¹³³¹ См., напр.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994, № 6. С. 6–7.

¹³³² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 10. С. 18.

¹³³³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 12. С. 10–11.

¹³³⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 10. С. 20.

жить и дело Т., осужденного за оказание сопротивления работникам милиции.

Рассмотрев дело в порядке надзора, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР установила следующее.

После ссоры между Т. и К., проживающими в одной квартире, последняя позвонила в милицию по поводу нанесения ей побоев. В момент прибытия работников милиции по вызову в квартире ни драки, ни шума не было и жильцы квартиры готовились ко сну.

При таких обстоятельствах работники милиции не имели никаких оснований предлагать Т. и другим гражданам пройти с ними в отдел внутренних дел, тем более что их никто не просил о задержании Т. и доставлении в милицию.

Поэтому действия работников милиции С. и К., пытавшихся силой вывести Т. из квартиры и применивших к нему болевой прием, были противозаконны.

Следовательно, Т., ударивший С. после применения к нему болевого приема, действовал под воздействием неправомерного причинения ему боли, а вовсе не по мотивам противодействия законным действиям работников. Отсутствие данного мотива означает отсутствие состава указанного преступления и исключает уголовную ответственность Т.¹³³⁵

Второе значение мотива и цели заключается в том, что они, будучи включенными в состав преступления в качестве обязательного признака, могут отграничивать одно преступление от другого, т. е. определять квалификацию по различным уголовно-правовым нормам.

Так, уничтожение путем взрыва, поджога или иным общепризнанным способом важных народно-хозяйственных объектов с целью подрыва экономической безопасности и обороноспособности РФ квалифицируется как диверсия (ст. 281 УК РФ), а те же действия без указанной цели подлежат квалификации по ч. 2 ст. 167 или по ст. 205 УК РФ.

Надлежащая оценка мотива и цели необходима для правильной квалификации и в тех случаях, когда законодатель с их помощью конструирует специальные составы преступлений, сходные с общими по объективным признакам.

Ставропольским краевым судом А. была осуждена по ст. 103 УК РСФСР за убийство своего мужа на почве личных неприязненных взаимоотношений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР изменила приговор по следующим основаниям. В день происшествия между супругами произошла ссора, инициатором которой, как и в других случаях, был А. Он нанес жене побои, повлекшие кровоподтеки лица, туловища и ног; А. вынуждена была убежать на улицу. Когда она возвратилась, А. снова стал ссориться с женой, а затем высказался грубо-цинично в адрес внука, после чего А. схватила стоявшее рядом ведро и, «не помня себя» (по ее выражению), стала им бить по голове сидевшего на крыльце мужа, причинив ему смертельные травмы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала, что мотивом убийства были не личные неприязненные отношения между подсудимой с потерпевшим, а неправильные действия потерпевшего, вызвавшие внезапно возникшее сильное душевное волнение подсудимой. Поэтому действия А-вой были переквалифицированы со ст. 103 на ст. 104 УК РСФСР (ст. 107 УК РФ)¹³³⁶.

Неверная квалификация из-за ошибки в установлении цели преступления была дана по делу С., осужденного Зеленоградским окружным судом г. Москвы по п. «г» ч. 2 ст. 162, ч. 3 ст. 213 и ч. 4 ст. 222 УК РФ.

Находясь в своей квартире в состоянии опьянения, С. в присутствии посторонних из хулиганских побуждений избил В., причинив легкий вред его здоровью, после чего завладел газовым пистолетом потерпевшего. По протесту Заместителя Председателя Верховного Суда РФ президиум Московского городского суда изменил приговор, переквалифицировав действия С. с п. «г» ч. 2 ст. 162 на ч. 1 ст. 161 УК РФ, поскольку насилие, опасное для здоровья, было применено не с целью завладения имуществом потерпевшего и не для его удержания, а из хулиганских побуждений и умысел на завладение имуществом возник у С. после того, как избивание В. было прекращено¹³³⁷.

Аналогичная ошибка суда первой инстанции была исправлена Краснодарским краевым судом, Судебная коллегия которого, изменяя приговор по делу Р., осужденного по п. «в» ч. 3 ст. 162 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, указала, что желание забрать при-

¹³³⁵ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1987. № 9. С. 5.
752

¹³³⁶ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1987. № 10. С. 3–4.

¹³³⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 11. С. 12.

надлежащие Д. вещи возникло у Р. после совершения им убийства, поэтому его действия должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 161 и по ч. 1 ст. 105 УК РФ¹³³⁸.

Ошибочная оценка цели преступного деяния привела к неправильной квалификации и по делу В., осужденного за разбой с причинением тяжкого вреда здоровью.

При рассмотрении этого дела в порядке надзора было установлено, что пьяный В. избил своего отца К. в процессе ссоры с потерпевшим, возникшей ввиду сложившихся между ними личных неприязненных отношений, в результате чего К. были причинены тяжкие вред здоровью. Похищение денег в сумме 70 руб. у потерпевшего последовало через некоторое время после избития и не было с ним связано. Поэтому совершенное В. деяние не содержит состава разбойного нападения, а образует совокупность умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ) и кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ)¹³³⁹.

Третья функция мотива и цели преступления выражается в том, что включение их в диспозицию уголовно-правовой нормы может создавать квалифицированные виды преступления: убийство из корыстных или хулиганских побуждений либо совершенное с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение и т. д.

Наиболее распространенными в судебной практике ошибками являются неосновательное вменение составов преступления с квалифицирующими признаками либо, наоборот, вменение составов преступления без таких признаков при их фактическом наличии в случаях, когда роль квалифицирующих признаков играют мотив и цель деяния.

Поскольку мотив преступления как квалифицирующий признак имеет достаточно широкое распространение в Особенной части УК, суды должны устанавливать мотив преступления по каждому делу об умышленном преступлении. Например, в ч. 2 ст. 105 УК РФ мотив в пяти случаях определяет квалификацию преступления, поэтому неустановление судом мотива убийства является безусловным основанием отмены приговора с возвращением дела на дополнительное расследование.

Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор Смоленского областного суда

в отношении Т. и К., осужденных по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку судом не был установлен мотив совершенного убийства¹³⁴⁰. Но и неверное установление мотива преступления либо вывод о нем, не вытекающий из установленных судом фактических обстоятельств, также влечет отмену или изменение приговора в силу неправильного применения уголовного закона.

Особенно часто суды без достаточных оснований усматривают в преступлениях хулиганские мотивы.

О. был осужден по п. «б» ст. 102 УК РСФСР (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ) за то, что, как сказано в приговоре, беспричинно, из хулиганских побуждений совершил убийство Н. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР при рассмотрении дела в кассационном порядке установила следующее.

Находясь в квартире потерпевшего и распивая вместе с ним и другими лицами спиртные напитки, во время возникшей ссоры и в связи с нанесением оскорбления со стороны Н., назвавшего О. «козлом», последний ударом ножа в грудь убил хозяина квартиры. При таких обстоятельствах у суда не было оснований признавать убийство «беспричинным» и совершенным из хулиганских побуждений, поскольку фактически преступление было совершено по конкретным мотивам, носящим личный характер и не имеющим значения квалифицирующего признака. Поэтому приговор был изменен и действия О. были квалифицированы как убийство без отягчающих обстоятельств по ст. 103 УК РСФСР (ч. 1 ст. 105 УК РФ)¹³⁴¹.

Ошибочный приговор был вынесен и Останкинским межмуниципальным судом г. Москвы по делу С., который был осужден по ч. 3 ст. 213 УК РФ.

Ночью, находясь в кафе, из хулиганских побуждений С., грубо нарушив общественный порядок, произвел три выстрела из огнестрельного оружия в дежурившего в кафе охранника, причинив ему средней тяжести вред здоровью.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала такую квалификацию ошибочной. Как усматривается из материалов дела, С. произвел выстрелы в ноги потерпевшего не из хулиганских побуждений, а в связи с тем, что в ответ на его просьбу впустить его в кафе для поиска утерянной во время

¹³³⁸ Уголовное дело № 200018 - Архив Краснодарского краевого суда за 1999 г.

¹³³⁹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 1. С. 14.

¹³⁴⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 9. С. 16.

¹³⁴¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1987. № 12. С. 10–11.

ссоры с другим посетителем золотой цепочки охранники применили резиновые дубинки и прогнали его. Общественный порядок С. не нарушил, так как в момент совершения деяния посетителей и сотрудников в кафе не было, в зале находились лишь виновный и потерпевший. Установленные обстоятельства указывают на то, что С. причинил средней тяжести вред здоровью не из хулиганских побуждений, а из мести за неправомерные действия потерпевшего, а значит, его действия надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 112 УК РФ¹³⁴².

При квалификации убийства как совершенного из хулиганских побуждений необходимо руководствоваться разъяснением, данным Пленумом Верховного Суда РФ в п. 12 постановления «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г., согласно которому по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК надлежит квалифицировать убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым моральным нормам, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение. Убийство из хулиганских побуждений означает, что хулиганский мотив реализовался только и исключительно в умышленном лишении жизни другого человека. Если же убийство совершено в процессе совершения хулиганских действий либо после окончания таковых, то хулиганские действия не охватываются составом убийства и должны дополнительно квалифицироваться по ст. 213 УК РФ.

Для отграничения убийства из хулиганских побуждений от убийства в ссоре или драке (ч. 1 ст. 105 УК РФ) нужно установить, кто из участников драки или ссоры явился их инициатором и не был ли конфликт спровоцирован виновным для использования его в качестве повода для убийства. Если зачинщиком ссоры или драки был потерпевший либо конфликт возник из-за неправомерных либо аморальных действий потерпевшего, убийство не может квалифицироваться как совершенное из хулиганских побуждений.

Довольно редкой ошибкой, допускаемой на практике, является квалификация деяний как единого преступления, тогда как они образуют совокупность двух преступлений, из которых

только одно совершается со специальной целью, указанной в законе.

Так, судебная коллегия по уголовным делам окружного суда Ханты-Мансийского автономного округа изменила в кассационном порядке приговор Нефтеюганского городского суда в отношении Б., осужденного по ч. 1 ст. 228 и п. «в» ч. 3 ст. 228 УК РФ, исключив из обвинения ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Свое решение кассационная инстанция мотивировала тем, что данная статья вменена излишне, поскольку незаконное приобретение и перевозка наркотического средства охватывается п. «в» ч. 3 ст. 228 УК РФ. Между тем, ч. 1 и 3 ст. 228 УК РФ предусматривают два самостоятельных состава преступления, и п. «в» 3 ст. 228 УК РФ не предусматривает ответственности за приобретение наркотических средств *без цели сбыта*, поэтому указанные действия, совершенные без такой цели, следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Одним из самых распространенных мотивов, который в действующем УК выполняет функцию как обязательного, так и квалифицирующего признака, является *корыстный* мотив. К сожалению, законодатель для его обозначения прибегает к различным терминам: в одних нормах говорится о корыстном мотиве, в других — о корыстных побуждениях, в третьих — о корыстной заинтересованности, а в определении хищения (примечание 1 к ст. 158 УК РФ) корыстный мотив подменен корыстной целью. Вполне обоснованным представляется предложение во всех подобных случаях использовать термин «мотив»¹³⁴³.

В идеале содержание корыстного мотива, впрочем, как и любого другого оценочного признака, должно раскрываться в самом уголовном законе. Такое определение, например, содержится в п. 10 ст. 4 УК Республики Беларусь: «Под корыстными побуждениями понимаются мотивы, характеризующиеся стремлением извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат». Поскольку в российском УК понятие корыстного мотива не раскрывается, правильное его применение для квалификации преступлений должно опираться на разъяснение, данное Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении «О судебной практике по делам об

¹³⁴² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 9. С. 17.

¹³⁴³ Степанищев А.В. Проблемы правового регулирования конфискации имущества: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 15.

убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. В соответствии с ним корыстный мотив означает стремление получить материальную выгоду для себя или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т. п.) или избавиться от материальных затрат (возврат имущества, оплата услуг, выполнение имущественных обязательств, уплата алиментов и др.)¹³⁴⁴.

В отечественной науке уголовного права понятие корыстного мотива толковалось и толкуется неоднозначно: одни ученые толкуют его в узком, а другие — в широком значении.

Сторонником узкого значения корыстного мотива был известный русский исследователь В.В. Есипов, который писал: «Мотив корысти означает все те побуждения и стимулы, которые имеют своим основанием желание противозаконного обогащения; поэтому нельзя считать похищением взятие чужих съестных припасов для раздачи бедным»¹³⁴⁵.

Узкого понимания корысти придерживался и Е. Френкель, по мнению которого под убийством из корыстных побуждений следует понимать лишь те убийства, которые совершаются для завладения новыми материальными благами, а убийства, совершаемые для удержания уже имеющихся материальных ценностей, не являются корыстными в строгом смысле этого слова¹³⁴⁶. Однако чрезмерно узкое толкование корысти не нашло поддержки у большинства ученых и практиков советского периода.

Так, А.А. Жижиленко¹³⁴⁷, М.Д. Шаргородский¹³⁴⁸ и некоторые другие криминалисты определяли корысть не только как стремление получить материальную выгоду, но и как стремление избавиться от неизбежных материальных затрат.

Именно такая трактовка корыстного мотива нашла отражение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 3 июля 1963 г.

¹³⁴⁴ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. С. 535.

¹³⁴⁵ Есипов В.В. Уголовное право. Часть Особенная. СПб., 1899. С. 140.

¹³⁴⁶ Френкель Е. Убийца из экономических мотивов // Изучение преступности и пенитенциарная практика. Вып. 1. Киев, 1928. С. 30.

¹³⁴⁷ Жижиленко А.А. Преступления против жизни. М., 1927. С. 20–21.

¹³⁴⁸ Шаргородский М.Д. Ответственность за преступления против личности. Л., 1953. С. 174–175.

Как разъяснил Пленум, убийство надлежит квалифицировать как совершенное из корыстных побуждений, если оно было совершено с намерением получить всякого рода материальную выгоду или избавиться от материальных затрат.¹³⁴⁹

Через двенадцать лет Пленум Верховного Суда СССР дал более широкое толкование корыстного убийства. В постановлении «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 27 июня 1975 г. он разъяснил судам, что квалифицировать убийство как совершенное из корыстных побуждений можно при условии, что оно было совершено с намерением получить всякого рода материальную выгоду или избавиться от материальных затрат, а также если оно было совершено из *иных корыстных побуждений* (курсив мой. — А.Р.)¹³⁵⁰.

Такое широкое толкование корыстного мотива вызвало критическое отношение со стороны многих юристов. Однако высказывались мнения и в пользу широкой трактовки корыстного убийства.

Так, Т. Воробьева и А. Санталов с одобрением восприняли понятие *иных корыстных побуждений*. По их мнению, убийство лицом своего сообщника по преступлению с целью избежать раздела похищенного имущества совершается не с намерением избавиться от материальных затрат, а как раз из *иных корыстных побуждений*¹³⁵¹.

Представляется, что в приведенном примере корыстный мотив убийства выражается именно в стремлении избавиться от материальных затрат. Тот факт, что характер предстоящих виновному затрат не имел законных оснований (потерпевший претендовал на долю имущества, полученного преступным путем), не может повлиять на квалификацию убийства как корыстного.

Почти все время действия УК РСФСР 1926 г. корысть при убийстве понималась как стремление виновного получить для себя имущественную выгоду либо избавиться *себя* от материальных затрат. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» от 22 декабря 1992 г. уже не упоминалось об *иных корыстных побуждениях*, но понятие корысти расширилось путем указания на

¹³⁴⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1963. № 4. С.21.

¹³⁵⁰ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1975, № 4. С.9.

¹³⁵¹ Воробьева Т., Санталов А. Указ. соч. С.25.

стремление получить материальную выгоду не только для самого виновного, но и для других лиц.

Сходное определение убийства из корыстных побуждений воспроизведено и в действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

Оно получило признание подавляющего большинства ученых и практических работников.

В современной науке уголовного права наиболее распространенным является понимание корыстного мотива как стремления к материальной выгоде лично для себя или для других лиц, в судьбе которых виновный заинтересован.

Так, по мнению Г.А. Кригера, при передаче похищенного имущества третьим лицам «виновный либо намеревался извлечь материальную выгоду путем последующего получения определенной части переданного имущества от третьих лиц, либо его корыстные устремления удовлетворяются незаконным обогащением таких лиц, в судьбе которых преступник лично заинтересован (родственники, иждивенцы, друзья и т. п.)»¹³⁵².

Такая трактовка корыстного мотива в настоящее время является господствующей и в современной науке уголовного права, и в судебной практике.

Так, Б.В. Волженкин считает, что «корыстная цель имеет место, если чужое имущество незаконно и безвозмездно изымалось и (или) обращалось: 1) в пользу виновного; 2) в пользу лиц, близких виновному, в улучшении материального положения которых он лично заинтересован; 3) в пользу других лиц, являющихся соучастниками хищения»¹³⁵³.

Наряду со сторонниками узкой трактовки корысти есть и сторонники ее широкой трактовки. Так, М.Г. Миненок и Д.М. Миненок полагают, что «корыстными, кроме побуждений к личной наживе или желанием избавиться от материальных затрат, можно признать и стремление обеспечить имущественную выгоду другим лицам путем сознательного причинения виновным ущерба чужой собственности»¹³⁵⁴.

¹³⁵² Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 77.

¹³⁵³ Волженкин Б.В. Служебные преступления. СПб., 2000. С. 153.

¹³⁵⁴ Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть: Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. С. 113.

Их мнение поддерживает А.Г. Безверхов, который считает, что «в праве определение корысти должно выходить за рамки понятия удовлетворения собственных материальных потребностей, должно получить более широкое понимание»¹³⁵⁵, и определяет корысть как «стремление виновного противоправным путем получить реальную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным, а равно незаконно извлечь иные выгоды имущественного характера для себя или для других лиц»¹³⁵⁶.

Отдельные ученые пытаются понятие корыстного мотива при совершении убийства толковать еще более широко.

Так, С. Абельцев считает целесообразным понятие корыстного мотива при убийстве заменить понятием корыстного начала, которое, по его мнению, является гораздо более широким, чем понятие корыстного мотива.

Как полагает автор, примерно в половине всех убийств, совершенных по мотивам мести, зависти, ненависти к потерпевшему и т. д., проявляется корыстное начало¹³⁵⁷.

Подобные примеры чрезмерно широкой трактовки корыстных побуждений противоречат их пониманию законодателем и Пленумом Верховного Суда РФ, поэтому вряд ли заслуживают поддержки.

Нужно сказать, что и судебная практика последовательно придерживается узкого понимания корысти как мотива преступления.

Так, ошибочным был признан приговор Елабужского городского суда Республики Татарстан по делу Л. и Щ., осужденных за покушение на грабеж.

Как установлено по делу, осужденные просили у продавца ночного магазина отпустить им водку в долг, а после отказа угрожали взорвать магазин, при этом Л. бил ногами в дверь, а Щ. пытался ее поджечь зажигалкой. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор изменила и действия виновных переквалифицировала на п. «а» ч. 2 ст. 213 УК РФ, мотивировав свое решение тем, что «осужденные никаких по-

¹³⁵⁵ Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2002. С. 165.

¹³⁵⁶ Там же. С. 167.

¹³⁵⁷ Абельцев С. Мотивация особо тяжких преступлений против личности // Российская юстиция. 1998. № 11. С.29–30.

пыткок завладения чужим имуществом не предпринимали, а совершили хулиганские действия...»¹³⁵⁸.

При квалификации преступлений по нормам, включающим корыстный мотив, необходимо установить, что корыстные побуждения возникли у виновного *до начала* совершения преступления, что они, следовательно, послужили *психологической причиной* квалифицируемого деяния. Квалификация определяется наличием корыстного мотива в момент убийства и не зависит от того, получил ли виновный фактическую выгоду от совершенного преступления.

Для применения п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо уяснить соотношение между названными в нем квалифицирующими признаками. Дело в том, что в названном пункте упоминаются пять *самостоятельных*, хотя и связанных между собой квалифицирующих признаков. Не учитывая этого обстоятельства, суды нередко указывают в приговоре на корыстные побуждения как на обязательный признак, сопутствующий всем другим указанным в этом пункте признакам.

Так, в приговоре по делу Ч., Б. и Т. суд указал, что виновные совершили убийство по найму и из корыстных побуждений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, изменяя приговор, указала, что «убийство по найму <...> является по существу убийством из корыстных побуждений, в связи с чем квалификация содеянного Б. и Т. как убийства из корыстных побуждений излишня и подлежит исключению из приговора»¹³⁵⁹.

Такую же позицию заняла Военная коллегия Верховного Суда РФ, которая в своем определении по делу Ч. указала, что, поскольку разбой является корыстным преступлением, при квалификации убийства, сопряженного с разбоем, не требуется дополнительно указывать такой квалифицирующий признак, как совершение убийства из корыстных побуждений¹³⁶⁰.

Приведенные теоретические соображения и примеры из судебной практики позволяют утверждать, что преступление может быть квалифицировано как совершенное из корыстных побуждений лишь в тех случаях, когда его психологической причиной послужило стремление к извлечению материальной вы-

годы лично для себя или для других лиц, благосостояние которых не безразлично для виновного, а также в случаях передачи похищенного лицам, перед которыми у виновного до этого имелись имущественные обязательства либо которые в силу получения имущества от виновного становились его должниками.

Определенные сложности при квалификации преступлений представляют нормы УК, в которых фактический мотив преступления не обозначен ни этим термином, ни словом «побуждения», а скрыт за формулировкой, что преступление совершено «в связи» с той или иной правомерной деятельностью потерпевшего.

Например, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 117 УК РФ предусматривают совершение преступления в отношении лица (или его близких) *в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга*. В ст. 296 и 298 УК говорится о совершении преступлений в отношении лиц, участвующих в отправлении правосудия, *в связи с рассмотрением дел и материалов в суде, с производством предварительного расследования либо исполнением судебных актов*. В ст. 318 УК РФ предусматривается применение насилия в отношении представителя власти *в связи с исполнением им своих служебных обязанностей*. Для уяснения характера связи преступления с правомерными действиями потерпевшего и для раскрытия содержания мотива и цели упомянутых преступлений можно обратиться к нормам уголовного права, в которых мотивы и цели преступлений, связанные с правомерными действиями потерпевшего, обозначены более определенно.

Так, в ст. 277, 295 и 317 УК РФ установлена ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественно-го деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, а также сотрудника правоохранительного органа *в целях* воспрепятствования законной деятельности потерпевших или *по мотиву* мести за такую деятельность. Именно такое понимание цели и мотива преступления составляет основное содержание цели и мотива преступлений, совершаемых *в связи с* правомерными действиями потерпевшего.

Цели скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) — это два самостоятельных квалифицирующих признака.

¹³⁵⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 9. С. 17.

¹³⁵⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1. С. 8.

¹³⁶⁰ Там же.

Цель *скрыть другое преступление* означает стремление утаить от правоохранительных органов факт совершения самим осужденным или другим лицом любого преступления независимо от его тяжести. В этом случае потерпевшим может оказаться любое лицо, которое стало свидетелем случившегося или узнало о совершенном преступлении из любых источников. Причем укрываемое преступление может быть совершено не обязательно *до убийства*¹³⁶¹, убийство с целью скрыть другое преступление может быть совершено *в процессе* или даже *перед началом* совершения укрываемого преступления. Разумеется, это преступление должно квалифицироваться самостоятельно, независимо от ответственности за убийство.

Цель *облегчить совершение другого преступления* означает стремление создать необходимые условия для совершения другого преступления (независимо от его характера и тяжести) и всегда *предшествует* ему. При этом не имеет значения, кем конкретно — самим убийцей или другим лицом — предполагается совершение этого другого преступления. Если оно относится к категории тяжких или особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 30 УК РФ), то убийство само по себе означает приготовление к совершению другого преступления и образует совокупность преступлений, если другое преступление так и не было совершено.

Мотив *национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды* (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ) включен в перечень квалифицирующих признаков убийства и некоторых других преступлений в соответствии со ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 29 Конституции Российской Федерации, запрещающими любые действия, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду (хотя убийство по мотиву социальной ненависти или вражды, к сожалению, не подпадает под п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Национальная, расовая или религиозная *ненависть* означает устойчивую неприязнь ко всем лицам другой национальности, расы или религии. А *вражда* по этим же признакам означает состояние острого непримиримого конфликта между представителями разных национальностей, рас или религий.

Совершение преступления по мотивам национальной, расовой или религиозной ненависти или вражды означает, что потерпевший вызывает у виновного неприязнь или враждебное отношение не своими личными качествами или конкретными действиями, а именно как представитель определенной нации, расы или религиозной конфессии. Для данного вида квалифицированного убийства характерно, как правило, отсутствие конфликта личного характера.

Убийство на почве *кровной мести* (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) является пережитком родового строя как универсальным средством разрешения конфликтов между родами или семьями. Смысл этого обычая состоит в обязанности рода отомстить посредством пролития крови за нанесенную роду обиду (за убийство, за отказ жениться на невесте, за изнасилование, за тяжкое оскорбление и т. д.). Предосудительность обычая кровной мести обусловлена тем, что кровная вражда — это состояние бесконечное, продолжающееся и после того, как оказался забытым первоначальный повод к кровной вражде, а обязанность мстить перешла к далеким потомкам первых кровников.

Суть этого вида убийства заключается в лишении жизни представителя враждебного рода не из личной неприязни, а «по обязанности», которая переходит по нисходящей линии на мужчин рода, а при их отсутствии — на женщин.

По п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ могут квалифицироваться только действия лица, принадлежащего к роду, признающему обычай кровной мести, когда потерпевший принадлежит к другому роду, состоящему в кровной вражде с родом виновного.

Совершение преступления *в целях использования тканей или органов потерпевшего* (п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ) означает лишение жизни либо торговлю людьми с намерением изъять и использовать изъятые у потерпевшего органы или ткани любым образом — для трансплантации, для продажи, для ритуальных целей, в пищу и т. д. Для квалификации не имеет значения состояние здоровья потерпевшего (здоров ли он, неизлечимо болен, является ли жертвой катастрофы и т. д.) и наличие его согласия на изъятие у него органов или тканей при жизни или после смерти. Не влияет на квалификацию и фактическая реализация цели, т. е. реальное использование тканей или органов потерпевшего. Более того, убийство квалифицируется как совершенное с рассматриваемым квалифицирующим признаком даже в тех случаях, когда виновному по не зависящим от

¹³⁶¹ Красиков А. Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999. С. 110.

него причинам не удалось изъять у убитого органы или ткани, — достаточно, чтобы эта цель преследовалась виновным при совершении убийства.

Для правильной квалификации преступлений по мотиву и цели, имеющим значение квалифицирующих признаков, важно решить вопрос о так называемой «конкуренции» мотивов и целей.

В судебной практике иногда встречаются приговоры, в которых вместо констатации мотива, установленного фактическими обстоятельствами дела, просто воспроизводится текст соответствующего пункта ч. 2 ст. 105 УК РФ, например: «Убийство было сопряжено с изнасилованием и совершено с целью скрыть другое преступление и облегчить его совершение», — хотя одна из двух названных целей исключает наличие второй.

Судебная практика знает дела, в которых убийство квалифицировалось как совершенное из хулиганских побуждений и одновременно по мотивам мести потерпевшему в связи с выполнением им своего служебного или общественного долга.

Эта позиция находит поддержку со стороны некоторых ученых.

Например, Г.В. Верин считает, что в одном преступлении могут сосуществовать два (или более) равнозначных мотива, среди которых нет доминирующего, поэтому все конкурирующие мотивы должны найти отражение в квалификации преступления¹³⁶².

Сходную позицию занимает и Р.Р. Галиакбаров: «Законом предусмотрены случаи конкуренции мотивов. Например, убийство может быть совершено из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) одновременно с мотивами вражды или кровной мести (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ). При квалификации таких преступлений следует учитывать все мотивы, а не выбирать какой-либо один из них»¹³⁶³.

И хотя автор для оценки рассматриваемой ситуации использует термин «конкуренция мотивов», на самом деле он придерживается мнения, что мотивы как раз не конкурируют, а *сочетаются*.

Правомерность такой квалификации оспаривается многими учеными.

Так, Б.С. Волков пишет: «Человек не может положить в основу своего поведения сразу несколько разных по содержанию и значению мотивов. Намерение совершить преступление обычно связывается с каким-либо одним мотивом, который и является главным, основным мотивом преступной деятельности. Всегда «перевешивает» тот мотив, в пользу которого избран волевой акт и который положен в основу решения. Другие же побуждения хотя и действуют, так сказать, в унисон, изменяют или усиливают значение общей решимости совершить преступление, но в совершенном деянии играют подчиненную, второстепенную роль»¹³⁶⁴. Автор приходит к выводу, что «одно и то же убийство по мотиву его совершения не может быть квалифицировано одновременно по двум и более пунктам» статьи УК об убийстве при отягчающих обстоятельствах¹³⁶⁵, хотя в принципе такая квалификация не исключается, если *наряду с мотивом* роль квалифицирующего играет еще какой-нибудь признак, характеризующий объект (например, беременность потерпевшей), объективную сторону (общеопасный способ) либо субъекта (неоднократность) данного преступления.

Некоторые ученые, допуская квалификацию убийства как совершенного одновременно и из хулиганских побуждений, и в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности или выполнением общественного долга¹³⁶⁶, своей позиции по существу не аргументируют.

Высказывалась и такая точка зрения, что квалифицирующие мотивы могут сочетаться, но только в том случае, если это мотивы одного рода.

Так, С. А. Тарарухин допускает сочетание хулиганских побуждений с побуждениями, обусловленными выполнением потерпевшим обязанностей по охране общественного порядка. По его мнению, это возможно в двух случаях: во-первых, при перерастании хулиганства в посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка; во-вторых, если хулиганские

¹³⁶² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Р.Р. Галиакбарова. С. 209–210.

¹³⁶³ Галиакбаров Р.Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 119.

¹³⁶⁴ Волков Б.С. Указ. соч. С. 29.

¹³⁶⁵ Там же. С. 28.

¹³⁶⁶ Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними Воронеж, 1965. С. 75.

действия непосредственно направлены против указанных лиц в связи с указанной деятельностью¹³⁶⁷.

Однако ни в одном из приведенных случаев «конкуренция» мотивов по существу не усматривается, так как в первом случае речь явно идет о реальной совокупности двух самостоятельных преступлений с различными мотивами, а во втором — об одном преступлении (посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника), в котором хулиганские побуждения не оказывают никакого влияния на квалификацию.

Более правильной представляется позиция тех ученых, которые полагают, что возможность квалификации преступления одновременно по двум мотивам, каждый из которых выполняет функцию квалифицирующего признака, теоретически не обоснована.

Напротив, квалификация определяется тем мотивом, в пользу которого избран волевой акт и принято решение¹³⁶⁸.

Именно такое решение данной проблемы нашло свое закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: «По смыслу закона квалификация по п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ совершенного виновным убийства определенного лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Поэтому, если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ»¹³⁶⁹.

Из положения о том, что мотивы в одном преступлении *не могут сочетаться*, а находятся в отношении конкуренции, исходит и судебная практика при рассмотрении конкретных уголовных дел.

Так, отменяя приговор Московского областного суда с участием присяжных заседателей, Президиум Верховного Суда РФ

указал: «Как видно из материалов дела, Т. совершил убийство О-вых с целью завладения их имуществом, то есть из корыстных побуждений. Поэтому его осуждение по п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ из приговора исключено»¹³⁷⁰.

На недопустимость квалификации по п. "к" ч. 2 ст. 105 УК убийств, совершенных из корыстных побуждений, Президиум Верховного Суда РФ указал в своих постановлениях по уголовным делам Валякина (дело № 905п99), Мерзликина (дело № 694п99), Кустикова (дело № 834п99) и других, последовательно придерживаясь мнения, что «по смыслу закона умышленное причинение смерти другому человеку надлежит квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ в случаях, когда квалифицирующий признак убийства — с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение — является *основным мотивом*»¹³⁷¹ (курсив мой. — А.Р.).

При описании ряда преступлений, в частности специальных видов убийства (ст. ст. 277, 295 и 317 УК РФ), законодатель вводит в качестве альтернативно-обязательных признаков субъективной стороны либо цель воспрепятствования законной деятельности потерпевшего, либо мотив мести за такую деятельность. В подобных случаях для квалификации преступления по указанным и сходным нормам не требуется одновременного наличия и цели, и мотива, указанных в диспозиции, а достаточно любого из двух указанных признаков.

Четвертая функция мотива и цели в уголовном праве сводится к тому, что они, не будучи включенными в диспозицию конкретной уголовно-правовой нормы, могут играть роль обстоятельств, смягчающих (п. «д», «ж» и «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ) или отягчающих наказание (п. «е» и «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ). В качестве смягчающих обстоятельств суд вправе учесть различные мотивы и цели, не относящиеся к низменным, если их наличие, по мнению суда, снижает степень общественной опасности деяния.

¹³⁶⁷ Тарарухин С.А. Указ. соч. С. 116-117.

¹³⁶⁸ См.: Наумов А.В. Мотивы убийства. Волгоград, 1969. С. 75; Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. С. 80-81.

¹³⁶⁹ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. С. 536.

¹³⁷⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 2. С. 12.

¹³⁷¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 4. С. 1.

§ 8. Субъективная ошибка

С принципом субъективного вменения непосредственно связан вопрос о субъективной ошибке. «Ошибка — это заблуждение лица относительно объективных свойств общественно опасного деяния, которые характеризуют его как преступление. Иначе говоря, это заблуждение лица относительно характера и степени общественной опасности совершаемого деяния и его противоправности»¹³⁷².

Нужно сказать, что для определения субъективной ошибки в юридической литературе использовались различные понятия со сходным значением. Некоторыми учеными ошибка характеризуется как *заблуждение* лица относительно фактических или юридических свойств совершаемого деяния¹³⁷³; другими она характеризуется как *неверное представление* о фактических или юридических признаках совершаемого деяния¹³⁷⁴, третьи определяют ее как *неверную оценку* субъектом своего поведения¹³⁷⁵. Хотя отдельные ученые настроены резко критически против использования разных понятий для характеристики субъективной ошибки, думается, использование различных терминов для определения субъективной ошибки вполне допустимо во избежание многочисленных терминологических повторений, а тем более для характеристики разных ее видов и значений.

Классификации субъективных ошибок уделялось много внимания еще в русском дореволюционном уголовном праве.

Так, Н.С. Таганцев, положив в основу деления предмет, относительно которого возникает заблуждение, различал ошибку, относящуюся к фактическим обстоятельствам, и ошибку, отно-

сящую к законоположениям¹³⁷⁶, а П.П. Пусторослев к этим двум видам добавлял еще и ошибку в лице или предмете¹³⁷⁷.

Используя другие классификационные критерии, Н.С. Таганцев выделял ошибки в силу неведения и неправильного представления, извинительные и неизвинительные¹³⁷⁸ и пр.

Немало трудов посвящено вопросу о субъективной ошибке и в более поздней отечественной правовой литературе.

Так, В.Ф. Кириченко различал субъективные ошибки: а) относительно обстоятельств, являющихся признаками состава преступления; б) относительно общественной опасности деяния и в) ошибку в праве, или юридическую ошибку¹³⁷⁹.

Более развернутую классификацию субъективных ошибок предложил П.С. Дагель, классифицировав их: а) по предмету — на ошибку юридическую и фактическую; б) по причинам возникновения — на извинительную и неизвинительную; в) по своей значимости — на существенную и несущественную; г) по степени оправданности — на виновную и невиновную¹³⁸⁰.

Представляется, что для работников правоприменительных органов наиболее приемлема та классификация, которая удовлетворяет требованию практической значимости. Поэтому можно отдать предпочтение делению субъективной ошибки на юридическую и фактическую.

Юридическая ошибка — это заблуждение лица относительно юридической сущности и юридических последствий совершаемого деяния. Различают следующие виды юридической ошибки:

1) ошибочное представление о совершаемом деянии *как о преступном*, тогда как на самом деле закон не относит его к преступлениям («мнимое преступление»). В подобных случаях уголовная ответственность исключается, поскольку для нее нет объективного основания: не совершено преступного деяния;

2) неверная оценка совершаемого деяния *как непроступного*, в то время как в действительности оно предусмотрено законом в качестве преступления. Подобная ошибка не исключает умыш-

¹³⁷² Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988. С. 35.

¹³⁷³ Коптякова Л.И. Понятие ошибок в советском уголовном праве и их классификация // Проблемы права, социалистической государственности и социального управления: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 73. Свердловск, 1978. С. 105–106.

¹³⁷⁴ Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. С. 16.

¹³⁷⁵ Курс советского уголовного права.

Т.1./ Под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. С. 449.

¹³⁷⁶ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 585.

¹³⁷⁷ Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Юрьев, 1907. С. 341, 366.

¹³⁷⁸ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 54, 582.

¹³⁷⁹ Кириченко В.Ф. Указ. соч. С. 18.

¹³⁸⁰ Дагель П.С. Обстоятельства, исключающие виновность субъекта и влияющие на форму вины // Советская юстиция. 1973. № 3. С. 14–16.

ленной вины, ибо незнание закона не равнозначно непониманию общественной опасности деяния и не может оправдать лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние;

3) заблуждение субъекта относительно *юридических последствий* совершаемого преступления: о его квалификации, виде и размере наказания, которое может быть назначено за совершение этого деяния. Названные обстоятельства не входят в предметное содержание вины и не обязательно должны охватываться сознанием виновного, поэтому их ошибочная оценка не включает ни умысла, ни уголовной ответственности.

Итак, общее правило относительно значения юридической ошибки может быть сформулировано следующим образом: уголовная ответственность лица, заблуждающегося относительно юридических свойств или юридических последствий совершаемого деяния, наступает в соответствии с оценкой этого деяния не субъектом, а законодателем. Следовательно, такая ошибка не влияет ни на форму вины, ни на квалификацию преступления, ни на размер назначенного наказания. Однако из этого правила может быть сделано исключение. Если лицо не знало и по обстоятельствам дела не могло знать об установлении уголовно-правового запрета (например, в силу пребывания геологической партии в удаленной от населенных пунктов местности), либо компетентное должностное лицо правоохранительных органов разъяснило лицу, что его действия являются правомерными, то извинительный характер ошибки относительно противоправности деяния должен служить основанием отказа от привлечения к уголовной ответственности.

Фактическая ошибка—это заблуждение лица относительно фактических обстоятельств, являющихся объективными признаками состава данного преступления и определяющих характер преступления и степень его общественной опасности. В зависимости от содержания неправильных представлений, т. е. от предмета неверных восприятия и оценок принято различать фактические ошибки относительно:

- 1) общественной опасности совершаемого деяния;
- 2) объекта посягательства;
- 3) причиняемых последствий;
- 4) развития причинной связи;
- 5) обстоятельств, отягчающих ответственность.

Ошибка относительно общественной опасности совершаемого деяния может быть двоякого рода.

Во-первых, лицо неправильно оценивает свои действия как общественно опасные, тогда как в силу каких-то не известных ему фактических обстоятельств деяние лишено свойства общественной опасности. Например, лицо проникает на территорию склада и «похищает» продукты, предназначенные к уничтожению в силу истечения срока их годности. Подобная ошибка не влияет на форму вины, и деяние остается умышленным, но ответственность наступает не за оконченное преступление, а за покушение на него, поскольку преступное намерение не было реализовано и избранному объекту посягательства — отношения собственности — ущерб фактически не причинен.

Во-вторых, лицо ошибочно считает свои действия правомерными, не осознавая их общественной опасности. Подобное заблуждение обычно бывает обусловлено незнанием каких-то важных фактических обстоятельств, относящихся к объективной стороне преступления и придающих деянию общественно опасный характер. Такая ошибка устраняет умысел, а если деяние является преступным только при умышленном его совершении, то исключается и уголовная ответственность. Например, сбыт фальшивых денег лицом, которое добросовестно считает эти деньги настоящими, не является преступлением из-за отсутствия умысла.

Но если законодатель признает деяние уголовно-наказуемым при любой форме вины, то незнание его общественной опасности не исключает ответственности за неосторожное преступление, если лицо должно было и могло осознавать общественно опасный характер совершаемого деяния и предвидеть его общественно опасные последствия.

Например, довольно распространенным видом ошибки относительно общественной опасности деяния является так называемая мнимая оборона. За вред, причиненный при мнимой обороне, уголовная ответственность не наступает «в тех случаях, когда обстановка происшествия давала основание полагать, что совершается реальное посягательство, и лицо, применившее средства защиты, не создало и не могло сознавать ошибочности своего предположения»¹³⁸¹, т. е. в случаях *извинительной* ошибки относительно общественно опасного характера деяния. Но причинение смерти или тяжкого вреда здоровью по закону наказуемо как при умышленной, так и при неосторожной

¹³⁸¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5. С. 12.

форме вины. Поэтому при наличии *виновной* ошибки относительно общественной опасности деяния уголовная ответственность может наступить, но не за умышленное, а за неосторожное причинение указанных последствий лицом, действующим в состоянии мнимой обороны, если оно по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать мнимость посягательства и, значит, общественную опасность своих «оборонительных» действий¹³⁸².

Ошибка в объекте — это неправильное представление лица о социальной и юридической сущности объекта посягательства и количестве объектов, которым фактически причиняется вред. Возможны две разновидности подобной ошибки.

Во-первых, ошибка, означающая подмену объекта в сознании действующего лица: ошибочно полагая, что деяние посягает на один объект, субъект на самом деле причиняет вред другому объекту, не однородному с тем, который охватывался умыслом виновного. Например, лицо, пытающееся похитить из аптечного склада наркотикосодержащие препараты, фактически похищает лекарства, не содержащие наркотических веществ. Подобного рода ошибка требует квалификации преступления в соответствии с направленностью умысла виновного. Однако нельзя не учитывать и того, что объекту, охватываемому умыслом виновного, фактически ущерб причинен не был. Чтобы привести в соответствие эти два фактора (направленность умысла и причинение вреда не тому объекту, на который субъективно было направлено посягательство), при квалификации преступления используется юридическая фикция: преступление, которое по своему фактическому содержанию было доведено до конца, оценивается как покушение на намеченный виновным объект (применительно к описанным выше обстоятельствам — как покушение на хищение наркотических средств). Таким же образом должен решаться вопрос об оценке действий лица, передавшего иностранному разведчику сведения, которые, по убеждению этого лица, составляют государственную тайну, но на самом деле они составляют служебную тайну: деяние должно квалифицироваться как покушение на разглашение сведений, составляющих государственную тайну.

¹³⁸² Бюллетень Верховного Суда СССР. 1984. № 5. С. 12.

Следует подчеркнуть, что правило о квалификации преступлений, совершенных с рассмотренной разновидностью ошибки в объекте, применяется только при конкретизированном умысле.

Вторая разновидность ошибки в объекте заключается в незнании обстоятельств, которые изменяют социальную и юридическую оценку объекта в норме уголовного закона. Так, беременность потерпевшей при убийстве или недостижение потерпевшего лица возраста 18 либо 14 лет при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера существенно повышают общественную опасность названных преступлений и служат квалифицирующими признаками.

Эта разновидность ошибки в объекте может двояким образом повлиять на квалификацию преступления.

Если виновный *не знает о наличии* этих обстоятельств, хотя реально они существуют, преступление должно квалифицироваться как совершенное без данногоотягчающего обстоятельства.

Если же лицо *исходит из ошибочного предположения о наличии* соответствующегоотягчающего обстоятельства, то деяние следует квалифицировать как покушение на преступление с этимотягчающим обстоятельством.

От ошибки в объекте необходимо отличать ошибку в предмете посягательства либо в личности потерпевшего.

При *ошибке в предмете посягательства* ущерб причиняется именно предполагаемому объекту, хотя непосредственному воздействию подвергается не намеченный виновным, а другой предмет.

Так, вор, располагая сведениями, что на даче, принадлежащей А., никто не живет, по ошибке проникает в соседнюю дачу, принадлежащую В., и похищает оттуда ценные вещи. Такая ошибка не касается обстоятельств, имеющих значение признака состава преступления, поэтому она не влияет ни на форму вины, ни на квалификацию преступления, ни на уголовную ответственность. Однако нужно иметь в виду, что неверное представление о предмете посягательства иногда влечет ошибку и в объекте преступления. Так, похищение у гражданина газовой зажигалки, ошибочно принятой за пистолет, связано с неверной оценкой не только предмета посягательства, но и объекта преступления, поэтому квалифицируется в зависимости от направленности умысла (в данном примере — как покушение на хищение огнестрельного оружия).

Ошибка в личности потерпевшего состоит в том, что виновный, посягая на жизнь определенного лица, ошибочно принимает за него другого человека, на которого и совершает посягательство. В этом случае, как и при ошибке в предмете посягательства, заблуждение виновного относится к обстоятельствам, не являющимся признаками состава преступления.

В обоих случаях характер объекта правильно отображается умыслом виновного, поэтому ошибка не оказывает никакого влияния ни на форму вины, ни на квалификацию преступления, ни на уголовную ответственность. Однако если с заменой личности потерпевшего подменяется объект преступления (например, убийство частного лица вместо судьи, рассматривающего уголовное дело в отношении посягающего и намеченного в качестве жертвы с целью воспрепятствования его законной деятельности по рассмотрению данного дела), то деяние меняет свои социальные и юридические характеристики и должно квалифицироваться в зависимости от направленности умысла (в приведенном примере — как покушение на преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 295 УК РФ).

Ошибка *относительно количества объектов* посягательства может быть двоякого рода:

а) лицо полагает, что посягает только на один объект, тогда как фактически страдает большее число общественных отношений, охраняемых уголовным правом;

б) лицо считает, что его действия направлены против двух или большего числа объектов, а на самом деле вред причиняется только одному из них.

При *первой разновидности* ошибки относительно числа объектов ответственность за причинение вреда объектам, не охватываемым умыслом виновного, определяется извинительным или виновным характером заблуждения.

Если виновный должен был и мог осознать факт посягательства на другие объекты (помимо главного), то он подлежит привлечению к ответственности не только за умышленное причинение вреда намеченному объекту, но и за неосторожное совершение посягательства на объект, который не охватывался его сознанием, при условии, что неосторожное посягательство на него является по закону уголовно наказуемым.

Если ошибка носила извинительный характер, т. е. по обстоятельствам дела лицо не должно было или не могло осознать факта посягательства на другие объекты, причинение им вреда

не может влечь уголовной ответственности. Например, при совершении хулиганских действий лицо наносит сильный удар кулаком в лицо потерпевшему, отчего последний падает и получает смертельную травму от удара головой об асфальт.

Поскольку субъект при данных обстоятельствах должен был и мог предвидеть возможность падения и наступление тяжких последствий вплоть до смерти, он должен нести ответственность за хулиганство и неосторожное убийство.

Если же при сходных фактических обстоятельствах смерть наступила от обострения болезненных внутренних процессов в организме потерпевшего, связанного с несильным ударом по лицу, то причинение смерти не может вменяться субъекту, который по обстоятельствам дела не мог предвидеть таких последствий, поэтому он должен отвечать только за хулиганство.

Вторая разновидность ошибки относительно числа объектов посягательства состоит в том, что лицо полагает, будто посягает на два или большее число объектов, хотя на самом деле страдает только один из них. При ошибке такого рода деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений: как оконченное преступление, правильно отражаемое умыслом виновного, и как покушение на причинение вреда тому объекту (или тем объектам), который охватывался умыслом, хотя фактически и не пострадал. Так, за поджог дома с целью убийства его хозяина, который на самом деле в доме не находился, виновный должен нести ответственность за совокупность умышленного уничтожения чужого имущества путем поджога и покушения на убийство общеопасным способом.

Ошибка относительно способа совершения преступления влияет на квалификацию содеянного в тех случаях, когда уголовная ответственность за причинение одних и тех же последствий дифференцируется в законе в зависимости от способа посягательства, т. е. когда способ служит признаком, разграничивающим самостоятельные составы преступления. Так, кража и грабеж различаются по способу (тайный или открытый) похищения имущества.

Поскольку главным критерием, определяющим квалификацию хищения, является субъективное представление виновного о характере совершаемого деяния, оно должно квалифицироваться в соответствии с направленностью умысла виновного.

Так, по делу Ч. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала наличие кражи, а не грабежа на

том основании, что «Ч. был убежден, что действует тайно, изымает имущество незаметно как для продавца, так и для других лиц, находившихся в магазине»¹³⁸³.

Ошибка относительно способа совершения преступления влияет на квалификацию и в тех случаях, когда способ служит разграничительным признаком между основным и квалифицированным составами преступления.

Так, убийство общеопасным способом квалифицируется по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а убийство иными способами, не имеющими квалифицирующего значения, — по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В случае неосознания общеопасного способа убийства преступление квалифицируется как совершенное без этогоотячающего обстоятельства, а если виновный ошибочно считает избранный способ убийства общеопасным, то его деяние надлежит квалифицировать как покушение на убийство, совершенное именно общеопасным способом.

Ошибка относительно причиненных последствий означает заблуждение лица по поводу качественной либо количественной характеристики причиненного вреда.

Ошибка относительно *качества*, т. е. характера общественно опасных последствий, может состоять в предвидении таких последствий, которые фактически не наступили, либо в непредвидении таких последствий, которые реально наступили.

При наступлении последствий, не охватываемых предвидением, ошибка исключает ответственность за умышленное причинение фактически наступивших последствий, но может влечь ответственность за их причинение по неосторожности, если таковая предусмотрена законом. Деяние, повлекшее не те последствия, на которые был направлен умысел, квалифицируется как покушение на причинение последствий, охватываемых предвидением, и, кроме того, как неосторожное причинение фактически наступивших последствий. Например, неудавшаяся попытка убить соседа путем поджога принадлежащего ему садового домика, если при этом был причинен тяжкий вред здоровью человека, находившегося в гостях у владельца домика, должна квалифицироваться как покушение на убийство общеопасным способом (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч. 1 ст. 118 УК РФ).

Однако если неосторожное причинение последствий, не охватываемых умыслом виновного, законом предусмотрено как квалифицирующий признак, то совокупность преступлений не образуется и деяние квалифицируется по той норме, которая предусматривает основное преступление, но сопряженное с данным последствием. Так, умышленное уничтожение дома путем взрыва, при котором погиб случайно оказавшийся в доме человек, квалифицируется по ч. 2 ст. 167 УК, которая охватывает и причинение смерти по неосторожности.

Ошибка относительно тяжести общественно опасных последствий означает заблуждение по поводу их *количественной* характеристики. При этом фактически причиненные последствия могут оказаться либо менее, либо более тяжкими по сравнению с предполагаемыми.

Если уголовная ответственность в законе не дифференцируется в зависимости от тяжести причиненных последствий (например, размер имущественного ущерба при диверсии в форме уничтожения электростанции), то ошибка не оказывает влияния на квалификацию преступления. Не влияет она ни на форму вины, ни на квалификацию преступления и в тех случаях, когда ошибка в количественной характеристике последствий не выходит за определенные рамки, установленные законодателем.

Так, идентично квалифицируется умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, если она выразилась в стойкой утрате общей трудоспособности как на 35, так и на 95 %, а также кража чужого имущества, стоимость которого превышает как 1 млн, так и 10 млн. руб.

Когда же ответственность ставится законодателем в зависимости от тяжести последствий, определяемой в конкретно обозначенных в законе рамках, ошибка относительно этого признака влечет квалификацию преступления в соответствии с направленностью умысла виновного.

Так, по делу С. и К. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что содеянное С. «надлежит квалифицировать как покушение на хищение в крупном размере, так как при совершении кражи его умысел был направлен на завладение имуществом в крупном размере и не был осуществлен по независящим от него обстоятельствам»¹³⁸⁴.

¹³⁸³ Практика прокурорского надзора при рассмотрении судами уголовных дел.

С. 181.

778

¹³⁸⁴ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 4. С. 7.

Наступление более тяжкого последствия, чем субъект имел в виду (например, смерти, не входящей в намерения лица, стремящегося причинить лишь вред здоровью), исключает ответственность за его умышленное причинение. Если при этом причинение более тяжкого последствия охватывалось неосторожной виной и при этом по закону такое деяние уголовно наказуемо, то наряду с ответственностью за умышленное причинение (или попытку причинения) намеченного последствия наступает ответственность и за неосторожное причинение более тяжкого последствия. В подобных случаях возможны два варианта квалификации.

Деяние квалифицируется по одной уголовно-правовой норме, если она, устанавливая ответственность за умышленное причинение одних последствий, предусматривает неосторожное причинение более тяжких последствий в качестве квалифицирующего признака (например, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего — ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Если же подобная норма в законе отсутствует, а также в случае реальной совокупности преступлений (например, пытаясь причинить тяжкий вред здоровью одного человека, виновный, кроме того, по неосторожности причиняет смерть другому лицу) деяние должно квалифицироваться по статьям УК об умышленном причинении (или покушении на причинение) намеченного последствия (ч. 1 ст. 111 УК РФ) и о неосторожном причинении фактически наступившего более тяжкого последствия (ст. 109 УК РФ).

Ошибка в развитии причинной связи означает неправильное понимание лицом причинно-следственной зависимости между его деянием и общественно опасными последствиями. Умысел предполагает осознание не всех деталей, а лишь общих закономерностей развития причинной связи.

Рассматриваемый вид ошибки не влияет на форму вины и на квалификацию преступления, если наступил тот самый преступный результат, который охватывался намерением виновного.

Так, С. была осуждена за убийство своего мужа при следующих обстоятельствах.

Во время очередного скандала, учиненного пьяным мужем, С. дважды ударила последнего обухом топора в лоб и убила его. Ошибочно считая, что муж еще жив, С. повесила его.

В этом случае С. ошиблась в развитии причинной связи: она полагала, что смерть мужа наступила от удавления, а на самом деле ее причиной были нанесенные в лоб удары обухом топора.

Однако, поскольку смерть наступила именно в результате действий виновной, направленных на причинение этого последствия, деяние С. было обоснованно квалифицировано как убийство¹³⁸⁵.

Иногда ошибка в развитии причинной связи исключает умысел, но обосновывает ответственность за неосторожное причинение общественно опасных последствий, если субъект должен был и мог предвидеть истинное течение причинно-следственного процесса. Например, неопытный водитель резко тормозит при повороте дороги, покрытой щебенкой, в результате чего автомобиль при заносе переворачивается и пассажиру причиняется тяжкий вред здоровью. В данном случае сознанием виновного, не обладающего должным опытом, не охватывается развитие причинной связи и, как следствие этого, не предвидятся общественно опасные последствия, хотя виновный должен был и мог предвидеть действительное развитие событий. Деяние надлежит квалифицировать как неосторожное преступление (ч. 1 ст. 264 УК РФ).

В других случаях ошибка в развитии причинной связи влечет за собой изменение квалификации преступления. Это характерно для тех случаев, когда общественно опасное последствие, охватываемое умыслом виновного, наступает в результате не тех действий, которыми предполагалось причинить это последствие, а иных.

У. и Л. с целью кражи проникли в дом, но, обнаружив там престарелого Ю. и стремясь избавиться от свидетеля, нанесли ему два удара ножом в область сердца. Похитив ценные вещи, они подожгли дом, где оставался Ю., которого преступники считали уже мертвым. Но, как оказалось, Ю. был только тяжело ранен и погиб лишь при пожаре. Ошибка У. и Л. относительно причины смерти Ю. породила совокупность двух преступлений против личности: покушение на убийство с целью скрыть другое преступление (ч. 3 ст. 30 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ).

¹³⁸⁵ Якушин В.А. Указ. соч. С. 90–91.

Квалифицировать это деяние только как убийство с целью скрыть другое преступление неточно, поскольку смерть в результате направленных на это действий не наступила. Наступление же смерти в результате не ножевых ранений, а *других действий* виновных должно было и могло осознаваться ими, поэтому его следует квалифицировать самостоятельно, как причинение смерти по неосторожности.

Ошибка в обстоятельствах, отягчающих ответственность, может быть двух видов. Во-первых, субъект преступления исходит из ошибочного предположения о *наличии* отягчающего обстоятельства, когда оно фактически отсутствует. Во-вторых, лицо ошибочно полагает, что совершает деяние *без* квалифицирующих признаков, тогда как фактически имеют место отягчающие обстоятельства, не охватываемые сознанием виновного.

При первой разновидности ошибки определяющим является отражение отягчающего обстоятельства в сознании действующего лица, а не его фактическое наличие или отсутствие, поэтому деяние должно квалифицироваться в соответствии с содержанием и направленностью умысла. Однако оно не может квалифицироваться как оконченное, поскольку фактически совершенное преступление не обладает тем квалифицирующим признаком, который повышает опасность деяния.

Например, Ш., желая, чтобы Л., с которым она находилась в интимной связи, ушел от жены, однажды заявила ему, что беременна. Опасаясь «неприятностей» дома и на работе, Л. решил совершить убийство. С этой целью он пригласил Ш. за ягодами в лес и там убил. Вскрытие трупа показало, что потерпевшая не была беременной.

По мнению С.В. Бородина, такое преступление следует квалифицировать как оконченное убийство заведомо беременной женщины¹³⁸⁶. Но есть и другие мнения по этому вопросу. Так, Т.В. Кондрашова считает, что убийство женщины, которую виновный ошибочно считал беременной, «следует квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ, толкуя фактическую ошибку в признаках потерпевшей в пользу виновного»¹³⁸⁷.

¹³⁸⁶ Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 136.

¹³⁸⁷ Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 75.

Такого же мнения придерживается и Л.А. Андреева¹³⁸⁸.

Обе приведенные точки зрения представляются сомнительными.

Думается, что подобное преступление должно квалифицироваться как *покушение* на убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. Такая оценка деяния учитывает, с одной стороны, направленность умысла на убийство при отягчающем обстоятельстве, а с другой стороны, то, что фактически не пострадал *специфический* непосредственный объект преступления (жизнь именно беременной женщины).

При квалификации преступлений, совершенных с ошибочным предположением о наличии квалифицирующих обстоятельств, которые фактически отсутствуют, допускается юридическая фикция: фактически оконченное преступление квалифицируется как покушение. Эта фикция оправдана тем, что хотя общественно опасное последствие и наступило, но все же в реальной действительности оно не сопровождалось тем квалифицирующим обстоятельством, которое охватывалось сознанием виновного и которое в соответствии с направленностью умысла обосновывает усиление ответственности.

Вторая разновидность ошибки относительно обстоятельств, отягчающих ответственность, связана с тем, что лицо исходит из ошибочного предположения, будто деяние совершается без обстоятельства, повышающего общественную опасность, иначе говоря, такое обстоятельство существует фактически, но не охватывается сознанием виновного. Поскольку в подобных случаях для вменения квалифицированного вида преступления нет субъективных оснований, деяние должно оцениваться как совершенное без отягчающих обстоятельств.

Так, по делу С., осужденного за изнасилование несовершеннолетней, Пленум Верховного Суда СССР признал такую квалификацию преступления неправильной и указал: «В соответствии с ч. 3 ст. 117 УССР для признания установленным этого квалифицирующего признака преступления необходимо, чтобы виновный знал или допускал, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо мог и должен был это предвидеть. Из дела видно, что С. было известно, что А. была замужем и недавно прервала беременность. Это обстоятельство подтверждается показаниями потерпевшей на предварительном следствии и в суде. Из дела усматривается также, что внешний

¹³⁸⁸ Андреева Л.И. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах. СПб., 1998. С. 15.

вид потерпевшей, ее поведение и другие обстоятельства не свидетельствуют о ее несовершеннолетии»¹³⁸⁹.

Как уже отмечалось, Пленум Верховного Суда РФ в соответствии с действующим уголовным законодательством обязательным условием квалификации изнасилования как совершенного в отношении заведомо несовершеннолетней (или малолетней) считает достоверное знание виновным того обстоятельства, что потерпевшая не достигла возраста 18 либо 14 лет (п. 14 постановления от 25 июня 2004 г.).

Фактическую ошибку следует отличать от случаев так называемого отклонения действия, когда по причинам, не зависящим от воли виновного, вред причиняется другому лицу, а не тому, на кого направлено посягательство.

А., намереваясь лишить жизни Б., стреляет в него из пистолета, но, промахнувшись, попадает в проходящего мимо В. и убивает его. Выстрел, направленный в Б., является покушением на убийство независимо от того, попала ли пуля в В. или в стоящее неподалеку дерево. Но, кроме того, А. совершает еще одно преступление — причинение В. смерти по неосторожности, если он должен был и мог предвидеть возможность его гибели от выстрела. Поэтому случаи отклонения действия образуют совокупность двух преступлений: покушения на преступление, охватываемое умыслом виновного, и неосторожного причинения вреда другому лицу, если, конечно, этот вред охватывается неосторожной виной.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968.
2. Ворошилин Е.В., Кригер Г.А. Субъективная сторона преступления. М., 1987.
3. Горбуза А., Сухарев Е. О вменении при умышленной вине обстоятельств, допущенных по неосторожности // Советская юстиция. 1982. № 18.
4. Дагель П.С. О косвенном умысле при предварительной преступной деятельности // Вопросы государства и права. Л., 1964.

5. Дагель П.С. Классификация мотивов и ее криминологическое значение // Некоторые вопросы социологии права: (Материалы научно-теоретической конференции «Конкретно-социологические исследования правовых отношений») / Под ред. Л.А.Петрова. Иркутск, 1967.

6. Дагель П.С. Вина и состав преступления // Материалы III Дальневосточной межвузовской зональной конференции. Владивосток, 1968.

7. Дагель П.С., Михеев Р.И. Установление субъективной стороны преступления. Владивосток, 1972.

8. Дагель П.С. Обстоятельства, исключаящие виновность субъекта и влияющие на форму вины // Советская юстиция. 1973. № 3.

9. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.

10. Дагель П.С. Неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977.

11. Демидов Ю.А. Сознание общественной опасности деяния как признак умышленного преступления // Труды ВЮЗИ. Т. 8. М., 1965.

12. Иванов Н.Г. Умысел в уголовном праве РФ // Российская юстиция. 1995. № 12.

13. Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъективная сторона преступления. Ростов-на-Дону, 1999.

14. Камхадзе К. Учет неосторожной вины в судебной практике // Советская юстиция. 1984. № 5.

15. Квашиш В.Е. Преступная неосторожность: социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток, 1986.

16. Кириченко В. Смешанные формы вины // Советская юстиция. 1966. № 19.

17. Котов Д.П. Мотивы преступлений и их доказывание. Воронеж, 1975.

18. Кригер Г. Еще раз о смешанной форме вины // Советская юстиция. 1967. № 3.

19. Куринов Б.А. Квалификация транспортных преступлений. М., 1965.

20. Лекшас И. Вина как субъективная сторона преступления. М., 1958.

¹³⁸⁹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. 1971–1979. М., 1981. С. 504.

21. Лунеев В.В. Предпосылки объективного вменения и принцип виновной ответственности // Государство и право. 1992. № 9.
22. Лунеев В.В. Субъективное вменение. М., 2000.
23. Макашвили В.Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957.
24. Макашвили В.Г. О разграничении эвентуального умысла и самонадеянности // Правоведение. 1965. № 2.
25. Макашвили В.Г. Волевой и интеллектуальный момент умысла // Советское государство и право. 1966. № 7.
26. Малков В.П. Субъективные основания уголовной ответственности // Государство и право. 1995. № 1.
27. Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве. Орел, 1996.
28. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002.
29. Никифоров А.С. Основные вопросы уголовной ответственности за преступления, совершенные по небрежности
30. Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству // Советское государство и право. 1965.
31. Нуртаев Р.Т. Борьба с неосторожными видами преступлений. Алма-Ата, 1990.
32. Питецкий В. Сужение понятия косвенного умысла влечет ужесточение репрессии // Российская юстиция. 1998.
33. Плотников А.И. Объективное и субъективное в уголовном праве: оценка преступления по юридическим признакам. Оренбург, 1997.
34. Рарог А.И. Общая теория вины. М., 1980.
35. Рарог А.И. Проблемы субъективной стороны преступления. М., 1991.
36. Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений. М., 2001.
37. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003.
38. Селезнев М. Умысел как форма вины // Российская юстиция. 1997. № 3.
39. Ситковская О.Д. Аффект: криминально-психологическое исследование. М., 2001.
40. Складов С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004.
41. Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1977.
42. Тяжкова И.М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002.
43. Угрехелидзе М.Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси, 1976.
44. Фельдштейн Г.С. Природа умысла. М., 1898.
45. Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970.
46. Хорнабуджели Б. Психологическая сторона вины. Тбилиси, 1981.
47. Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988.
48. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 1998.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I ПОНЯТИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие и значение состава преступления	3
§ 2. Состав преступления и диспозиция нормы	15
§ 3. Виды составов преступлений	26
§ 4. Уяснение содержания состава	42
§ 5. Признаки состава преступления.....	53

ГЛАВА II ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Общее определение объекта преступления	87
§ 2. Понятие непосредственного объекта преступления	103
§ 3. Конкретизация непосредственного объекта преступления	122
§ 4. Классификация и система объектов преступления	141
§ 5. Причинение вреда объекту преступления	157
§ 6. Предмет преступления	190

ГЛАВА III ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие и признаки объективной стороны преступления	237
§ 2. Преступное деяние	246
§ 3. Преступные последствия.....	287
§ 4. Причинная связь	308
§ 5. Факультативные признаки объективной стороны преступления.....	394

ГЛАВА IV СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие субъекта преступления.....	503
§ 2. Возраст как признак субъекта преступления.....	519
§ 3. Вменяемость как признак субъекта преступления и понятие невменяемости.....	532

§ 4. Возрастная невменяемость.....	564
§ 5. Ограниченная вменяемость.....	575
§ 6. Уголовная ответственность за совершение преступления в состоянии опьянения	590
§ 7. Специальный субъект	605
§ 8. Субъект преступления и личность преступника	616

ГЛАВА V СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Понятие субъективной стороны преступления	629
§ 2. Вина и ее формы	642
§ 3. Умысел и его виды	660
§ 4. Неосторожность и ее виды	718
§ 5. Двойная форма вины.....	727
§ 6. Невинное причинение вреда	730
§ 7. Мотив и цель преступления	746
§ 8. Субъективная ошибка	770

Глава I

Кудрявцев Владимир Николаевич

академик, заслуженный деятель науки, советник Российской Академии наук, профессор Московской государственной юридической академии

В 1949 г. окончил Военно-юридическую академию.

В 1952 г. там же защитил кандидатскую диссертацию на тему "Причинная связь в уголовном праве".

В 1960 г. во Всесоюзном институте юридических наук защитил докторскую диссертацию на тему "Теоретические основы квалификации преступлений".

Долгие годы работал директором Института государства и права Академии наук ССР, членом-корреспондентом, а затем вице-президентом Академии наук СССР.

Им опубликовано около 500 научных и научно-методических работ. Соавтор множества учебников по криминологии и уголовному праву.

Основные опубликованные работы: Объективная сторона преступления. Монография. М., 1960; Причинность в криминологии. Монография. М., 1968; Личность преступника. Монография. М., 1971 (в соавторстве); Общая теория квалификации преступлений. Монография. М., 1972; Причины правонарушений. Монография. М., 1976; Право и поведение. Монография. М., 1978; Правовое поведение: норма и патология. Монография. М., 1982; Закон, поступок, ответственность. Монография. М., 1986; Какое государство мы строим. Монография. М., 1991; Социальные деформации. Монография. М., 1992; Политическая юстиция в СССР. Монография. СПб., 2001 (в соавторстве).

Коржанский Николай Иосифович

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Юридической академии МВД Украины

В 1961 году окончил Свердловский юридический институт.

Там же в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Уголовная ответственность за приобретение и сбыт имущества, добытого преступным путем".

В 1981 году во Всесоюзном научно-исследовательском институте МВД СССР защитил докторскую диссертацию на тему: "Объект и предмет уголовно-правовой охраны".

Автор многих научных работ и публикаций по проблемам теории уголовного права, квалификации преступлений, а также учебно-методических пособий, среди которых 37 монографий, 5 комментариев к Уголовному кодексу Украины, 4 учебников, 21 учебного пособия.

Основные работы: Объект посягательства и квалификация преступлений: Учебное пособие. Волгоград, 1976; Предмет преступления: Учебное пособие. Волгоград, 1976; Объект и предмет уголовно-правовой охраны. Монография. М., 1980; Кваліфікація злочинів. Монографія. Київ, 1998; Проблеми кримінального права. Монографія. Дніпропетровськ, 2003; Презумпція невинуватості і презумпція вини. Монографія. Київ, 2004.

Глава III

Малинин Василий Борисович

доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ

В 1981 г. окончил Ленинградский государственный университет.

В 1984г. там же защитил кандидатскую диссертацию по теме "Основания и пределы уголовной ответственности за бездействие", а в 2000г. в Санкт-Петербургском университете МВД Рос-

сии – докторскую диссертацию по теме "Причинная связь в уголовном праве".

Автор 160 научных и учебно-методических работ, соавтор 5 учебников.

Основные работы: Философские, исторические и теоретические основы причинной связи в уголовном праве. Монография. СПб., 1998; Причинная связь и проблемы Общей части уголовного права. Монография. СПб., 1999; Проблемы установления причинной связи в судебно-следственной практике. Монография. СПб., 1999; Причинная связь в уголовном праве. Монография. СПб., 2000; Наркотики: преступность и преступления. Монография. СПб., 2002 (в соавторстве); Уголовно-исполнительное право. Курс лекций. СПб., 2004; Объективная сторона преступления. Монография. СПб., 2004 (в соавторстве).

Глава IV

Павлов Владимир Григорьевич

доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Санкт-Петербургского университета МВД России

Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета в 1975 году.

В 1986 году там же защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Криминологические и уголовно-правовые аспекты борьбы со злостным уклонением от общественно полезного труда".

В 2000 году защитил в Санкт-Петербургском университете МВД России докторскую диссертацию на тему: "Субъект преступления: история, теория и практика".

Автор более 100 научных и учебно-методических работ по уголовному праву и криминологии.

Основные работы: Субъект преступления в зарубежном уголовном праве. Монография. СПб., 1996; Субъект преступления в уголовном праве (историко-правовое исследование). Монография. СПб., 1999; Субъект преступления и уголовная ответственность. Монография. СПб., 2000; Субъект преступления. Монография. СПб., 2001; Проблемы специального субъекта преступления в уголовном праве. Монография. СПб., 2005

Глава V

Рарог Алексей Иванович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Московской государственной юридической академии

В 1959 году окончил юридический факультет Московского государственного университета.

В 1967 году во Всесоюзном юридическом заочном институте защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Принципы уголовного права ФРГ".

В 1988 году защитил в Московской государственной юридической академии докторскую диссертацию на тему: "Теория вины в советском уголовном праве (общие и специальные вопросы)"

Является членом Экспертного совета Комитета по гражданскому, уголовному, процессуальному и арбитражному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Автор 250 научных и учебно-методических работ, соавтор 20 учебников по уголовному праву и 8 комментариев к Уголовному кодексу.

Основные работы: Общая теория вины. Монография. М., 1980; Вина в советском уголовном праве. Монография. Саратов, 1988; Проблемы субъективной стороны преступления. Монография. М., 1991; Вина и квалификация преступлений. Монография. М., 2001; Квалификация преступлений по субъективным признакам. Монография. СПб., 2003.

Предлагаем Вам следующие работы.

1. Объявляется подписка на "Энциклопедию уголовного права" в 35-ти томах.

Каждый том объемом от 500 до 900 страниц. Издаваться будет с 2005 года в течение 3-х лет.

Двенадцать томов посвящено проблемам Общей части, двадцать – Особенной части (по разделам УК), один том – уголовному праву зарубежных стран, один – квалификации преступлений и один – современным проблемам и изменениям в уголовном законодательстве.

В написании курса принимают участие ведущие ученые России: академик В.Н. Кудрявцев, профессора Б.В. Волженкин, А.В. Наумов, С.Ф. Милюков, Э.Ф. Побегайло, А.И. Рарог и многие другие. Каждый том готовит 4 - 5 ведущих ученых.

Стоимость подписки от издателя 300 рублей за том (380 рублей с НДС и пересылкой) - 13300 рублей за все 35 томов при единовременной оплате.

Пересылка будет производиться после выхода каждого тома.

2. **Малинин В.Б. Уголовно-исполнительное право. Курс лекций.**

Изд. Санкт-Петербургского юридического ин-та. СПб., 2004г. Твердый переплет. 17 п.л. Цена 180 рублей с НДС и пересылкой.

Издание учебников и курсов лекций – одно из необходимых условий, обеспечивающих подготовку юристов высокой квалификации. Определенную роль в этом играет и подготовленный автором курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Издание его является своевременным и актуальным.

Подавляющее большинство источников в этой отрасли потеряло свою актуальность, практическую значимость и устарело. Большие изменения произошли в уголовно-исполнительном законодательстве, в том числе и в последнее время. Так, 8 декабря 2003г. Федеральным законом внесены изменения и дополнения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Это

обстоятельство резко повышает значение лекций в преподавании уголовно-исполнительного права.

Автор обладает большим опытом в преподавании данной дисциплины. Он вел её в Санкт-Петербургском государственном университете, Санкт-Петербургском юридическом институте, Санкт-Петербургском университете МВД России, в Санкт-Петербургском юридическом институте Генеральной прокуратуры РФ.

На основе нового законодательства в курсе лекций раскрываются основные положения теории уголовно-исполнительного права: его понятие, предмет и методы, принципы, место в системе права. Вопросы правового положения осуждённых освещаются с учётом положений Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов о правах человека, исполнении уголовных наказаний и обращении с заключёнными. Рассматривается система учреждений и органов, исполняющих наказания. Дается развёрнутый анализ правовой регламентации исполнения отдельных видов наказаний, оснований и порядка освобождения от наказания, помощи и контроля за поведением лиц, отбывших наказание, и условно осуждённых. Для удобства обучающихся структура и содержание курса лекций в основном соответствуют Уголовно-исполнительному кодексу.

Курс лекций может быть базовым для преподавания дисциплины «Уголовно-исполнительное право» и необходим каждому студенту.

3. **Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления.** Изд. Санкт-Петербургского юридического ин-та. СПб., 2004г. Твердый переплет. 17 п.л. Цена 180 рублей с НДС и пересылкой.

Настоящая монография посвящена теоретическому анализу одного из основных элементов состава преступления – объективной стороне.

Научные исследования, проведенные за последние годы, дали возможность поставить и разрешить ряд проблем в этой области. Вместе с тем, комплексного исследования объективной стороны преступления давно не проводилось. За все время существования российского (советского) уголовного права вышло всего 3 монографические работы, посвященные этой проблеме: В.Н. Кудрявцева 1960 г., Г.В. Тимейко 1977 г., М.И. Ковалева 1991 г. Ясно, что они уже устарели. Произошли значительные

изменения в уголовном законодательстве, появились новые разработки отдельных элементов объективной стороны преступления, что обуславливает актуальность настоящей работы. Кроме того, в указанных монографиях не рассматривались факультативные, но вместе с тем такие важные признаки объективной стороны преступления, как место, время, способ, средства, орудия и обстановка совершения преступления. Кроме них в настоящей работе рассматриваются основные признаки объективной стороны: деяние (действие и бездействие), последствия и причинная связь.

В работе использовано новое уголовное законодательство и судебно-следственная практика (Верховного Суда РФ, Санкт-Петербургского городского суда, других судов).

Книга рассчитана на научных и практических работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

Заказы присылайте по адресу:

199106 Санкт-Петербург, ул. Весельная, д.4-38

Тел.: (812) 322-35-12, факс: (812) 713-49-05

E-mail: Malinin@mail.infostar.ru

В заказе укажите: наименование организации, точный адрес, кол-во экземпляров, после чего будет выслан счет, а после его оплаты - книги и необходимые для вас документы (товарная накладная, счет-фактура).

**Санкт-Петербургская
городская
коллегия адвокатов**

**Адвокатская консультация № 62
«АБМ»**

Защита по уголовным делам.

Ведение гражданских дел

(жилищных, наследственных и др.).

ДТП. Арбитраж.

Консультации.

Все другие виды юридических услуг.

**Московский пр., д. 2/6.
Тел./факс: 8-(812)-713-49-05**